

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

ОТКРОВЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ

Нацистская верхушка
о войне
«третьего рейха»
против СССР

СЕКРЕТНЫЕ РЕЧИ

ДНЕВНИКИ

ВОСПОМИНАНИЯ

**АДОЛЬФ ГИТЛЕР
ИОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП
АЛЬФРЕД РОЗЕНБЕРГ
ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС
ГЕНРИХ ГИММЛЕР
МАРТИН БОРМАН
ВИЛЬГЕЛЬМ КЕЙТЕЛЬ
АЛЬФРЕД ЙОДЛЬ
ГАНС ГАЛЬДЕР
ФРИДРИХ ПАУЛЮС
ФЕДОР ФОН БОК
ЭРИХ ФОН МАНШТЕЙН
ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ
КАРЛ ДЁНИЦ**

Предисловие

Выход в свет этой книги стал возможным в результате первых (и еще далеко не необратимых) успехов в демократизации нашей жизни, благодаря гласности, свободе печати, отмене цензуры и постепенному (но еще не завершеному) отказу от коммунистических догм и прежних идеологических «табу», а также начавшемуся формированию нового исторического сознания российского общества взамен пока не преодоленной до конца сталинской и сталинистской фальсификации мировой и отечественной истории.

«Авторами» этого сборника, отнюдь не по своей воле, являются такие сверхдиозные фигуры высшего политического и военного руководства «третьего рейха», как Гитлер, Риббентроп, Розенберг, Гиммлер, Борман, Кейтель, Дёниц, Йодль, Гальдер и их фельдмаршалы, а также другие, рангом ниже. Еще не так давно такие материалы, хранившиеся за семью печатями в различных «спецхранах» под грифом «секретно» или «для служебного пользования», оставались недоступными нашему читателю, будучи, однако, широко известны всему остальному миру. Эти свидетельства и признания лидеров нацистской Германии, являвшихся «творцами», активными участниками или очевидцами крупнейших, эпохальных событий нашего идущего к концу многострадального века, представляют исторический интерес и имеют немалую познавательную ценность как мемуарно-документальные источники. Независимо от того, с каким знаком (а в данном случае — с минусом) вошли в историю эти отнюдь не второстепенные персонажи всемирной исторической драмы, они суть субъекты исторического процесса и как таковые имеют право быть выслушанными нами, как и мы — право судить оных по их действительным «заслугам», по законам божеским и человеческим. Само собою разумеется, материалы эти требуют критического к себе отношения и объективного анализа.

Однако заранее оговоримся, что детальная доказательная критика, опровергающая те или иные заведомо ложные послышки и фальсификацию тех или иных фактов, событий и политических явлений,— дело специалистов по военной и отечественной истории, а также ученых-германистов.

Предназначенная для широкого круга читателей, книга такой присущей научному исследованию задачи перед собой не ставит*.

Откровения и признания, свидетельства и констатации нацистских лидеров и их высшего генералитета (ряд этих документальных материалов на русском языке публикуется впервые) дают возможность взглянуть на Великую Отечественную войну и вторую мировую войну в целом с другой, вражеской стороны, увидеть эти события глазами нашего злейшего военного и политического противника, получить, так сказать, из первых рук (вернее — уст) весьма яркое представление об образе мыслей и действий нацистской политической и военной верхушки, о ее черных замыслах и преступлениях против мира и человечности, против народов нашей страны. Это позволяет еще глубже осознать, от какого кошмара поистине вселенского масштаба был спасен род людской в результате разгрома германского фашизма.

Материалы сборника (записи бесед, дневники, письма, воспоминания, публичные речи и секретные выступления) раскрывают нам весьма тщательно скрывавшуюся от внешнего мира политическую, военную, дипломатическую, идеологическую и пропагандистскую «кухню» подготовки и осуществления заблаговременно задуманной (и вовсе не неожиданной для Сталина, ибо он получил о ней 76 предупреждений из различных источников, в том числе от «Рамзая» — Рихарда Зорге с указанием предварительной — 15 мая и окончательной даты нападения — 22 июня 1941 г.) и педантично, с немецкой основательностью, спланированной агрессии против нашей страны. В них, в этих материалах, освещается и оценивается (разумеется, с неприемлемой для нас нацистской точки зрения) ряд важных событий и явлений международной и германской политической жизни той поры. В частности, в них обнажаются истинные причины, побудительные мотивы и подоплека германо-советской «дружбы» 1939—1941 гг. (которую Сталин после совместного разгрома Польши назвал «скрепленной кровью») и ее циничное, целенаправленное использование Гитлером при вольном или невольном «поддырывании» советского вождя захватническим интересам фашистской Германии.

Вместе с тем публикуемые материалы позволяют еще нагляднее уяснить, какого грозного врага удалось повергнуть и разгромить народам тогдашнего Советского Союза вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции. Вопреки сталинскому пропагандистскому мифу (порой все еще проскальзывающему не только в публицистике, художественной литературе, театре и кино, но и в научных исследованиях) об умственной неполноценности и физической убогодности нацистских главарей (при всей их несомненной чудовищной аморальности и античеловечности),

* Подспорьем в этом отношении интересующемуся читателю может послужить, в частности, двухтомник В. И. Дашичева «Банкротство германского империализма» (М., 1973), в котором собраны, систематизированы и научно прокомментированы важнейшие военно-политические и оперативно-стратегические документы (директивы, приказы, докладные записки и т. п.) высшего командования вермахта. Этой цели могут служить и вышедшие тома 8-томного сборника «Нюрнбергский процесс». Значительный интерес в данной связи представляет книга Л. Безыменского «Разгаданные загадки третьего рейха» (М., 1982).

враг отнюдь не был примитивен и однозначен. Он был не только могуч и опытен в военном отношении, но и коварен, хитер, изворотлив, достаточно умен и весьма изощрен, особенно в дезинформации, клевете и всевозможных провокациях. Недаром народный герой Великой Отечественной маршал Жуков высказал резонную и еще не всеми до конца осознанную мысль: не перед дураками же мы отступали до самой Волги! Бесспорно одно: любое оглушение и карикатурное изображение врага объективно оборачивается принижением и умалением великого подвига народов тогдашнего Советского Союза (и прежде всего русского), спасших человечество от фашистского порабощения и физического уничтожения. Чем сильнее враг, тем почетнее победа! Как сказал поэт: «Да, враг был храбр. Тем больше наша слава!»

Одержанная 50 лет назад великая победа была дорого оплачена нашим народом, и он поистине за ценой не постоит! Даже по официальным (тенденциозно преуменьшенным) данным, она стоила нам 27 миллионов погибших. А это значит, что за одну немецкую жизнь (общие потери Германии во второй мировой войне оцениваются примерно в 9 миллионов человек) Сталин принес в жертву минимум три жизни наших соотечественников. Однако по данным последних исследований, из 160 миллионов человек, проживавших на территории СССР до начала Великой Отечественной войны, в ходе непосредственных боевых действий, а также в результате голода, холода и эпидемий погибло от 32 до 40 миллионов человек.

Чудовищно, но, как установил известный историк и видный общественный деятель генерал-полковник Д. А. Волкогонов на основании сверхсекретного документа из Архива Президента Российской Федерации, Сталин в первые же дни Великой Отечественной войны, «с началом катастрофических неудач на фронте (по его вине)... поручил Берии связаться с агентом НКВД болгарским послом Стаменовым. Было решено установить контакт с Берлином и предложить «уступить Германии Украину, Белоруссию, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию, Буковину за прекращение военных действий». Ценой этих уступок и порабощения десятков миллионов людей Сталин хотел выпросить у Гитлера мир»*.

Вот почему нельзя не прислушаться к утверждению некоторых наших авторитетных историков и публицистов, что победа в Великой Отечественной войне была достигнута не столько благодаря Сталину, сколько несмотря на него, вопреки его тяжким ошибкам и преступлениям, так дорого обошедшимся нашему народу. Историческая трагедия нашего народа — в том, что, сражаясь за свою жизнь и свободу, за независимость своей Родины, он объективно (желая того или нет, сознавая это или нет) защитил и спас сталинскую тоталитарную систему и, будучи воспитан многолетней отупляющей большевистской пропагандой, подкрепленной гугаговским террором, в духе беспредельного культа Сталина и полумистической, слепой веры в непогрешимость и мудрость «вождя» (по-не-

* *Дмитрий Волкогонов. Ленин. Политический портрет. Кн. 2. М., 1994. С. 109—110.*

мецки — «фюрера»), фактически преподнес и приписал свою победу «величайшему полководцу всех времен и народов». (Кстати, на тот же титул претендовал и его «друг-антагонист» Гитлер в пору своих успехов!) Гитлер и тот истребил куда меньше своих противников, чем Сталин — собственных соотечественников, как на фронте, так и в расстрельных камерах и концлагерях, в том числе и свято веривших ему коммунистов.

Своим потаенным сговором с Гитлером в 1939 г., и полагаясь на него, Сталин преступно оставил нашу страну не подготовленной к отражению совершенно явно угрожавшей ей фашистской агрессии. Его грубые политические просчеты, его унижительное заискивание и даже пресмыкательство перед Гитлером (чего стоит, к примеру, его поздравительная телеграмма «фюреру» по случаю взятия Парижа!) усугубили это положение. Своим заведомо ложным, раболепным заявлением ТАСС от 14 июня 1941 г. о якобы отсутствии у фашистской Германии намерения напасть на СССР и строгом соблюдении ею пакта о ненападении (Гитлер этого сообщения начисто «не заметил» и даже не счел нужным как-то официально отреагировать на него) Сталин к тому же дезориентировал свой народ, психологически сбил его с толку, породив иллюзии в самый ответственный момент. Чудовищные ошибки Сталина (как стратегического, так и оперативного масштаба) привели к грандиозным катастрофам и жертвам, когда Красная Армия в первые месяцы войны, сдав врагу огромные территории, потеряла миллионы убитых и целое войско военнопленных, когда затем гитлеровцы подошли к стенам Москвы и уже нацеливали на Кремль свои дальнобойные орудия, зажали в смертельные клещи блокады Ленинград, дошли до Волги и Кавказа и судьба нашей страны висела на волоске.

Из материалов сборника буквально выпирает идейно-политическое генетическое родство сталинизма с гитлеровским нацизмом, с его тоталитарной системой и звериным расизмом. И это закономерно, ибо в основе и гитлеризма, и сталинизма (при всем их формальном и социально-классовом различии), как явствует и из приводимых в сборнике материалов, лежат насилие, произвол, тирания, культ авторитарной, самовластной личности (в нацистском варианте — «принцип фюрерства») и глумление над человеческим достоинством, презрение и вражда к демократии.

Читатель убедится (сколь ни парадоксально это на первый взгляд!), что Гитлер испытывал к Сталину (взаимно, пока последний, оказавшись «вероломно» обманутым своим «заклятым другом», не сменил дружелюбие на жгучую кавказскую ненависть) несомненную симпатию. «Фюрер» с оттенком восхищения сравнивал Сталина с хищным тигром, отдавал ему должное как беспощадному тирану, разделял и одобрял его террористические методы господства. «К Сталину, — поучал Гитлер в одной из своих «застольных бесед» в ставке «Волчье логово» 24 июля 1942 г., — надо испытывать безусловное уважение. Он в своем роде — гениальный малый! Свои прообразы — Чингисхана и прочих он знает хорошо». А Сталин еще за много лет до того, узнав об учиненной Гитлером 30 июня 1934 г. «Ночи длинных ножей» (кровавой расправе со ставшими оппозиционными сообщниками-штурмовиками во главе с Эрнстом Рёмом),

с нескрываемой завистью воскликнул: «Какой молодец! Вот как надо расправляться со своими политическими противниками!» — и не замедлил воспользоваться этим поучительным примером: 1 декабря 1934 г. был убит Киров и началась первая волна сталинских массовых репрессий, достигнувших своей кульминации в 1937—1938 гг. Гитлер же, прощаясь с Молотовым в Имперской канцелярии в ноябре 1940 г., сказал: он считает Сталина, как и самого себя, выдающейся исторической личностью и потому хотел бы «на равных» войти вместе с ним в мировую историю. Что ж, в этом он вполне преуспел: оба злодея стояли друг друга! Неизвестны или малоизвестны широкому читателю и некоторые относящиеся к предыстории Великой Отечественной и всей второй мировой войны новые материалы (в том числе воспоминания Риббентропа) о германо-советских отношениях 1939—1941 гг. (о германо-советском пакте о ненападении от 23 августа 1939 г. и, особенно, о приложенном к нему — по инициативе и настоянию советской стороны! — секретном дополнительном протоколе относительно раздела «сфер влияния», а также о договоре от 28 сентября того же года о дружбе (!) с нацистской Германией). Они показывают преступный сговор Сталина с Гитлером, прямую ответственность «отца народов» за совместное с фашистским главарем развязывание второй мировой войны и грубейшее попрание международного права.

При этом Сталин, как свидетельствует Никита Хрущев, в своих воспоминаниях, «в тот день [23 августа 1939 г.] правильно оценивал значение этого договора и понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, перехитрить. Он считал, что мы его перехитрили, подписав договор. По вопросу о Польше Сталин сказал, что Гитлер нападет на Польшу и сделает ее своим протекторатом. Восточная территория Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы — члены Политбюро были за это, хотя чувство было смешанное... Ведь мы вроде (! — Г. Р.) отдали Польшу на растерзание гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Сталин это понимал. Он говорил: «Тут, знаете, идет игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет»*. История показала, что обманутым обманщиком в этой преступной и авантюристической игре коричневого и красного диктаторов судьбами народов и государств объективно оказался как раз Сталин**: он облегчил Гитлеру нападение на нашу страну и поставил ее на край гибели.

Вот, в частности, почему Сталин всячески старался скрыть от мировой общественности, и прежде всего от собственного народа, существование юридически неправомерного, политически безнравственного и позорного для СССР империалистического секретного дополнительного протокола к пакту. Партийно-государственное руководство бывшей КПСС и бывшего СССР по вполне понятным причинам долго и упорно отказывалось признать и отрицало его несомненное для всего мира существование под тем надуманным предлогом, будто отсутствует его оригинал (хотя име-

* Цит. по: Накануне. 1931—1939. М., 1991. С. 238, 239.

** См. нашу публикацию: Гитлер и Сталин: кто же кого «перехитрил» и «обманул»? — Огонек. 1994. № 6—7.

лись вполне аутентичные копии). В октябре 1992 г. этот злополучный оригинал наконец-то «нашелся»! Причем именно там, где его, очевидно, и следовало искать с самого начала — в архиве бывшего Политбюро ЦК КПСС, а ныне — Президентском архиве в Кремле.

Как же попал туда этот столь долго и безуспешно «разыскивавшийся» документ? Ответ содержится в воспоминаниях такого компетентного свидетеля, как Павел Судоплатов — бывший начальник Управления зарубежной разведки и специальных операций (читай: диверсий и политических убийств) НКВД — МГБ СССР — советский вариант Вальтера Шелленберга из гиммлеровского Главного управления имперской безопасности (РСХА). Вот что он пишет.

В октябре 1952 г., когда Молотов впал в немилость у своего патологически подозрительного патрона, от него «потребовали вернуть в секретариат Сталина оригиналы документов по пакту Молотова — Риббентропа. С того времени и до тех пор, когда в 1992 г. их опубликовали, они хранились в секретных архивах. Я не исключаю того, что Сталин собирался предъявить Молотову обвинение в прогерманских симпатиях или заискивании перед Гитлером во времена этих тайных договоров»*. Но по справедливости (как увидит читатель из публикуемых в сборнике материалов), Сталин должен был бы предъявить это обвинение прежде всего самому себе, а уже потом — своему верному сатрапу и сервильному исполнителю его самодержавной воли. Ведь именно он заверил Риббентропа: «Я никогда не допущу ослабления Германии» — и в интимной обстановке дружеского ужина (или раннего завтрака) в кремлевском кабинете после подписания пакта и секретного протокола произнес многозначительный тост за Гитлера: «Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера, и хочу выпить за его здоровье!»

Кстати, когда после 22 июня 1941 г. члены Политбюро, по утверждению зарубежного политолога Авторханова, попытались «напоминать Сталину о его личной ответственности в случае катастрофы, Сталин перешел в наступление и обвинил Молотова в предательстве», выразившемся в подписании пакта с Риббентропом. По свидетельству интервьюера Болотова Феликса Чуева в публикации «Окружение Сталина», тот с возмущением заявил на сей счет: «Ну, знаете, абсурд! Сталин же там был. Все это было по его инициативе»**. Правда, возмущился Молотов лишь спустя пару десятилетий после смерти «хозяина». Примечательно, что ему же принадлежат и слова: «Гитлер не был дураком, очень способный человек!..» Но советская пропаганда, руководимая тем же Молотовым, сделала все для того, чтобы изобразить фюрера (несомненно страдавшего психическим, но отнюдь не умственным расстройством) полным кретинином и бесноватым дебилом с чаплинскими усиками и нелепой челкой на лбу. Непонятно только, как же это тупой ефрейтор чуть было не победил хваленого генералиссимуса, которого на деле спас тиранизируемый им народ!

Узнает читатель и о том, как Гитлер, отнюдь не безуспешно, старался

* Огонек. 1994. № 19—20.

** Сб. «Мужество». М., 1991. С. 99.

вовлечь Сталина в агрессивный империалистический блок Трех держав (Германии, Италии и Японии), а также и о том, что в конце 1940 г. — первой половине 1941 г. Сталин дал свое принципиальное согласие на вступление в этот Тройственный союз. И если бы не чрезмерность, с точки зрения Гитлера, территориальных притязаний Сталина да не крайняя подозрительность и упрямство «фюрера», который не захотел пойти на некоторые уступки и к тому же стремился направить советскую экспансию подальше от Европы, подтолкнуть Сталина к Персидскому заливу, на Юг, к Индийскому океану, не исключено (как ни дико это представить себе сейчас!), что Советский Союз по непрекаемой воле своего коммунистического самодержца вполне мог бы оказаться во второй мировой войне на стороне блока фашистских агрессоров.

Читателю станут еще более выпукло видны грубые ошибки и просчеты Сталина, последствием которых явилось почти катастрофическое поражение Красной Армии не только на первом этапе войны, но и летом 1942 г. (вспомним драконовский сталинский приказ № 227!), ее отнюдь не «планомерная стратегическая оборона» и «стратегическое отступление», как это и сегодня апологетически бубнят некоторые военные историки сталинистского толка. Но уже давно настала пора называть вещи своими именами и не выдавать сталинские поражения за успехи сталинской стратегии. От этого величие нашей победы не только не убудет, но и многократно возрастет!

Давно пришло и время дать нынешнему политически прозревшему и научившемуся в значительной мере мыслить самостоятельно, а не по шпаргалкам тенденциозной историографии сталинистского характера читателю возможность самому ознакомиться не с произвольно вырванными из контекста и соответственно препарированными цитатками, а с подлинными и достаточно полными высказываниями и суждениями наших врагов, чтобы получить более многогранное, а потому и более объективное представление о закончившейся 50 лет назад Великой войне. (Это уже начинает делаться, в частности в публикациях о Гитлере и Геббельсе.) Разумеется, в пределах данного сборника о всей нацистской верхушке это можно сделать только в ограниченном объеме, поневоле фрагментарно и выборочно, взяв лишь самое важное и существенное.

Думается, нет надобности назойливо напоминать очевидную истину, что «авторами» этой книги являются отпетые негодяи и закоренелые военные преступники, а также исполнители их криминальных замыслов. «Опустить» их разящие отвратительным расизмом и антисемитизмом «перль» значило бы, нарушив историческую правду, неволью «обелить» их, выдать индульгенцию и им, и их нынешним последышам, как бы те ни именовались.

Поскольку в этой книге нацистские лидеры и их послушные генералы (разумеется, не помышляя о том) сами разоблачают себя, совершая своего рода политический стриптиз, она объективно призвана способствовать еще более глубокому осознанию антигуманной, враждебной всем общечеловеческим ценностям, а также международному праву преступной сущности германского фашизма, его идеологии, политики, агрессивных целей и разбойничьих повадок. При должном критическом отношении

материалы книги расширяют конкретные представления и знания читателя о событиях, которые во многом определили дальнейший ход всемирной истории, сделают их более объемными и персонифицированными. Вместе с тем книга должна дать не только мыслящему понятиями демократии, гуманизма и антифашизма, но и еще недостаточно осмыслившему прошлое читателю обширную «информацию к размышлению» для самостоятельных, без указующего перста, суждений и выводов.

Собственные свидетельства и откровенные, не предназначенные для огласки признания нацистских главарей и их высшего генералитета о неизгладимом прошлом всего полувековой давности, с его ужасами кровавой войны на истребление целых народов, геноцидом, лагерями смерти, душегубками и гетто, с безмерными страданиями и трагедиями, с невозможными человеческими жертвами, должны послужить суровым предостережением и напоминанием тем слишком «забывчивым», с короткой памятью, или же не искушенным в политике и истории людям, которые становятся сегодня легкой добычей всяких нравственно нечистоплотных демагогов, пытающихся в своих корыстных целях манипулировать общественным сознанием. Но фашизм остается фашизмом под любой личиной и под любым флагом.

Григорий РУДОЙ
Ветеран Великой Отечественной войны,
бывший военный переводчик
разведывательного отдела штаба армии;
член Союза журналистов Москвы

ПРОЛОГ

ИОАХИМ фон РИББЕНТРОП

Имперский министр иностранных дел

АЛЬЯНС И РАЗРЫВ СО СТАЛИНЫМ*

(Из воспоминаний)

Иоахим фон Риббентроп (1893—1946) — один из главных нацистских военных преступников. В годы первой мировой войны — офицер кайзеровской армии. По профессии — виноторговец. В 1932 г. вступил в НСДАП и СС, имел чин штандартенфюрера СС. С 1933 г. — уполномоченный нацистской партии и советник Гитлера по вопросам внешней политики. С 1936 г. — посол в Великобритании, с февраля 1938 по май 1945 г. — имперский министр иностранных дел. Ему принадлежала ведущая роль в сколачивании блока стран-агрессоров, в частности создании «Антикоминтерновского пакта» и пакта Трех держав. В 1943—1945 гг. по заданию фашистских верхов пытался достигнуть сепаратного перемирия с западными державами. Казнен (повешен) по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

МОСКВА

Искать компромисса с Россией было моей сокровенной идеей: я отстаивал ее перед фюрером потому, что, с одной стороны, хотел облегчить проведение германской внешней политики, а с другой — обеспечить для Германии русский нейтралитет на случай германопольского конфликта.

С марта 1939 г. я считал, что в речи Сталина (доклад на XVIII съезде КПСС. — *Сост.*) мною услышано его желание улучшить советско-германские отношения. Он сказал, что Россия не намерена таскать каштаны из огня для капиталистических держав.

Я ознакомил с этой речью фюрера и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов, дабы установить, действительно ли за этой речью скрывается серьезное желание Сталина. Сначала Адольф Гитлер занял выжидательную позицию и колебался. Но когда находившиеся на точке замерзания переговоры о заключении германо-советского торгового договора возобновились, я все-таки предпринял в Москве зондаж насчет того, нет ли возможности преодоления политических разногласий и урегулирования вопросов, существующих между Берлином и Москвой. Переговоры о торговом договоре, которые очень умело вел посланник Шнурре, за сравнительно короткий срок продвинулись вперед.

Взаимные дипломатические беседы становились все более со-

* Заголовок дан составителем.

держательными. В конечном счете я дипломатическим путем подготовил заключение пакта о ненападении между Германией и Россией. В ответ на телеграмму Адольфа Гитлера Сталин (в письме от 21 августа 1939 г. — *Сост.*) пригласил полномочного представителя Германии в Москву.

Там я продолжил нашу политику*

* *Примечание нем. издателя Аннелиз фон Риббентроп.*

В качестве добавления к этому весьма лаконичному изложению моим мужем предстории германо-русского пакта приведу здесь некоторые выдержки из служебных документов министерства иностранных дел. (Цит. по: *Die Beziehungen zwischen Deutschland und Sowjetunion 1939 bis 1941. Aus den Archiven des Auswärtigen Amts und der deutschen Botschaft in Moskau. Herausgegeben von Dr. Alfred Seidl. Tübingen, 1949*). Из них видно, насколько велики были те трудности, которые пришлось преодолевать моему мужу. Так, еще 20 июня 1939 г. Гитлер заявлял, что «в возобновлении политических переговоров с Россией Германия в настоящее время не заинтересована». Важным пунктом переговоров [о пакте] явилась беседа, которую мой муж 2 августа 1939 г. имел с советником советского посольства Астаховым и содержание которой он по телеграфу подробно сообщил германскому послу в Москве:

«Вчера вечером я принял русского поверенного в делах (...). Моей целью было продолжить с ним известные беседы, которые еще раньше велись с Астаховым сотрудниками министерства иностранных дел. Я начал с разговора о переговорах насчет заключения торгового договора, которые в настоящий момент, к нашей радости, успешно развиваются, и охарактеризовал такое торговое соглашение как хороший этап на пути к нормализации германо-русских отношений, если она является желательной. Как известно, тон нашей прессы по отношению к России за последние полгода стал существенно иным. Я считаю, что, если у русской стороны тоже наличествует такое же желание, новое урегулирование наших отношений является возможным при соблюдении двух предпосылок:

а) невмешательство во внутренние дела другого государства (г-н Астахов считает это вполне возможным);

б) отказ от политики, направленной против наших жизненных интересов. На это Астахов окончательного ответа дать не смог, но высказался в том смысле, что его правительство имеет желание вести с Германией политику взаимопонимания.

Я продолжал: наша политика прямолинейна и определена на длительный срок, нам спешить некуда. Наша готовность в отношении Москвы налицо, дело, следовательно, за тем, какой путь желают ее правители. Если Москва займет позицию против нас, мы знали бы, что нам делать и как нам действовать; в противном же случае на всем протяжении от Балтийского моря до Черного не было бы ни одной проблемы, которую нельзя было бы решить между нами. Я сказал, что на Балтийском море места хватит для нас обоих и что русские интересы с нашими здесь никоим образом не сталкиваются. Что касается Польши, то мы за дальнейшим развитием следим внимательно и с ледяным спокойствием. В случае польской провокации мы разделаемся с Польшей в недельный срок. В этой связи я сделал намек, что о судьбе Польши мы можем с Россией договориться. Германо-японские отношения я обрисовал как хорошие и дружественные, они являются прочными. Однако насчет русско-японских отношений у меня свои взгляды (под этим я подразумевал *modus vivendi* между обеими странами на длительный срок).

Весь разговор я провел в непринужденном тоне и в заключение дал поверенному в делах еще раз понять, что мы в большой политике не проводим такую тактику, как демократические державы. Мы привыкли стоять на солидной почве, нам нет нужды обращать внимание на колеблющееся общественное мнение, и мы не желаем никаких сенсаций. Если же такие разговоры, как наш, не будут столь конфиденциальны, как они того требуют, от их продолжения придется отказаться. Мы не поднимаем вокруг этого никакого шума: выбор, как уже сказано, остается за Москвой. Если наши соображения вызывают там интерес, пусть г-н Молотов снова возобновит контакт с графом Шуленбургом.

Сначала я предложил послать в Москву не меня, а другого уполномоченного — тут я подумал о Геринге. Принимая во внимание мою деятельность в качестве посла в Англии, мои японские связи и всю мою внешнюю политику, я рчилал, что для миссии в Москву буду выглядеть деятелем слишком антикоммунистическим. Но фюрер настоял на том, чтобы в Москву отправился именно я, сказав, что это дело «я понимаю лучше других».

При своем отъезде я о якобы уже принятом фюрером решении напасть на Польшу ничего не знал, а также не верил в то, что он уже тогда принял его окончательно. Естественно, ставшие тем временем острыми напряженные отношения с Польшей выдвинулись на первый план и Адольф Гитлер уже в начале августа высказал [итальянскому министру иностранных дел] графу Чиано желание при всех условиях решить проблему Данцига и коридора.

Когда я отправился в Москву, ни о каких военных шагах речь не шла и я придерживался взгляда, что Адольф Гитлер, хотя и желает оказать давление на Польшу, в конечном счете хочет разрешить эту проблему дипломатическим путем. У меня была надежда на то, что после опубликования германо-советского пакта о ненападении Англия в большей мере дистанцируется от Польши и окажется более склонной вступить в переговоры с нами.

. . .

В самолете я прежде всего вместе с [юридическим советником, послом] Гаусом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Москве это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста заранее не подготовили.

Со смешанным чувством ступил я первый раз на московскую землю. Многие годы мы враждебно противостояли Советскому Союзу и вели друг с другом крайне острую мировоззренческую борьбу. Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны. А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью.

Я хорошо осознавал особую ответственность возложенной на меня миссии, тем более что это я сам предложил фюреру предпринять попытку договориться со Сталиным. Возможен ли вообще действительный компромисс взаимных интересов?

Дополнение для графа Шуленбурга.

[^] Я вел разговор, не выказывая никакой спешки. Поверенный в делах, казавшийся заинтересованным, со своей стороны, неоднократно пытался конкретизировать разговор; в ответ на это я дал ему понять, что я не готов ни к какой конкретизации до тех пор, пока нам не будет официально сообщено желание советского правительства к формированию новых отношений. Если Астахов получит инструкции в этом духе, с нашей стороны будет проявлен интерес к скорой конкретизации. Сообщаю вам это исключительно для вашей личной информации. — *Примеч. нем. изд- Аннелиз фон Риббентроп.*

В то же самое время английская и французская военные миссии еще вели в Москве переговоры с Кремлем о предполагаемом военном пакте. Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы договориться с Россией. Вот какие мысли руководили мной, когда наш самолет приближался к Москве.

23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом графом фон дер Шуленбургом и русским послом (в действительности — заместителем наркома иностранных дел СССР. — *Сост.*) Потемкиным. Обойдя строй почетного караула советских военно-воздушных сил, который произвел на нас хорошее впечатление, мы, в сопровождении русского полковника, направились в здание бывшего австрийского посольства, в котором я жил в течение всего своего пребывания в Москве.

Сначала у меня состоялась в германском посольстве беседа с нашим послом Шуленбургом. Туда мне сообщили, что сегодня в 18 часов меня ожидают в Кремле. Кто именно будет вести переговоры со мной — Молотов или сам Сталин, — сообщено не было. Какие странные эти московские нравы! — подумал я про себя. Незадолго до назначенного времени за нами заехал широкоплечий полковник (как я слышал, это был начальник личной охраны Сталина), и вскоре мы уже въезжали в Кремль. По пути Шуленбург обращал мое внимание на некоторые исторические здания. Затем мы остановились у небольшого подъезда, и нас провели вверх по короткой, похожей на башенную лестнице. Когда мы поднялись, один из сотрудников ввел нас в продолговатый кабинет, в конце которого нас стоял ожидал Сталин, рядом с ним стоял Молотов. Шуленбург даже не смог удержать возгласа удивления: хотя он находился в Советском Союзе вот уже несколько лет, со Сталиным он еще не говорил никогда.

После краткого официального приветствия мы вчетвером — Сталин, Молотов, Шуленбург и я — уселись за стол. Кроме нас присутствовал наш переводчик — советник посольства Хильгер, прекрасный знаток русской жизни, и молодой светловолосый русский переводчик Павлов, который явно пользовался особым доверием Сталина.

В начале беседы я высказал желание Германии поставить германо-советские отношения на новую основу и прийти к компромиссу наших интересов во всех областях; мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок. При этом я сослался на речь Сталина весной [1939 г.], в которой он, по нашему мнению, высказал те же мысли. Сталин обратился к Молотову и спросил его, не хочет ли тот для начала ответить. Но Молотов попросил Сталина сделать это самому, так как именно он призван **сделать это. Затем** заговорил Сталин — кратко, точно, без лишних слов. ¹ что он гов ^{орил}, было ясно и недвусмысленно и показы-

вало, как мне казалось, желание компромисса и взаимопонимания с Германией. Сталин использовал характерное выражение: хотя мы многие годы поливали друг друга бочками навозной жижи, это еще не причина для того, чтобы мы не смогли договориться. Свою речь 10 марта 1939 г. он произнес сознательно, чтобы намекнуть нам о своем желании договориться с Германией. Как видно, у нас это поняли правильно. Ответ Сталина был столь позитивен, что после первой принципиальной беседы, в ходе которой мы констатировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении, мы сразу же смогли договориться о материальной стороне разграничения наших обоюдных интересов, особенно по вопросу о германо-польском кризисе. На переговорах царилла благоприятная атмосфера, хотя русские известны как дипломаты упорные. Были разграничены сферы интересов в странах, лежащих между Германией и Советским Союзом. Финляндия, большая часть Прибалтийских государств, а также Бессарабия были объявлены принадлежащими к советской сфере. На случай возникновения германо-польского конфликта, который в создавшемся положении казался неисключенным, была согласована «демаркационная линия».

Уже в ходе первой части переговоров Сталин заявил, что желает установления определенных сфер интересов. Под «сферой интересов», как известно, понимается, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащих к этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности. При этом Сталин пообещал, что внутреннюю структуру этих государств он затрагивать не хочет. На сталинское требование сфер интересов я, имея в виду Польшу, ответил: поляки становятся все агрессивнее и было бы хорошо на тот случай, если они доведут дело до войны, определить разделительную линию, чтобы германские и русские интересы не столкнулись. Эта демаркационная линия была установлена по течению рек Висла, Сан и Буг. При этом я заверил Сталина, что с германской стороны будет предпринято все, чтобы урегулировать вопрос с Польшей дипломатическо-мирным путем.

Соглашения, касающиеся других стран, само собою разумеется, не могут содержаться в договорах, предназначенных для общест-венности, а потому для этого прибегают к договорам секретным. Секретный договор (имеется в виду дополнительный протокол. — *Сост.*)* был заключен и еще по одной причине: германо-

* Стремясь и в дальнейшем не допустить огласки, Сталин в 1945 г. через Вышинского дал представителям советского обвинения на Нюрнбергском процессе категорическое указание ни в коем случае не допускать и незамедлительно пресекать любую попытку обвиняемых говорить о секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Поэтому, когда Риббентроп на допросе 1 апреля 1946 г. упомянул о нем в связи с Польшей, главный обвинитель от СССР генерал Руденко сразу оборвал его. Риббентроп сказал: «Нет сомнения, что Сталин никак не может обвинить Германию в агрессии или захватнической войне против Польши. Если рассматривать это как агрессию, то в ней повинны обе стороны».

русское соглашение нарушало соглашение между Россией и Польшей, в также договор между Францией и Россией, предусматривавший при его заключении консультации с другой стороной.

Твердость советской дипломатии проявилась в вопросе о Прибалтийских странах, а особенно — в вопросе о порте Либау (Лиепая. — *Сост.*), на который русские претендовали как на сферу своих интересов. Хотя я и имел неограниченные полномочия для заключения договора, я счел правильным запросить Адольфа Гитлера. Поэтому переговоры были на время прерваны, чтобы возобновиться в 10 часов вечера после того, как я получил согласие фюрера. Теперь больше никаких трудностей не имелось, и пакт о ненападении, а также секретный дополнительный протокол к нему были парафированы и уже около полуночи подписаны.

Затем в том же самом помещении (а это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнутых дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договора кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях. Таким образом, за немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое согласие, о каком я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня теперь величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений.

Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердость, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, человека, который сумел сплотить двести миллионов человек своей империи сильнее, чем любой царь прежде.

Заслуживающим упоминания кажется мне небольшой, но характерный эпизод, произошедший к концу этого вечера. # спросил Сталина, может ли сопровождавший меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый раз, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу. Когда же Сталин и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Сталин запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Сталину, но

тот отдал ее обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет. Эпизод этот незначителен, но характерен для широкой натуры наших хозяев и для той атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву.

Когда я на следующее утро из окна моей квартиры поглядел через улицу, один из сопровождавших меня обратил мое внимание на нескольких человек, выглядывавших из окна расположенного напротив жилого дома — здания английского или французского посольства. То были члены английской или французской военных миссий, которые вот уже длительное время вели в Москве переговоры об англо-франко-советском военном союзе.

В процессе наших бесед я, разумеется, спросил Сталина об этих военных миссиях. Он ответил: с ними вежливо распрощаются. Так оно и произошло. Тем не менее я полагаю, что контакты между западными военными и Москвой после их отъезда все же сохранились. Другой вопрос, заданный мной Сталину, касался того, как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 г. На это Сталин лаконично ответил: «Русские интересы важнее всех других».

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию с убеждением в том, что желание Сталина и Молотова идти к взаимопониманию с Германией в тот момент было искренним. Когда я докладывал Адольфу Гитлеру о московских переговорах, у меня сложилось впечатление, что и он, безусловно, воспринимал этот компромисс с Россией всерьез.

Соглашения рассматривались нами как прочный компромисс на самый длительный срок. Пакт с Россией, вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реально-политической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа. Несмотря на многолетние идеологические схватки национал-социализма и большевизма, о значении дружественной России для германской политики забывать было нельзя. Отказ от бисмарковской политики в отношении России положил начало тому окружению Германии, которое привело к первой мировой войне. В ситуации 1939 г. восстановление политических отношений с Россией было по реальным политическим причинам перворазрядным политическим актом обеспечения нашей безопасности.

Я лично как человек, докладывавший фюреру об этом компромиссе с Советским Союзом, надеялся, в частности, на следующее:

1. Скорейшая ликвидация наипоопаснейшей конфликтной ситуации, которая могла угрожать миру в Европе, путем дипломатического преодоления мировоззренческих противоречий между национал-социализмом и большевизмом.

2. Создание действительно дружественных германо-советских отношений на фундаменте германской внешней политики в духе Бисмарка.

3. В тогдашней особой ситуации августа 1939 г. использовать все возможности дипломатического решения проблемы Данцига и коридора в духе предложений Адольфа Гитлера,

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию. Предусматривалось, что я прямо из Москвы должен лететь в Берхтесгаден, чтобы доложить обо всем фюреру в его резиденции Бергхоф. Я думал предложить ему созвать европейскую конференцию для урегулирования польского вопроса. Неожиданно наш самолет радиogramмой повернули на Берлин, куда Гитлер вылетел в тот же день. Из соображений безопасности нам пришлось сделать большой крюк над Балтийским морем.

* . *

27 сентября 1939 г. — еще в последний день польской кампании — я во второй раз вылетел в Москву для урегулирования вопросов о вступлении советских войск в Польшу. Я нашел у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти что сердечный прием. Во время этого визита большой линией на карте (ее собственной рукой провел Сталин. — *Сост.*) были установлены границы между будущим генерал-губернаторством и Советским Союзом. Одновременно было обсуждено далеко идущее торговое соглашение и подписан договор о дружбе [и границе] от 28 сентября 1939 г.

Упорство русских в достижении дипломатических целей вновь дало себя знать, когда Сталин и Молотов, даже идя на отказ от некоторых областей (Люблин), в противоположность заключенному в августе соглашению, стали притязать на включение в советскую сферу интересов Литвы. Поскольку в этом вопросе русские были весьма настойчивы, я поставил о том в известность фюрера. Некоторое время спустя он сам позвонил мне и заявил — явно не с легким сердцем, — что согласен включить Литву в сферу советских интересов. Но при этом добавил: «Я хотел бы установить совсем тесные отношения». Когда я сообщил эту реплику Сталину, тот лаконично произнес: «Гитлер свой гешефт понимает».

По возвращении Гитлер сказал мне, что в литовском вопросе он хотел доказать русским, что с самого начала желал делать все для компромисса с восточным соседом и установить «настоящие отношения взаимного доверия». Я и сегодня не сомневаюсь в том, что это высказывание было тогда искренним и что Адольф Гитлер в тот момент серьезно рассчитывал на долгосрочное взаимопонимание. Несмотря на бросавшийся в глаза интерес русских к Литве, Гитлер оценивал тогда русские намерения в отношении Германии как вполне отвечающие заключенным договорам. В своем докладе после возвращения из Москвы я старался его в этом мнении укрепить.

Как и во время моего первого визита, переговоры с русской

стороны преимущественно вел сам Сталин, а частично Молотов. Мне запомнились два высказывания Сталина.

Когда я после подписания договора о дружбе сказал Сталину, что, по моему убеждению, немцы и русские больше никогда не должны скрестить оружие, Сталин с минуту подумал, а потом ответил буквально следующее: «Пожалуй, это все-таки должно было быть!» Я попросил переводившего советника посольства Хильгера еще раз перевести мне эти слова, настолько необычной показалась мне эта формулировка. Осталось у меня в памяти от наших бесед и еще одно высказывание Сталина. Когда я стал зондировать возможность более тесного союза благодаря договору о дружбе, имея в виду регулярный союз для будущих сражений против западных держав, Сталин ответил мне: «Я никогда не допущу ослабления Германии!»

Над этими двумя высказываниями Сталина мне впоследствии приходилось часто задумываться. Что он, собственно, хотел сказать этими словами? Резкие критики Советского Союза (в их числе и бывший английский посол в Берлине сэр Невилл Гендерсон) утверждали: Сталин заключил пакт с Германией только для того, чтобы подтолкнуть фюрера к нападению на Польшу, хорошо зная, что Англия и Франция выступят на ее стороне. После предположительной победы Германии над Польшей Россия, во-первых, вернет себе потерянные в последней войне области, а, во-вторых, будет спокойно глядеть, как Германия, воюя с западными державами, исчерпает свои силы, чтобы затем в подходящий момент бросить всю мощь Красной Армии на дальнейшую большевизацию Европы.

Насколько оправдана эта оценка тогдашних намерений Сталина, я не знаю. Во всяком случае, оба его высказывания поддаются различным интерпретациям. Первая из них показывает, что мое высказывание «больше никогда не должно быть войны между немцами и русскими» было воспринято Сталиным гораздо холоднее, чем я ожидал, так как в этот момент им владела никогда не покидавшая его мысль о дальнейшем перенесении большевистской революции в Германию и Европу, а тем самым, значит, и мысль о возможности в будущем германо-русского столкновения. Так ли это? Или же он чувствовал себя, как человек исторического масштаба, достаточно великим, чтобы в момент заключения договора о дружбе ответить мне обычной дипломатической общей фразой? Думал ли он при этом о невозможности преодолеть противоположность обоих мировоззрений (как это впоследствии воспринимал фюрер) и считал ли он, что по этой причине столкновение будет неизбежным?

В связи с первым высказыванием Сталина **второе** приобретает еще большее значение. Оно недвусмысленно выдавало сознание **Советским** Союзом своей силы и намерение выступить в случае неудачного для Германии хода войны. Это высказывание, которое я в точности запомнил, было преподнесено Сталиным в такой

спонтанной форме, что оно наверняка отвечало его тогдашнему внутреннему убеждению. Меня особенно поразила прозвучавшая в словах Сталина огромная самоуверенность насчет боеспособности Красной Армии.

Мое личное мнение склоняется к тому, что договоренность с Германией Сталин рассматривал прежде всего как особенно выгодную для себя сделку, каковой она на самом деле и была. Далее, он мог быть убежден в том, что в случае войны между Германией и западными державами Россия ничего потерять не может. Вероятно, он верил в возможность тянувшейся годами окопной войны на Западе, как это имело место в 1914—1918 гг. Если же война затянется и позиции Германии ослабнут, рейх в еще большей степени окажется в экономической и продовольственной областях зависимым от русской помощи. Если Германия войну проиграет, Красной Армии предоставится большая окая прорваться в Центральную Европу. Если же война закончится «вничью», все ведущие ее стороны в любом случае будут ослаблены, а Россия наверняка не останется в убытке. Каковы действительно были мысли Сталина, верно, никто никогда не узнает. Но ход их мог быть примерно таким. Быстрая победа Германии на Западе наверняка явилась для Сталина ошеломляющей неожиданностью. Еще во время нашего продвижения во Франции в советской политике стала ощущаться новая тенденция, а тем самым начался тот трагический ход событий, который привел к началу германо-русской войны в июне 1941 г.

В отличие от моего первого приезда в Москву на сей раз состоялось несколько торжественных мероприятий. В Большом театре в честь германской делегации дали «Лебединое озеро» Чайковского. Мы сидели в большой центральной ложе и восхищались отличным музыкальным исполнением и неповторимой прелестью русского балета. Я часто слышал о том, что нынешнее оперное и балетное искусство в России не уступает существовавшему в царские времена. Прима-балерина, приехавшая ради нас из Ленинграда, танцевала великолепно. Я хотел было лично поблагодарить танцовщицу, но граф Шуленбург отсоветовал: это могут воспринять с неудовольствием. Я послал ей цветы, надеясь, что в Кремле это не вызовет неприятных последствий.

Сталин дал в нашу честь большой банкет, на который были приглашены члены Политбюро. Поднимаясь с нашей делегацией по огромной лестнице бывшего царского дворца, где проходил прием, я, к своему удивлению, увидел картину, на которой был изображен царь Александр II со своими крестьянами люсле отмены крепостного права. Наряду с другими впечатлениями мне показало это знаком того, что в сталинской Москве наметилась эволюция ^{Я ТеЗИЛ о м и р о в о й} революции в более консервативном направлении. Фильм «Петр Первый», который как раз шел тогда на московских ^{ид экрану} экранах, тоже мог истолковываться в этом духе. члены Политбюро, ожидавшие нас, меня приятно обескура-

жили, во всяком случае, я и мои сотрудники провели с ними вечер в весьма гармоничной обстановке. Данцигский гауляйтер, сопровождавший меня в этой поездке, во время обратного полета даже сказал: порой он чувствовал себя просто «среди своих старых партайгеноссен»*.

Во время банкета по русскому обычаю произносилось множество речей и тостов за каждого присутствующего вплоть до секретарей. По большей части говорил Молотов, которого Сталин (я сидел рядом с ним) подбивал на все новые и новые речи. Подавали великолепные блюда, а на столах стояла особенно крепкая коричневая водка. Этот напиток был таким крепким, что от него перехватывало дыхание. Но на Сталина коричневая водка словно не действовала. Когда по этому поводу мы высказали свое удивление насчет крепости русских глоток в сравнении с немецкими, Сталин рассмеялся и, подмигнув, выдал мне «тайну»: сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, что и эта дьявольская водка.

В течение всего вечера я не раз дружески беседовал с членами Политбюро, которые подходили, чтобы чокнуться со мной. Особенно вспоминаются мне маршал Ворошилов и министр транспорта Каганович. О нем и о его еврейском клане у нас часто говорили в Германии. Его причисляли к крупнейшим закулисным лицам интернационального еврейства. Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения как в этот вечер, так и во время обоих посещений Москвы подтвердили мое убеждение: ни о какой акции, руководимой интернациональным еврейством и согласованной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось. В московском Политбюро, этом абсолютно всевластном органе для всей России, кроме Кагановича не было ни одного еврея. И среди высших советских функционеров я обнаружил их очень мало. По моим собственным наблюдениям, а также на основе исследований, которые я приказал провести по данному вопросу, могу сказать: никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имелось. Возможно, связи могли поддерживаться через коминтерновский центр. Но тезис, будто какой-то интернациональный, межгосударственный еврейский центр действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным.

После своего возвращения из Москвы я часто говорил с Адольфом Гитлером именно по этому вопросу, и у меня сложилось впечатление, что он — по крайней мере, в 1939 и 1940 гг. — приближался к пониманию моих взглядов. Однако он был весьма неустойчив в выражении своего мнения, и я не знаю, играли ли У него, и в какой именно степени, роль тактические соображения.

* Товарищи по партии (нем.). Официальное наименование членов НСДАП.
Примеч. сост.

В любом случае, я питал тогда большие надежды на то, чтобы путем политического взаимопонимания с Россией привести фюрера к эволюционному мышлению в вопросах мировоззрения, а тем самым и к повороту в его отношении к еврейству. Я был убежден, что внешняя политика не может проводиться, руководствуясь мировоззренческой точкой зрения. В дальнейшем ходе войны фюрер все сильнее возвращался к мысли о существовании международного еврейского заговора против Германии.

РАЗРЫВ С РОССИЕЙ

Осенью 1939 г. советское правительство перешло к оккупации Прибалтийских государств. Именно в тот момент, когда я второй раз прибыл в Москву, я видел, как прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до этого Сталин сообщил им, что его войска вступят в их страны.

В день подписания нашего договора о границе и дружбе Советский Союз заключил с Эстонией, затем 5 октября — с Латвией, а 10 октября — с Литвой договора о военной взаимопомощи. В этих государственных договорах СССР оговорил для себя право создавать внутри данных стран базы для военно-морского флота и береговой артиллерии, а также размещать на их территории аэродромы для своей военной авиации и, наконец, содержать гарнизоны своих сухопутных войск и военно-воздушных сил.

Несколько недель спустя Россия в результате зимней войны с Финляндией осуществила новые территориальные приобретения. Во время этой войны симпатии очень многих немцев, в том числе и Гитлера, были на стороне финнов. По-человечески это было понятно. Я тоже, помня о нашем братстве по оружию в первой мировой войне, сочувствовал финнам в их борьбе. Но все-таки я старался, чтобы из этого спонтанного чувства, учитывая наши отношения с Советским Союзом, не возникли многие трудности для германской внешней политики.

В середине июня 1940 г. вся Литва, в том числе и ее входившая в сферу германских интересов часть, была без всякого предварительного извещения имперского правительства занята Советским Союзом. Вскоре то же самое произошло с Латвией и Эстонией. И наконец 3, 5 и 6 августа 1940 г. Эстония, Латвия и Литва решением Верховного Совета СССР были включены в состав Советского Союза в качестве союзных республик. Экономические соглашения Германии с этими государствами, которые согласно итогам московских переговоров не должны были понести никакого ущерба, были советским правительством ликвидированы в одностороннем порядке.

К концу французской кампании, 23 июня 1940 г., в Берлин поступила телеграмма нашего посла в Москве: Советский Союз намерен в ближайшие дни оккупировать румынскую провинцию

Бессарабию, а нас собирается лишь известить о том. Одновременно до фюрера дошел вопль румынского короля о помощи: тот просил у него совета в связи с предъявленным ему русским ультиматумом. Адольф Гитлер был тогда поражен быстрым русским наступлением без предварительной консультации с нами. Но, выполняя принятые нами в Москве обязательства, он порекомендовал румынскому королю не сопротивляться оккупации. Румынское правительство согласилось на требование Советского Союза, попросив лишь дать ему достаточный срок для эвакуации этой большой области. Тогда Советский Союз предъявил новый ультиматум и, не дожидаясь срока его истечения, начал захват Буковины и прилегающей к ней части Бессарабии на Дунае. То, что при этом подлежала оккупации преимущественно населенная немцами Северная Буковина, исконная земля австрийской короны, особенно ошеломило Гитлера. Он воспринял этот шаг Сталина как признак русского натиска на Запад.

Ранней осенью 1940 г. фюрер получил сообщение об усиливающейся концентрации советско-русских войск вдоль границы Восточной Пруссии. Согласно этому сообщению, только перед Восточной Пруссией были сосредоточены 22 советские дивизии, затем крупные группировки войск в восточной части Польши, а также 30 русских корпусов в Бессарабии. После окончания французской кампании Гитлер в первый раз сообщил мне о таких симптомах необычного развертывания вооруженных сил против все еще дружественного государства. Я старался успокоить фюрера. Больше он к этому вопросу не возвращался и лишь сказал, чтобы я внимательно следил за этими вещами.

В конце августа 1940 г. меня посетил генерал-фельдмаршал Кейтель для разговора по русскому вопросу. Фюрер говорил с ним о возможной угрозе со стороны Советского Союза. Я пообещал Кейтелю, который имел насчет конфликта с Россией опасения военного характера, что предприму у фюрера все возможное, дабы сохранить с нашей стороны хорошие отношения с Россией.

Некоторое время спустя я опять имел беседу по русскому вопросу с Адольфом Гитлером, она состоялась в новом фюрерском корпусе [Коричневого дома] в Мюнхене. Он был очень возбужден. Поступили новые сведения о передвижениях войск на русской стороне. Фюрер упомянул также сообщения о русских намерениях на Балканах. Одновременно у него имелись и донесения полиции об усиливавшейся деятельности коммунистических агентов на германских предприятиях. Он впервые очень резко высказался насчет предполагаемого им намерения Советского Союза. Он взвешивал и такую возможность, что Сталин вообще заключил пакт с нами, исходя из предположения о длительной войне на Западе, чтобы продиктовать нам сначала экономические, а затем и политические условия;

По моему мнению, Адольф Гитлер находился тогда уже долгое время под влиянием определенных кругов, также и внутри партии,

утверждавших, что последствиями русско-германского пакта о дружбе могут быть только ущерб и опасности для Германии. Определенное антирусское влияние оказывалось на него и со стороны военных, которые в связи с финской войной считали, что мы по военно-стратегическим причинам не имели права пожертвовать Финляндией. Гитлер привык почти демонстративно говорить в своем кругу о «храбрых финнах». Поскольку Советы в вопросе о Финляндии, согласно нашему договору, использовали свое право, позиция фюрера являлась во внешнеполитическом отношении ярко выраженной неудобной. С другой стороны, Россия в своем давлении на Румынию, вне всякого сомнения, выходила за рамки своего права.

Крупная концентрация советских войск в Бессарабии вызвала у Адольфа Гитлера серьезные опасения и с точки зрения дальнейшего ведения войны против Англии: мы ни при каких обстоятельствах не могли отказаться от жизненно важной для нас румынской нефти. Продвинься здесь Россия дальше, и мы оказались бы в дальнейшем ведении войны зависящими от доброй воли Сталина.

Такие перспективы, естественно, должны были пробуждать у Гитлера недоверие к русской политике. Во время одной нашей беседы в Мюнхене он сказал мне, что, со своей стороны, обдумывает военные меры, ибо не хочет быть застигнутым Востоком врасплох.

Я со всей серьезностью заявлял тогда фюреру, что, по моему убеждению, ожидать нападения со стороны Сталина никак нельзя. Я предостерегал фюрера от каких-либо превентивных действий против России. Я напоминал слова Бисмарка о превентивной войне, при которой «Господь Бог не дает заглядывать в чужие карты». Фюрер вновь высказывал подозрение насчет возможности еврейского влияния на Сталина в Москве и, несмотря на все мои возражения, выражал решимость принять хотя бы военные меры предосторожности. Он был явно озабочен и очень взвинчен. В ответ на его категорическое желание мне пришлось пообещать ему никому ничего не говорить об этом.

: В последующем я сосредоточил все свои усилия и силы на прояснении и интенсификации наших отношений с Россией. Прежде всего я хотел устроить встречу Сталина и Гитлера. План сорвался, потому что Сталин не мог выехать из России, а Гитлер — из Германии. Поэтому я написал Сталину подробное письмо, в котором обрисовал общее положение — так, как мы воспринимали его после окончания французского похода — и пригласил министра иностранных дел Молотова в Берлин.

В коротком письме Сталина приглашение Молотова принималось. От этого визита я ожидал очень многого. У меня было намерение предложить советскому министру иностранных дел вступление России в заключенный тем временем пакт Трех держав, чтобы таким образом укрепить и углубить несколько поколеблен-

ные германо-русские отношения доверия. К сожалению, получилось по-другому.

Визит Молотова в Берлин (12—13 ноября 1940 г. — *Сост.*) не стоял под счастливой звездой, как я того желал. Молотов весьма энергично потребовал свободу рук для советского правительства в Финляндии. Гитлер же перед беседой с Молотовым не обрисовал мне подробнее свою позицию в финляндском вопросе. В этом вопросе Молотов был прав. Но фюрер не хотел отдавать Финляндию; при этом он, вероятно, считал, что не может отказаться от финского никеля. Дело дошло до весьма упорных дискуссий, в заключение которых Гитлер просил Молотова в этом вопросе пойти ему навстречу.

Молотов больше не настаивал, а перешел к вопросу о Балканах, выразив русское недовольство гарантией, данной Германией Румынии. Молотов спросил, не направлена ли она против России. Ответ Гитлера был таков: поскольку Советский Союз никогда намерения напасть на Румынию не имел, эта германская гарантия тоже никогда не была направлена против него. (После Венского арбитража и нашей данной Румынии гарантии я послал в Москву длинную телеграмму, в которой объяснил необходимость этих действий для избежания венгеро-румынской войны (из-за Трансильвании. — *Сост.*) и решительно подчеркнул, что эта гарантия, по всему положению дел, никоим образом не затрагивает германо-советские дружественные отношения.) Молотов поставил вопрос, согласны ли мы с тем, чтобы Россия дала такую же гарантию Болгарии. На вопрос Гитлера, а просила ли Болгария такую гарантию, как это в нашем случае имело место с Румынией, Молотов ответил уклончиво. Гитлер не захотел связывать себя согласием и заявил, что сначала должен обсудить болгарский вопрос со своим союзником Муссолини. Таким образом, беседа пошла по не очень-то удовлетворяющему пути и закончилась без каких-либо решений. От этих бесед с Молотовым у Гитлера окончательно сложилось впечатление о серьезном русском стремлении на Запад.

Несмотря на такой ход наших бесед с Молотовым, я все же добился, что советско-русский министр иностранных дел смог снова повести переговоры о предположительно возможном вступлении России в пакт Трех держав. Адольф Гитлер был согласен со мной, что в такой взаимосвязи он готов рассмотреть возможные русские требования. В тот же день состоялся ужин в советском посольстве. Он был прерван первым серьезным налетом английской авиации на Берлин, и я воспользовался этим, чтобы пригласить Молотова в мое бомбоубежище на Вильгельмштрассе, где мы просидели вместе довольно долго. Но и эта беседа оказалась не очень-то плодотворной, так как русский министр иностранных дел был беседой с фюрером неудовлетворен. То, что Молотов в ходе наших переговоров бросил реплику насчет русской заинтересованности в выходе из Балтийского моря в Северное, лишь подчеркнуло ощущавшееся Гитлером русское стремление на Запад.

В конечном итоге Молотов пообещал мне поговорить о русском вступлении в пакт Трех держав со Сталиным. Одновременно я дал Молотову согласие еще раз обсудить с фюрером германо-русские отношения, чтобы найти выход из сложившихся трудностей.

Так как Молотов уже на следующий день должен был возвращаться, никакой возможности продолжить беседы не имелось. Визит закончился охлаждением отношений, и Адольф Гитлер своих соображений мне больше не высказывал. Его сдержанность в русских вопросах бросалась в глаза. Кое-какие признаки говорили за то, что к этому делу приложили свою руку те влиятельные силы, которые стремились к принятию решения против России.

После отъезда Молотова переговоры о присоединении Советского Союза к пакту Трех держав были возобновлены по дипломатическому пути через германское посольство в Москве. Советское правительство дало нам знать, что такую возможность оно полностью исключать не хочет, но выдвинуло, кроме требования свободы рук в Финляндии, также и требование примата, то есть гарантий с определенными правами, в Болгарии и пожелало, кроме того, создания своих военных баз на турецких проливах (Босфор и Дарданеллы. — *Сост.*).

Об этих русских желаниях и условиях у меня в декабре 1940 г. состоялся подробный обмен мнениями с Адольфом Гитлером. Я самым настойчивым образом рекомендовал ему пойти навстречу Советскому Союзу и на согласие с ним примерно на требуемой Сталиным базе. Балканские вопросы должны быть выяснены (также и с Италией). Надо предпринять попытку сделать из пакта Трех держав пакт Четырех с участием России. Если нам это удастся, мы окажемся в благоприятной позиции; при такой расстановке сил США остались бы нейтральными, а Англия оказалась бы изолированной и испытывающей угрозу на Дальнем Востоке. Благодаря такой сильной системе союзов — во всяком случае, не без нее — можно было бы еще добиться быстрого окончания войны с Англией дипломатическим путем. Новое предложение мира Англии, для которого мы тогда получили бы свободу рук, было бы в таком случае более перспективным, чем после Дюнкерка. Однако для этого надо пойти на жертву в пользу России.

После этого обмена мнениями мне казалось, что Гитлер стал в финском вопросе, пожалуй, более уступчивым, чем прежде, но русское требование насчет Болгарии он считал (из-за позиции царя Бориса, который никогда на это не пойдет) невыполнимым. Адольф Гитлер заявил, что установление русского влияния в Болгарии означало бы установление русского влияния на Балканы в целом, а особенно на Румынию с ее нефтяными областями. Создание русских военных баз на Дарданеллах он считал невозможным потому, что Муссолини вряд ли согласится на это. Но тогда в

ответ на мои настойчивые представления он еще абсолютно отрицательной позиции не занял. Более того, в заключение нашей долгой беседы, проходившей в бомбоубежище Имперской канцелярии, он сказал насчет компромисса с русскими обнадеживающие слова: «Риббентроп, мы уже многое сделали сообща; вероятно, мы справимся и с этим делом».

Я постарался прозондировать итальянцев насчет морских проливов — как и предполагалось, здесь можно было констатировать совершенно отрицательную позицию. Относительно Болгарии фюрер, вне всякого сомнения, был прав. Царь Борис был для идеи «русской гарантии» совершенно недоступен, как я в этом убедился в связи с визитом в Болгарию. Таким образом, дело затягивалось и вперед не двигалось. Граф Шуленберг неоднократно сообщал из Москвы, что без решающих уступок заключения пакта Четырех не добиться.

В течение зимы и весны 1941 г. при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал все более отрицательную позицию. Сильно сбивали его с толку и весьма настойчивые требования Москвы в вопросах торговли, и мне стоило большого труда и даже потребовало многих споров, чтобы в январе 1941 г. довести дело до подписания германо-советского торгового договора. Другая сторона сильно настраивала фюрера против этого договора. У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок.

В эти месяцы я все чаще указывал фюреру на политику Бисмарка в отношении России и не упускал ни одной попытки, чтобы все-таки добиться окончательного германо-русского союза. Думаю, что, несмотря на все, мне все же удалось бы сделать это, если бы между Россией и Германией не существовало мировоззренческого противоречия, при помощи которого никакой внешней политики вести было нельзя. Прежде всего благодаря идеологическим взглядам, а также русской политической позиции, благодаря военным приготовлениям [России] и требованиям Москвы у Адольфа Гитлера все больше вырисовывалась картина чудовищной коммунистической опасности для Германии. Мои аргументы против этого действовали все меньше и меньше.

Вызывали беспокойство у Гитлера, кроме того, и сообщения об англо-советских беседах, о визите в Москву сэра Стаффорда Криппса и его переговорах в Кремле. Информация об англо-русских отношениях возвещала нам о нерадостном ходе событий.

Тем не менее я не верю, что Гитлер уже тогда окончательно решил выступить против Советского Союза. Утверждение маршала Антонеску, что во время его визитов в Германию фюрер зимой и весной 1941 г. уже пришел к намерению напасть на Россию, в любом случае неверно. Я присутствовал на этих переговорах и ничего подобного не слышал. Протоколы бесед, вероятно, сохранились и находятся сейчас в руках союзников. Хотя фюрер и говорил тогда о мерах предосторожности, о намерении нападе-

ния он не сказал ни слова. Только во время третьего визита Антонеску, в июне 1941 г., он заговорил о предстоящем выступлении.

Так как по военным вопросам меня никога не информировали, о различных касающихся Советского Союза приказах я узнал только на Нюрнбергском процессе. О существовании твердого намерения напасть на Восток я впервые узнал только после югославской кампании, начавшейся 6 апреля 1941 г.*

Я находился в Вене, когда мне позвонил фюрер, чтобы я срочно прибыл в его специальный поезд, стоявший где-то поблизости. Там он открыл мне, что принял окончательное решение о нападении на Россию. По его словам, все имеющиеся у него военные донесения говорят о том, что Советский Союз предпринимает крупные военные приготовления на всем фронте от Балтийского моря до Черного. Он, мол, не хотел подвергнуться внезапности, раз уже осознал грозящую опасность. Пакт, который Москва заключила с сербским путчистским правительством Симовича, — это ярко выраженный афронт Германии и явный отход от германорусского договора о дружбе. Во время этой беседы я порекомендовал фюреру принять посла графа Шуленбурга, что и было действительно сделано 28 апреля в Вене. Сам я желал во что бы то ни стало дипломатического выяснения вопросов с Москвой. Но Гитлер теперь вообще отклонил любой подобный шаг и запретил мне говорить с кем-либо об этом деле: все дипломаты вместе взятые не смогут изменить ставшей ему известной русской позиции, но они могут лишить его при нападении важнейшего тактического момента внезапности. Фюрер просил меня занять для внешнего мира четкую позицию в его духе. Он сказал, что однажды Запад поймет, почему он отклонил советские требования и выступил против Востока.

* * #

Политические соображения, которые привели Адольфа Гитлера к решению напасть на Советский Союз, были, по его тогдашним и последующим адресованным мне высказываниям, таковы.

Как известно, Гитлер еще в 1938 г. был убежден в том, что Англия и Америка вступят в войну против нас, как только в достаточной мере вооружатся. Он боялся, что обе державы заключат союз с СССР и тогда Германия однажды подвергнется нападению одновременно и с Востока, и с Запада, как это уже произошло в 1914 г. В течение 1940 г. эти прежние опасения снова овладели им. Он считал возможным, что Россия на основе своих возобновленных переговоров с Англией нападет на нас одновре-

* Уже 18 декабря 1940 г. Гитлер дал директиву № 21 о немедленной подготовке нападения на СССР, имевшую кодовое наименование «Операция Барбаросса» Разумеется, Риббентроп не мог не знать о ней. *Примеч. сост.*

менно с англо-американским наступлением. Одновременное использование общего потенциала Америки и России казалось ему ужасной опасностью для Германии. Большую тревогу у фюрера вызывала возможность в ходе войны оказаться зажатым в восточно-западные клещи, быть втянутым в пожирающую и людей и технику гигантскую по своему масштабу войну на два фронта. Он надеялся обеспечить себе возможность свободно дышать на Востоке вплоть до того момента, пока не вступит в действие англо-американский потенциал на Западе.

Таково было важнейшее соображение Адольфа Гитлера, которое он разъяснил мне после начала русской войны 1941 г. Он решил на нападение в надежде в течение нескольких недель устранить Советский Союз. Ошибка его в оценке русского потенциала и американской помощи стала роковой. Вполне уверен он и сам не был, ибо сказал мне тогда: «Мы не знаем, какая сила действительно стоит за теми дверями, которые мы собираемся распахнуть на Востоке».

Зимой 1940/41 г. вся Европа (за исключением Испании, которая на наши предложения ответила отказом, а также немногих нейтральных государств, таких, как Швейцария и Швеция) полностью находилась под влиянием стран оси. Англия, несмотря на свое поражение на континенте, как и прежде, идти на мир не желала. Единственным театром военных действий, на котором Англия боролась в 1941 г., была Северная Африка, причем и там — с переменным успехом как ввиду ненадежных коммуникаций, так и потому, что Италия оказалась весьма слабым нашим союзником.

Япония хотя и была к началу войны с Россией нашим союзником по оборонительному союзу Трех держав, никоим образом надежным союзником не являлась. Все поступавшие оттуда известия говорили о том, что влиятельные японские круги стремились пакт Трех держав выхлостить и изыскивали различные возможности для того, чтобы превратить функционирование или нефункционирование этого пакта в объект торга с США. За нашей спиной в апреле 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока заключил с Россией свой пакт о ненападении (правильно: о нейтралитете. — *Сост.*).

Решающим для Адольфа Гитлера являлся в конечном счете тот факт, что и позиция США, которые еще до войны политически были против Германии, тем временем стала ярко выраженной враждебной. Хотя Гитлер с начала войны, по моей просьбе, строжайше запретил любые нападки нашей прессы на США, никакого действия на ведущуюся там антигерманскую травлю это не оказало. Не была достигнута и главная цель пакта Трех держав: ссылкой на опасность войны на два фронта в случае вмешательства США политически подкрепить американских изоляционистов. Фюрер вместе со мной был убежден в том, что если Англия не заключит мира, мы должны считаться с тем, что рано или поздно США

вступят в войну против нас. При столь долго подстрекательски обрабатываемом общественном мнении США любой случайный или преднамеренный инцидент типа потопления «Лузитании» в первой мировой войне мог не сегодня завтра привести США в состояние войны.

В любом случае — таково было неоднократно выраженное мнение Адольфа Гитлера — при ставшем в 1940—1941 гг. явным нервном состоянии дело могло прийти к тому, что Германия только с весьма слабой Италией и, по всей вероятности, стоящей в стороне Японией, с распыленными по всей Европе силами вынуждена была бы одна выдержать невероятный натиск трех сильнейших великих держав — Англии, США и России. Конечно, значительную роль сыграло при этом уже упомянутое представление о тесной антигерманской связи еврейства Востока и Запада. Какие бы убедительные аргументы ни приводил я Гитлеру, они не могли поколебать его убеждения в этом вопросе.

Повторяю: для предотвращения уничтожения Германии с двух сторон Гитлер видел один-единственный выход: разделаться с Советским Союзом. Он напал на Россию прежде всего для того, чтобы самому не оказаться зажатым одновременно с Запада и Востока, как это все же случилось потом. В совместном нападении трех великих держав Адольф Гитлер видел проигрыш войны.

• * *

До визита Молотова в Берлин Гитлер, несомненно, еще питал надежду добиться прочных отношений с Россией. Требования Молотова, вероятно, породили у него этот поворот. Отныне он все резче рассматривал любые военные меры, предпринимаемые Россией. Я, как уже упоминалось, не был информирован об этом детально, но позже слышал, что в первую очередь были констатированы следующие советские меры: укрепление новой западной границы, устройство аэродромов вблизи границы, мощная концентрация войск, гигантский рост военного производства, ориентация на военную экономику. Незадолго до того, как разразилась война, у Советов имелось 158 дивизий, а к началу польской кампании их было еще всего 65. Причем речь шла, как сообщалось при этом фюреру, якобы только о моторизованных и танковых соединениях. Весной 1941 г. уже имели место значительные нарушения границы со стороны России. Интересны в этом отношении показания трех русских офицеров, которые позже попали в наш плен. Они собственными ушами слышали речь, которую Сталин произнес в мае 1941 г. в Кремле. Он совершенно открыто сказал тогда, что будущие цели Советского Союза отныне могут быть достигнуты только силой оружия. Красная Армия к этому готова.

Политические действия, которые советское правительство пред-
бши ^{ИМалО В То время} вопреки смыслу германо-русского договора,
«ли, если их кратко перечислить, следующие.

Советский посол в Берлине Деканозов официально заявил 17 января [1941 г.] в нашем министерстве иностранных дел с вручением соответствующего документа: советское правительство считает своим долгом «предостеречь, что появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии и в районе обоих морских проливов будет считаться нарушением интересов безопасности СССР».

Когда затем в начале марта 1941 г. ввиду создавшегося из-за Греции положения был осуществлен ввод германских войск на территорию Болгарии, Молотов заявил, что наш шаг является «вызывающим сожаление», означает «нарушение интересов безопасности СССР» и что германское правительство «не может рассчитывать на поддержку его действий в Болгарии со стороны СССР». Аналогичное резкое заявление было направлено и болгарскому правительству, а затем опубликовано в печати. Все это происходило несмотря на то, что еще 27 февраля я поручил нашему посольству в Москве разъяснить, что как только английская опасность в Греции минует, за этим автоматически последует вывод германских войск из Болгарии.

В ответ на это советское правительство 5 апреля 1941 г. заключило «договор о дружбе» с югославским путчистским правительством Симовича. Это явилось особенно недружественным актом против Германии, ибо это путчистское правительство всего за два дня до того заняло место дружественного нам прежнего правительства.

Все это происходило в противоречии с советским заявлением от 28 сентября 1939 г., в котором говорилось, что Россия желает оказать Германии свою моральную поддержку в случае, если обоюдные усилия по установлению мира не приведут к цели. Это относилось к тем областям, которые по договору не входили в русскую сферу интересов.

Уже сами по себе тесные отношения, которые советское правительство еще летом 1940 г. через британского посла в Москве сэра Стаффорда Криппса установило с Лондоном, означали разрыв с нашими соглашениями. Черчилль тогда будто бы сказал, что не пройдет и полутора лет, как Россия выступит против Германии. Происходило и такое сближение Соединенных Штатов с Россией, что Рузвельт «на основе новейшей информации» смог намекнуть: вскоре произойдет вступление России в войну против Германии.

Для враждебной позиции советского правительства против нас, проявлявшейся в этом ходе событий, есть только два объяснения: или влияние и уступки Америки и Англии побудили Россию к новой ориентации, или же это было имевшееся у Сталина с самого начала намерение вообще не соблюдать заключенный с нами договор. Последнее объяснение отвечало взглядам Адольфа Гитлера, в то время как сам я считал и продолжаю считать и сейчас правильным объяснением поворота в русской политике первое. Мое мнение таково, что столкновения с Россией можно было избежать, однако для этого требовались уступки с нашей стороны.

Огромная мощь и развертывание военной силы Советского Союза логично выдвигают вопрос: был ли Адольф Гитлер с его

восприятием событий прав перед историей? Или же тот путь, к которому стремился я, был в долгосрочном плане все же возможен?

Когда позже я через одного своего посредника в Стокгольме дал русским знать, что фюрер, учитывая имеющиеся у нас материалы об агрессивных намерениях России, относится к возможным дальнейшим соглашениям с Москвой весьма скептически, русские в ответ дали мне понять, что вопрос о вине им, собственно говоря, довольно безразличен. Выяснение вопроса «что было раньше — курица или яйцо?», отвечали они, вопрос «типично немецкий».

Начало военных действий против Советской России 22 июня 1941 г. было концом начатой по моему предложению в 1939 г. политики компромисса на длительный срок между обеими империями.

Из книги: Joachim von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Aus dem Nachlass. Herausgegeben von Annelies von Ribbentrop. Druffel-Verlag. Leoni am Starnberger See. 1953.

На русском языке публикуется впервые

АЛЬФРЕД РОЗЕНБЕРГ

*Имперский министр
по делам восточных оккупированных территорий*

«ДАЛЕКО ИДУЩЕЕ РЕШЕНИЕ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ*

Из политического дневника

Альфред Розенберг (1893—1946)—один из главных нацистских военных преступников. Был в числе первых членов фашистской партии, с 1923 г. — главный редактор ее центрального органа — газеты «Фёлькишер беобахтер» («Народный наблюдатель»). Один из главных идеологов германского фашизма, автор книги «Миф XX столетия», разрабатывал теорию «расы господ», проповедовал антикоммунизм, расизм и антисемитизм. Активно участвовал в подготовке и развязывании второй мировой войны, а также нападения на СССР. В июле 1941 г. — апреле 1945 г. возглавлял имперское министерство по делам восточных оккупированных территорий; создатель и руководитель оккупационного режима в этих областях. Совместно с Гиммлером осуществлял жестокий террор против партизанского движения и движения Сопротивления, массовые аресты и убийства гражданского населения и разграбление оккупированных территорий Чехословакии, Польши, СССР и других стран. Казнен (повешен) по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

24 августа [1939 г.].

Вчера незадолго до двенадцати часов пришло известие о германо-советском пакте о ненападении. Несмотря на все мое нерасположение к дневникам, хотел бы записать свое первое впечатление.

Сначала: осознание облегчения нашего внешнеполитического положения: устранение угрозы со стороны русского военно-воздушного флота в германо-польском конфликте, облегчение нашего положения на Балтийском море, подвоз сырья и т. д.

Затем: поездка нашего министра [иностраннх дел] в Москву — моральное принижение нашей теперь уже 20-летней борьбы [против большевизма], учитывая положение в нашей партии, учитывая Испанию. Просьбы англичан и французов (имеются в виду английская и французская военные миссии в Москве. — *Сост.*) были не так плохи, как наша, ибо они никогда не отождествляли советское правительство с III Интернационалом, который вот уже 20 лет мы изображаем делом рук еврейских преступников. Четыре года назад фюрер в моем присутствии говорил одному иностранцу: он никогда не сможет идти вместе с Москвой, потому что невозможно запрещать немецкому народу грабеж и в то же самое время

* Заголовок дан составителем.

поддерживать дружбу с грабителями. Но Риббентроп это даже и не почувствует: ведь он, кроме ненависти к Англии, никаким другим политическим мировоззрением не обладает.

Первое чувство, ввиду все-таки угрожающего нам окружения, в народе, несомненно, преобладает. Это здоровое чувство всеобщего самоутверждения; но у старых борцов, как и у меня, вероятно, появится и второе.

Большевикам уже впору намечать свою делегацию на Нюрнбергский партсъезд.

Поворот, совершенный фюрером, с учетом нынешнего положения, был необходимостью; но так как он совершен на 180°, из него вытекают и весьма далеко идущие выводы.

Несколько месяцев назад я говорил с Герингом об этих эвентуальных возможностях: когда речь идет о самой жизни Германии, надо иметь на примете даже совместные действия с Москвой. К примеру: новый раздел Польши. Правда, здесь уместна осторожность: а вдруг Советы не остановятся и оставят нас с носом да еще выставят нас перед всем миром как просителей с протянутой рукой и заключат союз с вражеской стороной.

То, что сейчас происходит, по необходимости развивается дальше. Наша пресса, следуя указанию министерства [иностран-ных дел], уже потеряла всякое достоинство. Экономический обмен вполне готовы считать за обоснование примирения обоих государств; уже сегодня слышатся ликующие возгласы насчет традиционной дружбы между немецким и русским народами. Как будто наша борьба против Москвы была каким-то недоразумением, а большевики — это настоящие русские с советскими евреями во главе. Эти объятия более чем досадны.

В Москве распространен несколько иной текст сообщения: согласно ефу, решение о заключении пакта уже принято, но переговоры займут еще некоторое время. Германское информационное бюро [ДНВ]: Риббентроп едет в Москву, чтобы завершить *заклю-чение* пакта. Лондонское радио уже пытается сунуть ногу в эту щель и добавляет: германо-русский пакт никоим образом не препятствует соглашению о союзе между Москвой, Парижем и Лондоном. Что ж, будем надеяться, что в результате долгих конференций Риббентроп не скатится до роли британского представителя.

В остальном же остается дожидаться, что покажет дальнейший ход событий.

История, вероятно, выяснит, действительно ли *должно было* возникнуть то положение, которое сейчас возникло. Это значит: имелись ли такие решающие английские силы, которые можно было бы мобилизовать для сотрудничества с нами? Это означало бы: при сохранении принципиального требования прав на все колонии ограничиться одной, чтобы получить английскую поддержку. ^Достоев ^ж Это решение [>] пока нашим послом в Лондоне являлся Риббентроп, было почти невозможным (речь по колониальному

вопросу в Лейпциге). В самом Лондоне Риббентроп, который был послан туда благодаря своим мнимым «связям», тоже поразил всех, как и здесь. Многое, без сомнения, зависело от *его* персоны. *Сколь* многое, покажет только будущее.

С британской стороны наблюдается довольно наглое отношение ко всем предложениям фюрера, а также ведется длительная антигерманская пропаганда всех этих либералов и товарищей, а также и консерваторов типа Идена и Купера. Удастся ли это преодолеть, сегодня сказать нельзя. Чемберлен, пожалуй, был шансом на это. Если же точка зрения, что Англия вообще не желает нового подъема Германии и на Востоке, является правильной, тогда сегодняшние выводы тоже правильны и надо делать их без всяких сентиментов. (...)

25 августа [1939 г.] вечером.

Надежды Англии на затяжку переговоров, к счастью, не оправдались: пакт с Москвой был подписан быстро. Далеко идущее решение, последствия которого необозримы. Исторически: точно так же, как Спарта и Афины попеременно звали на помощь персов, так и Англия и Германия сегодня обращаются к Советскому Союзу. Англичане, несомненно, первыми предприняли попытку натравить Советский Союз на нас. Что мог сделать фюрер перед лицом *данного* положения, кроме как разрушить его неожиданным поворотом? Как я только что узнал, дело обстояло следующим образом: фюрер направил Сталину письмо с предложением, на которое последовал весьма любезный ответ. (...)

А теперь — крупное разочарование: незадолго до начала похода против Польши Муссолини двумя телеграммами просит фюрера воздержаться от этой акции, он хочет выступить посредником. (...) Как это понимать? Уже после Зальцбурга* он опубликовал коммюнике, которое Чиано не читал. Одновременно это привело к тому, что после приема Чиано фюрером положение прояснилось, о чем Чиано, естественно, захотел сначала проинформировать дуче. Большое возбуждение. Германское информационное бюро как-нибудь уладит это дело.

Предусмотренное на 5 часов утра заседание рейхстага отменено. Все приготовления к определенному сроку пошли впустую.

У меня такое чувство, что германо-советский пакт когда-нибудь еще отомстит за себя. Это не был шаг, предпринятый по собственному свободному решению, нет, он был продиктован вынужденным положением. Это было прощением со стороны одной революции к главе другой, подавление которой выдвигалось на первый план в качестве идеала нашей 20-летней борьбы. Как можем мы еще

* 11 августа в Зальцбурге состоялась беседа Риббентрона с фашистским министром-иностранных дел Чиано, на которой последний предложил дать коммюнике о ней в примирительном тоне, что было отклонено Риббентропом. См.: *Kordt. Wahn und Wirklichkeit. Stuttgart, 1947, S. 170—191. Примеч. нем. изд. д-ра Г. Г. Зерафима.*

говорить о спасении и преобразовании Европы, если должны просить о помощи разрушителя Европы? Мы не можем сегодня открыто сказать, что нашими совместными с Россией действиями сумеем настолько изменить ее, чтобы действительно сблизиться с русским народом.

Если же мы к тому же должны предоставить Советскому Союзу польскую Украину (речь идет о Западной Украине. — *Сост.*)⁹, то это после Закарпатской [Галицийской] Украины* — вторая вина с нашей стороны по отношению к противомосковитской силе. Это может оказать свое воздействие не только *теперь*, но и в более поздние времена. Но *тогда* было принято основное решение, да и многое другое, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И вновь возникает вопрос: а должна ли была возникнуть именно данная ситуация? Должен ли польский вопрос быть решен *сейчас* и в какой именно форме? Ответить на это сейчас не в состоянии никто. Я же, во всяком случае, считаю Риббентропа изменником Извольским**, который черпает «причины» своей политической позиции в уязвленном тщеславии.

24 сентября [1939 г.].

Почти 4 недели прошло со дня начала войны. Я вот уже почти 1¹/₂ месяца лежу с воспалением костной ткани в суставе ноги; только 1 сентября кое-как приковылял в рейхстаг, а вечером — к фюреру, чтобы потом до недавнего времени пробыть дома. Таким образом, я стоял в стороне от непосредственных событий, а впрочем, все равно не был бы привлечен к ним, ибо сегодня окружение фюрера в решающей мере составляют иные люди, чем во времена борьбы (нацистов за приход к власти. — *Сост.*). Тем не менее я постоянно информируюсь, говорил со многими, и к моему мнению и ко мнению других отношение может быть более внимательным. Тут следует отметить кое-что, о чем я, в свете будущих времен, смогу впоследствии прочесть с согласием или с удивлением, как о поражении в решающие дни германской истории. Всестороннюю объективно обоснованную оценку я сейчас дать не могу: действовали ли тайно в надежде, что Англия *не* выступит; насколько велики резервы сырья с учетом этого выступления; есть ли в Москве и Токио основания, делающие справедливыми такие перспективы? С точки зрения оценки этих оснований, ответственность несут фюрер, а наряду с ним — Геринг и — о иронии мировой истории! — человек «формата» Риббентропа. Со всеми вытекающими из понятия фюрерского государства последствиями.

Войдя 1 сентября в здание рейхстага, я в вестибюле увидел

* После разгрома оставшейся части Чехословакия в марте 1939 г. Закарпатская [Галицийская] Украина, вопреки ее желанию стать автономной, была передана Венгрии. *Примеч. нем. изд.*

** *Извольский А. П.* (1856—1919) — царский дипломат, в 1906—1910 гг. — министр иностранных дел России. В 1910—1917 гг. — посол во Франции. Отказался вернуться в Россию и вел активную антисоветскую политику. *Примеч. сост.*

Геринга. Мы отошли в сторону. *Он:* вы знаете, что Муссолини участвовать отказался? *Я:* да, о его письмах мне известно. *Геринг:* сегодня утром он снова повторил свою позицию. *Я:* обоснованной оценки сегодняшнего решения дать не могу. У меня лишь такое чувство, что в последние годы мы усердно недооценивали Англию и говорили с ней не так, как говорят с великой державой. *Геринг:* сегодня я, как лев, боролся за то, чтобы отодвинуть решение (о начале войны против Польши. — *Сост.*) еще на 24 часа, дабы смогли оказать свое действие 16 пунктов*. Риббентроп видел, что фюрер разговаривал с Гендерсоном решительно, и этот карлик духом счел нужным говорить с ним еще более резка Гендерсон пожаловался мне, что Риббентроп прочитал ему предложения слишком быстро. В ответ на это я сделал то, чего делать не смел: еще раз медленно прочел их ему по телефону. Иначе можно было бы сказать, что мы сделали свои предложения только для того, чтобы отвлечь внимание. *Я:* я знаю, что вами были направлены в Лондон и специальные посланцы**. Со своей стороны, я договорился о том, что политический советник британского министерства авиации в случае решения о расправе с Польшей сообщит мне из Швейцарии, можно ли еще что-нибудь сделать для сохранения мира. *Геринг:* да, я читал вашу записку фюреру.

В этот момент в здание вошел фюрер и Геринг должен был его приветствовать (как председатель рейхстага. — *Сост.*). Началось заседание рейхстага.

Вечером я побывал в Имперской канцелярии. Поступили первые сообщения о потерях на [полуострове] Вестерплатте***. Он был оборудован дотами, так что при атаке через него наши войска получали пули в спину. Сообщение [Риббентропа] о поездке в Москву и впечатлениях об этом когда-то таком знакомом мне городе. Во время ужина я сидел по правую руку от фюрера; он считает, что Гендерсон блефовал — вот только против кого: против нас или против Англии — было непонятно. Оба посла**** высказались, как

* 29 августа 1939 г. Гитлер принял британского посла Гендерсона и разъяснил ему германские требования к Польше. В ночь с 30 на 31 августа Риббентроп устно ознакомил Гендерсона с выработанными в течение дня германскими требованиями. Однако вручить ему письменный текст отказался. *Примеч. нем. изд.*

** По инициативе Геринга и с его помощью шведский промышленник Биргер Далерус попытался посредничать между Германией и Англией, чтобы избежать войны. Об этом он подробно написал в своей книге «Последняя попытка» (Мюнхен, 1948). *Примеч. нем. изд.*

*** Принадлежавший вольному городу Данцигу и расположенный перед входом в порт полуостров Вестерплатте неоднократно служил предметом спора между Данцигом и Польшей, а в марте 1938 г. был занят ее войсками. Оккупацию пришлось под давлением великих держав прекратить, но Польша получила право держать на Вестерплатте склады боеприпасов, район которых был сильно укреплен. *Примеч. нем. изд.*

**** Вечером 1 сентября 1939 г. британский и французский послы попросили совместного их приема. Риббентроп отказался и принял Гендерсона и Кулондра поодиночке. Они передали ему ноты почти одинакового текста, в которых содержалось требование немедленного прекращения военных действий и отвода войск. В противном случае оба правительства незамедлительно выполнят свои обязательства в отношении Польши. *Примеч. нем. изд.*

сообщил Риббентроп, за срок до 9 час, 30 мин. Потом мы рассматривали карту. Я сказал фюреру: британское радио оперирует понятием долгой войны. *Фюрер*: как им угодно! Ведь Англия знает, что на французской границе я поставил орудия самого крупного калибра на твердый бетон: если французы начнут стрелять по нашим городам, они получат от нас *свой* ответ. (...)

Вчера меня посетил [имперский министр сельского хозяйства] Даррë и поделился со мной своими взглядами на нынешнее положение. Я сказал ему, что я сам думаю об этом. Мы разошлись через два часа, договорившись вскоре встретиться снова. Он считает, в частности, что благодаря нынешней демаркационной линии [с СССР] мы не имеем сейчас в Румынии никаких границ и этим добились лишь того, что они [противники Германии] считали одной из своих важнейших целей, — держать нас подальше от Черного моря. Риббентроп просто мог бы претендовать на место в палате лордов. Железная дорога, ведущая в Румынию, находится в советских руках! Если теперь русские к тому же вступят в Прибалтику, то Балтийское море для нас стратегически тоже потеряно, Москва — мощнее, чем прежде, и теперь в любое время возможны ее совместные с Западом действия против нас.

Все правильно.

Я указал на высказываемую надежду на континентальный блок: Берлин, Москва, Токио. Стоит ему возникнуть, и Англия быстро запросит мира, иначе британская мировая держава взлетит на воздух. От этой возможности сейчас зависит многое — пожалуй, все*. (...)

29 сентября [1939 г.].

Сегодня фюрер вызвал меня к четырем часам в Имперскую канцелярию, чтобы обсудить предложение Риббентропа. Для начала он в течение часа обрисовал поход против Польши. Армия стоит сегодня гораздо выше, чем в 1914 г., между командованием и войсками существуют совершенно другие отношения: генералы — рука об руку с рядовыми, единая полевая кухня, генералы впереди на фронте. Когда он, как это было на Сане, принимал парад батальонов, он увидел: такого человеческого материала не найти нигде. Поляки — тонкий германский слой, а внизу — жуткий материал. Евреи там — самые ужасающие, каких только вообще можно себе представить. Города до предела грязны. За эти недели он многому научился. Прежде *feero*: если бы Польша еще несколько десятилетий господствовала бы над старыми частями рейха, все оказалось бы завшивленным и запущенным, здесь теперь может господствовать только твердая в достижении цели рука господина. Он хочет разделить установленную область на три

* Эта политическая концепция в точности соответствует тому, что попытался сделать Гитлер годом позже, когда после французской кампании возможностей для заключения мира с Англией не возникло. Эта концепция потерпела неудачу из-за визита Молотова в Берлин. *Примеч. нем. изд.*

полосы: 1. Между Вислой и Бугом; сюда отправить из рейха все еврейство^ а также другие чем-либо ненадежные элементы. Воздвигнуть на Висле непреодолимый вал — еще более сильный, чем на Западе. 2. На прежней границе — широкий пояс германизации и колонизации. Здесь — огромная задача для всего народа: создать германскую житницу, сильное крестьянство, переселить сюда хороших немцев со всего мира. 3. Между ними — польская «государственность». Можно ли будет спустя десятилетия передвинуть германский пояс вперед, должно показать будущее. (...)

С Москвой: он все очень хорошо обдумал. Он не смог бы воспрепятствовать некоторым захватам (порты в Эстонии и т. д.), если бы Сталин пошел вместе с Англией. Он выбрал меньшее зло и получил гигантскую стратегическую выгоду. Русские офицеры. — Генерал, которого к нему прислали, мог бы у нас командовать только батареей — не больше. Ведь Сталин истребил командный слой. Он боялся войны. Он боялся разбитой армии точно так же, как и победившей. И все-таки: основная масса пехоты имеет определенный вес. Однако как моряков русских опасаться нечего. <...)

Хочет ли он [фюрер], эвентуально, вести войну на Западе наступательно? Разумеется, линия Мажино больше его не пугает. Раз англичане мира не желают, он нападет на них всеми имеющимися в его распоряжении средствами и уничтожит их. Потери в войне с Польшей: для государства с 84 миллионами жителей они должны исчисляться в 100 000 — 200 000 убитых. У нас пока 8000 убитых и 30 000 — 35 000 раненых. Это показывает, что нанесение удара сейчас было правильным. Через пять лет Польша усовершенствовалась бы, преобразовалась и так легко захваченной не оказалась бы. (...)

5 октября [1939 г.].

(...) Дарре с возмущением рассказал мне об одном эпизоде с Риббентропом. Дарре тоже присутствовал на вокзале на проводах Чиано. Там Риббентроп в присутствии Лея рассказывал Дарре о своих московских впечатлениях: русские были очень милы, он чувствовал себя среди них, *как среди старых партайгеноссен!* Да это же просто наглейшее оскорбление, какое когда-либо могло быть нанесено национал-социализму. То, что Риббентроп ничего не смыслит ни в большевизме, ни в национал-социализме, было ясно всегда. Но то, что он настолько возмнил о себе, чтобы сказать такое публично, показывает, *какой* тип человека имеем мы в его лице в такой тяжелой ситуации.

Кстати, Сталин произнес здравицу не только в честь фюрера, но и в честь *Гимmlера* как гаранта порядка в Германии. Гимmlер уничтожал коммунистов, то есть тех, кто верил в Сталина, а тот — причем без всякой необходимости — провозглашает «хох» истребителю тех, кто ему верит! Он — великий человек, говорили Риббентроп и его окружение. (...)

Ко всему этому следует еще сказать, что в данный момент я

считаю бессмысленным жаловаться на то, что изменить нельзя. Ведь оценка положения состоит не в решении идти вместе с Советским Союзом или же нет, не в отказе от старой линии, начиная с того времени, когда Риббентроп был послом в Англии (с лета 1938 г. — Сост.) и оказался там несостоятельным в решении той задачи, которая перед ним была поставлена. Я переслал фюреру несколько своих записок с целью подробного изложения моих мыслей при личной беседе, но, несмотря на многие попытки, такой возможности не получил. В сложившейся обстановке решение, принятое с целью избежать отступления, было понятно, даже, пожалуй, необходимо.

Но ясно одно: Москва стратегически невероятно продвинулась вперед и теперь закрепится в Прибалтике. Сначала на «базах», а затем и полностью. Тем самым Балтийское море перестает быть германским морем, теперь на Севере оно будет находиться под угрозой Москвы, более того, она будет *господствовать* там. На Юге [у нас] — никакой общей границы с Румынией, и если бесарабский вопрос пока отложен в сторону, он тоже возникнет в будущем. Плюс, разумеется, следует назвать разгром Польши, заселение Западной Пруссии и Восточный вал над Вислой. Само по себе это для нас — огромное облегчение.

Но возникает *суровый* факт: если Англия будет идти в ногу с событиями, она снова мобилизует Россию против нас при любом сопротивлении, которое мы где-либо ей окажем. Ибо мы спустя 6—10 лет будем снова стоять между двумя фронтами. Учитывая теперешнее положение, *решающее* ослабление Великобритании станет необходимостью.

Это настроение становится у нас все более общим, и если Черчилль вместе с «гитлеризмом» хочет уничтожить Германию, то мы должны добиться ослабления Великобритании. (...)

1 ноября [1939 г.].

Только что у меня состоялась продолжительная беседа с фюрером. (...) Фюрер неоднократно заявлял, что все еще считает правильным германо-английское взаимопонимание, особенно в долгосрочной перспективе. Но Англия со времен Тридцатилетней войны [1618 — 1648] привыкла смотреть на Германию сверху вниз и натравливать ее на других. Мы делали все от нас зависящее, но там господствует возглавляемое евреями безумное меньшинство. Чемберлен — безвольный старик. Кажется, они не прозреют до тех пор, пока однажды не получат наконец страшного удара. Он [фюрер] не понимает, чего они, собственно, хотят. Даже при английской победе в выигрыше на самом деле окажутся Соединенные Штаты, Япония и Россия. Англия выйдет из войны лишь разорванной в клочья, не говоря уже о том, что будет, если она войну проиграет. Он даже считает, что при всей их симпатии [к Англии] многие американцы тоже потирали бы руки при виде британских потерь. Я: конечно, США хотят получить в наследство

господство в Южной Америке. А в остальном я думаю, что в официальных речах надо избегать психологической опасности, будто ради желанной дружбы с Англией мы готовы отдать все на свете, а затем в тех же речах выставить Англию как убийцу, лгуна и насильника над народами. В качестве перехода от одного утверждения к другому нам надо говорить, что есть *две* Англии: сильная Англия, которая является фактором безопасности и культуры, и вторая — бессовестная и руководимая евреями. У нас надеялись идти вместе с *первой*. И не наша вина, если верх взяла *вторая*. *Фюрер*: вы совершенно правы. *Я*: этот разрыв был очень заметен в последней речи Риббентропа, и Лондонское радио насмехается над ним: слишком зелен виноград!.. (...)

И ноября [1939 г.].

(...) Рудольф Гесс — старый верный сотрудник фюрера, наверняка готовый для него на все. Но во времена борьбы он был *секретарем*, то есть никогда не формировал и не защищал идей, никогда не помогал организовывать партию. Его способность к оценкам была, таким образом, не опробована и не сформирована. К этому добавилась его болезнь, желудочное заболевание, сопровождающееся сильными болями; эта болезнь ослабила его решительность. Его окружали врачи, целители всякого рода. В его окружении находились также астрологи и всяческие шарлатаны. Самые простые дела многие годы оставались нерешенными. (...). Так как по части надежности и энергичности его превосходит только Геринг, он ставил и ставит на моем пути разные препятствия, многие из которых носят второстепенный характер. Он абсолютно порядочный и скромный человек и даже называет меня самым сильным мировоззренческим умом нашего движения, но стремление сохранить свое положение помешало ему быть истинно великодушным. (...)

2 января [1940 г.].

(...) Геринг прислал мне по случаю Нового года особенно сердечную телеграмму с выражением «чувства верности нашим взаимоотношениям». Я буду рад и дальше идти с ним заодно. Мы — два в корне различных между собою человека, имеем две области своей работы и питаем друг к другу взаимное уважение. (...)

27 января [1940 г.].

Сегодня днем фюрер был снова очень весел. Признание Ллойд-Джорджа, что Польша послужила лишь поводом для британской политики войны, очень обрадовало его. (...) И другие весьма сбивчивые голоса показывают, что, как он говорит, англичанам приходится туго. 60 % их импорта продовольствия они потеряли, а компенсировать эту потерю могут только на 40 %.

Во время обеда фюрер говорил о Польше. Узкий прежде гос-

подствовавший слой рассматривал страну как свою плантацию, а сам больше жил в Париже, чем в стране. (...) Настоящего сопротивления, считает фюрер, в Польше ожидать не приходится. Потом фюрер похлопал меня по руке и смеясь сказал: сопротивление наблюдается только у прибалтов*.(...)

Гесс передал фюреру сообщение одного немецкого капитана, который спустя многие годы побывал в Одессе. Этот капитан, в противоположность прошлому, не увидел в органах власти ни одного-единственного еврея. Это дало повод к оживленной дискуссии насчет того, *действительно ли* в данном отношении в России готовится поворот. Я высказал мнение, что если эта тенденция начнется, то закончится она ужасными еврейскими погромами. Фюрер сказал: что ж, тогда испуганная Европа будет просить *его* позаботиться о восстановлении гуманности на Востоке... Все рассмеялись. *Фюрер*: а Розенберг стал бы главной пишущей силой возглавленного мною конгресса за гуманное обращение с евреями. (...)

Из книги: *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Nach der photographischer Wiedergabe der Handschrift aus Nürnberger Akten herausgegeben und erläutert von Dr. Hans-Günther Seraphim. Musterschmitt-Verlag, Göttingen, 1956.*

На русском языке публикуется впервые

* Розенберг был по происхождению прибалтийским немцем. *Примеч. сост.*

ГУСТАВ ХИЛЬГЕР

Советник посольства гитлеровской Германии в СССР

Я ПРИСУТСТВОВАЛ ПРИ ЭТОМ*

Густав Хильгер родился в 1886 г. в Москве в семье немецкого фабриканта и с детства свободно владел русским языком. Став карьерным дипломатом, он с 1923 г. и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. Как и его шеф, посол граф Вернер фон дер Шуленбург, не был активным и убежденным нацистом и являлся сторонником мирных добрососедских отношений Германии с Советским Союзом. Во время войны служил в министерстве иностранных дел; в 1948—1951 гг. жил в США, а в 1953—1956 гг. был советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам».

МОСКОВСКАЯ УВЕРТЮРА

(...) Несколько слов о моем личном отношении к национал-социализму, которому я служил с 1933 по 1945 г. Никто не ожидает от меня извинений или самооправданий, которые стали обычными в послевоенное время. Я не ощущаю потребности защищать мои поступки и взгляды, и у меня нет никакого стремления оправдывать свою позицию или раскаиваться в ней.

Я не был ни приверженцем национал-социализма, ни активным борцом Сопrotивления. Я не принадлежал ни к нацистской партии, ни к какой-либо группе Сопrotивления. Поскольку большую часть своей жизни я провел в Москве, у меня не было случая участвовать во внутривластительской жизни Германии или же пользоваться своим избирательным правом. Находясь в Москве, я был территориально недостаточно близок к событиям в Германии, к тому же и отпуска я по большей части проводил вне ее, желая узнать другие страны и других людей.

Мое отношение к гитлеровскому режиму было поэтому неустойчивым и нечетко выраженным. До 1933 г. зрелище коричневорубашечников, марширующих по улицам германских городов, вызывало у меня отвращение и будило во мне мрачные предчувствия. Первые полтора года после того, как Гитлер пришел к власти, опасения мои, казалось, не подтверждались. События 30 июня

* Заголовок дан составителем.

1934 г.* особенно сильно ошеломили меня, и от этого потрясения я долго не мог прийти в себя. С другой стороны, когда я приезжал в отпуск в Германию, меня после минувших лет безработицы и экономической нужды поражали чистота, порядок и хозяйственный подъем. К этому добавлялись обманчивые успехи гитлеровской внешней политики. И хотя меня постоянно вновь и вновь посещали сомнения относительно конечного итога этого идеологически совершенно чуждого мне эксперимента, я не видел никакой настоящей причины не служить тому правительству, с которым все западные демократии по-прежнему поддерживали дипломатические отношения. К тому же не имелось никаких признаков, чтобы какое-либо иностранное правительство облегчило жизнь какому-нибудь направленному на переворот движению, которое могло бы одержать верх в Германии. Наоборот, англо-германское военно-морское соглашение 1935 г. и участие всех стран в Олимпийских играх 1936 г. в Берлине поощрили Гитлера к неуклонному дальнейшему продвижению по своему пути.

Внутри посольства «третий рейх» ощущался мало. В кадровом составе на первых порах никаких изменений не произошло. (...)

К счастью, ни посол Надольный, ни его преемник граф Шуленбург не были истинными нацистами, а посему и не требовали от персонала посольства доказательств лояльности к правящему режиму. Шуленбург даже не давал себе труда сам писать речи, которые он должен был произносить в официальных случаях (таких, например, как «День рождения фюрера»), а поручал партийному старосте подготовить подходящий текст, который потом зачитывал со скачующим видом.

Когда 12 мая 1934 г. Надольный покинул Москву и отправился в Берлин, чтобы передать Гитлеру свою памятную записку о необходимости улучшения германо-советских отношений, я находился в очередном отпуске. Известие об отставке Надольного дошло до

* Речь идет об учиненной Гитлером и вошедшей в историю под названием «Ночь длинных ножей» кровавой расправе (руками СС и гестапо под главенством Гимmlера и Геринга) со своими сообщниками по партии и соперниками в борьбе за абсолютную власть во главе с начальником штаба СА (штурмовых отрядов) Эрстом Рёмом. Они отражали настроения мелкобуржуазной массы нацистского движения, требовавшей осуществления демагогических псевдосоциалистических обещаний фюрера («второй революции»), а потому представляли определенную опасность для монополистического капитала и военщины. Одновременно были убиты опасный личный конкурент Гитлера, лидер оппозиционного крыла нацистской партии Грегор Штрассер и бывший рейхсканцлер Германии генерал Курт фон Шлейхер, располагавший секретным досье времен первой мировой войны о психическом расстройстве фюрера на почве венерической болезни.

Эта кровавая акция Гитлера против своих личных соперников и оппозиционных элементов в фашистской партии, совершенная менее чем за полгода до убийства 1 декабря 1934 г. Кирова и начала массовых репрессий в СССР, получила одобрительную оценку Сталина. По свидетельству А. И. Микояна (приведенному В. М. Бережковым в телефильме «Свидетель»), Сталин отозвался о Гитлере так: «Какой молодец! Вот как надо справляться с политическими противниками!» *Примеч. сост.*

меня в Цюрихе и тем более поразило, что при отъезде из Москвы посол был твердо уверен в успехе своей миссии. Поэтому я решил сократить свой отпуск, ибо смена посла, а еще больше — лежавшие в основе ее мотивы вызвали у меня серьезные опасения. Я не только считал уход Надольного плохим предзнаменованием для дальнейшего развития германо-советских отношений, но и сожалел о нем по личным причинам, так как охотно работал под его началом.

С большим облегчением я вскоре узнал, что преемником Надольного назначен граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. Я знал графа Шуленбурга еще с тех времен, когда он был послом в Персии и на пути между Тегераном и Берлином имел обыкновение останавливаться в Москве. О нем мне было известно лишь то, что у него есть только друзья, а врагов нет. Действительно, Шуленбург обладал необыкновенным обаянием, благодаря которому он сразу же завоевывал доверие и симпатию любого человека, вступавшего с ним в контакт. К тому же помимо богатого профессионального опыта он обладал обширными знаниями, что делало личное общение с ним весьма привлекательным.

Семилетнее пребывание Шуленбурга на посту посла в Москве показало, что никто другой не смог бы так искусно, с такой осмотрительностью и достоинством представлять германские интересы в Советском Союзе в те тяжелые времена, как он. Сознательно отказавшись от собственной инициативы и следуя принципу: политика — искусство возможного, Шуленбург сослужил в Москве большую службу германской стороне. В связи с той опасностью, которой постоянно подвергались германо-русские отношения в те годы, другой на его месте или спасовал бы перед трудностями, или же реагировал на взаимную перебранку таким образом, что это сделало бы его пребывание в Москве невозможным. (...) Именно благодаря, в частности, этому германо-русские отношения выдержали кризис и в августе 1939 г. были направлены на осуществление той задачи, которая, как тогда верил Шуленбург, должна была служить не только германским интересам, но и делу мира*.

То, что дело приняло противоположный оборот, явилось как для него, так и для меня горьким разочарованием. Во время войны между Германией и Советским Союзом мы делали все, что было

* По свидетельству генерал-лейтенанта бывшего КГБ СССР С. Кондрашева, из агентурных материалов архива ОГПУ — НКВД довоенного периода «следует, что нацистское руководство было недовольно деятельностью Шуленбурга и рассматривало возможность акции против него со стороны гестапо» и, более того, замышляло против него террористический акт, предотвращенный советской контрразведкой. «Шуленбург, — говорится далее, — считал себя другом тогдашнего Советского Союза», он «увидел угрозу нацизма и в течение последующей жизни был его убежденным противником», а также «глубоко переживал крушение своих надежд на улучшение отношений Германии с Советским Союзом». Он считал, что советско-германский пакт 1939 г. — «это временная мера, она дает лишь передышку». Он осуждал Риббентропа и его руководство внешней политикой Германии». — Известия. 1992. 4 февр. *Примеч. сост.*

в наших силах, чтобы противодействовать преступной политике Гитлера в оккупированных Германией восточных областях, проявлявшейся также в обращении с советскими военнопленными. Когда позже немецкие оппозиционные круги обратились к Шуленбургу, чтобы привлечь его к осуществлению своих стремлений, он заявил о своей готовности в случае возможного переворота* занять пост министра иностранных дел в новом национальном правительстве. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. этот факт стал известен следственным властям и привел к казни Шуленбурга 10 ноября 1944 г.

(...) Советская внешняя политика в середине 30-х годов определялась глубоко укоренившимся страхом Советского правительства перед национал-социалистической агрессией. Этот страх побудил Москву вступить в Лигу Наций и повести настойчивую, решительную борьбу за признание принципа: «Неделимость мира и коллективная безопасность». Одновременно Кремль, напрягая все силы, пустился в гонку со временем, стремясь обезопасить страну в политическом, экономическом, идеологическом и военном отношениях. Внутри страны и за ее пределами он видел только врагов. Убийство Кирова 1 декабря 1934 г. развязало такой террор, который по своей интенсивности и длительности превосходил все имевшее место ранее. Это породило страх перед шпионами и вражеской деятельностью, который систематически подогревался сверху; советские граждане, вызывавшие малейшее подозрение, что они имеют какие-либо контакты с границей и иностранцами, безжалостно ликвидировались НКВД. В течение четырех лет коммунистическая партия переживала потрясения, вызванные гигантского масштаба чисткой, жертвой которой стала преобладающая часть руководящего слоя старых большевиков, ибо Сталин, в то время, когда требовалась абсолютная концентрация всех сил, не желал терпеть рядом с собой никого, от кого могло исходить хотя бы самое молчаливое сомнение, а тем более угроза его притязаниям на единоличную власть. Советский режим предпринимал отчаянные усилия, чтобы утвердить себя перед лицом опасности, которая, как считал он, исходила от Германии. (...)

Из страха перед усиливающимся «третьим рейхом» Советское правительство в начале 1935 г. пришло к мысли привлечь Германию к пакту о взаимопомощи, в который должны были вступить все восточноевропейские государства. Крестинский** открыто сказал германскому послу, что слова и дела Гитлера вызвали столь глубокое недоверие, что одними словами доверия не восстановить. Двусто-

* Речь идет о сорвавшемся заговоре 20 июля 1944 г. (бывший обер-бург-мистр Лейпцига Гёрделер, фельдмаршал Вицлебен, генерал-полковник Бек, полковник фон Штауффенберг и др.) против Гитлера. *Примеч. сост.*

** Крестинский Николай Николаевич (1883—1938) — советский дипломат, в 1921—1930 гг. — полпред в Германии, в 1930—1934 гг. — заместитель, а в 1934—1937 гг. — первый заместитель наркома иностранных дел СССР. *Примеч. сост.*

роннее соглашение только между Советским Союзом и Германией не обеспечило бы необходимой безопасности. Желаемый же Кремлем многосторонний пакт о взаимопомощи достиг бы своей цели, поскольку дал бы Германии желаемую ею безопасность и сделал бы излишним ее дальнейшее вооружение. Однако министерство иностранных дел дало посольству указание заявить Советскому правительству, что Германия предпочитает защитить себя собственными силами. В глазах Гитлера пакт являлся мероприятием, пользу из которого извлекли бы лишь Советский Союз и Франция. Он считал, что безопасности Германии ничто не угрожает, полагаясь на ее силу и не имея ни малейшего намерения ограничивать свою программу вооружения. Тем не менее русские в первые месяцы 1935 г. твердо держались за свои предложения. (...)

Предложение заключить «Восточный пакт» с участием Германии было лишь одной из попыток Советов найти модус вивенди с национал-социалистической Германией. Подобный зондаж проводился постоянно, не только в доверительных беседах, но иногда и в официальных заявлениях. Этому противостояли высказывания Гитлера, которые все время обостряли напряженность между обеими странами. Его речи в рейхстаге 8 марта 1936 г. и 30 января 1937 г. были настоящим объявлением «холодной войны», а в своей речи на Нюрнбергском съезде партии он зашел даже так далеко, что заговорил о заинтересованности Германии в богатствах Урала, Сибири и Украины. Четыре дня спустя Ворошилов ответил заявлением, в котором говорилось, что его страна готова к войне.

В 1936 г. началась гражданская война в Испании — европейская прелюдия к мировому вооруженному конфликту. В том же году Германия и Япония закрепили свое партнерство прямым направленным против Советского правительства договором — так называемым «Антикоминтерновским пактом», хотя русские и в 1936 г. продолжали свои усилия по сближению с Германией. (...)

Заключение «Антикоминтерновского пакта» усилило стремление Сталина к отражению неуклонно нарастающей агрессивности Гитлера. Кроме заключения пакта о взаимопомощи с Францией имелись и многие другие признаки, позволявшие сделать вывод, что в 1935 — 1937 гг. Сталин интенсивно занимался созданием коалиции против Гитлера. Но он не достиг никакого успеха, ибо Англия и Франция мирились с провокациями Гитлера, не реагируя на них активным образом. Это вызывало у советского диктатора подозрение, что в случае нападения Германии на Советский Союз западные державы и пальцем не пошевельнут, а при определенных условиях даже будут делать общее с Гитлером дело. Сталин еще больше укрепился в этом своем предположении вследствие нерешительного поведения западных держав в вопросе о «коллективной безопасности», пока мюнхенские события осенью 1938 г. не убедили его окончательно в том, что все его усилия по созданию совместного оборонительного Фронта против Германии обречены на провал. (...)

Начавшееся новое сближение Германии и Советского Союза явилось результатом взаимного «давай и бери», причем нельзя точно установить ни долю имевшегося в каждом отдельном случае дипломатического воздействия, ни того момента, когда та или иная сторона приняла решение о договоренности. Эта мысль зрела как в Берлине, так и в Москве постепенно, с учетом степени готовности партнера к переговорам. Обе стороны должны были сначала осторожно нащупывать сферу переговоров, ибо оба правительства видели перед собой нагромождение недоверия и испытывали множество опасений. Но когда они были преодолены, события обрушились с драматической быстротой и в течение всего нескольких дней привели к заключению договоров, чреватых серьезными последствиями.

Первые конкретные признаки стремления к разрядке в отношениях стали заметны осенью 1938 г., когда возникшая в результате взаимной перебранки атмосфера стала невыносимой и обеим сторонам стало ясно, что надо, безусловно, найти какой-то выход, иначе военное столкновение неизбежно. На основе осознания этого факта в октябре 1938 г. между графом Шуленбургом и Литвиновым была достигнута договоренность о том, что пресса и радио обеих стран в будущем должны воздерживаться от прямых нападок на глав государств. Готовность Сталина к такой договоренности с гитлеровской Германией была следствием Мюнхенской конференции, и прежде всего того факта, что западные державы провели эту конференцию без участия Советского Союза. Отсюда недоверчивый советский диктатор сделал вывод, что западные державы не только не имели намерения оказать сопротивление Гитлеру, но при подходящем случае даже поддержали бы его, если бы тот принял решение напасть на Советский Союз. Более того, у него сложилось впечатление, что передача Германии Судетской области явилась платой за войну, которую она должны была развязать против Советского Союза. Гитлер же, напротив, стал склоняться к мысли о соглашении с Советским Союзом после сделанного Чемберленом по возвращении в Лондон заявления, что западные державы должны вооружаться.

Во второй раз мир затаил дыхание 19 декабря 1938 г., когда было подписано торговое соглашение между Германией и Советским Союзом. Хотя речь шла лишь о продлении действовавшего торгового и платежного соглашения на следующий год, один тот факт, что на этот раз продление последовало своевременно, а не с затяжкой на три месяца, как было год назад, оказался достаточным, чтобы привлечь к себе внимание всего мира.

Третьим признаком возможности изменения напряженных отношений явился доклад Сталина 10 марта 1939 г. на XVIII съезде партии, где он заявил, что подозрительный шум, поднятый французской, английской и американской прессой по вопросу об Украине,

имеет целью натравить СССР на Германию и спровоцировать конфликт, никаких видимых причин для которого нет. Это заявление Сталина существенно способствовало подготовке почвы для германо-советского взаимопонимания, хотя незадолго перед тем Сталин возобновлением переговоров с Англией и Францией о создании общего оборонительного фронта против германской агрессии дал понять, что намерен и в состоянии держать в запасе два варианта. Однако колеблющееся поведение англичан и французов укрепило его подозрение, что западные державы охотно втянули бы Советский Союз в войну против гитлеровской Германии, но не были готовы сами принести для этого жертвы или же пойти на риск. Несомненное доказательство того Сталин увидел в отказе западных держав признать справедливость советского требования в случае германского нападения предоставить советским войскам возможность пройти через Польшу и Румынию.

Несмотря на это, Литвинов последовательно продолжал придерживаться своего плана создания системы коллективной безопасности и неустанно стремился к соглашению с западными вами. Это привело Сталина к мысли, что Литвинова надо отстранить, чтобы достигнуть взаимопонимания с Германией. К тому же Литвинов и как личность являлся для него помехой, ибо был еврей. По этой причине 3 мая 1939 г., совершенно неожиданно для мировой общественности, Литвинов был смещен с поста народного комиссара иностранных дел. Еще 1 мая он во время традиционного военного парада на Красной площади находился в непосредственной близости от Сталина*, а 2 и 3 мая вел переговоры с британским послом сэром Уильямом Сидсом. Но уже на следующий день советская печать сообщила, что на пост народного комиссара иностранных дел назначен Председатель Совета Народных Комиссаров Вячеслав Молотов.

В результате к нему было привлечено внимание мировой общественности. В последние два года перед нападением Германии на СССР я бесчисленное множество раз встречался с ним, и его облик глубоко запал мне в память. Хотя мне приходилось видеть его и одного, и в присутствии Сталина, у меня всегда складывалось впечатление, что он не проявлял никакой собственной инициативы и был счастлив играть роль послушного орудия в руках диктатора. Молотов сумел в течение двух десятилетий держаться в стороне от внутрипартийных споров и пережил жестокое время массовых чисток столь благополучно, что ни один волос с его головы не упал. Его усердие, его работоспособность, его память были беспримерны. Вероятно, обладая он большей гибкостью и умением реалистически оценить существовавшее в то время соотношение сил, он послужил бы интересам собственной страны лучше, нежели своим вошедшим в поговорку вечным «нет». Как ни предан был Молотов своему властелину и повелителю, я все же думаю, что смерть Сталина вызвала

* Судя по сообщениям советских газет, М. М. Литвинова не было на трибуне Мавзолея. См.: Правда. 1939 3 мая; Известия. 1939 4 мая. *Примеч. сост.*

у него вздох облегчения. Поручив этому человеку на решающей фазе развития германо-русских отношений осуществление своих приказов в области внешней политики, Сталин мог быть уверен, что никто другой не проявит такой верности долгу и такого слепого повиновения, как именно Молотов. Он был первым, кто изгнал из Комиссариата иностранных дел последних представителей интеллигенции, которые налагали свой отпечаток на это учреждение, и окружил себя почти исключительно великоруссами, воспитанными так, чтобы беспрекословно воспринимать даже самые ошеломляющие повороты сталинской внешней политики.

Поэтому кажется оправданным предположение, что без предпринятой Сталиным широкомасштабной чистки государственного аппарата и партии союз между ним и Гитлером едва ли смог бы возникнуть, ибо такая попытка сорвалась бы из-за оппозиции со стороны Бухарина, Радека, Крестинского, Зиновьева, Раковского и им подобных.

Неожиданная отставка Литвинова не ускользнула от внимания Гитлера. Через два дня после получения Гитлером известия об этом министерство иностранных дел дало мне указание немедленно прибыть в Германию и явиться к министру. До тех пор я с господином Риббентропом лично не встречался. Но на основании всего того, что я о нем слышал, ждал этой встречи со смешанным чувством. Я был бы избавлен от этой поездки, если бы Шуленбург как раз в тот момент не отсутствовал в Москве (он должен был представлять имперское правительство на свадьбе наследника иранского престола) и если бы военный атташе генерал Кёстринг тоже не находился в поездке где-то по Восточной Сибири.

Приехав в Берлин, я узнал, что министр иностранных дел находится в Мюнхене. Гитлер пребывал в Оберзальцберге, около Берхтесгадена, а Риббентроп всегда старался держаться поблизости. В результате я встретился с министром только 9 мая в Мюнхене. Мое первое впечатление о нем подтвердилось позднейшими наблюдениями. То был человек, занимавший пост, для которого он не имел ни надлежащего образования, ни дипломатического чутья и такта. Вследствие этого он страдал комплексом неполноценности, который стремился прикрыть претенциозными манерами, порой совершенно невыносимыми для окружающих. В своих постоянных усилиях утвердить себя в качестве важной персоны он ввел гротескный стиль жизни и работы, считая его подходящим для своего поста. Но чтобы министр орал на поседевшего на службе дипломата высокого ранга, да так, что срывал голос, в прежнее время в министерстве иностранных дел было просто невымыслимо. Риббентроп же явно считал своим долгом и в этом копировать своего фюрера. Значительная часть его деятельности проходила в спорах с коллегами о компетенциях, чем он, кстати, способствовал усилению проводившейся Гитлером политики раздувания распри и ревливой зависти между членами своего кабинета. Риббентроп беспрестанно старался удержать благосклонность Гитлера и давать ему доказательства своей мнимой незаме-

нимости. Один из применявшихся им способов заключался в том, что он имел при Гитлере своего доверенного человека, который был обязан постоянно сообщать ему, какие идеи и мнения высказывал фюрер в самом узком кругу приближенных, особенно во время ночных бесед с ними. Из этих высказываний Гитлера Риббентроп делал выводы о его намерениях и помыслах и при первой же okazji выдавал их ему за свои. Гитлер часто клевал на эту уловку Риббентропа и неоднократно превозносил его «феноменальную интуицию» и прозорливость, пока со временем глаза у него не открылись и он не увидел всю неполноценность своего министра иностранных дел.

Одной из привилегий, которую Риббентроп считал неотъемлемой от своей должности, был специальный поезд, который он потребовал для себя вскоре после начала войны, чтобы повсюду следовать за Гитлером и поддерживать с ним контакт. Этот особый поезд состоял из вагона-салона для самого министра, двух вагонов-ресторанов и вагонов для многочисленных сопровождающих лиц: референтов, адъютантов, секретарей и секретарш. Вся эта компания производила впечатление сущего цирка, который по требованию или прихоти своего хозяина разбивал свои шатры то здесь, то там.

Из вопросов, которые Риббентроп задал мне в Мюнхене, и по тому вниманию, с каким он выслушал мой доклад об общем положении в Советском Союзе, я сделал вывод, что он нуждается в информации для Гитлера, у которого после отставки Литвинова возник интерес к СССР. Мои сообщения явно отвечали тому, что сам Риббентроп желал доложить фюреру, ибо он закончил беседу словами, что еще сегодня же во второй половине дня хочет посетить Гитлера в Оберзальцберге, а я должен находиться в Берхтесгадене в готовности на тот случай, если фюрер пожелает увидеть меня лично.

Однако ничего подобного не произошло. Я напрасно прождал до позднего вечера в Берхтесгадене, чтобы в конце концов выехать в Зальцберг, куда поздно вечером приехал и Риббентроп. Только на другой день в полдень нам сообщили, что Гитлер ожидает нас, и мы сразу же отправились в Бергхоф. Но сначала мне пришлось еще немного подождать, пока Риббентроп будет готов, поскольку он имел обыкновение спать до полудня. А потом мы с бешеной скоростью помчались по крутым поворотам на гору, где нас поджидала куча адъютантов с выражением ужаса на лицах и со словами, что фюрер уже проявляет нетерпение.

Через несколько секунд я стоял перед Гитлером, который подошел к нам, устремив на нас какой-то особенный, словно подстерегающий взгляд. Ни при этой, ни при последующих встречах с Гитлером я не испытал никакого завораживающего воздействия, которое ему так часто приписывалось. Его ничем не примечательный облик, заурядная челка, спадавшая на лоб, и смешные усики производили столь непривычное впечатление, что я невольно спросил себя, да возможно ли, чтобы одно его появление приковывало к себе взоры такого множества людей! А во время после-

довавшей затем беседы мне просто отвратительной показалась его привычка все время обкусывать ногти.

После краткого приветствия, во время которого не было сказано почти ни единого слова, мы прошли в одно из столь часто описывавшихся помещений, на торцевой стене которого имелось огромное окно с видом на великолепный альпийский ландшафт. Мы сели за круглый стол, я — напротив Гитлера, а Риббентроп — справа от него. Присутствовали лишь генерал-полковник Кейтель — начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, Карл Шнурре — заведующий Восточным отделом экономического управления министерства иностранных дел и Вальтер Хевель — связной Риббентропа с Гитлером. (...) Накануне вечером я имел случай говорить с Хевелем насчет предстоявшей встречи с Гитлером. Я высказал свою озабоченность тем, что, поскольку у меня с деловой точки зрения совершенно другие взгляды, чем у Гитлера, мне с трудом удастся внушить ему мои представления о Советском Союзе. Хевель успокоил меня: беспокоиться мне нечего, так как Гитлер по своей привычке вообще не даст мне произнести ни слова, а, наоборот, будет развивать свои собственные мысли насчет России, после чего закончит совещание, так и не предоставив мне возможности высказаться.

Однако на деле получилось иначе: Гитлер открыл совещание вопросом о причинах, побудивших Сталина дать отставку Литвинову. Я ответил: по моему убеждению, он сделал это потому, что Литвинов стремился к соглашению с Англией и Францией, между тем как Сталин считал, что западные державы намерены заставить Россию в случае войны таскать для них каштаны из огня. Гитлер ничего не ответил, но взглядом дал понять Риббентропу, что мое объяснение внесло для него ясность. Затем он спросил, верю ли я в то, что Сталин при определенных условиях был бы готов установить взаимопонимание с Германией. Я почувствовал желание сделать Гитлеру резюме германо-советских отношений с 1933 г. и напомнить ему, как часто Советское правительство в первые годы его правления выражало желание сохранить прежние дружественные отношения с Германией. Однако я ограничился указанием на то, что 10 марта Сталин заявил: для конфликта между Германией и Советским Союзом никаких видимых причин нет. Меня поразило, что ни Гитлер, ни Риббентроп не были знакомы с этой речью, хотя посольство в Москве подробно сообщило о ней. По просьбе Риббентропа мне пришлось дважды зачитать соответствующее место.

Гитлер не высказал никакого собственного мнения о взаимопонимании с Советским Союзом, но потребовал, чтобы я доложил, «как в общем и целом обстоят дела в России». После того, что сказал мне Хевель, я менее всего ожидал этого. Итак, я для начала вдохнул поглубже, чтобы подумать, с чего же начать и чем кончить. Затем начал с констатации, что хотя большевизм и представляет для всего мира огромную опасность, но, на мой взгляд, его

сдерживают твердая позиция и разумные экономические и политические соглашения. Я подчеркнул неоспоримые успехи индустриализации в СССР и растущую силу советского режима, а также указал на то, что огромные чистки 1936—1938 гг., жертвами которых пали до 80 % высших военачальников Красной Армии, хотя и значительно ослабили военную мощь Советского Союза, но отнюдь не уничтожили ее. Я обрисовал смысл и значение той борьбы за власть, которая шла между Сталиным и оппозиционными течениями, и рассказал, какой идеологический балласт Сталин выбросил за борт, когда ему стало ясно, что на базе одной лишь коммунистической доктрины здорового и способного противостоять всем государственного организма не создать. Имея в виду усилия Сталина заменить революционный энтузиазм новым советским патриотизмом, я упомянул об оживлении возвеличивания национальных героев, старых русских традиций, о недавних мерах по поощрению семейной жизни, о введении вновь строгой дисциплины в армии, на промышленных предприятиях и в школах, а также о борьбе с экспериментами в области театра, музыки и изобразительных искусств.

Гитлер весь подался вперед и слушал внимательно. Впервые сделав паузу, чтобы немного передохнуть, я надеялся, что теперь Гитлер перейдет к вопросу о будущих отношениях между Германией и Советским Союзом. Но я сильно ошибся: он ограничился несколькими равнодушными словами благодарности при прощании. Потом я узнал, что он выразил Риббентропу недовольство моими высказываниями насчет успехов советской индустриализации и укрепления национального самосознания населения. «Вполне возможно, — сказал он, — что Хильгер стал жертвой советской пропаганды. Если это так, его представление о царящих в России условиях никакой ценности для меня не имеет. Если же он прав, я не должен терять времени, чтобы не допустить дальнейшей консолидации Советского Союза».

Тем не менее спустя десять дней после моего посещения Бергхофа посольству было дано указание сообщить русским, что теперь мы готовы возобновить переговоры о торговом соглашении и с этой целью послать в Москву д-ра Шнурре. К моему изумлению, Молотов ответил, что предшествующий ход экономических переговоров и особенно отказ от поездки Шнурре в Москву в январе создали впечатление, что имперское правительство в действительности ведет эти переговоры не всерьез и хочет использовать их лишь для того, чтобы получить политические выгоды. А потому он может заявить о своей согласии на возобновление торговых переговоров, только если для того предварительно будет создана необходимая «политическая основа». Тщетно пытался граф Шуленбург выяснить, что же он понимает под «политической основой».

В ответ на сообщение Шуленбурга в Берлине было решено «вести себя совершенно спокойно и выждать, не заговорят ли рус-

ские снова». Мы же в московском посольстве были склонны предполагать, что слова Молотова следует считать равнозначными приглашению к политическому взаимопониманию. Но, спрашивается, можно ли принимать подобное откровение всерьез? Действительно ли русские решились пойти⁴ на взаимопонимание с национал-социалистической Германией, или же их предложение — только трюк с целью оказать давление на Великобританию и Францию? С другой стороны, мы наблюдали, сколь сдержанно Советское правительство вело себя по отношению к западным державам и сколь упорно оно настаивало на тех условиях, на которые, как Молотов должен был заранее знать, Англия и Франция едва ли согласятся. Так какую же цель преследует Советское правительство? Кого же Сталин предаст в конце концов?

Тем временем мысль о возможности нового сближения, несмотря на все предубеждения обеих сторон, все более укреплялась. В начале июня министерство иностранных дел вновь начало заниматься Берлинским договором о нейтралитете [1926 г.], который все еще продолжал действовать, поскольку в 1931 г. был продлен на неопределенный срок и с тех пор не денонсировался. Однако практически он потерял всякое значение, так что возник вопрос, не следует ли его оживить снова. 28 июня [1939 г.] Шуленбург имел с Молотовым встречу, во время которой заявил, что «Германия не имеет злых намерений против Советского Союза, поскольку Берлинский договор все еще остается в силе». Торговые переговоры тоже потихоньку наладились, и в начале июля советский офицер впервые снова появился на коктейле у генерала Кёстринга.

Но только в конце июля Гитлер решил взять в свои руки инициативу установления взаимопонимания с русскими. Шнурре были даны полномочия пригласить 26 июля на ужин советского поверенного в делах Астахова и торгового представителя Бабарина. На этой встрече оба русских охарактеризовали новое сближение между Советским Союзом и Германией как жизненно важное для обеих сторон. 3 августа граф Шуленбург более часа говорил с Молотовым и вынес из этой беседы впечатление, что Кремль действительно готов улучшить свои отношения с Германией, но что старое недоверие к третьему рейху и его антикоминтерновской политике еще весьма живо. Свое донесение в Берлин посол закончил словами: «Полагаю, что мои сообщения произвели на Молотова впечатление; несмотря на это, с нашей стороны потребуются значительные усилия, чтобы создать у Советского правительства перелом».

Однако тремя днями раньше в Москву прибыли британская и французская военные миссии, что, кажется, окончательно убедило Гитлера в необходимости сначала обеспечить себе прикрытие своего тыла русскими, если он до конца года желает начать войну против Польши.

В ранние утренние часы 15 августа посол получил от Риб-

бентропа срочную телеграмму с указанием немедленно посетить Молотова и сообщить ему, что он, Риббентроп, готов «прибыть в Москву с кратким визитом, чтобы от имени фюрера изложить господину Сталину точку зрения фюрера». В той же телеграмме содержалось, в частности, и такое утверждение: «Не подлежит никакому сомнению, что германо-русские отношения достигли ныне своего исторического поворотного пункта. Политические решения, подлежащие в ближайшее время принятию в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для формирования отношений между немецким и русским народами на много поколений вперед. От них будет зависеть, скрестят ли оба народа вновь и без достаточных к тому оснований оружие, или же они опять придут к дружественным отношениям. Обоим народам в прошлом было всегда хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами».

Хотя сообщения посла явно произвели на Молотова впечатление, он, казалось, полагал, что именно теперь должен проявить известную сдержанность и позволить себе ряд вопросов. Он высказал мнение, что «поездка такого выдающегося дипломата и государственного деятеля, как Риббентроп», нуждается в тщательной подготовке. Кроме того, он хотел предварительно выяснить такие вопросы: была бы Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении? Использовала бы она свое влияние на Японию, чтобы добиться улучшения отношений последней с Советским Союзом? И пойдет ли в связи с предстоящими переговорами также речь и о Прибалтийских государствах?

Когда через два дня граф Шуленбург дал на все эти вопросы утвердительный ответ, Молотов констатировал, что «первым шагом к улучшению отношений могло бы послужить заключение торгового и кредитного соглашения». Тем самым Молотов просто-напросто занял позицию, прямо противоположную той, которой он придерживался 20 мая. Тогда было сказано, что, наоборот, начало торговых переговоров зависит от предварительного создания «политической основы». Этот инцидент был характерен для тактики Сталина, который, исчерпав все имеющиеся у него возможности, произвольно — не считаясь с ранее сделанными заявлениями — менял свои установки. Более показательный пример того, что правительство Советского Союза рассматривало и использовало внешнюю торговлю только в качестве функции внешней политики, вряд ли найти. Как *sine qua pop** для заключения пакта о ненападении Молотов назвал одновременное подписание протокола, в котором «должны найти свое отражение германские заявления от 15 августа». Что имелось под этим в виду, не требовало никакого разъяснения: советское пожелание распространялось на высказанную 15 августа германскую готовность «договориться» с Советским Союзом по таким вопросам, как «Балтийское море,

* Необходимое условие (*лат.*).

Прибалтика и т. д., и в данном случае также совместно выяснить и территориальные вопросы Восточной Европы».

19 августа Молотов получил от нас сообщение, что Риббентроп, если его поездка в Москву состоится, будет уполномочен подписать специальный протокол, который должен урегулировать интересы обеих сторон в районе Балтийского моря, вопрос о Прибалтийских государствах и т. д. Хотя отныне никаких сомнений в том, что Гитлер решил отдать Прибалтийские государства Советскому Союзу, больше не было, Молотов все еще не решался дать окончательный ответ насчет приезда Риббентропа в Москву. Наоборот, он окопался за необходимостью получить инструкции «своего правительства» (Сталина), а также иметь более точное сообщение о том, какие пункты должны быть включены в протокол.

Но не успел граф Шуленбург несолоно хлебавши вернуться в посольство, как его по телефону снова позвали в Кремль, где он констатировал, что за это время Сталин лично вмешался в дело, ибо Молотов не только вручил нам проект пакта о ненападении, но и сообщил, что Риббентроп может прибыть в Москву, скажем, через неделю после подписания торгового соглашения.

Однако для Гитлера дело явно двигалось недостаточно быстро, ибо 20 августа он направил Сталину телеграмму, в которой устранял все сомнения насчет содержания протокола и настаивал на том, чтобы Риббентроп был принят в Москве 23 августа*.

Известие это, по свидетельству Хевеля, было воспринято Гитлером с необузданной радостью. С возгласом: «Ну, теперь весь мир — у меня в кармане!» — он стал обоими кулаками барабанить по стене и вообще повел себя как умалишенный.

Риббентроп прибыл в Москву 23 августа на самолете. Первая беседа в Кремле началась в 15.30. Она длилась три часа и продолжилась вечером. Задолго до полуночи состоялось подписание пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола, который определил судьбу Польши, Прибалтийских государств и Бессарабии.

В данном случае Сталин впервые лично вел переговоры с представителем иностранного государства о заключении договора. До

* Текст письма Гитлера Сталину от 20 августа 1939 г. см.: Год кризиса. 1938—1939. Т. 2. 2 июня — 4 сентября 1939 г. Документы и материалы, М., 1990. С. 302.

Телеграмма с грифом «сверхсрочно» была отправлена Риббентропом послу Шуленбургу с личным поручением Гитлера немедленно вручить ее Молотову для передачи Сталину в 18.45 20 августа 1939 г. и получена германским посольством в Москве в 0.45 21 августа 1939 г. В 10.15 21 августа 1939 г. Риббентроп дополнительно шлет Шуленбургу прибывшую в Москву в 14.30 того же дня телеграмму: «Прошу со всей энергией позаботиться о том, чтобы поездка состоялась. Дата — как в [предыдущей] телеграмме». Письмо Гитлера Шуленбургу передал Молотову.

Ответ Сталина на письмо Гитлера см.: Год кризиса. Т. 2. С. 303. Молотов передал его Шуленбургу 21 августа в 17 час. *Примеч. сост.*

тех пор он избегал всякого контакта с иностранцами, за исключением отдельных случаев, когда речь шла о таких видных личностях, как американский посол Буллит, немецкий писатель Эмиль Людвиг, зарубежные публицисты крупного масштаба. Когда иностранные дипломаты пытались при помощи Наркомата иностранных дел попасть на прием к Сталину, им отвечали, что Сталин — лишь партийный деятель и непосредственно внешней политикой не занимается. Юридически такое положение существовало до 6 мая 1941 г., когда Сталин занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, которым до тех пор являлся Молотов.

Когда Риббентроп в сопровождении графа Шуленбурга 23 августа прибыл в Кремль, он думал, что ему придется вести переговоры с одним Молотовым, а Сталин, возможно, присоединится к переговорам на более поздней стадии. Поэтому Риббентроп был поражен, когда, войдя, увидел стоящего рядом с Молотовым Сталина. Это был заранее рассчитанный Сталиным эффект и вместе с тем явное предостережение Риббентропу, что договор будет либо заключен прямо на месте, либо — никогда.

Сталин держался очень естественно и без всякой претенциозности, что тоже принадлежало к его тактике ведения переговоров, при помощи которой он умел расположить к себе партнеров и усыпить их бдительность. Но поражало, сколь быстро его любезное поведение, добродушно-шутливое по отношению к Риббентропу, или его обращение с советским переводчиком В. Н. Павловым переходило в ледяной холод, когда он давал лаконичные приказания своим подчиненным или ставил им деловые вопросы. (...) Я и сейчас очень четко вспоминаю о той подобострастной манере, с какой народные комиссары, словно школьники, вскакивали со своих мест, лишь только Сталин изволил адресовать им вопросы. На всех беседах, на которых присутствовал Сталин, Молотов был единственным, кроме Ворошилова, кто говорил со Сталиным как с товарищем. И все-таки обращало на себя внимание то, как глядел он на Сталина, как счастлив был служить ему.

В начале переговоров иногда случалось, что Сталин предлагал Молотову председательствовать вместо него. Твердые правила игры, согласно которым от имени Советского правительства говорил один Сталин, требовали, чтобы Молотов поначалу отказывался. Однажды, когда Сталин велел Молотову говорить вместо себя, тот ответил: «Нет, говорить должен ты, ведь ты это сделаешь лучше меня». Тогда Сталин ясно и четко обрисовал советскую точку зрения, а затем Молотов с довольной улыбкой обратился к германской делегации: «Разве я не сказал сразу, что он сделает это намного лучше меня?»

Манера обращения Сталина с другими членами Политбюро, казалось, соответствовала их личным отношениям с ним. С Ворошиловым он говорил сердечно, как со старым однополчанином, с Берией и Микояном — дружески, с Кагановичем — по-деловому и несколько сдержанно. Я никогда не слышал, как он говорил с

Маленковым, но на заседаниях Верховного Совета СССР, на которых я присутствовал, Маленков обычно сидел рядом со Сталиным. У них было много что сказать друг другу, и их поведение позволяло предполагать тесные доверительные отношения.

Когда Сталин участвовал в заседаниях, явно проявлялся его **подавляющий** авторитет. Даже в стилистических вопросах, когда речь шла о том, чтобы найти подходящие слова, он решающим образом вмешивался в это дело с присущей ему убежденностью в своей правоте.

Вспоминаю, как я передавал ему присланный из Берлина проект совместного коммюнике о советском вступлении в Польшу. Я перевел проект на русский язык, и Сталин должен был дать согласие на составленный в Берлине текст. Пробежав его глазами, он попросил посла разрешить внести некоторые изменения. Сделал он это всего за несколько минут, ни разу не посоветовавшись с сидевшим рядом Молотовым, затем возвратил мне исправленный текст с просьбой перевести его для посла на немецкий. Хотя своими поправками Сталин решительно улучшил коммюнике, графу Шуленбургу пришлось заявить, что он должен сначала получить согласие своего правительства. На это Сталин сказал: «Но не забудьте, что и древние римляне не вступали в битву голыми, а прикрывались щитами. А сегодня роль таких щитов, защищающих нас от общественного мнения наших народов, играют искусно составленные политические коммюнике». Утверждение измененного текста последовало из Берлина незамедлительно. Позже я узнал, что оба текста были представлены Гитлеру для сравнения, и он тут же безоговорочно предпочел сталинский, сказав: «Конечно, этот! Разве вы не видите, что он намного лучше? Кто, собственно, его сформулировал?»

Весьма впечатляющими были и познания Сталина, когда он, к примеру, во время переговоров насчет германских поставок говорил о конструкциях броневых орудийных башен на крейсерах, которые должна была поставить Советскому Союзу Германия, или когда речь заходила об иных технических вопросах. Без категорического утверждения Сталиным было невозможно добиться каких-либо советских уступок в области поставок сырья из Советского Союза. Если же такое утверждение имелось в наличии, оно было равнозначно приказу, который точно исполнялся.

Переговоры 23 августа оказались простыми*. Господин Риб-

* Письменное заявление заместителя статс-секретаря министерства иностранных дел Германии посла Фридриха Гауса от 15 марта 1946 г., сделанное для Международного военного трибунала в Нюрнберге, гласило:

«23 августа около полудня самолет имперского министра иностранных дел, которого я сопровождал в качестве советника по международно-правовым вопросам на запланированные переговоры, прибыл в Москву. Во второй половине того же дня состоялась первая беседа господина фон Риббентрона с господином Сталиным, на которой с немецкой стороны, кроме имперского министра иностранных дел, присутствовали только советник посольства Хильгер в качестве переводчика и, возможно, также посол граф Шуленбург; сам я в ней участия не принимал. С этой

бентроп никаких новых предложений не привез, но прибыл с желанием покончить дело с подписанием пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола как можно быстрее и сразу же уехать. Его заявления Сталину и Молотову в значительной мере ограничивались воспроизведением того хода мыслей, который служил предметом предварительных переговоров между Молотовым и Шуленбургом и содержался в телеграфных директивах из Берлина. Риббентроп рассыпался в заверениях о доброй воле Германии, на которые Сталин реагировал сухо, деловито и лаконично.

Редактирование текста пакта не составило никаких трудностей, так как Гитлер в принципе принял советский проект. Однако окончательный текст получил два важных дополнения: статью 3,

долго продолжавшейся беседы имперский министр иностранных дел вернулся весьма удовлетворенным и высказался в том смысле, что все это, можно не сомневаться, приведет к заключению тех соглашений, к которым стремится германская сторона. Продолжение переговоров, при котором должны были быть обсуждены и изготвлены подлежащие подписанию документы, намечено на поздний вечер. В этой второй беседе участвовал лично я, а также посол граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С русской стороны переговоры велись господами Сталиным и Молотовым, переводчиком которых являлся господин Павлов. Быстро и без всяких трудностей было достигнуто согласие относительно текста германо-советского пакта о ненападении. (...)

По сравнению с пактом о ненападении гораздо дольше велись переговоры об особом секретном документе, который, как мне помнится, получил наименование «*секретный протокол*», или «*секретный дополнительный протокол*», и содержание которого сводилось к разграничению сфер интересов обеих сторон на европейских территориях, лежащих между обоими государствами. Употребляли ли при этом выражение «сфера интересов» или же какие-либо иные выражения, я уже не помню. В этом документе Германия заявляла о своей незаинтересованности в Латвии, Эстонии и Финляндии, но зато причисляла к сфере своих интересов Литву. Что касается политической незаинтересованности Германии в отношении обоих вышеназванных Прибалтийских государств, поначалу возник спор, поскольку имперский министр иностранных дел заявил о необходимости телефонного разговора с Гитлером, который состоялся лишь во время второй беседы: в этом разговоре по прямому проводу он получил от Гитлера полномочия согласиться с советской точкой зрения. Что касается польской территории, то была установлена демаркационная линия. Была ли она точно начерчена на приложенной к документу карте или же описана в этом документе словесно, в памяти моей не сохранилось. В остальном же *в отношении Польши было достигнуто соглашение примерно того содержания, что обе державы рассматривают окончательно урегулирование относящихся к этой стране вопросов во взаимном согласии*. Насчет Балканских стран констатировалось, что Германия имеет там только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретный документ были подписаны в ту же ночь почти на рассвете. (...)

Пока готовились чистовые экземпляры документов, господину Риббентропу был подан завтрак, во время которого он в ходе возникшей беседы рассказал, что публичная речь Сталина, произнесенная весной, содержала одну фразу, которая, хотя Германия в ней и не была названа, была воспринята так, будто господин Сталин тем самым хотел намекнуть, что Советское правительство считает возможным и желательным достигнуть лучших отношений с Германией. На это господин Сталин ответил лаконичной репликой, которая в переводе Павлова гласила: "Таково было намерение". — *Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939—1941. Aus den Archiven des Auswärtigen Amtes und der Deutscher Botschaft in Moskau. Примеч. сост.*

в которой договаривающиеся стороны соглашались постоянно консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы, и статью 4, согласно которой ни одна из договаривающихся сторон не должна была участвовать в каких-либо группировках, направленных против другой стороны. Срок действия пакта вместо предусматривавшихся 5 лет продлевался до 10 лет. Согласно статье 7, определялось, что пакт должен вступить в силу сразу же после его подписания, а не после ратификации, как первоначально планировалось.

Секретный дополнительный протокол, которому русские придавали наибольшее значение, предусматривал разграничение сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Согласно ему, граница между германской и советской сферами влияния в районе Балтийского моря проходила по северной границе Литвы, а в Польше — вдоль течения рек Нарев, Висла и Сан. Кроме того, секретный дополнительный протокол признавал русское притязание на Бессарабию*.

Если попытаться представить себе причины, которые могли побудить Сталина договориться в августе 1939 г. с Гитлером, приходишь к следующим соображениям.

Сталин был всегда убежден в том, что война между капиталистическими державами рано или поздно разразится. Для Советского Союза он ожидал от этого только выгоду, поскольку говорил, что война ослабит капиталистические державы и изменит соотношение сил в пользу СССР. Однако последнее — только при том предварительном условии, что ему удастся исключить Советский

* Текст договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, а также секретного дополнительного протокола к нему, существование которого, как и подлинность имеющихся копий его, долгое время оспаривалось советским руководством на высшем государственном уровне, см.: Год кризиса. Т. 2. С. 318—321.

Подлинник этого протокола обнаружен в октября 1992 г. в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС — ныне в Президентском («Кремлевском») архиве.

В сделанной послом Гаусом протокольной записи беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым после подписания документов в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. говорилось:

«В ходе беседы Сталин спонтанно произнес речь в честь фюрера: «Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и потому хотел бы выпить за его здоровье».

Господин Молотов пил за здоровье господина имперского министра иностранных дел и господина посла графа фон дер Шуленбурга.

Далее господин Молотов поднял свой бокал за господина Сталина, заметив при этом, что Сталин своей речью 10 марта с. г., которую хорошо поняли в Германии, положил начало повороту в политических отношениях.

Господа Молотов и Сталин неоднократно пили за пакт о ненападении, за новую эру в германо-советских отношениях и за счастливое развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

При прощании господин Сталин заявил господину имперскому министру иностранных дел, что Советский Союз никогда не обманет своего партнера». — Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Aus dem Archiv des deutschen auswärtigen Amtes. Serie D. Bd. VII. Baden-Baden, 1956. Dok. Nr. 213. S. 191. *Примеч. сост.*

Союз из военного конфликта. Так представлял себе тогда обстановку Сталин, считая, что заключение пакта о ненападении с Германией создаст желательную ситуацию, прежде всего по следующим причинам:

1. Заключение пакта ликвидировало бы непосредственную опасность германского нападения на Советский Союз.

2. Заверения, полученные от Риббентропа и соответственно от Гитлера, убедили его в том, что Гитлер нападет на Польшу, как только добьется советского прикрытия с тыла.

3. Сталин, в противоположность Гитлеру, не сомневался в том, что Англия и Франция выполняют свои обязательства в отношении Польши. Поэтому возникновение войны между великими державами и Германией он считал обеспеченным.

4. Таким образом, Сталин рассчитывал получить ценную отсрочку, которая позволит ему ускоренно вести дальнейшее вооружение Советского Союза. В остальном же он хотел выждать дальнейший ход развития, чтобы в надлежащий момент, когда воюющие державы будут в достаточной степени ослаблены, оказаться в состоянии бросить на всемирно-историческую чашу весов всю мощь Советского Союза.

5. Предусмотренное секретным дополнительным протоколом разграничение сфер интересов в Восточной Европе дало бы Советскому Союзу возможность овладеть важнейшими стратегическими позициями в Прибалтике. За эти позиции два с лишним века назад царь Петр Великий, которого Сталин взял себе за образец, вел войну 20 лет. Теперь же они без всякой борьбы падали ему с неба благодаря заключению пакта с Гитлером.

Итак, у него были все основания быть довольным этими соглашениями. Об этом говорит то удовлетворение, которое он явно выражал при подписании договоров Молотовым и Риббентропом, и то внимание, которое он проявлял к их осуществлению. Он лично принял деятельное участие в составлении совместного коммюнике, которое должно было быть опубликовано после подписания пакта. При этом он придавал большое значение такому тексту, который мог бы сделать убедительным для общественности столь внезапный поворот в германо-советских отношениях. Так, предложенный Риббентропом проект, в котором новоявленная германо-советская дружба превозносилась в чрезмерно преувеличенных выражениях, он отверг со следующими словами: «Не думаете ли вы, что мы должны несколько больше считаться с общественным мнением в обеих наших странах? В течение многих лет мы ушами лили помой друг на друга и наши пропагандисты усердствовали в этом отношении. И вот вдруг от всего этого отказаться и все это забыть? Такие вещи так быстро не делаются. Мы, и, я полагаю, то же самое относится и к германскому правительству, должны, с большей осмотрительностью сообщить нашим народам о тех изменениях, которые произошли в отношениях между нашими странами». И с этими словами Сталин положил на стол свой

собственный проект более умеренного коммунике, который был принят германской стороной без всяких возражений.

Что касается Гитлера, то он, как кажется, в течение первых 5—6 месяцев после заключения договоров верил, что они не только осуществили непосредственную цель, но и заложили основу выгодных для обеих сторон отношений на ближайшие годы. Я обладал надежной информацией о том, что зимой 1939/40 г. Гитлер неоднократно высказывался в этом духе в кругу своих ближайших сотрудников. Мысль о том, что Сталин в подходящий момент сможет оказать нажим на ослабленную войной Германию, в то время еще явно не беспокоила Гитлера. Напротив, тогда он казался твердо убежденным в том, что военное превосходство Германии обеспечено на длительный срок и что Сталин уже по одной этой причине увидит себя вынужденным придерживаться заключенных договоров. О переменах, которые произошли в отношении Гитлера к Сталину и Советскому Союзу летом 1940 г., речь пойдет ниже.

Во время встреч со Сталиным я неоднократно имел случаи делать выводы из того, что он говорит и делает, о его отношении к людям и делам. Явно чувствовалось, что на него произвели сильное впечатление определенные черты характера и действий Гитлера. При этом у меня уже тогда возникло гнетущее чувство, что ему, очевидно, импонировали именно те качества и те решения Гитлера, которые стали роковыми для Германии. Но и Гитлер никогда не скрывал, что он (разумеется, за исключением своей собственной персоны) считал Сталина самым значительным из всех современников*.

Разница между обоими тут состояла только в том, что Гитлер сохранил свое восхищение Сталиным до самого конца, между тем как отношение Сталина к Гитлеру превратилось в жгучую ненависть, а затем в глубочайшее презрение.

Характерными для Сталина были и некоторые его реплики. Например: если Япония хочет иметь войну, она может ее получить, ибо терпение Советского правительства в отношении японских провокаций тоже имеет свои пределы. Когда в связи с этим речь зашла о последнем столкновении между советскими и японскими войсками на маньчжурской границе в районе реки Халхин-Гол, Сталин с удовлетворением констатировал, что при этом красноармейцами уничтожено не менее двадцати тысяч японцев. «Это — единственный язык, который понимают азиаты, — сказал он прямо-таки с садистским удовольствием. — Впрочем, я сам — один

* По свидетельству переводившего разговор В. М. Бережкова, Гитлер, прощаясь в ноябре 1940 г. с Молотовым в Имперской канцелярии, сказал: «Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да я и сам рассчитываю войти в историю. Поэтому естественно, чтобы два таких политических деятеля, как мы, встретились. Я прошу Вас, господин Молотов, передать господину Сталину мои приветы и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем». — *Международная жизнь*. 1989. № 8. С. 21. *Примеч. сост.*

из них и знаю, что говорю». Об Англии Сталин высказывался с открытой враждебностью и недооценкой, считая, что если она, несмотря на слабость своей армии и воздушного флота, господствует в мире, то это объясняется глупостью других стран, которые постоянно поддаются ее блефу.

Каково было на душе у графа Шуленбурга и у меня в то время, когда нам пришлось познакомиться с тогдашними руководителями Советского Союза ближе, чем нам хотелось, можно себе представить. И если мы тем не менее честно содействовали усилиям по установлению взаимопонимания с Советским правительством, то это делалось нами в надежде, что пакт о ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира. Сколь ни неправдоподобно звучит это сегодня, но летом 1939 г. мы действительно считали, что, как только Германия создаст себе русское прикрытие с тыла, Англия и Франция заставят Польшу проявить умеренность. В качестве следствия этого мы ожидали достижения германо-польского взаимопонимания и предоставления [Польшей] «коридора через коридор». Находясь в московской дали, мы были склонны верить заверениям Гитлера, что тогда он «больше не будет предъявлять никаких территориальных требований в Европе». Подобное решение польской проблемы мы рассматривали как единственную возможность не допустить второй мировой войны. Когда в ходе дальнейших переговоров мы осознали тот факт, что Гитлер вообще не желал никакого взаимопонимания с Польшей и вел дело к войне, мы попытались утешить себя мыслью, что германо-польское столкновение все же лучше, чем мировая война.

Чувство, с которым граф Шуленбург и я выполняли указания из Берлина, было окрашено этими опасениями и размышлениями. Впрочем, они усилились в результате осознания того, что Сталин ничего не желал так всей душой, как войны [на Западе], которая ослабит участвующие в ней государства и затем даст ему возможность диктовать свою волю всему миру. Моя попытка наглядно разъяснить Риббентропу обоснованность этих опасений была отброшена со свойственным ему высокомерием.

Огромная масса советского населения восприняла известие о заключении пакта с облегчением и удовлетворением. Для него оно означало устранение той опасности войны, которая кошмаром давила на него с 1933 г. (...) Неожиданным образом население оказалось склонным верить официальным советским заявлениям, в которых западные державы изображались поджигателями войны и обвинялись в намерении использовать Советский Союз в собственных целях. Популярный журнал отражал распространённое тогда мнение, что пакт с Германией улучшил международное положение Советского Союза. В связи с решением вопроса о Прибалтийских государствах ходила даже частушка об Иоахиме Риббентропе, содержащая аналогию с Петром Великим: «Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл окно в Европу».

В низовых партийных кругах Советского Союза внезапное

изменение курса кое-где вызвало удивление и смятение. Немалому числу членов партии было трудно свыкнуться с мыслью, что во мгновение ока Германия из врага № 1 превратилась в друга. Само собою разумеется, никто не решался открыто критиковать мероприятия правительства: ведь у членов партии глубоко засели в сознании чистки 1936—1938 гг. И все-таки звучали опасения, не нападет ли Германия, после того как она проглотила Польшу, на Советскую Россию? Такие течения, даже если они и не выходили на поверхность, не мог оставить без внимания и сам Сталин. Поэтому проводились закрытые собрания, на которых партийных функционеров и «актив» учили, какими аргументами они должны убеждать сомневающихся. При этом подчеркивалось, что соглашение с Германией — отнюдь не брак по любви, а только брак по расчету, который может быть расторгнут, если того потребуют обстоятельства. Ораторы взывали прежде всего к долгу каждого члена партии питать «безграничное доверие к Сталину, который точно знает, что и почему он делает». (...)

Внешне смена курса отчетливо проявлялась в том, что из печати, на радио, со сцены и с киноэкрана исчезло все, что хоть отдаленно могло восприниматься как критика Германии и национал-социализма. Вместо обычных дотоле нападок на якобы роковое воздействие, которое Германия оказывала на царскую Россию, теперь стали появляться материалы о благотворном влиянии германского духа на культурное развитие русского народа. Известный историк Тарле, который с 1933 г. постоянно, желчно и ядовито, выступал против Германии, поспешил раньше других открыть, что немцы издавна играли в России весьма положительную роль. Бисмарк и его политика, благодаря публикации русского перевода его «Мыслей и воспоминаний», теперь тоже должны были стать достоянием русского народа. В московском Большом театре ставились оперы Вагнера, восторженно принимавшиеся публикой. Официальные военные сводки командования германского вермахта печатались всеми советскими газетами на видном месте. Кроме того, Советское правительство давало и ощутимые доказательства своей якобы доброй воли, создав на Кольском полуострове базу снабжения для германских подводных лодок. <...>

Непосредственным и роковым следствием установления взаимопонимания Германии с Советским Союзом явилось ее нападение на Польшу 1 сентября 1939 г., положившее начало второй мировой войне.

3 сентября граф Шуленбург напомнил Советскому правительству, что оно должно сделать выводы из секретного дополнительного протокола и двинуть Красную Армию против польских вооруженных сил, находящихся в сфере советских интересов.

Как всегда осторожный, Сталин не желал допускать, чтобы его вовлекли в какие-либо чересчур поспешные действия. Целых четырнадцать дней он вел себя тихо и наблюдал за продвижением

армий Гитлера. Даже когда германские войска, преследуя отступающие польские части, через Вислу вторгались в советскую сферу влияния, Сталин, несмотря на настойчивые требования германской стороны вступить в Польшу, отказывался это сделать, мотивируя тем, что несоблюдение согласованного разграничения сфер взаимных интересов все равно не предотвратило бы предусмотренного раздела Польши. Для этого бездействия имелись три причины: первая— Сталин считался с мировой общественностью, которую он не хотел снова неприятно поразить; вторая — его решение начать действовать только тогда, когда ему предоставится удобный предлог для вступления в Польшу, и третья — тот факт, что Кремль переоценивал силу военного сопротивления Польши и рассчитывал на более длительную кампанию.

10 сентября Молотов заявил графу Шуленбургу: Красной Армии для ее подготовки требуется еще две-три недели. Но уже 16 сентября, когда польское правительство покинуло страну, Молотов сообщил, что Сталин примет посла «еще сегодня же ночью» и назовет ему «день и час советского наступления». При этом Молотов заявил: «Советское правительство в подлежащем публикации только им одним коммюнике обоснует свое решение, в частности, тем, что вследствие развала польского государства оно видит себя обязанным выступить на защиту своих украинских и белорусских братьев и дать этому несчастному населению возможность спокойно трудиться». Граф Шуленбург выразил удивление столь своеобразной формулировкой коммюнике. Ведь оно законно вызывает вопрос, от кого, собственно, следует защищать украинцев и белорусов, раз на польской территории находятся только германские и советские войска. К тому же в этой форме коммюнике создаст за границей впечатление, будто между Германией и Советским Союзом что-то не в порядке. Вопрос о коммюнике был решен только через два дня, после того как вмешался лично Сталин, и было предложено совместное коммюнике, с текстом которого согласились наконец обе стороны.

17 сентября в 2 часа ночи граф Шуленбург, германский военный атташе генерал Кёстринг и я были приглашены к Сталину. Сталин объявил нам, что в 6 часов утра Красная Армия перейдет советскую границу по всей линии от Полоцка до Каменец-Подольского, и просил нас соответствующим образом известить об этом компетентные германские органы. Ошеломленный военный атташе попытался объяснить, что за те несколько часов, которые еще имеются в его распоряжении, своевременно поставить об этом в известность войска невозможно и потому неизбежны столкновения. Однако Ворошилов отклонил все возражения Кёстринга репликой, что немцы при их испытанном организационном таланте легко справятся и с этой ситуацией. Ворошилов оказался прав, поскольку при русском продвижении и при встрече советских и германских войск никаких значительных недоразумений не произошло.

25 сентября Сталин вновь вызвал к себе посла, чтобы заявить ему: при окончательном урегулировании польского вопроса следует избежать всего, что в будущем могло бы вызвать трения между Германией и Советским Союзом. Со словами, что если с этой точки зрения «сохранение самостоятельного остатка Польши кажется ошибочным», Сталин предложил внести в секретный дополнительный протокол следующее изменение предусмотренной ранее демаркационной линии: Литва должна быть включена в советскую сферу влияния, за что Германия может быть компенсирована расположенной между Вислой и Бугом польской территорией, которая охватывает Люблинское и Варшавское воеводства. В случае согласия Германии, добавил Сталин, Советский Союз немедленно приступил бы к решению проблем Прибалтийских государств в соответствии с соглашениями от 23 августа и ожидает при этом безоговорочной поддержки со стороны германского правительства.

Для переговоров по этому предложению 27 сентября в 5 часов дня в Москву со вторым визитом прибыл Риббентроп. На аэродроме приветствовать его собралось много высоких партийных функционеров и несколько высших офицеров Красной Армии, был выстроен почетный караул. Переговоры со Сталиным и Молотовым начались 27 сентября поздно вечером, продолжались во второй половине следующего дня и закончились ранним утром 29-го подписанием договора о границе и дружбе, который вошел в историю с датой 29 сентября 1939 г.* В качестве важного пункта он содержал договоренность о разграничении сфер влияния согласно сталинскому предложению. Одновременно обе стороны договорились о начале экономических переговоров, о переселении немцев из советской сферы влияния в Германию, а также о многом другом. В ходе переговоров со Сталиным Риббентроп высказал большой оптимизм насчет военного положения Германии и подчеркнул, что Германия не нуждается ни в какой военной помощи Советского Союза, но рассчитывает на поставку важных военных материалов.

Вечером 28 сентября Молотов дал в честь Риббентропа банкет, на котором вместе со Сталиным присутствовали многие высокие советские руководители, такие, как Микоян, Каганович, Ворошилов и Берия. Сталин был в весьма хорошем расположении духа, и Риббентроп позже не раз повторял: «Я чувствовал себя в Кремле так хорошо, словно находился среди старых национал-

* В советской печати опубликован 29 сентября 1939 г. с датой подписания 28 сентября 1939 г. под официальным наименованием «Советско-германский договор о дружбе и границе между СССР и Германией». В нем устанавливалась «граница обоюдных государственных интересов на территории бывшего польского государства» и было записано, что «Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». Полный текст см.: Известия. 1939. 29 сент. *Примеч. сост.*

социалистических партайгеноссен». Общее настроение подогревалось тем, что по инициативе Сталина Молотов произносил множество тостов за здоровье присутствующих. Однако сам Сталин в тот вечер почти не пил. Я сидел наискосок от него. Берия, сидевший рядом со мной, все время старался уговорить меня выпить перцовки больше, чем мне хотелось. Сталин заметил, что мы с Берией о чем-то спорим, и спросил о причине. Когда я ему ответил, он сказал: «Ну, если вы пить не хотите, никто вас заставить не может». — «Даже шеф НКВД?» — спросил я шутя. На это последовал ответ: «Здесь, за этим столом, даже шеф НКВД значит не больше, чем кто-нибудь другой».

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Польша была уничтожена и разделена. Мы были свидетелями того, как Сталин толстым цветным карандашом собственноручно провел на географической карте линию, которая начиналась там, где южная граница Литвы упиралась в восточную границу Германии, и оттуда шла на юг до чехословацкой границы. На основе этой линии специальная комиссия должна была потом определить точное прохождение границы — работа, доставившая много труда и приводившая к долгим спорам, так как советские партнеры рангом пониже рабски держались синей линии, даже если на практике это вело к таким бессмысленным последствиям, как расчленение небольших населенных пунктов и жилищ, только потому, что линия эта была начертана рукой самого Сталина.

В остальном же первые месяцы, казалось, оправдывали надежды, которые возлагались обеими сторонами на вновь возникшую дружбу. К тому же поначалу обе стороны старались давать доказательства своей доброй воли и стремились тщательно избегать любого нарушения обязательства консультироваться друг с другом.

В октябре 1939 г. были начаты экономические переговоры, которые, однако, закончились только 11 февраля 1940 г., то есть привели к заключению соглашения лишь через четыре месяца: ввиду недоверия нижестоящих советских партнеров и их боязни брать на себя ответственность они все время затягивались. Отдельные вопросы должны были докладываться лично Сталину, поскольку обычным путем решению они не поддавались.

По этому договору Советский Союз кроме поставок сырья на сумму 100 млн рейхсмарок в соответствии с кредитным соглашением от 19 августа должен был поставить в течение первых 12 месяцев сырья на сумму 500 млн рейхсмарок. В том числе — 1 млн тонн фуражного зерна и бобовых, 900 тыс. тонн нефти, 100 тыс. тонн металлолома и чугуна, 2400 килограммов платины и многое другое. Германские поставки включали промышленные изделия, промышленную технологию и оборудование, а также военное снаряжение.

Во исполнение обязательства консультироваться друг с другом, которое договаривающиеся стороны взяли на себя согласно статье 3 пакта о ненападении, граф Шуленбург 7 мая [1940 г.], то есть за три дня до германского вторжения в Бельгию и Голландию, посетил Молотова, чтобы проинформировать его о предстоящей акции Германии. Молотов дал ясно понять, насколько она была желательна для советского правительства. «Советское правительство, — сказал он, — проявляет полное понимание того, что Германия должна защититься от англо-французского нападения». Чего ждало Советское правительство от германского наступления на Голландию и Бельгию, было совершенно ясно: более упорного англо-французского сопротивления, затягивания войны, а тем самым еще большего ослабления как Германии, так и ее противников.

Однако Сталин ошибся в оценке соотношения сил и перспектив военных операций во Франции. Он ошибся точно так же, как в свое время в оценке предположительной длительности германского похода на Польшу. На сей раз он переоценил значение линии Мажино, рассчитывая на затяжную позиционную, окопную войну между Германией и западными державами.

В ходе событий, которые разыгрались со времени заключения пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) до начала войны между Германией и Советским Союзом (22 июня 1941 г.), любой наблюдатель мог вновь и вновь констатировать, что, несмотря на большие способности, которыми Сталий обладал как политический деятель и которым он был обязан своим выдающимся положением, он совершал грубые ошибки, имевшие неблагоприятные для Советского Союза последствия. Конечно, он сумел извлечь из переговоров с Гитлером наибольшие выгоды, которые на основе секретного дополнительного протокола привели к овладению частью Польши, Прибалтийскими государствами и Бессарабией и увеличили население Советского Союза на 13 млн человек. Но одновременно Сталин продемонстрировал недостаточное знание соотношения сил между Германией и Польшей, когда он значительно переоценил силу сопротивления Польши германскому нападению. Это выявилось, когда Сталин встал перед задачей сделать своевременные выводы из заключенных с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов.

Во второй раз Сталин показал себя плохо информированным, когда в ноябре 1939 г. с недостаточными силами и в неблагоприятный момент начал войну с Финляндией и тем самым открыл Гитлеру и всему остальному миру глаза на неудовлетворительную боеспособность Красной Армии.

При заключении пакта о ненападении Сталин, как уже отмечалось, исходил из предположения, что Германия и западные державы настолько взаимно ослабят друг друга, что в подходящий момент он сможет бросить на чашу весов мировой политики военную мощь Советского Союза. Когда же 10 мая 1940 г. Гитлер нанес решающий удар по Франции, Сталин был убежден, что линия Ма-

жино окажется для наступающих неприступной и стороны увязнут в изнурительной позиционной войне.

Уже 17 мая 1940 г. Сталин был вынужден передать через Молотова германскому послу свои «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск» во Франции. Но одновременно Молотов поставил посла в известность, что советское правительство направит в Прибалтийские страны своих специальных эмиссаров, чтобы обеспечить создание там новых, приемлемых для Советского правительства правительств. А еще через пять дней Молотов сообщил нам, что советское правительство решило — если потребуется, силой — осуществить возвращение Бессарабии и что оно претендует на Буковину.

Вскоре после этого Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав Советского Союза. Было ясно, что советское правительство, обеспокоенное неожиданными германскими успехами во Франции, решило ускоренными темпами расширить и укрепить свои позиции, чтобы извлечь максимальную пользу из заключенных с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов. При этом Сталин был столь неосторожен, что в орбиту своих экспансионистских устремлений включил Буковину, хотя о ней в германо-русских договорах не было и речи и она никогда России не принадлежала. Включение Северной Буковины в состав Советского Союза являлось нарушением германо-советских договоренностей. Когда посол заявил Молотову протест против этого акта, тот не только попытался оправдать советский шаг, но и добавил, что в том случае, если советское правительство проявит интерес к включению и Южной Буковины, оно ожидает в этом поддержки со стороны германского правительства.

В дальнейшем у германской стороны возникло раздражение в связи с введением советских войск в Литву. При заключении договора о границе и дружбе германская сторона высказала свою особую заинтересованность в небольшом приграничном уголке на юго-западной оконечности Литвы, который был уступлен Германии. Несмотря на это, Красная Армия заняла его, рассматривая как часть новой Литовской Советской [Социалистической] Республики. На соответствующий германский протест Молотов ответил, что, хотя притязания Германии на этот кусок страны обоснованы, для советского правительства чрезвычайно неудобно и трудно это требование удовлетворить. Поэтому он приветствовал бы, чтобы Германия в духе существующих дружественных отношений нашла путь к тому, чтобы оставить эту территориальную полосу за Литвой. Переговоры по этому поводу длились несколько месяцев, и решение было найдено только гораздо позже: 10 января 1941 г. граф Шуленбург и Молотов подписали секретный протокол, в котором Советский Союз брал на себя обязательство выплатить за эту территориальную полосу 31,5 млн рейхсмарок. Тот факт, что потребовалось так много времени, чтобы договориться по столь незначительному вопросу, позволял осознать, в какой мере отношения между обеими странами ухудшились.

Последствия действий советского правительства стали еще более роковыми, поскольку упомянутые акции совпали с моментом, когда Гитлер в результате своих успехов во Франции впал в такое душевное состояние, которое граничило с манией величия. Его все больше обуревала идея, что он призван самой судьбой навсегда покончить с большевизмом и он не успокоится до тех пор, пока не завоюет для немецкого народа положенное тому жизненное пространство. Отныне он считал, что его воле и поступкам никакого предела нет. С растущим неудовольствием следил он за действиями Сталина, из которых сделал вывод, что тот систематически усиливает свои позиции с целью получить возможность в нужный момент оказать давление на Германию. В этом состоянии Гитлер в конце июля 1940 г. впервые дал понять ответственным немецким органам, что им следует рано или поздно считаться с необходимостью военного конфликта с Советским Союзом.

Но и советское правительство имело достаточное основание для критики поведения Германии, ибо ее правительство в связи с германо-итальянским арбитражным решением венгеро-румынского спора [в Вене] нарушило свое обязательство о консультациях и взяло на себя гарантию румынской территории, не договорившись предварительно с советским правительством. У советской стороны возникло недовольство и в связи с посылкой германских войск в Румынию. Объяснение Германии, утверждавшей, что речь идет о направленных по просьбе Румынии лёгных частях, было встречено Молотовым с недоверчивой улыбкой.

Тем временем экономические отношения между Германией и Советским Союзом тоже развивались неблагоприятно: она задерживала поставки, предусмотренные договором от 11 февраля 1940 г. В связи с этим советское правительство заявило, что оно воспользуется предоставленным ему по договору правом и приостановит свои поставки в Германию, если та в приемлемое время не восполнит недоданное.

Тем самым германо-советские отношения в течение всего одного года приняли характер, уже не имеющий почти ничего общего с духом и смыслом договоров от августа и сентября 1939 г. Осознав это, Гитлер поздней осенью 1940 г. принял решение вступить в переговоры с советским правительством, чтобы выяснить его намерения и сделать отсюда возможные выводы.

С этой целью он поручил Риббентропу написать Сталину длинное письмо. В этом письме, датированном 13 октября 1940 г. и насчитывавшем не менее 19 страниц, Риббентроп попытался дать подробное резюме германской внешней политики за последние месяцы и обосновать (а в случае необходимости и оправдать) каждый отдельный шаг, предпринятый германской стороной. Он указывал, сколь важно интенсифицировать экономическое сотрудничество между Германией и Россией, и заверял Сталина, что заключенный 27 сентября 1940 г. пакт Трех держав — Германии, Италии и Японии — никоим образом не нарушает германо-советских договоренностей.

Письмо заканчивалось приглашением Молотову посетить Берлин, чтобы поговорить о дальнейшем развитии отношений между обеими странами. Письмо было выдержано в тоне откровенности, который даже в нашем московском посольстве создал впечатление, что Берлин действительно желает похоронить возникшую досаду и впредь строить германо-русские отношения в духе договоров 1939 г.

В своем кратком ответе от 21 октября 1940 г. Сталин со скрытой иронией поблагодарил имперского министра иностранных дел за «поучительный анализ событий» и согласился с тем, что «дальнейшее улучшение отношений между обоими государствами на основе долговременного разграничения сфер обоюдных интересов вполне возможно». Приглашение Молотову в письме принималось. Форма и стиль письма не оставляли никакого сомнения, что оно было написано самим Сталиным.

Через три недели Молотов выехал в Берлин, куда прибыл 12 ноября в 11 часов утра. Его сопровождали 60 человек, в том числе 16 сотрудников органов государственной безопасности, врач и три человека личного обслуживающего персонала. Из высоких советских функционеров в число сопровождавших его лиц входили будущий советский посол в Берлине Деканозов и тогдашний заместитель наркома внутренних дел Меркулов. Граф Шуленбург и я выехали в Берлин одновременно с Молотовым и вместе с ним 14 ноября вернулись в Москву.

Пребывание Молотова в Берлине продолжалось ровно 48 часов, на протяжении которых он имел две продолжительные беседы с Гитлером и три с Риббентропом; кроме того, он посетил Гесса и Геринга. Разговор с Гессом шел об организационной структуре национал-социалистического государства, причем Молотов особенно интересовался «задачами заместителя фюрера». С Герингом Молотов беседовал о германо-русских торговых отношениях и, в частности, жаловался на то, что Германия по своим поставкам далеко отстает от Советского Союза. Геринг пытался объяснить это войной, ростом собственных потребностей Германии в машиностроительных станках и промышленном оборудовании. На эту отговорку Молотов возразил, что в результате завоеваний в Европе столь обширных территорий Германия не может испытывать недостатка в тех изделиях, в которых имеет большую потребность Советский Союз. Геринг, со своей стороны, выразил недовольство тем объемом германской технической помощи, на который претендует Советский Союз и который равнозначен выдаче производственных секретов. В целом же тон беседы был вполне дружеским, причем Геринг даже в этой ситуации изображал из себя светского человека с игривыми манерами, чем он уже не раз вводил в заблуждение иностранных визитеров относительно своего истинного характера.

Гитлер, приветствуя Молотова при первой встрече, был ошеломляюще любезен. Ему явно было важно расположить к себе Молотова как в деловом, так и в человеческом плане. Однако на второй день противоположность целей обоих партнеров по переговорам выяви-

лась столь отчетливо, что о возможности договоренностей речь уже вряд ли могла идти. В то время как Гитлер начал переговоры с утверждения, что война Германией уже выиграна и теперь дело лишь за дележом военной добычи, Молотов настаивал на своем желании выяснить определенные конкретные вопросы. Так, он подчеркнул, что Германия, вразрез с договорами, держит свои войска в Финляндии, и потребовал их вывода. Он охарактеризовал германские действия в Вене (имеется в виду т. н. Венский арбитраж.— *Сост.*) и гарантирование румынской границы как нарушение обязательства о консультациях. Он затронул вопрос о создании зон безопасности Советского Союза в Болгарии, на Босфоре и Дарданеллах. Но ни на один из этих вопросов удовлетворительного ответа от Гитлера он не получил. Вместо того Гитлер предавался общим рассуждениям о необходимости взаимопонимания между Германией и Советским Союзом относительно банкротной массы британского имущества после неминуемого поражения Англии. При этом четко выявились две вещи: намерение Гитлера подтолкнуть Советский Союз в направлении Персидского залива и его отказ признать советские интересы в Европе. Молотов же настаивал на ясном ответе на свои вопросы с таким упорством, что это вызвало у Гитлера растущее раздражение.

На заключительной беседе с Риббентропом вечером 13 ноября Молотов вновь подчеркнул не только наличие интересов Советского Союза на Балканах, но и его заинтересованность в свободном выходе из Балтийского моря. И во время этой беседы упоминались те предварительные условия, при которых могло бы произойти присоединение Советского Союза к пакту Трех держав.

По возвращении Молотова в Москву советское правительство в меморандуме от 25 ноября вновь поставило все эти вопросы, но ответа на них так никогда и не получило. Однако Гитлер истолковал меморандум таким образом, что советское правительство решило осуществить свои собственные желания и оказать сопротивление германским притязаниям. Сделанный им вывод нашел выражение 18 декабря 1940 г. в директиве [№ 21] под названием «Операция Барбаросса», которая начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе скоротечной кампании еще до того, как будет закончена война с Англией».

Несмотря на возникшую после поездки Молотова в Берлин напряженность в германо-советских отношениях, возобновленные в октябре экономические переговоры продолжались в течение последующих трех месяцев. Они завершились 10 января 1941 г. подписанием договора, по которому советское правительство на основе взаимности брало на себя обязательство не только продолжать поставки пшеницы, сырой нефти, хлопка и т. п., но и соглашалось на значительное увеличение объема этих поставок. Одновременно был разрешен и конфликт по поводу территориальной полосы в Литве,

однако у германской стороны сохранилось недовольство нарушением договора Советским Союзом.

К тому же в первой половине января 1941 г. отношения продолжали обостряться, ибо Германия перебросила в Румынию усиленные контингенты войск, ссылаясь на необходимость принять меры предосторожности против операций, запланированных Англией в Греции. Советское правительство проявило крайнюю обеспокоенность этой акцией. 17 января 1941 г. Молотов указал германскому послу на то, что советское правительство дважды охарактеризовало Болгарию и морские проливы как зоны безопасности СССР. Поэтому появление германских войск в этих областях Советский Союз должен рассматривать как угрозу своей безопасности. Одновременно Молотов выразил недовольство своего правительства тем, что имперское правительство все еще не высказало собственной позиции по вопросам, поставленным Молотовым в Берлине.

Напряженность явно нарастала в связи с присоединением Болгарии 1 марта 1941 г. к пакту Трех держав и фактическим вступлением германских войск в эту страну. Молотов занял очень резкую позицию в отношении этих акций и настойчиво напоминал, что советское правительство всегда называло Болгарию советской зоной безопасности.

Но в то же время общее поведение советского правительства, особенно в экономических вопросах, не оставляло никакого сомнения в том, что оно прилагает усилия с целью избежать любого дальнейшего ухудшения отношений. Если в январе и феврале Народный комиссариат внешней торговли допускал явное отставание в советских поставках в Германию, то март принес ошеломляющую перемену. Хотя Германия к тому времени еще сильнее, чем прежде, отставала в своих поставках Советскому Союзу, и никаких признаков изменения положения к лучшему в обозримое время не имелось, объем советских поставок вдруг заметно возрос. Советское правительство совершенно очевидно избегало всего, что могло бы вызвать раздражение у Германии.

Тем не менее советское правительство сознательно пошло на риск дальнейшего обострения отношений с Германией, когда оно в ночь с 5 на 6 апреля заключило договор о дружбе и ненападении с новым югославским правительством (прежнее было свергнуто за его присоединение к пакту Трех держав). Какую цель при этом преследовал Сталин, было ясно. Он хотел расширения войны на Балканах и тем самым устранения непосредственной германской угрозы для Советского Союза. Достигнутую таким образом отсрочку он хотел использовать для того, чтобы тем временем всеми силами форсировать вооружение Советского Союза.

Однако в течение нескольких дней после начала военных действий на Балканах стало ясно, что Сталин еще раз ошибся и, взвешивая выгоды, которые должна была принести ему германская кампания в этом районе, исходил из ложных посылок. Он был убежден, что Балканский поход продлится долго и что германским воору-

женным силам предстоит тяжелое испытание. Когда же развитие пошло по иному пути, он ни на миг не поколебался сделать отсюда выводы. С тех пор он не упускал никаких средств, чтобы сохранить у Гитлера хорошее к себе отношение, давая ему одно за другим все новые доказательства своей доброй воли. Так, 13 апреля, то есть через неделю после начала войны на Балканах, он появился на московском вокзале якобы для того, чтобы проводить отъезжавшего в Токио японского министра иностранных дел Мацуоку, а в действительности чтобы на глазах у всего дипломатического корпуса положить руку на плечо германскому послу и попросить его позаботиться о том, чтобы Германия и Советский Союз и дальше оставались друзьями. Затем он повернулся к заместителю германского военного атташе полковнику Кребсу и заверил и его тоже в том, что Советский Союз является и хочет оставаться и впредь другом Германии.

За этой демонстрацией в ближайшие недели последовали и другие признаки, подтверждавшие, какое огромное значение придавал Сталин тому, чтобы не допустить никакого конфликта с Германией. Дабы умиротворить Гитлера, Сталин зашел столь далеко, что порвал дипломатические отношения с Норвегией, Бельгией, Югославией и Грецией под тем предлогом, будто эти страны ввиду их оккупации Германией потеряли свой суверенитет.

Но на Гитлера эта сталинская политика умиротворения впечатления не произвела. Наоборот, продолжающиеся усилия Сталина избежать конфликта он рассматривал как доказательство его слабости и страха перед военным столкновением с Германией. Все это укрепило его в убеждении, что ему никогда не предоставится более благоприятного случая разгромить Советский Союз, уничтожить советский режим и путем захвата русской и украинской части страны дать немецкому народу добавочное «жизненное пространство».

Хотя в то время слухи о предстоящем германском военном нападении на Советский Союз достигли своего апогея, мы в Москве не располагали никакими конкретными материалами относительно подлинных намерений Гитлера*.

Мы были склонны предполагать, что Гитлер концентрацией войск на советской границе хочет оказать на советское правительство нажим с целью вымогательства у него экономических и, возможно, территориальных уступок.

В середине апреля посол отправился в Германию, чтобы получить ясность о планах Гитлера и попытаться в приемлемой форме

* Геббельс записал в своем дневнике 14 февраля 1942 г.: «Наш посол в Москве граф фон дер Шуленбург тоже не имел никакого представления о том, что рейх был намерен совершить нападение [на Советский Союз]. Он постоянно настаивал на том, что наилучшей политикой было бы сделать Сталина другом и союзником. Он отказывался верить в то, что Советский Союз готовит крупный военный удар против рейха. Никакого сомнения, что наилучшая политика — это не информировать дипломатов о своих истинных политических намерениях». — *The Goebbels Diaries*. New York. 1971. P. 102—103. *Примеч. сост.*

наглядно показать ему опасность похода против Советского Союза. С этой целью он взял с собой подготовленную посольством памятную записку и сразу же по приезде в Германию направил ее для передачи Гитлеру. Личная встреча Гитлера с графом Шуленбургом состоялась 28 апреля*. Посол увидел, что его памятная записка ле-

* Сохранилась сделанная Шуленбургом запись этой беседы Гитлера с ним о позиции СССР в отношении «третьего рейха»:

«(...) Фюрер упомянул, что во время визита Мацуоки в Москву я находился там, и спросил: как воспринимают русские договор [о нейтралитете]? Я ответил: русские очень обрадованы его заключением, несмотря на то, что им пришлось пойти и на уступки.

Затем фюрер спросил, кой черт дернул их заключить пакт о дружбе с Югославией. Я высказал мнение, что здесь речь идет исключительно о заявке русских интересов на Балканах. (...) Россия не имеет специфических интересов в Югославии, но имеет принципиальные интересы на Балканах в целом. Фюрер сказал: заключение русско-югославского пакта о дружбе вызвало у него такое чувство, что Россия хочет нас припугнуть. Я отрицал это и повторил: русские имели целью только заявить о своих интересах и действовали все же корректно, проинформировав нас о своих намерениях.

Потом фюрер сказал, что ему все еще неясно, кто же, собственно, стоял за переворотом в Югославии: Англия или Россия? По его мнению, это были англичане, между тем как у всех балканских народов сложилось впечатление, что это была Россия. Я ответил: на взгляд из Москвы, нет оснований считать, что Москва приложила к этому руку. (...) Югославский договор появился на свет только тогда, когда сама Югославия проявила инициативу и послала в Москву офицеров, которые предложили ей этот договор. Теперь Россия вновь обеспокоена слухами, предсказывающими немецкое нападение на нее. Фюрер подчеркивает, что это сами русские начали сосредоточение войск, когда без всякой нужды сконцентрировали в Прибалтике большое число дивизий. Я объяснил, что дело здесь в общезвестном стремлении русских к 300-процентной безопасности. Если мы с какой-либо целью посылаем одну дивизию, то они с той же целью, чтобы быть вполне уверенными [в своей безопасности], посылают 10. Я не могу поверить в то, что Россия когда-либо нападет на Германию. Фюрер ответил: события в Сербии служат ему предостережением. То, что там произошло, — пример ненадежности [русского] государства, как партнера. Хотя он и не верит, что [англичане] могут купить Россию для нападения на Германию, у русских все же остались сильные чувства ненависти [к ней], а прежде всего остались неизменными русские намерения продвинуться дальше в Финляндию и выйти на Дарданеллы — это дал ясно понять во время своего визита Молотов. Обдумывая все это, он обязан быть осторожным.

Я указал на то, что Криппсу только через шесть дней после заключения русско-югославского договора удалось попасть на прием, да и то только к заместителю Молотова Вышинскому. Далее я напомнил, что Сталин сказал Мацуоке: он покаялся быть верен оси и не может сотрудничать с Англией и Францией. Я напомнил также сцену на вокзале, которую Сталин намеренно инсценировал, дабы публично продемонстрировать свое желание сотрудничать со странами оси. В 1939 г. Англия и Франция не жалели сил для того, чтобы привлечь Россию на свою сторону. И если Сталин даже в то время, когда Англия и Франция были еще сильны, не решился остановить свой выбор на них, то не думаю, чтобы он принял такое решение именно сейчас, когда Франция уничтожена, а Англии нанесены тяжелые удары. Напротив, я убежден в том, что Сталин готов сделать нам еще более далеко идущие уступки. Нашим хозяйственным^ представителям дали понять, что (если мы своевременно заявим об этом) в следующем году Россия смогла бы поставить нам 5 миллионов тонн пшеницы. Приведя различные цифры, фюрер высказал мнение, что русские поставки ограничены транспортными возможностями. Я указал на то, что транспортные трудности можно устранить более сильным использованием русских портов». — Цит. по: *Hans-Adolf Jacobsen*, 1939—1945. *Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*. 3. durchgesehene und ergSnzte Auflage. Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft. Darmstadt, 1959. *Примеч. соств.*

жит у Гитлера на столе, но ни по одному слову Гитлера не смог судить, прочел тот ее или нет. Однако, прощаясь, Гитлер вдруг без всякой связи с предыдущей беседой бросил: «И еще одно, Шуленбург: вести войну против России я не собираюсь!»

Когда 30 апреля посол вернулся в Москву, он отвел меня на аэродроме в сторону и прошептал: «Жребий брошен, война — дело решенное!» Только по дороге в посольство он сообщил мне о последней реплике Гитлера. На мой удивленный вопрос, как же это согласуется с его первыми словами, Шуленбург ответил: «Гитлер намеренно обманывал меня».

А тем временем Сталин продолжал свою политику умиротворения. Но Гитлер на нее ни в малейшей степени не реагировал. Даже тот факт, что 6 мая 1941 г. Сталин самолично занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и, таким образом, встал во главе правительства и юридически, не привлек к себе внимания Гитлера, хотя тем самым Сталин хотел явно продемонстрировать, что полон решимости использовать весь свой личный авторитет, чтобы избежать столкновения между Германией и Советским Союзом. Не придавал Гитлер никакого значения и донесениям посольства, хотя (или, возможно, именно поэтому) мы неустанно указывали на добросовестное соблюдение Советским Союзом экономического соглашения и подчеркивали, что он прилагает все усилия для избежания любого конфликта с Германией.

В мае в Москву после многонедельного отсутствия вернулся полковник Кребс. Когда он зашел в мой кабинет, я задал ему вопрос насчет курсирующих слухов о войне. Если в этом есть хоть доля истины, его долг, сказал я, разъяснить Гитлеру, что война против Советского Союза может означать конец Германии. Я напомнил Кребсу, что за свою долгую историю Россия часто бывала бита, но никогда — разбита. Я упомянул о силе Красной Армии, о способности русского народа переносить страдания и лишения, о масштабах этой страны и ее неисчерпаемых резервах. «Все это мне известно, — сказал в ответ Кребс, — но, к сожалению, ничего этого я преподнести Гитлеру не могу. После того как мы, офицеры германского генерального штаба, предостерегали его от похода на Францию, а линию Мажино называли неприступной, мы ему ни единого слова сказать не можем, а должны помалкивать, если не хотим поплатиться головой».

Для германского посольства последние дни перед германским вторжением в Советский Союз были временем трагическим. После безуспешной попытки повлиять на Гитлера памятной запиской Шуленбурга мы не имели больше никакой возможности вмешаться в ход событий. А в результате совершенно изменившегося характера отношений у посла больше не было никакого случая увидеть Молотова и поговорить с ним, тем более что тот тоже хранил молчание.

В связи с этим примечательно следующее. 5 мая 1941 г. в Кремле состоялся прием для молодых выпускников 16 академий Красной Армии. По сообщениям, имевшимся у посольства, Сталин произнес

на этом банкете речь, в которой подчеркнул превосходство германского военного потенциала над советским, чем, по мнению наших информаторов, совершенно явно хотел подготовить слушателей к необходимости компромисса с Германией. Этому резко противоречили те сообщения, которые сделали мне уже во время войны три попавших в плен старших советских офицера, тоже присутствовавших на этом приеме. По их словам, начальник управления военных академий СССР генерал-лейтенант Хозин хотел произнести тост за мирную политику СССР, на что Сталин отреагировал резко отрицательно, сказав, что теперь с этим оборонительным лозунгом надо покончить, ибо он устарел, хотя под этим лозунгом Советскому Союзу и удалось далеко продвинуть вперед свои границы на Севере и Западе и увеличить свое население на 13 млн человек. Однако теперь этим больше ни пяди земли не приобрести. Красная Армия, сказал он, должна привыкнуть к мысли, что мирная политика кончилась и наступила эра расширения фронта социализма силой. Тот, кто не признает этого, — обыватель и дурак. Надо покончить наконец и с восхвалениями германской армии.

Мне так никогда и не удалось получить достоверное объяснение различия между этими двумя сообщениями. За правильность сведений офицеров говорит тот факт, что их рассказы совпадали друг с другом, хотя у них не было никакой возможности заранее согласовать друг с другом свои показания. Поэтому допустимо предположить, что Сталин намеренно устроил так, чтобы первое сообщение попало в руки посольства и тем самым Гитлеру было бы дано доказательство его миролюбивой политики.

Тогда мне казалось, что мир еще, пожалуй, можно спасти, если удастся побудить советское правительство взять в свои руки дипломатическую инициативу и втянуть Гитлера в переговоры, которые — хотя бы на время — лишат его предлога для военной акции против Советского Союза. Поэтому я счел необходимым разъяснить советскому правительству всю серьезность положения и убедить его предпринять что-либо для предотвращения опасности войны. Поскольку советский посол в Берлине [Деканозов] как раз находился в Москве, я уговорил графа Шуленбурга пригласить его на завтрак в посольство вместе со ставшим к тому времени заведующим германским отделом Наркомата иностранных дел В. Н. Павловым (о котором мы знали, что он пользуется особым доверием Сталина), чтобы попытаться через Деканозова открыть глаза советскому правительству.

Граф Шуленбург и я не жалели никаких усилий, чтобы сделать русским понятной всю серьезность ситуации, и настаивали на том, чтобы советское правительство связалось с Берлином, пока еще ничего не произошло. Но наши усилия оказались напрасными. Хотя мы с самого начала не оставили у Деканозова никаких сомнений в том, что действуем на собственный страх и риск, он с совершенно удручающей тупостью снова и снова спрашивал, гово-

рим ли мы по поручению имперского правительства. В противном случае, твердил он, он не может передать нашу точку зрения своему правительству. Он явно не мог себе представить, что мы сознательно подвергали себя огромной опасности ради попытки сохранить мир. Казалось, он считал, что мы действуем по наущению Гитлера и пытаемся толкнуть Кремль на такой шаг, который противоречит советским интересам. Чем дольше говорили мы с Деказовым, тем яснее становилось нам, что он не проявляет никакого понимания нашей доброй воли. Его поведение подтвердило мою точку зрения, что Сталин полагает, будто Гитлер только блефует.

По этой причине Сталин оставил без внимания и другие предупреждения. Уже одно то, что в предсказаниях германского вторжения все время называлась одна и та же дата, казалось, еще больше укрепило его подозрение, что немцы хотят планомерно усилить воздействие своего блефа. Сталин явно считал, что он не должен делать ничего, что могло бы побудить Гитлера еще больше повысить те требования, на которые он, Сталин, был готов.

Эта тенденция проявилась как в отношении к предупреждениям британского посла сэра Стаффорда Криппса, так и в заявлении ТАСС, датированном 13 июня 1941 г.* В нем советское правительство опровергало как вымысел слухи насчет якобы предъявленных Советскому Союзу германских требований и заявляло, что обе стороны добросовестно выполняют положения пакта о ненападении.

Поскольку в это время посольство не могло выполнять никакой полезной работы и Берлин потерял всякий интерес к сообщениям из Москвы, нам не оставалось ничего иного, как заниматься чтением да обмениваться мнениями. Среди книг, которые мы тогда читали, были и мемуары генерала де Коленкура, известного французского дипломата и государственного деятеля, который служил во времена Великой французской революции и наполеоновских войн, а в 1807—1811 гг. был послом в России. (...) Книга содержала в основном записи бесед, которые он вел с Наполеоном в период вторжения в Россию и когда сопровождал императора во время его бегства во Францию. Эти беседы особенно интересовали меня потому, что Коленкур играл по отношению к Наполеону роль, похожую на роль Шуленбурга по отношению к Гитлеру. Как и Коленкур, Шуленбург был убежденным приверженцем дружественных отношений между его страной и Россией. Оба предостерегали от опасностей, вытекающих из войны с восточным колоссом, и оба потерпели неудачу в своих усилиях удержать своих повелителей от нападения на Россию.

Особенное впечатление произвело на меня одно место, где Коленкур описывает, как он предпринял попытку убедить Наполеона в правильности своих взглядов на Россию и в необходимости доб-

* В советской печати опубликовано 14 июня. *Примеч. сост.*

рых франко-русских отношений. Это место так живо напомнило мне взгляды Шуленбурга, что я решил подшутить над ним. Однажды, когда посол был у меня, я сказал ему, что недавно получил конфиденциальное письмо от одного берлинского друга с весьма интересным рассказом о последней беседе посла с Гитлером. Граф Шуленбург, будучи убежден, что о ходе этой беседы знает весьма мало лиц, был ошеломлен. «Да, но вот имеется ее текст», — сказал я и зачитал ему одно место из книги Коленкула, которую я тщательно спрятал от него. Я читал текст дословно, только лишь изменив имена: Наполеона — на Гитлера, а Коленкура — на Шуленбурга. Посол казался совершенно обескураженным. «Не могу поверить, чтобы ваш друг располагал моей записью беседы с Гитлером, — воскликнул он, — но текст почти слово в слово отвечает тому, что я сказал Гитлеру! Прошу дать мне взглянуть на фамилию отправителя письма». Когда же я протянул послу книгу, удивлению его не было границ. Совпадение было потрясающим! Мы оба сочли это плохим предзнаменованием.

До самого начала военных действий посольству не было ясно, действительно и окончательно ли Гитлер решил осуществить нападение на Советский Союз и на какую дату он назначил эту акцию. Только 14 июня от одного вернувшегося в Москву сотрудника посольства, которого Шуленбург посылал разведать обстановку в Берлине, мы узнали, что нападение произойдет 22 июня. Почти одновременно посольство получило от министерства иностранных дел указание позаботиться о сохранности секретных документов и незаметно начать отправку из Москвы женщин и детей. Этой возможностью остававшиеся немецкие семьи пользовались в течение всей недели, и под конец моя жена оказалась единственной не работающей в посольстве женщиной, еще находившейся в Москве.

Характерным для той последовательности, с какой Сталин проводил свою политику умиротворения Гитлера, явился тот факт, что советские пограничные власти до последнего момента были не только весьма корректны с отъезжающими немцами, но и относились к ним с подчеркнутой вежливостью. Кстати, поезда с советской пшеницей и нефтью беспрепятственно шли в Германию через границу до самой последней минуты перед нападением.

В последние дни перед началом войны встреч посла с Молотовым (хотя прежде они встречались каждые несколько дней для обсуждения текущих вопросов) больше не было. Однако 21 июня, накануне германского нападения, Молотов снова пригласил графа Шуленбурга к себе на 21 час 30 минут, и я, как обычно, сопровождал посла в Кремль. Молотов начал беседу с сообщения, что он, к сожалению, вынужден заявить протест против принявших в последнее время систематический характер нарушений границ германскими летчиками. Советское правительство поручило своему послу в Берлине сделать соответствующее представление импе-

рскому правительству. Затем Молотов перевел разговор на германо-советские отношения и заявил, что у советского правительства создается впечатление, будто германское правительство недовольно какими-то действиями советского правительства. Если это связано с югославскими делами, то он полагает, что в достаточной степени разъяснил данный вопрос во время предыдущих бесед. Тем больше советское правительство удивлено курсирующими слухами, согласно которым Германия готовит войну против Советского Союза. Новую пищу для этих слухов дает тот факт, что германское правительство никак не отреагировало на заявление ТАСС от 13 июня и в Германии оно не опубликовано. Советское правительство не может объяснить себе все это и было бы благодарно, если бы посол высказался по данному вопросу.

Вопросы Молотова поставили посла в крайне неловкое положение: ему не оставалось ничего иного, как заявить, что он не располагает никакой информацией. Молотова это не удовлетворило. Он сказал, что у него имеются сведения, по которым Москву уже покинули не только все германские хозяйственные представители, но также жены и дети персонала посольства. Посол попытался объяснить отъезд членов семей предстоящим жарким летом в Москве, добавив в качестве последнего аргумента, что, мол, уехали не все, «например, фрау Хильгер еще в Москве». Молотов следил за его усилиями с выражением разочарования на лице. В этот момент никто из нас троих еще не знал, что всего через шесть часов мы уже окажемся перед свершившимся фактом.

В ночь на 22 июня из Берлина поступила телеграмма послу с указанием немедленно отправиться к Молотову и сообщить ему, что концентрация советских войск на германской границе приняла такой размер, что воспринимается имперским правительством как недопустимая. Поэтому оно решило принять соответствующие контрмеры. Телеграмма указывала послу, что он не должен вступать с Молотовым ни в какие дальнейшие обсуждения.

Чуть позже четырех часов утра мы в последний раз вошли в Кремль. Молотов принял нас не сразу. Он выглядел усталым и изнуренным работой. После того как посол сделал свое сообщение, на минуту воцарилась полная тишина. Молотов явно боролся с внутренним волнением. Затем он спросил: «Это — объявление войны?» Посол отреагировал молча, характерным для него жестом: с выражением беспомощности он воздел руки к небу. На это Молотов, слегка повысив голос, сказал: сообщение посла, естественно, не может означать ничего иного, как объявление войны, ибо германские войска перешли советскую границу и немецкие самолеты уже полтора часа бомбят такие города, как Одесса, Киев и Минск. Затем, уже не сдерживаясь, выразил свое возмущение. Он сказал, что Германия напала на страну, с которой заключила

договоры о ненападении и дружбе. Такого прецедента в истории еще не бывало. О концентрации советских войск на германской границе не может быть и речи. Пребывание советских войск в пограничных областях обусловлено только летними маневрами, которые проходят там. Если имперское правительство имело что-либо возразить против этого, ему было достаточно всего лишь сообщить об этом советскому правительству, и оно позаботилось бы о принятии соответствующих мер. Вместо этого Германия развязала войну со всеми ее последствиями. Свою филиппику Молотов закончил словами: «Мы этого не заслужили!»

Посол ответил: ему нечего добавить к тому, что он сообщил по указанию своего правительства, кроме просьбы, чтобы советское правительство в соответствии с международным правом обеспечило немедленный свободный выезд сотрудникам посольства. Молотов лаконично ответил, что это будет сделано на основе взаимности. Затем мы попрощались с Молотовым — молча, но с обычным рукопожатием. (...)

Когда произошло германское нападение, Красная Армия оказалась совершенно неподготовленной, ибо Сталин до самого последнего момента предавался вере, что Гитлер никогда не осмелится напасть на Советский Союз и что концентрация войск на советской границе — всего лишь блеф, рассчитанный на то, чтобы добиться от него, Сталина, уступок в экономическом или территориальном отношении. Если бы Сталин действовал иначе и вовремя дал Гитлеру понять, что полон решимости в случае войны бросить против него всю мощь Красной Армии, кто знает, не приняла бы тогда история иной оборот. (...)

После того как 22 июня 1941 г. война, которую Гитлер навязал Советскому Союзу, началась, Сталину сначала пришлось дорого заплатить за совершенные им ошибки. Последствия его яростной расправы с руководящими деятелями Красной Армии, жертвой которой всего четыре года назад пали не меньше трех четвертей всего высшего командного состава, были к 1941 г. еще не преодолены. Виной Сталина было, далее, то, что первые удары агрессора были совершенно неожиданны для советских войск, которые бездейственно стояли на границе, так как по его категорическому приказанию не приняли необходимых мер к обороне. И наконец, перед началом военных действий Сталин не предпринял ничего, что психологически подготовило бы население к возможности войны. Наоборот, Сталин всячески пренебрегал всеми предупреждениями с третьей стороны, сознательно создавал впечатление, будто после заключения договоров от 23 августа и 29 сентября 1939 г. отношения Советского Союза с Германией изменились. К этому добавилось воздействие сталинских заявлений, из которых советская общественность должна была услышать, что отношения между обеими странами не оставляют желать ничего лучшего и все появляющиеся слухи объяс-

няются действиями политических возмутителей спокойствия. Следствием этого стало то, что в момент начала войны русское население было поражено как громом среди ясного неба. (...)

...Так заключенная 23 августа 1939 г. германо-советская «дружба» завершилась трагическим концом*. (...)

Из книг: *Gustav Hilger. Wir und der Kreml. Frankfurt am Main, 1964; idem. Stalin. Der Aufstieg der UdSSR zur Weltmacht. Frankfurt am Main, 1959. На русском языке впервые опубликовано составителем в: Дипломатический ежегодник 1989. М., 1990*

* Между тем в ответе Риббентропу на поздравление со своим 60-летием Сталин в конце декабря 1939 г. утверждал: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью (!), имеет все основания быть длительной и прочной». — Правда. 1939. 29 дек. *Примеч. сост.*

**ЗЛОВЕЩИЕ
ЗАМЫСЛЫ
И ПРЕСТУПНЫЕ
ДЕЯНИЯ**

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Фюрер и рейхсканцлеру верховный главнокомандующий вермахта

Мы начинаем там, где было кончено шесть столетий назад.

Мы приостанавливаем вечное движение германцев на Юг и Запад и обращаем свой взор на Восток. Мы прекращаем наконец колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к осуществлению в будущем политики захвата земель. (...) Говоря сегодня о новых землях, мы думаем прежде всего о России и подвластных ей окраинных государствах.

Adolf Hitler, *Mein Kampf*
Bd. 1. Munchen. 1937

Адольф Гитлер (настоящая фамилия — Шикльгрубер), нацистский преступник № 1, родился 20 апреля 1889 г. в г. Браунау-на-Инне (Австрия) в семье мелкого чиновника; в молодости вел люмпенский образ жизни. Во время первой мировой войны служил в германской армии в чине ефрейтора в качестве вестового адъютанта баварского пехотного полка, участвовал в боевых действиях, был награжден Железным крестом I степени и орденом «За военные заслуги». Во время Ноябрьской революции 1918—1919 гг. — платный осведомитель рейхсвера. По заданию его командования в Баварии вступил в 1920 г. в Немецкую рабочую партию (ДАП), затем переименованную в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП), и вскоре возглавил ее. 8 ноября 1923 г. участвовал в Мюнхене (Бавария) в провалившемся путче против правительства Веймарской республики, за что был судим и заключен в крепость Ландсберг. Там при содействии своего секретаря Рудольфа Гесса написал книгу «Майн кампф» («Моя борьба») — credo германского фашизма, проникнутую идеями расизма, агрессии, антикоммунизма и антисемитизма.

30 января 1933 г. при поддержке германского монополистического капитала, юнкерства и реваншистских кругов военщины был назначен президентом Германии бывшим кайзеровским фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом на пост рейхсканцлера. Установил фашистскую диктатуру. В июне 1934 г., в «Ночь длинных ножей», кроваво расправился со своими соперниками и оппонентами по партии во главе с начальником штаба СА (штурмовых отрядов) бывшим капитаном рейхсвера Эрнстом Рёмом.

1 августа 1934 г. после смерти Гинденбурга объединил в качестве «фюрера и рейхсканцлера» должности президента и главы правительства, тем самым получил всю законодательную, исполнительную и судебную власть. Создал на основе введенной им всеобщей военной повинности вместо ограниченного Версальским договором 1919 г. 100 тысячного рейхсвера предназначенную для агрессии массовую армию — вермахт (вооруженные силы), став в 1938 г. его верховным главнокомандующим. При пособничестве западных держав, проводивших политику «умиротворения» агрессора, вел подготовку Германии ко второй мировой войне с целью установления своего мирового господства.

23 августа 1939 г. заключил германо-советский пакт о ненападении с дополнительными секретными протоколами о разделе сфер государственных интересов Германии и СССР. 1 сентября 1939 г. нападением на Польшу развязал вторую

мировую войну. 22 июня 1941 г., нарушив пакт о ненападении и договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., напал на СССР, что послужило началом Великой Отечественной войны против фашистской Германии.

30 апреля 1945 г. вместе с Евой Браун (накануне вступив с ней в официальный брак) покончил самоубийством в бункере Имперской канцелярии в Берлине. Самоубийство Гитлера было по «политическим» соображениям скрыто Сталиным от всего мира. По недавно опубликованным в российской печати сведениям, останки сожженного трупа Гитлера были тайно захоронены органами советской госбезопасности в г. Магдебурге, на территории тогдашней советской зоны оккупации Германии.

«Я СНОВА НАДЕЛ СВОЙ ВОЕННЫЙ МУНДИР»*

Из речей и выступлений на секретных совещаниях

**ПИСЬМО АДОЛЬФА ГИТЛЕРА ИОСИФУ СТАЛИНУ
/ОТ 21 АВГУСТА 1939 г./
О СРОЧНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ
ГЕРМАНО-СОВЕТСКОГО ПАКТА О НЕНАПАДЕНИИ**

21 августа 1939 г.

Господину И. В. Сталину Москва

1) Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.

2) Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому Германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.

3) Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и Народным Комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.

4) Дополнительный протокол, желаемый Правительством СССР (подчеркнуто нами. — Сост.), по моему убеждению, может быть по существу выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе Германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.

5) Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия,

* Заголовок дан составителем.

во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.

б) Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего Министра иностранных дел во вторник 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание Министра иностранных дел в Москве, чем один день, невозможно, ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер

Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы.
М., 1990. Т.2. С. 302

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ
ВЫСШЕГО ГЕНЕРАЛИТЕТА ВЕРМАХТА
В ОБЕРЗАЛЬЦБЕРГЕ 22 АВГУСТА 1939 г.**

Я созвал вас для того, чтобы дать вам картину политического положения, дабы вы получили представление об отдельных элементах, на которых основано мое решение действовать, а также для того, чтобы укрепить ваше доверие.

Мне было ясно, что раньше или позже дело должно дойти до столкновения с Польшей. Я принял решение еще весной, но думал, что сначала через несколько лет выступлю против Запада, а уже потом против Востока. Однако последовательность во времени не поддается определению заранее. К тому же нельзя закрывать глаза на угрожающее положение. Первоначально я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы потом начать борьбу против Запада. Однако этот импонирующий мне план оказался неосуществим, поскольку изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно: при столкновении с Западом Польша нападет на нас. Польша стремится получить выход к морю. После занятия Мемельской (Клайпедской. — *Сост.*) области дальнейший ход событий показал это, и мне сделалось ясно, что при известных условиях Польша сможет напасть на нас в неблагоприятный для нас момент. В качестве причин таких соображений приведу следующие.

1. Прежде всего два обстоятельства персонального значения.

Первое: моя личность и личность Муссолини.

Ввиду моих политических способностей все в значительной мере зависит от меня, от моего существования. Ведь это факт, что никто, пожалуй, не пользуется таким доверием немецкого

народа, как я. В будущем, верно, никогда не будет другого такого человека, который имел бы авторитет больший, чем имею я. Следовательно, мое существование есть фактор огромного значения. Но я могу быть в любой момент уничтожен каким-нибудь преступником, каким-нибудь идиотом.

Второй персональный фактор — это дуче. Его существование тоже имеет решающее значение. Если с ним что-нибудь случится, союзническая верность Италии больше не сможет быть надежной. Основная позиция итальянского двора — против дуче. Это именно двор видит в расширении [итальянской] империи бремя для себя. Дуче — самый крепкий нервами человек в Италии.

Третий персональный фактор, благоприятный для нас, — это Франко. Мы можем потребовать от Испании благожелательного нейтралитета. Но это зависит от личности Франко. Он гарантирует определенную унификацию и устойчивость нынешней системы в Испании. Мы должны считаться с тем, что в Испании пока еще нет фашистской партии такой же внутренне сплоченной, как наша.

На противной стороне в том, что касается влиятельных личностей, картина негативная. В Англии и Франции личностей крупного масштаба нет.

Нам принимать решения легко. Нам терять нечего, мы можем только приобрести. Наше экономическое положение в результате наших ограничений таково, что мы сможем еще продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. Нам не остается ничего иного, кроме как действовать. Наши противники рискуют многим, а выиграть могут немного. Вклад Англии в войну чрезвычайно велик. Наши противники имеют лидеров ниже среднего уровня. Ни одной выдающейся личности. Ни одного властелина, ни одного человека действия.

Наряду с персональными факторами благоприятно для нас и политическое положение. В бассейне Средиземного моря — соперничество между Италией, Францией и Англией, на Востоке — напряженность между Японией и Англией. На Ближнем Востоке — напряженность, вызывающая тревогу магометанского мира.

Английская империя уже из последней войны вышла не усиленной. Господства на морях она не добилась. Конфликт Англия — Ирландия. Независимость Южно-Африканского Союза возросла. Приходится делать уступки Индии. Англия находится в крайне угрожаемом положении. Нездоровая индустриализация. Любой британский государственный деятель может глядеть в будущее только с тревогой.

Положение Франции тоже стало хуже, особенно в Средиземном море.

В качестве благоприятных для нас факторов следует назвать такие.

На Балканах со времени захвата [Италией] Албании установилось равновесие сил. Югославия ввиду своих внутренних условий

несет в себе смертельный зародыш разложения. Румыния сильнее не стала. Она подвержена агрессии и уязвима. Ей угрожают Венгрия и Болгария. После смерти Кемаля Турцией правят мелкие душонки, бесхребетные, слабые люди.

Всех этих счастливых обстоятельств через два-три года уже не будет. Никто не знает, как долго еще я проживу. Поэтому пусть лучше столкновение произойдет сегодня.

Образование Великой Германии было политически великим свершением, но в военном отношении оно внушало опасения, ибо было достигнуто блефом политического руководства. Необходимо испытать военную силу. И если возможно, не в виде генерального сведения счетов, а путем решения отдельных задач.

Отношения с Польшей стали невыносимыми. Моя политика в отношении Польши, проводившаяся до сих пор, противоречила воззрениям нашего народа. Принятию моих предложений Польше (Данциг, коридор) мешало вмешательство Англии. Польша сменила свой тон по отношению к нам. Состояние напряженности на длительный срок нестерпимо. Закон действия не должен перейти в другие руки. Сейчас момент благоприятнее, чем будет через 2—3 года. Покушение на меня или Муссолини смогло бы изменить положение не в нашу пользу. Нельзя же вечно стоять друг против друга с винтовкой на боевом взводе. Предложенное нами компромиссное решение потребовало бы от нас изменения нашего мировоззрения и жестов доброй воли. С нами снова заговорили бы на языке Версаля. Возникла бы опасность потери престижа. Вероятность того, что Запад не выступит против нас, еще велика. Мы должны с безоглядной решимостью пойти на риск. Политик точно так же, как полководец, должен брать на себя риск. Мы стоим перед лицом суровой альтернативы: либо нанести удар, либо быть раньше или позже уничтоженными.

Не окажись я в прошлом прав, меня бы побили камнями. Опаснейшим шагом явилось вступление в нейтральную [Рейнскую] зону. За восемь дней до того я получил от Франции предупреждение. Но я всегда шел на огромный риск, будучи убежден в том, что он себя оправдает.

И теперь тоже риск велик. Нужны железные нервы. Железная решимость.

Меня укрепляют в моей решимости следующие особые причины. Англия и Франция приняли на себя обязательство, но ни та, ни другая выполнить его не в состоянии. В Англии никакого фактического вооружения нет, одна пропаганда. Очень большой вред причинило то, что многие отнеслись отрицательно (к Мюнхенскому соглашению. — *Сост.*) и после решения чехословацкого вопроса говорили и писали англичанам: фюрер оказался прав потому, что у вас не выдержали нервы, потому, что вы слишком рано капитулировали. Вот чем объясняется теперешняя пропагандистская война. Англичане говорят о войне нервов. Одним из элементов этой войны является изображение роста вооружений. Но

каково британское вооружение на самом деле? Программа строительства военно-морского флота на 1939 г. еще не выполнена.* Только мобилизация резервного флота. Закупка рыболовных судов. Существенного усиления английского флота раньше 1941 г, или 1942 г. ожидать не приходится.

С сухопутными войсками там тоже мало что изменилось. Англия будет в состоянии послать на континент максимум три дивизии. Кое-что, правда, произошло в области авиации, но это еще только начало. ПВО находится в начальной стадии. В настоящее время Англия имеет всего немногим больше 150 зениток. Новые зенитные орудия еще только заказаны. Пройдет немало времени, пока они будут изготовлены. Отсутствуют приборы управления артиллерийским огнем. Авиация Англии насчитывает в настоящее время всего 130 000 человек, Франции — 72 000, Польши — 15 000. В Англии желают, чтобы конфликт произошел не раньше чем через 2—3 года.

Характерным для Англии является следующее. Польша хочет получить от Англии заем для своего вооружения. Но Англия дает только кредиты, чтобы Польша покупала у нее, хотя сама ей ничего поставить не может. Она не желает рисковать в Польше 8 миллионами фунтов, хотя в Китай она вложила полмиллиарда. Это говорит за то, что в действительности Англия поддерживать Польшу не намерена. Положение Англии весьма затруднительно. Она на риск не пойдет.

Во Франции — нехватка людей (падение рождаемости). В области вооружения сделано мало. Артиллерия устарела. Франция не хочет влезать в эту авантюру.

У Запада есть только две возможности бороться против нас:

1. Блокада, но она будет неэффективной ввиду нашей автаркии, а также потому, что мы имеем вспомогательные источники на Востоке.

2. Нападение на Западе с линии Мажино считаю невозможным.

Имелась бы возможность нарушения нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. У меня нет никаких сомнений в том, что все эти страны, а также и Скандинавия защищали бы свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция нейтралитета этих стран не нарушат. Значит, фактически Англия Польше помочь не сможет. Остается еще нападение на Италию. Военное вмешательство исключено. На длительную войну никто не рассчитывает. Если бы господин Браухич [главнокомандующий сухопутными войсками] сказал мне, что мне потребуется четыре года, чтобы захватить Польшу, я бы ему ответил: так дело, не пойдет! Когда кто-то говорит, что Англия хочет продолжительной войны, это бред!

Мы будем сдерживать Запад до тех пор, пока не захватим Польшу. Мы должны сознавать наши огромные производственные возможности. Они гораздо больше, чем в 1914—1918 гг.

(...) Противник все еще надеялся, что Россия после завоевания

нами Польши выступит как [наш] враг. Но противники не учли моей огромной способности принимать решения. Наши противники — мелкие черви. Я видел их в Мюнхене.

Я был убежден, что Сталин никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом Сталин знает, что режиму его конец — все равно, выйдут ли его солдаты из войны победителями или же потерпевшими поражение. Решающее значение имела замена Литвинова [Молотовым]. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение. Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть.

Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. Это огромная цель, которая требует огромных сил. Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь паршивая свинья не подсунула мне свой план посредничества.

В своей политической цели я иду дальше. Начало разрушению господствующего положения Англии положено. После того как я осуществил политические приготовления, путь солдатам открыт.

Нынешнее обнародование пакта о ненападении с Россией подобно разорвавшемуся снаряду. Последствия — необозримы. Сталин тоже сказал, что этот курс пойдет на пользу обеим странам. Воздействие на Польшу будет чудовищным.

(...) С осени 1938 г. (...) решение идти вместе со Сталиным. В сущности — только три великих государственных деятеля во всем мире: Сталин, я и Муссолини. Муссолини — слабейший.

(...) Сталин и я — единственные, кто видит будущее. Таким образом, через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира.

(...) Генерал-полковник Браухич обещал мне закончить войну с Польшей за несколько недель. Если бы он доложил, что мне потребуется для этого два года или хотя бы только год, я не дал бы приказа о выступлении и на время заключил бы союз не с Россией, а с Англией. Ведь никакой длительной войны мы вести не можем. Эти жалкие черви Даладье и Чемберлен, а я их узнал в Мюнхене, окажутся слишком трусливыми, чтобы напасть [на нас]. Они не выйдут за рамки блокады. А у нас против этого — наша автаркия и русское сырье. Мой пакт с Польшей* был задуман просто как выигрыш времени. А впрочем, господа, с Россией ведь предельвается то же самое, что я уже освоил на

* Имеется в виду германо-польский договор о ненападении, заключенный в 1934 г. *Примеч. сост.*

примере Польши! После смерти Сталина, а он — тяжелобольной, человек, мы разгромим Советский Союз. Тогда забрезжит заря германского господства на всем земном шаре.

(...) Ведение новой войны соответствует установлению новой границы. Вал от Ревеля (Таллинн. — *Сосм.*), Люблина, Кошице до устья Дуная. Остаток получают русские. Риббентропу дано указание делать любое предложение и принимать любое требование русских. (...)

(...) Я дам пропагандистский повод к развязыванию войны — безразлично, правдоподобен он или нет. Победителя потом не спрашивают, говорил он правду или же нет. Когда нападают и ведут войну, дело не в праве, а в победе.

Цит. по: *Hans-Adolf Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg. Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959; Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. VII. S. 172*

РЕЧЬ В РЕЙХСТАГЕ 1 СЕНТЯБРЯ 1939 г.

(...) Обращаясь с призывом к вермахту и требуя от немецкого народа жертв — причем жертв любых! — я имею на то право, ибо я и сам сегодня точно так же, как и прежде, готов принести любую личную жертву. Я не требую ни от одного немца чего-либо иного, нежели того, что более четырех лет был готов в любой момент добровольно сделать сам. Нет в Германии такого бремени, которое я сам не принял бы тотчас же на свои плечи. Вся жизнь моя отныне целиком и полностью принадлежит моему народу. Я не хочу ничего иного, кроме как быть первым солдатом германского рейха. Вот почему я снова надел тот мундир, который еще с давних времен был для меня самым святым и дорогим. И сниму его только после победы, ибо поражения я не переживу.

Если же в этой борьбе со мной что-нибудь случится, моим первым преемником станет партайгеноссе Геринг. Вы будете обязаны подчиняться ему, как фюреру, с такой же слепой верой и повиновением, как и мне самому. Если же что-нибудь случится и с Герингом, следующий по очереди мой преемник — партайгеноссе Гесс. Ну, а если что-нибудь случится и с ним, я, согласно закону, созову сенат, который должен будет избрать достойнейшего, а это значит храбрейшего, из своей среды.

Как национал-социалист и как германский солдат я вступаю в эту борьбу с твердым сердцем. Вся моя жизнь была не чем иным, как исключительно борьбой за мой народ, за его мировоззрение, за Германию. Превыше этой борьбы — лишь вера в мой народ. Только одно слово не было мне знакомо никогда, и слово это: капитуляция. Если кто-нибудь считает, что мы идем навстречу трудным временам, я прошу его задуматься над тем, что однажды

пруссский король [Фридрих II] вместе со своим до смешного малым государством противостоял крупнейшей коалиции и в ходе всего трех сражений в конечном счете пришел к победе, ибо у него было верящее и сильное сердце, которое нужно и нам сегодня. А потому я хотел бы сразу заверить весь мир: ноябрь 1918-го в германской истории больше не повторится никогда!

Будучи сам готов в любой миг отдать свою жизнь — ее может взять каждый! — за мой народ и за Германию, я требую того же и от каждого другого. Ну а тот, кто думает, будто ему, прямо или косвенно, удастся воспротивиться этому национальному долгу, должен пасть! Предателя ждет только одно: смерть!

Тем самым все мы выражаем свою приверженность нашему старому принципу: выживем ли мы сами — не имеет никакого значения, необходимо, чтобы жил наш народ, чтобы жила Германия! (...)

Здесь и далее цит. по: *И.-А. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg. Chronik und Dokumenten. На русском языке публикуется впервые*

РЕЧЬ В РЕЙХСТАГЕ 6 ОКТЯБРЯ 1939 г.

(...) Спустя 14 дней [после начала войны] главные силы польской армии раздроблены, пленены или окружены. Германская же армия за это время преодолела такие расстояния, захватила такие пространства, для преодоления и захвата которых 25 лет назад потребовалось бы больше 14 месяцев. (...) То, что последние остатки польских армий смогли продержаться в Варшаве, Модлине и на Геле до 1 октября, следует приписать не их отваге, а только нашей холодной рассудительности и чувству ответственности. (...)

Если в этом наступлении [на Польшу] появилась общность интересов с Россией, то она основывается не только на однородности тех проблем, которые касаются обоих государств, но и на однородности того опыта, который оба государства приобрели в формировании отношений друг с другом.

Уже в моей данцигской речи [19 сентября 1939 г.] я заявил, что Россия организована на принципах, во многом отличающихся от наших. Однако с тех пор, как выяснилось, что Сталин не видит в этих русско-советских принципах никакой причины, мешающей поддерживать дружественные отношения с государствами другого мировоззрения, у национал-социалистической Германии тоже не было больше побуждения применять здесь иной масштаб.

Советская Россия — это Советская Россия, а национал-социалистическая Германия — это национал-социалистическая Германия. Но несомненно одно: с того момента, как оба государства начали взаимно уважать их отличные друг от друга режимы

и принципы, отпала всякая причина для каких-либо взаимных враждебных отношений. (...)

Заключенный тем временем между Германией и Советской Россией пакт о дружбе и сферах интересов дает обоим государствам не только мир, но и возможность счастливого и прочного сотрудничества. Германия и Советская Россия общими усилиями лишат одно из опаснейших мест в Европе его угрожающего характера и, каждая в своей сфере, будут вносить свой вклад в благополучие проживающих там людей, а тем самым и в европейский мир. (...)

Однако в одном решении Германии неизменно: в создании также и на Востоке нашего рейха мирных, стабильных и тем самым приемлемых условий жизни. А именно здесь германские интересы и желания совпадают с интересами и желаниями Советской России. Оба государства полны решимости не допустить, чтобы между ними возникли такие проблемы, в которых таится ядро внутренних волнений, а тем самым и внешних помех, и которые могли бы каким-либо неблагоприятным образом затронуть отношения между обеими великими державами. Поэтому Германия и Советский Союз провели четкую границу областей обоюдных интересов, решив каждое в своей части позаботиться о спокойствии и порядке и не допустить ничего, что могло бы причинить вред другому партнеру.

(...) Правительство Германской империи никогда не допустит, чтобы возникшее в дальнейшем остаточное польское государство смогло бы стать мешающим элементом для самого рейха или тем более источником помех между ним и Советской Россией. (...)

На русском языке публикуется впервые

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ РОДОВ ВОЙСК ВЕРМАХТА 23 НОЯБРЯ 1939 г.

Цель этого совещания: дать вам представление о мыслях, обуравующих меня в связи с предстоящими событиями, и сообщить вам мои решения. Создание вермахта стало возможным во взаимосвязи с воспитанием нашего народа партией в духе нашего мировоззрения. Когда в 1919 г. я начал свою политическую деятельность, сила моей веры в конечный успех основывалась на оценке событий того времени и на изучении причин тогдашних явлений. Свое последнее слово сказало Провидение и принесло мне успех. Я и сам сознавал ход исторических событий и никогда не терял твердой воли, необходимой для жестких решений. Первое такое решение было принято мною в 1919 г., когда я после тяжелой внутренней борьбы решил стать политиком и начать борьбу против моих врагов. То было самое трудное решение из всех. Но у меня имелось твердое убеждение, что своей цели я достигну. Я хотел привлечь к моему делу то меньшин-

ство, которое было призвано встать у руля руководства. Спустя 15 лет, после тяжелых боев и многих поражений, я этой цели достиг. Когда в 1933 г. я пришел к власти, позади у меня лежал период тяжелейшей борьбы. Все, что было до меня, обанкротилось. Мне пришлось реорганизовать все заново, начиная с обновления народного организма и кончая вооруженными силами. Сначала надо было провести внутреннюю перестройку, устранить явления распада, искоренить пораженческий дух, воспитать народ в духе героизма.

В ходе внутренней перестройки я принялся и за решение второй задачи: высвобождения Германии из пут международных союзов. Здесь следует подчеркнуть две особенности: выход из Лиги Наций и след за участью в мирных конференциях. Число пророков, предрекавших, что это приведет к захвату [западными державами] Рейнской области, было очень велико, а число веривших в успех — очень мало. Но я осуществил свое намерение, ибо за моей спиной сплоченно стояла вся нация. Затем я дал приказ приступить к вооружению. И здесь тоже — многочисленные пророки, предсказывавшие неудачу, и лишь немного — верящих. В 1936 г. последовало введение всеобщей воинской повинности. Затем произошла ремилитаризация Рейнской области; эту акцию поначалу тоже считали неосуществимой, а число тех, кто верил мне, было тогда весьма незначительно. Мы стали укреплять свою западную границу.

Год спустя — Австрия. К этому шагу тоже отнеслись с большими опасениями, а он привел к укреплению рейха. Затем должны были последовать Богемия и Моравия, а также Польша. Но этой цели достигнуть одним махом было невозможно. Сначала надо было воздвигнуть Западный вал. Добиться цели одним рывком было нереально. Мне с первого же мгновения было ясно: одной Судетской областью я не удовлетворюсь, ибо это частичное решение вопроса. Было принято решение о вступлении в Богемию [Чехию]. За ним произошло создание протектората [Богемия и Моравия], а тем самым была заложена база для завоевания Польши. Правда, в тот момент мне все еще было неясно, следует ли мне сначала выступить против Востока, а уже потом против Запада или же наоборот. У Мольтке* в свое время возникали такие же сомнения. В силу обстоятельств мне сначала пришлось заняться Польшей.

Меня упрекают: борьба и снова борьба! Но в ней я вижу судьбу всего сущего. Уклониться от борьбы, если только он не хочет быть побежденным, не может никто. Рост народонаселения требует большего жизненного пространства. Моей целью было

* Граф Гельмут фон Мольтке (1848—1916), племянник прусского фельдмаршала Мольтке-старшего, прусский генерал-полковник, в 1906—1914 гг. — начальник генерального штаба кайзеровской армии; после поражения в битве на Марне (6—9 сентября 1914 г.) смещен со своего поста. *Примеч. сост.*

добиться разумного соотношения между численностью населения и величиной этого пространства. Тут без борьбы не обойтись. От решения этой задачи не может уйти ни один народ, ибо если он пренебрежет этим, то обречен на постепенное вымирание. (...) Отказ от применения с этой целью насилия означает величайшую трусость, уменьшение численности народонаселения и деградацию. Я же решил привести жизненное пространство в соответствие с численностью народонаселения. Важно осознать одно: существование государства имеет смысл только тогда, когда оно служит сохранению своей народной субстанции. У нас речь идет о 82 миллионах человек. А это налагает величайшую обязанность. Тот, кто не берет ее на себя, недостойн принадлежать к народному организму. Вот что дало мне силы для борьбы. (...) Решение достигается только с помощью меча. Народ, который не находит в себе сил для борьбы, обречен на вымирание. (...)

Сегодня мы бьемся за нефтяные промыслы, за каучук, за полезные ископаемые. После Вестфальского мира* Германия распалась. Распад и бессилие германского рейха были закреплены договорами. Это германское бессилие было вновь устранено образованием Германской империи [1 января 1871 г. в Париже], когда* Пруссия осознала свою задачу. С 1870 г. Англия — против нас. Бисмарку и Мольтке** было ясно, что однажды еще придется снова воевать. Тогда существовала опасность войны на два фронта. Мольтке нередко выступал за превентивную войну. Использовать более медленную мобилизационную способность русских. Германская военная сила еще не была использована до конца из-за недостаточной твердости тогдашних руководящих личностей. Основной идеей всех планов Мольтке было наступление. Об обороне он никогда и не помышлял. В результате смерти Мольтке многочисленные оказии были упущены. Решения можно было достигнуть путем нападения только на одно государство при благоприятных условиях. Политическое и военное руководство виновно в том, что подходящие случаи были упущены. Военное руководство вечно заявляло, что оно, мол, еще не готово. В 1914 г. началась война на несколько фронтов. Она решения проблем не принесла.

• Вестфальским миром закончилась Тридцатилетняя война (1618—1648), вызванная противоречиями между католическим императором Священной Римской империи германской нации (Первый рейх), опиравшейся на помощь Испании, католической Конгрегации и папы Римского, с одной стороны, и протестантскими князьями, — с другой. Она привела к распаду этой империи и полному территориальному и религиозному суверенитету князей. *Примеч. сост.*

** Имеется в виду граф Гельмут Мольтке-старший (1800—1891), прусский фельдмаршал, в качестве начальника генерального штаба возглавлявший закончившиеся победой войну против Австрии (1866 г.) и франко-прусскую войну 1870—1871 гг. Идеолог и теоретик прусско-германского милитаризма, создатель наступательной стратегии. Считал невозможной для Германии одновременную войну на два фронта. *Примеч. сост.*

Сегодня пишется второй акт этой драмы. Впервые за 67 лет следует констатировать: нам вести войну на два фронта не приходится! Произошло то, чего мы желали с 1870 г. и фактически считали невозможным. Впервые в истории нам приходится воевать только на одном фронте, и никакой другой нас сейчас не сковывает. Но никому не дано знать, сколь долго это останется так. Я долго колебался, ударить ли мне сначала на Востоке, а уже потом на Западе. Ведь, в сущности, я создал вермахт вовсе не для того, чтобы воздерживаться от нанесения удара. Решение нанести удар всегда жило во мне. Сложилось так, что нам выпал жребий сначала ударить по Востоку. Если польская кампания прошла так быстро, то это — свидетельство превосходства наших вооруженных сил. Самое славное событие во всей нашей истории! Неожиданно малые потери в людях и технике. Сейчас Восточный фронт удерживается всего несколькими дивизиями. Положение именно такое, какое мы раньше считали недостижимым.

Итак, в настоящее время положение таково: противник на Западе засел за своими укреплениями. Атаковать у него нет никакой возможности. Главный вопрос: как долго сможем мы удерживать такое положение? Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же у нас с Россией есть договор. Договора соблюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным. Так думал и Бисмарк. Вспомним его Договор перестраховки*. Россия будет соблюдать его до тех пор, пока будет считать его за благо для себя. Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего — укрепление своей позиции на Балтийском море. Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе. Далее, Россия желает усиления своего влияния на Балканах, а также направляет свои стремления к Персидскому заливу, а это — цель и нашей внешней политики. В данный момент интернационализм отошел для нее на задний план. Если Россия от него откажется, она перейдет к панславизму. Заглядывать в будущее трудно. Но фактом остается то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится.

Многое зависит от Италии, прежде всего от дуче, смерть которого может все изменить. У Италии есть крупные цели для укрепления своей империи. Носителями этой идеи являются исключительно фашизм и дуче. [Королевский] двор относится к ней отрицательно. Пока дуче жщв, я могу рассчитывать на то, что Италия использует любую возможность достигнуть своих

* Проводя свою политику союзов, рейхсканцлер Германской империи Отто фон Бисмарк добился создания в 1882 г. на Западе Тройственного союза (Германия, Австрия и Италия), но уже в 1887 г. заключил с Россией так называемый Договор перестраховки. *Примеч. сост.*

империалистических целей. Но от Италии потребуются **слишком** много, если она пожелает выступить прежде, чем Германия перейдет в наступление на Западе. Точно так же и Россия выступила только после того, как мы вступили в Польшу. Впрочем, Италия полагает, что все мысли Франции заняты ею одною, так как Германия отсиживается за своим Западным валом. Италия вмешается только, если сама Германия начнет наступательные действия против Франции. Так же, как и смерть Сталина, смерть дуче может принести с собой ряд опасностей. Насколько легко государственного деятеля может настичь смерть, я недавно испытал сам*. Надо ловить момент, пока не поздно, иначе вдруг можешь оказаться перед лицом совсем другой ситуации. Пока Италия занимает такую позицию, угрозы со стороны Югославии опасаться нам не приходится. Точно так же нейтралитет Румынии гарантируется позицией России. Скандинавия благодаря марксистскому влиянию нам вообще-то враждебна, но сейчас нейтральна. Америка ввиду своего закона о нейтралитете для нас пока еще не опасна. Усиление противника за счет Америки еще незначительно. Позиция Японии еще неопределенна: уверенности в том, что она будет враждебна Англии, пока нет.

Итак, все говорит о том, что данный момент благоприятен, но, пожалуй, через 6 месяцев он уже таким не будет.

И последний фактор: я, при всей скромности моей собственной личности — незаменим. Ни один военный, ни один гражданский деятель меня заменить не смог бы. Пусть покушения на меня и повторяются. Я убежден в силе моего ума и в моей решительности. Войны всегда заканчиваются только уничтожением противника. Кто думает иначе — безответствен. Время работает на нашего противника. Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может лишь ухудшиться. При неблагоприятном для нас соотношении сил противник на мир с нами не пойдет. Никаких компромиссов! Быть суровыми к самим себе! Я буду нападать, а не капитулировать! Судьба рейха зависит от меня.

Сообразно этому я и буду действовать. Сегодня у нас еще есть такое преимущество, какого у нас не было никогда. После 1914 г. наши противники сами разоружились. Англия пренебрегала расширением своего флота. Ее флот недостаточно велик, чтобы обеспечить безопасность ее морских путей. Всего два вновь построенных военных корабля: «Родней» и «Нельсон». Ведется постройка крейсеров типа «Вашингтон», но этот тип явно неудачен. Новые меры смогут дать эффект только в 1941 г. В войне из-за Абиссинии у Англии не хватило войск захватить озеро Тана. Противовоздушная оборона Мальты, Гибралтара и Лондона имеет мало зенитных орудий. С 1937 г. — начало нового воору-

* Гитлер имеет в виду неудавшееся покушение на него 9 ноября 1939 г в мюнхенском пивном баре «Бюргербройкеллер». *Примеч. сост.*

жения. Но к настоящему времени число дивизий, которые должны были послужить кадровой основой для развертывания новых, недостаточно. Военная техника собрана со всего мира. Положительного результата раньше следующего лета ждать не придется. Британская армия имеет лишь символическое значение. Военная авиация — еще в процессе своего развития, весной 1940 г. закончится первая фаза. Зенитные орудия — еще от прошлой войны. Немецкий летчик на высоте 6000 метров для английских зениток недостижим. Военно-морской флот будет оснащен только через год-два. У меня в вопросах вооружения большой опыт, я знаю, какие трудности при этом приходится преодолевать.

Франция после 1914 г. сократила срок военной службы. После 1914 г. — уменьшение военной силы. Она превосходит нас только по некоторым специальным видам орудий. Модернизации подвергся лишь военно-морской флот. Последнее время французская армия находилась в запущенном состоянии. Но стоило только Германии начать вооружаться и выдвинуть свои требования, дело изменилось.

Подвожу итоги:

1. Число активных соединений в Германии — наибольшее.
2. Превосходство люфтваффе.
3. Зенитные орудия — вне конкуренции.
4. Танковые войска.
5. Большое число противотанковых орудий, а пулеметов — в пять раз больше, чем в 1914 г.
6. Крупное превосходство немецкой артиллерии благодаря наличию 105 мм орудий. (...)

Итак, количественное превосходство да и сама боеспособность наших войск выше, чем у других. Я был оскорблен до глубины души, услышав, будто германская армия в качественном отношении не на высоте; будто пехота сделала в Польше меньше, чем от нее ожидали, будто имели место проявления недисциплинированности. Я считаю, что боеспособность любого войска определяется в сравнении с боеспособностью войск противника. Нет сомнения: наши вооруженные силы — самые лучшие в мире! Любой немецкий пехотинец лучше французского. Никакого шапкозакидательства, но зато негибкая воля. (...) Говорят, в 1914 г. мы были лучше обучены. На самом же деле мы были лучше обучены только на плацу, а не для войны. Должен сделать комплимент командованию: оно сегодня лучше, чем в 1914 г. Призваны под ружье 5 миллионов немцев. Ну и что из того, если кто-то из них спасовал! Отвага проявлялась и в сухопутных войсках, и на флоте, и в люфтваффе. С германским солдатом я могу добиться всего, чего захочу, надо только хорошо им командовать. При нашем небольшом военно-морском флоте нам удалось выместить англичан из Северного моря. Моя признательность небольшому кригсмарине, а особенно Главному командова-

нию военно-морских сил! Мы имеет такую авиацию, которая смогла обезопасить все наше жизненное пространство. Выдающиеся свершения в Польше — на счету у сухопутной армии. Запад тоже не показал, чтобы немецкий солдат в чем-либо уступал французскому.

Меня угнетает все большее присутствие англичан на континенте. Англичанин — противник упорный. Особенно — в обороне. Не приходится сомневаться: самое позднее через 6—8 месяцев численность английских войск во Франции увеличится в несколько раз.

Есть у нас и одна ахиллесова пята: это — Рурская область. От обладания ею зависит ведение войны. Если Англия и Франция через Бельгию пробьются в Рурскую область, мы окажемся в величайшей опасности. Это могло бы привести к параличу всего германского сопротивления. Любая надежда на компромисс — ребячество, есть только победа или поражение! При этом речь идет не о национал-социалистической Германии, а о том, будет ли в будущем доминировать Европа. Этот вопрос требует приложения наибольших сил. Англия и Франция наверняка перейдут в наступление на Германию, как только достаточно вооружатся. У Англии и Франции есть средства давления, чтобы заставить Бельгию и Голландию попросить их о помощи. В Бельгии и Голландии симпатии на стороне Англии и Франции. (...)

В нужный момент я использую все для того, чтобы мотивировать свои действия. Когда французская армия вступит в Бельгию, чтобы атаковать нас, это будет для нас слишком поздно. Мы должны предупредить ее. Еще одна причина: подводный флот, минирование прибрежных вод и авиация будут эффективнее, если у нас будет более благоприятное исходное положение. Сегодня полет над Англией стоит такого расхода горючего, что самолетам не удастся взять достаточный бомбовый груз. Для военно-морского флота имеет важное значение изобретение новой мины. Самолеты теперь станут главными носителями мин. Мы засыпем английское побережье такими минами, извлечь которые невозможно. Эта минная война требует иных исходных позиций. А без подвоза Англии не прожить. Мы-то сами себя прокормим! Постоянное минирование английского побережья заставит Англию встать на колени. Но этого можно достигнуть только в том случае, если мы захватим Бельгию и Голландию. Для меня это — трудное решение.

Никто не создал того, что создал я! Моя жизнь при этом роли не играет. Я привел немецкий народ к славе, пусть даже теперь из-за этого нас ненавидят во всем мире. Я ставлю это мое дело на карту. У меня есть только один выбор: между победой или нашим уничтожением. Я выбираю победу! Это — величайшее историческое решение, его можно сравнить с решением Фридриха Великого в Первой Силезской войне [1740—1742]. Пруссия обязана своим возвышением героизму одного человека. И тогда тоже его ближайшие советники склонялись к капитуляции.

Все зависело от Фридриха Великого. Не менее крупным было и решение Бисмарка в 1866 г. и в 1870 г.*

Это мое решение изменено быть не может! Я нападую на Францию и Англию в наиболее благоприятный и в самый ближайший момент. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии никакого значения не имеет. Ни один человек нас после победы об этом не спросит. Мы не станем обосновывать нарушение нейтралитета так идиотски, как это было сделано в 1914 г. Если же мы их нейтралитет не нарушим, это сделают Англия и Франция. Без нападения война победоносной быть не может. Я считаю единственно возможным закончить войну только в результате нападения. На вопрос, принесет ли наступление победу, ответить не может никто. Все зависит от воли Провидения. Военные условия — благоприятны. Но при условии, что высшее командование дает пример фанатической решимости. Если бы командование всегда черпало в народной жизни такое же мужество, какое должен иметь каждый мушкетер, никаких неудач не было бы вообще. Если, как в 1914 г. у верховного главнокомандующего [Вильгельма II], сдают нервы, чего же тогда требовать от простого мушкетера!

Мы должны осознать: противник должен быть разбит только наступлением. Шансы ныне иные, чем при наступлении в 1918 г. Мы имеем в своем распоряжении более 100 дивизий. Что касается живой силы — у нас есть резервы. Положение, с военной точки зрения, у нас хорошее. Все это в целом означает завершение мировой войны, а не единичную акцию. Речь идет о том, быть или не быть нации!

Прошу вас передать этот дух решимости вверенным вам войскам.

1. Решение мое изменению не подлежит.

2. Перспективы на успех — только если весь вермахт действует сплоченно.

Пусть всех нас вдохновляет дух великих мужей нашей истории! Судьба требует от нас не большего, чем от них. И пока я жив, я буду думать о судьбе моего народа. Я не остановлюсь ни перед чем, я уничтожу каждого, кто против меня! Я полон решимости. (...) Я хочу уничтожить врага. За мной — весь немецкий народ, моральное состояние которого может лишь ухудшиться. Только тот, кто борется с судьбой, может рассчитывать на помощь Провидения. А в нынешнем ходе развития я вижу его волю.

Если мы победоносно выстоим в борьбе — а мы выдержим ее! — наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою

* Речь идет о войне Пруссии против Австрии и о франко-прусской войне 1870—1871 гг., приведшей 1 января 1871 г. к созданию Германской империи (Второй рейх) во главе со ставшим кайзером прусским королем Вильгельмом I. *Примеч. сост.*

или паду в этой борьбе. Поражения моего народа я не переживу. Никакой капитуляции вне страны, никакой революции — внутри нее.

На русском языке публикуется впервые

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ
В ГЛАВНОМ КОМАНДОВАНИИ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК 21 ИЮЛЯ 1940 г.**

(Запись генерала Гальдера)

(...) 7. Сталин кокетничает с Англией, чтобы удержать ее в состоянии войны с нами и связать нас по рукам с целью получить время, чтобы взять себе все, что он хочет взять и чего больше взять не удастся, если наступит мир. Он будет заинтересован в том, чтобы не позволить Германии стать слишком сильной. Но никаких признаков русской активности в отношении нас нет.

8. Заняться русской проблемой. Продумать подготовку.

Фюреру доложено:

а) Сосредоточение и развертывание войск [против России] продлится 4—6 недель.

б) Разбить русские сухопутные войска или, по меньшей мере, захватить в свои руки такое русское пространство, какое необходимо, чтобы не допустить вражеских воздушных налетов на Берлин и Силезский промышленный район.

Желательно продвинуться так далеко, чтобы наша люфтваффе смогла разбомбить важнейшие области России.

в) Политическая цель: Украинская империя. Союз балтийских государств. Белоруссия — Финляндия. Прибалтика — стрела в теле.

г) Необходимо 80—100 дивизий; Россия имеет 50—60 хороших дивизий. Если мы нападём на Россию этой осенью, Англия получит большое облегчение в воздушной войне. Америка сможет поставлять военную технику и материалы Англии и России. (...)

Россия — Англия: обе стремятся друг к другу. Русские боятся скомпрометировать себя в наших глазах. Переговоры Сталина с Криппсом дают возможность официально осознать вызывающее радостью отклонение Сталиным английских шагов. Россия отвергает английскую политику «равновесия» [сил в Европе], отклоняет выдвигаемые Англией условия торговых отношений обеих стран. Она [официально] не хочет претендовать на руководство и сплочение на Балканах, ибо такая претензия не дала бы ей никакой силы. Однако действительные настроения, имеющие место в России, находят свое выражение при других обстоятельствах (беседа Калинина с югославским посланником). Здесь звучит призыв к борьбе против Германии. «Объединиться в один блок». (...)

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ
ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ 21 ИЮЛЯ 1940 г.**

*(Запись главнокомандующего военно-морским флотом
гросс-адмирала Редера)*

Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Фюрер спрашивает: на что еще может надеяться Англия при продолжении войны?

Отвечает: она может надеяться:

1. На перелом в Америке [в отношении к изоляционизму]. (...)

2. На Россию, вступление которой в войну было бы особенно неприятно из-за угрозы для Германии с воздуха.

Если Москва тоже следит за германскими успехами со смешанным чувством, то само по себе это еще **не** означает ее стремления вступить в войну против Германии. Естественно, наш долг — основательно продумать американский и русский вопросы. Быстрое окончание войны — в интересах немецкого народа. Но никакой **крайней необходимости** для этого нет, ибо положение значительно более благоприятно для нас, чем в [первой] мировой войне. В 1918 г. Западный фронт пожирал огромные силы. Такого сегодня нет. Техники и военных материалов вполне достаточно. Тяжелейший вопрос — вопрос с горючим. Но положение с горючим не станет критическим до тех пор, пока нам его поставляют Румыния и Россия, а нефтеочистительные заводы достаточно защищены от воздушных налетов [англичан], к тому же если военнопленные будут в большем объеме привлекаться для работы в сельском хозяйстве.

Надежды на неблагоприятный для нас ход развития в отношении горючего играют в Англии большую роль. Необходимо внести ясность в вопрос, следует ли и когда именно предпринять операцию непосредственно против Англии. Наряду с этим надо предпринять дипломатические шаги в отношении Испании, России и Японии. Однако такие шаги трудны, пока мир ожидает от нас нового чуда, а его все нет и нет.

Проведение высадки в Англии — дело чрезвычайно смелое; хотя путь и короток, речь идет не о каком-то форсировании реки, а о переправе через море, в котором противник обладает господствующими позициями. Потребуется 40 дивизий. Самым трудным явится постоянное снабжение военными материалами и продовольствием. На какие-либо запасы его в самой Англии рассчитывать не приходится. Предпосылкой служит наше полное господство в воздухе и применение артиллерии крупных калибров в проливе Па-де-Кале, а также постановка минных заграждений в Северном море и Ла-Манше. В середине октября начинаются

туманы. Решающее значение имеет поддержка авиацией. Назначение дня высадки требует величайшей осмотрительности.

На русском языке публикуется впервые

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ
В БЕРГХОФЕ 31 ИЮЛЯ 1940 г.**

(Запись Гальдера)

(...) Надежда Англии — Россия и Америка. Если надежда на Россию отпадет, отпадет и Америка, ибо отпадение России в невероятной мере усилит значение Японии в Восточной Азии. Россия — восточноазиатская шпага Англии и Америки против Японии. Японцы, как и русские, имеют свою программу, которая должна быть осуществлена до конца войны. (...)

Россия — это тот фактор, на который более всего ставит Англия. Что-то такое в Лондоне все-таки произошло! Англичане были уже совершенно dawn*, а теперь опять поднялись. Из прослушивания разговоров видно, что Россия неприятно поражена быстрым ходом развития событий в Западной Европе.

России достаточно только сказать Англии, что она не желает усиления Германии, и тогда англичане станут, словно утопающие, надеяться на то, что через 6—8 месяцев дело повернется совсем по-другому.

Но если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан станет тогда Германия. Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го.

Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. Просто захвата определенного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. Это необходимо также и ввиду положения на Балтийском море. Два крупных государства на Балтике не нужны. Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев. Лучше всего еще в этом году. Но не выходит, так как надо подготовить единую операцию.

Цель: уничтожение жизненной силы России. Подразделяется на:

1. Удар на Киев с выходом к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы.

2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы.

В заключение — массивные удары с севера на юг. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку.

* Внизу (англ.).

Насколько велика наша заинтересованность в Финляндии и Турции, будет видно впоследствии.

Позже: Украина, Белоруссия, Прибалтийские страны — нам. Финляндия до Белого моря.

7 дивизий — Норвегия (сделать автаркическими)

50 дивизий — Франция

3 дивизии — Голландия, Бельгия

60 дивизий

120 дивизий — для Востока

Всего: 180 дивизий.

Чем больше соединений мы введем в бой, тем лучше. Мы имеем 120 дивизий плюс 20 находящихся в отпуске. (...)

Маскировка: Испания, Северная Африка, новые формирования в зонах ПВО.

Новые формирования в Восточном пространстве: 40 дивизий, укомплектованных имеющими боевой опыт рядовыми. Высказывания фюрера о задуманном реформировании на Балканах: Венгрия, Румыния. Затем предоставление Румынии гарантии. (...)

ПЕРЕГОВОРЫ ГИТЛЕРА И МОЛОТОВА В БЕРЛИНЕ 13 НОЯБРЯ 1940 г.

*(Запись личного переводчика Риббентрона
посланника Пауля Шмидта)*

(...) В ответ на высказывание Молотова относительно безопасности в вопросе о Финляндии фюрер подчеркнул, что он кое-что в военных вопросах понимает и считает вполне возможным, что в случае участия Швеции в эвентуальной войне Америка утвердится в этом районе. Он [фюрер] хочет закончить европейскую войну и может лишь повторить: новая война на Балтийском море лишь отяготит германо-русские отношения теми последствиями, предвидеть которые нельзя, учитывая невыясненную позицию Швеции. Объявила бы Россия войну Америке, если бы та вмешалась бы в связи с финским конфликтом?

На возражение Молотова, что этот вопрос не актуален, фюрер ответил: когда он станет актуален, отвечать на него будет поздно. Затем Молотов заявил, что никакого признака возникновения войны на Балтийском море он не видит. Фюрер отметил, что в таком случае все в порядке, а само обсуждение носит, собственно говоря, чисто теоретический характер.

Обобщая, имперский министр иностранных дел указал на то, что:

1. Фюрер заявил, что Финляндия остается в сфере интересов России и Германия не будет держать там своих войск.

2. Германия не имеет ничего общего с демонстративными шагами Финляндии против России, а использует свое влияние в противоположном направлении и

3. Решающая проблема многовекового значения — это сотрудничество обоих государств, которое в прошлом уже принесло России большие выгоды, а в будущем даст такие, рядом с которыми те вопросы, которые обсуждаются сегодня, покажутся совершенно незначительными. Следовательно, нет никакого повода вообще делать из финского вопроса какую-то проблему. Вероятно, речь идет только о недоразумении. Впрочем, ведь Россия своим заключением мира с Финляндией осуществила все свои стратегические желания. Демонстрация со стороны побежденной страны — дело не такое уж неестественное, и, если, скажем, проход германских войск должен был вызвать у финского населения определенную реакцию, то с прекращением таких проходов она точно так же и исчезнет. Поэтому, если глядеть на вещи реально, между Германией и Россией никаких разногласий нет.

Фюрер указал на то, что обе стороны в принципе едины в том, что Финляндия принадлежит к русской сфере интересов. Поэтому чем продолжать чисто теоретическую дискуссию, лучше обратиться к более важным проблемам.

При сокрушении Англии мировая Британская империя окажется гигантской мировой конкурсной массой площадью 40 миллионов квадратных километров, которая будет подлежать разделу. Раздел ее открывает России путь к незамерзающему и действительно открытому океану. Меньшинство, насчитывающее 45 миллионов человек, до сих пор управляло 600 миллионами жителей мировой Британской империи. Он намерен это меньшинство расколошматить. И Америка тоже, собственно говоря, постаралась уже теперь выхватить некоторые особенно пригодные для нее куски. Германия, естественно, хотела бы избежать любого конфликта, который отвлек бы ее от борьбы против сердца этой мировой империи — Британских островов. Поэтому ему [Фюреру] несимпатична и война Италии против Греции, ибо она оттягивает силы на периферию вместо того, чтобы сконцентрировать их на одном пункте — борьбе против Англии. То же самое произошло бы при войне на Балтийском море. Столкновение с Англией будет доведено до своего решающего конца, и у него нет никакого сомнения, что поражение Британских островов приведет к распаду империи. Это утопия — верить, будто мировая империя может управляться и удерживаться от распада, скажем, из Канады. При таких обстоятельствах открываются перспективы мирового масштаба. В ближайшие недели они должны быть выяснены в ходе совместных с Россией дипломатических переговоров; следует определить участие России в решении этих проблем. Все государства, могущие быть заинтересованными в этой банкротной массе, должны приостановить все конфликты между собой и заняться только разделом Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

Молотов ответил, что он с интересом следил за ходом мыслей Фюрера и со всем, что он услышал, согласен. Однако он может

сказать по этому поводу меньше, чем фюрер, поскольку тот задумывался над этими проблемами больше и получил для себя конкретное представление о них. Главное — сначала внести ясность в вопрос о германо-русском сотрудничестве, к которому потом могли бы присоединиться также Италия и Япония. При этом в начатом деле ничего менять не надо, а следует иметь в виду только продолжение начатого.

Фюрер высказал мысль, что дальнейшая работа по раскрытию крупных перспектив будет непроста, и в этой связи подчеркнул: Германия не будет аннексировать Францию, как это предполагают русские. Он хочет создать всемирную коалицию заинтересованных стран, которая должна состоять из Испании, Франции, Италии, Германии, Советского Союза и Японии и определенным образом представлять собой простирающееся от Северной Африки до Восточной Азии сообщество интересов всех тех, кто хочет быть удовлетворен за счет британской конкурсной массы. С этой целью все внутренние противоречия между членами данного международного сообщества должны быть устранены или, по меньшей мере, быть нейтрализованы. Он считает, что на Западе, т. е. между Испанией, Францией, Италией и Германией, уже найдена та формула, которая равным образом удовлетворяет всех. (...) После того как таким образом Запад пришел к единому решению, следует достигнуть такого же согласия и на Востоке. Здесь речь идет не только об отношениях между Советским Союзом и Турцией, но и о Великоазиатском пространстве. Однако оно состоит не только из самого Великоазиатского пространства, но и из чисто азиатского, которое ориентировано на Юг, и Германия уже теперь готова признать его областью интересов России. Дело идет о том, чтобы в общих чертах установить границы будущей активности народов и указать нациям крупные пространства, в которых они в течение 50—100 лет будут в достаточной мере находить свое поле деятельности.

Молотов ответил, что фюрер выдвинул ряд вопросов, касающихся не только Европы, но и других регионов. Он же хочет сначала поговорить о более близкой для Европы проблеме — о Турции. Советский Союз как черноморская держава связан с рядом других государств. В этом отношении есть еще не выясненные вопросы, которые сейчас как раз обсуждает Дунайская комиссия (она заседала в Бухаресте с 29 октября до 20 декабря 1940 г. — *Сост.*). Впрочем, Советский Союз уже высказал Румынии свое неудовольствие по поводу того, что эта страна без консультации с Россией приняла гарантию Германии и Италии. Советское правительство уже излагало свою точку зрения и придерживается того взгляда, что эта гарантия, «если можно так грубо выразиться», направлена против интересов Советской России. Поэтому он ставит вопрос об отмене этой гарантии, на что фюрер ответил: на определенное время она необходима, а потому отмена ее невозможна. Это, отметил Молотов, затра-

гивает интересы Советского Союза как черноморской державы.

Затем Молотов завел речь о морских проливах, которые он, ссылаясь на Крымскую войну и события 1918/19 г., охарактеризовал как исторические ворота агрессии Англии против Советского Союза. Положение является для России еще более угрожающим потому, что теперь англичане закрепились в Греции. Из соображений безопасности отношения Советской России с другими черноморскими странами имеют большое значение. В данной связи Молотов задал фюреру вопрос: что сказала бы Германия, если бы Россия дала Болгарии, то есть ближе нее расположенной к проливам [Босфору и Дарданеллам] стране, гарантию на точно таких же условиях, на каких ее дала Германия Румынии? Однако Россия намерена предварительно достигнуть в этом вопросе единства с Германией, а, возможно, также и с Италией. На вопрос Молотова о германской позиции в отношении проливов фюрер ответил: имперский министр иностранных дел уже предусмотрел этот пункт и имеет в виду пересмотр заключенного в Монтре соглашения о них в пользу Советского Союза.

Имперский министр иностранных дел подтвердил это и сообщил, что в вопросе об этом пересмотре итальянцы тоже заняли благожелательную позицию.

Молотов снова заговорил о гарантии Болгарии и заверил, что Советский Союз никоим образом не желает вмешиваться во внутренние порядки этой страны. Они не будут изменены ни «на йоту».

По вопросу о данной Германией и Италией гарантии Румынии фюрер заявил: эта гарантия явилась единственной возможностью побудить Румынию без борьбы передать Бессарабию России. Кроме того, Румыния ввиду своих нефтяных источников представляет абсолютный интерес для Германии и Италии. Наконец, это само румынское правительство попросило, чтобы Германия взяла на себя защиту нефтяного района с воздуха и на суше, так как оно не чувствует себя вполне в безопасности от воздушного нападения англичан. Ссылаясь на грозящую высадку англичан в Салониках, фюрер в этой связи говорил, что Германия такой высадки не потерпит, однако заверил при этом, что по окончании войны все германские солдаты будут из Румынии выведены.

Отвечая на вопрос Молотова относительно германской точки зрения на русскую гарантию Болгарии, фюрер сказал, что если эта гарантия будет дана на тех же условиях, что германо-итальянская Румынии, то сразу встанет вопрос: а просила ли сама Болгария о такой гарантии? Ему [фюреру] такая просьба Болгарии не известна. Кроме того, прежде чем высказаться самому по данному вопросу, ему надо выяснить позицию Италии.

Решающий же вопрос состоит в том, считает ли Россия, что пересмотр заключенного в Монтре соглашения даст достаточную

гарантию соблюдения ее интересов на Черном море. Он не ожидает на этот вопрос немедленного ответа, ибо знает, что Молотов должен сначала обсудить этот вопрос со Сталиным.

Молотов ответил: в этом вопросе Россия имеет только одну цель. Она хочет обезопасить себя от нападения на нее через проливы и хотела бы урегулировать этот вопрос с Турцией, причем данная Болгарии русская гарантия облегчила бы положение. Как черноморская держава Россия имеет право на безопасность такого рода, и он думает достигнуть в этом деле взаимопонимания с Турцией.

В ответ фюрер сказал: это примерно отвечало бы ходу мыслей Германии, согласно которому через Дарданеллы могли бы свободно проходить только русские военные корабли, а для всех других пролив был бы закрыт.

Молотов добавил: Россия хотела бы создать гарантию от нападения на Черное море через проливы не только на бумаге, но и «на деле», и он считает, что Россия могла бы договориться об этом с Турцией. В данной связи он снова вернулся к вопросу о русской гарантии Болгарии и повторил, что внутренний режим страны затронут не будет, причем со своей стороны Россия была бы готова обеспечить Болгарии выход в Эгейское море. Он еще раз задал фюреру в числе тех вопросов, которые тот должен решать в отношении германской политики в целом, вопрос: какую позицию заняла бы Германия насчет этой русской гарантии?

Фюрер ответил встречным вопросом: просила ли Болгария о гарантии? И вновь заявил, что должен выяснить точку зрения дуче.

Молотов подчеркнул, что не требует от фюрера никакого окончательного решения, а просит только о предварительном обмене мнениями.

Фюрер ответил: он никоим образом не может занять никакой позиции, пока не переговорит с дуче, так как Германия заинтересована здесь только во вторую очередь. Как великая дунайская держава она заинтересована только в самом Дунае, а не в выходе из Дуная в Черное море. Ведь если бы он нуждался в каких-либо трениях с Россией, ему не нужен был бы для этого вопрос о проливах. Затем разговор снова перешел на крупные планы сотрудничества стран, заинтересованных в разделе конкурсной массы мировой Британской империи. Фюрер указал на то, что он, естественно, не абсолютно уверен в том, что этот план осуществим. Если же осуществить его окажется невозможным, будет упущена важная историческая okazия. Все эти вопросы должны быть эвентуально снова изучены министрами иностранных дел Германии, Италии и Японии вместе с господином Молотовым в Москве, после того как они соответствующим образом будут подготовлены дипломатическим путем.

В этот момент беседы фюрер обратил внимание на то, что прошло уже много времени, и заявил, что ввиду возможного

налета английской авиации переговоры сейчас лучше прервать, так как главные пункты вполне достаточно обсуждены.

Подводя итог, фюрер сказал, что возможности обеспечить интересы России как черноморской державы будут изучены и вообще дальнейшие желания России относительно ее будущего положения в мире должны быть приняты во внимание.

В заключительном слове Молотов заявил: для Советской России возник целый ряд больших и новых вопросов. Советский Союз как могучее государство не может стоять в стороне от крупных вопросов в Европе и Азии.

Затем Молотов заговорил о русско-японских отношениях, которые с недавних пор улучшились. Он предвидит, что их улучшение пойдет дальше еще более быстрыми темпами, и поблагодарил имперское правительство за его усилия в этом направлении. (...)

На русском языке публикуется впервые

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ В ШТАБЕ ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА ВЕРМАХТА 9 ЯНВАРЯ 1941 г.

(...) Фюрер дает следующую оценку общего положения.

(...) Высадка в Англию возможна только тогда, когда будет завоевано господство в воздухе, а в самой Англии наступит определенный паралич. Иначе — это преступление. Цель Англии в войне в конечном счете состоит в том, чтобы разбить Германию на [Европейском] континенте. Но для этого собственных средств ей не хватает. Британский военно-морской флот вследствие своего использования на далеком отстоящем друг от друга театрах войны стал слабее, чем прежде, и какое-либо его усиление в решающем масштабе невозможно. (...)

Англию держит надежда на США и Россию, ибо уничтожение английской метрополии со временем неотвратимо. Но Англия надеется выстоять до тех пор, пока ей не удастся сколотить большой континентальный блок против Германии. Дипломатические приготовления к этому легко распознать.

Сталин, властитель Европы — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в трудных для Германии ситуациях он во все возрастающей степени будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему тоже нужны успехи, его воодушевляет Дранг нах Вестен*. Ему тоже совершенно ясно, что после полной победы Германии положение России станет очень трудным.

Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили

* Натиск на Запад (нем.).

войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы **удержать** свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжила бы войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну.

Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40—50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морского флота. Пришлось бы создать вполне достаточную ПВО и перебазировать важнейшие отрасли промышленности в безопасные районы. Тогда Германия стала бы неуживимой. (...)

Н.-А. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg.
На русском языке публикуется впервые

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОБСУЖДЕНИИ ПЛАНА «БАРБАРОССА»
В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК 3 ФЕВРАЛЯ 1941 г.**

(Запись Гальдера)

(...) С общей диспозицией согласен. (...)

Оперативное пространство огромно. Окружение войск противника может быть успешным, только если оно является сплошным. Немедленной сдачи Прибалтики, а также Ленинграда и Украины заранее ожидать не следует. Но возможно, что русский, осознав наши оперативные цели, после первого поражения отойдет на широком фронте и где-то дальше на Востоке перейдет к обороне за каким-либо естественным препятствием.

В этом случае группа армий «Север», невзирая на остановившихся на востоке русских, прежде всего выполняет свою задачу. Она наносит (благоприятная исходная база) удар в тыл русским без фронтального наступления. Задача: уничтожить крупные части противника, а не заставить его бежать. Это будет достигнуто, если мы самыми крупными силами овладеем флангами, при этом приостановив атаку в центре, а затем, действуя с флангов, заставим противника отдать нам и центр. (...)

Если «Барбаросса» удастся, у всего мира замрет дыхание.

Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Присутствуют

С немецкой стороны:
имперский министр иностранных дел [Риббентроп]
начальник штаба ОКВ
[Кейтель]
начальник штаба оперативного руководства вермахта
[Йодль]
генерал фон Ринтелен
посланник Шмидт [переводчик]
полковник Шмундт
капитан III ранга Путткаммер

С итальянской стороны:
дуче
граф Чиано
генерал Гуццони
генерал Маррас
генерал Ганден

Высказывания фюрера в краткой
формулировке

Большое значение для нас имеет Финляндия ввиду ее единственного в Европе месторождения никеля. Хотя русские тоже согласны поставлять нам никель, они будут делать это только до тех пор, пока захотят. Поэтому Финляндию больше не трогать.

Демарш русских по поводу ввода наших войск в Румынию должным образом отклонен. Русские становятся все наглее, особенно в те времена года, когда против них ничего не предпринять (зимой).

Сосредоточение германских войск в Румынии преследует тройную цель:

- а) операция против Греции.
- б) защита Болгарии от России и Турции.
- в) обеспечение гарантии Румынии.

Для осуществления каждой из этих задач нужна собственная группа войск, задействование которой вдали от наших баз требует много времени.

Желательно, чтобы это сосредоточение закончилось без воздействия противника. Поэтому демаскировать эти войска следует как можно позже. Основная тенденция: как можно позже форсировать Дунай и затем как можно раньше перейти в наступление. (...)

Турция, по всей вероятности, останется нейтральной. Весьма неприятным это может стать для нас, если она заявит о своей солидарности с Англией и предоставит в ее распоряжение свои аэродромы.

Общее положение на Востоке можно правильно оценить только с точки зрения положения на Западе.

Нападение на Британские острова — наша последняя цель. Здесь мы находимся в положении человека, у которого в винтовке остался всего один патрон: если он промахнется, ситуация станет еще хуже, чем прежде. Высадку не повторить, так как в случае неудачи будет потеряно слишком много техники. Тогда Англии больше уже не придется ничего опасаться, и она сможет направить свои главные силы на периферию, куда ей вздумается. А пока высадка все еще не состоялась, англичанам приходится считаться с ее возможностью. Высадка возможна только при определенных условиях, которых осенью не было: три дня подряд хорошей погоды. (...)

От Америки, даже если она вступит в войну, я большой угрозы не жду. Самая большая угроза — огромный колосс Россия. Хотя мы и имеем с Россией весьма выгодные политические и экономические договоры, предпочитаю полагаться на мои силовые средства. Однако весьма значительная часть немецких войск связана на русской границе, и это мешает мне направить достаточное число людей в военную промышленность, чтобы до предела усилить производство вооружения для авиации и военно-морского флота.

Правда, пока жив Сталин, никакой опасности нет: он достаточно умен и осторожен. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас обретаются во втором или третьем гарнитуре, могут продвинуться в первый.

Следовательно, надо проявлять осторожность. Русские выдвигают все новые и новые требования, которые они вычитывают из договоров. Поэтому-то они и не желают в этих договорах твердых и точных формулировок.

Итак, надо не упускать из вида такой фактор, как Россия, и подстраховать себя [военной] силой и дипломатической ловкостью.

Раньше Россия для нас никакой угрозы не представляла, потому что на суше она для нас совершенно не опасна. Теперь, в век военной авиации, из России или со Средиземного моря румынский нефтяной район можно в один миг превратить в дымящиеся развалины, а он для оси жизненно важен.

Общие соображения о факторах, являющихся решающими для успеха в современной войне. (...) Большие успехи наших танковых войск достигнуты не благодаря тяжелым танкам. Мы предпочитаем танки средние. Французы имели тяжелых танков гораздо больше, чем мы. Самое лучшее, что у нас было, так это наши генералы танковых войск, которые разработали совершенно новую тактику и весьма энергично и умело командовали своими соединениями. (...)

На русском языке публикуется впервые

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМИ
РОДОВ ВОЙСК ВЕРМАХТА 30 МАРТА 1941 г.***

(...) Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию^ Максимальная мощь только через 4 года. Транспортные проблемы* Роль и возможности. Обоснование необходимости урегулировать вопрос о России. Только окончательно решив наши проблемы на суше, мы окажемся в состоянии за два года справиться в материально-техническом и кадровом отношении с нашими задачами в воздухе и в мировом океане. Наши задачи в отношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство. Высказывания [Гитлера] насчет русского танкового оружия (уважительные): 4,5-сантиметровая броня, хорошие тяжелые танки, но основная масса их устарела. По количеству танков Россия — самая сильная страна в мире. Но она имеет лишь небольшое число новых танков с длинноствольной 100-миллиметровой пушкой (гигантские колоссы по 42—45 т). Авиация количественно весьма велика, но очень много самолетов устаревших типов, а современных — лишь незначительное число.

Проблема русского пространства: бесконечная обширность этого пространства делает необходимым сосредоточение сил в решающем пункте. Люфтваффе не сможет одновременно обработать все это пространство; в начальной стадии она будет способна господствовать только над частью этого пространства. Поэтому она сможет использоваться лишь в теснейшем взаимодействии с наземными операциями. Русский перед массированным применением танков и авиации не устоит.

Не строить себе никаких иллюзий насчет своих союзников. Финны будут сражаться храбро, но количественно они слабы и еще не пришли в себя [после советско-финской войны 1939—1940 гг.]. С румынами вообще ничего путного предпринять нельзя. Вероятно, они укроются за крупной естественной преградой (рекой), и этого будет достаточно для обеспечения тех участков фронта, где нет наступления. Антонеску свою армию увеличил вместо того, чтобы ее уменьшить и улучшить. Судьбу больших германских соединений нельзя ставить в зависимость от стойкости румынских частей. (...)

Возможность [стратегического] отхода русских с целью уклонения от боя — маловероятно, ибо они связаны Балтийским морем и Украиной. Если русский захочет отойти, он должен сделать это весьма заблаговременно, иначе совершить этот отход, сохранив боевые порядки, ему не удастся. После решения наших задач на Востоке нам хватит и 50—60 танковых дивизий. Часть сухопутных войск мы сможем расформировать, использовав одну часть высвободившейся живой силы на производстве вооружения

* Запись сделана начальником генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Гальдером в его военном дневнике. *Примеч. сост.*

для люфтваффе; другая же понадобится для выполнения иных задач — например, в Испании. (*Пометка Гальдера на полях: «Для решения колониальных задач».*)

Борьба двух мировоззрений друг против друга. Уничтожающая оценка [Гитлером] большевизма: он равнозначен социальной преступности. Коммунизм — чудовищная опасность для будущего. Мы должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества с ним. Коммунист не был нашим камерадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не отнесемся к этому именно так, то хотя и разобьем коммунистического врага, через 30 лет снова столкнемся с ним. Мы поведем войну вовсе не для того, чтобы законсервировать врага.

Будущая картина государств: северная часть России отойдет Финляндии, протектораты в прибалтийских государствах, Украина, Белоруссия.

Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть государствами социалистическими, но без собственной интеллигенции. Надо не допустить образования новой интеллигенции. Здесь будет достаточно примитивной социалистической интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Это — дело отнюдь не военных судов. Войсковые командиры должны знать, о чем идет речь. Они должны осуществлять эту борьбу в ходе боев. Армия должна защищаться теми же средствами, которые применяются для нападения на нее. Комиссары и гепоушники — это преступники, и с ними надо поступать, как с таковыми. Поэтому командир не должен выпускать свои войска из собственных рук. Он должен отдавать свои распоряжения в соответствии с мироощущением своих солдат и офицеров.

Борьба здесь весьма резко отличается от борьбы на Западе. На Востоке любая суровость суть мягкость в будущем. Командиры должны потребовать жертв от самих себя, преодолеть свои сомнения. (*Пометка Гальдера на полях: «Приказ Главнокомандующего сухопутными войсками».*)

Н.-А. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg

РЕЧЬ В РЕЙХСТАГЕ 11 ДЕКАБРЯ 1941 г.

(...) Я не искал войны, а, напротив, делал все, чтобы ее избежать. Но я забыл бы свой долг и действовал бы против своей совести, если бы, несмотря на знание неизбежности военного столкновения [с Советским Союзом], не сделал отсюда одного-единственного возможного вывода. Считая Советскую Россию смертельной опасностью не только для Германского рейха, но и для всей Европы, я решил всего за несколько дней до этого столкновения Дать сигнал к наступлению.

Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные матери-

алы, подтверждающие факт наличия у русских намерения осуществить нападение на нас. Точно так же нам известен и момент, когда это нападение должно было произойти. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь возблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать.

Уже 2 октября [1941 г.] началась операция с целью прорыва на Центральном участке Восточного фронта, в то время как 11 октября успешно закончилось сражение в районе Азовского моря. Снова было взято в плен 107 000 человек, захвачено 212 танков, 672 орудия. 16 октября, сломив упорное сопротивление противника, германские и румынские войска вошли в Одессу. 18 октября начатое с целью прорыва наступление на Центральном участке Восточного фронта закончилось новым всемирно-историческим успехом. Результатом явились 663 000 пленных, частично уничтожены, а частично захвачены 1242 танка, 5452 орудия. 21 октября закончился захват острова Даго; 24 октября взят промышленный центр Харьков, 28 октября в ходе тяжелых боев окончательно перекрыт Крымский перешеек и уже 2 ноября взята столица Крыма — город Симферополь. 16-го в Крыму совершен прорыв до самой Керчи. На 1 декабря общее число взятых в плен советско-русских составило 3 806 865 человек, число уничтоженных или захваченных танков — 21 391, орудий — 32 541 и самолетов 17 332. За этот же период сбиты 2192 британских самолета, военно-морским флотом потоплено 4 170 611, а авиацией — 2 346 180 регистровых брутто-тонн; итого 6 516 791. (...)

Однако наступление зимы несколько затормозило это продвижение, но с приходом лета ему уже не сможет помешать ничто. (...)

На русском языке публикуется впервые

ИЗ РЕЧИ В МЮНХЕНЕ 8 НОЯБРЯ 1942 г.

(...) Меня всегда высмеивали как пророка. Из тех, кто тогда смеялся, бесчисленное множество сегодня уже не смеется, а те, кто все еще смеется, скоро, пожалуй, тоже перестанут. Сознание этого распространяется через Европу по всему миру. Интернациональное еврейство будет распознано во всей своей демонической опасности, уж об этом мы, национал-социалисты, позаботимся! В Европе эта опасность уже осознана, и одно государство за другим присоединяется к нашим законам. Таким образом, в этой могучей схватке остается одна-единственная возможность — возможность полного успеха. Да и есть ли вообще причины сомневаться в этом успехе? Если проследить за пропагандой наших противников, ее можно охарактеризовать выражением: «радостно взвизгивающая и до смерти огорченная». Малейший успех где-нибудь — и они уже просто кувыркаются от восторга. Вот они нас уже уничтожили! А по-

том листок календаря переворачивается — и они опять совершенно огорченные и подавленные. Приведу хотя бы один пример: если проштудировать советские военные сводки начиная с 22 июня 1941 г., в них каждый божий день можно прочитать: «бои незначительного характера» или же «бои значительного характера». ц немецких самолетов они сбивают в три раза больше. Тоннаж **якобы** потопленных ими судов в Балтийском море превышает весь тоннаж, который Германия вообще имела перед войной. Они уничтожили столько наших дивизий, сколько мы и выставить не могли бы. Но прежде всего: они постоянно бьются на одном и том же месте. А потом они время от времени, так недели через две, скромно сообщают: «Мы оставили еще один город». В общем и целом, если верить им, они с 22 июня успешно сражаются на одном и том же месте, а мы вечно оказываемся отброшенными. При таком непрерывном «отбрасывании», мы теперь потихоньку дошли до Кавказа. Я говорю «потихоньку» для моих противников, а не для наших солдат. Ведь темпы продвижения наших солдат на Востоке — гигантские. И то расстояние, которое они снова прошли и в этом году, тоже огромно, не имеет примера в истории.

То, что я поступаю не так, как хотелось бы другим, объясняется вот чем: я сначала обдумываю, чего, по всей вероятности, хотят другие, а потом делаю принципиально наоборот. Если герр Сталин, как видно, ожидал, что мы ударим на центральном участке [Восточного фронта], то я вовсе не пожелал наступать там. И не столько потому, что герр Сталин, вероятно, думал так, а потому, что мне это было не столь уж и важно. Я хотел выйти к Волге, причем именно в определенном месте, у определенного города. Случайно он носит имя самого Сталина. Так что не думайте, что я двинулся туда по этим причинам (они могли быть и совершенно другими). Я делал это потому, что там находится весьма важный пункт. Ведь там мы отрезаем транспортные пути, по которым перевозятся 30 миллионов тонн грузов, в том числе 9 миллионов тонн нефти. Туда стекалась вся пшеница из гигантских областей Украины, Кубани, чтобы затем быть транспортированной на север. Там добывалась марганцевая руда, там находился гигантский перевалочный пункт. Вот это все я и хотел захватить, и — вы знаете, мы люди скромные! — мы это и получили. Там осталось всего каких-то несколько совсем мелких местечек.

Так вот, некоторые спрашивают: а почему же вы не продвигаетесь быстрее? Да потому, что я не хочу иметь там второй Верден, а предпочитаю добиться этого при помощи совсем небольших ударных групп. При этом время не играет для меня никакой роли. По Волге теперь не ходит ни одно судно. Вот что самое главное! Нас упрекают, почему мы так долго выжидали ¹од Севастополем. Да потому, что я и там не хотел устроить гигантскую массовую бойню. Но Севастополь попал в наши руки, ² Крым тоже оказался у нас, и мы настойчиво и упорно достигали Цель за целью. И если противник, со своей стороны, собирается

наступать, не подумайте только, что я хочу его упредить. Пуст*» себе наступает, если ему охота, ибо оборона — дело все-таки более дешевое. Пусть себе наступает, он при этом тяжело истечет кровью, а мы сможем заткнуть бреши. Во всяком случае русские не стоят на Пиренеях или у Севильи, а ведь это для нас такое же расстояние, как для нас сегодня — расстояние до Сталинграда или, скажем, до Терека. А мы все-таки стоим там, и это в конце концов — факт, который никто оспорить не может. Иногда кто-то заявляет: то, что немцы пошли на Киркенес или на Нарвик, а теперь, к примеру, на Сталинград, было вообще ошибкой. Но надо все-таки сначала подождать, а уже потом рассуждать, было ли это стратегической ошибкой. Мы уже можем судить по многим признакам, было ли ошибкой то, что мы захватили Украину, что мы заняли Кривой Рог, что мы заполучили марганцевую руду. Было ли действительно большой ошибкой то, что мы заняли Кубань, эту, пожалуй, самую крупную житницу в мире. И было ли ошибкой то, что мы разрушили или забрали себе около четырех пятых или пяти шестых всех нефтеочистительных заводов, что мы сначала взяли в свои руки или парализовали добычу от девяти до десяти миллионов тонн нефти или что мы блокировали транспортировку, вероятно, семи-восемью или даже девяти миллионов тонн по Волге. Право, не знаю, было ли все это ошибками. Это мы еще посмотрим. (...)

Главное в этой войне, кто кому сделает окончательный хук. А в том, что это будем мы, можете быть уверены!

(...) Ну а если противник полагает, что каким-то образом сделает нас неспособными к сопротивлению, он ошибается. Ему не побудит меня отказаться от моей цели. Придет час, и я нанесу ответный удар, и тогда он получит за все с процентами на проценты.

Я еще и раньше не раз говорил: если я какое-то время не выступаю с речами, это вовсе не значит, что я потерял голос — просто считал нецелесообразным. Это имеет место и сегодня. К чему мне сейчас много ораторствовать? Сегодня в конечном счете говорит фронт, а я хотел бы брать слово только в самых редких случаях. Ведь язык фронта столь проникновенен, это такой особенный язык, что он и без того понятен каждому немцу. Тому, кто читает ежедневные сводки нашего вермахта и при этом не является фанатически преданным делу своего народа, не воспринимает все это множество героических дел, не помогут никакие речи. А для вражеского зарубежья я и тем более не выступаю. Если герр Рузвельт говорит, что он моих речей не слушает, то ведь я и выступаю вовсе не для него. С ним я говорю только при помощи того инструмента, которым лишь и можно разговаривать теперь, и этот инструмент говорит громко и достаточно четко. Я выступаю только в редчайших случаях, обращаясь к [нацистскому] движению и моему собственному немецкому народу. И все, что я могу сказать в такой речи, это только одно:

думайте все без исключения, мужчины и женщины, только о том, что
з этой войне решается вопрос: быть или не быть нашему народу?
ц если вы это поймете, тогда каждая ваша мысль и каждая ваша
надежда будет молитвой за нашу Германию!

фа русском языке публикуется впервые

«ЕСЛИ ЧЕРЧИЛЛЬ — ШАКАЛ, ТО СТАЛИН — ЭТО ТИГР»*

*Из «застольных бесед» в ставке фюрера**;
август 1941 г. — июль 1942 г.*

2.8. 1941 г. днем
(«Волчье логово»)**

(...) Пакт с Россией никогда не обязывал меня занять какую-либо иную позицию в отношении опасности внутри страны.

* Заголовок публикуемых со значительными сокращениями отрывков дан составителем. Все неоговоренные примечания принадлежат немецкому издателю Генри Пиккеру. *Примеч. сост.*

** С 21 июля 1941 г. по 11 марта 1942 г. по распоряжению заместителя фюрера по партии рейхслайтера Мартина Бормана велось стенографирование (от первого лица), а с 21 марта 1942 г. по 31 июля 1942 г. — конспективная запись (в третьем лице) высказываний Гитлера в его ставке — так называемые «застольные беседы». Они собраны, прокомментированы и изданы на языке оригинала специальным референтом Гитлера Генри Пиккером, лично ведшим эту конспективную запись.

О том, как и в каком составе проходили застольные беседы Гитлера, немецкий издатель сообщает следующее:

«При входе в обеденный зал Гитлера приветствовали все его сотрудники, выстроившиеся фронтально напротив входной двери с вытянутой в знак «германского приветствия» рукой. Гитлер лаконично и четко благодарил и садился за стол. По правую и левую руку от себя он усаживал генерал-полковника Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного руководства вермахта, и д-ра Отто Дитриха, имперского шефа печати; визави садились генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и рейхслайтер Мартин Борман. Кроме них в ставке постоянно находились сотрудники «постоянной адъютантуры при фюрере и рейхсканцлере»: генерал-майор Рудольф Шмундт (он же начальник управления личного состава Главного командования сухопутных войск), капитан ВМФ Йеско фон Путткаммер, майор Герхард Энгель и майор авиации Николаус фон Белов. Далее — гражданские адъютанты Гитлера: группенфюрер СС Шауб и бригадефюрер СС Альберт Борман, а также офицеры-порученцы: гауптштурмфюреры войск СС Рихард Шульце и Ганс Пфайфер (в 1944—1945 гг. — Отто Гюнше) и лейб-врачи Гитлера — профессора Брандт и Морель. Кроме них обычно присутствовали связанные лица отдельных ведомств и министерств: посланник (позже посол) Вальтер Хевель (министерство иностранных дел), генерал Карл Генрих Боденшатц (люфтваффе), генерал СС Карл Вольф (от СС), генерал Вальтер Буле (организационное управление ОКХ), адмирал Теодор Кранке (ВМФ), полковник генерального штаба (позже генерал-майор) Вальтер Шерф (военно-исторический отдел) и д-р Вернер Кёппен (министерство по делам оккупированных восточных областей). В качестве помощника генерала Йодля по ВВС присутствовал полковник авиации. Экхардт Христиан, представитель офицерского информационного агентства «Дойчес нахрихтенбюро» — баннфюрер «Гитлер-югенд» Гейнц Лоренц, адъютант Кейтеля майор Габриэль и офицер службы связи капитан Клеккель (позже майор Зандер)».

*** Так называлась ставка фюрера (от нем. *die Wolfsschanze*), располагавшаяся в Восточной Пруссии в районе Растенбурга. *Примеч. сост.*

Но сами по себе наши коммунисты симпатичнее мне, чем какой-нибудь Штаренберг*. Это были грубые натуры, и поживи они в России подольше, вернулись бы назад совершенно исцеленными. (...)

То, чем была для Англии Индия, для нас будет Восток. Только бы мне удалось внушить немецкому народу, что означает **это** для его будущего! Колонии — сомнительное владение. А эта земля нам обеспечена. Европа — понятие, обусловленное не географическими, а кровными признаками. (...)

Если какая-либо страна и имеет право на эвакуацию населения других [наций], то это — мы, ибо мы неоднократно эвакуировали наших людей: из одной только Восточной Пруссии переселили 800 тыс. человек. Сколь сентиментальны мы, немцы, видно из того, что нам кажется крайней жестокостью изгнать нашу страну от 600 тыс. евреев**, между тем как эвакуацию наших людей мы безоговорочно восприняли как нечто такое, чего не избежать.

Мы не должны больше отпускать германцев в Америку. Норвежцев, шведов, датчан, нидерландцев мы должны направить в восточные области. Мы стоим перед крупной задачей будущего: проводить планомерную расовую политику. Мы должны это делать уже по одной причине, что надобно положить конец разврату, все более распространяющемуся у нас. Швейцарцев же мы можем использовать только в качестве хозяев гостиниц и ресторанов.

Мы не хотим осваивать болота. Мы возьмем самую лучшую землю и самую лучшую почву. В болотистой местности мы сможем устроить огромный полигон площадью от 350 до 400 квадратных километров, с водными преградами и всеми теми полосами препятствий, которые только способна предоставить войскам природа. (...)

Мировая история знала до сих пор лишь три битвы на уничтожение: Канны, Седан и Танненберг. Мы можем гордиться тем, что две из них даны германским войском. К ним добавились теперь наши сражения в Польше, на Западе и сегодня — на Востоке. Все остальные — битвы на преследование противника. О битве в Тевтобургском лесу*** мы имели ложные представления; виной тому — романтизм наших профессоров истории: в лесу и тогда вести бои было столь же несподручно, как и сегодня.

Что касается русского похода, то тут противостояли друг другу два взгляда. Один: Сталин изберет тактику отступления

* Князь Рюдигер фон Штаренберг — участник мюнхенского путча Гитлера в 1923 г. Позднее стал противником Гитлера, с 1930 г. руководил австрийским хаймвером, вице-канцлер Австрии в 1934—1936 гг. *Примеч. сост.*

** В 1933 г. в Германии насчитывалось 502 799 евреев, в Австрии — 191 481 и в Судетах — 27 374. Из числа этих 721 654 евреев почти 400 тыс. вынуждены были до 1939 г. «добровольно эмигрировать» под давлением Гитлера. В Великогерманском рейхе на 15 мая 1939 г. оставалось всего 330 892 еврея.

*** В 9 г. н. э. предводитель германского племени херусков Арминий разбил там войско римских легионеров. *Примеч. сост.*

12 г.; другой: нам придется рассчитывать на ожесточенное сопротивление.

Придерживаясь последнего взгляда, я поначалу был в том одинок. Я говорил себе, что сдача русскими таких промышленных центров, как Петербург и Харьков, равноценна их собственной сдаче, что отступление при этих условиях будет для них подобно самоуничтожению и потому русские в любом случае попытаются удержать эти позиции. Так оно и произошло, нам пришлось ввести все наши силы, и ход развития подтвердил мою правоту. Америка, даже если бы она целых четыре года работала не покладая рук, как сумасшедшая, не смогла бы возместить того, что до сих пор потеряла русская армия. Если Америка оказывает помощь Англии, то делает она это в надежде приблизить тот момент, когда можно будет ее унаследовать.

Сам я не доживу до того дня, но радуюсь, что однажды немецкий народ увидит, как Англия объединится с Германией, чтобы сообща выступить против Америки. И тогда мы найдем настоящего союзника; они [англичане] беспримерно наглы, но я все же восхищаюсь ими, у них есть многое, чему следует поучиться. (...)

Что касается плановости хозяйства, тут мы стоим еще в самом начале, и я представляю себе: это будет что-то прекрасное — создать общегерманский и европейский экономический порядок.

Если взять в целом, что таится в европейском пространстве (Германия, Англия, северные страны, Франция, Италия), то какие же силы творческого созидания скрыты в них. Надо сказать себе: что по сравнению с этим американские возможности? (...)

Гигантское воздействие окажет то, что над всем новым рейхом будет властвовать одна вооруженная сила — СС*, что будет только одна администрация!

2.8. 1941 г. вечером
[«Волчье логово»]

Когда, наподобие России, запирают свою страну на замок, то делают это для того, чтобы не было масштаба для сравнения.

Сталин должен был ввести большевизм в Прибалтийских странах, ибо жизнь там явилась бы для его оккупационной армии невыносимым сравнением. А этого он как раз и не хотел. (...)

8 и 9.9. 1941 г. ночью и 10.9. 1941 г.
днем, вечером и ночью
[«Волчье логово»!]

(...) При заселении нами русского пространства «имперский крестьянин» будет жить в исключительно красивых поселениях. Германские органы и учреждения должны располагаться в чудес-

* Гитлер сам был членом возникших из «Ударного отряда Гитлера» охран-ных частей НСДАП — СС (от нем. Schutzstaffeln), причем с 1 апреля 1927 г. с членским билетом № 187. К тому же с 2 сентября 1930 г. он являлся «Высшим Фюрером» штурмовых отрядов НСДАП — СА (от нем. Sturmabteilungen).

ных зданиях, а губернаторы — во дворцах. Вокруг административных учреждений следует строить все, что необходимо для поддержания жизни. А вокруг города на расстоянии 30—40 километров заложить кольцо прекрасных деревьев, связанных между собой наилучшими дорогами. Из всего этого возникнет другой мир, в котором мы дадим жить русским так, как они того пожелают. Но только при одном условии: над ними господствуем мы!

18.1. 1942 г. ночью
[«Волчье логово»]

(...) Что за счастье для правительства, когда люди не думают! Думать надо только при отдаче или выполнении приказа. Будь оно по-другому, человеческое общество вообще не смогло бы существовать.

Самое трудное в нашем положении отнюдь не зима сама по себе. А вот иметь в достаточном количестве людей, но не мочь транспортировать их [на фронт]; иметь боеприпасы и не мочь их доставить; иметь оружие и не мочь отправить его туда, где оно необходимо. (...) Горе железной дороге, если в следующий раз она не будет работать по-новому!

Все-таки лучше, если вместо Геббельса 30 января (в годовщину прихода нацистов к власти. — *Сост.*) по радио выступлю я сам, Дело в том, чтобы соблюсти во взбадривании золотую середину между трезвым подходом и патетической фразой. Геббельс в одном своем обращении предупредил фронт о необходимости оставаться твердыми и спокойными, Я бы так не считал. Солдат в такой ситуации должен быть не спокойным, а решительным. Это понимает только тот, кто сам прошел через все это. (...)

20.1. 1942 г. днем
[«Волчье логово»]

(...) Достаточно одного лишь взгляда на список наших генералов, чтобы понять: эти люди — слишком стары. Теперь уже больше нельзя (пример — Англия), принимая решение, где использовать человека, руководствоваться только выслугой лет.

24.1. 1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) Свое вооружение надо начинать еще в мирное время на тех же основах, что и в войне. (...)

27.1. 1942 г. днем
[«Волчье логово»]

(...) Настоящее мировое господство может быть основано только на собственной крови. Римское государство принялось за вольноотпущенников, только полностью исчерпав свою кровь. Лишь после третьей Пунической войны появились легионы вольноотпущенников. Не приди христианство, кто знает, как сложилась бы

история Европы. Рим полностью захватил бы Европу, а штормовая **волна** гуннов разбилась бы об его легионы.

Рим был сломлен христианством, а не германцами и гуннами.

То, что сегодня воспроизводит большевизм на материально-технической основе, дало христианство на теоретико-метафизической. (...)

28.1. 1942 г. днем
[«Волчье логово»]

Как только представишь себе, что Фридрих Великий противостоял двенадцатикратно превосходившему его врагу, сразу чувствуешь себя настоящим говнюком! А ведь на этот раз превосходством в силах обладаем мы! Ну разве это не позор?*

28.1.1942 г. ночью, в поезде
из ставки фюрера
«Волчье логово» в Берлин

(...) Если эта война будет стоять нам четверти миллиона убитых и 100 тыс. калек, эти потери окажутся восполнены нами тем превышением роста рождаемости, которого немецкий народ может достигнуть, после того как мы станем хозяевами власти [на Востоке]. Эти люди во множестве возродятся у нас вновь в тех поселениях, которые я создам для германской крови на Востоке.

19.2.1942 г. ночью
[«Волчье логово»]

(...) Русские до старости не доживают, только лет до 50—60. Зачем же делать им прививки [от болезней]? наших юристов и врачей поистине приходится силой заставлять не делать там прививок, не давать мыться. Шнапса пусть пьют сколько душе угодно и табак курят тоже сколько хотят. (...)

22.2. 1942 г. ночью

Наш аппарат печати сам по себе — нечто удивительное. Закон о прессе** позаботился о том, чтобы разногласия между правительственными деятелями не выяснялись на глазах у всего народа. Пресса предназначена вовсе не для того. Мы покончили с представлением, будто государственно-политическая свобода состоит в том, что каждый может высказывать все, что ему заблагорассудится. Д-р Дитрих, хотя ростом и маловат, тем не менее выдающийся, искусный специалист. Пишет он неважно, но речи его зачастую вполне отличны. Я горд тем, что с этими несколькими

* Имеется в виду разгром немецко-фашистских войск под Москвой. *Примеч. сост.*

** Важнейшим инструментом Гитлера *рды* руководства прессой как средством «разъяснения и воспитания» явился закон об авторстве от 4 октября 1933 г.

людьми для меня оказалось возможным то, что было сделано 22 июня 1941 г.: разом повернуть руль на все 180 градусов. В этом мы не! подражаемы для прессы любой другой страны. (...)

3.3. 1942 г. в полдень]
[«Волчьё логово»]

Если мы дадим какой-нибудь захваченной стране право создать свои вооруженные силы или свою авиацию — с нашим господством покончено.

Путь самоуправления ведет к самостоятельности! При помощи демократических институтов завоеванного силой не удержать.

(...) Мы не можем спустить на восточные области свору наших школьных учителей. Иначе потеряем и родителей и детей. Потеряем там весь народ, ибо образование ему на пользу не пойдет. Лучше всего научить бы их только языку жестов. По радио общине будет преподноситься то, что ей полезно: музыка в неограниченном количестве. А умственной работе их учить не следует. Мы не можем разрешить им выпускать печатные издания! Вы когда-либо видели, чтобы европейская культура там вознаграждалась? Возникает духовный анархизм! Счастливее всего эти люди живут, когда их по возможности предоставляют самим себе. Иначе выращиваем своих собственных врагов! Пойди мы навстречу нашим школьным учителям, нашим первым делом было бы учредить в Киеве университет. Вообще не следует давать человеку больше, чем необходимо. Этим мы его только обременяем! (...)

23.3. 1942 г., понедельник вечером
[«Волчьё логово»]*

(...) Борман пользуется у Гитлера исключительным авторитетом, представляет перед ним весь гражданский сектор и часто подолгу находится с ним наедине. Борман — «железный канцлер» партии. Он обладает несокрушимой работоспособностью, принимает ошарашивающие решения и держится с абсолютной уверенностью. Вот только мысли свои он выражает и произносит значительно громче всех остальных. (...)

Сразу после ужина шеф велел принести ему очки для чтения сообщений «Пресс-Дитриха», а затем на основании **некоторых** из них перешел к вопросам вооружения и ведения войны. Особенно обрадовало его итоговое донесение об успехах подводных лодок.
<...>

Рузвельт — душевнобольной, это по всей форме заявил несколько лет назад один профессор. Он объявляет войну**, а затем, будучи совершенно неподготовленным к ней, не только дает цели-

* Здесь и далее записи велись не стенографически, а конспективно, в третьем лице. *Примеч. сост.*

** Имеется в виду приказ Рузвельта от 11 сентября 1941 г. открывать огонь по германским военным кораблям.

ком вышвырнуть себя из Восточной Азии, но и разрешает своим торговым судам снова туда-сюда у побережья США словно в мирное время. А мы — тут как тут и щелкаем их почем зря. Сообщения печати тоже говорят, что человек этот не в своем уме. Ведь то, что он делает, доводит всю страну до истерики. Иначе как могло случиться, что в Чикаго радиоскетч, будто в США высадились марсиане, вызвал панику у разумных людей.

Сей мистер Рузвельт явно не принял в расчет и наше подводное оружие. Тут у нас преимущество в том, что мы с самого начала ограничили всего несколькими типами, отвечающими потребностям серийного выпуска подводных лодок. В каждой подлодке может быть изменено то или другое, но основная конструкция остается той же.

Вообще наш подводный флот — решающее оружие войны. <...)

25.3. 1942 г.

[«Волчьего логова»]

(...) Характерно, что в той брани, которую повторяют за взрослыми дети, больше всего достается рейхсмаршалу Герингу. «В Германии вообще больше нет ни мыла, ни мыльного порошка! Хотел бы я знать, чем моет Геринг свой белоснежный мундир! Или получает добавку? Стирать-то ведь надо сколько раз в неделю!» Или: «Вот уж третий день пью чай из липового цвета. Можешь себе представить, как он воняет! А Геринг, когда видишь его в кино, вечно с толстой сигарой в пасти. Ну, у этих-то шишек есть все, что хочешь!» И еще: «Другим, министрам, ну Герингу тоже, кое-что перепадает. А вот русским [военнопленным], им, как собакам несчастным, вообще ничего не дают. С голодухи траву лопают!» — «Да, у этих бонз жратвы хватает. Геринг, смоги он, и самого фюрера оттер бы. Тогда бы о нас совсем заботиться перестали, только о себе самих и пеклись бы». — «Знаете, когда война закончится? Когда брюки Геббельса на задницу Геринга налезут!»

Впрочем, есть и такие шуточки: «Однажды я спросил одну женщину, есть ли у нее старье. А она в ответ: коли не врут, что мы на Востоке так много захапали, так зачем нам шмутье старое собирать? И захлопнула дверь». — «Мой муж ничего хорошего с фронта не пишет... Голод у него уже не в пятке, а в мизинце на ноге, так мало жратвы дают». — «Одна женщина утверждала, что и священников коро призовут». — «Смотрите, фюрер наверняка запретит в этом году Рождество праздновать. Этой молодежи наглой в кирху идти Неохота». — «А мой дедушка вечно только одно и твердит: ах эти Потери, ах эти потери! На почте телеграмм-похоронок — куча, а Носят по одной в день!»

Это — сведения о детях рабочих, а также служащих, они означают, как говорят эксперты, что люди «слишком пооткрывали РЫ, а долг свой уже не выполняют».

Насчет первой сделанной по его желанию конспективной **запц.** си застольных высказываний фюрера рейхсляйтер [Борман] ото. звался с большой похвалой. С предварительного согласия Гитлеру он передал мне для внесения в нее следующий документ:

«Ставка фюрера, 25.3. [19] 42 г.

По поводу поступившего сегодня письма партайгеноссе статс-секретаря имперского министерства финансов Рейнхардта о слищ., ком низких ценах в захваченных восточных областях надлежит заметить для дальнейшей передачи по инстанции следующее:

Со времени введения всеобщей воинской повинности наше вооружение поглотило огромные, до сих пор полностью не покрытые ассигнования. Поэтому есть только два пути: или эта долговая задолженность со временем будет переложена на германских фольксгеноссен в рейхе, либо она со временем будет выплачена за счет возможных прибылей из захваченных восточных областей. Само собой разумеется, должно произойти именно последнее. Поэтому фюрер придерживается того мнения, что как цены, так и заработную плату в оккупированных восточных областях, а тем самым и жизненный уровень жителей этих областей следует удерживать соответствующим образом. Прибыли, получаемые от разницы цен между восточными и имперскими областями, должны течь исключительно в рейх. (...)

31.3. 1942 г.

[«Волчье логово»!]

(...) Болгарская церковь отчетливо тяготеет к Москве. Болгарское население и сегодня, то есть во времена советской системы, по своей основной позиции все еще панславистское. Например, когда болгарский премьер-министр вернулся из Германии после весьма выгодного заявления о вступлении в пакт Трех держав*, то на софийском вокзале население бурными аплодисментами встретило вовсе не его, а... прибывшую советско-русскую футбольную команду. К этому добавляется то, что Болгария не имеет прочного режима, а царь Борис постоянно сидит на бочке с порохом. Поэтому самое идеальное для расстановки сил в мировой войне — союз с Турцией. Ведь таким образом мы всегда застрахованы от соскальзывания Болгарии в политический фарватер России.

1.4. 1942 г. вечером

[«Волчье логово»]

(...) К сожалению, наши послы слишком мелко барахтаются на поверхности. Как же иначе могло случиться, что посол Отт сообщает из Японии о раздражении, царящем среди населения, в тот самый момент, когда японский народ именно сейчас, **после**

* Речь идет о болгарском премьер-министре Богдане Филове.

четырёх лет войны в Китае, бьется за свои величайшие всемирно-исторические победы!

Посол в наше время не имеет права ограничиваться только тем, чтобы вращаться в дипломатических кругах, а также прежде всего иметь дело только с торговыми фирмами. Ведь и в Японии, как и у нас, есть торгашеские душонки, которые расценивают грозящие опасности или риск лишь с точки зрения своего портмоне.

Посол должен изучать менталитет народа, приобретать собственный взгляд на внутренние побуждения народа, на имеющиеся в нем течения; на их расслоение (здоровая буржуазия, трусливая буржуазия, прогнившие княжеские кланы и т. д.). Но германская дипломатия настолько далека от мира сего, что даже не опекает германство за рубежом, не направляет его, не руководит им (каким зарубежным немцам уже помогло хоть какое-нибудь германское консульство?), и потому он, Гитлер, оказался вынужден, к неудовольствию министерства иностранных дел, создать Заграничную организацию*.

Примечание Генри Линкера к беседе.

Представляет интерес рассказанное мне по данному поводу 4 апреля посланником Хевелем.

Министр иностранных дел Риббентроп не полагается так, как фюрер, на донесения, а предпочитает, чтобы германские дипломатические представители оказывали влияние на политику страны пребывания. Потому он хочет активно воздействовать, к примеру, на прессу, а через различные выставки и культурные акции — на народ данной страны. К сожалению, светлых голов среди наших примерно 50 дипломатов всего пять или шесть, так что остальные в большей или меньшей степени деградировали до уровня простых передатчиков писем. Например, наш посол в Москве фон Шуленбург, да и наш тамошний военный атташе генерал Кёстринг дали полностью ввести себя в заблуждение насчет русских планов сосредоточения войск на нашей восточной границе.

Мы можем говорить: это счастье, что Риббентроп не стал базировать свою политику на России в качестве надежного союзника, а со времени его миссии в качестве посла в Лондоне (1936—1938) столь же упорно, как он выступал за войну против Англии, отстаивал идею теснейшего сотрудничества с Японией и сумел добиться этого сотрудничества. (...)

(...) Он, Хевель, сожалеет, что Риббентроп столь безмерно неверчив, столь расточителен в использовании предоставляемых ему фюрером государственных средств (постоянно строит новые особняки, обставляет дорогой мебелью квартиры и т. д.). (...)

5.4. 1942 г. днем
[«Волчье логово»]

(...) Ему [Гитлеру] уже давно пришло в голову, что различные народы — например, русские и японцы, — которые сами не дали никаких разумных изобретений, закупают себе, если намереваются производить какое-то изделие, из Америки, Англии или Германии по одному экземпляру данного изделия — ну, скажем, ка-

* Заграничная организация НСДАП была создана в мае 1931 г., а с 30 января 1937 г. включена в качестве государственной в состав имперского министерства иностранных дел; ее руководитель Эрнст Вильгельм Боле, таким образом, официально стал статс-секретарем этого министерства.

кой-нибудь станок, — как-то раздобывают технические чертежи к нему и затем из трех таких станков мастерят четвертый, который естественно, и оказывается самым лучшим. До какой степени может доходить бесстыдство в этой области, ему показало годичное сотрудничество с Советами.

Бессовестнейшим образом используя его тяжелое положение, Советы под конец потребовали продажи им даже инструментов артиллерийского наблюдения, крейсеров, более того — линкоров вместе с чертежами. Поскольку для него все это было хождением по лезвию ножа, ему пришлось поставить Советам тяжелый крейсер «Лютцов». Но, слава Богу, ему удалось избавиться от этого артиллерию путем задержки поставки отдельных деталей артиллерийских систем.

Однако благодаря этому он приобрел в свое время опыт, который послужил ему уроком навсегда: стоило у нас появиться русским специалистам для покупки какой-нибудь машины и им на соответствующих заводах показывали все, интересовавшее их, как они тут же заявляли, что хотят видеть выставленную в каком-то определенном углу определенного цеха модель этой машины, причем называли ее совершенно правильно. Благодаря коммунистической организации своего государства они создали соответствующую систему шпионажа, которая прекрасно служила им и в это время.

После обеда шеф высказался насчет героической борьбы финнов*. После своей первой войны с русскими финны явились к нему и предложили стать германским протекторатом. Он не жалеет, что отклонил тогда это предложение. Ведь героическое поведение этого народа, который за 600 лет в одних только войнах правил 100 лет, заслуживает высочайшего уважения. Было гораздо правильнее сохранить такой народ в качестве своего союзника, нежели включить его в Германский рейх, ибо это вызвало бы только трудности. Финны как один наш фланг и турки — как другой были для него идеальным решением нашей системы обеспечения флангов вообще.

Помимо этих соображений, Карелия, а еще больше — ее климат для нас, немцев, непригодны. Если ему, шефу, однажды доведется посетить там наших храбрых солдат и те его спросят, что он думает об этой бесплодной земле, которую даже русские никогда не пытались заселить, ему останется лишь присоединиться к жалобным стенаниям наших солдат**.

(...)

Норвегия же заслуживает иной оценки, так как в ней, благода-

* Русско-финская война (30.XI 1939 г. — 13.III 1940 г.) привела Гитлера к убеждению, что Красная Армия была еще слишком слаба с точки зрения подготовки своих командных кадров и слишком несовременна, чтобы сопротивляться вермахту. Приобретенные через Швецию его армейским адъютантом Энгелем документальные кинофильмы о русско-финской войне дали Гитлеру и его военному окружению возможность надеяться на успех «блицкрига» против СССР.

** Но Гитлеру была нужна Карелия ввиду ее богатых месторождений никеля в районе Петсамо (с 1947 г. — советская Печенга) и одноименного незамерзающего фьорда.

ря Гольфстриму, климатические условия более благоприятны. Поэтому рейхсфюрер СС [Гиммлер] пусть оставит все надежды на замену своими концентрационными лагерями колоний русских штрафников на Мурманском канале. Он, шеф, нуждается в рабочей силе этих людей гораздо настоятельнее, чтобы понастроить в этом огромном русском регионе требующиеся военные заводы.

В остальном же русское пространство, которое подпадет под нашу власть, настолько полно всяческих проблем, что работы нам вполне хватит на ближайшие столетия.

На Центральном участке предстоит сперва окультивировать бесконечные болота растениями, тростником и т. п., чтобы предотвратить, таким образом, исключительно сильные русские холода будущими зимами. (...) И наконец, срочно необходимо насадить на Украине леса, дабы не допустить сильных ливней, которые там — сущий бич. (...)

На вопрос, что должно произойти с Ленинградом, шеф разъяснил: Ленинград должен подвергнуться деградации. Как он сказал сегодня трем награжденным Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту гостям, число жителей Ленинграда в результате голода уже упало до 2 млн. Если учесть, что, по сообщению турецкого посла в России, даже в городе дипломатов [Куйбышеве] прилично питаться невозможно, и если принять далее во внимание, что русские во многих местах поедают мясо павших лошадей, можно нарисовать себе картину того, как будет и впредь сокращаться население Ленинграда. Разрушение города бомбежками и артиллерийскими обстрелами должно тоже внести лепту в его уничтожение.

Нева в будущем должна стать границей между Финляндией и нами. Приведению в негодность подлежат также ленинградский порт и портовые сооружения, ибо владеть Балтийским морем как внутренним германским морем можем только мы одни. А потому надо позаботиться раз и навсегда, чтобы на периферии нашего рейха не существовало ни одного крупного порта. Совершенно независимо от того следует полностью удовлетворить потребности нашего военно-морского флота постройкой наших собственных портов и вообще портов на Балтике, в частности для того, чтобы мы никоим образом не нуждались в ленинградском порте, к тому же замерзающем на полгода.

5.4. 1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

Сегодня за ужином шеф весьма презрительно отозвался о поведении центральных органов [Германии] после краха 1918—1919 гг. *

Многие промышленники в то время старались, чтобы оружие,

* Имеется в виду поражение Германии в первой мировой войне и Ноябрьская Революция 1918—1919 гг., которые истолковывались реакцией как «удар ножом в спину» непобежденной армии. *Примеч. сост.*

созданное в ходе сурового процесса германского развития, не стало известно врагу. Но центральные органы никоим образом не оказывали им в этом поддержки и даже, более того, поставили их в тяжелое положение, обвинив в государственной измене. Между тем выполнение Версальского диктата* никак проконтролировать было невозможно. (...)

Если тенденцию к вооружению Германии желали устранить на самом деле, то Версальский договор для того достаточных возможностей не давал. Кто мог бы помешать нам тогда строить в большом количестве быстроходные катера — ведь тоннаж их не был ограничен этим диктатом! Можно было строить военные корабли во много раз большего тоннажа, чем это требовалось официально показать. Ведь ни один человек не замечал, к примеру, что тяжелый крейсер по своему водоизмещению ни в коей мере не соответствовал предписанным размерам. Точно так же удалось превратить 100-тысячную армию в чистой воды офицерское и унтер-офицерское училище, а путем сокращения сроков военной службы всего за несколько лет обучить военному делу так много людей, что в случае необходимости в нашем распоряжении всегда могли оказаться сухопутные войска численностью от 800 до 900 тыс. человек**.

Но, конечно, трусливые зайцы на такое дело пойти были неспособны. Когда он дал первое задание приступить к выпуску 120-миллиметровых орудий, кто-то из этих жалких трусов приказал произвести вместо 16 штук всего шесть. Тогда ему пришлось разъяснить этим господам, что, если мы уже все равно стали обходить положения договора, то в какой именно мере это будет противоречить данному договору, абсолютно никакой роли больше не играет. Ни один человек не сможет помешать нам построить на германо-французской границе бетонные бункера и замаскировать их под подвалы для детских садов, больниц и т. п. Когда началась германо-французская война, в нашем распоряжении уже имелась система блиндажей, подобная нашему Западному валу. (...)

* Речь идет о навязанном Германии державами-победительницами Версальском мирном договоре 1919 г., ограничивавшем ее вооружение и вооруженные силы.
Примеч. сост.

** Рейхсвер Веймарской республики под командованием генерал-полковника фон Секта в 1926 г. при помощи заклеемного Лигой Наций и Германией Советского Союза создал в районе Липецка тайное военное училище, до конца 1933 г. готовившее немецких военных летчиков и танкистов для рейхсвера, а следовательно, и для позднее созданного вермахта. Советы предоставили не только местность и казармы, но и необходимые учебные самолеты и танки. Позже они в рамках учебного процесса, а также сотрудничества с германскими промышленными предприятиями разрешали рейхсверу проводить на их территории испытания новых конструкций немецких истребителей и бомбардировщиков, а также различных типов танков германского производства. В качестве компенсации за это сотни высших советских офицеров получали в Германии специальное образование на учебных курсах в военных учебных заведениях рейхсвера. Гитлер и Сталин прекратили сотрудничество своих вооруженных сил в конце 1933 г., так как это больше не соответствовало их военным концепциям, а потому удивительно хорошо функционировавшее товарищеское сотрудничество германских и советских офицеров постепенно сошло на нет.

(...) Шеф особенно предостерег [Гиммлера] от проведения немечивания Чехии и Польши в более крупном масштабе.

В связи с этим рейхсфюрер СС сообщил, что полячество, как наиболее стойкая народная общность, должно быть поставлено в безвыходное положение и он возьмет его в железные клещи германства. Он уже договорился с д-ром Гансом Франком, генерал-губернатором захваченной Польши, что округ Краков с его одноименным чисто немецким главным городом [нем.: Кракау], а также Люблинский округ должны быть заселены немцами. Действуя с этих обеих исходных позиций, удастся постепенно вытеснить полячество. По этому поводу шеф высказался так: снисходительное обращение с поляками, постоянно практиковавшееся в нашей истории в связи с раздѣлами Польши, совершенно неуместно. Полячество вообще-то уцелело только потому, что русские как властители не принимали его достаточно всерьез, а также и потому, что ему удавалось сманеврировать в отношении немцев и занять политическое положение, превратившее его (прежде всего усилиями обхаживающего его католицизма) во влиятельный фактор германской внешней политики.

Но в первую очередь надо следить за тем, чтобы немцы не смешивались с поляками и тем самым польский руководящий слой не обогащался новым притоком германской крови. (...)

Нельзя упускать из виду, что эта война была бы выиграна еще в мирных условиях, если бы рейх сохранялся в расовом отношении на высоком уровне и в чистоте. Ведь наша сила, например в отношении намного превосходящих нас по численности США, состоит в том, что наше германское расовое ядро значительно больше и охватывает более 4/5 всех германцев.

8.4. 1942 г. днем
[«Волчьѣ логово»]

Во время сегодняшнего обеда шеф рассказывал о своей политической борьбе [в Веймарской республике]. В начале своей политической работы он выдвинул лозунг: задача вовсе не в том, чтобы привлечь на сторону своего мировоззрения исключительно ищущую покоя и порядка, трусливую в своих действиях буржуазию, а в том, чтобы воодушевить этим миром идей рабочий класс. Все первые годы «периода борьбы» поэтому были нацелены на привлечение в НСДАП рабочих*. (...)

* Согласно инструктивной брошюре по организационной работе НСДАП (1943 г.), продиктованные Гитлером заповѣди для вступающих в партию гласили: «Фюрер всегда прав! Не растрачивай свое время на болтовню, на самоедскую крикунку, а мобилизуйся и твори! Будь горд, но не заносчив! Программа для тебя — Догма; она требует полной самоотдачи движению! Ты — представитель партии, этим и руководствуйся в своем поведении и образе действий! Вѣра и самоотверженность — твоя высшая заповѣдь! Будь верным камерадом, тогда ты — настоящий социалист! (...) В борьбе будь упорен и скрытен. Мужество — не хамство! Правильно только то, что на пользу движению, а тем самым — Германии!» На 1 декабря НСДАП насчитывала 30 521 местную группу.

При помощи этих (перечисленных далее Гитлером демагогических и террористических. — *Сост.*) средств ему удалось привлечь на сторону движения столь много хороших элементов из рабочего населения, что на последних выборах перед приходом к власти было проведено не менее 80 тыс. собраний.

В привлечении на сторону движения рабочего класса особенно велики заслуги Юлиуса Штрейхера*, к числу их принадлежит то, что ему удалось завоевать оплот марксизма — Нюрнберг, хотя интересующееся здесь политикой население состояло сплошь из евреев и рабочих, организованных в рядах СДПГ или КПГ. Благодаря тому, что Штрейхер с удивительным упорством изо дня в день поливал евреев отборной руганью, ему удалось отмежевать нюрнбергский рабочий класс от еврейского руководства, хотя нюрнбергские рабочие, в подавляющем числе металлисты, не являлись самыми неинтеллигентными людьми и упорно держались за марксизм. Эти заслуги Штрейхера никогда забывать нельзя.

9.4. 1942 г.

[«Волчье логово»]

Наконец-то начало таять. Шеф больше не может видеть этот вечный снег и по сему случаю сказал: после конца войны он попросит у Муссолини на зиму местечко где-нибудь в пустыне, где тепло, и поставит там палатку. Сегодняшний обед шеф предрешил словами: «Господа, пришла весна!» Он констатировал это с отличным настроением. (Под Москвой в декабре 1941 г. температура падала до 40—50 градусов ниже нуля.)

9.4. 1942 г. вечером

[«Волчье логово»]

(...) Политик должен судить о любом другом политике в первую очередь по его позитивным ценностям и по его заслугам.

Ведь в политике можно руководствоваться только своим собственным пониманием, исходя из реальных событий, а потому никогда нельзя говорить, что то или иное могло бы произойти по-иному, «если бы» решение задающих тон людей или исхода войны было другим. (...)

Политик вообще должен отвыкнуть от употребления словечка «если бы». Ведь каково было бы теперь положение вещей, если бы чехи были бы одарены хоть немного фантазией, а поляки обладали бы чуть большим пониманием реальности и чуть большей добросовестностью в своей работе. Именно то, что поляк — фантазер, а чех — человек, мыслящий исключительно реалиями, дало

* Юлиус Штрейхер — оголтелый пропагандист расизма, шовинизма и антисемитизма, издатель листка «Der Stiirmer» («Боевик»), главным лозунгом которого было: «Евреи — наше несчастье!» Казнен 16 октября 1946 г. по приговору нюрнбергского Международного военного трибунала. *Примеч. сост.*

нам возможность быстро произвести новое урегулирование условий в бывшей Чехии и бывшей Польше.

Трудно даже представить себе, что было бы, «если бы» итальянский фронт в Албании* не был остановлен личным вмешательством Муссолини. Это означало бы, что в тот момент, когда сосредоточение наших войск на Юго-Востоке [Европы] еще не было достаточно подготовленным, все Балканы оказались бы в огне. Самое худшее при этом было то, что заверениям русских об их миролюбии доверять никак нельзя. Вероятно, тогда не удалось бы склонить болгарского царя к допуску германских гражданских команд** [в Болгарию] для подготовки концентрации там германских войск, так как он по всей своей натуре отнюдь не волк, а лис и потому весьма неохотно подверг бы себя такой гигантской опасности. Лис, как известно, всегда охотнее всего выбирает такие пути, на которых он в случае необходимости сможет замести свои следы.

Что касается трудностей на албанском фронте, то он в свое время обдумывал, как поступить, если военные части отходят без приказа и остановить их невозможно. Он пришел тогда к выводу: никакого иного выхода, кроме как прибегнуть к расстрелам, нет. Но расстреливать надо не простого пехотинца, этого жалкого червяка, который выносит на себе всю тяжесть войны, да к тому же терпит все трудности с продовольственным снабжением и не в состоянии справиться со вшами — этим сущим бичом. Нет, расстреливать надо именно любого старшего командира отходящей части, не останавливаясь даже перед расправой с самыми высшими генералами***. (...)

10.4. 1942 г. днем
[«Волчьего логова»]

За обедом шеф разъяснил то различие, которое следует делать при оценке внутренней пропаганды и пропаганды на зарубежные страны.

Радиопередачи, предназначенные для Англии, должны содержать много музыкальных номеров, соответствующих вкусу англичан, чтобы те, получая эти номера во все большей мере, привыкали

* Имеется в виду отступление итальянцев в Албанию, после того как принятое без согласования с Гитлером наступление на Грецию (с 28 октября 1940 г.) было отбито с большими потерями для них. Германские войска, оперировавшие с территории Болгарии, прорвали укрепления на северо-востоке Греции — та* называемую линию Метаксаса — 9 апреля 1941 г.

** Болгарский царь Борис III в конце января 1941 г. дал согласие на то, чтобы со 2 марта 1941 г. в страну вступили германские войска, предназначенные для поступления на Грецию.

*** Следуя гитлеровскому «образцу», Сталин приказал расстрелять по приговору военного трибунала почти всех высших офицеров своего окруженного в ходе продвижения германских войск в районе Белостока фронта, в том числе командующего фронтом генерала Дмитрия Павлова и начальника его штаба.

слушать наше радио. Информационная часть наших передач ц^Англию должна воспроизводить факты, воздерживаясь от всяких оценок. Например, сообщения о деловой заинтересованности английских высших финансовых кругов в определенных видах военного производства, в ведении войны самой по себе и в характере этого ведения должны подаваться так, чтобы выводы из этих сообщений английские радиослушатели делали сами. Чисто фактические сообщения должны действовать по принципу: «Капля камень точит».

Своему же собственному народу, само собою разумеется, в информационных радиопередачах надо не только сообщать факты, но и давать им однозначное толкование в духе постоянного просвещения. Ведь собственный народ можно пропагандистски лучше всего поднять на большие дела однозначными, меткими оценками. Поэтому он рекомендует нашей собственной информационной службе вновь и вновь вещать о «пьянчуге Черчилле» и «преступнике Рузвельте». (...)

11.4. 1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) За ужином шеф высказал мысль, что индивидуальная свобода не есть признак особенно высокой степени культуры. (...) Когда людям дают полную свободу, они ведут себя как обезьяны. Никто не желает терпеть, чтобы другой имел больше, чем он сам. И чем теснее они живут вместе, тем больше вражда между ними. Чем больше ослабляются тугие вожжи государственной организации и дается простор индивидуальной свободе, тем сильнее судьбы народа направляются на путь культурного регресса.

Вечное разглагольствование насчет [народного] сообщества его просто смешит: великие болтуны считают, будто общность эту можно сколотить болтовней. (...)

И если Сталин в прошедшие годы применял в отношении русского народа такие же методы, как в свое время Карл Великий* — в отношении германского, то, учитывая культурный уровень русских тех лет, тут и говорить не о чем. Сталин тоже пришел к выводу, что русских надо охватить строгой государственной организацией, дабы политически обеспечить борьбу за существование всех объединенных в составе СССР народностей. (...)

Поэтому для осуществления господства нашего рейха над коренными нами народами Востока высшим принципом должно быть: как можно шире отвечать их стремлению к индивидуальной свободе, избегать их какой-либо государственной организации и тем самым держать представителей этих народностей на как можно более низком уровне культуры.

Надо постоянно исходить из того, что задача этих народов по отношению к нам прежде всего такова: служить нам экономи-

* Карл Великий (742—814) — король франков (с 768 г.) и император Священной Римской империи германской нации (с 800 г.). *Примеч. сост.*

чески. Поэтому нашим стремлением должно быть: всеми силами **забрать** из захваченных русских областей все, что можно оттуда взять. (...)

(...) Без государственной организации по образцу нашего административного управления здесь не обойтись, иначе мы породим **лишь** ненависть к себе. Ведь чем примитивнее люди, тем сильнее **воспринимают** они любое ограничение их личной свободы как принуждение. К этому добавляется, что посредством государственной административной организации дается возможность сплотиться в более крупное единство и эвентуально даже противопоставить эту организацию нам. Самое большее, на что мы можем пойти в **отношении** их административной организации, это общинное управление, да и оно — лишь в той мере, в какой требуется для сохранения рабочей силы, то есть для обеспечения ежедневных потребностей отдельного индивида.

Образование деревенских общин надо тоже осуществлять так, чтобы между соседними общинами не могло возникнуть никакой общности. Во всяком случае, надо не допускать устройства единых крупных церквей для молитвенных целей. В наших интересах — чтобы каждая деревня имела собственную секту, развивающую собственное представление о боге. Даже если таким образом в отдельных деревнях возникнет культ колдунов, как, скажем, у негров или индейцев, мы должны это только приветствовать, ибо это увеличивает число разделяющих моментов на русской территории.

Если он [Гитлер] заранее говорит, что создание крупной государственной администрации там излишне и наши комиссары в восточных областях должны выполнять лишь функции надзирателей и хозяйственных руководителей, то тем самым, само собой разумеется, он отрицает всякую другую форму организации для порабощенных народов.

Поэтому туда не должен прийти ни один учитель, не следует вводить для завоеванных народов никакого обязательного школьного обучения. Знания русских, украинцев, киргизов и т. д., их умение читать и писать нам только во вред. Ведь это позволило бы более способным среди них умам выработать определенное знание истории, а тем самым прийти к некоторым политическим идеям, острие которых постоянно направлялось бы против нас.

Гораздо лучше установить в каждой деревне радиогромкоговоритель, чтобы таким образом рассказывать людям всякие новости и давать им развлекательный материал, нежели делать их способными к приобретению политических, экономических и тому подобных знаний. Поэтому никому и в голову не должно прийти сообщать покоренным народам по радио какие-либо сведения об их предшествующей истории; нет, по радио надо передавать только музыку и опять же музыку! Ведь веселая музыка стимулирует Радость труда. А если люди могут много танцевать, то это даже ^{По} нашему опыту времен системы (то есть Веймарской республики. — *Сост.*) приветствуется поголовно всеми.

Единственное, что должно быть организовано в оккупированных* русских областях, так это транспорт. Транспортное освоение этой страны — одно из важнейших предварительных условий господства над ней и ее хозяйственного использования. Поэтому организации транспортной системы надо учить и завоеванные народы. Но это — единственное, в чем мы должны их «образовывать».

Что касается гигиены и санитарии, то тут у нас нет никакой заинтересованности в том, чтобы как-то просвещать их нашими знаниями и тем самым давать им совершенно нежелательную для нас базу для чудовищного роста народонаселения. Поэтому я запрещаю проводить в этих областях санитарные акции нашего типа. Не нужны и никакие обязательные прививки. Немецкие врачи должны обслуживать только немцев в немецких поселениях. Сущий бред осчастливить покоренные народы нашими знаниями в области стоматологии. Тут надо действовать с абсолютной осторожностью. Если страдающий зубной болью захочет лечиться у зубного врача, что ж, пусть лечится — в порядке исключения.

Величайшим безумием в отношении оккупированных восточных областей было бы дать поработенным народам оружие. История учит: все господствующие народы погибали, как только они позволяли поработенным ими народам иметь оружие.

Да, можно прямо-таки сказать, что предоставление оружия покоренным народам — это *conditio sine qua* поп* гибели народов-господ. Поэтому необходимо, чтобы поддержание безопасности и порядка во всем захваченном русском пространстве обеспечивалось нашими собственными войсками. Оккупированные восточные области должны быть покрыты сетью военных опорных пунктов. Все немцы, проживающие в этом пространстве, обязаны поддерживать с ними личный контакт, а это значит лично чувствовать себя связанными с ними. Они должны быть так четко организованы, чтобы планируемая на перспективу германская поселенческая политика могла бы постоянно продвигать в покоренное нами русское пространство становящееся все более сильным германское народное ядро.

12.4.1942 г. днем
[«Волчьего логова»!]

(...) Учитель народной школы** был широко разрекламирован афоризмом: войну 1866 г. [Пруссии против Австрии] выиграл именно прусский школьный учитель***. Да это же полная чушь!

* Необходимое условие (*лат.*).

** Низшая ступень начального образования. *Примеч. сост.*

*** Выражение приписывается прусскому министр-президенту и рейсканцлеру Германии Отто фон Бисмарку. *Примеч. сост.*

То, что Пруссия в свое время одержала победу, объясняется превосходством винтовки с казенной частью* и другими подобными вещами, которые находятся совершенно вне сферы влияния учителя народной школы. Верно только то, что уровень германского школьного обучения в сравнении с заграницей в последнем столетии был чрезвычайно высок. (...)

12.4. 1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) За ужином шеф заметил, что со своими сообщениями союзникам Германии он должен быть весьма осторожен. К сожалению, в отношении итальянцев ему тоже пришлось констатировать, что они не соблюдают достаточной секретности по поводу тех его сообщений, которые непосредственно затрагивают их собственные интересы. Они не проявили никакой озабоченности, когда в печати появлялись всякие намеки насчет планов на будущее. Поэтому он рассказывает им только то, что им абсолютно необходимо знать, да и то лишь в тот момент, когда это становится абсолютно необходимо**. В остальном же он заставляет их блуждать в потемках, а если они уж очень настаивают на формулировании им своей политики, дает уклончивые ответы.

Как это не надо делать, можно поучиться у англичан. Ведь нет на свете никакой другой такой прессы, которая бы со ссылкой на «хорошо информированные источники» выбалтывала так много, как английская. (...) Русские в этом отношении действуют куда более ловко. Не говоря уже о том, что в своей прессе они ничего о собственных военных планах не сообщают, все, что касается их вооруженных сил, они валируют гитантской маскировкой. Вся финская война 1940 г., а также русское вступление в Польшу, которые были проведены с достоисторически древними танками и оружием, с плохо информированными солдатами, были сплошным маскирующим маневром. Ведь Россия к тому времени уже располагала таким вооружением, какое делало ее мировой державой наряду с Германией и Японией. (...)

17.4. 1942 г.
[«Волчье логово»]

От немецкого издателя Генри Пиккера

Хотя сам я и не был в ставке фюрера активным участником бесед и сохранял положенную мне дистанцию, делал я это не в последнюю очередь потому, что хотел дать по возможности целостную картину духовной жизни в штаб-квартире Гитлера. Ведь число интересных людей в окружении Гитлера было значительным: весьма представительного выглядящий фельдмаршал Кейтель, внешне похожий на крестьянина в генеральском мундире, но при этом с рафинированно-изысканными манерами дипломата; начальник штаба оперативного руководства вермахта Йодль, который, несмотря на общепризнанные военные способности, был так же прост, как* и сам фюрер, и своими остроумными репликами зачастую подсыпал в беседу Пецца; посланник Хевель — самодовольный рейнландец, который когда-то сидел

* Изобретена в 1838 г. Николаусом фон Дрейзе.

** По этому принципу Гитлер действовал и в отношении своих фельдмаршалов, генералов и руководителей нацистской партии.

вместе с фюрером в Ландсбергской крепости и, учитывая его критическое отношение к Риббентропу, всегда умел рассказать про того парочку беззлобных анекдотов.

14.4.1942 г.

[«Волчье логово»]

Тот факт, что сегодня за столом шефа оказались Гиммлер со своими сотрудниками и [министр вооружения и боеприпасов] Шпеер с его «сопровождающей командой», дал очень мало интересного.

Д-р Кёппен (личный врач Гиммлера. — *Сост.*) во время прогулки рассказал мне о прологе событий 19 декабря 1941 г.* Браухич вместе с несколькими генералами рекомендовал Гитлеру остановиться на линии Днепра и высказал свои соображения против дальнейшего продвижения на Москву. Гитлер в ответ указал на огромные успехи на другом берегу Днепра, а также выразил убеждение, что немецкий солдат выдержит и зимние морозы. Гитлер устроил Браухичу такой скандал, что было слышно даже в офицерской столовой. (...)

Полночь с 19 на 20 апреля 1942 г.

[«Волчье логово»]

В полночь состоялось празднование дня рождения фюрера. (...) Сам шеф не присутствовал. Проработав весь вечер, он в 23 часа удалился к себе.

Фельдмаршал Кейтель произнес речь по случаю дня рождения фюрера, сказав: все мы, в меру своих слабых сил, должны поддерживать «гениального полководца». (...) Генштабист и военный историк ОКВ в штаб-квартире фюрера полковник Шерф презентовал всем свою книгу «Гений вблизи» — собрание цитат о сущности гения, настоящий подарочный букет, по сути дела, выражение приверженности Гитлеру. (...)

Интересно высказанное о высокой политике офицером-порученцем Гитлера Шульце и адъютантом Кейтеля Габриэлем, а также Лоренцем:

а) бывший японский министр иностранных дел Мацуока** при посещении Берлина заявил Гитлеру, что тот может положиться на Японию;

б) посол Осима своими неоднократными прошениями об отставке решающим образом способствовал тому, что Япония 7 декабря 1941 г. — когда мы попали в атаки зимы и русских, т. е. оказались в «сплошном дерьме», — вступила в войну и тем облегчила нашу ситуацию. Фюрер встретил эту весть, от радости хлоп-

* День смещения генерал-фельдмаршала Браухича с поста главнокомандующего сухопутными войсками. *Примеч. сост.*

** Мацуока, бывший для Гитлера персона гратиссима, 16 июля 1941 г. был смещен с поста министра иностранных дел Японии якобы за то, что поддерживал Гитлера в войне против СССР. Императорский же совет и правительство Японии в то время хотели любой ценой избежать военного столкновения с СССР.

пая себя по ляжкам; после тяжелого бремени [войны на Востоке] он почувствовал такое облегчение, что стал в большом возбуждении объяснять присутствовавшим новое международное положение;

в) фюрер впервые узнал о полете Гесса за чаем от Лоренца и сразу же продиктовал первое сообщение об этом. Он был очень раздражен тем, что ему ничего не докладывали о предшествовавших бессмысленных пробных полетах. Фюрер считал возвращение Гесса в Германию исключенным, так как для него есть только альтернатива: «сумасшедший дом или расстрел». Поэтому Гесс должен сам позаботиться о своем новом существовании.

20.4. 1942 г.
Об этом дне.

День проходит под знаком дня рождения шефа. В обеденном зале и в примыкающих помещениях все очень красиво, столы накрыты белоснежными скатертями, поставлены цветы. Сегодня на обед отбивные, красная капуста, картофель с соусом, фруктовый салат, вино, чашка натурального кофе в зернах. На ужин: жареный картофель с ветчиной и салат из спаржи. Прекрасно для всех, кроме самого Гитлера: ведь он не ест мяса и не пьет вина.

Когда утром Гитлер вышел из своего бункера, все господа выстроились по обе стороны входа, чтобы поздравить его.
<...>

23.4.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

(...) За обедом шеф говорил о том, что немецкий народ, если он хочет утвердить себя в истории, должен оставаться ярко выжженным солдатским народом.

Если в результате этого из хозяйства будет изъято слишком много рабочей силы из недр немецкого народа, надо забрать из находящихся под нашим господством стран и заставить трудиться на нас необходимую рабочую силу. (...)

Далее следует принять во внимание, что немецкий народ, если он хочет сохранить себя именно как народ солдатский, не должен Давать никакого оружия в руки людям из завоеванных или оккупированных областей. Это секрет силы Древнего Рима: только °Дни римские граждане во всей Римской империи имели право носить оружие. (...)

23.4.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином шеф высказал мысль, что был бы весьма рад однажды снова повидаться с дуче и обсудить с ним политические и военные проблемы. Если он столь исключительно почитает дуче,

то прежде всего потому, что тот — государственный деятель, не имеющий себе примера в истории. На развалинах итальянского распада он пропагандировал новую государственную идею и при-, влек ею на свою сторону весь мир.

«Боевой поход» его фашистов (на Рим в 1922 г. — *Сост.*) показывает бесконечно много родственного с нашим собственным «периодом борьбы»: ведь в одной только Вероне борьба стоила фашистам 6600 убитых. И большевистскую опасность дуче тоже осознал как никто другой, а потому выставил для войны на Востоке три годных к использованию, основательно подготовленных дивизии. Дуче лично заверил его, что у него нет никакого сомнения, сколь пагубным оказалось бы проутюживание Европы русским паровым катком, и он, дуче, твердо убежден, что без обуздания русской угрозы, благодаря его, фюрера, вмешательству, гибель Запада была бы уже близка. (...)

24.4.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

24 апреля шеф за обедом сказал, что самыми решающими ситуациями в войне он считает до сих пор высадку в Норвегии в 1940 г. и оборонительный удар по Советам этой зимой [1941/42 г.]. (...)

25.4.1942 г. днем
[Имперская канцелярия. Берлин]

Имперский министр д-р Геббельс во время обеда в Имперской канцелярии задал вопрос, имеет ли фунт картофеля такую же питательную ценность для человека, что и фунт мяса. В ответ фюрер подтвердил это. (...)

4.5.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином шеф заметил, что уплата вызванных войной долгов рейха* — вовсе никакая не проблема:

1. Завоеванные германским мечом территории, как он недавно уже говорил, принесут такое огромное увеличение национального богатства, что во много раз перекроют военные расходы.

2. Включение насчитывающей 20 млн человек дешевой рабочей силы в германский хозяйственный процесс — это тоже та прибыль, которая далеко превышает возникшие из-за войны имперские долги. Надо однажды подсчитать, какая выгода будет получена от того, что иностранный рабочий вместо, скажем, 2 тыс. рейхсмарок, как наш промышленный рабочий, получает в год всего тысячу. Весьма странно, что на это до сих пор обратили внимание лишь совсем немногие германские хозяйственные руководители. Даже сам имперский министр хозяйства партайгеноссе Функ только в связи с вы-

* В апреле 1945 г. — 387 млрд рейхсмарок.

числением суммы национального дохода сказал, насколько сильно **поднимется** уровень жизни немецкого народа за счет притока **многочисленной** иностранной рабочей силы и вызываемого ее применением удешевления ручного труда. (Сравни стоимости внутригерманской рабочей силы и иностранной.)

В конечном счете история учит: от долгов еще ни один народ в мире не погиб.

Поэтому и нашему хозяйству следует порекомендовать только одно: при тех военных расходах, которые несет с собой война*, в финансовом отношении надо быть тысячекратными оптимистами.

2*

6.5. 1942 г. днем
[«Волчьё логово»]

На основании сообщения из Анкары, согласно которому из турецкого информационного центра уволен ряд еврейских агентов, шеф сделал несколько высказываний насчет господства евреев над общественным мнением как в «системной» Веймарской Германии, так и в нынешних вражеских государствах. На все видные посты, оказывающие какое-либо влияние на общественное мнение, там пробрались всякие евреи, таким образом обеспечив себе невероятное властное положение в прессе, кино и прочих формирующих общественное мнение органах. (...)

Его, шефа, силой было то, что газеты НСДАП, в противоположность всем другим крупным газетам, с самого начала были высвобождены из-под влияния еврейских рекламных агентств и превращены в экономически совершенно неуязвимые органы. Собственный положительный опыт в отношении независимости партийной прессы побудил его сделать и партию как целое экономически неуязвимой. (...)

За обедом шеф заметил, что для него важно превратить Крит в германский опорный пункт. Однако эта германская военная база требует наличия собственного германского Средиземноморского флота и несет с собой постоянный конфликт с Турцией. Ведь остров Крит в немецких руках — это для Турции не что иное, как начало конфликта между Германией и ею из-за Дарданелл.

Единственным результатом нашей критской операции могло бы стать поэтому лишь создание на этом острове [туристической] базы организации «Сила путем радости» [«Kraft durch Freude»].

9.5.1942 г. вечером
[«Волчьё логово»]

После отъезда имперского министра Розенберга один из присутствующих господ завел разговор о выращивании хлопка на Кавказе. По этому поводу шеф заметил: (...) Кавказ играет роль в наших

* Военное производство германской промышленности для целей вермахта вставило в 1939—1944 гг. 120 млрд марок.

расчетах в силу своей особо значительной роли крупного источника нефти. Если мы хотим получать оттуда нефть, мы должны взять Кавказ под самый строгий надзор, ибо этот чреватый кровной местью регион из-за вражды между отдельными племенами сделает невозможной его выгодную эксплуатацию. Поэтому совершенно неправильно, когда сегодня министерство иностранных дел как официальный орган дает в отношении этого региона невыполнимые обещания. Поскольку официальная инстанция, в отличие от печатной пропаганды, имеет право давать только такие обещания, которые она обязана выполнять, следует быть осторожными и с теми заверениями, которые фон Папен дает Турции, даже если он, фюрер, и готов пойти на определенные уступки.

Но прежде всего министерство иностранных дел должно воздерживаться от всякой болтовни о сотрудничестве. Насколько трудно осуществить коллаборацию, показывает пример Румынии и Венгрии, поскольку обе эти страны, когда мы так нуждаемся в нефти и пшенице, накапливают эти продукты, чтобы иметь их под **рукой** на случай эвентуальной войны [друг с другом]. (...)

10.5.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином шеф заговорил о достижениях на тыловом фронте. Идеализм в тылу настолько огромен, что он решил пожаловать одному рабочему с военного предприятия Рыцарский крест Креста за военные заслуги. Рабочие военной промышленности в процессе 14-часовых смен производят противотанковые пушки и тому подобное для фронта, причем даже ранее поставленного им, фюрером, срока.

В сельском хозяйстве тоже проявляется такая же готовность трудиться. Поэтому он заберет с Украины последнюю корову, лишь бы тылу не пришлось голодать. Именно с этой точки зрения он придает такое огромное значение транспортной проблеме на Украине. (...)

12.5.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) Цель его, шефа, политики на Востоке с точки зрения долгосрочной перспективы — освоить это пространство, переселив туда с миллион германских людей, сделав его областью поселений. Надо приложить все силы к тому, чтобы с железной настойчивостью доставить туда один за другим миллионы немцев. Не позже чем через десять лет он хотел бы получить оттуда сообщение, что во **вновь** включенных или оккупированных нами восточных областях (Данциг, Западная Пруссия, район Варты, правительственный **округ** Цихенау и Белостокский округ) снова проживает минимум 20 млн немцев. (...)

Если мы хотим исправить ошибки, допущенные в прошлые века в восточных областях, надо проводить там радикальную политику

германизации. Точно так же, как Тевтонский орден не действовал в лайковых перчатках, а принес туда вместе с Библией и меч, наши откомандированные на Восток люди должны одержать верх как борцы за святую веру национал-социалистического мировоззрения и если надо, осуществлять наши народно-германские интересы с беспощадной жестокостью. (...)

В восточных областях, чтобы прийти к поставленной цели, можно действовать абсолютно жестоко а la Сталин. Он, фюрер, твердо убежден, что и в том случае, если партия сможет сделать это за 50 лет истории, они приобретут целиком и полностью германский облик. (...)

О способности славян к германизации ничего обобщенного сказать нельзя, так как само понятие «славяне» пропагандировалось и коренилось со времен царской России в рамках панславянской политики в качестве обобщающего обозначения совершенно различных в расовом отношении народностей. (...)

13.5.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) Крым следует отстроить так, чтобы и спустя длительный период времени немецкий народ ничем не побуждался снова отдать этот прекрасный уголок германского труда. Поэтому срочно необходимо построить на этом полуострове порты и крепостные форты на перешейке (Перекопском и Чонгарском, а также в Керчи). Мы и здесь должны создать себе сильные позиции (...) против вражеских вооруженных сил. Подобное обеспечение он считает для Крыма достаточным, ибо мы не имеем никаких ярко выраженных интересов на Черном море, а также и в Дарданеллах, кроме экономических. Поскольку в остальном нам до Средиземного моря дела нет, он видит исключительные возможности «прйти после войны к однозначной дружбе с Турцией. (...)

За ужином шеф заговорил о политике Англии и сказал следующее: Англия явно только при своем полном поражении увидит, что первую роль в Европе ей уже больше не играть. Тупо держась за политическое завещание своих крупных государственных деятелей о «европейском балансе», она полностью упускает из виду, что противники у нее могут быть не только в Европе, а потому совершенно не осознала изменившуюся ситуацию, при которой над периферией ее империи нависла гроза в лице России — Японии — США.

Насколько твердолобы ее нынешние политики, видно уже из того, что еще несколько лет назад один из них в частной беседе вполне серьезно говорил: если дело дойдет до войны между Англией и Германией, то в конце ее Германия станет британским доминионом.

Единственным англичанином, действительно осознавшим сегодня политическую реальность, был герцог Виндзорский, который настолько хотел пойти навстречу нашим требованиям насчет коло-

ний, что мы получили бы и заселили север Австралии и, такс^ образом, стали бы идеальным щитом Англии от Японии. Но этого человека заставили уехать из Англии, а вместо компромисса с Германией стали искать дружбы с США — страной, которая не обладает необходимым моральным правом выиграть борьбу за новый мировой порядок и, оказавшись на нашем месте, никогда бы не выдержала русской зимы 1941/42 года. (...) Рузвельт обдeldывает свои политические гешефты с такой подлостью, какая присуща не разумному человеку, а душевнобольному кретину.

При чтении депеш шеф в свойственном ему стиле заговорил о командовании вермахта, сказав следующее: линия фронта в России* в три раза длиннее линии фронта во Франции, но нет ни одного германского полка и ни одного батальона, за боевыми действиями которого в ставке фюрера не следили бы трижды в день. (...)

15.5.1942 г. вечером
[«Волчьe логово»]

(...) Если люфтваффе — военно-оперативное оружие в высшем смысле этого слова, то пресса — идейно-оперативное оружие в высшем смысле того же слова. Иногда нам приходится в течение трех дней внезапно менять направление всего политического освещения в наших газетах и предпринимать поворот на 180 градусов. Это вообще возможно только при том условии, что этот мощный инструмент целиком находится в наших руках. Пример тому — 22 июня 1941 г. (вступление в Россию).

За год до того мы были вынуждены совершить поворот от своей позиции фанатичного врага России к нашему германо-советскому соглашению. Для старых национал-социалистов это явилось прямо-таки ударом в лицо. Но, к счастью, члены нашей партии и тут показали себя настолько дисциплинированными, что смена курса была понята ими без лишних слов.

22 июня [1941 г.] произошел полный поворот — неожиданно, внезапно, как говорится, в один миг. Такие вещи можно делать, только если действительно целиком и полностью держишь прессу в своих руках как оперативное оружие идейного воспитания.

Такое понимание сути и задач прессы несет с собой то, что профессия самого журналиста становится совсем иной, чем раньше. В былые времена профессия журналиста была внутренне бесхребетной, ибо он лишь в самых редких случаях мог следовать своей натуре. Сегодня журналист знает, что он не какой-то там писака, а действует в государственных интересах. Благодаря тому, что журналист в результате процесса развития со времени взятия власти [нацистами] действительно сделался представителем государственной мысли, приобрела совершенно новое лицо и сама профессия журналиста. (...) Недопустимо, чтобы высшее руководство разре-

* Протяженность линии фронта от Белого до Черного моря на 13.5.1942 г. составляла около 3600 километров.

^ало критику своих мер снизу. Прав такого рода желает не народ, а кляузник, затесавшийся в народ. (...)

17.5.1942 г. днем
[«Волчье логово»!]

(...) Шеф считает, что, если мы не очень-то сведущи в русских танках, причина этого в том, что они [Советы] целиком и полностью превзошли нас лишь в одном — в шпионаже, который они при помощи коммунистических организаций ловко маскировали, выдавая за превосходство своего мировоззрения. (...)

17.5.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином шеф сказал: иностранные журналисты думают, будто они могут подействовать на нас тем, что, ссылаясь на наш союз с Японией, обвиняют нас в измене нашему расовому законодательству и навлечении на мир «желтой опасности».

Этим жалким людишкам можно возразить одно: именно никто другой, как Англия, в первой мировой войне притянула на помощь себе японцев, чтобы покончить с нами. Можно спокойно бросить им в лицо, что в этой борьбе, в которой решается вопрос, быть или не быть, мы готовы ради победы вступить в союз хоть с самим дьяволом.

Глядя совершенно трезво, союз с Японией уже благодаря самому моменту японского вступления в войну совершенно в исключительной мере оказался полезен нам. Вступление Японии в войну произошло как раз тогда, когда русская зима вызвала у нашего населения огромный спад в настроении и на всех нас в Германии к тому же навалилось удручающее чувство, что и США рано или поздно тоже вступят в войну. Разъяснение, что Япония вступила в войну именно в этот момент, чтобы выполнить свои союзнические обязательства, произвело на немецкий народ глубочайшее впечатление и привело к высокой оценке нами Японии.
<...>

18.5.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином, в котором принимал участие и министр Шпеер с сопровождавшими его лицами (...), шеф заметил: именно наше столкновение с Россией наиболее впечатляющим образом доказывает, что руководитель государства должен сам, единолично, принимать решение о нанесении удара, когда считает войну неизбежной.

Письмо, найденное у сына Сталина* и написанное ему одним из

* Сын Сталина Яков Джугашвили попал в немецкий плен в июле 1941 г. под Витебском, был переведен в лагерь Заксенхаузен и в 1943 г. покончил жизнь самоубийством, пытаясь преодолеть проволочное ограждение.

его друзей незадолго до нашего наступления, содержит буквально такие слова: перед «прогулкой в Берлин» тот хочет еще раз почитать свою Аннушку.

Если он, Гитлер, послушался бы своих плохо информированных генералов и ожидал решения от них, русские, в соответствии с этими планами, упредили бы нас, а на хороших среднеевропейских дорогах русские танки было бы не остановить.

Он рад также и тому, что удалось удержать Советы до окончательного вступления в войну и постоянно находить взаимопонимание с ними в отношении наших интересов. Ведь если бы в **свое** время не удалось при вступлении русских в Румынию заставить их ограничиться Бессарабией и они завладели бы тогда нефтяными месторождениями Румынии, они удушили бы нас не позднее этой весны нехваткой горячего. (...)

19.5.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

(...) Шеф заговорил о том, что одна дивизия Советов на Керченском полуострове бьется особенно храбро, вплоть до полной гибели. Речь явно идет о так называемой мировоззренческой дивизии. Можно только порадоваться тому, что таких дивизий не слишком много, а это значит: Сталину не удалось привить коммунистические взгляды всей Красной Армии.

Фельдмаршал Кейтель сказал по этому поводу, что основная масса русских людей и по сей день все еще слишком тупа. Но Сталин хочет — как показал допрос его сына и его секретаря, — по его собственным заявлениям, использовать немецкую интеллигенцию для более высокого развития своих русских людей, так как тогда Европа и Азия станут неприступным бастионом большевизма и, таким образом, послужат базой — трамплином для победы мировой революции.

19.5.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином шеф беседовал с министром иностранных дел Риббентропом о внутривосточном положении в Англии.

Основная масса англичан никогда не полагалась как на помощь США, так и на силу русских. Поэтому в Англии образовалось два лагеря: один — просоветский, а другой — контрсоветский. Если советская армия и в этом году получит от нас **сокрушительные** удары, среди английского населения начнется брожение. (...)

Затем речь зашла о каннибализме среди партизан, а также в Ленинграде, где, как можно судить, каждую неделю умирает примерно 15 тыс. человек.

Я слушал высказывания Риббентропа скептически, поскольку недавно прочел у Хевеля запись его [Риббентропа] беседы с японским послом Осимой, в которой он обещает японцам в перспективе решение индийской проблемы благодаря наступлению наших

войск через Персию и Афганистан вплоть до врат самой Индии, j^го он, Риббентроп, — «обманщик или фантазер»? Думаю, что и Хевель серьезно сомневается в его способностях.

20.5.1942 г. днем
[«Волчьё логово»]

(...) Точно так же, как [франко-прусская] война 1870—1871 г. послужила плавильным тиглем для Старого рейха, так и Великогерманский рейх со всеми его племенами превратился в единый сплав на полях сражения этой войны. Таким образом, удастся воспрепятствовать тому, чтобы какое-либо германское племя вернулось в рейх, как побитая собака; у каждого из них есть гордое сознание, что, проливая собственную кровь, оно участвует в великой освободительной борьбе немецкого народа.

20.5.1942 г. вечером
[«Волчьё логово»]

(...) Англичане видят в Черчилле единственного человека, пригодного для политического руководства ими. При этом они вполне отдают себе отчет в его негативных качествах, но явно воспринимает его как прототип своего собственного характера. Если противопоставить Черчиллю лидера англичан в первой мировой войне фанатика Ллойд Джорджа, нельзя не констатировать, что масштаб лидера в Англии ужасающим образом измельчал. Ведь при объективной оценке Черчилля в нем не обнаружить ровным счетом ничего, кроме «квадратной морды с разинутой пастью», человека, не останавливающегося в своем самоутверждении ни перед чем; да и в своей частной жизни он отнюдь не джентльмен, а продажный лгун и субъект, не смущающийся в своих речах выдавать распивочно и на вынос все тот же вздор «пьянчуги». (...)

29.5.1942 г.
[Имперская канцелярия, Берлин]

За обедом шеф упомянул, что эта зима стала для нас особым испытанием потому, что обмундирование солдат, их оснащение и моторизация не отвечали требованиям такой зимы и температурам до минус 50 градусов по Цельсию. Если кому-то угодно говорить о зимнем кризисе, то этот кризис был обусловлен именно этим.

Следует добавить и угнетенное душевное состояние, вызванное тем, что Наполеон потерпел поражение от русской зимы и что зима 1941/42 г. по температуре и холодам явилась такой, какой^в России не бывало за последние 150 лет, да к тому же и наступила внезапно.

Причина, по которой немецкий народ выдержал этот кризис, —^в том, что фронт и тыл преодолели его сообща. До тех пор, пока такой образ действий жив в народе, государство не погибнет, ибо твердые духом мужчины держат свое знамя.

Жаль только, что и эта война снова пожнет свою кровавую

жатву среди лучших представителей нашего народа. Так, на фронте погибло в семь раз больше берлинских партайгеноссен, чем не состоящих в партии берлинцев.

Во время показа еженедельного киножурнала мы порой смотрели и иностранные документальные фильмы. К примеру, русский еженедельный киножурнал о советской победе над нашими войсками в декабре прошлого года. Музыкальным вступлением служил звон колоколов всех московских церквей, затем показали фейерверк советских зениток при отражении наших воздушных налетов; мы увидели таинственный силуэт Кремля — место пребывания и деятельности Сталина, которым Гитлер открыто восхищается как гением. Показали и хождение, причем в полном церковном облачении и с крестом, православных священников из дома в дом, от избы к избе, с призывом к мужчинам и женщинам, молодым и старым, всеми силами постоять «за святую землю русскую». Затем — формирование красных войск, особенно кавалерии, последствия необычайных морозов, которых здесь не видывали уже более ста лет и которые заставляют всех носить валенки и ватники. Потом — первые, а дальше и крупные группы немецких военнопленных без шинелей, без перчаток, без зимнего обмундирования, пританцовывающих от холода, трущих себе уши и носы, с руками, засунутыми глубоко в карманы, — голодные, глядящие навстречу неведомой судьбе. И тем не менее — ни одного искаженного страхом лица: вот они, неизвестные солдаты, безымянные герои! Мы увидели на экране бесконечное множество замерзших немецких танков, цистерн, грузовиков, орудий — все брошено, потому что нет пригодного при таком морозе горючего и зимней одежды. И все это из-за того, что командование сухопутных войск не доставило все это своевременно на фронт.

<->

За обедом шеф говорил: всю Европу надо к определенному сроку полностью очистить от евреев. Это необходимо уже по одному тому, что среди евреев есть определенный процент фанатиков, которые хотят вновь высоко поднять еврейство. Поэтому он и не рекомендует ссылать евреев в Сибирь, ибо они при их устойчивости к климатическим условиям только еще сильнее закалят там свое здоровье. Куда правильнее, поскольку арабы не желают иметь их в Палестине, транспортировать евреев в Африку и там подвергнуть воздействию такого климата, который отрицательно действует на сопротивляемость человека, и, таким образом, исключить пересечение их интересов с интересами европейцев. (...)

2.6. 1942 г. днем
[«Волчье логово»]

За обедом Гитлер упомянул, что вчерашний полет в Полтаву для совещания с генерал-фельдмаршалом фон Бокком, командующим группой армий «Юг», поколебал его расовые взгляды. В Пол-

тзве он увидел так много голубоглазых блондинок, что, если только не думать о представленных ему для разрешения [офицерам] брак фотографиях норвежек или даже голландок, он скорее бы **заговорил** не об «осеверении», а об «оюжанивании» наших северных европейских государств.

2.6.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

Вечером Гитлер остановился на публикациях русской прессы о битве под Харьковом, а также на зимнем наступлении. Русские пытаются сейчас объяснить свои неудачи всякими теориями — что ж, любой, у кого что-то сорвалось, выдумывает всякие глупые теории для затушевывания собственных просчетов! Достаточно вспомнить только о выдвигавшейся у нас в первой мировой войне после битвы под Верденом «теории усталости» войск. Выражения подобного рода всегда служат доказательством отсутствия у себя мужества немедленно прекратить не сулящую успеха операцию.

Фюрер сказал далее, что Советы невероятно вредят сами себе тем, что, заботясь об армии, они привели к полному разладу внутреннее хозяйство и продовольственное снабжение населения. Нельзя говорить: я забочусь только об армии, а потому условиям жизни внутри страны никакого внимания не уделяю. Ведь тогда условия жизни внутри страны пожирают саму армию.

Если перенести все это на нашу военную промышленность, то мы должны заботиться о правильном соотношении трудового вклада, который мы ожидаем от рабочего, с его ограниченным питанием. Он, шеф, стоит на такой точке зрения, что пусть лучше рабочий работает вместо 14 часов всего 8, а остальное время отдыхает. В это время на военном производстве пусть работают по три смены военнопленные, которых мы так или иначе вынуждены кормить. (...)

3.6. 1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) Как доложил шефу адмирал Кранке, британские потери тоннажа достигли такой точки, когда англичане начинают страдать от недостаточного ввоза и должны снизить продовольственные рационы. Вместо 11 млн необходимого для британского ввоза тоннажа Англия имеет теперь в своем распоряжении всего 9 млн брутто-регистражных тонн. (...)

4.6.1942 г.
[«Волчье логово»]

Харьковская битва закончена. Гитлер принял обобщающий Доклад ОКБ к сведению без особенного воодушевления.

Учитывая удавшееся покушение на обергруппенфюрера СС Гейдриха*, шеф за ужином сказал, что дает распоряжение о постоянном неукоснительном соблюдении всех мер безопасности особенно теми лицами, которым грозит опасность. (...) Такие героические жесты, как поездка в открытом небронированном автомобиле или хождение пешком по улицам, — безумие, никак не идущее на пользу нации. В тех случаях, когда это не вызывается безусловной необходимостью, подвергать себя опасности таким незаменимым людям, как Гейдрих, нельзя. Он, фюрер, может лишь осудить такое поведение как глупость или же как чистейшую тупость. Люди масштаба Гейдриха должны ясно знать: их подкарауливает, как дичь, бесчисленное множество людей, вынашивающих мысль об их убийстве. (...)

22.6. 1942 г. днем

[Имперская канцелярия, Берлин]

За обедом д-р Геббельс завел разговор о генерале Роммеле. Он сказал, что такие генералы, как Браухич, Рундштедт** и другие, далеко не пользуются такой популярностью, как Роммель и Дитль***. Если пресса молчит о таких людях, как фон Браухич, Рундштедт и т. д., то широкая общественность тем более скоро вообще перестанет говорить о них. Роммель же и Дитль, напротив, пользуются таким авторитетом, который сделал их имена для населения символом германского солдатства. У Роммеля это выступает на первый план даже сильнее, чем у Дитля.

22.6.1942 г. вечером

[Имперская канцелярия, Берлин]

Во время ужина в Имперской канцелярии д-р Геббельс сообщил: едва ли какой другой генерал столь глубоко понимает важность пропагандистского воздействия, как Роммель. Этот факт тоже говорит о том, сколь идейно восприимчивым, современным генералом в лучшем смысле этого слова он является. После сообщения одного военного корреспондента о взятии Роммелем Тобрука слушали вечернюю радиопередачу о наступлении нашего Африканского корпуса и известие о производстве Роммеля в генерал-фельдмаршалы.

В заключение шеф сказал: он не верит, что можно сохранить боевой дух таких войск, как английский африканский корпус, пос-

* Райнхард Гейдрих (род. в 1904 г.) — бывший морской офицер, с 1932 г. начальник службы безопасности (СД) нацистской партии, в 1933 г. — начальник политической полиции Баварии, с 1939 г. — начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА), с осени 1941 г. — заместитель протектора Чехии и Моравии; скончался 4 июня 1942 г. в результате покушения. Участвовал в дезинформации Сталина об «измене» маршала Тухачевского.

** Командующий группой армий «Запад». *Примеч. сост.*

*** Командующий германскими войсками в Норвегии. *Примеч. сост.*

де того как тот целых три года не имел ничего, кроме поражений.

Разговор перешел на сербское повстанческое движение. По этому поводу шеф заявил: там, где находятся болгары, хорошо **знающие** балканские условия, царит спокойствие. И там, где **расположены** дивизии СС или полицейские войска, с поддержанием общественной безопасности и порядка тоже все как надо. Но там, где стоит германский ландштурм (ополчение из непригодных к **роенной** службе. — *Сост.*), там дело уже плохо, а где итальянцы — ну что тут можно сказать! — полное отсутствие порядка. В этом он видит доказательство своего постоянно высказываемого мнения: степень разумности осуществляемых в повстанческих областях мер всегда обратно пропорциональна гуманности применяемых там методов.

Там, где пускают поезда под откос или совершают покушения, где скрывают агентов-парашютистов (история с покушавшимися на Гейдриха), надо немедленно расстреливать бургомистров, хватать мужчин и в тяжких случаях — тоже расстреливать, а женщин отправлять в концентрационные лагеря.

Рейхсфюрер СС добавил к этому, что именно подобными методами действовали в истории с убийством Гейдриха. Было отдано распоряжение о расстреле всех родственников соучастников, то есть не только их жен и детей, но и родителей, что позволило обнаружить виновных.

Шеф продолжал: безусловная обязанность государственной власти — действовать. До тех пор, пока государственная власть действует энергично, она сильнее, чем любой нарушитель спокойствия, ибо имеет за собой твердо организованные органы. Доказательство этой точки зрения — ликвидация Рёма. Попытку путча удалось затоптать, как малую искру, потому что путчисты еще не имели твердо в своих руках СА. (...)

Когда перешли к проблеме ожидаемого английского вторжения на континент, шеф высказал следующие мысли. Англичане имели для этого три возможности: в Норвегии, в Голландии и в Испании. При попытке высадки в Испании с ними могло бы произойти то, что они вызвали бы новую испанскую гражданскую войну. Голландия могла оказаться для них твердым орешком потому, что начальник штаба [группы армий] Рундштедта Цейт-Цлер (впоследствии начальник генерального штаба. — *Сост.*) легал там и на Атлантическом побережье, словно шмель, туда-сюда, не Давая нашим войскам спать перед лицом опасности непосредственного соприкосновения с врагом.

Норвегию же приходилось тщательно охранять. Полагаться на сведения географических справочников, что в местных шхерах имеются лишь ограниченные возможности для высадки, было нельзя. Это уже доказала высадка англичан в свое время*.

* Южнее Тронхейма 18 апреля 1940 г.

26.6.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

(...) Шмундт заявил: шеф не желает, чтобы генеральный штаб внушал ему свои мнения. Йодля он, шеф, хорошо знает по долголетней совместной работе и знает, как к нему относиться. Фюрер не желает также, чтобы командующие армиями, прежде чем докладывать ему лично, сначала являлись на доклад к начальнику генерального штаба Гальдеру.

27.6.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином шеф снова заговорил о победе Роммеля. Он подчеркнул: взятие Тобрука — совершенно невероятный успех, который в нынешнем положении следует рассматривать как просто-таки перст судьбы для немецкого народа. Точно так же как вступление в войну Японии произошло в критический момент войны на Востоке, так и удар Роммеля против английского североафриканского корпуса пришелся прямо в разгар испанских интриг, в числе характерных признаков которых достаточно упомянуть, что министр иностранных дел Испании Сунье даже получил такую почесть от папы Римского, как подарок в виде чек-ток.

Если переговоры между Черчиллем и Рузвельтом длились в Вашингтоне целых восемь дней*, то это не в последнюю очередь следует отнести за счет того, что Роммель решающим образом подорвал позицию Англии в Средиземном море. Его, шефа, переговоры с дуче никогда не продолжались больше одного-полтора часов. Все остальное время было заполнено протокольными трапезами и т. п. Только во время албанского кризиса переговоры затянулись на полтора дня, так как он должен был снова подбодрить дуче.

Легко представить себе, какие трудности испытывали союзники. **Не** говоря о том, что превращение политического концерна США, русских и китайцев потребовало поистине акробатического искусства. Если, например, Литвинов** неоднократно привлекался к переговорам Черчилля и Рузвельта, то не в последнюю очередь потому, что Россия в отношении Индии имеет против Англии сильный козырь в кармане. Ведь после потери Восточной Азии для Англии не будет большей угрозы, чем со стороны русских, **которые** при каком-либо нарушении русско-английских отношений безубыточно возместят за счет Индии свой ущерб от войны. Вероятно, этот прицел на Индию — даже одна из причин, побуждающих Россию при всех обстоятельствах избегать войны с Японией. Для нас

* Они проходили с 18 по 26 июня и касались обещанного Сталину открытия второго фронта: в Италии, на Балканах или во Франции.

** Посол СССР в США. *Примеч. сост.*

это отнюдь не неприятно. Ведь именно учитывая Индию, отсутствие войны между Японией и Россией для нас — плюс против днглии. (...)

Самый же интересный вопрос в настоящий момент вообще — *что* будет делать Англия в нынешней ситуации? Ясно, ожидать от нее чуда, после того как она своим объявлением войны, имея недостаточное вооружение, опозорилась, никак нельзя. Сами англичане пытаются выбраться из нынешнего положения, распространяя различного рода противоречивые сообщения. Задача министерства иностранных дел, собственно, в том и состоит, чтобы изучить те решения, к которым все-таки попробует прибегнуть Англия. (...)

30.6 1942 г.

[«Волчье логово»]

На обеде присутствовал произведенный в генерал-фельдмаршалы мастер оборонительных боев на северном участке Восточного фронта фон Кюхлер*. Шефа порадовало, как фельдмаршал с миной обычного обывателя на лице рассказывал о тяжких, тяжелых оборонительных боях в районе Волхова. Насчет взятых пленных он упомянул, что среди них было к тому же 10 тыс. раненых. О них даже не сообщалось, ибо, поскольку не было возможности оказать им в болотистой местности никакой медицинской помощи, они погибли. О русском боевом духе он сказал, что солдаты даже на самом переднем крае русской линии не проявляли никакой заинтересованности в дальнейшем продолжении борьбы, а у них была только одна мечта: «вернуться домой». Тем не менее они дрелись как звери, до последнего дыхания, и их приходилось уничтожать одного за другим.

Такого явления, которое имело место в мировую войну в 1916—1917 гг., когда русские при наступлении втыкали штыки в землю и прятались в окопах, чтобы сдать позицию, нигде наблюдать не приходилось.

1.7.1942 г. днем

[«Волчье логово»]

(...) Когда по нашему небольшому «народному радиоприемнику» в обеденном зале мы услышали сообщение о падении Севастополя, Гитлер, а с ним и все застольное общество встали, чтобы выслушать Национальный гимн, стоя с вытянутой в знак германского приветствия рукой. (...)

* Генерал-фельдмаршал Георг фон Кюхлер, зарекомендовавший себя как командующий армией еще в польской и французской кампаниях, 17 января 1942 г. сменил генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба на посту командующего группой армий «Север».

1.7.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

За ужином шеф подчеркнул: вермахт ни в коем случае не должен жен заботиться о внутривосточных делах. Его задача — быть меченосцем за пределами страны. Поэтому деятельность вооруженных сил в мирное время должна служить исключительно подготавливать эту борьбу вовне Германии.

Когда затем разговор перешел на падение Севастополя, генерал Йодль высказал мнение, что наше чрезвычайное сообщение об этом прозвучало в унисон английскому чрезвычайному сообщению об отставке английского генерала Риччи, проигравшего битву за Тобрук. Прежде всего, посчитал шеф, наше чрезвычайное сообщение о падении Севастополя превосходно совпало с тем заседанием английской палаты общин, на котором обсуждались результаты политики Черчилля.

На реплику рейхсляйтера Бормана, что реакция депутатов [палаты общин] на наше чрезвычайное сообщение последовала еще сегодня ночью, шеф заявил: можно представить себе, какой «восторг» испытали англичане, если они и без того утверждали, что Черчилль «жалок», но у них нет никакого другого руководящего ума. (...)

2.7.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

За обедом шеф высказывался по военным вопросам. В частности, он сказал: так же, как использование слонов в качестве офицерского оружия во времена Ганнибала было самым эффективным, так и танки сегодня являются самым совершенным и важным наземным наступательным оружием. Точно так же, как значение слонов Ганнибала, после этой войны померкнет и значение танков: они будут вытеснены и в конечном счете заменены. (...)

Падение Севастополя вызвало в Анкаре всплеск ненависти к русским. Если турецким министром иностранных дел станет Герере, то это можно приветствовать. Хотя Герере и не дипломат солдатского масштаба Осимы, но это тот человек, который полностью убежден в необходимости совместных действий Турции и Германии.

4.7.1942 г.
[«Волчье логово»]

Сегодня около 13 часов генерал Шмундт сделал нам доклад о положении [на фронтах], из которого ясно видно: «без твердости фюрера и стойкости немецкого солдата фронт на Востоке было бы не удержать»:

а) из-за преждевременного наступления зимы — **командующий** [группы армий] «Север» — генерал-фельдмаршал Лееб;

б) из-за полного истощения сил предназначенных для **взятия** Москвы войск группы армий «Центр» — генерал-полковник Гудериан.

О мудрости и союзнической верности японцев говорит тот факт, что они подарили нам свое вступление в войну как раз в тот момент, когда русские осуществили различные прорывы на Южном фронте и мы снова потеряли Ростов. За это японцы подучили от нас заверение, что мы не заключим мира без них. Им и их Тенно [императору] — вечная благодарность и почет нашего народа. Их действия зимой сделали возможным наше широко задуманное летнее наступление.

4.7.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) Название линкора своим собственным именем фюрер отклонил, ибо иначе беда, которая может постигнуть этот корабль, будет истолкована суеверными людьми как дурной знак для его деятельности. Представим себе, например, что этот боевой корабль проведет год или больше на ремонте в доке. Как неблагоприятно подействовало, к примеру, на Советы сообщение о разрушении севастопольского форта имени Сталина! (...)

7.7.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) Шеф подтвердил: ход нынешнего развития в Испании не радует. Франко — явно не человек того масштаба, который мог бы справиться без церкви с политическими проблемами Испании. Исходные позиции его деятельности были гораздо проще, чем его, фюрера, и дуче. Как дуче, так и он сам тоже, после завоевания государства вынуждены были сначала перетянуть на свою сторону вооруженные силы. Франко же, кроме политической власти, имел в своих руках и их. Но он явно не сумел освободиться от влияния Сунье, хотя тот — просто-таки олицетворение поповской политики и, очевидно, ведет с державами оси нечестную игру. (...)

Шеф отметил: франкисты могут считать своим счастьем, что во время гражданской войны имели поддержку национал-социалистической Германии. Ведь красные испанцы постоянно уверяли, что были вынуждены действовать заодно с Советской Россией не по мировоззренческим причинам, а лишь из-за отсутствия другой поддержки, и тем самым поневоле угодили не в тот фарватер, в какой стремились... (...)

5.7.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

Ознакомившись с несколькими совершенно лживыми московскими военными сводками, перепечатанными в шведских и швейцарских газетах, шеф заявил: настоящая еврейская брехня! А то, что они — хотя в них не упоминаются даже названия населенных пунктов — распространены по всему свету информационными агентствами, объясняется только тем, что в этих агентствах ° пять же засели сплошь одни евреи. (...)

Одна из наших важнейших задач — оградить наши будущие поколения от такой же политической судьбы, как немецкая в 1918—1933 гг., а потому поддерживать в них сознание еврейской опасности. (...)

6.7.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

Шеф подчеркнул, что министерство иностранных дел **дориб-бентроповских** времен поистине было прибежищем интеллигенции. Тот, кто не годился ни для какой другой профессии, находил себе пристанище там, целые орды евреев. Последствием являлось то, что наших дипломатов высмеивали почти во всех оперетках, а когда на них надели форму, скопированную с эсэсовской и потому выглядевшую просто роскошно, они и впрямь стали выглядеть опереточно.

Риббентроп был поистине прав, когда настаивал на обновлении министерства иностранных дел. Каждый действующий за границей сотрудник этого министерства — представитель Германского рейха. Если он делает что-то неверно или даже прекрасно, но при этом производит дурное впечатление или валяет дурака, это наносит ущерб рейху. (...) Поэтому впредь дипломатами должны становиться те лучшие из немцев, кто профессионально зарекомендовал себя и ведет себя соответственным образом. (...)

8.7.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

За обедом шеф выразил особенную радость по поводу того, что пливший в Архангельск английский конвой из 38 судов потоплен нашими самолетами и подводными лодками: уцелело всего шесть кораблей. (...) Свои сегодняшние рассуждения насчет разгрома караванов фюрер заключил констатацией: для владельцев корабельных верфей это поистине золотое дно.

9.7.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

За обедом шеф высказал недовольство газетной заметкой о поездке на Украину министра по делам оккупированных восточных областей Розенберга. В ней референт этого министра по печати, майор Кранц, предостерегает немецкое гражданское население от ложных надежд на повышение продовольственных норм за счет нынешнего урожая на Украине. Поскольку в любом народе пессимистов больше, чем оптимистов, безответственно **подобными** высказываниями прессы уже сейчас лишать людей надежды на разрядку продовольственного положения и утяжелять им **жизнь** более, чем необходимо. В остальном же такие высказывания, как майора Кранца, — деловые и верные.

Предсказание насчет того, сможет ли немецкое **гражданское** население путем повышенных продовольственных рационов полу-

чить пользу от урожая на Украине, в настоящее время делать еще совершенно не следует. Дело не в том, что урожай якобы недостаточен, а в том, чтобы перевезти зерно издалека на территорию старого рейха. Это исключительно транспортная проблема. (...)

9.7.1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

(...) Мы должны во вновь приобретаемых восточных областях обращать внимание на то, чтобы дело не доходило до ежедневного «пропесочивания» покоренного населения и попыток прививать ему что-то вроде немецкой чистоплотности. (...) Наша задача — не играть роль ежедневно надзирающего за ними органа, а исключительно обеспечивать наши интересы. С этой целью необходимо возможно полнее отделять жизнь немцев в подлежащих колонизации восточных областях от жизни туземного населения. (...) Мы легче всего избежим и смешения немцев с аборигенами, если не будем давать этому населению возможность усвоить наш стиль жизни и позволять ему считать себя частью нашего народа.
<...>

17.7.1942 г. днем
[«Волчье логово»]

За обедом шефу доложили, что население Украины разделено Советами не на деревни, а на бригады, чтобы охватить его в военном отношении и наблюдать за ним. И мы, сказал шеф, не смогли бы сделать ничего более умного, чем перенести эту систему!

Насколько сильно государство там притянуло к себе все, видно из того, что все врачебное сословие в Советском Союзе огосударствлено. В таких городах, как Винница, имеется лишь одна амбулатория, в которой больные ждут приема государственным врачом и врачами от 8 до 12—13 часов. После полудня или вечером те же врачи обязаны посещать пациентов на дому; необходимость посещения удостоверяется местным или окружным комиссаром. Жизненный уровень врачей, если соразмерить его со стоимостью одного костюма (900 рублей), мизерен; ведь они зарабатывали 550—700 рублей в месяц, то есть, по нашим понятиям, от 55 до 70 рейхсмарок. Даже притом, что еда на Украине невысимо дешева, радиоприемники стоят ужасно дорого. (...)

Война, как и борьба не на жизнь, а на смерть, имеет собственные законы и заставляет отойти на задний план все понятия мирного времени. (...)

17.7.1942 г. вечером
[«Вервольф»*]

За ужином шеф заговорил о менталитете итальянцев, выражающемся в том, чтобы без особенных усилий приписывать себе

* «Оборотень» (от нем. *der Werwolf*) — кодовое название ставки Гитлера в Районе Винницы. *Примеч. сост.*

все возможные заслуги. Типичное выражение этого менталитета в частности, то, что итальянцы в своей истории фашизма изображают конечную фазу первой мировой войны таким образом, будто победа была достигнута именно их мужественными действиями в пользу союзников.

На том же уровне находится и их постоянное утверждение во время западной кампании, будто они своим «неучастием в войне» сковывали минимум 60 французских дивизий. Теперь же, по французским данным, выясняется; это были не 60, а всего семь дивизий, которые во время западного похода дислоцировались на итальянской границе, причем три из них удалось отвести оттуда без особых трудностей. Этот факт очень опечалил итальянцев. Но они быстро преобразились. Хотя в течение трех лет их здорово мутузили, они, один-единственный раз одержав победу, тут же забыли про полученные удары, и теперь вся Италия — в угаре победы. <...)

В заключение шеф затронул проблему вывоза продовольствия с Украины. До тех пор, пока не станет возможным улучшить положение с транспортом до такой степени, чтобы транспортировать продукты с Украины в любом количестве, надо рассматривать едущих на родину отпускников как идеальнейшее и простейшее транспортное средство, а потому давать каждому, для него самого и для членов его семьи, столько продуктов, сколько он в состоянии унести на себе.

18.7 1942 г. вечером
[«Вервольф»]

(...) Учитывая постоянные сообщения английской прессы о создании «второго фронта», фюрер поручил д-ру Дитриху подготовить для него интервью с каким-либо иностранным корреспондентом, основным мотивом которого являлись бы вопросы Восточного похода. Поскольку каждый извлекает из интервью то, что кажется ему самому наиболее важным, при этом можно было бы мимоходом, как бы между прочим, затронуть вопрос о «втором фронте». (...)

Он размышляет о том, что, имея дело с такими детскими умами в военном отношении, как англичане, от них можно ожидать чего угодно, но при этом нельзя игнорировать саму английскую — еврейскую по своей сути — печать. Точно так же как мы в свое время упредили нападение Советов соответствующими оборонительными мерами, так и сегодня мы должны провести все приготовления, чтобы достойным образом встретить при высадке на Европейский континент английских солдат, которыми командуют нули в военном отношении.

Свои соображения на тему «второй фронт» он сформулировал бы таким образом: это интервью должно подействовать на англичан, как холодный душ. Поэтому, чтобы не навредить цели данного интервью, он отнюдь не скажет, что в создание «второго

фронта» вообще не верит. Наоборот, выскажется в таком духе, что в силу немецкой военной скрупулезности и основательности надо быть готовыми ко всяким эвентуальным возможностям, в том числе и ко «второму фронту».

В ответ на просьбу имперского шефа печати он сказал: интервью должно быть дано тому иностранному корреспонденту, который до сих пор особенно охотно поддерживал работу немецкой прессы. Будет ли то представитель большой или малой, дружественной или нейтральной страны, никакой роли не играет: ведь интервью все равно — и в этом имперский шеф печати прав — напечатает газеты всего мира.

Разумеется, свои мысли на тему «второй фронт» он, шеф, мог бы высказать и в публичной речи. Но произносить речи без подходящего повода для них — опасно. Ведь интеллигентные люди и так сразу заметят каждую соринку в глазу и наверняка поймут, что такая речь должна довести до них определенные вещи. Если же такое намерение проявится слишком явно, желаемое воздействие заранее окажется иллюзорным. А если вопрос о «втором фронте» будет включен в интервью о проблемах Восточного похода, самое главное может быть сказано во второстепенных фразах, так чтобы это не бросалось в глаза. (...)

21.7. 1942 г. вечером
I «Вер вольф»]

(...) По поводу хода развития в СССР, особенно в связи со сталинской крупной «чисткой» генералитета, шеф заметил следующее: совершенно неясно, не стали ли со временем противоречия между Сталиным, с одной стороны, и Тухачевским и его сторонниками — с другой — так сильны, что Сталин боялся своего убийства этим кругом военных. (...) Миры Сталина и бывшего царского офицера Тухачевского настолько разошлись, что между ними возникла пропасть. «Гениальный» Сталин считал, что со своими планами мировой революции и своим запланированным нападением на Центральную и Западную Европу выиграть может только он, а переориентировка христианской веры с метафизического на материальное в конце XIX — начале XX в. не удалась.

Если вдуматься, Европе грозила бы огромная опасность, не нанеси он, шеф, своего удара. Ведь за Сталиным стоит еврей. Еврейский же лозунг диктатуры пролетариата требует ликвидации пролетариатом существующей системы господства, а затем распространения власти переплетенного с еврейством меньшинства народа, так как сам пролетариат руководить не способен.

При победе Сталина, таким образом, получился бы отвратительнейший коммунизм. (События испанской гражданской войны Дали достаточные примеры для всех стран Центральной и Западной Европы.) Когда война закончится, Европа вздохнет с облегчением. Ведь поскольку с окончанием этой войны из Европы будет выкинут последний еврей, коммунистическая опасность с Востока будет уничтожена огнем и мечом.

Центральная Россия кажется по своей почве довольно большой «песочницей». Но зато Украина неслыханно прекрасна. Глядя с самолета, думаешь, что видишь под собой «землю обетованную». Климат на Украине мягче, чем у нас, скажем, в Мюнхене, земля — невероятно плодородна, а люди — особенно мужчины — ярко выраженные лодыри. Вчера я, сказал шеф, совершил поездку на катере по одной украинской реке, по Бугу, который по своему ландшафту похож на наш Везер, и берега его тоже покрыты лесом. К сожалению, берега поросли водорослями, земля по большей части невозделана или же на ней пасется скот, так как население, которому все достается без труда благодаря естественному плодородию, явно озабочено тем, чтобы не делать больше, чем безусловно необходимо. Повсюду видишь спящих людей. При этом украинцы достигли однажды невиданного расцвета культуры — я думаю, это было в XI—XII столетиях, в то время как сегодня их церкви обладают только дешевыми иконами со всякой мишурой. Наглядным доказательством их культурного регресса служат их музеи, которые, насколько я мог видеть, являются сборищами всякого хлама и рухляди деревенско-патриархального характера.

22.7.1942 г. вечером
[«Вервольф»]

(...) Во время беседы после ужина шеф исходил из констатации, что Советы стали бы для нас невероятно опасны, если бы им удалось под провозглашаемым КПГ лозунгом «Войне больше не бывать!» похоронить солдатский дух немецкого народа. Ведь в то самое время, когда они у нас внутри боролись при помощи террора КПГ, прессы, забастовок — короче говоря, всеми средствами пацифизма, Россия создавала невиданную военную промышленность.

Невзирая на пропагандировавшуюся в Германии болтовню о гуманизме, Россия удивительным образом использовала человеческую рабочую силу и при помощи стахановской системы побуждала советских рабочих трудиться не только быстрее, чем средний рабочий в Германии и в капиталистических государствах, но и дольше.

Чем больше мы знакомились с советскими условиями жизни, тем больше радовались, что уже нанесли удар. Ведь в ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество индустриальных центров, которые постепенно становились бы все более недосыгаемыми [для авиации] и создали бы Советам просто **невероятное** вооружение, в то время как Европа деградировала бы до уровня объекта советских планов мирового господства.

Потешаться над стахановской системой просто глупо. Вооружение Красной Армии — лучшее доказательство того, что эта сис-

тема, использующая менталитет русского рабочего, чрезвычайно успешна.

К Сталину тоже надо испытывать безусловное уважение. Он в своем роде — гениальный малый! Свои прообразы — Чингисхана и т. д. — он знает хорошо, а его экономическое планирование настолько всеобъемлюще, что оно, пожалуй, превзойдено только нашим четырехлетним планом. Для него [Сталина] нет сомнений о том, что в СССР, в противоположность капиталистическим странам, таким, как США, безработных быть не может. (...)

24.7. 1942 вечером
[«Вервольф»]

За ужином шеф, между прочим, заметил следующее: в этой **второй** мировой войне, как борьбе не на жизнь, а на смерть, никогда нельзя забывать: мировое еврейство после объявления войны Всемирным сионистским конгрессом* и его главарем Хаимом Вейцманом [в послании премьер-министру Англии Чемберлену] является неумолимым врагом национал-социализма, врагом № 1. С деловой точки зрения, еврейство желает владеть Европой. Европа же должна из святого эгоизма отвергнуть это поползновение, так как с расовой точки зрения еврейство тверже. После войны он решительно встанет на позицию выселения всех евреев на Мадагаскар или же в какое-нибудь иное еврейское национальное государство. (...)

Когда ему сообщают, что сегодня Литва избавлена от евреев, это очень характерно. Литва по собственному опыту узнала евреев за короткое время советского режима. У любого еврея, который, как поется в одном шлягере, «сушит свое бельишко на линии Зигфрида», после войны и следа не останется от его наглости. Пожалуй, своим небольшим престижем английский солдат обязан именно евреям. Под этой крышей антисемитизм у англо-американца куда сильнее, чем у немца, который, несмотря на негативный опыт, все никак не может избавиться от своей фразы о существовании «порядочных евреев». Ведь это именно немецкий поэт (Готтхольд Эфраим Лессинг. — *Сост.*) прославил еврея в своем «Натане Мудром», между тем как английский драматург Шекспир на вечные времена заклеил его в образе Шейлока. Сталин не скрыл от Риббентропа и того, что ждет, пока в СССР не созреет достаточно собственная интеллигенция, чтобы покончить в руководящем слое страны с еврейством, в котором пока он еще нуждается.

* Заявление Всемирного сионистского конгресса от 5 сентября 1939 г. имело вид письма будущего президента государства Израиль Хаима Вейцмана и было опубликовано в газете «Jewish Chronicle» 8 сентября того же года.

26.7.1942 г. вечером
[«Вервольф»]

(...) За ужином шеф заметил: это хорошо, что в ходе войн** миллионы немецких мужчин смогли изучить коммунизм на его советской родине. При дневном свете лицо коммунизма теряет & своей привлекательности столь же много, сколь теряет днем женщина, которую ты видел часов в одиннадцать ночи при обманчивом свете свечей, когда мужчины легко поддаются наваждению и восхищаются ею.

Подобное [коммунизму] происходит и с христианством. (...)

Эта война несет с собой то, что со временем мы покончим со всем тем, что могло бы стать для нас опасным.

Таким образом, совершенно изменится положение Англии в Европе. Если Англия и имеет какую-то европейскую миссию, то миссия эта — только гарантирование европейской безопасности на море, точно так же, как мы гарантируем ее на Востоке. (...)

За ужином шеф сказал: он искал бы компромисса с Англией на той базе, что колонии нам совершенно не нужны. Трудность представляет уже сама по себе проблема поддержания связи Великобритании с ее расположенными, скажем, в Африке колониями. Ведь сохранение таких связей требует создания военно-морских — и еще более — авиационных баз. В данный момент наше положение, с всемирно-стратегической точки зрения, для того наиболее неблагоприятно. Связь же с захваченными восточными областями, напротив, никаких трудностей не представляет, ибо с ней вполне можно справиться постройкой шоссе и железных дорог.

Наличие у нас восточных областей с их чрезвычайными сырьевыми возможностями делает ненужной потребность в колониях. Чай, пряности, сахарную свеклу, каучук мы можем получать отсюда. (...) А приобретать и осваивать колонии из-за одного только этого — неразумно.

Как рассказали генерал Шмундт и полковник Шерф 26.7 вечером, сулящее ошеломляющий успех наступление этой весной (которое Советы ожидали в районе Ростова, но никак не Воронежа) — это исключительно творение самого Гитлера. Как однажды смущенно констатировал Кейтель, согласно заповедям военной академии, это — ошибка, но ошибка, ведущая к победе.

27.7.1942 г. вечером
[«Вервольф»]

(...) За ужином шеф остановился на интригах Советов в последние годы перед войной. Совершенно очевидным было стремление Советов воздействовать на Балканы в своем духе и таким образом создать себе благоприятную базу — трамплин для прыжка против нас и против всей Европы.

Для достижения этой цели они пытались сдерживать нас казав-

цхимися просто чудесными торговыми договорами, чтобы тем самым завершить подготовку к удару против нас и перекрыть нам нефтяной кран.

То, что это было именно так, подтвердила их позиция во время **войны**. Нападение на Финляндию зимой 1939 г. не имело никакой другой цели, кроме захвата на Балтике опорных пунктов против нас. Летом 1940 г. они хотели разделаться с Румынией как нашим единственным нерусским поставщиком нефти. Но их вероломный план был подорван быстрым проведением нами кампании на Западе и окончательно сорван молниеносным походом против Югославии. Поэтому они вдруг и демаскировались, когда Сталин со словами «Мы навсегда останемся друзьями!» обнял нашего посла фон дер Шуленбурга и прервал направленные против нас советско-английские переговоры с мистером Криппсом.

Если Черчилль — шакал, то Сталин — это тигр.

Если пользу из этой политической игры извлекли мы и захватом огромных областей на Востоке получили почти все сырье, необходимое для существования нашего народа, то с нашей стороны это было правильно. Только вот никеля нам будет еще не хватать в дальнейшем, а это особенно жаль, ибо никель вообще незаменим для производства высококачественной стали. Поэтому необходимо в мирное время создать крупные запасы никеля в виде никелевых монет.

При новом преобразовании рейха мы должны всегда держать перед глазами одно: важно, чтобы государство было достаточно велико, дабы быть автаркическим. Это стало видно во время войны на примере трудностей Италии, которой не хватало угля, и Англии, существование которой было поставлено под угрозу потоплением ее кораблей.

Из книги: *Henry Picker. Hitlers Tischgesprache im Fiihrerhauptquartier*. Seewald Verlag. Stuttgart, 1963.

На русском языке впервые опубликовано составителем в газете «Вечерний клуб» от 14 декабря 1991 г., а также в журнале «Новая и новейшая история», 1992, № 4

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

*Имперский министр народного просвещения
и пропаганды*

«ВОЙНА — НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ»

Из дневников. Октябрь 1939 г. — май 1941 г.*

Йозеф Пауль Геббельс (1897 — 1945) — один из главных нацистских военных преступников и идеологов германского фашизма. Член НСДАП с 1922 г., с 1926 г. — постоянный спутник Гитлера. В 1925 — 1945 гг. возглавлял в качестве гауляйтера ее организацию в гау Берлин — Бранденбург. В 1927 — 1933 гг. издавал фашистский еженедельник «Ангрифф» («Наступление»), а затем газету «Дас райх». С 1933 г. — имперский министр народного просвещения и пропаганды. Руководил всем пропагандистским аппаратом нацистской Германии, проповедовал антикоммунизм, расизм и милитаризм. Был членом Объединенного штаба связи Гесса. Принимал активное участие в подготовке и развязывании второй мировой войны, а также в осуществлении агрессии против Советского Союза. Один из инициаторов провозглашения в 1943 г. тотальной войны против СССР. С 1930 г. — рейхслайтер НСДАП по пропаганде. В 1944 г. назначен имперским руководителем тотальной мобилизации. В качестве имперского комиссара возглавлял оборону Берлина от советских войск. По завещанию Гитлера назначен на пост рейхсканцлера. Пытался избежать безоговорочной капитуляции Германии. После вступления советских войск в Берлин вместе с женой Магдой 1 мая 1945 г. покончил самоубийством, предварительно отравив своих шестерых детей**

Война — начало всех начал

[1 939 год]

9 октября 1939 г. Понедельник.

Вчера: день отдыха. Отоспался. Изучал прессу. Мировое [общественное] мнение понемногу теряет свою остроту. Оно теперь

* Отрывки из дневников публикуются по немецкому четырехтомному изданию выборочно и со значительными сокращениями второстепенного характера. Заглавие дано составителем.

Об обстоятельствах находки дневников Геббельса за 1932 г. — начало июля 1941 г. рассказала в своей книге «Берлин, май 1945. Записки военного переводчика» (М., 1965) Елена Ржевская — в то время военный переводчик штаба 3-й ударной армии. В этой же книге ею впервые опубликованы записи из последней тетради дневников, охватывающие май — начало июля 1941 г. В своей новой книге «Геббельс. Портрет на фоне дневника» (М., 1994) Е. Ржевская приводит крупные комментированные ею фрагменты и цитаты из дневниковых записей различных лет, в частности, и относящихся к октябрю 1939 г. — началу июля 1941 г. См. также нашу публикацию дневников Геббельса за 1939 — 1941 гг. «Война — начало всех начал». — Огонек, 1991. № 33—34. *Примеч. сост.*

** Об обнаружении обгоревшего трупа Геббельса и трупов отравленных им детей, а также о захоронении его трупа и сожженного трупа Гитлера в г. Магдебурге см.: *Ржевская Е. Геббельс. С. 381—382.*

совсем не такое уж плохое. Ллойд Джордж написал для Херста статью, в которой рекомендует пойти на предложения Гитлера. Он не смог бы этого сделать, не будь в Англии налицо соответствующего настроения. Прежде всего начинают кое-что уразумевать нейтралы. Тут нам надо зацепиться. (...)

Ю октября 1939 г. Вторник.

Вчера: статья Ллойд Джорджа привлекает к себе большое внимание. Будь он еще молод и активен, Л [лойд] Дж [ордж] держал бы правительство в своих руках.

Весьма позитивная и вместе с тем враждебная союзным державам статья в «Известиях», вполне отвечающая нашей точке зрения. Предполагают, что ее написал сам Сталин. В данный момент она пришлась нам чрезвычайно кстати и будет отмечена с благодарностью. До сих пор русские все свои обещания сдерживали.

В Париже разрядка напряженности совсем невелика. Однако там уже отнюдь не так непримиримы, как прежде. Хотя пресса все еще буйствует, политические круги стали намного сдержаннее. В Лондоне тональность несколько более резкая, но им хорошо говорить: самим-то кровавых жертв придется принести гораздо меньше. Давление народов на правительства кажется весьма сильным. В США все громче и громче звучит голос насчет миротворческой миссии Рузвельта. Пожалуй, в этом нам еще придется принимать его в расчет больше, чем в данный момент. Итальянская пресса в настоящее время очень крепко поддерживает нашу позицию. Она для нас ценная подмога. Москва пусть и довольно тяжела на подъем, но все же от нее нам большая польза. Нейтралы помаленьку начинают нервничать. Они против войны, ибо в любом случае принадлежат к числу проигравших. О восстановлении старого польского государства, собственно, больше не заикается ни один человек. (...)

У фюрера. Он весьма приветствует статью Ллойд Джорджа, которую полностью приписывает его уму. Он на голову выше всех нынешних британских политиков. Он видит тяжелый кризис Британской империи. Отсюда — его откровенный язык. Фюрер тоже считает, что статья в «Известиях» написана Сталиным. Сталин — старый, прожженный революционер, ну а если что не так, то на нет и суда нет. Его диалектика показала свое превосходство^и на переговорах (в Москве в августе — сентябре 1939 г. — *Сост.*). Суждение фюрера о поляках — презрительное. Скорее животные, люди, совершенно тупы и аморфны. А наряду с этим — сословие шляхтичей, — по меньшей мере, продукт низших классов^в перемешку с арийским слоем господ. Мерзость поляков даже^и представить себе нельзя. Их способность судить о чем-либо равна нулю. Даже Липский (польский посол в Берлине. — *Сост.*)^и тот считал, что после восьми дней войны у нас наступит нервный^к кризис. Жалкий сумасброд! Фюрер не желает никакой ассимиля-

ции [немцев] с поляками. Их надо затолкать в их уменьшившее[^] государство и полностью предоставить самим себе. Если бы Гец, рих Лев* завоевал Восток (а тогдашних средств осуществления господства было для того достаточно), результатом явилась бы сильно ославленная смешанная раса. Так что лучше пусть все будет, как оно есть. Теперь мы, во всяком случае, знаем расовые законы и может направлять свою жизнь согласно им. Фюрер расценивает общее положение как весьма позитивное. Надо только уметь ждать, нельзя терять спокойствие, нельзя нервничать. (...)

11 октября 1939 г. Среда.

Военное положение без изменений. Никаких действий и на Западе. (...) Я еще раз предостерегаю в печати как от иллюзий, так и от пессимизма. Мы должны не допустить, чтобы немецкий народ соскользнул в ту или другую сторону. (...) Неожиданно по всему рейху пронесся слух: английский король и Чемберлен уходят в отставку. И Даладье — тоже. (...) Настоящий вихрь радости. В восторге целые предприятия и даже министерства, люди обнимались на улице. Я сразу же даю опровержение и передаю его по радио. Это вызывает большое разочарование. В целом то была работа Интеллидженс Сервис с целью развеять настроение в Германии. (...)

Бернард Шоу публикует весьма ехидную статью против английского правительства, он предлагает вместо гитлеризма ликвидировать черчиллизм и позволяет себе всякие дерзости. (...) Статья Шоу особенно понравилась фюреру. Шоу — один из самых остроумных насмешников в мире. О том, что хочет делать Англия, не может составить себе представление даже фюрер. Пока надо снова выждать, всякому овощу свое время. Все в движении. Что из этого выйдет? В любом случае, продолжится ли война, зависит от Лондона.

Открытие кампании «Зимней помощи» в Спортпаласте (Дворец спорта. — *Сост.*). Зал переполнен, настроение приподнятое. Я делаю краткий отчет. Затем говорит фюрер: очень спокойно, определенно и с уверенностью в своих силах. Мир или война — чего наши враги захотят, то и будет. Он готов и к тому и к другому. Масса неистовствует и воспринимает его слова с ликованием. (...)

Выступает [по радио] Даладье. Речь сравнительно мягкая. Париж хочет гарантий. Иначе дело дальше не пойдет. А в остальном речь малоагрессивна. Много из нее не выудишь. Надо подождать выступления Чемберлена. (...)

12 октября 1939 г. Четверг.

Вчера: установлено, что слухи накануне пущены из Лондона, чтобы развеять настроение немцев. Я распорядился начать **весьма**

* Генрих Лев (1129—1195) — герцог Саксонии и Баварии из рода Вельфов, один из главных организаторов германской агрессии против полабских славян. *Здесь и далее примеч. сост.*

строгое расследование, в том числе и прежних случаев мистификаций по телефону, и прикажу посадить виновных в концлагерь. Если против этого не принять своевременных мер, окажешься беззащитным от всякого распускания слухов.

Москва присоединяет Вильно к Литве в благодарность за отказ от суверенитета. А brave литовцы вывешивают по этому поводу флаги. (...)

Пресс-конференция: даю указание установить распространителей слухов. Знакомлю с полным текстом статьи Шоу. Шедевр иронии и политического сарказма. Разрешаю печатать его всей германской прессе.

У фюрера. Когда я читаю ему статью Шоу, он смеется до слез. Из этого можно кое-что сделать! Фюрер одобряет мои действия против английских лжецов. Он доволен и моими действиями в отношении распространителей слухов. Фюрер в великолепном настроении, выражающем его уверенность в победе. Обрисовывает различие между нынешним положением и 1914 годом, заявляет, что наше тогдашнее поражение было вызвано только изменой и теперь он предателей щадить не станет. (...) Пацифизм ведет к войне. При этом он находит самые резкие слова осуждения по адресу Аттолико*, который во время кризиса вел себя жалким, трусливым образом. С фюрером мы всегда будем побеждать, он сочетает в себе все добродетели великого солдата: мужество, ум, осмотрительность, гибкость, готовность идти на жертвы и полное пренебрежение к комфорту. (...) Думать, что он блефует, — огромная ошибка британской политики. Он не блефует, а, напротив, преследует свою цель, если надо, всеми средствами. Речь Даладе вызывает у него одно только презрение. Как фронтовик может героизировать армию, которая до сих пор пребывала в полном покое и вела картофельную войну! Д-р Тодт** рассказывает о положении на Западном фронте. Там царит настоящая идиллия. Каждый раз во второй половине дня артиллерия расходует предписанное количество снарядов, а затем воцаряется тишина. Это самая странная война, какую когда-либо видела история. Но мы готовы и к худшему. Тут нам очень пойдет на пользу польское трофейное оружие. Огромные груды его совершенно необозримы. Лондону придется много потрудиться, чтобы возместить хотя бы эти потери. Дойдет ли дело до настоящей мировой войны? Этого и сейчас никто сказать не может. (...)

13 октября 1939 г. Пятница.

Вчера: Финляндия ведет себя так, будто хочет всерьез оказать сопротивление Москве. Но это, пожалуй, только театральный гром. Массированные выпады германской прессы против Лондона за

* Итальянский посол в Берлине.

** Начальник военно-строительной «Организации Тодта», возводящей так называемый Западный вал.

поставки «желтого креста» (маркировка иприта. — *Сост.*), которые поляки применяли против нас. Лондон отвечает резким опровержением. Но мы готовим новую атаку. (...)

У фюрера. Он очень доволен нашими нападками на Англию. Вновь рисует нашу военную позицию. Мы стоим великолепно, и наши противники едва ли решатся на наступление. Что приду, мают Чемберлен и Даладьё? Вероятно, очень мало. Так же **мало**, как Брюнинг и Шлейхер* перед их свержением. Если они не действовали до сих пор, то как же им действовать в будущем? Их смешные артиллерийские дуэли на Западе вообще не играют никакой роли. Их военная техника устарела, а для построения новой промышленности им потребуется очень много времени. Таким образом, наши шансы хороши настолько, насколько это возможно. Если мы сами их не упустим, то победим. И мы сделаем это. Захваченное польское оружие нам очень пригодится. Мы вооружим им оккупационные войска. Вопросы оккупированной Польши обсуждены с д-ром Франком** и Зейсс-Инквартом***. (...)

14 октября 1939 г. Суббота.

Вчера: речь Чемберлена — главная тема. Наше весьма резкое неприятие ее рассматривается во всем мире как факт очень серьезный. Да, миротворцы опять принялись за свое дело.

Зашевелились нейтралы. Мы снова оказываемся в лучшей позиции, когда мира должны искать другие. Во второй половине дня мы еще раз реагируем весьма энергично массированным нападением на Черчилля*** (...)

Днем у фюрера. Он тоже рад, что теперь может выступить против Англии, и почти не верит в возможность мира. Пусть учатся на своих ошибках. В Польше военная администрация как можно скорее должна быть заменена гражданской. Военные органы слишком мягки и уступчивы. А на поляков действует только сила. (...)

15 октября 1939 г. Воскресенье.

Пресс-конференция: печать нейтральных стран начинает кричать о мире. Положению Лондона не позавидуешь. А тут еще тяжелая потеря линейного корабля (немецкая подводная лодка потопила линкор «Ройял Ок». — *Сост.*). Черчилль явно уже немного зашатался. Теперь надо его непрерывно подталкивать, чтобы свалился. Уж об этом мы позаботимся! Отныне все наше острие направляется против Англии. (...)

* Рейхсканцлеры Германии перед приходом Гитлера к власти.

** Глава германской администрации в захваченной части Польши, объявленной генерал-губернаторством.

*** Впоследствии имперский комиссар в Голландии.

••*) в то время английский морской министр.

18 октября 1939 г. Среда.

Налеты наших пикирующих бомбардировщиков на английский флот оказались успешными. Впечатление во всем мире невероятное. Черчилль лжет и несет всякую чушь. Но мы до него доберемся! Ему от нас не уйти! Не успокоимся до тех пор, пока он не будет побежден. Французы незаметно, без шума убрались с германской территории. Они, видно, заставят биться за себя англичан. Мы шадим их в прессе. Но тем резче выступаем против Англии. <...>

Выступали Чемберлен и Черчилль. Говорили о тяжелых потерях английского флота в последние дни. Одни тухлые оправдания и ложь. Это не очень-то воодушевит английский народ. <...>

20 октября 1939 г. Пятница.

(...) У фюрера. Он дает указание об использовании инцидента с Черчиллем. Тоже считает, что нам, пожалуй, удастся добиться его падения. Это было бы даже большим, чем потопление двух линкоров. И фюрер тоже никак не возьмет в толк, чего хотели достигнуть французы своей дурацкой тактикой у Западного вала. Отошли ли они по военным, политическим или психологическим причинам? Что у них, плохое настроение в армии или же они хотят бросить англичан? В Индии — буча против англичан. Мы должны попытаться мобилизовать против лондонских поджигателей войны весь мир. (...)

21 октября 1939 г. Суббота.

Вчера: граф Чиано* — против нас. Но дуче вступился за нас и дал Чиано отпор. Пакт о взаимопомощи Лондон — Париж — Анкара подписан. Однако с одной оговоркой — в отношении Москв[^] *. Несмотря на это, для нас он никоим образом не является приятным. Турция для нас в значительной мере потеряна. Лондон же, разумеется, становится еще наглее. Лондонская пресса просто лопаается от заносчивости. Но только пока. Мы ее отучим смеяться! Впрочем, Париж ведет себя насколько мыслимо сдержанно. (...)

22 октября 1939 г. Воскресенье.

Договор Анкара — Лондон — Париж — крупная тема для разговора во всем мире. В инспирированной Сталиным статье, помещенной в «Известиях», Анкара ставится на место и еще раз со-

* Министр иностранных дел Италии.

** 19 октября 1939 г. в Анкаре был подписан англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи. В протоколе № 2 говорилось, что «обязательства, принятые на себя Турцией в силу вышеупомянутого договора, не могут принудить Турцию к действию, результатом или последствием которого будет вовлечение ее в вооруженный конфликт с СССР».

вершенно четко подчеркивается германо-советская дружба*
Для нас — исключительно ценно. (...)

Вечером — у фюрера. Прием для рейхсляйтеров и гауляйтеров
Все сплошь старые, добрые камерады. Настроение — наилучшее]
Наговорились досыта. Фюрер говорил два часа. Обрисовал наше
военное и экономическое превосходство. Если дело дойдет до
борьбы, которую он считает почти неизбежной, ее надо довести
до победы всеми средствами и без пощады. Другого выбора у нас
нет. А венцом всего явится тогда великий и всеохватывающий германский народный рейх. Фюрер говорит очень ясно и очень решительно. (...)

24 октября 1939 г. Вторник.

Молотов заявил Шуленбургу, что Галифакс** сказал Майскому***, что Англия хочет заключить мир на базе нынешнего состояния, эвентуально даже с отказом от колоний, если Россия и Северная Америка гарантируют 25 лет спокойного существования. Но кто знает, так ли это на самом деле. Ведь это может быть преувеличенным, преследующим определенную цель слухом. Впрочем, мы тоже хотим работать такими методами.
<...>

Днем у фюрера. Он очень рассержен интервью, которое Свен Гедин**** опубликовал в «Ньюс кроникл» о беседе с ним. В нем тот трубит о Германии как о противнике России. Мы немедленно опровергаем это. Гедин тоже должен дать опровержение от себя лично. Разглагольствования лондонской газеты имеют лишь одну цель: посеять недоверие между нами и Москвой. О мире фюрер больше даже и не думает. Он хотел бы скрестить с Англией шпаги. Насчет Богемии [Чехии] и Моравии он никакого разговора англичан вообще не допустит. Им нечего искать на Востоке [Европы]. А урегулирование вопроса о Польше — это исключительно дело Германии и России. Вступить за Финляндию у нас нет совершенно никаких причин. Сама же Финляндия в прошедшие годы вела себя по отношению к нам столь подло, что ни о какой помощи ей и речи быть не может. Впрочем, мы должны ясно сознавать, что нейтралы внутренне — против нас. Особенно те, которые когда-то принадлежали к старому германскому рейху. Они относятся к нам, как эмигранты, у которых совесть нечиста. А потому: быть сильными и не уступать (...)

* В передовой статье газеты «Известия» от 21 октября 1939 г. «Англо-франко-турецкое соглашение» отмечалось, что «ясная и решительная позиция Советского Союза расстроила «хитроумные» планы тех, кто пытался вновь разжечь вражду между Германией и Советским Союзом».

** Министр иностранных дел Англии.

*** Посол СССР в Великобритании.

**** Пронацистски настроенный шведский писатель.

26 октября 1939 г. Четверг.

Вчера: речь Риббентропа — большая сенсация. Повсюду воспринята как окончательный разрыв [с Англией]. Теперь весь мир действительно верит в войну. Пусть так оно и будет. Тем самым атмосфера расчищена. (...)

27 октября 1939 г. Пятница.

Фюрер готовит наступление. Он очень серьезен. Весь в работе и заботах. Русские в крайне резкой ноте ставят английских политиков на место. Это срывает с англичан маску. Нота эта нам весьма кстати. Мы как следует используем ее. В Берлин для торговых переговоров прибыла русская делегация. В Москве мы заключили договор о поставке нам 1 млн тонн фуражной пшеницы. Это большой человеческий, а также и деловой успех. Чемберлен выступил в палате общин. Ничего нового, кроме еще кое-какой мелкой лжи и фантастического нахальства, но все это совершенно тухло и тупоумно. (...)

2 ноября 1939 г. Четверг.

(...) За эти два дня накопилось многое. Речь Молотова* — большая тема дня. Финляндия грозит прекращением переговоров. Но это ведь ей не поможет. (...)

3 ноября 1939 г. Пятница.

(...) Речь Молотова все еще находит весьма противоречивую оценку. Это идет от англичан, которые никак не могут избавиться от иллюзии, что Москва — на их стороне. (...)

4 ноября 1939 г. Суббота.

(...) На Западе все еще спокойно. Америка отменила эмбарго на оружие. У фабрикантов смерти развязаны руки. А американская пресса все наглеет. (...)

9 ноября 1939 г. Четверг.

(...) Коминтерн в довольно нахальном воззвании обращается к пролетарским массам с призывом бороться против «ведущей войну буржуазии». Все та же старая песня. Иногда от совместных действий с Москвой становится как-то не по себе.

Вечером в пивном зале «Бюргербройкеллер»**. Вокруг — старые камерады. Иных уже нет, многие — в серых полевых мундирах. Фюрера встречают таким ликованием, какое даже трудно себе представить. В своей речи он язвительно разделяется с Англией. Самые резкие выпады против британской разбойничьей политики.

* 31 октября 1939 г. В. М. Молотов выступил на сессии Верховного Совета СССР.

** Пивной зал в Мюнхене, где 9 ноября 1923 г. начался провалившийся нацистский путч против Веймарской республики.

Мы не капитулируем никогда. А Англия еще узнает на себе силу нашего оружия. В зале бушует бешеный восторг. Эта речь станет мировой сенсацией.

Сразу же после речи возвращаемся с фюрером в Берлин.

(...) В Нюрнберге приходит печальная весть, мне приходится вручить фюреру телеграмму. Оказывается, не успели мы покинуть пивной зал, как там произошел взрыв. Восемь убитых и 60 изувеченных. Рухнул потолок. Это чудовищно. Запрашиваю Берлин: все так и есть. (...) Покушение, несомненно, задуманное в Лондоне и, вероятно, осуществленное баварскими легитимистами*. Фюрер диктует коммюнике, которое я еще в Нюрнберге сразу же передаю для публикации. Тщательно обдумываем, кто бы это мог совершить. (...) Фюрер и все мы словно чудом избегли смерти. Пройди эта встреча, как во все предыдущие годы, строго по программе, никто из нас в живых не остался бы. В отличие от прошлых лет фюрер начал и закончил речь на полчаса раньше обычного. Он — под защитой Всемогущего и умрет только после того, как выполнит свою миссию. (...)

10 ноября 1939 г. Пятница.

Вчера: прибытие в Берлин. Геринг и Ламмерс** ожидают фюрера на вокзале. Фюрер держится вполне твердо и стойко. Уже обнаружены кое-какие следы, но ни в каком определенном направлении они не ведут. Без соучастия обслуживающего персонала «Бюргербройкеллера» это было никак не подготовить. За поимку злоумышленников назначено вознаграждение в 100 тыс. марок. Сразу же — на пресс-конференцию. Излагаю суть дела и даю точные директивы по его освещению. В Лондоне и Париже покушение изображают в чертовски гнусном виде. По обыкновению, пытаются приписать вину нам самим. Но против этого я пускаю в ход всю мощь германской прессы. (...) Мировая печать клопочет и воет. Но с ней-то мы уж как-нибудь справимся. (...)

11 ноября 1939 г. Суббота.

Вчера: (...) у фюрера. (...) Нейтралы боятся нас. Надо обращаться с ними пожестче, чтобы научились уважать рейх. Русская армия большой ценности пока не имеет. Плохо руководима и еще хуже оснащена и вооружена. Нам ее помощь оружием не нужна. Хорошо только то, что нам не надо вести войну на два фронта. А Англия как раз и планировала ее. Зато Чехия добровольно отдала нам свое вооружение, а в Польше мы его забрали сами. Теперь перед нами стоят только западные державы. Финляндия хнычет, что мы ей не помогаем. Но лимитрофы никогда не помогали нам, в Лиге Наций всегда голосовали против нас, а сегодня притихли только из страха. (...)

* Странники восстановления баварской монархии.

** Начальник Имперской канцелярии.

12 ноября 1939 г. Воскресенье.

(...) У нейтралов большой страх перед германским вторжением. Я взираю на это спокойно и не опровергаю. В Америке гравля нас в печати весьма заметно усиливается. В конечном счете Рузвельта пригонят к войне. Над этим непосредственно трудятся евреи. (...)

13 ноября 1939 г. Понедельник.

(...) Париж и Лондон, как и ожидалось, ответили на бельгийско-голландское обращение негативно*. Тем самым они избавляют нас от неприятного ответа. Следовательно: война! Значит, надо собрать все силы и беречь нервы... (...)

14 ноября 1939 г. Вторник.

У фюрера. Он вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии. Ее едва ли можно использовать для боевых действий. Отсюда, видно, и такое упорство финнов. Вероятно, и интеллектуальный уровень среднего русского тоже препятствует современному вооружению. В России, как и повсюду где-нибудь в другом месте, централизм как отец бюрократии — враг всякого развития личности. Там нет больше никакой частной инициативы. Отсюда и крестьяне, которые только и делают, что лодырничают. Затем невозделанные поля снова пришлось объединить в своего рода государственные домены. То же самое происходит и в промышленности. Тот же самый порок оказывает свое воздействие на всю страну и делает ее неспособной правильно применить все ее силы. Хорошенького же союзничка мы себе выискали! (...)

17 ноября 1939 г. Пятница.

Вчера: в политике и на фронтах затишье перед бурей. Но все-таки напряженное и чуть тревожное ожидание.

18 ноября 1939 г. Суббота.

Вчера: на Западе без перемен. Но все застыло в ожидании первого удара. Лондон и Париж все еще ведут себя нагло. Но за этим скрывается голый страх. Мы во все возрастающей мере разъясняем общественности, что о мире не может быть и речи. (...)

28 ноября 1939 г. Вторник.

(...) Конфликт Москва — Финляндия сложен. Большевики утверждают, что финны обстреляли их территорию. Ха-ха-ха! С этим они связывают сформулированный с некоторыми оговорками ультиматум об отводе финских войск на 15 километров от границы. Финны упираются. (...)

* В ноябре 1939 г. бельгийский король Леопольд III и королева Нидерландов Вильгельмина обратились к Англии, Франции и Германии с призывом о заключении мира.

30 ноября 1939 г. Четверг,

(...) Конфликт Финляндия — Москва, кажется, становится серьезным. (...)

2 декабря 1939 г. Суббота,

Русско-финская война уже бушует. Правительство Финляндии подало в отставку. Москва учреждает на границе контрправительство. (...) Лондон и Париж неистовствуют, однако заявляют, впрочем, что помочь Финляндии не могут. Слишком сильно они заняты нами. (...)

3 декабря 1939 г. Воскресенье.

Москва массированно наступает на Финляндию. Бомбы падают на Хельсинки. Комедия с коммунистическим контрправительством. Мировая совесть негодует. (...)

4 декабря 1939 г. Понедельник.

Вчера: в политике и на фронтах почти ничего нового. Москва заключила с посаженным ею самым новым коммунистическим правительством Финляндии весьма изощренно составленный договор сроком на 15 лет. Хороший шахматный ход! Теперь официально правительству приходится очень туго. Тем не менее война продолжается. Но Россия, как ожидается, будет продвигаться вперед не особенно быстро. Ее армия стоит немногого. (...)

12 декабря 1939 г. Вторник.

Русские в борьбе против Финляндии застряли. Но они опубликовали очень резкое заявление против английской блокады экспорта. (...)

Днем у фюрера. Русские не продвигаются в Финляндии ни на шаг. Что ж, это хорошо, ибо таким образом они пока заняты. (...)

22 декабря 1939 г. Пятница.

Вчера (...) Сталин отмечает свое 60-летие. Фюрер поздравляет его телеграммой. Краткие статьи в германской печати. Своего рода танец среди разложенных яиц. Слабые бои между русскими и финнами. Русские продвигаются медленно. Но, кажется, они все-таки своего добьются. (...)

29 декабря 1939 г. Пятница.

(...) Вопрос о России весьма интересует фюрера. Сталин — типичный русский азиатского типа. Большевизм уничтожил в России западноевропейский руководящий слой. Он один был в состоянии сделать этот гигантский колосс способным действовать. Хорошо, что этого сегодня уже нет. Россия остается Россией, кто бы ею ни правил. Мы можем радоваться, что у Москвы руки заняты. Распространения большевизма на Западную Европу мы сумеем не допустить. (...)

[1940 год]

1 января 1940 г. Понедельник.

(...) Фюрер обращается с новогодними призывами к партии и вермахту. Дает обзор года. «Они хотят войны, они ее получат!» для всего мира больше никакого сомнения в этом нет. (...)

3 января 1940 г. Среда.

(...) Надо сильнее подчеркивать понятие «плутократия». Под знаком этого понятия мы хотим победить. (...)

6 января 1940 г. Суббота.

(...) С Риббентропом никакое лояльное сотрудничество невозможно. (...)

7 января 1940 г. Воскресенье.

(...) Русские крепко завязли в Финляндии. (...)

14 января 1940 г. Воскресенье.

(...) Наше торговое соглашение с Россией находит сильный отзыв во всем мире. (...)

15 января 1940 г. Понедельник.

(...) Почти никаких новостей ни внутри страны, ни за границей. Повсюду затишье перед бурей. (...)

16 января 1940 г. Вторник.

(...) У фюрера. (...) Для наступления нам нужна, по меньшей мере, хорошая погода. Фюрер высказывает свои соображения в самой широкой взаимосвязи явлений. (...) Только когда назад пути нет, становишься вполне храбрым и приходит то мужество, которое требуется для самых крупных решений. А когда путь назад еще не отрезан, легко струсить в часы тяжелых испытаний. Так дело обстоит и в нынешней ситуации. Это применимо и к нашей политике в Польше. Мы просто не смеем проиграть войну. На это должны быть направлены все наши помыслы и действия. Фюрер указывает при этом на Бисмарка. Какие решения приходилось принимать ему! Но прежде всего — Фридрих Великий. Он вообще возвышается над всеми фигурами прусско-германской истории. Он впервые превратил Германию в историческое понятие. Перед его величием все мы должны смиренно повергаться в прах. Решающим для исторического гения служат не те обстоятельства, ^в которых он действует, а то мужество, та храбрость, с которыми ^{он} противостоит всем опасностям. (...)

19 января 1940 г. Пятница.

(...) Русские совсем застряли в Финляндии при этих сибирских морозах. Второго фронта в обозримое время бояться не приводится. (...)

22 января 1940 г. Понедельник,

(...) Московская пресса оказывает нам великолепную помощь, в борьбе против Лондона. По всей видимости, русские находятся в отчаянном положении. (...)

23 января 1940 г. Вторник.

Вчера: (...) очень пессимистические сообщения о положении в Советской России. Боевая ценность Москвы весьма незначительна.

(...) Принят японский посол*. Дипломатический нуль. В настоящее время нам ждать от Японии многого не приходится. Генерал Огима был мне как посол больше по душе. (...) Рим несколько нервничает из-за Москвы. Но в остальном тверд.

Финская кампания, а особенно наблюдающиеся до сих пор неудачи очень навредили России. Особенно глупости с правительством Куусинена. (...)

Вчера: (...) речь Черчилля с угрозой по адресу нейтралов привлекает к себе огромное внимание. Старый лис опять сделал ошибку. Его угрожающая речь вызвала бурю возмущения во всем мире. (...)

24 января 1940 г. Среда.

(...) Не хотим оказывать маленьким карликовым государствам никакой помощи. Они заслужили того, чтобы вообще исчезнуть. Подробная беседа с адмиралом Канарисом** о шпионаже и контрразведке. Нам еще предстоит сделать в этой области массу вещей. (...)

25 января 1940 г. Четверг.

(...) Броненосец «Дойчланд» переименован в «Лютцов». Наполовину готовый «Лютцов» мы продали России. В данный момент мы строим почти исключительно подводные лодки. Тем самым мы достигаем наибольшего результата. (...)

26 января 1940 г. Пятница.

(...) В Кёльне, не сохраняя никакой тайны, говорят о предстоящем прорыве германских войск. Райхенау*** считает морозную погоду для него неподходящей. При более или менее благоприятных погодных условиях полагает осуществить прорыв за 14 дней. Пожалуй, это слишком оптимистично. (...)

28 января 1940 г. Воскресенье.

(...) Италия испытывает опасения насчет нашей политики в отношении России. (...)

* Курусу.

** Начальник абвера (военной разведки и контрразведки вермахта).

*** Командующий 6-й армией.

3| января 1940 г. Среда.

(...) Условия жизни в генерал-губернаторстве отнюдь не розовы. Весьма бедственное положение населения, к тому же вновь оживающая нелегальная деятельность поляков. (...)

Вчера: (...) у фюрера. Он настроен очень воинственно. Едем в Спортпаласт. Дворец переполнен. Кольшащееся людское море, бурный восторг. Уже после моей приветственной речи шквал оваций. Затем говорит фюрер. Резкое сведение счетов с Лондоном, а также с Парижем. Решимость добиться победы. Самая твердая уверенность в ней. Зал ликует. Царит то истинное настроение, которое присуще митингам в Спортпаласте. В заключение — песня о борьбе с Англией. Фюрер очень доволен. Потом долго сидим в Партийной канцелярии. Гиммлер излагает мне свои планы переселения целых народов. (...)

4 февраля 1940 г. Воскресенье.

(...) Фюрер издает указ о мерах, касающихся областей, подлежащих завоеванию. Все это должно осуществляться с соблюдением строжайшей дисциплины, ибо иначе возникнут серьезные опасности. (...)

5 февраля 1940 г. Понедельник.

(...) Москва говорит с Римом весьма агрессивным языком. Это чувствительная брешь в наших расчетах. При этом Италию упрекают в неблагодарности и неверности. Все это — вода на итальянскую мельницу. На фронтах, естественно, абсолютная тишина: при такой погоде никакие операции невозможны. (...)

8 февраля 1940 г. Четверг.

(...) Англичане все более открыто определяют цели своей войны. Нам это может быть только на руку. Мы реагируем на это соответственно резко. (...)

И февраля 1940 г. Воскресенье.

(...) Рузвельт шлет Уэллеса* во все воюющие державы. Мирное наступление, предпринятое явно по внутривосточным причинам. Довольно поздно, полагаю я. Время для того было после речи фюрера о мире. Мы должны теперь оперировать ловко, чтобы с угодить в эту чертову западню. (...)

14 февраля 1940 г. Среда.

Вчера: 20° мороза. Положение с углем катастрофическое. Сибирь в Германии. Будем надеяться, что мы получим кое-что от Русских. (...)

* Заместитель государственного секретаря США.

16 февраля 1940 г. Пятница.

(...) Наша пропаганда в нейтральных странах больше уже не действует как следует. Друзей у нас там немного. Все пойдет куда лучше, как только мы снова начнем сражаться и побеждать. (\

Я принимаю меры по обеспечению беременных женщин. Это весьма необходимо. Женщины тоже ведут войну, рожая детей.

17 февраля 1940 г. Суббота.

(...) Риббентроп в письменной форме пожаловался на меня фюреру. Но тот дал ему от ворот поворот. По его [Риббентропа] мнению, все должно быть подчинено внешней политике. Весьма забавное представление! (...)

21 февраля 1940 г. Среда.

(...) Норвежский министр иностранных дел произносит речь, полностью отвечающую нашей точке зрения. Англичане огромными глупостями еще более ухудшают свою позицию. (...)

25 февраля 1940 г. Воскресенье.

(...) Фюрер произносит речь в Мюнхене. Весьма сильное обобщение нынешнего положения. Чемберлен излагает английские цели войны — старый треп. (...)

5 марта 1940 г. Вторник.

(...) У фюрера. Он в наилучшем настроении. Его беседа с Самнером Уэллесом прошла хорошо. Фюрер действовал тактически чрезвычайно ловко. Ну, скоро увидим, как отреагируют англичане. (...)

6 марта 1940 г. Среда.

(...) Редер* дал весьма ясное интервью насчет войны на море. Этим все сказано. Предназначено прежде всего для Америки. Римская пресса выступает против Лондона. В остальном же Муссолини пока выжидает. Торпедированы танкеры водоизмещением 18 300 тонн. Бедная Англия со своим сырьем и своим флотом!

8 марта 1940 г. Пятница.

(...) У фюрера. (...) Обсудили многие военные вопросы. В этих делах он абсолютный специалист. Нападение на наш Западный вал полностью исключено. На это враг никогда и не рассчитывал. Считал, что мы прочно завязнем в Польше, делал ставку на внутреннюю революцию, переоценивал блокаду и т. д. И в остальном тоже — никакого ясного представления о войне. Отсюда и отсутствие направляющей линии в его ведении войны, а также вечные, действующие на нервы надувательства. Италия, к сожалению, против Англии очень слаба. Муссолини, как кажется, находится под

* Гросс-адмирал, командующий военно-морским флотом.

сильным давлением королевского дома, там кристаллизуются все **слабаки**. Он должен апеллировать к народу и оказать Лондону **сопротивление**. Иначе он все больше и больше теряет свой престиж, династии — это проклятие для любой большой политики! Так можно Италию и потерять. А как с ее колониями? После **выигранной** войны она получит их в двойном или тройном размере. Но если проявляют слабость в самом начале, она по большей части дает себя знать и в конце. А ведь что мог бы натворить сегодня **храбрый** Муссолини со своим подводным флотом! Так почему же он не действует? Почему, несмотря на это, поднимает страшный шум? Фюрер очень негодует по поводу такой позиции. Муссолини, да действуй же наконец! Крах в Палестине. Неразбериха в Индии. **Кавардак** в самой Англии. Чего еще ему ждать, чтобы использовать благоприятный случай? В Париже и Лондоне значительное отрезвление в их довольно-таки приукрашенной информационной политике. Это дело у нас поставлено лучше. Швейцария строит нам золотые мосты. (...)

9 марта 1940 г. Суббота.

(...) Финляндия ведет переговоры с Москвой о мире. Подробностей еще нет. Но в Лондоне очень обескуражены. Мы стоим пока с ружьем к ноге. (...)

10 марта 1940 г. Воскресенье.

Вчера: (...) Риббентроп выехал в Рим. Будем надеяться, чего-нибудь да добьется. Но Муссолини приходится тяжело из-за внутриполитических препятствий. Мирные переговоры Россия — Финляндия вступили в решающую стадию. Мы широко посредничали в этом деле и сильно в нем участвуем. Во всем обеспечивается большая секретность. В Лондоне и Париже неистовствуют. Ведь там так хотели, воспользовавшись историей с Финляндией, распространить войну на Скандинавию. В нашей прессе мы насчет этой темы помалкиваем. Только не суетиться и не растоптать снова нежные ростки мира! Но мы должны обеспечить себе тыл против Англии. (...)

И марта 1940 г. Понедельник.

(...) Возня вокруг заключения мира продолжается. Лондон и Париж подстрекают к дальнейшей войне. Визит Риббентропа вызывает большой интерес. В Лондоне распространяются слухи о мире: совесть нечиста. (...) Муссолини пожинает плоды своей слабости. (...) Невероятная суэта вокруг истории с Финляндией. Мы и дальше проявляем сдержанность. (...)

*2 марта 1940 г. Вторник.

Вчера: (...) речь фюрера привлекает к себе большое внимание всего мира. Знак нашей воли к победе. Обобщенное изложение военных целей других стран. Эту торпеду я выпущу в подходящий

момент. (...) Финляндия ведет переговоры с Москвой. Кажется будет достигнуто соглашение. Мы по-прежнему сохраняем сдержанность. Риббентроп посетил папу и короля. Известий пока никаких нет. Надо дожидаться его возвращения. (...)

13 марта 1940 г. Среда.

(...) В Риме — частичный успех. Глубокое впечатление на Муссолини. Он ждет своего часа. Во всяком случае, кажется, увидел, что должен вскоре начать действовать, если хочет что-нибудь приобрести. Итальянская пресса весьма прилична, но не слишком радикальна. Там все еще пребывают в нерешительности.

Переговоры в Москве продвигаются хорошо. Хотя Гельсингфорсу (Хельсинки. — *Сост.*) приходится нести ущерб, дело, как кажется, идет к миру. Это было бы в данный момент хорошо. Чемберлен обещал Финляндии помощь, если та запросит, но вызвал этим лишь гомерический хохот. Никто в мире ни единому слову англичан больше не верит. Они стараются из эгоистических соображений расширить войну. И Риму тоже стремятся встать поперек дороги. Но все это им больше не поможет! Мы храним абсолютную сдержанность. Только что передали на Америку опровержение насчет того, будто бы Риббентроп предложил Ватикану крестовый поход против большевизма. Это — подлый маневр с целью помешать нам. (...)

14 марта 1940 г. Четверг.

Вчера: мир России с Финляндией подписан. Финляндия хотя и понесла немалый ущерб, все-таки отделалась хорошим синяком под глазом. Для нас — большая дипломатическая победа. В Лондоне и Париже словно оцепенели. У нас великолепная пресса, и мы хорошо используем это. Нанесем такой удар, что только пух и перья полетят. (...) В Лондоне и Париже царит траур. (...)

15 марта 1940 г. Пятница.

(...) Вопрос о Финляндии все еще заслоняет все другие. Повсюду воспринимается как тяжелое поражение западных держав. В Лондоне и Париже несут бессмысленную ложь. При этом делают одну глупость за другой. Плутократия демаскирует себя. Она показывает свои зияющие раны, а мы непрерывно сыплем на них перец. (...)

У фюрера. Там находится Колин Росс. Очень симпатичный человек. Рассказывает о своих поездках: Япония увязла в Китае. Вперед уже не продвигается. Слишком велики пространства. Чан Кайши — великий и выдающийся человек. До тех пор, пока он там, капитуляции не будет. Он может ждать, а Япония — нет. Вмешаться в какой-либо другой конфликт Япония — это **можно** гарантировать — сейчас не помышляет. На мир с Чан Кайши она не пойдет, ибо должна сохранить свое лицо. В общем и целом оценка эта правильна.

Россию Росс рисует как просто безотрадную страну. Нигде ни улыбки, ни радости. Несмотря на это, Сталин пользуется популярностью. Ведь он — единственная надежда. Наследник Петра Великого. Представитель панславизма. Вероятно, мы, германцы, никогда не поймем этих славян! Сталин для русских — папаша, да то, что он, как заботливый садовник, отрезает слишком разросшиеся ветки, то есть ликвидирует генералов и журналистов, это заложено в самой сущности большевизма. Ведь он не желает терпеть рядом никаких выдающихся людей. В этом отношении он диаметрально расходится с нами, желающими иметь личности и культивирующими их. Немцы работают, чтобы создать себе лучшую жизнь. Русские, пожалуй, такого побуждения не имеют. Впрочем, это очень хорошо, что у русских нет больше германского руководства: так они никогда не смогут стать опасны для нас. А если Сталин расстреливает своих генералов, то нам это делать ни к чему. Не ликвидирует ли Сталин постепенно и евреев? Вероятно, он только для того, чтобы ввести в заблуждение весь мир, называет их троцкистами. Кто знает? Во всяком случае, мы с Россией — союзники. До сих пор мы имели от этого только выгоду. Фюрер увидел Сталина в одном кинофильме, и тот сразу стал ему симпатичен. Тогда, собственно, и началась германо-русская коалиция. (...)

16 марта 1940 г. Суббота.

Вчера: (...) дальнейшие переговоры с Италией. Муссолини высказывается теперь посильнее. Письмо фюрера произвело здесь действие, подобное чуду. Риббентроп еще раз встречается с Чиано. Если бы только у Муссолини были развязаны руки! (...)

(...) Что нам за дело в конечном счете до того, каков социальный и культурный уровень московского большевизма! Но таким образом мы имеем войну только на одном фронте. Мы хотим сделать Германию сильной и великой, а вовсе не преследовать утопические планы улучшения мира. (...)

19 марта 1940 г. Вторник.

Вчера: все отступает на второй план перед беседой фюрера с дуче на Бреннерском перевале. Она начинается в 10 часов утра и продолжается весь день. Мы не очень-то подаем ее в печати, так как это вызовет безумную миротворческую возню западных держав. А мы в этом в данный момент никак не заинтересованы. (...)

К концу дня уже получаю сообщение: все прошло хорошо. Муссолини снова показал себя настоящим мужчиной. В его союзничестве сомневаться не приходится. В решающий момент он пойдет вместе с нами. Мы снова ориентируем всю германскую Прессу на ось. А в остальном теперь надо глушить западные мирные фанфары. Победа — это вам не гнилой компромисс, она должна быть результатом войны! Англию надо поставить на колени. (...)

22 марта 1940 г. Пятница.

Вчера: (...) преемник Даладьё—Рейно. Тоже выступил речью. (...) Кабинет подстрекателей к войне, причем самого ^{Яв}ного характера. Так мы его немецкому народу и преподноси[^] Мы и впредь даем энергичный отпор протянутым к нам щупальц^{ак} в поисках мира. Хотим воевать до победы. (...)

(...) У фюрера. Он иронизирует над англичанами. Они уже ц сами не знают, как выбраться из отчаянной ситуации. И францу[^]зы — тоже. Ни плана, ни ясной цели. Сами не знают, чего, **соб-**ственно, хотят. Кто берет в свои союзники и заправила евреев тот всегда бьет мимо цели. Западные державы ждет жуткое про-буждение. (...)

24 марта 1940 г. Воскресенье.

Вчера: Рейно правит, имея большинство в один голос. И тем не менее произносит энергичную, воинственную речь. Делает уни-женные поклоны Лондону. Твердит одно и то же: война, война, война! Этому человеку, вероятно, очень скоро могут оказать по-мощь. Я приказываю германской прессе отделать его по всем пра-вилам. (...) Все-таки кое-какой прогресс есть. США, кажется, по крайней мере пока, хотят остаться вне войны. (...)

27 марта 1940 г. Среда.

(...) Наше радио должно вещать еще популярнее. И вечно повторять наши термины. Мы говорим и пишем не для интелли-гентов, а для народа. А тут надо действовать совершенно прими-тивно. Народ хочет, чтобы побольше обращались не к его интел-лекту, а к его чувствам. Наши образованные люди слишком часто забывают об этом. Нью-йоркские газеты констатируют, что наша антиплутократическая пропаганда против Даладьё привела к его падению. Теперь в Лондоне пропагандируют расширение войны на Юго-Восток Европы. Но там мы имеем на своей стороне Ита-лию. Тем не менее мы сразу же трубим тревогу. А Рим с этим соглашается. (...)

30 марта 1940 г. Суббота.

(...) У фюрера. Он снова весьма доволен нашей работой. Осо-бенно хороша наша работа на Францию.

31 марта 1940 г. Воскресенье.

Вчера: (...) выступил Молотов. Твердо держаться за герман-скую дружбу, занимать резкую позицию против западных **держав**. Предостережение по адресу Румынии насчет Бессарабии. В общем и целом мы можем быть довольны. (...) Наше **дипломатическое** положение в настоящий момент замечательно. (...)

1 апреля 1940 г. Понедельник.

Вчера: (...) опубликование польских секретных документов* привлекает огромное внимание всего мира. Американские дипломаты во главе с самим Рузвельтом сильнейшим образом скомпрометированы. Они отчаянно отбиваются ловкими опровержениями, но им ничто не поможет. Изоляционисты в США, как и ожидаюсь, шумят. Весьма выгодное усиление нашей позиции. Рузвельту теперь будет очень тяжело вмешаться в войну. А это, собственно говоря, и было нашей целью. Для нас — еще одна выигранная битва. Выступил Черчилль. Сплошная ложь. Резкие нападки на нейтралов. Но тоже высказал мысль, что война стала бы очень суровой и тяжелой. У Черчилля хороший стиль. Человек с большим даром, но бесхарактерный и бесхребетный. Деградивовавший гений. А как таковой — и не очень опасный.

(...) Наша публикация документов вызвала в международном общественном мнении настоящую панику. В Америке лепечут одни тухлые отговорки, в Лондоне — отмалчиваются. Однако мы должны быть готовы к контрударам, и мы к ним готовы. Но в данный момент ведем по всей линии мы. Большой триумф для германской пропаганды войны, инициатива действий — снова в наших руках. Нельзя не порадоваться этому ото всей души. (...)

2 апреля 1940 г. Вторник.

Документы по-прежнему привлекают к себе большое внимание. В Америке страстная борьба «за» и «против». В своих комментариях мы очень сдержанны, чтобы не помешать этому процессу. Должны оставаться зрителями со стороны. У Рузвельта — черные дни. Поделом ему! В Лондоне и Париже бушуют. А в остальном весь мир на нашей стороне и в ужасе от той пропасти, в которую он заглянул. Германская пресса помещает блестящие комментарии. Мастерская тактика. (...)

3 апреля 1940 г. Среда.

(...) Польские документы еще более усилили свое воздействие. Подлинность их оспаривается только в Лондоне. Рузвельт в большом затруднении. Оппозиция в лице изоляционистов наносит ему мощные удары. Шум на весь мир. Теперь к этому присоединилась и Москва. Большая враждебность к Чемберлену со стороны лейбористской партии. Мы акцентируем это социальными аргументами. Тут плутократы наиболее уязвимы. В эту точку мы и бьем неустанно. Капля камень точит. Рейно сфотографировался вместе с Самнером Уэллесом перед географической картой, изображающей новую Европу: полностью расчлененную. Поделены также и Италия, и Югославия. Это — вода на нашу мельницу. Радио должно несколько популяризировать наше военное командование.

* Речь идет о сборнике тенденциозно подобранных дипломатических документов кануна второй мировой войны, изданных в Германии весной 1940 г.

Попытка сделать это с Рундштедтом* не удалась: слишком у^
сух и по-генштабистски высокомерен. (...)

4 апреля 1940 г. Четверг.

(...) Фюрер считает, что Италия вскоре вступит в войну. Дай-
то боже! (...)

5 апреля 1940 г. Пятница.

Вчера: английский кабинет переформирован. Теперь Черчиллю
поручена вся оборона. Итак, мечта его сбылась. Вне всякого
сомнения, ужесточение и обострение британского ведения войны.
Подождем, что из этого выйдет. (...)

9 апреля 1940 г. Вторник.

(...) Париж и Лондон направляют свою лицемерную ноту Нор-
вегии. Они хотят минировать норвежские территориальные воды.
Мера против германского судоходства, которая так и подается
ими. Это — тот трамплин, который мы искали. О святая простота!
Я кое-что притормозу в германской прессе: не снимать маску
слишком рано, избегать чрезмерной резкости, пока англичане не
наделяют несколько глупостей. В Лондоне в данный момент пра-
вит самый тупоумнейший сброд, какой только бывал под этим
солнцем. (...)

(...) Фюрер в наилучшем настроении. Хвалит близорукость
англичан. (...) Фюрер весьма недоволен позицией Венгрии. Ма-
дьяры чертовски юлят и лицемерят. Мы говорим с ним о ведении войны
англичанами и французами. Оно совершенно непонятно.

16 апреля 1940 г. Вторник.

(...) Наши потери у Нарвика значительны. Вопрос, сможем ли
мы там удержаться. Англичане хотят силой добиться престижного
успеха. (...)

21 апреля 1940 г. Воскресенье.

(...) Вчера: еду к фюреру поздравить его с днем рождения.
Желаю ему еще многих десятилетий жизни. Большое застольное
общество. Фюрер без конца шутит и блистает остроумием. Затем
в более узком кругу обсуждаются вопросы большой политики.
Италия, кажется, все-таки хочет вступить в войну. Да иначе она
поступить и не может. Сейчас Муссолини занят тем, что **распалает**
свой народ. Англия совершенно не сознает всю серьезность своего
положения. Фюрер намерен нокаутировать ее. Тем не менее он
сегодня же заключил бы с ней мир. Условия: Англия уходит из
Европы и возвращает нам колонии в округленном виде. **На** это
стоило бы посмотреть! Он вовсе не желает уничтожить Англию
и разрушить ее империю. **Но** мы должны иметь покой. Чтобы

* В то время командующий группой армий «А», генерал-полковник.

не приходилось ждать новой войны. Норвегия была бы превращена в своего рода сверх-Сингапур. Тогда бы у Лондона пропало желание воевать. То, что в сентябре [1939 г. — *Сост.*] — Италия не действовала вместе с нами, это хорошо, ибо иначе Англия отпрягла бы. А через три — пять лет все началось бы сначала при несравненно более благоприятных для Англии обстоятельствах. Если уж воевать, то теперь. Авиация революционизировала все ведение войны. Ну а в этом отношении мы — впереди. Без войны мы осуществляли бы совершенно неправильную программу развития военно-морского флота. Ведь теперь большие посудины еще долго не сравнятся с авиацией. В этом мы сегодня убедились. Значит, так держать! Но фюрер настаивает на том, чтобы военные действия начались как можно скорее. Ждать мы больше не можем и не хотим. (...)

25 апреля 1940 г. Четверг.

(...) Фюрер излагает свои планы. Франция должна быть разгромлена. Тем самым Лондон потеряет свою континентальную шпату. Тогда Англия бессильна. Разгром Франции — это и акт исторической справедливости. (...) В Италии же мы нуждаемся гораздо больше в условиях мира, чем во время войны. Хорошо, если она, как и следует полагать, вступит в нее. Но после войны Италия необходима нам против Франции. (...) Атакуют ли нас Лондон, судя по положению вещей, сейчас? В ответ фюрер только смеется. Ни в коем разе! Но надо предоставить судьбе идти своим путем. Когда же начнется на Западе? Это всего лишь вопрос погоды и целесообразности. (...)

27 апреля 1940 г. Суббота.

(...) Фюрер счастлив, что зима идет к концу. Зимой, по крайней мере на Западе, наступление предпринять нельзя. Снег и мороз — союзники обороняющегося, а не нападающего. Теперь все по-другому, и мы только ждем подходящего момента сдвинуть Дело с мертвой точки. Ждем с настоящим нетерпением. Когда-нибудь надо же начать действовать! А иначе время станет союзником другого. (...) В Лондоне широко распространяется пессимизм. Из Рима приходят новые сообщения. Муссолини решил на войну. Он только ожидает своего часа. Со времени Бреннерской встречи он убежден в нашей победе. (...)

28 апреля 1940 г. Воскресенье.

Вчера: в Лондоне постепенно замечают, в какой ситуации находятся. Жалкий лепет, но вместе с тем и глубоко пессимистические голоса. Людям становится ясно значение предстоящего поражения. На сей счет нейтральная заграница не питает никаких сомнений. Очень резкие голоса из Америки. Италия смотрит на всех свысока. Наша победа, особенно в психологическом отношении, носит всеобщий характер. Наше наступление [в Норвегии] идет плано-

мерно. Тронхейм почти достигнут. Суровы, но успешны для нас бои у Нарвика. Там мы покончим с норвежцами. Их боевой дух не особенно высок. Испытывают большую ярость против англичан. Мы усиливаем пораженческие настроения в Норвегии также своими радиопередачами. На Англию и Францию они тоже здоровы, но наперчены. (...)

1 мая 1940 г. Среда.

(...) У фюрера. Как раз приходит сообщение, что установлена связь между Осло и Тронхеймом. Это — удар кулаком в британскую рожу. Фюрер сверхсчастлив. Ведь это — сказочный успех! (...) Мы через Рим затеваем небольшую интригу против Черчилля. То-то старик удивится! Полностью сваливаем на него поражение в норвежской операции. Я закручиваю это дело как только могу. Хотим бросить в харю плутократам их наглую ложь. Продолжительная беседа с фюрером о положении вообще. Он безгранично счастлив. (...) В Лондоне — настроение полнейшего банкротства. (...) Это успех, но отнюдь далеко не победа. Во имя нее еще надо принести немалые жертвы и пережить в борьбе кое-какие тяжелые часы. (...)

2 мая 1940 г. Четверг.

Вчера: (...) фюрер в прекрасном и впечатляющем обращении благодарит войска, сражающиеся в Норвегии. На противной стороне царит ожидание страшного краха. (...) По опыту известно, что виновник войны всегда тот, кто ее проиграл. Нью-Йорк подтверждает нашу крупную победу льстивым признанием заслуг нашего политического и военного руководства. Это уже кое-что. Италия храбро стоит на нашей стороне. Римская пресса пишет почти то же, что и берлинская. Только Ватикан пускает торпеду против вступления Италии в войну. Но нас это мало волнует. (...) Какое прекрасное и многообещающее 1 мая! Наш урожай уже созревает. (...)

3 мая 1940 г. Пятница.

(...) В Лондоне и Париже в результате норвежского поражения серьезный правительственный кризис. Переживут ли его Чемберлен и Рейно? Уже призывают на помощь Ллойд Джорджа. Но и он мало чем поможет. Тогда (в первую мировую войну. — *Сост.*) он победил потому, что ему противостоял Вильгельм II, а не Адольф Гитлер. (...)

4 мая 1940 г. Суббота.

Вчера: английское поражение теперь стало полным. Речь Черчилля в палате общин произвела во всем мире впечатление удара дубиной по башке. (...) Мы ответили на нее с насмешкой превосходства. Америка полностью придерживается нашего взгляда. Нейтральный мир единодушно выступает против Лондона. **Италия**

сильнейшим образом на нашей стороне. Говорят о правительственном кризисе в Лондоне. Преемником называют даже Ллойд Джорджа. Военное положение развивается планомерно. Наша взяла. Но мы не подарим англичанам ничего ни в пропагандистском, ни в военном отношении. (...)

У фюрера. (...) Фюрер оценивает военное положение весьма оптимистически. Насмехается над гнилыми увертками англичан. Цо ожидает, что однажды они где-нибудь да подстроят нам ловушку. Ведь Черчилль совершенно непредсказуем. Значит, надо быть начеку! (...) Фюрер говорит об этой войне как о втором акте первой мировой войны. В ней тогда просто победила не та, какая следует, сторона. Мы притязали на победу на основании всех мыслимых предпосылок, но оказались слабы. А теперь мы должны все наверстать. Это должно стать последней европейской войной. За ней последует абсолютная германская гегемония. (...)

5 мая 1940 г. Воскресенье.

Вчера: (...) вся Южная и Центральная Норвегия в наших руках. (...) Англичане убралась, даже не поставив норвежцев в известность. Чисто по-английски! Мы всячески раздуваем это. Американская пресса тоже подает это как сенсационное известие. Английскому престижу во всем мире нанесен чудовищный удар. Ничто британцам подарено не будет. Нью-Йорк безгранично восхищается нашими ратными деяниями. Рейх на коне с точки зрения мировой моральной и военной оценки. Планы англичан по расширению войны в Средиземном море, на Балканах продолжают и далее оставаться крупной темой. Мы используем все, что можно, в своих попытках разжечь огонь. (...) Немецкий народ ожидает объявления Римом войны западным державам. Но до этого дело еще не дошло. Муссолини пока еще взвешивает. (...) Решать все будет оружие. (...) Военное положение — отличное. (...) Фюрер считает, что те англичане, которые сейчас правят в Лондоне, — истинные преступники. Они могли бы иметь мир с нами на самой лояльнейшей базе. Вместо этого они пожелали войны и тем самым пришли к тяжелейшему потрясению своей империи. Конец этой катастрофы даже невозможно себе представить. (...)

6 мая 1940 г. Понедельник.

Вчера: (...) Лондон не говорит о своих гигантских потерях на море ни слова. Свидетельство его нечистой совести. Тем сильнее критика правительства английской прессой. Чемберлен пускает в ход последний остаток своего авторитета. Лепечут всякие оправдания, столь же ребяческие, сколь и комичные. Военное и государственное руководство там совершенно одурело. (...)

⁷ мая 1940 г. Вторник.

(...) Фюрер показывает мне новое сообщение о Муссолини. Тот выразил свое восхищение фюрером. Он — фашист и твердо

стоит на нашей стороне. Эта война — сама судьба и для Италии Муссолини выступит на нашей стороне, как только для того настанет время, и не придает никакого значения болтовне, будто Италия окажется под гегемонией Германии.

Господство Италии на Средиземном море не противоречит нашим интересам, а в остальном пусть об этом спорят грядущие поколения. Теперь же время для войны, а он, фюрер, не остановится ни перед чем, чтобы сполна использовать его. Сейчас все средства хороши, чтобы разбить Англию. Мы нарушили многие договора, но разве не должны мы были сделать это, чтобы установить наконец свой порядок? Для этого нужна не только сила, но и хитрость. Так было всегда. Только один договор мы никогда не нарушали: тот, который связывает нас с нашим народом и объявляет перед ним. Все, что выходит за эти рамки, — лишь средство достижения цели. Мы долго обсуждаем с фюрером наши возможности и будущее. Фюрер — в самой лучшей форме и с лихорадочным нетерпением ждет часа нанесения удара. Он придет, этот час, как разразившаяся гроза, а уже потом мы снова поговорим о том, какой облик придать всему миру. Ведь есть такие люди, до которых разумные слова доходят только после того, как двинешь им в челюсть и выбьешь зубы. (...)

Чтобы избежать общего краха, хотят дать Черчиллю еще большие полномочия. (...)

9 мая 1940 г. Четверг.

(...) О Чемберлене фюрер говорит только с насмешкой. Он для всего мира смехотворная фигура. (...)

Ворошилов лишен своего поста главнокомандующего*. Что там происходит? Вероятно, это связано с Финляндией. Буря против Чемберлена усиливается. Палата общин неистовствует. Сильнейшая атака со стороны Ллойд Джорджа. Но и он тоже слишком стар. Великая дилемма демократии. Мы снова можем ложиться спать успокоенными.

10 мая 1940 г. Пятница.

Вчера: Черчилль произнес в палате общин весьма жидкую речь. Кажется, и у него под нашими ударами в зобу дыханье сперло. (...)

11 мая 1940 г. Суббота.

Вчера: ночью мне звонит уже из ставки Дитрих**, он уехал в нее вместе с фюрером, она находится где-то на фронте. Мы определяем технику наших публикаций. Три меморандума — Бельгии, Голландии и Люксембургу. Оттуда исходит нарушение нейтралитета. Мы протестуем, в качестве оборонительной меры — требование не оказывать сопротивления, защита нейтрализма. Герман-

* В действительности К. Е. Ворошилов был освобожден от обязанностей наркома обороны СССР.

** Имперский шеф печати.

кие войска ни свет ни заря переходят границы. Риббентроп вызвал посланников затронутых государств и сообщил им самое необходимое. Маскировка удалась до самого последнего момента.

^ Поступают первые известия. Голландия и Бельгия оказывают сопротивление. Этого следовало ожидать. В военном отношении ничего еще не ясно. Сопротивление становится вполне настоящим в крепостном районе на Маасе и на канале Альберта. Мы вынуждены неприятнейшим образом предостерегать от преждевременного оптимизма. Центр тяжести приходится на сухопутные войска. Такого похода, как в Польше, ожидать нечего. (...) Голландская королева обращается к своему народу. Предположительно, скоро у нее такой возможности больше не будет.

Фюрер отдает приказ по войскам Западного фронта: час проби. Эта борьба — решающая для всей тысячелетней германской истории. Исполните свой долг! Таким образом, решение принято. Напряжение разрядилось. Теперь все мы испытываем чувство обеспеченного покоя и выполняем свои задачи. Боже, храни фюрера и народ! Я по горло в работе. Теперь, по крайней мере, стоит потрудиться. Есть цель, есть задачи. (...)

В Англии нарастает кризис. Париж словно трахнули по башке. Несут просто дикий вздор. Слухи, что Черчилль стал премьер-министром вместо Чемберлена. Это внесло бы полную ясность, кто против кого. Даю на сей случай прессе соответствующие указания, как это комментировать. Голландия и Бельгия запросили помощи у Парижа и Лондона. Дурацкая затея!

У нас на Западе царит уверенное спокойствие. Сообщается о первых успехах. Пал Маастрихт. Так же и Эйпен. В некоторых местах форсирован канал Альберта. Концентрация военной техники против Бельгии и Голландии весьма убедительна. Она оказывает желаемое воздействие на весь мир. Обоснование, данное Риббентропом, может это впечатление только разбавить водой. Сводка ОКБ* говорит лишь в общей форме о начале операций. Больших успехов так скоро ждать не приходится. Мы должны сначала прорваться через крепостной пояс. Льеж — это загадка. Я объявляю полный запрет танцев. Музыка по радио целиком изменена. Французский воздушный налет и бомбежка Фрайбурга-в-Брайсгау**. 24 убитых. Мы еще не совсем решили, должны ли мы сфабриковать из этого крупное дело. Если да, то следует ли принять контрмеры. Геринг тут еще как следует своего слова не сказал. Вильгельмина обращается к своему народу. Пусть эта старая тетка убирается ко всем чертям и больше не сует палки в колесо истории! Звонит из ставки Дитрих: все идет хорошо. Фюрер в наилучшей

* ОКБ (аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Wehrmacht) — Верховное главнокомандование вооруженных сил.

По послевоенным данным, этот воздушный налет на немецкий город был "Редпринят самой германской авиацией в провокационных целях.

форме. Муссолини написал ему очень положительное письмо. Можно быть довольным. (...)

Рузвельт заявил на пресс-конференции: он надеется, что Америка останется нейтральной. И мы тоже надеемся на это. Во всяком случае, до президентских выборов. А до тех пор кое-что (а пожалуй, и все) будет выиграно.

Ночью фюрер принимает решение об ответе на бомбежку Фрайбурга: в качестве возмездия на любой последующий налет будет произведен налет пятикратной силы на французские или английские города. Это наверняка внушит должное почтение. Черчилль действительно назначен премьер-министром. Фронты определились. Вот это нам по нраву!

12 мая 1940 г. Воскресенье.

Вчера: второй день наступления на Западе. Наши операции идут по плану. Ожидаемые цели достигаются. Сопротивление, которое мы встречаем, сильнее не становится, но оно и не слабее того, на какое мы рассчитывали. (...)

Италия поддерживает нас — к сожалению, пока только прессой и симпатиями. Америка, кажется, все еще желает остаться нейтральной. Правда, Рузвельт разразился ужасной руганью по нашему адресу, но нам от этого ни жарко, ни холодно. Голландцы тоже очень наглы. Они вместе с бельгийцами посетили наше министерство иностранных дел, чтобы заявить протест. Но тут их весьма беспардонно выставили за дверь. Чемберлен произнес прощальную речь с весьма грубыми оскорблениями по нашему адресу. Старая баба!

13 мая 1940 г. Понедельник.

Вчера: (...) Погода для военных операций великолепная. Однако это второстепенно. (...) Люксембург полностью захвачен, так же как вся Северная Голландия до самого побережья. Ряд мощных прорывов и в Бельгии. Недалеко уж до Седана. Наша авиация наносит сильные удары. Но и нам перепадает. Французы продолжают придерживаться совершенно неправильного направления марша. Если так пойдет и дальше, они уготовят себе разгром. Мы очень скупимся на наши военные сообщения, чтобы не давать противнику ясного представления об обстановке. По всей видимости, он все еще топчется в полной неизвестности. Дикие слухи о наших парашютных войсках. Противник сам создает у себя смятение. Мы же в ответ ничего не опровергаем. Да и вообще молчание в данный момент — лучшее оружие нашей пропаганды. **Голландцы** по-прежнему оперируют сообщениями о творимых нами ужасах.

Телефонный разговор с Дитрихом. Все идет по **программе**. Фюрер в наилучшей форме. На этот раз все должно удалиться. Черчилль — верховный главнокомандующий. Чемберлен остается в его кабинете. Этот старый простофиля очень нам подходит. Иден —

роенный министр. Тоже великолепно. С ними мы уж как-нибудь справимся.

4 мая 1940 г. Вторник.

Вчера: военная обстановка и дальше складывается хорошо. (...) **Заграница** снова шумит насчет таинственного нового германского **оружия**. Мы на это никак не реагируем, никаких опровержений не даем. Точно так же не отвечаем на бессмысленные сообщения о так называемой пятой колонне. Тем самым противник лишь расширяет за границей панику. (...)

15 мая 1940 г. Среда.

(...) Психологическая обстановка для нас в настоящий момент максимально благоприятна. Вся нейтральная заграница полна восхищения. Какая разница по сравнению с 1914 годом! Снова сильное выпячивание вопроса о том, кто объявил войну. Надо опять заставить наших противников расхлебывать заваренную ими же кашу. Тайна нового оружия нами не раскрывается. Чем больше фантазий на сей счет, тем лучше и благоприятней для нас. Превосходство нашей авиации бросается в глаза.

(...) Почти невероятные успехи. Заграница, прежде всего Америка, поражена. В Лондоне и Париже — глубочайший пессимизм. Звонок д-ра Дитриха: у фюрера все хорошо. Его ожидания давно превзойдены. (...)

Мы уже движемся на Брюссель. Огромный прорыв частично удался. Впечатление во всем мире даже нельзя себе представить. Наш вермахт увенчан теперь венком непобедимости. А это тоже боевое средство. (...)

16 мая 1940 г. Четверг.

Вчера: предыдущей ночью приходят сообщения о просто немислимых победах. Голландская армия полностью капитулировала. Мы передаем об этом по радио всему миру, а особенно Бельгии. На врага это производит поистине шоковое действие. К тому же гигантские успехи авиации. (...) Какая чудесная ночь! Мы стараемся создать у противника впечатление, будто всего лишь хотим осуществить план Шлиффена. Будем надеяться, он на это клюнет. (...) Сообщение из ставки: все идет хорошо, ничего незапрограммированного. Фюрер в наилучшем расположении духа. Он — гарант нашей победы. (...)

17 мая 1940 г. Пятница.

Вчера: во вражеской печати царит полная неразбериха. Сплошные противоречия. Нам достаточно только противопоставлять эти голоса друг другу. И мы весьма охотно делаем это. (...)

Звонит д-р Дитрих: слишком громких победных фанфар не ^нЗдо. А то еще наш народ подумает, что все это можно сделать ^в один миг. Мы же пока находимся в самом начале тяжелейших

боев. Сообщение из ставки: все идет блестяще. Наши войска бьдт ся с величайшим героизмом. Париж признает, что наши танки северо-восточнее Седана вклинились во французские укрепления Рейно произносит вечером полную драматизма, весьма озабоченную речь. Во Франции постепенно уразумевают, перед какой катастрофой стоят. Рузвельт требует денег на вооружение и пере, валивает вину на нас. Старый плут! Все в непрерывном движении. Мы накануне событий решающего исторического значения.

18 мая 1940 г. Суббота.

(...) Если Италия не вступит в войну, я просто отказываюсь понимать дуче! Но скоро время для того придет. Не может же Рим ждать вечно! Во Франции, по нашим сообщениям, огромное возмущение Италией. Наша авиация снова добилась сенсационных успехов против британского флота. Паника среди западных держав растет. Я раздуваю ее через наши тайные радиопередатчики, которые выдают себя за английские или французские. (...)

Фюрер находится на фронте. Да хранит его Бог! Все складывается самым лучшим образом. (...) Мы усиливаем нашу пропаганду паники на Францию и Англию. (...) Сражения во Франции идут своим чередом. Там разыгрываются драматические судьбы народов. Какое огромное счастье принимать участие в этом! (...) В Париже паника все сильней, сообщают, что Гамелен* зашатался. Вот так-то! Мы разжигаем огонь. Наша пропаганда работает мастерски. Это повсеместно признано у нас, а также и всей мировой общественностью. (...)

19 мая 1940 г. Воскресенье.

Вчера: положение на фронте и дальше бешеным темпом складывается в нашу пользу, пали два антверпенских форта. На юге начинается ожидавшееся фланговое захождение. Может быть, нам удастся окружить обе вражеские армии. Это стало бы новыми Каннами**. Зеландия занята, а в остальном в Голландии все уже тихо. Всего за восемь дней. Начиная с 1938 г. мы завоевали в Европе семь стран. Самое невероятное из всех исторических свершений, какое вообще можно себе представить! Ошеломление на противной стороне — полное. Лондонская, а особенно парижская пресса отражают всеобщее смятение во вражеском лагере. Наша разлагающая пропаганда через тайные радиопередатчики **делает** все остальное, чтобы взрастить там самые пышные цветы растерянности. Беженцы из угрожаемых областей заполняют дороги и города. Сам генерал Гамелен в приказе по войскам **вынужден** стрелять последним патроном: «Победить или умереть!» Вот как

* Главнокомандующий французскими сухопутными войсками.

** В 216 г. до н. э. войско Карфагена под водительством Ганнибала одержало при Каннах победу над превосходящими силами римлян в битве, вошедшей в историю как классический пример стратегического окружения.

далеко зашло там дело. Точно так, как мы и ожидали. Это будет, надемся и верим, невиданный крах плутократического мира. полны чувства неопишемого триумфа. (...)

Известие из ставки фюрера: все идет хорошо, даже более чем хорошо, просто блестяще! Фюрер сам лично руководит всеми **военными** органами. Он стоит на вахте и не упускает ни одного **благоприятного** случая. Г-ну Вейгану* придется узреть невиданное **чудо**. Настроение в Париже и Лондоне падает все ниже. Его можно охарактеризовать как своего рода фатальную безнадежность, д у нас в стране все великолепно. Народ преисполнен абсолютной и беспредельной веры в победу. Битва близится к своей кульминаци**онной** точке. (...)

22 мая 1940 г. Среда.

Вчера: (...) настроение противника совершенно катастрофическое. Результаты нашей работы по распространению паники уже становятся видны. Геринг говорил перед представителями печати о полководческом гении фюрера, рассказывал, как тот подготовил и провел всё операции. Весьма впечатляюще. Военное положение: окружение удалось. Готовятся новые Канны. (...) Невиданная по размаху битва на уничтожение. 9-я французская армия в состоянии разложения. Ее командующий генерал Жиро взят в плен** вместе со своим штабом. На волосок от плена был даже Петэн, но ускользнул. (...) Виктория! Несравненный триумф! Удалось крупнейшее окружение во всей мировой истории. К этому **нас** привел гений фюрера. Предстоят еще суровые бои, но результата этой битвы уже не изменить. У Нарвика нанесены крупные удары по английскому флоту. Наша пропаганда совершенно ясна: внутри страны — восхваление победы. Наш народ в великолепном настроении. Вне страны: сеять панику и смятение. Наши предыдущие радиопередачи оказывали губительное воздействие. (...)

Паника в Париже увеличивается. Официальные коммюнике преступно необдуманно. (...) Уже взбудоражен красный пояс Парижа. Коммунистические демонстрации. Великолепно! Надо только и дальше подливать керосина в огонь. Наши люди работают здесь мастерски. Мы щелкаем, как орехи, также и лондонские безумные иллюзии. Мы возьмем реванш за то, что нам причинили в ноябре 1918 г. Действия наших тайных радиопередатчиков^в Париже и особенно на эвакуированное население катастрофически велико. Мы усиливаем свое воздействие. (...) Это все — Успех наших военных побед и нашей систематической работы по Разложению. Только не ослаблять усилий! (...) На нью-йоркской бирже курс английских бумаг катастрофически упал. Лучший^п Ризнак тяжелого кризиса в стане противника.

* С 19 мая 1940 г. — верховный главнокомандующий французскими вооруженными силами.

** Был заключен в крепость Кёнигштайн на Эльбе, откуда бежал и затем "Римкнул к французскому Сопротивлению. Погиб в авиационной катастрофе.

23 мая 1940 г. Четверг.

(...) В Париже сушая паника. Поведение англичан совершенно открыто критикуется с презрением. Пусть у нас и дальше все идет так. Военное положение: противник в котле. Отчаянные попытки вырваться отражены. Огромный контингент войск сидит в западне. Ведутся упорные бои. (...) Цель: Париж. Не давать передышки! Голландия и Бельгия должны остаться суверенными государствами, хотя бы уже из-за своих колониальных владений. Это правильно, ибо иначе туда сунутся Япония, Америка и бог знает, кто еще.

Англия потребовала в Москве ограничения германо-русской торговли. Получила заслуженный твердый отпор. (...) Тяжелые времена для Альбиона. (...)

24 мая 1940 г. Пятница.

(...) Дела Парижа очень плохи. Особенно сильно воздействует наша разлагающая пропаганда. (...) Настроение у нас вполне отличное. Доклад СД* содержит только похвалу и признание моей работы. В прессе, по радио и в кино все нам удается просто чудесно. Мы прилагаем к тому все усилия и трудимся как лошади. (...) Я усиливаю деятельность наших тайных радиопередатчиков. Распускаю слухи о мире, а потом через сутки сам опровергаю их, заявляя, что он торпедирован Англией. Это должно постоянно действовать французам на нервы. Впрочем, эти слухи уже проникли в прессу нейтральных стран. Оно и хорошо! Сумятица может быть нам только полезна.

(...) Телефонный звонок из ставки фюрера: тяжелые бои продолжаются. Продлятся довольно долго. Мы должны вооружиться терпением и силой. У фюрера дела идут хорошо. (...) Но Муссолини все еще не решился. Постепенно это становится довольно запоздалым.

(...) Мы подстрекаем французский народ к путчу, причем с видимым успехом. (...) В Англии — волна арестов, направленная против фашистов, арестован и Мосли**. Плутократы спасают свою шкуру. Но такие вещи лучше делать перед войной, чем во время войны. Во время войны нужно быть сильными и сражаться, иначе будешь побежден. Так было у наших противников в первой мировой войне. Так оно есть сегодня у нас. *Vae victis!****

25 мая 1940 г. Суббота.

Вчера: паника и хаос из-за беженцев в Париже растут. В Лондоне царит полная диктатура. Черчилль, как в боксе, сбивает с ног любое сопротивление. Но ни он, ни Рейно не могут помешать разлагающему действию наших тайных радиопередатчиков. Во вра-

* Служба безопасности (SD — аббревиатура от нем. *der Sicherheitsdienst*).

** Главарь английских фашистов.

*** Горе побежденным! (*лат.*).

^еском лагере все надежды теперь — на Америку. Однако Рузвельт ограничивается бессильными протестами. А нью-йоркская биржа **реагирует** понижением курса английских бумаг и акций военной промышленности. Мы перенесли наше главное наступление в **область** тайных передатчиков. Против Англии — сравнительно **сдержанно**, а против Франции — **на** полную катушку.

Военное положение: большое сражение продолжается. У **французов** проявляется сильная усталость. Однако они отчаянно **сопротивляются** окружению. Тщетно. Где бы они ни пытались прорваться, их **отбивают**. Кольцо сжимается все туже.

26 мая 1940 г. Воскресенье.

Вчера: Рейно в публичном заявлении возлагает всю вину на **военных**. Очень дешево, но подло. Огромная масса сообщений о творимых нами ужасах, особенно из Америки. В ответ мы громко горланим. Вообще из Америки раздаются голоса **то** восхищения, то ненависти. Наши парашютисты остаются большой загадкой. (...) Наша пропаганда по распространению паники во Франции весьма успешна. (...) Разложение в кольце окружения растет час от часу. Там приближается катастрофа. Враг стоит перед крахом. (...) Франция свершает свой путь на Голгофу. Это — кара истории за многовековую тиранию над нами. (...)

28 мая 1940 г. Вторник.

(...) Наши войска в Нарвике вписывают бессмертную страницу героизма в книгу нашей истории. Во Франции — настоящий невроз страха. (...) В Лондоне молятся. (...) А Рузвельт совершенно безобидно болтает у горящего камина, но при этом допускает гнусные выпады против нас. О вступлении США в войну и речи нет. (...) Бельгийское правительство смылось в Лондон. (...) Для меня дело чести отплатить французам и англичанам за все то, что они причинили нам в ноябре 1918 г. Это будет исторической справедливостью. (...) Только что получено известие, что бельгийский король предложил капитуляцию своих войск. (...) Наше условие: немедленно сложить оружие. Это — начало конца огромной битвы на окружение. Первая историческая победа на Западе осязаемо близка.

29 мая 1940 г. Среда.

Вчера: великий исторический день! Бельгийская капитуляция подтвердилась. Она была предпринята королем вопреки его правительству, которое хотело силой вести войну дальше. Речь идет о круглом числом, полумиллионе солдат. Рейно грубейшим образом оскорбляет бельгийского короля в своей речи. Париж — ^в настоящем шоке. Мы раздуваем панику. Наступил наш час. (...) **Лондонская** общественность очень угнетена. Но хотят сражаться. Сколь долго еще? (...) С бельгийской армией по приказу фюрера обращаются хорошо. Мы временно помещаем короля в один бель-

гийский замок. (...) В котле — упорные бои. Мы тоже несем тяжелые потери. Наши войска устремляются на врага с безумной отвагой. Кольцо все сужается. Тайные радиопередатчики действуют с максимальной активностью. Их лозунг для Франции: кончать! (...) В ставке все чувствуют себя счастливыми. Фюрер звонит мне. Он преисполнен радости и удовлетворения. Считает, что уничтожение окруженных войск уже не составит слишком больших трудностей. Смотрит на положение весьма оптимистически. Моей пропагандистской работой в целом очень доволен. Сообщение об Италии: наивысшее напряжение. Но дуче все выжидает. Тормозящим элементом служит Чиано; но он, кажется, попал в немилость. Однако во вступлении [Италии] в войну больше сомневаться не приходится. Весь вопрос только: когда? (...)

30 мая 1940 г. Четверг.

Вчера: настроение в стране просто великолепное. В докладе СД одна сплошная похвала нашей пропагандистской работе. Радио и пресса действуют превосходно. Но в народе стали больше обсуждать наши потери. Они очень преувеличиваются. Поэтому мы со временем опубликуем данные о наших потерях в Норвегии, которые, вопреки ожиданиям, незначительны. Цифры потерь на Западе еще не поддаются оценке, но они ниже, чем следовало предполагать.

Настроение там, во Франции — катастрофическое. (...) Мы разжигаем и подстрекаем к путчу изо всех своих сил и во всех регистрах. Очень уместны оказались наши тайные передатчики. Распространяемые ими слухи проникают во всю мировую прессу и действуют на врага, прежде всего в Америке, губительно. (...)

В кампании по распространению слухов о зверствах мы переходим в наступление и вскоре возьмем верх. В таких вещах долго обороняться нельзя, а надо переходить в атаку. Это правильно, и по-национал-социалистски. (...)

Военное положение: котел столь узок, что окруженные войска тесно прижаты друг к другу. Судьба французской армии в Артуа решена. Англичане смогут продержаться еще недолго. Д-р Дитрих сообщает мне из ставки обстановку. Все идет блестяще. Первая крупная битва у нас, можно сказать, в кармане. Паника у противника значительно усилилась. Мы будем бурить в эту точку и дальше и не дадим сбить себя с толку. Однажды эта лавочка все-таки развалится. (...) Звонки фюрера: мы должны действовать против французов еще резче и во всей нашей пропаганде — тоже. (...) Битва в котле подходит к своему концу. Капитуляция уже стучится в дверь.

Сталин снова отправляет сэра Стаффорда Криппса* в Лондон. непригоден для торговых переговоров. Страшный конфуз для Англии. Империя стоит перед распродажей.

* Посол Великобритании в СССР.

31 мая 1940 г. Пятница.

Вчера: Москва ударила английскую плутократию прямо в **фи-з**ию. Тем самым козырная карта о германо-русской размолвке бита. Итак, дан старт пропагандистскому походу против Франции. (...) Работа тайных радиопередатчиков на Францию запущена на полный ход. Я использую для этого все средства, в том числе революционно-националистические. Поднимем большую шумиху. **Цель:** паника и революция во Франции, а особенно в Париже, выдающие себя за коммунистические радиопередатчики будут мною реорганизованы. Слишком они доктринерские. Материалы их подготовлены министерством иностранных дел. Я посажу там **своих** людей. Господа тайные советники этого делать не умеют. Это должны делать настоящие нацисты. (...) Я отобью у **парижских** и лондонских евреев охоту врать! (...)

Бессмертные заслуги снискал себе Рундштедт. Наше положение временами было очень опасным. Но смелость командования и мужество войск, а также и немного счастья помогли нам преодолеть все трудности. Французы полностью разгромлены. Любой знаток считает их положение безвыходным. Уже подготовлен удар через Седан. Это будет для Парижа ужасным пробуждением. Английская и французская пресса полностью настроились на минорный тон. Утешают себя глупыми отговорками. Но чем больше иллюзий там, тем лучше для нас.

1 июня 1940 г. Суббота.

Вчера: наша пресса по моему заданию ведет сейчас блестящую полемику против Англии, а особенно против Франции. Наши дивизии высвобождаются для новых операций. А они не заставят себя долго ждать. Театр военных действий у Дюнкерка скоро будет ликвидирован. Нелетная погода несколько помешала нашим операциям. Французам не до смеха. (...)

Сообщение из Москвы. Там не особенно-то расхваливают наши успехи, чтобы в связи с финской кампанией не выглядеть слишком жалкими. В остальном же никакого омрачения германо-русских отношений констатировать нельзя. Сталин твердо остается с нами, несмотря на все лондонские соблазны. Однако определенная партийная бюрократия нас терпеть не может. Сообщение из Вашингтона: Рузвельт хочет, вероятно, снова избираться в президенты. Нас терпеть не могут повсюду, но до президентских выборов никакого участия США в войне ожидать не приходится. Наши Успехи вызывают восхищение. (...) Дела у плутократов плохи. Еще удар! Наносить удары вновь и вновь!

2 июня 1940 г. Воскресенье.

(...) Пресса и радио в своих обобщающих сообщениях работают в точности по моим директивам. Это осуществляется пре^восходно. (...) Тем временем Муссолини изготовился к прыжку, каждый день можно ожидать его решения. Американская еврей-

екая пресса печатает возбуждающие сильную тревогу воинственные и панические сообщения, будто мы хотим завоевать Европу уморить американцев голодом и т. п. (...) Впрочем, воздействие нашей пропаганды на весь мир вполне хорошее. (...)

Две вещи наиболее оживленно обсуждаются в нашем народе: наши потери и недостаточная действенность наших зениток. Я принял против этого соответствующие меры.

Военное положение: последние остатки англо-французских войск подвергаются прочесыванию у Дюнкерка. Англичане бегут через канал [Ла-Манш]. Французы прикрывают их отступление. И те и другие частично бьются очень храбро. Торпедные катера топят массу английских транспортов и военных судов. К сожалению, плохая погода для авиации весьма благоприятствует англичанам.

Мы понесли все же значительные потери. Но эта война должна решить все, ибо иначе все наши жертвы были напрасны. Европа должна наконец обрести покой: сделать же это она сможет, только когда ею будет руководить самая сильная, самая могучая и самая многочисленная нация, а это — мы. Значит, надо стиснуть зубы и идти до конца. (...)

Муссолини направил Альфьери к фюреру. Он хочет вступить в войну 5 июня. Фюрер желает еще раз обсудить это с дуче и затем дать ему стартовый выстрел. Само по себе дело это решенное. Дата должна быть выбрана так, чтобы Париж получил уничтожающий удар. Мы стоим перед историческими событиями. Муссолини тоже скажет свое слово. Националистическая Европа — на марше. А либеральный мир стоит перед своим крахом. Боже, благослови наше дело! (...)

3 июня 1940 г. Понедельник.

(...) Англичане пытаются при помощи лжи выдать свое поражение за победу. (...) Мы подходим все ближе к Дюнкерку. (...) Борьба идет за каждый метр. Местность большей частью затоплена. Англичане пытаются уйти, но по бегущим на всех возможных судах наша авиация наносит кровавые удары. Сообщения об этом вселяют ужас. Это — Суд Божий! Наши трофеи — военная техника и люди — необозримы, их сейчас невозможно подсчитать хотя бы приблизительно. (...) Лондон дает слезливое и унылое объяснение предполагаемому вступлению Италии в войну. Чуют недоброе. Они всегда хотели сами решать вопросы Средиземного моря. Но Италия этого не хочет. Однако даже ее вступление в войну не может поколебать их в своих выводах. Тщеславные дураки и плутократы-утописты, которых судьба накажет ужасным образом! Это непредрасказуемость Черчилля. Он станет могильщиком Англии. Нам это на руку. Наше положение великолепно. Если только Бог не будет против нас, мы должны выиграть и одержать великую победу. (...) А пока пусть говорит германское оружие.

4 июня 1940 г. Вторник.

Вчера: англичане продолжают болтать о славной победе во **Фландрии**. Можно просто поражаться этим медным лбам, которые измышляют такую наглейшую ложь. (...) Их «победа» на деле — самое катастрофическое поражение, какое только знает **история**. Я приказываю всеми имеющимися средствами разъяснить **это** общественности. (...) Число захваченных нами пленных (включая бельгийцев и голландцев) составляет примерно 1,5 млн. Трудно представить себе такое количество! К тому же необозримая масса техники. Англичане на одном только транспортном флоте потеряли примерно 100 тыс. человек. Наши потери, учитывая успехи, ошеломляюще малы. Сухопутные войска насыщаются до сих пор 10 тыс. убитых, но относительно высок среди них процент офицеров. Таким образом, наши войска сражались не только храбро, но и умно и осмотрительно. (...) На юге царит тишина. Затишье перед бурей. Готовится воздушный налет на Париж. Только на военные объекты. То-то будет шума насчет убийства и последуют ответные репрессивные меры. Мы должны подготовиться к этому и психологически.

Из ставки в Эйфеле прибыл для доклада д-р Дитрих. Вместе с фюрером он провел три дня в районе боев. Фюрер поглядел на фронт, заслушал доклады своих генералов, но прежде всего побывал в тех местах, где он сражался в первую мировую войну. Этот район не подвергся особенно большим опустошениям. (...) Обычно же фюрер находится с генералами в своем бункере в Эйфеле. Точно так же, как в Берлине, только по-военному. В ближайшие дни все начнется снова. Фюрер считает, что в течение шести — восьми недель Франция будет пбвержена. Наши потери поразительно незначительны и, как можно предполагать, такими и останутся. (...) Нашей работой фюрер вполне удовлетворен. У нас все идет как по маслу.

5 июня 1940 г. Среда.

Вчера: тема дня — бомбежка Парижа. В налете принимала участие тысяча самолетов. Только военные объекты, Париж признаёт это. Лондон же, напротив, твердит о варварстве и требует возмездия. Просто находится подальше от выстрелов. В Америке возмущение хотя и есть, но не такое сильное, как я ожидал. В этой войне все идет шиворот-навыворот. (...) Военное положение: невероятное психологическое воздействие бомбежки на Париж. Она явилась совершенно неожиданной и тем более суровой. Мы пока извлекли из нее для своей пропаганды не особенно много. (...) Час Италии еще не наступил. Весь мир ждет решения Рима. (...)

6 июня 1940 г.*

(...) Фюрер высоко возвышается над всеми нами. Он — исторический гений. Какое великое время, какое счастье тоже тру-

* Дата предположительна. *Примеч. нем. изд.*

даться в это время! А затем должен наступить великий покой, о котором все мы мечтаем, а фюрер, верно, еще больше, чем все мы. Тогда мы построим новую Европу. (...) После войны покончим со всеми евреями. А церквам беспощадно и ясно дадим понять: в государстве есть только один авторитет, от которого исходит любой авторитет вообще: это — само государство. Как замечательно столь долго беседовать в ставке с фюрером с глазу на глаз! Тогда он говорит так доверительно, беседует со мной как человек с человеком! Когда наша беседа заканчивается, я снова полон энергии и собранности. Это порой так необходимо. Иначе несколько теряешь представление обо всем в целом.

Продолжительный разговор с Риббентропом. Он хочет отобрать у меня вещание на иностранных языках. Я упрямо и своенравно отвергаю это и высказываю ему свое мнение, да так, что он просто опешил. Сразу стал мелок и мерзок. Отвратительный тип, с которым никто не дружит. С Гиммлером он дело тоже проиграл.

Вечером я должен возвращаться в Берлин еще до наступления темноты, а то как бы меня не сбили собственные зенитки. Очень сердечное прощание с фюрером, он относится ко мне просто трогательно. (...) Берлин! Работал далеко за полночь. Первые сообщения о новом наступлении. Первый небольшой прорыв. Снова предстоят весьма суровые дни. (...)

7 июня 1940 г. Пятница.

Вчера: во Франции под давлением нашего наступления растет скептицизм. Рейно приходится преобразовать кабинет. Даладье выведен. Пост министра иностранных дел занимает сам Рейно. Одни сплошные плутократы, которым открыт путь. Не осталось ни одного разумного человека. По всей видимости, Франция идет навстречу страшной катастрофе. А еще хотят защищать Париж! Тем самым судьба этого государства была бы предрешена. Англичане все больше и больше уходят с континента и предоставляют Францию ее собственной судьбе. Все фронтовые сообщения Вейгана весьма мрачны. Не могу себе даже представить, чего же вообще всерьез хотят французы. Америка становится несколько мобильнее. Но там, возмущаясь, все еще выжидают. Италия совсем молчит. Но это покой перед бурей. Нейтральную границу мы приручили. А теперь и Румынию с Югославией. Только они по-прежнему наглы. (...)

Я усиливаю работу тайных радиопередатчиков на Францию. Тем самым мы должны подготовить французскую революцию. Это в обозримый период вполне возможно. Надо только действовать энергично, умно и постоянно. Мы снова раздуваем противоречие Англия — Франция. Лондон дает нам для этого **наилучший** материал. (...)

Военное положение представляется следующим: несмотря на места сильное сопротивление, мы вклинились на глубину 15 километров в так называемую линию Вейгана, которая всего **лишь**

блеф- Под Дюнкерком теперь 58 тыс. пленных. Воздушные налеты на английские и французские аэродромы. Враг потерял 143 самолета. Весь мир с лихорадочным напряжением ждет исхода. Особенно озабочены в Париже. Даладье отстранили потому, что он хотел мира. Рейно полностью послушен Лондону. Вечером он выступил по радио. Заклинания в патетическом духе. Своего рода роль о помощи. Но ему уже ничто не поможет. (...)

8 июня 1940 г. Суббота.

Вчера: кризис в Париже еще не закончился. (...) Американская пресса притихла. В Париже извиваются как дождевые черви. Желаемого Рейно чуда не произошло. Это видно даже дураку. Влиятельная американская пресса на 80 % делает ставку на нашу победу. Бельгийский король публикует экспозе о капитуляции: потрясающий документ английского цинизма и французского военного преступления. Здесь видно, чего могут ожидать малые государства от этих плутократов. Военное положение вполне хорошее. Мы осуществили прорыв по всей линии Вейгана. Около 30 — 40 километров. (...) Теперь надо опять замаскировать направление нашего наступления. Чемберлен окончательно выставлен за дверь. На него перекалдывают ответственность за катастрофу во Фландрии, и с полным правом. Но такого еле шаркающего ногами типа в английском правительстве мы могли бы хорошо использовать. (...)

9 июня 1940 г. Воскресенье.

Вчера: ситуация во Франции обостряется и становится все драматичнее. Наше наступление после прорыва уже далеко оставило позади линию Вейгана. Сообщение французского командования вынуждено признать это в витиеватых выражениях. Мы в своих сводках намеренно отстаем, чтобы ввести противника в забуждение. Но это удастся не полностью. После битвы во Фландрии он стал более чутким на такие вещи. Мы хотим преподнести ему несколько непредвиденных неожиданностей. Будем надеяться, что это нам полностью удастся. (...) Даже в самой Германии мы имеем скорее слишком много, чем слишком мало, оптимистов. Чересчур легко относятся к победам. Вовсю распространяется «стратегия завсегдатаев пивнушек». Я борюсь против этого всеми публицистическими методами. Мы не должны падать в иллюзии. В докладе СД о настроениях это тоже подчеркивается.

Во Франции впервые заговорили о мире. Ага, значит, они начинают понимать, эти свиньи! Но сначала заставим их сложить °Ружие, как мы в 1918 г., а уж потом поговорим! У Дюнкерка число пленных достигло 88 тыс. А количество трофеев и не подсчитать. И несмотря на это, парижские паникеры болтают о будущей победе. (...) Но война тяжелым бременем ложится на все, ^{что} о там думают и делают.

Вечером приходит драматическое сообщение агентства Гава_c о сражениях во Франции: немцы бьются, как их предки — кимвры и тевтоны, плечом к плечу. Французские позиции прорваны, Французы отступают. От такой вести сердце бьется сильнее. Великолепный германский народ! Ты призван установить в Европе новый порядок. Мы давно трудимся над этим. Как прекрасно **жить!** На понедельник в связи с вступлением Италии в войну намечен большой митинг у итальянского посольства. Это произведет грандиозное воздействие на Рим, а также и на весь мир.

10 июня 1940 г. Понедельник.

Вчера: прорыв в общем и целом совершен. Французы частично уже бегут. Вейган призывает к последнему сопротивлению. Французам готовится новый ужасный крах. В Париже и Лондоне настроение паническое. А мы подливаем масла в огонь. Немцы представляют себе наши победы слишком легкими. Я приказываю снова выступать в печати и по радио против «пивных стратегов».

Д-р Дитрих. Известия из ставки фюрера. Фюрер отправился во фронтовой район. Все идет великолепно. Фюрер готовит новые, ошеломляющие удары. Положение на фронте драматически изменчивое, но в целом весьма хорошее. Прорыв с каждым часом расширяется. В бой вступает новая, еще совсем свежая армия. В сводке ОКВ в целях маскировки никакие города и населенные пункты не называются. (...) Тайные радиопередатчики работают на максимальных оборотах.

11 июня 1940 г. Вторник.

Вчера: драматический, судьбоносный день. Нервозность в Париже и Лондоне растет. Большая загадка — Италия — все еще остается неразгаданной для западных держав. Министерство иностранных дел очень стесняет нас в этом деле. Военное положение: наступление продолжается в прежнем объеме. Наше продвижение огромно, вплоть до Марны и Сены. При слове «Марна» сердца наши замирают. Но противник еще не сокрушен, хотя то тут, то там бежит. Долго он не выдержит. Южнее Седана — тоже масированное продвижение. Капитулировала Норвегия. Король Хаакон сбежал в Лондон. Над Нарвиком развевается флаг со свастикой. (...) Бессмертное германское геройство **торжествует**. Впрочем, сводка ОКВ весьма сдержанна. Противник должен угодить в западню по всем правилам. (...)

Конфликт Рим — Москва ликвидирован и официально. Обмен новыми послами*. Черчилль вынужден публично обещать Парижу помощь. Но французам придется долго ждать ее. Во Франции растет настроение против Лондона. Мы усердно льем масло в

* 10 июня 1940 г. было опубликовано сообщение об отъезде итальянского посла Росса из Рима в Москву, а полпреда СССР в Италии Горелкина из Москвы в Рим. Долгое время перед этим дипломатические отношения между двумя странами поддерживались на уровне временных поверенных в делах.

огонь. Великий час наш пришел. (...) Вечные трудности с **министерством** иностранных дел — с ним просто невозможно работать: самый что ни есть чистейший дилетантизм. (...)

[В Риме] выступает дуче. Великолепная, монументальная **речь**. Собравшиеся на митинге на площади Венеции готовы следовать за ним. Стиль выдает крупного оратора. Слушать его просто наслаждение. Содержание: война против Англии и Франции уже **началась**. Это борьба против плутократии. Народы-пролетарии **поднимаются** против народов богатых и исторически нисходящих. **Обещаны** гарантии Югославии, Греции, Швейцарии и Египту. **Высказана** заинтересованность в локализации конфликта. Мы **победим!** Привет и благодарность фюреру. К оружию! Речь производит захватывающее воздействие и длится всего 12 минут. Тем более жалким выглядит затем выступление Риббентропа на страницах иностранной прессы. Глупый и пошлый лепет без всякого полета мысли! (...) Рейно снова прибегает к отговоркам. Морализирующие фразы, а в остальном — горечь отступления и отчаяние, Франция в руинах. Выступает и Рузвельт. Но у него для западных держав есть только симпатия. А с нею, как известно, против пикирующих бомбардировщиков не устоишь. (...)

12 июня 1940 г. Среда.

(...) В Париже готова разразиться паника. Стада беженцев покидают многомиллионный город. Рисуют страшные картины этого исхода. А в Лондоне, напротив, еще царит Большая пать, ведь там опасности пока столь непосредственно не чувствуют. Работа наших тайных передатчиков и в регулярном иновещании идет вовсю, причем ведется на революционном языке. Речи Рузвельта почти никакого внимания не уделяем, снижаем ее значение. Он обещает западным державам всю возможную поставку военных материалов. Будем надеяться, к тому времени Франция уже будет повержена. В Риме всё бахвалятся, но таков уже народный характер. (...) Надо приглядывать за итальянцами, чтобы они не сделали нам войну слишком патетической. Военное положение: наши войска подходят к Парижу. Там собираются укреплять и оборонять город. Но это было бы самым безумным преступлением, какое только мог бы совершить Рейно. Тем временем он со своим правительством убрался в Тур. Наше продвижение идет в стремительном темпе. (...) Наши уже вступают в черту города. Италия обращается к своим войскам с весьма позитивным призывом. Дуче принимает пост главнокомандующего. Еврейская пресса исходит в ярости. Бессильный гнев! Памятная записка об итальянской экономике: длительной войны итальянцам тоже не выдержать. Значит, ^{на}до как можно скорее довести войну до победы. (...) В Париже кутерьма. Наш посев постепенно всходит. После эвакуации правительства Париж накануне анархии. Что станет с этим многомиллионным городом, с этой жемчужиной цивилизации! Скоро, Даст Бог, он будет в наших руках! (...)

13 июня 1940 г. Четверг.

Вчера: еще один драматический день. В Америке — гнусна[^] травля нас. Но даже если бы Рузвельт и захотел вмешаться, теперь слишком поздно. Судьба Франции кажется уже решенной. Париж потерян. Там царит паника. Похоже, в Париже вспыхнет революция. Я детально указываю секретным радиопередатчикам и прессе их задачи. (...) Наша разлагающая пропаганда действует ужасающе. Мы делаем все для того, чтобы как можно глубже подкопаться под этот город. (...)

14 июня 1940 г. Пятница.

Вчера: Турция вновь заявляет, что останется нейтральной. Заключает с нами новый торговый договор. Париж объявлен открытым городом. Паника и разложение деморализовали город. Французы отступают по всей линии. Около полудня Рейно обращается к Рузвельту с драматическим криком о помощи. Но ее не видать и не слышать. Париж полностью окружен.

Браухич слишком пропагандирует самого себя, что порой вызывает досаду и становится неприятным. Я немного прикручиваю это. (...)

Бедная, брошенная на произвол судьбы Франция! Какова же будет твоя участь? (...) Рейно вновь обращается за помощью к Рузвельту. Получает холодный отрицательный ответ. Вечером он выступает опять: дела Франции плохи, но мы должны держаться. Бросаются в бой последние резервы. (...)

15 июня 1940 г. Суббота.

Вчера: (...) победа за победой. Наши войска вступают в Париж. На Саарском фронте форсированное наступление на линию Мажино. Француз в безнадежном положении. (...) Ответ Вашингтона тоже содействовал этому. Положение у Франции отчаянное. Новые лозунги для пропаганды: переключить «коммунистическую» пропаганду больше на провинцию. Вообще вся пропаганда на Францию должна быть коренным образом перестроена: лозунг «Бросай оружие!» и требование отставки Рейно. Поступает сообщение о падении Парижа.

(...) Звонит фюрер: вне себя от счастья, вызванного **великой** победой. Рисует мне военное положение; сопротивление **французов** на Северном фронте совершенно сломлено. Сена целиком форсирована. Французы отступают. (...) Теперь начинается **окружение** французов на линии Мажино. Мы — на вершине нашего **военного** триумфа. Фюрер хочет бить французов до тех пор, пока они не начнут кланчить мира. Сами объявили войну, пусть теперь сами и скулят о мире. Как счастлив фюрер! Да, он может быть **таким** после этих исторических деяний! (...) Заграница взирает на **наши** победы с восхищением или ужасом. Фюрер приказывает **в течение** трех дней вывешивать флаги и бить **в колокола**. Я счастлив **вместе** с фюрером. Какие успехи, какие успехи! Как благодарны **должны**

мы быть фюреру, что нам дано пережить это вместе с ним. От этого сердце бьется сильнее: ведь за это мы боролись 21 год! Глория, „йктория! (...)

Литовский ответ Москву **не удовлетворяет**. Русские **войска** ^атупают в Литву. Свержение **кабинета** в Ковно (Каунас. — Сост.).

Во второй половине дня градом сыплются успехи: линия Мажино южнее Саарбрюккена прорвана на широком фронте. Сначала **взяты** два форта Вердена, а затем в наших руках оказались **и** ^{са}ма цитадель **и** город. Для этого в [первой] мировой войне нам **пришлось** пожертвовать сотнями тысяч солдат. От этих исторических побед на душе становится торжественно. Революционный режим [национал-социализма] празднует сегодня свой великий триумф.

В Прибалтике шум продолжается. Такое впечатление, что Москва хочет сделать там *tabula rasa**. Самое умное, что она может сейчас сделать.

Звонит фюрер! Совершенно счастливый и воодушевленный. Он не желает сейчас никаких слухов о мире. Сначала надо поставить французов на колени. Это должно произойти в течение четырех — шести недель. А тогда посмотрим, что захочет предпринять Англия. Много она так или иначе сделать не сможет. Сначала выбить у нее из рук континентальную шпагу. Мы стоим перед крупными военными успехами. Фюрер подробно обрисовывает их мне. Он еще раз досконально изучил церемонию заключения перемирия [в Компьене. — *Сост.*] и Версальского мира [1919 г.]. Это должно послужить нам моделью. Вот так будет правильно! Фюрер просто чудесен своей четкостью и несгибаемостью. Каждый разговор с ним — новый источник сил.

Рузвельт телеграфирует Рейно: Америка, насколько возможно, окажет помощь военными материалами, она не признает никакого захвата территории Франции. Вряд ли это доставит нам хоть одну бессонную ночь. Рейно уже вечером начинает прощупывать насчет мира; Франция готова принять условия Германии, сообщает агентство Гавас через Анкару. Мы совершенно холодно заявляем, что о таких условиях ничего не знаем. Затем поступает опровержение от Юнайтед Пресс. (...)

17 июня 1940 г. Понедельник.

Вчера: литовские министры и президент бежали через германскую границу. Деликатное дело, к которому мы относимся весьма тактично. Американская пресса упражняется в ненависти к нам. Но нам от этого ни холодно, ни жарко. Пока Америка не шлет танки, это вывести еще можно. Во всем мире опубликовано интервью фюрера: английская мировая империя разрушена быть не должна, Америка — американцам, Европа — европейцам. (...)

* Чистая доска (*шт.*).

Франция должна быть уничтожена. Она без всяких причин объявил нам войну и пусть ответит за это. (...)

Москва предъявила Латвии и Эстонии такие же ультиматумы, как и Литве. Ответа пока нет.

18 июня 1940 г. Вторник.

Вчера: решающий день. Петэн становится во главе французского правительства. Вейган — министр национальной обороны. Теперь там знают: капитуляция уже у самых дверей. Трусливые парламентарии стараются уклониться от нее. Многочасовое **вли-**яние туда-сюда. Мы занимаем полностью выжидательную **пози-**цию, продолжаем самую резкую полемику. Тем временем весь французский фронт переживает крах. Вражеские войска в состоянии распада. Мы стоим в Орлеане. Перейдена Луара. Французам не помогла и Орлеанская дева! У Безансона выходим к швейцарской границе. Кольцо вокруг линии Мажино сокнулось. Наши подводные лодки свирепствуют против английского флота. (...)

Латвия и Эстония принимают московские ультиматумы. (...)

И вот во Франции начинается полное разложение. Петэн об*ращается к Франции со страшной речью: просит нас о перемирии и запрашивает его условия. Звонит фюрер: он сообщает мне о капитуляции. Очень взволнован, до глубины души. Надо вести переговоры. Англичане сегодня наглы и заявляют, что хотят продолжать войну одни. Что ж, поживем — увидим! Фюрер хочет, чтобы переговоры о капитуляции состоялись именно в Компьене. Я глубоко потрясен и едва в состоянии высказать фюреру мои пожелания счастья. Великий исторический час! Мы передаем эту новость по радио с подобающим этому событию большим церемониалом. Она вызывает у всего народа бурю восторга. (...)

Вечером выступает Черчилль. Он хочет сражаться дальше и добиться полной победы. (...)

19 июня 1940 г. Среда.

Вчера: речь Черчилля едва ли можно превзойти по наглости. А английская пресса ему подпекает. Французский министр иностранных дел значительно ограничивает просьбу Франции о перемирии. (...) Мы отбрасываем все сантименты в сторону и, как и прежде, идем ва-банк. Война в военном, политическом и пропагандистском отношении продолжается. Американская пресса осознаёт крах Франции. Но сами французы от жестокого вывода хотят уклониться. Поэтому надо быть готовым ко всему. Я даю строжайшее указание прессе и радио. На сей раз ошибка не должна испортить то, что хорошо сделано мечом. Пусть последние события произведут на весь мир огромное впечатление. Мы на вершине триумфа.

(...) Черчилль предлагает союз Англия — Франция. Дикая, сумасбродная идея, которая могла родиться только в голове умалишенного. Этот псих толкает Англию в беду. Турция заявляет о

своём нейтралитете. У нее в мешке английские деньги. Тем временем в Мюнхене начинается историческая встреча фюрера с дуче. ^ Румынии подает в отставку правительство. Под впечатлением наших побед оно должно стать более дружественным к Германии, дичто не действует так успешно, как успех. Черчилль (...) признаёт, что оставил все имеющиеся дивизии в Англии и практически **обрек** Францию вести войну в одиночестве. За это он теперь получает черную неблагодарность. Грубо оскорбляет военную честь **Италии**. В остальном ему должны помочь доминионы. Речь психопата, но нам в данный момент она очень желанна. Я приказываю комментировать ее, приводя самые резкие аргументы. Тем самым мы наиболее эффективно вызовем гнев и желание воевать против **Англии**. Во всяком случае, война продолжается. Фюрер и дуче за три часа договорились. Все в порядке. Там тоже основана новая Европа.

20 июня 1940 г. Четверг.

Вчера (записываю в телеграфном стиле): позиция Франции ужесточилась. Там упрямятся. В Англии в результате речи Черчилля чрезвычайно нагличают. Хотят теперь заполучить французский флот, а нас надуть при помощи какого-нибудь гнилого перемирия. Но они просчитаются. Америка только причитает. Изоляционисты снова немного подняли голову. Рузвельту теперь приходится трудно. Мы предпринимаем большой воздушный налет на Англию. За это англичане бомбят германские цели на Западе и впервые добиваются значительных успехов. Я нацеливаю на это всю нашу пропаганду. Ни о каких сантиментах больше нет и речи! Приказываю прессе опять освещать вопрос о Компьене и обо всей французской габрильской политике. Ярость против Англии все еще остается на высшей точке, об этом позаботился Черчилль своей речью. (...) С Муссолини — полное единство. Фюрер очень доволен. (...)

В Ковно новый премьер-министр пресмыкается перед красными. (...)

21 июня 1940 г. Пятница.

(...) Петэн в своей речи изложил причины военного краха и невозможности дальнейшего сопротивления. Весьма трогательно, но на наши очерстевшие души не действует. Война продолжается. (...) Французы, по всей видимости, хотят провести нас за нос и Убереечь от нас военно-морской и воздушный флот. Но мы найдем средство против этого. (...)

22 июня 1940 г. Суббота.

Вчера: жаркий день, в который решается значительная часть Французской истории. В Компьене все уже подготовлено. Я даю Указания по телефону из Берлина о последних мерах. Мы представлены там большой рабочей группой. Франция явно стоит перед

крахом. (...) Во многих частях Франции царит паника и дал^
анархия. Какой Суд Божий над народом, предававшимся наслал^
дениям и не осознавшим своей настоящей задачи!

Начало переговоров назначено на 15.30. Фюрер хочет открыть их сам. Большой вопрос: примет ли Франция наши условия? В дан*
ный момент этого не может сказать никто. (...)

В 15.30 переговоры в Компьене начинаются. В том же вагон-
салоне, в котором в 1918 г. Германия была так унижена. Фюрер лично руководит переговорами одним фактом своего присутствия. Кейтель зачитывает преамбулу к германским условиям. Нами не руководит ни месть, ни ненависть. Но позор 1918 г. должен **быть** смыт. Отсюда и эта церемония. Условия должны диктоваться исключительно германской безопасностью и определяться **тем** фактом, что Франция не смеет и не может больше поддерживать Англию в борьбе против Германии. Затем фюрер покидает вагон* салон. Кейтель передает условия французам. Они хотят лететь в Бордо, чтобы сообщить их правительству. Им в этом отказывают. Они получают только телефонную связь. Затем долго совещаются в своей палатке. Тем временем мы ведем прямой радиорепортаж из Компьеня. Дело тяжелое и нервное. Передачи хорошие, но постоянно прерываются из-за помех. В конце концов все налаживается. Переговоры длятся всю первую половину дня. Французы противятся руками и ногами, постоянно звонят в Бордо, но им ничто не помогает. Вечером в 18 часов переговоры прерываются. Сегодня в 23 часа французы хотят дать свой ответ. Примут или не примут? Фюрер, который звонит мне поздно вечером, считает, что да. Ведь ничего другого им не остается. И в этом он прав.

Фюрер подробно рисует мне всю эту сцену: французская сторона была потрясена, вдруг увидев его перед собой. Он не произнес ни слова. Ситуация была совершенно драматическая. Большой камень, триумфальный памятник и вагон-салон будут доставлены в Берлин. Итак, позор смыт! Чувствуешь себя словно на свет народился. После переговоров в Компьене комиссия должна отправиться в Рим. Задача незавидная. Но таков Суд Божий, который свершается нами здесь во имя ближайшей исторической судьбы. Фюрер очень человечен, совершенно трогателен и очень мил. Он — самый величайший в истории гений, какого только мы имели. Какая честь служить ему! (...)

23 июня 1940 г. Воскресенье.

Вчера: (...) переговоры в Компьене все еще ведутся. Французы очень упорны и действуют чрезвычайно ловко. Утверждают, что могут принять все наши условия, но никак не итальянцев, **которые** действительно весьма ненасытны. Муссолини пожелал в Мюнхене, чтобы фюрер представлял и их. Но фюрер от этого отказался. Пусть господа итальянцы делают это сами! И прежде всего пусть воюют, а не только требуют! Они просто губят нам все дело. Их престиж в нашем народе упал до нуля. Потому что они ничего не

делают, а все боевые действия перекалдывают на нас. Это весьма ^ало восхищает и фюрера. У нас желают такого же храброго союзника, какими являются французы. Они же, как нарочно, истекают кровью за таких подонков, как англичане. (...)

Наконец в 18.50 происходит подписание. Еще несколько формальных заявлений. Кейтель чтит память погибших солдат обоих народов. Весьма достойно. У нас у всех камень с плеч. Перемирие уступает в силу только через шесть часов после подписания франко-итальянского перемирия. Мы даем сначала по радио специальное сообщение военного командования о капитуляции линии Мажино: 1/2 млн пленных. Франция полностью повержена. Звонит фюрер, совершенно счастливый. Все великолепно! Он будет настаивать на том, чтобы и Италия осуществила свое право, хотя на основании собственного военного вклада она того едва ли заслуживает. (...)

Мы должны подать сообщение о перемирии со всей помпой. Я желаю фюреру прежде всего здоровья. Да хранит его Бог! А затем сообщение передается всеми радиостанциями Германии, с благодарственной молитвой, весьма величественно и торжественно. Потом заключительный репортаж из Компьеня. Становится просто не по себе от этого исторического величия. Американские газеты по большей части уже списывают Англию со счетов в военном отношении. Мы тоже хотим так считать. Но сегодня мы хотим быть счастливыми. Вечер переходит в счастливую ночь. Сегодня не до сна. Великая, великолепная Германия!

24 июня 1940 г. Понедельник.

Вчера: война против Франции продолжается. (...) Итальянцы запросили у нас помощи, которая им оказывается. Интересно дело обстоит в политическом руководстве войной: все ругают итальянцев. (...) В немецком народе постепенно растет настоящий гнев против итальянцев. Черчилль обращается к французскому народу с призывом продолжать сопротивление. Я приказываю разнести его в прессе в пух и прах и вообще запустить против Англии всю пропагандистскую машину. (...) Тем временем в Риме идут переговоры между Италией и Францией по поводу соглашения о перемирии.

Русские еще сильнее опровергают приписываемую им попытку проведения враждебной Германии политики. Это производит глубокое впечатление. (...)

Петэн в речи по радио резко нападает на Черчилля. Он не имеет права поносить французскую честь. Он не знает ужасов войны, но ведет к ним свою страну. Лондон отвечает непризнанием правительства Петэна и противопоставляет ему созданный в Лондоне Комитет действия во главе с де Голлем. Великолепно! Лондон становится прибежищем для суверенов и кабинетов без страны. А я постепенно становлюсь вообще ненужным: мою пропагандистскую работу выполняют за меня наши противники.

25 июня 1940 г. Вторник

Вчера <...>: Сталин сообщает Шуленбургу, что намерен действовать против Румынии. Это снова противоречит нашей договоренности. Посмотрим. (...)

В 19.20 звонит Альфьери: в 19.10 подписано франко-итальянское соглашение о перемирии. Исторический момент. Теперь оружие смолкло во всей Франции. Потрясен величием этого часа. Победа, какую не могла нарисовать никакая фантазия, достигнута! Благодарение фюреру! Звонок от фюрера. Он не скрывает своего ликования. Хвалит мою пропагандистскую работу, которая так содействовала успеху. Но еще не знает вполне ясно, захочет ли он идти против Англии. Считает, что [Еританская] империя должна быть сохранена, ибо если она будет расчленена, то ее заполучим не мы, а совсем чужие или даже враждебные державы. Но если Англия не желает вести себя по-другому, она будет разгромлена. Однако фюрер был бы готов на мир на такой базе: вон из Европы, возвращение германских колоний и мандатов. Компенсация за все, что по-разбойничьи было украдено у нас после [первой] мировой войны. Об этом уже ведутся переговоры окольным путем, например, через Швецию. Удастся ли это, никто не знает. Надо выждать. В любом случае мы действуем в прежнем стиле. Только бы Англии и на сей раз не удалось отделаться дешево! (...)

26 июня 1940 г. Среда

(...) Акции Черчилля невысоки. Через Швецию и Испанию нами ведется зондаж [о мире]. Вероятно, в своей речи в рейхстаге фюрер сделает Лондону последнее предложение. Если на него ответят нагло, мы сразу же предпримем воздушный налет самого крупного масштаба. (...) В Америке усиливается изоляционизм. (...)

Москва действует в Бухаресте очень энергично. Румыния просит нас быть снисходительными и пытается привлечь Россию на свою сторону. Но ей вряд ли повезет.

29 июня 1940 г. Суббота.

Вчера (...): Румыния уступила Москве. Бессарабия и Северная Буковина отойдут России. Для нас это никоим образом не является приятным. Русские используют ситуацию. (...)

3 июля 1940 г. Среда.

(...) В ставке фюрера. Фюрер выходит мне навстречу сияющий. Он в наилучшем здравии и великолепном настроении. Хочет выступить в рейхстаге и предоставить Англии последний шанс. Пойдет ли она на это? Черчилль — наверняка нет. Он сущий глупец. Но, пожалуй, есть и некоторые разумные элементы. Англия может быть разгромлена за четыре недели. Но империю ее фюрер

разрушать не желает, ибо то, что она потеряет, вероятно, достанется не нам, а чужим великим державам. Тяжелое решение, и это тяжело обосновать нашему народу. Но фюрер это сумеет. Если Лондон на это не пойдет, пусть пеняет на себя! (...) Фюрер, как сказать, подкладывает Черчиллю в его гнездо кукушкино яйцо. Пускай его высидит! (...)

4 июля 1940 г. Четверг.

Вчера: слух о мире, идущий из Англии, усиливается. Мы делаем вид, что ничего не замечаем, и скандалим дальше. Америка и лондонское Сити выступают за мир. Но это еще неясно и незрело. (...)

5 июля 1940 г. Пятница.

(...) Славизм распространяется по всем Балканам. Россия использует момент. (...)

6 июля 1940 г. Суббота.

(...) Я поражаюсь терпению фюрера в отношении Англии. (...) Американская еврейская пресса полностью на стороне Черчилля. (...)

8 июля 1940 г. Понедельник.

(...) Черчиллю противостоит растущая оппозиция внутри страны и, пожалуй, в палате общин. Мы по-прежнему постоянно нападаем на него, но по психологическим причинам щадим притом английский народ. Так мы скорее сделаем этих парней податливыми. (...)

9 июля 1940 г. Вторник.

(...) Несмотря на все, фюрер относится к Англии положительно. К окончательному удару он еще не готов. (...)

12 июля 1940 г. Пятница.

(...) Скандал между Герингом и Риббентропом из-за подготовки мирного договора с Францией в экономической области. Риббентроп опять хочет проглотить все. Омерзительный тип! (...)

16 июля 1940 г. Четверг.

(...) В народе царит некоторое беспокойство насчет России. Но мы не даем никакого успокоительного опровержения. Это хорошо, что народ и далее останется в некотором напряжении.

Наша авиация планомерно разрушает английские промышленные и оборонные центры.

17 июля 1940 г. Среда.

(...) Русские продолжают стягивать войска [к Румынии] Мы — не менее. Король Кароль желает германской военной оккупации. Все равно когда и где. Страх перед-Москвой. Америка не в состоянии поставлять военную технику в Англию. Мы узнаём об этом конфиденциально. Черчилля удалось обыграть. (...)

18 июля 1940 г. Четверг.

(...) Англия начинает становиться вялой. Стали сильно проявляться признаки пораженчества. Америка тоже начинает трусить. Альбион остается совершенно один. (...)

19 июля 1940 г. Пятница.

(...) Русские стали довольно дерзкими. Молотов не принял Шуленбурга. Но сегодня нам еще от этого никакого вреда нет. Венгрия обрабатывает нас насчет своих все новых и новых требований [к Румынии]. Я велю не брать ее в прессе под защиту от Румынии. Но румыны тоже отвратительный сброд, со своим королем во главе. (...) Франко сообщает о его притязании на Гибралтар. Тоже не очень-то приятная весть для Черчилля. (...)

20 июля 1940 г. Суббота.

Вчера: (...) напряженность во всем мире растет. Распространяются самые дикие слухи о намерениях фюрера. (...)

Поездка на заседание в рейхстаг через бесконечные толпы народных масс. Великий час! Чиано тоже там. Заседание открывает Геринг. Говорит фюрер. Изложение обстановки и описание хода войны. Высокая оценка военных свершений. 12 новых фельдмаршалов. Геринг произведен в рейхсмаршалы и получает Большой крест к Железному кресту. Он действительно заслужил это. Похвала политической работе в тылу. Названо несколько имен: Гесс, Риббентроп и я. Гордая радость. Сильное подчеркивание нашей дружбы с Италией и добрососедских отношений с Москвой. Призыв к Лондону с сильными драматическими акцентами. Но никакого более подробного уточнения целей войны. Однако с невероятным психологическим воздействием. Призыв к разуму. Мы этой войны не хотели. В заключение — единый национальный возглас всего рейхстага. Непередаваемое настроение. Обратная поездка через нескончаемые людские шпалеры. Речь передается всеми нашими радиостанциями. Теперь слово за Лондоном. Я не верю в мир. Сначала — война!

21 июля 1940 г. Воскресенье.

Вчера: первая английская реакция — совершенно негативная. Резчайшее, почти циничное отклонение. Никакого **официального** голоса, но чувствуется режиссерская рука Черчилля. Из США тоже реакция довольно холодная. Плутукратия этого еще не **стоит**. Ну что ж, пусть драма свершается до конца! Я использую все на-

радиостанции и тайные передатчики, чтобы обработать английское народное мнение. Но этого недостаточно. Англия должна д^ля начала получить несколько тяжелых ударов. (...)

Фюрер в данный момент не желает пока воспринимать английский ответ. Он считает необходимым еще несколько выждать. Ведь он обращается не к Черчиллю, а к народу. Наше военное положение никогда еще не было столь благоприятным. Так что же может с нами случиться? Мы можем позволить себе подождать еще несколько дней. (...) Голоса из Лондона с каждым часом становятся все более недружественными и отвергающими. До тех пор, пока там у руля стоит Черчилль, мира не будет...

22 июля 1940 г. Понедельник.

Вчера: позиция Лондона стала еще более жесткой. Отклики прессы — час от часу все циничнее и наглее. Но заметна режиссура Черчилля. Вопреки этому через нейтральную границу доносятся и некоторые голоса разума. Тут называют прежде всего имена герцога Виндзорского* и Ллойд Джорджа. (...) Мы работаем всеми средствами через наши радиостанции и тайные радиопередатчики. Никакого отклика нам пока установить не удалось. Значит, надо выждать, не откликнется ли как-либо английский народ. Фюрер решил не принимать решения скоропалительно. (...) Муссолини прислал ему сердечную благодарственную телеграмму. У него есть на то все основания. (...) А в остальном я веду пропагандистскую кампанию против Черчилля с сильными призывами к английскому народу.

23 июля 1940 г. Вторник.

Вчера: Черчилль еще молчит. Но через своих клеветников заявил, что война продолжается. Британское общественное мнение в данный момент словно спятило с ума. Мы поражаемся его безумию. Вероятно, Англия должна получить парочку ударов, чтобы прийти в разумное состояние. Американская еврейская пресса поддерживает непримиримую позицию. (...) Мы применяем всевозможные трюки, но пока без видимого успеха. (...)

26 июля 1940 г. Пятница.

Вчера: (...) Херст предрекает Европе большевизм. Бредовая идея. Не допустить этого — наша забота. В Лондоне царит затишье перед бурей. Ребяческие оборонительные меры. По тайным передатчикам я даю точные указания англичанам, как им вести себя при бомбежках. Это способствует распространению паники. **Применяем и другие трюки.** Утвержден план эвакуации евреев из **Берлина**. Впрочем, все евреи после войны будут депортированы на остров Мадагаскар. Там будет создан германский протекторат^в о главе с немецким полицейским губернатором.

* Бывший английский король Эдуард VIII.

(...) Лондон втемяшивает английской общественности **мысль** раздорах в германском руководстве. Будто бы я и Геринг — **проти**^о войны. Дурацкая иллюзия! (...)

27 июля 1940 г. Суббота.

(...) Русские поставляют нам даже больше, чем мы **хотим** иметь. Сталин не жалеет труда, чтобы нравиться нам. У него, верно, достаточно причин для этого. В августе Москва получит кое-что с Финляндии. (...) Лондон провозглашает революцию в Германии, более того, во всей Европе. Глупые невежды, их **просто** нельзя принимать всерьез. (...)

29 июля 1940 г. Понедельник.

У официальной Англии — пока еще ни следа уступчивости. У нас настроение хорошее. Все затаив дыхание, с напряжением ожидают крупного воздушного налета на Англию. Фюрер принял болгар. Цель: покой и справедливость на Балканах. Румынам придется заплатить. Сообщение из Бухареста: там дичайшие политические условия. Король — сушая свинья. Уже подготовился к бегству. Заслуживает, чтобы его вздернули на виселицу. И вот такое отребье сидит на троне, да еще утверждает, что милостью Божьей! (...)

30 июля 1940 г. Вторник.

(...) Настроение в Америке довольно быстро меняется. Там уже не оставляют Англии никаких шансов на победу и медленно берут курс на то, чтобы в случае катастрофы унаследовать ее владения. Отсюда и американская заинтересованность в том, чтобы война с Германией все же разразилась, а Черчилль удержался у власти. Иначе настроение постепенно сникнет. (...)

Распоряжение гауляйтерам: они должны понимать нашу сдержанную полемику с Америкой. Точно так же не допускать вызывающих тревогу слухов насчет предположительных действий против России. (...)

3 августа 1940 г. Суббота.

(...) Речь Молотова* потрясла Лондон. Этого и следовало ожидать. Лопнул еще один мыльный пузырь. (...)

5 августа 1940 г. Понедельник*

(...) Предстоят крупные воздушные налеты на Англию. К тому же обрушим на английский народ ураганный огонь нашей пропаганды, который я должен подготовить и осуществить. Все это должно быть предпринято внезапно, совершенно неожиданно. Пожалуй, так мы этих джентльменов все-таки сделаем **податливыми**. (...)

* Речь идет о докладе В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г.

Русский фильм «Петр Великий» я и дальше пускать на экраны не буду. Не желаю никакого культурного обмена с Москвой, и в этом фюрер со мной согласен. (...)

7 августа 1940 г. Среда.

(...) Мы — носители нового социального порядка в Европе. Рузвельт велит Хэллу* предпринять против нас хотя и скрытую, но массированную атаку. От него слышны только оскорбления по нашему адресу. Верный слуга еврейства. А Япония очень молодецки выступает против Лондона, грозит разрывом отношений и т. д. Это так нас радует! Мы разжигаем огонь. Запланированный немедленный налет на Англию. При помощи авиации и дальнобойных орудий. Так сказать, первая дегустация для Лондона. Проверим, насколько сильна или чувствует себя сильной английская авиация. (...)

9 августа 1940 г. Пятница.

(...) Мы говорим [с фюрером] о Прибалтийских государствах, в которых русские устанавливают свою террористическую диктатуру. Но нам нечего проявлять к этим государствам сострадание, а без интеллигенции они для нас менее опасны.

(...) Россия все же всегда останется нам далека. Мы констатируем это даже по московским еженедельным киножурналам. Необходимо установить между Москвой и нами непреодолимую стену. Ведь большевизм — это мировой враг № 1. Рано или поздно мы столкнемся с ним тоже. И фюрер считает так. Гиммлер сообщает о переселениях. Он уже добился в этом многого, ибо мы должны заселить пустынные пространства [в оккупированных областях] на Востоке. (...)

14 августа 1940 г. Среда.

(...) Фюрер видит в пропаганде хорошую подготовку и энергичное использование победы. Без оружия ее не добиться. Но пропаганда помогает в этом. Она ведется определенное время, а затем действует еще более эффективно. В [первой] мировой войне с Германией было то, что теперь с Францией и что будет скоро и с англичанами. Фюрер рассказывает о перетягивании каната между Румынией, Болгарией и Венгрией! При этом болгары все же для нас наиболее симпатичны. Они ясно говорят, чего хотят. К сожалению, чуточку большевистски подпорчены. Царь ничего против этого поделывать не может, иначе вступит в конфликт с Москвой. А вот румыны и венгры — настоящее жулье. (...)

15 августа 1940 г. Четверг.

(...) Русская армия упраздняет политических комиссаров. Сталин отказывается от большевистских абсурдностей. Мы перебра-

* Государственный секретарь США.

сываем огромное количество дивизий на Восток. Обоснование: не[^] безопасность их пребывания на Западе из-за воздушных налетов. В действительности же действуем по принципу: осторожность прежде всего. (...)

16 августа 1940 г. Пятница.

(...) В России точка зрения «быть хозяином в собственном доме» снова пробилась в отношении промышленности. Совершенно твердо — в армии. Большевизм постепенно отбрасывает то, что в нем есть большевистского. (...) Фильм о красной спортивной Олимпиаде. Он хорош. Показывает живое и жизнерадостное лицо России. Другое лицо большевизма — крупные организаторские дела. Большевизм всегда будет оставаться загадкой для нас. (...)

17 августа 1940 г. Суббота.

(...) Новые директивы: не превращать войну против Англии в пустяк. Больше никаких шуточек по адресу, англичан. Воспринимать дело вполне серьезно и обсуждать его тоже совершенно серьезно. (...)

21 августа 1940 г. Среда.

(...) В моем споре с министерством иностранных дел в отношении руководства пропагандой в оккупированной Франции фюрер встает на мою точку зрения. Указание Риббентропа и Абеца* отозвано. Ламмерс получил поручение высказать Риббентропу порицание фюрера и восстановить мои права. Таким образом, мое прежнее положение восстановлено и улучшено. Я счастлив. (...)

22 августа 1940 г. Четверг.

(...) Покушение на Троцкого в Мексике. Тяжело ранен. Этого дьявола не жалко. (...) Я еще раз запретил печатать в германской прессе дружественные к России статьи. Русские снова ведут себя бесстыдно. А наши обыватели охотно были бы готовы сразу же ударить с ними по рукам. Троцкий умер. Одной преступной еврейской свиньей меньше. Он заслужил куда худшей смерти. (...)

24 августа 1940 г. Суббота.

Мы постепенно подготавливаем наш народ к мысли о второй военной зиме. Это лучше всего, а если она не наступит, легко будет переиграть. Наоборот же — куда сложнее. Я запрещаю всякое заискивание перед Россией. Москва в настоящий момент настроена весьма экспансионистски. Правда, красные газеты помещают статьи с воспоминаниями о заключенном год назад германорусском соглашении. Но ведь это делаем и мы. **Обергруппенфюрер [СС] Лоренц** доносит из Москвы. Он совершенно восхищен. Хвалит чистоту, порядок и дисциплину в Москве. Я в это не верю. **Во**

* Германский агент в Париже.

всяком случае, финская война показала обратное. Итак, не попадаться на удочку потемкинских деревень! Тут я очень сдержан, и германская пресса тоже. Ведь однажды нам все-таки придется разделаться с Россией. (...)

28 августа 1940 г. Среда.

(...) Риббентроп и Чиано встречаются с Венгрией и Румынией в Вене. Там придется оказать на обе эти страны давление. Цель: мир на Балканах. Нам не нужна там никакая война. У нас на прицеле Англия. Сначала должна пасть она.

31 августа 1940 г. Суббота.

(...) Наши перспективы хороши, как никогда прежде. Мы надеемся избежать второго года войны, но все же готовимся к нему. Прежде всего фюрер приказывает создать гигантские запасы бензина. Он хочет спокойствия на Балканах также из-за нефти. Поэтому велел оказать в Вене очень сильный нажим. Правда, венгры получают очень много, а румыны идут на это только с протестами. Но в конце концов они это сделают. За это мы и Италия гарантируем их также и от русских. Тут Москва быстро лишится аппетита! С нами она связываться не захочет. Румыния и Венгрия недовольны нами. Но такова уж судьба третейских судей. Будет на Балканах спокойствие, и мы получим нашу нефть. (...)

1 сентября 1940 г. Воскресенье.

Вчера: третейское решение Венгрией и Румынией принято*. В Венгрии — большие празднества. Румынию амортизировать гораздо труднее. Но зато она имеет нашу гарантию. Русская пресса здорово поутихла.

2 сентября 1940 г. Понедельник.

Вчера: год войны. Какое множество событий! Кажется, словно прошло десятилетие.

5 сентября 1940 г. Четверг.

(...) Трения с Москвой из-за Румынии и Мемеля (Клайпеда. — *Сост.*), частично нашедшие отражение в русских протестах, которые мы отклоняем. (...)

Во второй половине дня — в Спортпаласте. Открытие второй военной «Зимней помощи». Выступает фюрер. (...) Его речь — очень резкая, чрезвычайно необходимая полемика против Англии. **Пропаганда** и ведение войны. (...) Англия должна пасть. Никакого призыва к мирному взаимопониманию больше нет. Такова основная тональность речи. (...)

* По Венскому арбитражу 30 августа 1940 г. Румыния должна была передать Венгрии Северную Трансильванию.

6 сентября 1940 г. Пятница.

Вчера: речь фюрера производит во всем мире особенно хорошее впечатление. Она полна невероятной силы. Только Лондо⁰ отпускает гнилые шуточки. Но скоро плутократам будет не до них. (...)

В Румынии [главой государства] назначен генерал Антонеску* Он выудил у короля почти все полномочия. От Королевского совета осталось совсем немного. Этот Кароль еще пожнет плату за свои негодяйства. Он — первоклассный шмоток дерьма! (...)

Воздействие речи Гитлера на официальную Англию **равно** нулю. Однако она еще очень сильно подействует на английский народ и весь остальной мир. Впрочем, фюрер нанесет удар по Англии, как только будет готов — и ни днем раньше. (...)

11 сентября 1940 г. Среда.

(...) У фюрера. Вопрос о том, капитулирует ли Англия. Я говорю «да». Фюрер все еще не может решиться. Военные разделяют мою точку зрения: Лондон, 8-миллионный город, этого долго не выдержит. Вечером снова предстоят массированные воздушные налеты. Лондону теперь не до смеха. Король Кароль вместе со своей еврейкой** бежал в Лугано. Он сам «охранял» ее с револьвером в руках. И это — Гогенцоллерн! Его темные делишки вскрываются все больше и больше. Подкупленная свинья! Да и все Балканы — продажны. За исключением болгар, которые имеют умного царя, да и сами народ храбрый. (...)

13 сентября 1940 г. Пятница.

(...) Небольшой конфликт с Москвой. Мы отстаем со своими поставками. Торговые переговоры прерваны. (...)

15 сентября 1940 г. Воскресенье.

(...) Москва ведет себя довольно нагло. Шуленбург приезжает в Берлин, чтобы сообщить об этом. (...)

19 сентября 1940 г. Четверг.

(...) Новые планы: предположительное нападение на Гибралтар. Вместе с Италией. Испания тоже вступит в войну. Италия шлет свои подводные лодки для нападения на Англию. (...) Короткое секретное заявление Москве. Должно быть **направлено** против Англии. Фюрер решил не предоставлять России больше ни одной европейской области. (...)

20 сентября 1940 г. Пятница.

(...) Риббентроп повсюду садится между двух стульев. Если он и во внешней политике оперирует столь же «гениально», как во внутренней, то я смотрю на это мрачно! (...)

* Диктатор Румынии, ввергнувший ее в войну против СССР. Казнен в 1946 г.

** Любовница короля Магда Лупеску.

1 октября 1940 г. Вторник.

(...) Сталин публикует в «Правде» заявление насчет пакта грех держав*. Весьма позитивное. Мол, Россия была заранее ориентирована и никаких опасений не имеет. Это выбивает оружие из рук плутократов, которые спекулятивно рассчитывали на помощь большевизма. (...) Заявление Сталина воспринято фюрером с удовлетворением. Оно помогает нам продвинуться еще немного вперед. Что касается Лондона, то фюрер тоже не понимает его тактики. Разглядеть ее невозможно. Надо атаковать дальше и **выждать**, какое это окажет воздействие. Мы нанесли уничтожающие удары по английской самолетостроительной промышленности. Так что дело хотя и медленно, но продвигается. (...)

4 октября 1940 г. Пятница.

Вчера: фюрер выехал на юг для беседы с дуче. Встреча пока держится в строгой тайне. Изменения в британском правительстве. Чемберлен выведен. С сентиментальным обменом письмами. Усиление влияния лейбористской партии. Черчилль по-прежнему сидит в своем кресле крепко. (...)

5 октября 1940 г. Суббота.

(...) Встреча на Бреннерском перевале, она вызывает во всем мире невероятную сенсацию. Итальянцы и на сей раз не соблюли тайну, преждевременно разболтали о ней. Играть с ними в одну игру удается очень плохо. (...)

8 октября 1940 г. Вторник.

(...) В США уже открыто говорят о вступлении в войну, и чем раньше, тем лучше. Но наверняка подождут до [президентских] выборов, если только евреи до того времени не потеряют терпение. Поистине заслуживающая сожаления страна! (...)

11 октября 1940 г. Пятница.

Вчера: (...) мы наносим удары по Англии, особенно по Лондону, непрерывно, днем и ночью. Невероятные опустошения. В ответ — только немногочисленные налеты на рейх. Психологическое положение Лондона становится все более тяжелым. Только в США все еще не отступаются. Все это говорит за их вступление в войну, а против — только немногие голоса. (...)

17 октября 1940 г. Четверг.

(...) Москва публикует наглое опровержение по румынскому вопросу**. Она, мол, не приняла своевременного участия и т. п.

* 30 сентября 1940 г. в газете «Правда» была опубликована передовица «Берлинский пакт о тройственном союзе».

**16 октября 1940 г. ТАСС опроверг сообщение датской газеты «Политикен»⁰ том, что «Кремль был информирован о целях и размерах войск, которые были посланы в Румынию».

(...) В США говорят о вступлении русских войск в Румынии. Но это — неумно. На это Москва никогда не отважится. (...) *

18 октября 1940 г. Пятница.

(...) Ужасные налеты на Лондон. Как долго Черчилль сможет это выдерживать? (...)

19 октября 1940 г. Суббота.

(...) Обсуждаем с Герингом проблему Риббентропа. Геринг просто кипит от ярости. Этот тип разрушает наше товарищество. Но сам не имеет больше ни единого друга. Геринг полностью на моей стороне. В его лице я буду иметь очень важную опору. (...)

23 октября 1940 г. Среда.

(...) Ужасающие сообщения из Лондона. Там — ад на земле (...)

24 октября 1940 г. Четверг.

(...) Москва и Токио намерены прийти к согласию на базе договора о ненападении (правильно: о нейтралитете. — *Сост.*). (...)

25 октября 1940 г. Пятница.

Вчера: у фюрера состоялась запланированная беседа с Франко. Я получил по телефону известие, что все прошло очень гладко. Теперь Испания для нас обеспечена. Черчиллю придется пережить плохие времена. (...) Бедная Англия! (...)

29 октября 1940 г. Вторник.

(...) Фюрер встречается с дуче во Флоренции. Обсуждается международное положение. Эхо во всем мире на встречу с Петэном все еще очень велико. Виши согласилось. Итак, оно **включает** Францию в европейский блок. Лондон абсолютно изолирован. (...)

1 ноября 1940 г. Пятница.

(...) Страшные сообщения из Лондона, но англичане — народ упорный. Они еще продержатся. Фюрер будет атаковать их до тех пор, пока не окажутся разгромленными **и** поверженными наземь. Когда это произойдет — не знает никто. Но цель ясна. Они должны окончательно убраться из Европы. И здесь им не найти **своей** континентальной шпаги. Россия? Для этого Сталин **слишком** хитер. А наш вермахт — слишком силен. Сталин же хочет что-нибудь заработать на этом деле, но отнюдь не идти на неопределенный риск. К румынским нефтяным промыслам мы не подпустим никого. Наши бомбы на Англию и наши торпеды **сделают** Черчилля помягче. Надо только иметь терпение и неотступно биться дальше. В отношении Испании **и** самого Франко у **фюрера** оценка отнюдь не хороша. Много крика, но мало настоящих **слов**.

д по сути дела — ничего. И при этом [Испания] совершенно не подготовлена к войне. А важничает словно мировая империя, которой уже и в помине нет. В то время как Франко совершенно **ненадежен**, Петэн надежен и полон самообладания. С реальным **взглядом** на факты. Никаких попыток приукрасить состояние дел. **Франция** отдает себе ясный отчет в том, что войну она проиграла и должна нести за это ответственность. Она и несет ее с достоинством. У Петэна все еще ясная и умная голова. (...) Он произвел на фюрера глубокое впечатление. (...)

2 ноября 1940 г. Суббота.

Вчера: (...) днем у фюрера. Он еще раз встречается с Франко для беседы. (...) Итальянское «наступление» против Греции у фюрера аплодисментов не вызывает*. Оно плохо организовано и, по крайней мере пока, представляет собой отнюдь не вдохновляющую картину.

3 ноября 1940 г. Воскресенье.

Вчера: (...) Инёню** произнес речь. И так и этак. Дружественно по отношению к Лондону. В остальном же Турция и не думает вступить в войну ради интересов Англии. Другого мы и не ожидали. В Греции дело движется медленно. Ведь блицкриг — это германское изобретение, и до сих пор патент на него имеют немцы. Довольно отрицательные сообщения из Испании. Франко слишком слаб, и фаланга отстранена. Сунье*** слишком непопулярен. Для ведения войны Испания в данный момент малопригодна.

5 ноября 1940 г. Вторник.

(...) У фюрера. (...) Польша для нас — так определил фюрер — огромный резервуар рабочей силы, откуда мы можем брать людей для грязной работы. Откуда-то нам нужно же их брать! (...) А евреев мы потом из этой области вышлем. Итальянцы в данный момент не на очень хорошем счету у фюрера. Только один Муссолини — настоящий мужчина. Англия, так полагает фюрер, однажды рухнет. Нам надо только вооружиться терпением. Неотступно атаковать ее и быть упорнее, чем англичане. А Греция? При нынешних обстоятельствах это может занять порядочно времени. (...)

7 ноября 1940 г. Четверг.

Вчера: (...) выборы в США. Рузвельт избран значительным большинством голосов! Но большого вреда нам это уже не причинит. США и так всеми средствами материально поддерживают

* 28 октября 1940 г. Италия напала на Грецию.

** Президент Турции.

*** Министр иностранных дел Испании.

Лондон. Активно же вступить в войну Рузвельт, по его утверждениям, еще не может. А впрочем, надо подождать!

9 ноября 1940 г. Суббота.

Вчера: <...> умер Чемберлен. Морально и физически сломался под тяжестью наших ударов. А ведь хотел увидеть конец фюрера, и его рейха!

Готовится визит Молотова. Но я лично буду держаться несколько на втором плане. Визит вызывает величайший интерес во всем мире. (...)

12 ноября 1940 г. Вторник.

В Греции — никакого продвижения. В надежде на дипломатическое давление Рим подготовил эту акцию неудовлетворительно. Италия находится сейчас в обороне. Ситуация уже теперь может рассматриваться с военной точки зрения как очень серьезная. И для нас тоже — как вопрос критического значения. Жаль, жаль!

Визит Молотова уже подготовлен. Мне удастся не допустить, чтобы народ стоял шпалерами, а также скопления толпы у Имперской канцелярии. У министерства иностранных дел — никакого чутья, если оно предложило такое. (...)

13 ноября 1940 г. Среда.

Вчера: (...) В Греции дело совершенно тухлое. Муссолини не подготовил ничего путного. Теперь он будто бы выработал план наступления. Но это надо было сделать заранее. (...)

Молотов прибыл в Берлин под проливным дождем. Холодный прием. (...)

14 ноября 1940 г. Четверг.

Вчера: (...) В Греции Италия благополучно застряла.

Утром — завтрак у фюрера в честь Молотова. В узком кругу. Молотов производит впечатление умного, с твердым характером человека, но слишком застегнутого на все пуговицы. Лицо восковой желтизны. Из него почти ничего не вытянешь. Слушает внимательно, но не более того. Молотов — своего рода **форпост** Сталина, от которого все и зависит. Впрочем, Россия находится в исключительно благоприятном положении, с которым она вряд ли захочет расстаться. Сопровождающие Молотова лица более чем посредственны. Ни одной личности крупного масштаба. Словно они хотели во что бы то ни стало подтвердить наши **теоретические** представления насчет сущности большевистских масс. На их лицах был написан страх друг перед другом и комплекс **неполноценности**. Даже невинная беседа с ними почти полностью **исключена**. ГПУ бдит! Это ужасно! В этом мире человеческая жизнь не имеет никакой ценности. Совместные с Россией действия и в будущем должны определяться политическими целесообразностями. Чем больше мы политически сближаемся, тем больше будем ста-

ловиться чуждыми идейно и по своему мировоззрению. И это **хорошо**. (...)

15 ноября 1940 г. Пятница.

Вчера: (...) все это следует отнести за счет безграничного легкомыслия итальянцев, которому следует приписать то, что они получают в Греции сплошные тумачи. Перед началом любой акции ^{надо} предвидеть трудности, а не рассчитывать на самый легкий **случай**. Итальянцы сели в лужу, и теперь им приходится совершенно заново планировать, организовывать и готовить наступление. Чиано добился проведения этой операции вопреки генеральному штабу. Таким образом, он — достойный коллега Риббентропа. Нашему участию в ливийской кампании дан отбой. Зато скоро начнется акция против Гибралтара, а тем самым станет актуальным вопрос о Португалии. Но к этому мы готовимся основательно и с должным вниманием. Это не должно быть школярской акцией. Наши контингенты в Румынии усиливаются. Как бы у англичан при затяжке греческой кампании не возник аппетит на румынскую нефть. (...)

Молотов уехал. «Достигнуто согласие по всем интересующим вопросам». Холодный душ для всех лондонских друзей Советов. Все дальнейшее зависит от Сталина. Его решение пока еще заставляет себя ждать. (...)

(...) Греки сражаются уже на албанской земле. Они сделали из итальянцев котлету. Досадный срам для всех нас. (...)

17 ноября 1940 г. Воскресенье.

Вчера: (...) воздействие [бомбежки] Ковентри во всем мире очень велико. Даже американские газеты под огромным впечатлением. В Лондоне полнейшая беспомощность. Оттуда идет огромная волна пессимизма. Если бы итальянцы так не обанкротились, все было бы для нас в данный момент очень хорошо. (...)

22 ноября 1940 г. Пятница.

(...) На греческом фронте дела очень плохи. Итальянцам придется переживать там жестокое поражение. (...)

26 ноября 1940 г. Вторник.

(...) Итальянцы не могут удержать и свои новые позиции в Албании. Греки наступают с невиданным подъемом. Наши союзники дают тягу. Отвратительная картина. Они ничего толком не Подготовили. Англичане торжествуют. Но наши воздушные налеты снова вызывают волну пессимизма. (...)

Венский арбитраж не признают ни Румыния, ни Венгрия. Это совсем неплохо. Небольшая ссора на Балканах — всегда хорошая гарантия. Ну а теперь они должны сохранять спокойствие. К Англии фюрер испытывает одно лишь сострадание. Империя сама разрушает себя. Спасение для Англии едва ли еще есть. (...)

4 декабря 1940 г. Среда.

(...) Наше нападение на Гибралтар должно начаться примеру через четыре недели. Крупные воинские части уже стоят наготове в Испании. Итальянцы получают в Греции один удар за **другим** <...>

Днем у фюрера. (...) Самая резкая критика по поводу военных дел итальянцев в Албании. Это делает Рим посмешищем для **всех**. А Италия собирается напасть еще на Югославию! Это было бы совершенной катастрофой. Фюрер считает, что их здорово поколотили бы **в** Северной Африке, напали они там на Францию. Но теперь, по крайней мере, нет никакого сомнения в том, кто должен руководить Европой — Гитлер или Муссолини. (...) Пессимистические голоса раздаются и из США. Он [фюрер] внимательно регистрирует их. Однако прежде, с полным правом, ожидает краха Англии. Тамшний руководящий слой теперь так много потерял в своем бизнесе, что пускает **в** ход последние резервы. Это не столько Сити, сколько евреи, которые при нашей победе вылетят из Европы, а также Черчилль, Иден и иже с ними, для которых все это кончится эшафотом. (...)

5 декабря 1940 г. Четверг.

(...) Из Лондона снова слышатся голоса приглушенного пессимизма. На греческом фронте итальянцы продолжают отступать. Просто постыдное дело. Престиж Муссолини ужасно пострадал. Итальянцы падают в глазах мирового мнения все ниже. А с ними падают и наши акции. (...)

6 декабря 1940 г. Пятница.

(...) Черчилль меняет свой напускной пессимизм на напускной оптимизм. Но и это тоже долго не протянется. Греки все еще гонят итальянцев назад. Колоссальная потеря престижа для Муссолини. В немецком народе царит величайшее **недовольство** по этому поводу. Его едва удастся приглушить. Италия **может** благодарить за это Чиано. Мы сильнее закручиваем пропаганду по радио **и** в кино. Я непрестанно указываю нашим средствам массовой информации на необходимость сдерживать появляющийся в народе оптимизм насчет будто бы скорого окончания войны. Если надежда эта не исполнится, бремя этого потом будет **лежать** на нас. (...) Министерство иностранных дел убралось из **Радио**-дома. Так что Риббентропу пришлось капитулировать перед **моей** стойкостью. Большой конфуз для него. Фюрер тоже сказал **свое** слово. Вся Имперская канцелярия была на моей стороне. (...)

7 декабря 1940 г. Суббота.

На греческом фронте наш союзник продолжает отходить. Но он подтягивает резервы. События там постепенно перерастают в военно-политический скандал. Английские сановники своими речами и статьями пытаются поднять падающий дух народа. Всю

свою надежду Англия возлагает на США. Но там, кроме взбадривающих речей и статей, ничего не видно и не слышно. (...) Муссолини смещает Бадольо*. В наказание за Грецию. Но лучше всего ему было бы сместить Чiano. (...)

У декабря 1940 г. Среда.

(...) На греческом фронте итальянцы, кажется, начинают все же медленно закрепляться. Более точных сведений мы от них не имеем. Видно, слишком стыдятся. В Африке их тоже атакуют англичане. Пользуются сейчас ситуацией. (...)

12 декабря 1940 г. Четверг.

(...) Японский министр иностранных дел заявил, что объявление нам войны со стороны США немедленно повлечет за собой японское объявление войны Америке. Это подействовало на Вашингтон весьма отрезвляюще.

Фюрер выступает перед гауляйлерами: войну в военном отношении можно считать выигранной. Он обрисовывает новое оружие и мощности нашей военной промышленности, строительство подводных лодок, обращает их внимание на эти действительно удивительные вещи. Англия изолирована, под нашими ударами она все больше приближается к своему падению. (...) Как в прошлом году фюрер предсказал крах Франции, так сейчас он предсказывает крах Англии. И при этом он никак не хотел войны. Он и теперь согласился бы на мир на приемлемой базе. Вторжение [на Британские острова] пока не планируется. Он испытывает боязнь перед водой. К тому же неохотно идет на рискованные эксперименты, если можно обойтись и без них. Хочет избежать больших потерь. Это хорошо и правильно. Самые резкие слова против итальянцев в связи с их греческой операцией. Он же предупреждал, хотел еще раз предостеречь во Флоренции, но было уже поздно. Все плохо подготовлено. А в итоге — гигантская потеря престижа. И в Египте тоже положение гадкое. Итальянская армия полностью обанкротилась.

Россия тоже подкарауливает в засаде, но мы ее не боимся. Она охотно кое-чем бы поживилась, поэтому и надеялась, что кампания на Западе продлится долго. Но мы ей этого удовольствия не Доставили. Теперь защищены и границы наших интересов. Прежде всего на Балканах. В Румынию переброшены новые контингенты войск. Туда мы никого не пустим. Фюрер трезво учитывает только Реальности. Положение, за исключением того, что касается Италии, в настоящий момент вполне благоприятное. Победа — у нас⁸ кармане. Если только мы ее не упустим в результате собственных ошибок. (...) Немецкая пресса сейчас лучше, чем когда-либо. Это успех нашей систематической работы. (...)

* Начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил.

15 декабря 1940 г. Воскресенье.

(...) В связи с Египтом из Лондона раздаются победные гимны. Положение там пока еще совершенно неопределенно. Но, всяком случае, у итальянцев очень большие потери. Точно так же и на албанском фронте, где греки наступают неотступно и массированно. Да, наш союзник — это наш тяжкий крест! (...)

17 декабря 1940 г. Вторник.

(...) На греческом театре войны — некоторый застой, в Египте — положение довольно прочное. О контрударе в ближайшие месяцы нечего и думать. Зато мы опять нанесли англичанам тяжкие раны торпедированием. (...) Лондон снова жутко блефует. Я направляю против этого весь германский информационный аппарат. Италию в Лондоне уже считают списанной со счетов (...)

19 декабря 1940 г. Четверг.

(...) Операция «Фриц» (Гибралтар) временно отложена. Франко не готов. Да и не хочет. Не такого он масштаба человек. К тому же внутренние условия в Испании отрядными никак не назовешь. То, что мы не будем иметь Гибралтар, — тяжелая рана. (...) Сейчас надо помочь итальянцам, поскольку у них дела плохи. Рузвельт начинает оказывать Англии широкую помощь. Он идет на все, но на открытую войну отваживается с трудом. (...) Лондон старается изобразить итальянские неудачи как гигантскую катастрофу. Мы энергично противодействуем. (...)

20 декабря 1940 г. Пятница.

Вчера: (...) в Финляндии президентом стал Рюти. Как долго еще Финляндия сможет противостоять русскому нажиму? (...)

22 декабря 1940 г. Воскресенье.

(...) Фюрер рассказывает о кампании на Западе, о драматическом прорыве у Седана, от успеха которого зависела судьба этой войны. Все дело в надлежащей подготовке — тезис, правильность которого итальянцы доказали негативным образом. Сначала — в Абиссинии, потом во Франции: не захватить Савойю! — затем в Албании и Сомали. Дилетантизм, какому нет сравнения* Фюрер находил для этого самые резкие выражения. Итальянцы разрушили весь военный престиж оси. Поэтому так и ошетились Балканы. Ведь итальянцы — романский народ. И вот теперь мы вынуждены вмешаться. Не для того чтобы помочь им, а чтобы выгнать англичан, укрепившихся на Крите. Они должны уйти оттуда* Фюрер охотнее всего желал бы заключения мира между Римом и Афинами. Но тут он плохой советчик. Муссолини сам вляпался в это дело. Ему приходится встречаться с внутренними трудностями: против него подстрекают и попы, и евреи, и аристократия. Лучше бы ему было сразу захватить Крит, как советовал фюрер-

јјо Рим неисправим. Фюрер напишет Муссолини подробное письмо о том, как он видит положение. (...)

23 декабря 1940 г. Понедельник.

(...) Нелегко же Муссолини сделать из итальянцев воинственной народ. Это не пруссаки и даже не саксонцы! (...)

29 декабря 1940 г. Воскресенье.

(...) Для маскировки мы отзываем (из печати и радио. — *Сост.*) речь Браухича о вермахте. Он сказал, что Ла-Манш не представляет собой непреодолимого препятствия. (...)

31 декабря 1940 г. Вторник.

Вчера: (...) Рузвельт произносит бесстыднейшую речь против нас, оскорбляет нас самым свинским образом и открыто выступает за широчайшую поддержку Англии, в победу которой он твердо верит. Образец демократического искусства передергивания фактов. Фюрер пока еще решает, как нам на это реагировать. Я был бы вот за что: самая резкая полемика, наконец-то больше никакой сдержанности в отношении США. Иначе мы не продвинемся дальше ни на шаг. (...)

[1941 год]

1 января 1941 г. Среда.

(...) Англичан надо отхлестать так, чтобы они заскулили о мире. (...)

3 января 1941 г. Пятница.

(...) Новогоднее обращение фюрера — большая сенсация. В первую очередь — его жизнеутверждающая уверенность в победе. (...)

8 января 1941 г. Среда.

(...) Англичане уже у Тобрука. (...) Речь Рузвельта — замаскированное объявление войны. Она содержит все его элементы за исключением самого формального объявления. (...)

И января 1941 г. Суббота.

(...) Тобрук надо считать потерянным! Уже полностью окружен. В Киренаике англичане тоже действуют успешно. Очень серьезное положение для нашего друга по оси. (...)

12 января 1941 г. Воскресенье.

Вчера: Москва в опровержении ТАСС насчет Румынии действует против нас. Но это вряд ли следует принимать всерьез, во всяком случае, в вопросе о Румынии мы должны, учитывая

позицию Москвы, а также Антонеску, оперировать весьма острожно. (...)

21 января 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) Муссолини провел три дня на горе (Оберзальц. берг. — *Сост.*). Исчерпывающий обмен мнениями. Фюрер высказал ему почти все. Полное взаимопонимание. Зарубежная пресса о встрече ничего не узнала. (...)

23 января 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) Мацуока произнес блестящую для нас речь и, таким образом, весьма недвусмысленную для США. С Японией Рузвельту будет не до смеха. (...)

31 января 1941 г. Четверг.

Вчера: восемь лет у власти. (...) Во второй половине дня фюрер выступил в Спортпаласте. Неслыханный успех. Зал переполнен. Фюрер говорил как никогда. Резко разделяется с Англией и ее плутократией по всем вопросам. Уверенность в победе. Мы еще нанесем свой удар. Подготовлены и в отношении США. Нас никто не застанет врасплох. Публика неистовствует. Фюрер весьма рад. Эта речь равносильна выигранной битве. Фюрер очень хвалит и нашу пропаганду. Заключительная часть — сплошной ораторский триумф. (...)

1 февраля 1941 г. Суббота.

(...) Сообщение из Софии. Царь хочет знать точно, что не потеряет трон, если пойдет вместе с нами. Ему вовсе и не нужно идти вместе с нами, ему нужно только пропустить нас через свою территорию. (...)

6 февраля 1941 г. Четверг.

(...) В Абиссинии итальянцы держатся неожиданно хорошо. Значит, крепкий орешек для Лондона. Сообщения из США. К ведению войны никоим образом не подготовлены. (...)

8 февраля 1941 г. Суббота.

(...) Наши войска вступили в Румынию. Сообщения из **Италии** говорят о сильнейшем пораженчестве. Теперь полагаются только на фюрера. Чиано — совершенно конченный человек, а дуче почти не пользуется никакой популярностью. К тому же **дезорганизация**, коррупция, коротко и ясно — почти хаос. Наступление **вскоре** должно начаться снова, иначе Италия превратится в ничто. (...)

15 февраля 1941 г. Суббота.

(...) Мацуока произносит весьма дружественную по отношению к Москве речь. Это хорошо, что все постепенно **улаживается**. Все силы сейчас должны **быть** сконцентрированы против **Англии**.

22 февраля 1941 г. Суббота.

(...) Генерал Роммель* прибыл в Триполи. Он получил от Муссолини все полномочия. К тому же три танковые дивизии. Цель — возвращение Бенгази. Из-за авиационной базы. Грациани** уже смещен. И так, там скоро будет наведен порядок. В Албании — сильные позиционные бои. Болгария немного ропщет. Фло несерьезно. Да и слишком поздно. В США все радикальнее берут курс на войну. (...) В Англии бахвалятся. Там выдумывают себе всяческие героические деяния против нас. Причиной тому служит положение Италии. (...)

25 февраля 1941 г. Вторник.

(...) Подводная война начинается. Фюрер еще раз провозглашает ее в своей мюнхенской речи. (...)

26 февраля 1941 г. Среда.

(...) В Киренаике англичане начинают окапываться, а это значит, что они готовятся к обороне. Они постепенно начинают соприкасаться с нашими танковыми войсками. (...) Подводная война воспринята в Лондоне очень серьезно и вполне обоснованно. (...)

1 марта 1941 г. Суббота.

(...) Болгария решила присоединиться к пакту Трех. Подписание — сегодня в Вене. Фюрер тоже едет туда. Это были тяжелые роды. (...)

2 марта 1941 г. Воскресенье.

(...) На Балканах дымится. Болгария присоединилась к пакту Трех. В Турции все еще не знают, куда податься. (...) Нервозность вокруг Болгарии достигла высшей точки. Лондон грозит войной, если Болгария примкнет к Тройственному пакту. Но тем временем фюрер уже принялся за дело в Вене. Состоится подписание Филловым***. Там же находится и Чиано. Снова всплыл на поверхность. В Лондоне — страшная судорога. Доказательство того, что удар германской дипломатии пришелся в точку. А постепенно будут нанесены и совсем другие. Англия получит то, чего себе желала: войну! В США все сильнее проявляет себя оппозиция. Но надежды на то, что закон о помощи Англии провалится, еще нет. Рузвельт хочет осуществить свою волю. Если война закончится в текущем году, вреда от этого не будет. Но на следующий год это стало бы гораздо хуже. (...)

* Командующий Африканским корпусом.

** Главнокомандующий итальянскими войсками в Северной Африке. Уволен
в отставку после поражения при Мерса-Матрух.

*** Премьер-министр Болгарии.

3 марта 1941 г. Понедельник.

(...) Обменялся мнениями с генералом Шобертом*. Он прикрывает наш тыл от России. Полезная задача. (...)

4 марта 1941 г. Вторник.

(...) В Итальянском Сомали наши друзья по оси драпают. Вступление в Болгарию прошло без помех, с небольшими задержками из-за обрушившегося моста. Мы двигаемся до установленной линии, однако не до турецкой границы.

5 марта 1941 г. Среда.

Вчера: (...) Москва публикует наглое коммюнике: занятие Болгарии усиливает опасность войны, и поэтому Россия больше не может поддерживать политику Софии. На мой взгляд, это **холостой** выстрел в воздух. Мы на это никак не реагируем. Лондон подает это как наше гигантское поражение. Уже вскоре будет забыто. Решают не коммюнике, а реальности. Несмотря на это, **мы** должны Москвы остерегаться. (...)

14 марта 1941 г. Пятница.

Вчера: восемь лет на посту министра. Какое время! Какие радости и какие труды! Какой путь наверх! Я очень благодарен своей судьбе. (...)

А итальянцы не знают толком, как им начать свое наступление в Албании. Гнилое, трусливое отребье. (...)

Рузвельт подписал вчера закон о ленд-лизе. В подробном послании конгрессу высказывает свои гнусные намерения. Все они жестко нацелены на продолжение войны. Он также грозит и в прессе войной, если мы будем топить его транспорты с оружием.

Лондон, разумеется, ликует.

17 марта 1941 г. Понедельник.

Вчера: (...) фюрер произносит чудесную речь. Абсолютная уверенность в победе также и в отношении США. Это станет огромной сенсацией. Однако он уже не утверждает столь категорично, что этот год является последним годом войны. Это лучше и с психологической точки зрения. Ведь никогда нельзя знать, как сложатся дела дальше, а потому назначать твердые сроки всегда — зло. (...)

18 марта 1941 г. Вторник.

(...) Англия делает из помощи со стороны США большую сенсацию: мол, это — поворотная точка войны. Мы всячески стараемся справиться с этим психозом. (...)

* Ойген фон Шоберт — генерал-полковник, командующий 11-й армией, гиб 12 сентября 1941 г.

21 марта 1941 г. Пятница

(...) Фюрер ни в коем случае не хочет сдавать Африку. (...)

24 марта 1941 г. Понедельник.

(...) Наши успехи в Атлантике производят глубочайшее впечатление на США. (...)

25 марта 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) Мацуока принят в Москве весьма дружественно. Даже демонстративно. Но я большевикам не доверяю. Югославия уже готова. Подписанию ею [Тройственного пакта] уже ничто не препятствует. Лондон снова заставил своих кукол танцевать. **Тщетно!** (...)

26 марта 1941 г. Среда.

Вчера: (...) Мацуока принят Сталиным. Отношения Москва — **Токио** начинают проясняться. Москва публикует коммюнике о том, что Россия в случае борьбы за территорию Турции не ударит ей в тыл. Бумага! Там видно будет! Фюрер находится в Вене. Югославы — тоже. В 12 часов подписание [Тройственного **пакта**]. Итак, мы все-таки добились и этого! Роды были тяжелыми. Несмотря на все пророчества Лондона насчет Югославии. Я велю обобщить все это для нашей пропаганды. (...) Это будет очень убедительно.

27 марта 1941 г. Четверг.

Вчера: в Белграде — небольшие контрдемонстрации, но это не имеет значения. Инсценированы англичанами. Мы гарантируем югославам неприкосновенность их территории, а также то, что не будем проходить через нее. Мы всего лишь хотим тайно использовать ее аэродромы. В Англии — ярость и депрессия. США несколько отрезвлены, а Турция — очень сдержанна. Ее мы тоже однажды привлечем к делу. (...)

28 марта 1941 г. Пятница.

Вчера: на первом плане стоит визит Мацуоки [в Берлин]. Лондон слегка огорчен. В Югославии происходит государственный переворот. Принц-регент Павел и Цветкович свергнуты. Образовано новое генеральное правительство во главе с 17-летним королем. Невероятная неразбериха. Черчилль приветствует эту акцию восторженной речью. Но ничего в точности не известно. Следовательно — выжидать. (...)

29 марта 1941 г. Суббота.

Вчера: (...) Черчилль торжествует в своей речи о Югославии. Фюрер возмущен. В Белграде стараются превратить это дело в "Устак. Хотели бы одновременно опираться на два плеча. О пакте Трех — ни слова. Хотят мира со всеми сторонами. Ждать! Мы уже

работаем над листовками для Хорватии. Все равно дело так или иначе, но движется. Москва уже немного струсила. И в Белград тоже в штаны наложили. Принц-регент Павел арестован! Ну просто сущие Балканы! В ближайшие дни все станет яснее. (...)

Подготовлена большая пропагандистская кампания в Норвегии. Там сейчас находятся войска численностью в 300 тыс. человек! Москве будет не до смеха, если однажды все начнется. И это хорошо. Пусть знают, чего можно от нас ждать, если нас провоцируют.

У фюрера. Обед в честь Мацуоки. Присутствуют почти одни фельдмаршалы. Японцы готовы полностью идти с нами. Пока у них имеются трудности с их стариками. Те желают консервативной политики в отношении России. Это позже пойдет нам на пользу. Англия потеряла в лице Японии — нечто чрезвычайное. Осима проложил путь к союзу. Он относится к этому делу фанатически. Мы многим обязаны ему. (...)

Фюрер выглядит довольно изнуренным. История с Югославией его очень обозлила.

В США объявлено и официально, что Рузвельт немного помог белградской опереточной революции. Но что за польза от этого сербам? Небо высоко, а США далеко. (...)

7 апреля должна начаться давно готовящаяся операция против Греции. Но это всего лишь небольшое начало. Мы должны пробиться до Салоник, затем группа армий Лееба повернет направо, и тогда наступление на Югославию начнется со всех сторон. Дело с Югославией не займет слишком много времени. Ее армия хотя и храбра, но не так современно вооружена. Это будет мстостью за провокацию. (...)

Крупная же операция последует позже против Р. (Здесь и далее буквой *Р.* обозначена Россия. — *Сост.*). Она будет тщательно замаскирована, только очень немногие знают о том. Начало ей будет положено переброской войск на Запад. Мы направим подозрение куда угодно, но только не на Восток. Будет подготовлена ложная операция против Англии, а затем все будет внезапно отменено, и дело пойдет молниеносно. Украина — прекрасная житница. А окажемся там, сможем выдержать еще долго.

Тогда вопрос Балканами и Востоком будет решен. Психологически все это имеет свои трудности. Параллель с Наполеоном и т. д. Но это мы легко преодолеем посредством антибольшевизма. Тогда станет ясен также вопрос о Прибалтийских государствах и Финляндии. Поначалу объектом нашей пропаганды будут они, а затем русские крестьяне. Мы покажем все свое мастерство. Главное — чтобы это началось. Нас ожидают огромные победы. А потому надо сохранять самообладание и не терять трезвой головы. И все тщательно подготовить.

<...>

30 марта 1941 г. Воскресенье.

Вчера. (...) день нехороший. В Белграде снова вспыхнули враждебные немцам демонстрации. Нашего посланника освистали. даем этот материал по каплям. Хорваты относятся к этому правительству совершенно пассивно, а само оно уже струсилло и заверяет нас в своей доброй воле. (...)

Сосредоточение наших войск почти завершено. Ни один человек извне не имеет никакого представления о том, что задумал фюрер. Тем более уничтожающими будут его удары. Наша маскировка полностью удалась. (...)

31 марта 1941 г. Понедельник.

Вчера: (...) все только и ждет того, чтобы фюрер нажал кнопку. В Белграде заметно поостыли. Теперь мы снова сидим у длинного конца рычага. Лондон тоже начинает призадумываться. Своими громкими воплями триумфа он посадил Белград прямо в лужу. Наша позиция после этого стала безупречной. (...) Рим, видно, очень хотел бы, чтобы мы завоевали ему эту страну, дабы наполовину подарить ее итальянцам. Все это — большое дерьмо и обман со стороны итальянцев. Их аппетит вдвое больше, чем их храбрость. Это дало нам повод хорошо посмеяться над нашими союзниками. (...)

1 апреля 1941 г. Вторник.

(...) Италия постепенно превращается в наш единственный фактор неуверенности. Но против этого "едва ли что поделаешь. Мы вынуждены попытаться своими победами искупить ее поражение. (...)

3 апреля 1941 г. Четверг.

(...) Операции против Югославии и Греции могут быть проведены параллельно, а не одна после другой. Это большое преимущество. Фюрер даст приказ. Он может последовать в любой день. Все зависит от того, когда наши сухопутные войска закончат свое сосредоточение. (...)

Сообщение с русско-румынской границы. Теперь русские тоже начинают ощущать страх. Это — приятное известие. (...)

4 апреля 1941 г. Пятница.

(...) Генерал Роммель делает свое дело выдающимся образом. В Лондоне про нас говорят: если они хотят сражения — пусть приходят, тогда посмотрим кто — кого. Томми могут успокоиться. Они бегут от наших солдат точно так же, как итальянские — от них. Это радостно, а для Италии — ужасная компрометация. Не^xотел бы я сегодня быть итальянцем. (...)

^s апреля 1941 г. Суббота.

(...) В субботу на рассвете должно начаться наступление на Югославию и Грецию. В Греции мы хотим как можно скорее

достигнуть Салоник. Югославия будет атакована Болгарией, а так же нашими войсками. Надеемся, операция продлится не слишком долго. Государство распадется. Италия получит побережье, Болгария — Македонию, а наши гау в Остмарке (Восточная Пруссия. [^] *Сост.*) — бывшие австрийские провинции. Правительство возглавит главнокомандующий. Белград судорожно пытается умиротворить нас и предается плаксивым заверениям в своей лояльности. Но слишком поздно. (...) Наши тайные радиопередатчики **начинают** действовать. Прежде всего — обращение к хорватам, **которые** должны стать автономным государством. (...)

6 апреля 1941 г. Воскресенье.

Вчера: (...) наступление на Югославию и Грецию еще раз отложено на один день. Должно произойти в воскресенье на рассвете. Мы совершенно готовы. (...)

7 апреля 1941 г. Понедельник.

Вчера: наступление прошло планомерно. Бомбежка Белграда имела опустошительные результаты. Значительная часть города горит, вокзал, дворец и многие представительные здания. Россия публично выражает свою любовь к миру. США пока только брюзжат. Лондон ошеломлен и в ярости. Греция заявляет, что хочет оказывать сопротивление. Венгрия и Болгария шагают вместе с нами. На их участии построен весь план военных действий. (...) Сообщение из Турции: дрожь в коленках.

8 апреля 1941 г. Вторник.

Вчера: Белград вторично подвергнут бомбежке с опустошительными последствиями. (...) Мы продвигаемся в Югославии, как и в Греции, лишь медленно. Горы хорошо пригодны для обороны. Сербы, как и греки, сражаются храбро. Они достойны высочайшего признания. Танковый удар в направлении Белграда только еще предпринимается. (...)

У фюрера. Он тоже поражен храбростью в первую очередь греков. Может быть, в них еще что-то осталось от древнего эллинизма. Сербы бьются отчаянно. Но как только первое сопротивление будет сломлено, начнется большое бегство. (...) Фюрер запрещает бомбежку Афин. Рим и Афины для него — Мекка. Он сожалеет, что ему приходится воевать против греков. Если бы там не было англичан, он никогда бы не поспешил на помощь итальянцам. Свое дело они должны делать сами. (...)

9 апреля 1941 г. Среда.

Вчера: (...) греческие укрепления прорваны. Дорога на Салоники свободна. Греки сражаются очень храбро. Я запрещаю принижать их в прессе. Югославы вынуждены отступать. **Значительная** часть их войск окружена. Танковая группа Клейста **изготовилась** к бою. Марш вперед! Мы наносим удар. (...)

10 апреля 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) Салоники в наших руках. Македонская армия греков после упорного сопротивления капитулирует. Линия Метаксаса прорвана. Неописуемый успех. Какая у нас великолепная армия! ¹Группа Клейста пробилась вперед. Вклинилась в Югославию на ²глубину 120 километров. (...) Удалось полностью расчлнить греческие и сербские вооруженные силы. 20 тыс. сербских пленных, в том числе шесть генералов. Бесчисленные трофеи. Великий день! Можно начищать фанфары на радио. (...)

В Северной Африке — дальнейшее продвижение. Роммелю приходится остановиться, чтобы подтянуть боеприпасы, горючее и провиант.

У фюрера. Он был очень озабочен тем, что прорыв удался не сразу, и провел всю ночь без сна. Но теперь сияет от радости. Имеет для этого все основания. Этот прорыв — одно из самых блестящих военных свершений во всей мировой истории. Насчет глупостей англичан фюрер может лишь отпускать шутки. К сербам он испытывает только ярость, между тем как к грекам — большое уважение и даже что-то вроде сочувствия. Столько страданий этот народ не заслужил. К США мы теперь слишком, большого уважения не питаем. Тамашним евреям импонирует только демонстрация силы. Москва тоже держится теперь в стороне. Никто не хочет угодить на линию нашего огня. И это — самое лучшее. (...) Наши позиции весьма хороши. Наш престиж растет час от часу. Таким образом, Лондон переживает самые мрачные минуты со времени Дюнкерка. (...)

14 апреля 1941 г. Понедельник.

Вчера: Пасхальное воскресенье! День великолепных побед. Не смолкают фанфары. Тяжелые танки Клейста вторгаются в Белград. (...) Тобрук окружен. (...)

Большая сенсация: русско-японский договор о дружбе и ненападении*. Взаимная гарантия Маньчжурии и Монголии. Сталин и Молотов провожают Мацуоку на вокзале. Сталин обнимает германского военного атташе и при этом заявляет: Россия и Германия будут вместе идти к одной цели. Это великолепно и в настоящий момент должно быть отлично использовано нами! Мы уж стараемся с соответствующей силой звука донести об этом до всеобщего сведения. Как хорошо обладать силой! Сталин явно не имел охоты познакомиться с германскими танками. Сегодня для Англии — мрачный день. Рухнула одна из ее последних иллюзий. Это постепенно становится войной нервов. Я провел весь день в лихорадочном ощущении счастья. Какая Пасха! Какое воскресенье из долгой зимней ночи!

* 13 апреля 1941 г. в Москве был подписан советско-японский пакт о нейтралитете.

15 апреля 1941 г. Вторник.

(...) Договор Москва — Токио у нас замечен как бы между делом и совсем не драматически. Однако, учитывая известные гораздо дальше идущие планы, это фюрера совершенно не устраивает. Сцена с военным атташе была им вообще не замечена. Но в остальном это дело психологически нам пригодится. На США все это произвело просто шоковое впечатление. (...)

Пакт Москва — Токио все же является крупной сенсацией. Жаль, что мы не сможем выжать из этого большего. (...)

18 апреля 1941 г. Пятница.

Вчера: (...) поздно вечером приходит известие: остаток югославской армии безоговорочно капитулировал. Ну наконец-то! Гордый триумф 11 дней. Мы думали, что продлится на столько же дольше. А наш вермахт опять посрамил нас с нашими предсказаниями. (...)

20 апреля 1941 г. Воскресенье.

(...) Получено сообщение агентства Трансоцеан; в нем содержатся наши глубочайшие военные и дипломатические тайны. Я приказываю его немедленно уничтожить. Итак, наша маскировка [против России] немногого стоит. Сталин уже будет знать все. Мы сможем скрыть это только широкими контрмерами. (...)

21 апреля 1941 г. Понедельник.

Вчера: день рождения фюрера. Город в море знамен. Речи Гесса и Геринга по радио, а также передача из ставки фюрера. Боже, храни нам фюрера надолго! Тогда нам обеспечена любая победа. (...)

Положение Греции отчаянное. В Северной Африке упорнейшие бои. Англичане стойко сражаются за Тобрук, они ни в коем случае не желают отдавать Суэцкий канал. Это явилось бы тяжелым ударом по престижу Черчилля. Нам еще предстоит расколоть там твердый орешек. (...)

22 апреля 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) статья в «Правде». Ничего против Германии там не имеют. Москва, говорится в статье, хочет мира и т. п. Значит, Сталин почуял, что уже запахло жареным, и машет **оливковой** ветвью мира. Русская карта больше не бьет! (...)

Царь Борис побывал у фюрера. Он заслужил получить что-нибудь. (...)

23 апреля 1941 г. Среда.

(...) Японцы сообщают о Мацуоке и Сталине. Это **кажется** чисто азиатским братанием. Во всяком случае, Япония очень рада. Но мы все равно не дадим сбить себя с толку в наших мерах против Востока. (...)

25 апреля 1941 г. Пятница.

(...) В Греции мы уже пробились через Фермопилы. Афины перед нами. Англичане бегут. Это оказывает самое катастрофическое воздействие на мировое общественное мнение. (...) Папа просит о мире. Это тоже поможет мало. Эта партия должна быть сыграна до конца, если мы не хотим, чтобы через 10 лет она повторилась снова.

29 апреля 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) фюрер вернулся с театра военных действий. Сразу **вызывает** меня. Он **в** блестящем настроении из-за достигнутой **победы**. Дело **в** Греции продлится всего **еще** несколько дней. Предполагаемые два месяца превратились всего-то **в** три недели. Наши **солдаты** снова посрамили нас с нашими прогнозами. Насчет итальянцев фюрер высказывается весьма несдержанно. Да еще наглют по отношению к нам! (...)

1 мая 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) ТАСС публикует сообщение о высадке германских войск в Финляндии. Мы игнорируем его. Значит, там уже догадались и вся наша маскировка, как я и боялся, не помогла. Одновременно большая сенсация для мировой прессы. Но все это теперь не так уж плохо. Все равно скоро дело зайдет далеко. Всеобщее беспокойство и среди мировой общественности. В нашем народе тоже получает большое распространение разгадывание загадок. В Лондоне не имеют даже малейшего представления о том, что должно произойти. (...)

(...) Дикие слухи вокруг России. Постепенно наши замыслы раскрываются. Но уже столько было наврано, что почти и сам не различаешь, где правда, а где — надувательство. А в данный момент это для нас — самое лучшее. (...)

4 мая 1941 г. Воскресенье.

Вчера: (...) война в Греции закончена. (...) В Северной Африке жаркие бои за Тобрук, который все еще удерживается англичанами. (...)

В Финляндии все для нас готово с прицелом на русских. Во всем мире вокруг Москвы пышным цветом расцветают всяческие слухи: варианты от идиллического мира до самой кровавой войны. (...)

6 мая 1941 г. Вторник.

(...) У нас царит некоторая депрессия, поскольку ориентировались на окончание войны в этом году. Мы должны подготовиться к определенным трудностям. (...)

⁸ мая 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) упорные и кровавые бои за Тобрук. Мы удерживаем то, что имеем.

Молотов вышел в отставку из Президиума Народных комиссаров (так в тексте. — Сосг.)*, но остается министром иностранных дел. Его место занял Сталин. Насчет закулисных причин никакой ясности пока нет. Предполагаю, что это сделано для усиления общего авторитета, а также ввиду испытываемого советско-русским режимом серьезного бремени. Но так и так это ему уже certainly поможет. (...)

9 мая 1941 г. Пятница.

Вчера: (...) ТАСС опровергает в самой резкой форме то, что Россия концентрирует войска на западной границе. И так, у Сталина — неприкрытый страх. Какая разница в сравнении с опровержениями ТАСС несколько месяцев назад, где нас открыто или скрыто задевали! Вот так меняются времена, когда уже наготове пушки, грозящие своими жерлами. (...)

10 мая 1941 г. Суббота.

Вчера: (...) опровержение ТАСС — большая сенсация. Но мы получаем от этого выгоду. Мы его вообще не публикуем в немецкой печати. (...)

Москва больше не признаёт Бельгию и Норвегию суверенными государствами. Но это Сталину на пользу уже не пойдет. (...)

Из Лондона после заседания палаты общин растет критика Черчилля на страницах газет. Но не стоит придавать этому так много значения. Он, вне всякого сомнения, прочно сидит в седле. (...)

11 мая 1941 г. Воскресенье.

Вчера: годовщина начала наступления на Западе. Какие перемены за 12 месяцев! А где мы будем стоять через год?

Вечером поступили известия из Лондона о последнем ночном воздушном налете. Радио Лондона само характеризует его как ад, однако, несмотря на это, ни малейшего признака слабости или уступчивости. Нет признака этого и у нас, хотя и на нас тоже совершаются воздушные налеты, только меньшего размаха. (...)

13 мая 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) Сталин снова действует к нашему удовольствию, дает наивные и вводящие в заблуждения коммюнике и т. п. Слишком поздно! (...)

Фюрер отправился в Оберзальцберг. Покой перед бурей. Он продлится недолго.

В Лондоне утешаются иллюзиями. Там еще придется пережить новые разочарования. (...)

Вечером приходит ужасающая весть! Вопреки приказу **фюрера**

- Был освобожден от должности Председателя Совета Народных Комиссаров-

fess (заместитель Гитлера по партии. — *Сост.*) вылетел на самолете и с субботы больше не объявлялся. Приходится считаться с вероятностью его гибели. Его адъютанты, которые одни только знали об этом, по распоряжению фюрера арестованы. В коммюнике **фюрера** в качестве причины названы маниакальные представления насчет зондажа возможности заключения мира. Все это пока весьма сумбурно. Мы должны немедленно опубликовать коммюнике. Тяжелый, почти непереносимый удар. В данный момент его последствия даже невозможно предвидеть. Фюрер совершенно **раздавлен**. Какая картина для всего мира: душевнобольной является вторым после фюрера человеком! Такое даже помыслить и то **невозможно!** Сейчас надо сжать зубы. И прежде всего — пролить свет на это довольно-таки таинственное дело. Но он наверняка найдется. Даю указание прессе и радио опубликовать это сообщение без всякого комментария. А затем выждать, какова будет реакция. Лондон сразу даст о себе знать, а мы не останемся в долгу со своим ответом.

Гесс носился с мыслью о возможном мире. Он стоял как-то в стороне от борьбы и вот теперь проявил мягкотелость. С этим делом нам будет тяжело распутаться. Я приказываю немедленно вырезать кадры с его изображением из еженедельного киножурнала. Со всех сторон меня осаждают телефонными звонками гауляйтеры, рейхсляйтеры и т. д. Никто вообще не хочет верить этому бреду. Это звучит так абсурдно, что даже можно счесть мистификацией. Фюрер дает распоряжение, чтобы работа Гесса в Партийной канцелярии продолжалась. Я должен приехать в Оберзальцберг. Там узнаю подробнее. По телефону этого делать нельзя. Ужасный вечер! Что по сравнению с этим inferнальные картины Лондона после бомбежки! Я до краев переполнен этим. Нам придется испить эту чашу до дна. Но мы справимся с этим, пожалуй, быстрее, чем сегодня думаем.

14 мая 1941 г. Среда.

Вчера: снова безумный день. С раннего утра дичайшие тревожные сообщения и комбинации. Полная неразбериха, а затем, наконец, и ясность: Гесс прыгнул с парашютом в Шотландии. Самолет разбился, а сам он вывихнул ногу. Потом его обнаружил один крестьянин, и он был арестован местным ополчением. Можно и смеяться и плакать сразу. Затем я поехал в министерство. Провел совещание о том, как держаться в этом вопросе, и о соблюдении Дисциплины. Пока — абсолютное молчание. Не слушать никаких слухов. (...)

На автомашине отправляюсь в Оберзальцберг. Фюрер уже ожидает меня. Показываю ему письма, оставленные Гессом для него: дикая мешанина, школярский дилетантизм; хочет лететь в **Англию**, чтобы разъяснить ей ее безвыходное положение; при помощи лорда Гамильтона, имение которого находится в Шотландии, свалить правительство Черчилля и затем заключить такой

мир, который позволил бы Лондону сохранить свое лицо. Однако к сожалению, он не учел того, что Черчилль сразу же прикажет арестовать его. Все это слишком глупо. Какой кретин! А ведь бы» следующим после фюрера человеком! Все это просто немыслимо. Его письма изобилуют неизжитым дилетантизмом. К этому приложили свою руку профессор Гаусхофер* и его жена. (...) Это они искусственно ввели сию «крупную личность» в ее роль. У него бывали всякие видения, он велел составить себе гороскоп и т. п. И вот такой человек правил Германией! Все это можно объяснить его физическим состоянием и атмосферой его жизни травоядного животного. Совершенно патологическая история. Хотелось бы избить до полусмерти его жену, его адъютантов и его врачей.

Дать вечером коммюнике было необходимо. Дело следовало объяснить бредовыми представлениями. А как же его можно объяснить иначе? Прежде всего нашим друзьям по оси, которые и без того начинают сомневаться в нашей союзнической верности. Тому, что это безумная выходка Гесса, не верит ни один человек. Гесс проявил чудовищную недисциплинированность. Но с этим мы справимся. Нам бы только выиграть время. Через несколько недель ни один человек больше не заговорит об этом. (...)

15 мая 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) инцидент с Гессом кошмарен. Внутри страны, по докладу СД и другим агентурным данным, настоящее смятение. Люди никак не могут объяснить себе это, частично наблюдается радость у реакции (т. е. в оппозиционных кругах крупной буржуазии и юнкерства. — *Сост.*) и в вермахте. Старые, brave партигеноссен страдают от этого больше всего. Однако широко задуманной тенденции пока заметить нельзя. Воздействие на границу не поддается описанию. Это вообще генеральная тема. Если Гесс своим поступком хотел привлечь к себе внимание, то этого он добился в полном объеме. Нет такой страшной сказки, которая бы здесь не распространялась. Лондон хитро выжидает со своим официальным сообщением и дает полный простор для лживых измышлений. Будь я английским министром пропаганды, я бы извлек из этого гораздо больше. Черчилль пока помалкивает. Видно, хочет сам поговорить с Гессом. Хорошая новость: Гесс хотел мира, но на основе германской силы.

Я ужасно страдаю от этого срама с Гессом. Чувствуешь себя так, будто тебе надавали пощечин, даже стыдно появляться на улице. И это делает первый после фюрера человек в партии! Слово кошмарный сон. Это партии придется расхлебывать еще долго. Даю прессе и радио приказ энергично писать и сообщать о всяких других вещах и делать вид, будто ничего не произошло. Это может лучше всего. (...)

* **Нацистский теоретик геополитики.**

мая 1941 г. Пятница.

Вчера: инцидент с Гессом, хотя все еще стоит на первом плане, ^{но} ~~степенно~~ теряет свой драматический характер. (...) Лондону, ^и ~~РИА~~ ^и ~~МО~~ ^{не} ~~ПРИХОДИТ~~ в голову сама собой напрашивающаяся **машинация**: делать заявления от имени Гесса. Это было бы для нас **одной-единственной**, но ужасной опасностью. Я дрожу от **одной-единственной** мысли, что это может случиться. Но, кажется, ангел-хранитель снова принял нас под свое крыло. Что было бы нам делать, **если бы** все сложилось по-другому!

На Востоке должно начаться 22 мая. Но это в какой-то мере **зависит** от погоды. (...)

Вечером Черчилль сообщает в палате общин об инциденте с Гессом. Ничего нового он не сказал. Бевин* называет Гесса убийцей и умалишенным. Именно это мы и хотели услышать! Идеи тоже добавляет горчицы. Думаю, самое худшее для нас уже позади. (...)

17 мая 1941 г. Суббота.

Вчера: инцидент с Гессом затихает. У Лондона и Вашингтона другие заботы. Что сделал бы я из такой истории! Но руководящий слой Англии, право, созрел для своего свержения. Гесс замыслил это дело великолепно. (...) Дурак, но с точным расчетом. Однако довольно об этом! (...)

19 мая 1941 г. Понедельник.

(...) Мировое общественное мнение едино в том, что пропагандистскую кампанию вокруг Гесса выиграла мы. Я в этом никогда не сомневался, но что все пойдет так быстро, и не предполагал. (...)

20 мая 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) с делом Гесса покончено. (...) Борман издал циркуляр по партии, в котором представляет себя. Его положение подвергается атакам со всех сторон. Он, как я полагаю, нечестен, да и вообще темная личность. Добился своего положения скорее хитростью, чем заработал его. Руководящий партийный слой инстинктивно чувствует это, а отсюда и отрицательное отношение ^к нему. Нам придется очень туго, если он захочет пробиться наверх. Фюрер тоже начинает видеть его насквозь. По отношению к Гессу Борман вел себя вероломно. Гесс был близорук, но порядочен. Чего нам ждать от Бормана? (...)

²³ мая 1941 г. Пятница.

(...) Р. разлетится вдребезги, как запал. А наша пропаганда работает мастерски. Дело уже постепенно движется. Эшелоны

* Министр труда и национальной повинности, лейборист.

идут в обоих направлениях [и на Восток и на Запад]. Пассажское сообщение в значительной мере приостановлено.

Нам предстоит еще и большая высадка [на Британские острова]. (...)

Из книги: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. SSmtliche Fragmente. Herausgegeben von Elke Frohlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv Teil I. Aufzeichnungen 1924—1941. Band 3. 1.1.1937—31.12.1939; Band 4.1.1940—8.7.1941. K. G. Saur. München, 1987.

Впервые на русском языке опубликовано составителем в: Огонек. 1991. № 33—34

МАРТИН БОРМАН

Рейхсляйтер, заместитель фюрера по партии

«НЕ ВЫДАВАТЬ НАШУ ЦЕЛЬ ВСЕМУ МИРУ»*

Мартин Борман (1900—1945?), один из главных немецких военных преступников. Член нацистской партии с 1925 г., входил в состав штаба высшего руководства СА. С 1933 г. — член Объединенного штаба связи Гесса. С мая 1941 г. — начальник Партийной канцелярии НСДАП и член Совета имперской обороны. Подготовил ряд важнейших документов, послуживших основой для принятия далеко идущих политических и военных планов фашистского руководства. Несет ответственность за оккупационную политику на территории СССР и других стран, за массовые казни и угон советских людей на принудительный труд в Германию, а также за террор против антифашистского Сопротивления. В апреле 1943 г. стал личным секретарем и главным доверенным лицом Гитлера. После неудачной попытки договориться с западными державами о сепаратном перемирии, в первых числах мая исчез из Имперской канцелярии и, по недостоверным данным, погиб в Берлине. Дальнейшая судьба его неизвестна, по некоторым сведениям, скрывался в Латинской Америке. В апреле 1973 г. западноберлинский суд официально признал его умершим.

СЕКРЕТНЫЙ МЕМОРАНДУМ О НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ В РОССИИ

Ставка фюрера, 16 июля 1941 г.
Секретный документ имперской важности!

Протокольная запись

По указанию фюрера сегодня в его кабинете состоялось совещание, в котором приняли участие рейхсляйтер Розенберг, имперский министр [начальник Имперской канцелярии] Ламмерс, Фельдмаршал Кейтель, рейхсмаршал Геринг и я [Борман].

Совещание началось в 15 часов и продолжалось (с перерывом на кофе) почти до 20 часов.

Во вступительном слове фюрер подчеркнул, что хочет высказать несколько принципиальных соображений. Сейчас необходимы различные важные меры. Это подтверждается, в частности, бесстыдным заявлением одной вишистской газеты, что война против

* Заголовок дан составителем.

Советского Союза — это будто бы война всей Европы. Очевидно тем самым эта газета хотела сказать, что выгоду от нее должн^{*} получить не только немцы, а и все европейские государства.

Важнее всего, чтобы мы не выдавали нашу цель всему миру. В этом нет никакой необходимости. Главное — чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не затруднять себе **соб**ственный путь излишней болтовней. Подобные заявления излишни потому, что все, что в наших силах, мы сможем сделать **сами** а то, что лежит за их пределами, мы так и так сделать все **равно** не сможем.

Таким образом, наши шаги должны мотивироваться перед всем миром тактическими соображениями. В данном вопросе мы должны действовать точно так же, как действовали в отношении Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. Тогда мы тоже ничего не говорили о наших намерениях. Мы поступим разумно, если не будем делать этого и впредь.

Итак, мы будем снова подчеркивать, что мы были вынуждены захватить ту или иную область, чтобы навести там порядок и обеспечить нашу безопасность. Мол, в интересах населения этой страны мы должны позаботиться о спокойствии, продовольственном снабжении, транспорте и т. п., а отсюда — и предпринятое нами урегулирование. Ни в коем случае не надо показывать, что это сделано навсегда. Тем не менее все необходимые меры — расстрел, переселение и т. п. мы все равно сможем и будем осуществлять и дальше.

Но мы не хотим без необходимости и раньше времени наживать себе врагов. Поэтому надо делать вид, будто мы осуществляем какой-то мандат. Но нам самим должно быть ясно, что из этих областей мы уже не уйдем никогда.

Соответственно, речь идет о следующем:

1. Не делать ничего, что могло бы затруднить окончательное урегулирование, а готовить исподтишка.

2. Подчеркивать, что мы приносим свободу.

Крым должен быть очищен от всех чужих и заселен **немцами**. Точно так же **станет** территорией рейха и **староавстрийская** Галиция.

В настоящее время отношения с Румынией у нас **хорошие**, но никто не знает, как они сложатся в будущем. Нам надо настроиться на это и соответственно установить наши границы. Надо не ставить себя в зависимость от благожелания других, в этом направлении и должны строиться отношения с Румынией.

В принципе дело идет о том, как сподручней разделить **гигант**-ский пирог, чтобы мы

во-первых, господствовали,

во-вторых — управляли,

в-третьих — могли эксплуатировать.

Русские издали сейчас приказ о партизанской войне в тылу нашего фронта. Эта партизанская война тоже выгодна нам: она

дает нам возможность истреблять всех, кто выступает против нас.

Основные принципы:

† Ни о каком возникновении вооруженной силы западнее Урала Дольше никогда не может быть и речи, даже если за это нам придется воевать целых сто лет. Все преемники фюрера должны знать: безопасность рейха может быть обеспечена только тогда, когда западнее Урала не будет существовать никакой военной силы; защиту этого района от всех эвентуальных опасностей берут на себя немцы.

Жизненным принципом должно быть и оставаться на веки веков: никому, кроме немца не дозволено носить оружие!

Это особенно важно, даже если на первый взгляд кажется более легким привлечь к военной помощи какой-либо чужой, побежденный народ. Это ошибка! Однажды он безусловно и неизбежно нанесет нам удар в спину. Только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!

Ни в коем случае нам не следует проводить «политику качелей», как это делалось до 1918 г. в Эльзасе. Что характерно для англичанина, так это его постоянное равномерное следование одной линии, одной цели! Этому мы безусловно должны учиться у англичан. Следовательно, мы никогда не должны ставить политику в зависимость от какой-нибудь конкретной личности; здесь примером нам тоже должно служить поведение Англии в Индии в отношении индийских князей и т. д. Солдат всегда должен обеспечивать безопасность режима!

Из вновь приобретенных восточных областей мы должны сделать для себя райский сад. Они для нас жизненно важны, колонии же, напротив, играют совершенно второстепенную роль.

Даже сейчас, когда мы отделяем для себя те или иные области или их части, мы всегда должны выступать в роли защитников прав местного населения. Соответственно, надо уже сейчас подобрать подходящие формулировки. В этом случае мы говорим не о новой имперской территории, а о решении необходимой для ведения войны задачи.

В частности, в Прибалтике (по согласованию с Кейтелем) Должна быть взята под наше управление территория до Двины.

Рейхсляйтер Розенберг [он же — министр по делам оккупированных восточных областей] подчеркивает, что, на его взгляд, в каждом [территориальном] комиссариате необходимо свое, специфическое обращение с населением. На Украине мы должны начать со сферы культуры, пробудить у украинцев их историческое сознание, основать в Киеве университет и т. п.

Возражая против этого, рейхсмаршал [Геринг] констатирует: Первым делом мы должны думать об обеспечении нашего продовольственного положения, а уж потом обо всем прочем.

(Попутно возникает вопрос: а есть ли на Украине еще культурный слой и имеются ли вообще украинцы-эмигранты за пределами России.)

Рейхсмаршал просит фюрера сообщить, какие области [СССР] обещаны другим государствам.

Фюрер отвечает: Антонеску хочет Бессарабию и Одессу также полосу, идущую от Одессы к западу и северо-западу. ^{1 а}

В ответ на возражения рейхсмаршала и Розенберга фюрер констатирует, что новая, желаемая Антонеску граница весьма мало выходит за пределы старой румынской границы.

Фюрер подчеркивает далее, что Венгрии, Турции и Словакии ничего определенного не обещано.

Затем фюрер ставит на обсуждение вопрос: стоит ли бывшую австро-венгерскую Галицию включить в генерал-губернаторство? В ответ на возражения фюрер решает, что эта область [Львов] в генерал-губернаторство не войдет, а будет в настоящее время лишь подчинена имперскому министру Франку.

Рейхсмаршал считает правильным присоединить к Восточной Пруссии некоторые районы Прибалтики (например, Белостокские леса).

Фюрер подчеркивает, что территорией Германии должна стать вся Прибалтика. То же самое относится и к Крыму.

(Попутно: не раз проявляется, что Розенберг весьма благоволил к украинцам; он хочет также значительно увеличить старую Украину.)

Фюрер подчеркивает далее, что Волжская колония (имеется в виду существовавшая до войны и уничтоженная Сталиным Автономная республика немцев Поволжья. — *Сост.*) тоже должна стать частью рейха. Точно так же, как и район Баку, она должна быть превращена в немецкую военную колонию.

Финны хотят заполнить восточную Карелию, но ввиду имеющегося там большого никелевого месторождения Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Со всей осторожностью надо подойти к присоединению Финляндии в качестве федерального государства. На район Ленинграда предъявляют свои притязания финны. Фюрер же хочет сначала сровнять Ленинград с землей, а уже потом передать его финнам.

Фюрер говорит рейхсмаршалу [Герингу] и фельдмаршалу [Кейтелю]: он всегда добивался, чтобы полицейские полки получили крайне необходимые им для действий в восточных **областях** танки. (...) Поскольку рейхсмаршал намерен перенести свои **учебные** аэродромы в эти новые области, если окажется **необходимым**, бомбардировщики Ю-52 в случае какого-либо бунта смогут забросать их бомбами. Огромное пространство надо усмирить как можно быстрее; этого лучше всего можно добиться **расстрелом** каждого, кто посмеет поглядеть на немца косо.

Фельдмаршал Кейтель подчеркивает, что за свои поступки жители должны отвечать сами, ведь невозможно же выставить **часовых** у каждого склада и каждого вокзала. Жители должны **знать**:

каждый, кто не работает на немцев, будет расстрелян, и за любой проступок виновный будет наказан.

На вопрос рейхслайтера Розенберга о печати фюрер ответил: газеты (например, на Украине) надо начать издавать снова, чтобы получить средство воздействия на местное население.

После перерыва фюрер заметил: мы должны ясно понимать, что нынешняя Европа — это только географическое понятие, в действительности же Азия доходит до наших прежних границ.

(Попутно: фюрер подчеркивает, что ни о какой деятельности церковью речи быть не может.). (...)

В заключение принимается решение отныне именовать Прибалтику Остланд.

*u/A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg.
Chronik und Dokumenten*

ГЕНРИХ ГИММЛЕР

*Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции,
имперский министр внутренних дел, командующий
армией резерва и группой армий «Висла»*

«ЭТО — БОРЬБА МИРОВОЗЗРЕНИЙ»*

(Из секретных речей и писем)

(...) Если возникнет вынужденная необходимость действовать в какой-то деревне против партизан и против еврейских комиссаров (я говорю это только в данном кругу, и это предназначено только для данного круга), то я в принципе отдал приказ убивать также жен и детей этих партизан и комиссаров. Я был бы слабак и преступник в глазах наших потомков, если бы позволил вырасти преисполненным ненависти сыновьям этих ублюдков, убитых в борьбе человека против недочеловеков. (...) Но мы должны постоянно все более осознавать, в какой примитивной, первобытной, естественной расовой борьбе мы находимся.

Из речи 1943 г.

Генрих Гиммлер (1900—1945) — один из главных нацистских военных преступников. По образованию — агроном, владелец птицефермы. Член НСДАП с 1925 г., с января 1929 г. — рейхсфюрер СС, с 1936 г. также шеф германской полиции. В 1931 г. организовал ээсовскую Службу безопасности (СД); один из инициаторов, создателей и руководителей системы концентрационных лагерей. В 1934 г. возглавил оперативное руководство гестапо в Пруссии. Активно участвовал в подготовке и развязывании второй мировой войны, в нападении на СССР. Разрабатывал и осуществлял политику насильственного уничтожения славянских и других народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, массового геноцида, угона в Германию населения оккупированных стран и территорий. В 1941 г. на него была возложена организация массовых убийств советских людей, особенно военнопленных; в 1942 г. — борьба с партизанским движением на оккупированной советской территории. С 1943 г. — имперский министр внутренних дел, в 1944 г. — командующий армией резерва, с начала 1945 г. — фольксштурмз и «вервольфа»; с лета 1944 г. — командующий группой армий «Верхний Рейн» на Западном фронте, в начале 1945 г. — группой армий «Висла» на Восточном фронте. В конце войны пытался заключить сепаратный мир с западными державами. По завещанию Гитлера был исключен из НСДАП и смещен со всех постов. Будучи арестован союзническими войсками с фальшивыми документами на имя ефрейтора Генриха Хитцингера, покончил самоубийством (отравился при аресте).

* Заголовок дан составителем.

РЕЧЬ ПЕРЕД КОМАНДУЮЩИМИ ФРОНТОВЫМИ УЧАСТКАМИ
И НАЧАЛЬНИКАМИ УПРАВЛЕНИЙ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ИМПЕРСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (РСХА)

9 июня 1942 г.

Господа!

(...) Мы — накануне новых атак, нового наступления. Обычно мы собирались перед такими событиями, чтобы обсудить различные вопросы. Из-за гибели нашего камерада Гейдриха такое очередное совещание оказалось невозможным. Каждый из вас знает, как тяжел этот удар. Но, собрав вас по этому печальному поводу, я счел необходимым посвятить один вечер тому, чтобы высказать вам некоторые соображения и обсудить их вместе с вами. Однако сделать обзор серьезного критического характера мне не позволяет время. Этот обзор дал фюрер в своей речи в рейхстаге 27.4.1942 г. Тем не менее в рамках своей речи я хотел бы осветить с чисто эсэсовской точки зрения и показать вам, каково ныне соотношение сил, чтобы противодействовать суждениям, вызванным слишком большими потерями, а также и предостеречь от слишком оптимистических оценок и вытекающих из них выводов.

Этой зимой нам действительно пришлось плохо. Речь фюрера в рейхстаге уже дала очень сильно понять это всему немецкому народу, и, собственно, в ней сказано об этом совершенно откровенно. В нашем кругу мы можем быть еще откровеннее. Мы стояли абсолютно перед катастрофой, если бы не энергия и гений фюрера и если бы он железным кулаком не изменил нашу судьбу. Мы можем сказать, что помогли фюреру одолеть судьбу.

Могу заверить вас, не было этой зимой такого дня и такой

* После военных триумфов в 1940 и 1941 гг. германские войска были остановлены у Москвы и зимой 1941/42 г. оказались вынуждены вести отчаянную позиционную войну. Слабо подготовленные к войне в зимних условиях, а также в результате медленного и плохо покрывающего потребности снабжения вермахт и войска СС несли тяжелейшие потери.

Когда весной 1942 г. верховное командование как раз готовило новое наступление на Востоке, гиммлеровская организация получила дополнительный тяжелый Удар: был убит Райнхард Гейдрих, начальник РСХА, заместитель имперского протектора Богемии и Моравии, правая рука Гиммлера. Последовавшее возмездие, а именно уничтожение Лидице, не смогло изменить того факта, что убийство Гейдриха явилось тяжелым ударом для СС и полиции. Хотя некоторые считали, что Гиммлер завидовал нависящему ужас Гейдриху и боялся его, этим Убийством был уничтожен руководящий центр гиммлеровской системы безопасности. В публичной траурной речи 9 июня 1942 г. Гиммлер сознательно избегал Упадничества и пессимизма, вынеся за скобки все вытекавшие отсюда практические проблемы. Но к вечеру того же дня в 19.40 он созвал всех фюреров СС и полиции, чтобы произнести перед ними более трезвую, но тем не менее пронизанную Фанатизмом секретную речь. Она примечательна не только жестокостью, но и тем, что показывает, как Гиммлер приспособливает свои излюбленные темы предвоенного времени к необходимости более острого военного столкновения. Многие из Рассматриваемых здесь тем он вновь освещал в последние годы войны *Здесь и далее примеч. нем. изд.*

минуты, когда СС где-нибудь сплеховали. Мы действительно можем сказать это о себе. Фюрер мог в любое время, как всегда спросить меня, есть ли у меня хоть еще один батальон, и для меня как и с самого начала нашего движения, было делом чести поднять на ноги новые силы. Это было возможно только благодаря работе всех вас, господа! Я хочу здесь ясно сказать: так будет и впредь!

И на этот раз неоднократно речь шла именно о последнем батальоне. Из войск СС и, я хочу особенно подчеркнуть, из рядов полиции мы дали все, что могли. Полиция являлась для нас **пока** большим резервуаром сил. (...) Очень часто — хотя нам и не бросали такого обвинения — все же подразумевали: «Вам, с вашим отборным человеческим материалом, легко, ибо ваши люди те самые унтер-офицеры, которых нам так не хватает!» Мы бросили в бой около 30 полицейских батальонов. А иногда их бывало и больше. Речь идет здесь не об отборном человеческом материале, а об остатке в виде пекарей, портных, парикмахеров и прочих бравых солдат, которых мы в большом количестве отобрали для службы из определенных контингентов вермахта, из огромного числа адвокатов и тому подобных в качестве полицейских-резервистов. Они действовали безупречно — доказательство того, что в целом дело все в том, какими взглядами и убеждениями полно сердце.

В результате использования войск СС мы потеряли полторы тысячи убитыми, среди них 700 фюреров различного ранга. Мы бросили в бой 120 тыс. человек. Одна восьмая из них убиты. 700 фюреров СС — или чуть меньше, 690 — тоже погибли. Для нас это большой процент. Ведь как раз среди фюреров СС было много командиров полков и батальонов. Таким образом, это первый и лучший слой, который мы получили в 1934 г. из юнкерских училищ в Тельце и Брауншвейге; это первые поколения, которые мы вырастили до командиров батальонов, и вот теперь они мертвы, лежат, поросшие травой. Эту потерю не восполнить. Причина, по которой я вам все это говорю, такова: я должен сказать вам всю правду, ибо потребую от вас, чтобы в последующие месяцы, а может быть, и годы вы направили на фронт из своих учреждений любого человека, у которого вообще есть две ноги и который может ходить. Я говорю о человеке, имеющем две ноги, **совершенно** сознавая это. Позже нам придется послать на фронт даже того, у кого всего одна рука.

Но в целом эта зима послужила нам экзаменом. По оценке фюрера, мы его выдержали и поддержали свою репутацию, свое имя в духе тех добрых традиций, которые так бесконечно важны для будущих поколений. Сегодня каждый в немецком народе знает, что такое войска СС! Каждый знает, что это такое — СС! И в будущем те, кто придет после нас, смогут основываться на том, что достигнуто в этом, 1942, году и наверняка будет создано в ближайшие годы. На этом может основываться сто- и тысячелет-

ляя традиция этого ордена настоящих мужчин и рыцарей рейха, наших СС.

Второй вопрос, на **котором** я хочу остановиться, это, к сожалению, удавшееся покушение на обергруппенфюрера Гейдриха. **Совершенно** трезвая констатация: противник переходит теперь к индивидуальной охоте на отдельные личности. Это говорит о том, в какое положение он нас ставит; я повторяю слова, сказанные фюрером: каждая неосторожность — глупость. Это не имеет ничего общего с храбростью, а просто-напросто глупость. (...) **Глупость** — наказуема. Мы должны извлечь уроки из происшедшего, мы хотим сохранить свое радостное и бодрое настроение и встречать свою судьбу весело. Ведь мир вовсе не кишмя кишит покушающимися. Даже когда мы входим в гетто, это вовсе не значит, что покушающийся тут как тут. Его ведь надо обучить, подготовить. Это должны быть отчаянные, энергичные, бесстрашные люди, а их не всюду сыщешь. (...) Методы противника очень опасны для нас, и нечего и говорить, что кое-кто из нас еще погибнет. <...>

Насколько серьезным представляется мне положение, вы можете увидеть из того, что я решил сам занять пост обергруппенфюрера Гейдриха и лично возглавить главное управление имперской безопасности.

Перехожу к будущему. Этот год наверняка принесет нам много крупных успехов. Но я не хотел бы философствовать и распространяться насчет того, как долго продлится война. Само собой разумеется, мы можем надеяться на то, что она закончится в обозримое время, но не думаю, что бы в этом году. Лично как солдат я готов к тому, что она протянется еще ряд лет. Я полностью сознаю, что в этой войне действительно победит тот, у кого на поле боя останется последний батальон и батальон этот выстоит.

Господа, пусть всем нам будет ясно: батальоны этого года уже не могут быть больше батальонами 22 июня [1941 г.]. Батальоны июня 1943 г. уже не будут теми батальонами, которые мы формируем сейчас, в июне 1942 г. А еще годом позже у всех участвующих в войне народов уровень их боеспособности понизится. Важно только то, что мы видим стоящую перед нами бесконечно важную задачу: никогда не дать каким-либо образом отмереть фронту войск СС и полиции. И даже если нам придется взять под ружье 16-летних, 50-летних и 55-летних, мы это сделаем! Совершенно безразлично, больше или меньше истечет кровью тот или иной контингент, раз дело идет о жизни всего народа. (...) Война не терпит сентиментальностей. Война будет выиграна, ибо здесь Дело идет о столкновении между Европой и Азией. Происходит столкновение между Германским рейхом и ублюдками-недочеловеками. Мы должны победить их, и мы победим их! А скольких Жертв это будет стоить в каждом отдельном случае — безразлично. Речь идет о жизни всей нации.

Поэтому я ожидаю от вас, что вы во всех штабах и учреждениях снова и снова будете «прочесывать» личный состав, выискивая всех людей, имеющих бронь или пригодных только для гарнизонной службы, что вы будете ограничивать себя в штабах как только можно. (...) Важно, чтобы в войска все время поступали люди и чтобы туда давались офицеры. Я убежден — и уже говорил о том, — что в этом году в наших штабах действительно останутся только полностью непригодные к военной службе или же инвалиды с одним глазом и одной ногой. Всех остальных — на фронт! Тогда мы постоянно будем получать пополнение. Самоотверженному ремеслу войны можно научиться.

Важно, во-первых, чтобы командовали те, кто может учиться, а не сидеть в штабах. Во-вторых, важно, чтобы это были старые эсэсовцы, люди с твердым мировоззрением. Ведь кое-что, думается, эта зима, вообще вся борьба с Россией показала. Эта война — схватка русского комиссара с германским офицером, столкновение двух видов командиров. На одной стороне, стороне недочеловеков — евреев, комиссаров и политруков — люди мировоззренчески, в глубине души выступающие за это разрушительное учение, за эту имперскую идею, за это убеждение и действительно готовые на самые крайние жестокие средства; они на самом деле бьются до последнего патрона и потому пускают себе пулю в лоб. Таковы вещи, которые вам известны. А им противостоит Германия со своим офицерским корпусом, им противостоим мы с нашим офицерством.

Если эту зиму мы в общем и целом выстояли с большой честью, то я объясняю это тем, что наш человек, и прежде всего офицерский корпус, имеет твердое мировоззрение. Точно так же как наш враг — убежденный большевик, мы — убежденные национал-социалисты, убежденные германцы. Вот о чем идет речь. Это — борьба мировоззрений, подобная той, которая велась в период великого переселения народов с гуннами, подобная борьбе в средние века с исламом, но при этом — борьба расовая. Именно такая борьба с гуннами, а потом борьба, как тогда говорили, с татарами была расовой битвой. Такова она и сегодня. Но важно, чтобы мы сознавали этот факт и чтобы это дошло до самого сердца нашего офицерского корпуса. Ибо только от сердца идет та сила, которая помогает справляться даже с немислимыми ситуациями. (...) Я хочу повторить: слова «невозможность» для нас вообще быть не должно! (...)

И еще одно хотел бы я сказать. Хотя сегодня все мы удручены, пессимизма у нас быть не должно. Для этого у нас нет оснований. Придут и другие времена. Война — это ведь не игра вдвоем, где ты сам диктуешь законы, ведь другой тоже кое-что делает. Могут наступить месяцы и дни новых тяжелых испытаний. Господа, пессимизму нет места! Война будет выиграна! (...) Война — не воспитание благородных девиц, война — не инструмент для улучшения людей. Война заставляет натягивать вожжи. Она требует разру-

щения всего обычного порядка. А это не проходит даром даже для самого лучшего войска. (...)

(...) Если мы будем мыслить и действовать так, я убежден, что предстоящий нам год боев, полгода до следующей зимы мы выдержим безусловно и с честью. (...)

РЕЧЬ ПЕРЕД РЕЙХСЛЯЙТЕРАМИ
И ГАУЛЯЙТЕРАМИ В ПОЗНАНИ

6 октября 1943 г*

Я обращаюсь к вам и как рейхсфюрер СС, и как партайгеноссе. Мое назначение министром внутренних дел ничего не изменило в моем положении рейхсфюрера СС.

Прежде всего я хотел бы остановиться на вопросах о бандах, партизанах и на комплексе генерала Власова. (...)

Само собою разумеется, партизаны и банды есть. Их становится тем больше, чем меньше мы бросаем сил против них. Тем быстрее распространяется эта чума. Эта борьба затрудняется обычным во всех войнах стремлением фронтового тыла концентрироваться в больших городах, а не располагаться в полевых условиях. А потому жалобы: банды отрезают нас от родины!

Само собою разумеется, партизаны неприятны. Это я подчеркиваю, как и прежде. Но наш фронт вовсе не оголодал, не остался без боеприпасов, он получает подкрепление. Ясно, что железнодорожные пути довольно часто разрушаются и ремонтируются по три дня и дольше. (...)

Как рейхсфюрер СС и шеф германской полиции, я с начала русской кампании заранее принял меры против опасности банд и никогда не упускал ее из вида. Я предоставил для борьбы с ней около 25 полицейских полков, две пехотных и одну кавалерийскую бригады. Первый раз — зимой 1941/42 г., второй — зимой 1942/43 г. и третий раз — в ходе наших нынешних тяжелых боев на Восточном фронте. Я дал фронту все мои соединения СС (...), чтобы помочь справиться с тяжелыми ситуациями. В тот момент, как я перестаю против них бороться, они [банды] оживляются. Никак нельзя ожидать, чтобы они покончили самоубийством.

Теперь мы обнаружили русского генерала Власова. С русскими генералами дело особое. Наш бригадфюрер Фегеляйн взял в плен этого русского генерала. Я гарантирую вам, из почти каждого рус-

* Это была одна из важных встреч партийных функционеров и представителей государственного и военного руководства, вызванная трудным экономическим военным положением. В ней участвовали генерал Мильх (ВВС), адмирал Дёниц (ВМФ) и министр вооружения и боеприпасов Шнейер.

ского генерала мы сможем сделать Власова! Это будет стоить неслыханно дешево. А этот русский, которого мы взяли в плен нам вообще ничего не стоит. Он был командующим одной ударной армией*. Наш бравый Фегеляйн сказал своим людям: попробуем-ка пообщаться с ним так, будто он и взаправду генерал! И лихо встал перед ним по стойке смирно: господин генерал, господин генерал!.. Это ведь каждому приятно слушать. Это во всем мире так. И здесь это тоже сработало. Все-таки этот человек как-никак имел орден Ленина за номером 770, он потом его подарил бригадфюреру Фегеляйну. Когда фюрер наградил Фегеляйна Дубовыми листьями (к Железному кресту.'Сост.), он отдал этот орден фюреру. Фюрер приказал положить его в серебряный футляр и вернул Фегеляйну. Итак, с этим генералом обращались должным образом, ужасно вежливо, ужасно мило. В соответствии со своими особенностями, славяне охотно слушают, когда им говорят: «Это вы знаете намного лучше нас», любят быть любезно выслушанными, немного подискутировать. Этот человек выдал все свои дивизии, весь свой план наступления и вообще все, что знал.

Цена за эту измену? На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: то, что назад вам пути нет, вам, верно, ясно. Но вы — человек значительный, и мы гарантируем вам, что, когда война кончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время — вот вам шнапс, сигареты и бабы. Вот как дешево можно купить такого генерала! Очень дешево. Видите ли, в таких вещах надо иметь чертовски точный расчет. Такой человек обходится в год в 20 тыс. марок. Пусть он проживет 10 или 15 лет, это 300 тыс. марок. Если только одна батарея ведет два дня хороший огонь, это тоже стоит 300 тыс. марок. Но опасно делать из славянина большую политическую программу, которая в конечном счете может обернуться против нас самих.

Во всем этом деле пропаганды Власова я испытывал большой страх. Вообще-то я не пессимист, да и возбуждаюсь редко. Но это дело показалось мне опасным. Оно показалось мне опасным в тот самый момент, когда я стал получать от немецких солдат письма, в которых говорилось: мы недооценивали русского человека. Он — не робот и не ублюдок, как мы знаем из нашей пропаганды. Это — не знающий порядка народ, который подвергается угнетению. Мы должны привить ему национал-социализм и создать русскую националистическую партию. У русских есть свои идеалы. А тут подоспели идеи г-на Власова: Россия никогда не была побеждена Германией; Россия может быть побеждена только самими русскими. И вот эта русская свинья г-н Власов предлагает для сего свои услуги. Кое-какие старики у нас хотели дать этому человеку мил-

* Генерал-лейтенант Власов, после 20-й армии Западного фронта, временно командовал 2-й ударной армией Волховского фронта, оказавшейся в окружении.
Примеч. сост.

дионную армию. Этому ненадежному типу они хотели дать в руки оружие и оснащение, чтобы он двинулся с этим оружием против России, а может, однажды, что очень вероятно, чего доброго, и против нас самих!

Сила нашего германского солдата и всего нашего немецкого народа зиждется на вере, она — в его сердце и убеждении, что мы как раса и народная общность — ценнее всех других. Это, господа, фундаментальная предпосылка нашего исторического существования. Народ, живущий в центре Европы, со всех сторон окруженный врагом, переживший Тридцатилетнюю войну [1618 — 1648], из которой он вышел, насчитывая всего три с половиной — четыре миллиона человек, и затем поднявшийся до исторического величия Великогермании и создающего Германского рейха, такой народ существует только на базе своего качества, своей расовой ценности.

В тот момент, когда он начинает сомневаться в этой своей вере, в этой своей расовой ценности, Германия, германский человек — погибли. Ибо других — больше, чем нас. В тот момент, когда мы начинаем подрывать и взрывать этот фундамент, говоря нашей пехоте, что мы не можем справиться с русскими и что русского может победить только сам русский, в этот момент мы делаем шаг к своей гибели. Вот в чем опасность власовского движения. Вот почему оно должно быть запрещено. Поэтому фюрер строжайше запретил его, и поэтому оно должно быть у нас, в наших собственных рядах, идейно истреблено без остатка.

А теперь о проблеме славянина вообще. Я хочу кое-что сказать вам, мои партайгеноссен, на сей счет. Со славянином, будь он серб, чех или русский, надо обращаться только так, как со славянскими народами на протяжении всей истории обращались те, кто действительно господствовал над ними. Как те, кто умел справляться со славянами, — будь то Петр Великий, или, еще раньше, на азиатских просторах, Чингисхан, или, как позже, г-н Ленин, а сегодня г-н Сталин — уж они-то знали своих людей! Вспомните о Чингисхане, который своим самым близким, высшим военачальникам своей армии (если сравнивать с партией — тому кругу, который сидит сейчас здесь) обеспечивал особые привилегии. Они могли предавать его семь раз подряд, и только на седьмой он отрубал им головы. Это абсолютно доказуемо исторически. Вот каковы правила игры в этом пространстве: каждый предает другого и интригует против другого. Только на седьмой раз те, кто когда-то вел себя прилично и спасал ему жизнь, подвергались казни.

Правящие мужи знали вполне точно, что славянин имеет свои особенности — дискуссировать и все идейно анатомировать. Раскладывать все по полочкам — такова философия славянина. Возьмите яркий пример: польский народ. Никогда не будучи способен что-то создать или организовать сам, он всегда был способен

устраивать заговоры и свергать своих тогдашних господ. Тот, кто не знает этой особенности славянина, кто не оценивает его таким каков он есть на самом деле, по всей шкале справа налево, со всеми его формами проявления, унаследованными в этом смешанном народе от монгольской расы, тот постоянно будет терпеть крах в делах со славянами. Само собою разумеется, мы найдем и такого славянина, который унаследовал прежнюю хорошую расу. Тогда мы возьмем его детей и отправим в Германию. А не подчинится мы его убьем, ибо он опасен, ибо он — опасный главарь для других. А подчинится — мы его, как любую германскую, но не другую кровь, воспримем в наш народный организм, воспитаем его и никогда больше не пустим снова в это пространство.

В русских — целая шкала всяких чувств, какие только может иметь человек: от самой истовой молитвы Богородице до людоедства, от готовности помочь и братского поцелуя до коварства убить любого или мучить его самым жестоким образом. На какой регистр нажмет эта бестия — дело счастья. Это тот вопрос, который мы, неславяне, наверное, никогда правильно не оценим.

Даже те, кто правил славянами, сами никогда не могли вполне положиться на них. Сталин тоже не полагается вполне на свою расу, а создал, пожалуй, совершеннейшую, типично азиатскую систему слежки и надзора. Когда собираются вместе четверо — это могут быть отец, мать и дети, — никто из этих четверых не знает, кто именно выдаст его судье, кто за кем следит и кто кого предаст. В сомнительных случаях двое из четверых — агенты НКВД. Мы можем констатировать, что даже в деревнях, где мы уже забрали самых заведомых представителей НКВД, все-таки оставалось 20—30 доверенных лиц НКВД. Отсюда можно заключить, с помощью какого множества шпииков работали эти люди. (...)

Перехожу к другому вопросу — о саботаже и шпионаже наших противников. (...) У нашего противника в этой войне условия совсем иные, чем у нас. Враг имеет всех наших мировоззренческих противников в качестве охотно действующих среди нас солдат. Мы ведем борьбу с масонами. Каждый убежденный масон становится, таким образом, пособником нашего врага. Мы ведем борьбу с евреями. Следовательно, каждый еврей или полудеврей будет работать против нас. Мы ведем борьбу с большевиками и демократами всего мира, с политизирующими церквями. (...)

Само собою разумеется, растет опасность заброски парашютистов в захваченные области и на территорию самой Германии. (...) Очень большую роль играет (...) создание концентрационных лагерей. (...) Если бы эти 50 — 60 тыс. политических и уголовных преступников остались на свободе, а не сидели в концлагерях, тогда, мой партайгеноссен, нам было бы очень трудно. Но они вместе с еще 150 тыс. (в том числе небольшое количество евреев,

больше — поляков и русских) находятся в концентрационных лагерях и теперь дают для нашего партайгеноссе Шпеера и для решения его столь важных задач около 15 млн рабочих часов в месяц. (...)

В декабре 1942 г. я получил от фюрера задание до 15 февраля 1943 г. сформировать две новые дивизии СС. Положение на Востоке в декабре 1942 г. в результате несостоятельности наших союзников стало чрезвычайно тяжелым. (...)

(...) Считаю необходимым уже сегодня мысленно поставить далеко идущую цель. Цель эта такова: перемещение границы германской неродности на 500 километров на Восток; поселенческая работа, проводимая с неустанным прилежанием в течение 20 лет после войны; затем создание опорных пунктов во всей сфере германской власти в Европе, Юго-Восточной Азии и на Западе; внутренняя и внешняя кровная подготовка (прежде всего количественно и качественно) нашего народа к тем столкновениям, которые придут для наших внуков или следующих поколений после этой войны, если когда-либо не только народы, но и целые расы организуются и все континенты выступят друг против друга. (...)

РЕЧЬ ПЕРЕД ОФИЦЕРАМИ
545-й ПЕХОТНОЙ (ГРЕНАДЕРСКОЙ) ДИВИЗИИ

26 июля 1944 г.

Секретно!

(...) У нас три противника. Это — русский, англичанин и американец. Русский кажется мне в данный момент да и вообще самым опасным. Ведь в его лице мы имеем единственного врага, который поистине руководим и фанатизирован политическими взглядами, своего рода мировоззрением. И затем отдавайте себе отчет вот в чем: русский командир роты сильнее только в тот момент, когда он фанатичнее сам, когда он более фанатично воспитал своих людей, чем ему противостоящий. Но при этом мы в своей вере в рейх, в нашей вере в фюрера сильнее и лучше. Если вы сумеете разбудить эту веру у своих людей, тогда нет сомнения, что вы победите эту орду. (...)

Из книги: *Heinrich Himmler. Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen.* Herausgegeben von Bradley F. Smith und Agnes von Petersen mit einer Einführung von Joachim Fest. Verlag Ullstein GmbH. Frankfurt am Main — Berlin — Wien, 1974. На русском языке публикуется впервые

(...) Кое-что нам было ясно и раньше. Через эти штабы в 1941-1942 и 1943-м годах постоянно сверху донизу в войска проникал дух пораженчества. Когда какой-нибудь храбрый командир прибывал в этот штаб с передовой, к нему подходил начальник штаба (во многих случаях член, к сожалению, не распущенной нами в 1933/34 г. масонской ложи «Шлиффеновское объединение») и с озабоченным видом наморща лоб, для подкрепления духа этого солдата-фронтовика подводил его к карте с нанесенной обстановкой и разъяснял ему, насколько критическим стало нынешнее положение и каково было исходное. И все это, знаете ли, в таких деликатных выражениях, что им просто место в толковом словаре. Так вот, он разъясняет ему, как собственно, если придерживаться тактических соображений, должна была бы проходить линия фронта, но, к сожалению — ах, к сожалению! (об этом, разумеется, нельзя говорить, ведь это — приказ ставки) сделано это вопреки всем разумным военным правилам, которыми мы так хорошо владеем; совершенно ясно, что делать это никак было нельзя, но мы же солдаты, мы подчиняемся. (...)

Понимание долга именно в штабах во многих случаях было просто катастрофическим. Я говорю совершенно открыто для офицерского корпуса, что отныне буду привлекать за это виновных к ответственности, буду воспитывать. (...)

Если посмотреть на аэрофотоснимки, мы сразу же сможем сказать: вот это — русские позиции, а это — немецкие! Немецкие — это те, где только одни стрелковые ячейки, потому что господа офицеры в это время пребывают в деревне в домах, живут с русскими женщинами, а вовсе не находятся на передовой со своими людьми. Ну, а если офицер не на переднем крае, то и рядовой — тоже. Солдаты его зарылись в несколько одиночных ячеек, потом русские начинают артподготовку, и все — и люди, и автомашины, и танки — накрыто этим артогнем, а потом русская пехота наносит свой удар. А у солдата нет даже открытой противотанковой щели! Само собою разумеется, его сминают или же он, в лучшем случае, драпает оттуда. Ему приказано удирать, ведь в ячейке он ничего сделать не может. Ну, а затем следует прорыв. С большим трудом то там, то тут удается заутюжить дыру. Это еще удавалось нам в 1941/42 г., иногда даже в 1943-м, когда пехота еще имела силы. Но это стоило нам массы бесполезно потерянных людей.

С русским населением, если вместе с ним жили и развлекались, обращаться сурово уже не могли. Когда мы говорили: давайте сюда русских баб, пусть они копают для нас позиции, в ответ слышали: не можем же мы так обращаться с женщинами этого народа! Когда я однажды в Мариуполе спросил: а почему вы не приведете в порядок дорогу на Таганрог, она не просто в свином

состоянии, здесь любой автомашине — капут, мне отвечали: да, конечно, надо бы, только у нас рабочей силы нет. Да у вас же целый город Мариуполь, полный людей, берите их! Мне опять отвечают: а кто же должен организовать их снабжение продовольствием? Я говорю, вы, что, думаете его вам организуют русские? Тут уж я не выдерживаю: вызывайте сейчас же старосту или комиссара этого города и прикажите, чтобы завтра утром, ровно в 6.00, здесь было 1000 женщин и девушек с лопатами и кирками, и если они не явятся, я вас самих загоню в Сибирь, в лагерь на Ледовитом океане или еще куда подальше! Они сразу будут тут как тут! Этим бабам надо только сказать: вот здесь роите пулеметное гнездо, сделать надо то-то и то-то. (...)

Н.-А. Jacobsen. 1939 — 1945. Der Zweite Weltkrieg.
На русском языке публикуется впервые

НАЧАЛЬНИКУ VI УПРАВЛЕНИЯ (СД-ЗАГРАНИЦА) РСХА
ГРУППЕНФЮРЕРУ СС ВАЛЬТЕРУ ШЕЛЛЕНБЕРГУ

17.7.1942 г.

Дорогой Шелленберг!

Я полагаю, что для политической реорганизации Кавказа следует употреблять наименование «Свободный Кавказский протекторат» или что-либо подобное. Наш орган там не должен именоваться Имперской комиссией, а его глава — Имперским комиссаром: его надо именовать Генерал-резидент или просто Резидент. Я говорил об этом предложении с министром [по делам оккупированных восточных областей] Розенбергом, а кроме того, предложил ему, если он не желает наименования Имперский комиссар, называть такового Имперский протектор.

Вчера у меня имелась возможность переговорить относительно этого предложения с фюрером. Фюрер намерен ни в коем случае не включать эту область в сферу нашей власти явно, а лишь обеспечить ее нефтяные источники и границы с военной точки зрения и определенным образом дирижировать этими народами так, чтобы они не уничтожали друг друга или же не стали бы мячом в игре других групп власти.

ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРУ СС
ФРИДРИХУ ВИЛЬГЕЛЬМУ КРЮГЕРУ (КРАКОВ)

19.7.1942 г.

Приказываю провести и закончить до 31 декабря [1942 г.] выселение из генерал-губернаторства всего еврейского населения. С 31 декабря 1942 г. ни одно лицо еврейского происхождения не

имеет права находиться на территории генерал-губернаторства Все они должны содержаться в сборных лагерях Варшава, Краков, Ченстохов, Радом, Люблин. (...) Эти меры следует осуществлять в духе создания в Европе нового порядка с целью необходимого этнического разделения рас и народов, обеспечения безопасности и чистоты Германского рейха, а также областей его интересов. Само по себе проведение данного урегулирования несет с собой опасность для спокойствия и порядка во всей территориальной сфере наших интересов, может послужить исходным пунктом сопротивления, а также очагом моральной и физической заразы. Принимая все это во внимание, необходимо, чтобы урегулирование данного вопроса носило тотальный характер. (<...)

**НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СС
И ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СС ПРИ МИНИСТРЕ ПО ДЕЛАМ
ОККУПИРОВАННЫХ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ
ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРУ СС ГОТТЛОБУ БЕРГЕРУ**

28.7.1942 г.

Дорогой Бергер!

Настоятельно прошу не издавать никаких письменных распоряжений по вопросу о термине «еврей». Всеми этими дурацкими определениями мы лишь связываем себе руки. Оккупированные восточные области должны быть полностью очищены от евреев. Осуществление этого весьма трудного приказа фюрер возложил на мои плечи. Ответственности за это с меня так или иначе никто не снимет. А потому я не позволю себе даже вступать в какое-либо обсуждение данного вопроса. (...)

**НАЧАЛЬНИКУ IV УПРАВЛЕНИЯ (ГЕСТАПО)
РСХА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРУ СС ГЕНРИХУ МЮЛЛЕРУ**

(...) Тот факт, что по всему миру распространяются слухи (об «окончательном решении еврейского вопроса». — *Сост.*), меня при столь крупных масштабах еврейской эмиграции не удивляет. Ведь оба мы знаем о повышенной смертности среди евреев, занятых на принудительных работах. Поэтому вы обязаны гарантировать мне, чтобы каждый умерший еврей был или сожжен, или захоронен и чтобы с трупами ничего не происходило. (...)

**ПРИКАЗ РЕЙХСФЮРЕРА СС
О БОРЬБЕ С ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В РОССИИ**

6.1.1943 г.

При проведении акций по борьбе с бандами всех подозреваемых в связях с бандитами мужчин, женщин и детей следует собирать вместе и специальными эшелонами отправлять в лагерь Люблин или Аушвиц (немецкое название Освенцима. — *Сост.*).

Высшим чинам СС и полиции надлежит предварительно договариваться о транспортах с начальником полиции безопасности, начальником Хозяйственно-административного управления СС и инспектором концентрационных лагерей. (...) В этих лагерях производить расовую и политическую сортировку. Расово полноценных подростков мужского и женского пола направлять учениками на хозяйственные предприятия лагерей. Дети подлежат соответствующему воспитанию. Оно заключается в обучении послушанию, усердию, безоговорочному подчинению и честности по отношению к их немецким господам. Они должны уметь считать до 100, различать знаки дорожного движения. Их надо готовить по таким специальностям, как сельскохозяйственный рабочий, слесарь, каменотес, столяр и т. п. Из девушек готовить батрачек, ткачих, прядильниц, вязальниц, а также обучать их другим ремеслам. (...)

ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРУ СС КРЮГЕРУ В КРАКОВ

16.2.1943 г.

По соображениям безопасности приказываю после перебазирования концентрационного лагеря сровнять Варшавское гетто с землей, предварительно использовав все более или менее пригодные части домов и стройматериалы. Уничтожение гетто и перемещение концентрационного лагеря необходимы потому, что иначе Варшаву никогда усмирить не удастся, а при сохранении гетто преступность не сможет быть истреблена.

Представить мне общий план ликвидации гетто. В любом случае необходимо, чтобы жилища, в которых до сих пор проживало 500 тыс. убудков и **которые** никак не могут быть пригодны для немцев, исчезли с лица земли, а сам многомиллионный город **Варшава**, постоянно являющийся очагом разрушения и бунта, был уменьшен в своих размерах.

19.5.1943 г.

Дорогой Кальтенбруннер!

Я заказал большое число экземпляров книги «Еврейские ритуальные убийства» и приказал разослать ее всем высшим чинам СС вплоть до штандартенфюрера. Направляю 100 экземпляров и **вам** с тем чтобы вы роздали их всем айнзац-командам (карательные части. — *Сост.*), а в первую очередь тем лицам, которые непосредственно занимаются еврейским вопросом. В связи с этой книгой даю вам следующие задания:

1. Немедленно провести повсюду расследования ритуальных убийств, совершенных еще не эвакуированными евреями, и о подобных случаях доложить мне. Затем мы должны будем устроить в этом духе несколько судебных процессов.

2. Поручить специалистам расследование ритуальных убийств в Румынии, Венгрии и Болгарии. Думаю, что эти случаи ритуальных убийств мы затем обнаружим в нашей прессе, чтобы таким образом облегчить себе изъятие евреев из этих стран.

3. Обдумайте вопрос о том, не следует ли нам во взаимодействии с министерством иностранных дел ввести в дело тайный антисемитский радиопередатчик, вещающий на Англию. Обильной пищей для него послужили бы специально сервированные для англичан и американцев материалы, подобные тем, какие печатались «Штурмером» в период нашей борьбы за власть. Особенно важной считаю здесь их сенсационную подачу. (...)

В целом же полагаю, что посредством широко развернутой с использованием ритуальных убийств антисемитской пропаганды на английском, а пожалуй, даже и на русском языке мы смогли бы невероятно активизировать антисемитизм во всем мире. (...)

**ВЫСШИМ ЧИНАМ СС И ПОЛИЦЕЙСКИМ НАЧАЛЬНИКАМ ОСТЛАНДА*
(РИГА) И НАЧАЛЬНИКУ ХОЗЯЙСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ РСХА**

21.6.1943 г.

1. Приказываю отправить всех еще проживающих в **гетто** евреев Остланда в сборные концентрационные лагеря.

2. С 1.8.1943 г. запрещаю использование евреев на **работах** вне концентрационных лагерей.

3. Неподалеку от Риги создать концентрационный лагерь и перевести туда все предприятия по изготовлению **обмундирова-**

* Нацистское наименование оккупированных областей Прибалтики. *Примеч. сост.*

нция и предметов снаряжения, которые вермахт имеет ныне вне концентрированных лагерей. Участие частных фирм исключается. Эти предприятия должны являться чисто лагерными. Начальнику Хозяйственно-административного управления обеспечить недопущение какого-либо сокращения выпуска необходимых для вермахта видов продукции.

4. Не требующихся для этого производства обитателей еврейского гетто эвакуировать на Восток*.

**НАЧАЛЬНИКУ РСХА, НАЧАЛЬНИКАМ АЙНЗАЦ-КОМАНД ПО БОРЬБЕ
С БАНДАМИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ РОССИИ,
НАЧАЛЬНИКУ ХОЗЯЙСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
РСХА**

20.7.1943 г.

(...) Фюрер приказал полностью очистить от гражданского населения те области Северной Украины и Центральной России, в которых действуют банды. Это следует осуществить в течение ближайших четырех месяцев. Тем самым сделать эти области на продолжительное время непригодными для проживания, поскольку в них не останется ничего необходимого для жизни, никакого пристанища и пропитания.

Однако, с другой стороны, я считаю, что мы не можем оставлять эти области совершенно неиспользованными для земледелия и лесозаготовок. (...) В те недели, когда для возделывания полей или уборки урожая необходимо много рабочих рук, соответствующая область может быть разовым порядком частично вновь заселена путем привлечения к сельскохозяйственным работам женщин и детей. Поэтому считаю необходимым, чтобы женщины и дети бандитов расселялись в деревнях, расположенных по периферии бандитских областей, и занимались там полезным трудом, например плетением корзин и т. д. Продовольствие же им выдавать каждый раз только на несколько дней, а сельскохозяйственные участки выделять лишь в таком размере, чтобы они могли прокормить только себя и своих детей. В период сбора урожая им надо предоставлять там какой-нибудь кров, чтобы они могли хранить собранное в указанных нами надежных местах и оно не могло быть использовано бандами для своего продовольственного снабжения. При выполнении дневной нормы следует обеспечивать женщинам и детям достаточное питание, введя для того абсолютно русскую сдельную и стахановскую систему оплаты. (...)

* Это должно означать: ликвидировать. *Примеч. нем. изд.*

7.9.1943 г.

Генерал Штапф* издал несколько специальных приказов, касающихся Донецкого бассейна. Немедленно установите с ним контакт. Возлагаю на вас обязанность всемерно взаимодействовать с ним. Необходимо при нашем уходе из той или иной области Украины не оставлять там ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного железнодорожного рельса, ни одного целого дома, ни одной шахты или рудника, не разрушенных на многие годы, ни одного не отравленного колодца. Враг должен получить тотально выжженную землю. Немедленно обсудите эти вопросы со Штапфом и сделайте для выполнения приказанных мер все, что в человеческих силах.

[АДРЕСАТ НЕ УКАЗАН!]

17.6.1944 г.

15.7.1942 г. Главное оперативное управление СС издало ниже следующий приказ:

«Фотографирование экзекуций, производимых на территории рейха или вне его, запрещается. Запрещается также привлечение к фотографированию экзекуций лиц, не принадлежащих к войскам СС. Разрешение на изготовление фотографий для служебных целей может даваться только начальником соответствующего органа полиции. Все ранее сделанные фотографии подлежат изъятию и уничтожению».

К сожалению, экзекуции являются необходимыми. Фотографировать же их столь же безвкусно; как и вредно для нашего фатерланда, так как противник пользуется этими фотографиями в своих целях во зло нам.

НАЧАЛЬНИКУ РСХА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРУ СС
Д-РУ ЭРНСТУ КАЛЬТЕНБРУННЕРУ

21.7.1944 г.

Дорогой Кальтенбруннер!

Некоторые констатации и опыт последнего времени **привели** меня к соображениям и намерениям, которыми хочу **поделиться** с вами.

(...) Мои размышления касаются всего комплекса **вопросов**, связанных с тем, каким образом намереваемся мы покорить и

* Начальник хозяйственного штаба «Ост». *Примеч. сост.*

усмирить Россию, когда мы — а я убежден, что это произойдет в ближайшие годы, — снова завоюем огромные пространства русской земли.

1. Я убежден в том, что ни Сталин, ни какой-либо из его преемников, если он будет большевистским, не сможет отказаться от колхозной системы. Имперский министр Бакке* во время одной беседы высказал надежду, что Сталин в ближайшее время окажется перед лицом больших технических трудностей продовольственного снабжения, справиться с которыми он не сможет, даже если бы ввиду нехватки тракторов, плугов, борон и тяглового скота захотел отказаться от колхозной системы. Поскольку же Сталин и большевизм отойти от колхозной системы не могут, каждый самостоятельный крестьянин в силу своей природы станет врагом большевизма. Никакого примирения между ними быть не может.

2. Мы должны создать на подступах к тому Восточному валу, который мы намереваемся воздвигнуть, новое казачество — в соответствии с примером кайзеровско-королевских приграничных поселенцев или же в соответствии с русским образцом казацкого крестьянства. Земля и полное самостоятельное существование а также свобода будут, по нашему статусу, даваться украинскому и русскому населению только на охраняемой казаками границе.

Казаки получают настоящие крестьянские хозяйства только при условии, что все они в возрасте от 16 до 60 лет будут нести солдатскую пограничную службу против Востока. Никогда не затухающая вражда будет порождаться следующими обстоятельствами: во-первых, тем, что казаки будут иметь самостоятельный округ, между тем как по ту сторону восточной границы господствует коллективистская система; во-вторых, тем, что с обеих сторон будет беспрестанно проливаться кровь. (<...)

Нам придется приложить еще много сил, чтобы превратить этот народ в тылу в мирный и безоружный перед нами. Любая мысль ввести там национал-социализм — это безумие. Однако люди все-таки должны иметь какую-то религию или какое-то мировоззрение. Поддерживать православную церковь и снова дать ей действовать было бы ошибочно, так как она постоянно становилась бы организацией собирания национальных сил. Допущение туда католической церкви явилось бы, по меньшей мере, такой же ошибкой. На обоснование этого не стоит тратить лишних слов. (<...)

* С апреля 1944 г. — министр продовольствия и сельского хозяйства. *Примеч. сост.*

ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВОЙСК СС ПРИ ФЮРЕРЕ ГРУППЕНФЮРЕРУ СС
ГЕРМАНУ ФЕГЕЛЯЙНУ

267.1944 2

Дорогой Фегеляйн!

Я пришел к убеждению, что причины значительных трудностей на Восточном фронте, сдачи позиций дивизиями и их разложения следует искать в осуществляемой русскими невероятно изоэщренной засылке в них офицеров армии Зайдлица, а также переобученных коммунистами немецких, солдат-военнопленных*.

Из книги: «ReichsführerL». Briefe an und von Himmler.
Herausgegeben von Helmut Heiber. Deutsche Verlags-
Anstalt. Stuttgart, 1968.

На русском языке публикуется впервые

* Имеются в виду фронтовые уполномоченные антифашистского Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», председателем которого являлся взятый в плен под Сталинградом генерал артиллерии фон Зайдлиц. *Примеч. сост.*

ПОБЕДНЫЕ ФАНФАРЫ И ГОРЬКИЕ ИТОГИ

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

«ПОД НАШИМИ ЗНАМЕНАМИ НАС ЖДЕТ ПОБЕДА»*

(Май — начало июля 1941 г.)

24 мая 1941 г. Суббота.

Мы усердно распускаем по всему свету слухи о высадке [в Англии]. Прежде всего через прессу нейтральных стран. Будем надеяться, что англичане клюнут на это. Общественное мнение в США делает примечательный поворот, с чем придется посчитаться и Рузвельту. Он не может делать то, что хочет. Наши господствующие позиции в Европе отрицать не может уже никто. (...)

Р. будет расчленена на свои составные части. Каждой республике надо аккуратно предоставить свободу. Тенденция такова: не допускать больше существования на Востоке гигантской империи. (...) Большевизм останется в прошлом. Тем самым мы выполним и нашу подлинную историческую задачу. (...)

25 мая 1941 г. Воскресенье.

(...) В восточной части Средиземного моря продолжает бушевать битва между [английским] флотом и [германской] авиацией.

<->

Обсуждал (с руководящими чиновниками министерства пропаганды: — *Сост.*) подготовительные меры против Р. (...) Намечается использовать 13 рот пропаганды. На каждом направлении удара из роты пропаганды выделяется отряд пропаганды, имеющий своей задачей обеспечить пропагандистскую работу среди населения. Это очень крупномасштабная и трудная задача, но мы готовимся к ней наилучшим образом. (...)

В отношении России нам удалось организовать великолепную дезинформацию. Из-за сплошных «уток» за границей там уже больше и не знают, что ложно, а что верно. Так оно и должно быть. (...)

27 мая 1941 г. Вторник.

(...) Люфтваффе страшно свирепствуют среди английских военно-морских соединений в районе Крита. Он станет для Лондона настоящим кладбищем кораблей. (...)

Риббентроп не является честным партнером. Он путает поли-

* Заглавие дано составителем.

тику с торговлей шампанским*, при которой можно надуть **партнера**. Но не меня! (...)

28 мая 1941 г. Среда.

Военное счастье в последние недели снова особенно улыбалось нам, но оно изменчиво. (...)

29 мая 1941 г. Четверг.

Вчера: выступал Рузвельт. Весьма демагогически и агрессивно, с самыми безудержными подтасовками. Провозгласил состояние национального бедствия. Но никаких дальнейших выводов отсюда не сделал. Надо выждать, что он будет делать дальше. Во всяком случае, пока о войне речь не идет. В данный момент он на это отважиться не может.

С Румынией завершаю дело вполне хорошо. Она делает все, что я желаю.

В Москве ломают себе голову над разгадкой. Кажется, Сталин начинает медленно смекать. А впрочем, он все еще устался на нас, как кролик на удава. (...)

31 мая 1941 г. Суббота.

(...) Положение Крита становится для Англии отчаянным. Его сопротивление сломлено. Бегство! А ведь Черчилль хотел защищать его до последней капли крови. (...) Наша пропаганда делает главный упор на Англию. (...)

1 июня 1941 г. Воскресенье.

(...) Москва вдруг заговорила о новой этике большевизма, в основе которой лежит защита отечества. Это совершенно ново. Но это все же подтверждает, что большевики очутились в тисках. Иначе они не затянули бы такую фальшивую песню. (...)

3 июня 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) Крит до конца очищен от врага. Эта новость внушает гордость. Мы с большой помпой передаем ее по радио. Англичане в своей полемике насчет Крита несут сплошную чушь. Фюрер обсуждает с дуче на Бреннерском перевале актуальные вопросы. (...)

5 июня 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) умер Вильгельм II. Даем холодный комментарий. В нем не слишком много любви и не слишком много горя. Он заслуживал бы куда более суровой отповеди, но все же как-никак мертв. Он надолго пережил свое время. (...)

Директивы пропаганды на Р.: никакого антисоциализма, ни-

* До своей карьеры в нацистской партии Риббентроп был виноторговцем.
Примеч. сост.

какого возврата к царизму, не выходить в пропаганде открыто на разгром русской империи, ибо тем самым мы наткнемся на армию, которая является великорусской; против Сталина и стоящих за ним евреев; земля — крестьянам, но временно сохранить коллективные хозяйства, чтобы, по крайней мере, спасти урожай; резкое обличение большевизма, клеймить его несостоятельность во всех областях жизни. А в остальном — делать то, что вытекает из самой ситуации. (...)

Просто дрожишь от возбуждения. (...) Никак не могу дождаться того момента, когда разразится буря. (...)

Наши высказывания насчет предстоящей высадки (на Британские острова. — *Сост.*) уже начинают действовать. А затем мы сможем действовать, пользуясь всеобщей неразберихой. (...)

6 июня 1941 г. Пятница.

Вчера: (...) сообщение из Москвы: отчасти парализующая покорность судьбе, отчасти попытки навязывания своей дружбы, но отчасти и видимая подготовка. Сталин держит власть в своих руках. В случае конфликта правительство хочет переехать подальше — в Свердловск. Постепенно пытаются обратить внимание народа на серьезность ситуации. Но никакой четкой линии обнаружить нельзя. Собственно, в серьезное сопротивление никто уже не верит. Никто не отдает себе ясно отчета во всей серьезности ситуации, но постепенно ее начинают предчувствовать. (...)

Наша работа по маскировке идет безупречно. Весь мир говорит о предстоящем вскоре заключении военного пакта Берлин—Москва. То-то удивится, увидев, что из этого выйдет! (...)

7 июня 1941 г. Суббота.

Вчера: весь мир полон слухов о мире. Говорят, что США смогут оказать настоящую помощь только через четыре года, а Англии придется капитулировать этой осенью. (...) В «Лайфе» появилось интервью фюрера о некоторых перспективах для будущей Европы. Ожидали от него предложения мира и весьма разочарованы. Мы же форсируем тему высадки, [в Англии], но пока настоящего успеха в этом деле незаметно. (...)

Слухи о предстоящем нападении на Украину. Довольно небеспочвенны. Мы должны применить более сильные средства дезинформации, и я интенсивно займусь этим вопросом.

8 июня 1941 г. Воскресенье.

(...) Получил программы территориального расчленения Р. (...) Об азиатской части Р. речь не идет. А о европейской мы позаботимся. Ведь сказал же Сталин недавно Мацуоке, что он — азиат! Так вот вам, пожалуйста! (...)

9 июня 1941 г. Понедельник.

(...) Слухи о мире не уменьшаются, Мы даем им распространяться. Решать будут реальности, а не маленькие уловки. (...)

11 июня 1941 г. Среда.

(...) Все должно служить тому, чтобы замаскировать акцию на Востоке. Сейчас следует применять более сильные средства. Впрочем, сама демаскировка замаскирована так, что никто ничего и не заметит. (...)

13 июня 1941 г. Пятница.

Вчера: (...) тема России снова выходит на первый план. «Тайме» публикует статью, в которой выражено максимальное недоверие к нашим утверждениям. Причем все это довольно точно. Но это не так плохо. Мы же, напротив, даем сообщение о том, что нашли хорошую базу для переговоров с Москвой. Это подчеркивается. Моя статья [в этом духе] со всеми церемониями передается в «Фёлькишер беобахтер». В ту же ночь происходит конфискация газеты. В этот момент я переживаю тяжелую потерю престижа. Но это себя оправдывает. «Фёлькишер беобахтер» хочет отозвать своего корреспондента из Москвы. Я запрещаю делать это, по крайней мере в данный момент. Партия пока еще держится хорошо. Мы должны теперь при всех обстоятельствах сохранить свое лицо. Но долго всю нашу маскировку мы соблюсти уже не сможем. (...)

Вопрос о России с каждым часом становится для всего мира большой загадкой. Будем надеяться, она не окажется разгаданной слишком рано. Мы делаем все возможное, чтобы замаскировать это дело. Но вот как долго еще это будет нам удаваться, одним богам известно. Дни до самой ночи наполнены оживленной работой. Скоро наступит развязка.

14 июня 1941 г. Суббота.

Вчера: моя статья напечатана в «Фёлькишер беобахтер» и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Ночью этот номер конфискуют, и теперь у меня звонят все телефоны. Внутри страны и за границей одновременно поднимается шумиха. Все удается безупречно. Я совершенно счастлив этим. Огромная сенсация — налицо. Английские радиостанции уже заявляют, что сосредоточение наших войск против России — блеф, которым мы прикрываем свои приготовления к высадке [в Англии]. Такова и была цель задумки! Впрочем, в зарубежной информационной политике царит полная неразбериха. Люди почти совсем потеряли ориентировку.

Русские, кажется, все еще ничего не подозревают. Во всяком случае, они сосредоточивают свои войска именно так, как мы только и можем того пожелать: концентрированно, а это — легкая добыча в виде военнопленных. Однако ОКВ уже не может слишком долго все это маскировать, так как необходимы **мероприятия** военного характера. (...) В Восточной Пруссии все сосредоточено так густо, что русские прентивными авиационными налетами могли бы причинить нам тяжелейший урон. Но они этого не делают. На это у них смелости нет! Чтобы выиграть войну, нужна

дерзость. (...) Комедию с конфискацией «Фелькишер беобахтер» мы разыграли правильно. (...)

Криппс выехал из Москвы в Лондон. Оттуда в мир изливается волна слухов. Все они крутятся вокруг России. Причем довольно точные. Москва дала [13 июня] официальное опровержение (ТАСС, оно было опубликовано в советской печати 14 июня 1941 г. — *Сост.*): о намерениях рейха осуществить нападение она ничего не знает. Наши переброски войск, мол, служат другим целям. Во всяком случае, Москва против якобы агрессивных намерений ничего не предпринимает. Великолепно! Моя статья явилась в Берлине большой сенсацией. Телеграммы летят во все столицы. Блеф вполне удался! Фюрер очень рад, а Йодль* просто в восторге. (...)

15 июня 1941 г. Воскресенье.

Все это — полный успех. Опровержение ТАСС оказалось еще сильнее, чем первоначально переданное сообщение о нем. Объяснение: Сталин явно хочет сильно выраженным дружеским тоном, а также утверждением, что ничего не произошло, заранее определить вину за предположительное развязывание войны. Из перехваченной радиотелеграммы мы, напротив, можем узнать, что Москва приводит в боевую готовность русский военно-морской флот. Значит, дело там обстоит уже не так безобидно, как это хотят показать. Но подготовка проводится крайне дилетантски. За настоящую акцию ее всерьез принимать нельзя. ОКВ очень довольно успехом моей статьи. Она представляет собой величайшую отвлекающую акцию. (...)

С Розенбергом** достигнуто соглашение, касающееся работы на Востоке. (...)

Тема России остается в Лондоне все еще горячо и страстно обсуждаемой, но там в общем и целом плавают в море слухов, не имеющих настоящего содержания. А если и говорится что-нибудь правильное, то это тонет во всем этом обмане. (...)

16 июня 1941 г. Понедельник.

Вчера: (...) во второй половине дня фюрер вызывает меня в Имперскую канцелярию. Мне приходится войти через заднюю дверь, чтобы это не бросалось в глаза. Вильгельмштрассе находится под постоянным наблюдением иностранных журналистов. Следовательно, здесь уместна осторожность! Фюрер выглядит превосходно и принимает меня с большой теплотой. Моя статья доставила ему чертовское удовольствие! Она дала нам некоторую передышку в наших лихорадочных приготовлениях. Фюрер подробно разъясняет мне положение: нападение на Россию начнется,

* Генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства вермахта, ближайший военный советник Гитлера. *Примеч. сост.*

** Имперский министр по делам оккупированных восточных территорий. *Примеч. сост.*

как только закончится сосредоточение и развертывание войск. Это будет сделано примерно в течение одной недели. Кампания против Греции потребовала применения большого количества техники, поэтому она продлилась несколько дольше. Хорошо, что погода была довольно плоха и урожай на Украине еще не созрел. Таким образом, мы можем надеяться получить его большую часть. Это будет массированное нападение самого крупного масштаба. Пожалуй, даже самое мощное из всех, какие видела когда-либо история. Пример Наполеона не повторится. Сразу же, в первое утро, начнется артиллерийский обстрел из 10 тыс. стволов. Мы применим новые виды артиллерийского оружия, которые предназначались для линии Мажино, но тогда не потребовались. Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это — наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы гораздо большую опасность. Русские имеют в своем распоряжении примерно 180 — 200 дивизий, может быть, даже несколько меньше, но приблизительно столько же, что и мы. По своей психологической и материальной ценности они с нашими вообще несравнимы. Прорыв будет осуществлен в различных местах. Русские будут сразу же отброшены. Фюрер рассчитывает, что вся эта акция потребует примерно четыре месяца, я же считаю, что меньше. Большевизм развалится как карточный домик. Мы находимся накануне ни с чем не сравнимого победоносного похода. Мы должны действовать.

Москва хочет остаться вне войны до тех пор, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Вот тогда Сталин захотел бы действовать. Но мы перечеркнем этот расчет. Наша акция подготовлена так, как только вообще могут подготовить ее люди. У нас наготове такие резервы, что неудача начисто исключена. Географически эта акция не ограничена никакими границами. Будем сражаться до тех пор, пока больше не останется никакой русской военной силы. Япония — в союзе с нами. Так что и для этой страны акция тоже является необходимой. Токио никогда не решилось бы связываться с США, зная, что в тылу у него стоит невредимая Россия. Таким образом, Россия должна пасть и по этой причине тоже. Англия охотно сохранила бы Россию как надежду на будущее. В этом и состояла миссия Криппса в Москве. Она не удалась и носит его имя несправедливо. Однако Россия напала бы на нас, если бы мы стали слабыми, и тогда мы имели бы войну на два фронта, которую мы не допускаем этой превентивной акцией. Только тогда мы гарантируем свой тыл.

Боевую силу русских я оцениваю очень низко, но еще ниже ее оценивает фюрер. Если когда-либо какая-либо акция была и является обеспеченной, то именно эта. Мы должны напасть на Россию и для того, чтобы высвободить наших солдат. Неразбитая Россия заставляет нас постоянно держать 150 дивизий, солдаты которых срочно нужны нам для военной экономики, чтобы осуществить

нашу программу производства оружия, строительства подводных лодок и самолетов, и тогда США больше уже ничего не смогут **замышлять** против нас. У нас есть и сырье, и машины для трехсменной работы, но не хватает людей. А если мы разгромим **Россию**, то сможем высвободить целые контингенты и строить, вооружаться, готовиться. И только тогда мы сможем начать широкомасштабное наступление на Англию. Высадка все равно трудноосуществима. А значит, нужно создать гарантию победы. (...) Мы прекращаем полемику в печати, храним полное молчание, а в день «Х» просто-напросто наносим удар. Я настойчиво отвечаю фюрера от созыва в этот день рейхстага. Тогда рушится вся система маскировки. Он принимает мое предложение: разрешить зачитать его обращение по радио. (...) Таким образом, сохранение тайны абсолютно обеспечено.

Тенденция всей кампании очевидна: большевизм должен пасть, а у Англии будет выбита из рук ее последняя единственно мыслимая континентальная шпага. Большевистский яд должен исчезнуть из Европы. Против этого и Черчилль, и Рузвельт мало что могут возразить. Вероятно, мы обратимся к епископату обоих вероисповеданий (евангелического и католического. — *Сост.*) с просьбой благословить эту войну как войну богоугодную. В России вовсе не будет восстановлен царизм, а, вопреки еврейскому социализму, будет осуществлен подлинный социализм. То, что нам доведется пережить это, дает глубокое удовлетворение каждому старому нацисту. Совместные действия с Россией, собственно говоря, были пятном на нашем щите чести. С этим будет покончено. Я говорю это фюреру, и он полностью соглашается со мной. (...) Фюрер говорит: справедливо или несправедливо, но мы должны победить! Это единственный путь. И он — справедлив, морален и необходим. А когда мы победим, кто спросит нас о методе! У нас все равно на совести столько, что мы должны победить, ибо иначе весь наш народ, а мы — во главе его, будем стерты с лица земли со всем, что нам дорого. Итак, за дело!

Фюрер спрашивает меня, что думает народ. Народ ведь полагает, что мы с Россией заодно. Будет ли он храбр, когда мы призовем его к войне против нее? Русские радиостанции глушатся нами, и теперь вот наши солдаты впервые получают возможность непосредственно познакомиться с отечеством рабочих и крестьян. Все они вернутся дикими антибольшевиками. Эта чума будет в Европе истреблена. Время для того назрело. Опровержение ТАСС, на взгляд фюрера, — порождение страха. Сталин дрожит перед грядущими событиями. Его лживой игре будет положен конец. Мы мобилизуем для себя сырье этой богатой страны. Тем самым надежда Англии уничтожить нас блокадой будет окончательно разрушена. И только тогда подводная война развернется понастоящему: Англия будет повержена наземь.

Италия и Япония получают только извещение о том, что мы имеем намерение в начале июля направить России ультимативные

требования. Это быстро станет известным. Тогда мы снова **полу**,, чим несколько дней. В остальном же дуче о размахе нашей аккод еще не осведомлен. Антонеску знает несколько больше. Румыния ц Финляндия выступают вместе с нами. Наши полководцы, которые в субботу побывали у фюрера, подготовили все самым наилучшие образом. Наш пропагандистский аппарат готов и ждет. Мы **еще**, покажем себя! (...)

Чтобы завуалировать подлинную ситуацию, необходимо и **далее** неотступно распространять слухи: мир с Москвой! Мол, Сталин приезжает в Берлин. Будем надеяться, что нам еще удастся продержатъ все это в тайне некоторое время. Я хочу сделать все, на что способен. Фюрер живет в неопиcуемом напряжении. В таком состоянии он находится каждый раз перед началом акции. Но он говорит, что, как только акция начнется, совершенно успокоится.

Я обсуждаю с фюрером еще ряд текущих вопросов, некоторые персональные дела и т. п., а потом исчезаю опять через заднюю дверь. На улице — ливень. Когда я прощался с ним, фюрер был очень растроган. Это для меня — великий момент. Проехали по парку, потом мимо заднего портала и дальше помчались по улицам, где под дождем прогуливались люди, ничего не знавшие обо всех наших заботах и живущие одним днем. Для них живем и боремся все мы, беря на себя любой риск. Лишь бы жил наш народ! (...)

По радио идет веселая развлекательная передача. Это тоже — средство маскировки. Я еще раз запрещаю всем нашим средствам массовой информации внутри страны и за границей касаться темы Россия. До дня «X» это — табу. (...)

17 июня 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) у нас почти нет никакого материала для пропаганды и полемики. Я запретил тему «Россия» всю, целиком. Все — в подвешенном состоянии. Насчет России — неисчерпаемая шкала слухов: от готового заключения мира до уже разразившейся войны. Это очень хорошо для наших целей, а потому усердно стимулируется нами. Слухи — хлеб наш насущный. Мы противопоставляем им наше собственное молчание. (...)

Все подготовительные меры уже приняты. Это должно **начаться** в ночь с субботы на воскресенье. В 3.00. Русские все еще массивно концентрируют свои войска на границе. При их незначительных транспортных возможностях они за несколько дней изменить уже ничего не смогут. Они прибегают к типично большевистским уловкам: так, минирование производят солдаты, переодетые в женскую одежду, и т. п. Но все это прекрасно видно в полевые бинокли. О том, что таковые имеются, большевики, очевидно, не знают. Мы эффективно познакомим их с этим и с кое-чем еще! (...)

Румыны ведут себя по отношению к России недостаточно

скрытно. В своих газетах они говорят о предстоящей войне, провозглашают требования воссоединения с отторженными у них областями и дают себе волю в громких и мистических прокламациях. Это для нас не очень-то хорошо и никоим образом не укладывается в общую картину. Я энергично протестую против этого. До поры до времени молчание — золото. Уже скоро они смогут заговорить об этом снова. Волна слухов нарастает. Человек непосвященный даже не видит никакой возможности решения вопроса с Москвой. Но это — только тактика, чтобы они мнили себя в безопасности. Мы на это не поддадимся. Частично говорят о русской всеобщей мобилизации. Это я пока считаю совершенно исключенным. В Анкаре качаются туда-сюда. Но говорить, что в случае конфликта там встанут на сторону России, столь чересчур абсурдно, что даже не заслуживает возражения. Мы не удостоиваем такую чушь внимания, хотя это и идет нам на пользу. (...)

США требуют, чтобы наши консульства до 10 июля прекратили свою работу и покинули страну. Ликвидируется и библиотека, организованная нашим министерством в Нью-Йорке. Все это — булавочные уколы, но отнюдь не удар ножом. Как-нибудь переживем. (...)

18 июня 1941 г. Среда,

(...) Маскировка от России достигла своей наивысшей точки. Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что уже и сам с трудом ориентируешься. От мира до войны — это такая шкала, из которой каждый может выбрать то, что ему хочется. Наш наинouvelший трюк: мы планируем созыв большой мирной конференции с участием также и России. Желанная жратва для мировой ответственности. Но некоторые газеты почуяли, что пахнет жареным, и подходят весьма близко к истине. (...)

Мы соблюдаем во всех касающихся России вопросах абсолютную сдержанность. В отношении США тоже ведем себя осторожно. (...) Мы не должны позволить спровоцировать нас. (...)

У фюрера. (...) Можно ли еще долго сохранять маскировку против России? Я в этом сомневаюсь. Во всяком случае, с каждым днем маскировка эта все больше раскрывается. Мы живем в лихорадочно высоком напряжении. Гроза должна разразиться со дня на день. Хоть бы скорее прошла эта неделя! (...)

Розенберг весьма ясно высказывается насчет своих задач на Востоке. Он весьма досконально знает местные проблемы. Он тоже верит в очень быстрый крах России. Только бы русские сохранили концентрацию своих войск на границе! (...)

Наши уловки в отношении России постепенно разгадываются. Начинают их раскусывать. Наступает самое время действовать. Поздно вечером мне звонит фюрер: когда закончится печатание 3 млн экземпляров листовок и как мы сможем их использовать? Надо иметь их немедленно, срок — одна ночь. (...)

19 июня 1941 г. Четверг.

(...) Первоначально удастся напечатать 800 тыс. листовок для наших солдат. Я приказываю сделать это с соблюдением всех мер предосторожности. Типография будет оцеплена гестапо. До дня «Х» рабочие выйти из нее не смогут, обеспечиваем их питанием, предоставляем им койки. Листовки будут в упакованном виде переданы вермахту, который под надзором офицеров отправит их на фронт. Там их распределят по всем ротам в то утро, когда начнется акция. Вся эта процедура весьма затруднительна, но только это гарантирует сохранение тайны. (...)

Вопрос о России медленно, но проясняется и для другой стороны. Избежать этого было невозможно. В самой России готовятся к пропагандистскому Дню Красного Флота. Этот день станет для них хорошеньким крахом. (...)

Опубликовано германо-турецкое соглашение. Первая бомба! (...)

20 июня 1941 г. Пятница.

Вчера: безумно много дел. Дикая спешка. (...) Германо-турецкий пакт о дружбе — огромная сенсация. Гарантируются границы, хозяйственный обмен, мир в прессе и на радио. Лондон говорит, что мы могли ожидать большего и потому это для нас — неудача. (...) Финляндия открыто призывает резервистов. (...)

Москва постепенно начинает наглеть. Я подавляю слухи о созыве рейхстага. (...) Воззвание фюрера к солдатам Восточной армии уже отпечатано, упаковано и разослано. Но придется набирать заново, так как плохо оформлено. Содержание: разъяснение причин германо-советской распри. Вперед на врага! Блестящее объяснение всего дела. Мы отправляем листовки на фронт со строжайшим соблюдением всех мер предосторожности. Все это связано с чудовищными трудностями. Одновременно я пресекаю совершенно нелепые слухи, распространяющиеся среди части партийного руководства. Слушал новые фанфары для радио. (...)

Северная Африка. Итальянцы трусливы, а их офицеры — продажны. Мы имеем самого плохого союзника, какого только можно было придумать. Роммель стал там легендарной фигурой. Фюрер произвел его в корпусные генералы. Я по-прежнему делаю все возможное для [пропагандистского] обеспечения войск.

У фюрера: дело с Россией совершенно ясно. Фюрер прославляет преимущества нашего режима по сравнению с либеральным. Мы воспитываем народ в духе единого мировоззрения. Этому служат кино, радио и пресса, которые фюрер называет самыми важными средствами руководства народом. Отказаться от них государство не может никогда. Фюрер также хвалит нашу журналистику. Этому значительно способствовали пропагандистские роты. Во всяком случае, наша работа в данный момент котируется высоко. (...)

Волна слухов о России немного ослабла. Она явно миновала

вой пик. Мы и дальше молчим железно. Это и есть самое лучшее.

<~>

21 июня 1941 г. Суббота.

Вчера: полный драматизма час близится. В Северной Африке английское наступление закончилось полной германской победой. Лондон приводит гнилые отговорки, а мы его как следует тычем носом. (...)

Вопрос о России с каждым часом становится все драматичнее. Молотов попросил визита в Берлин, но получил резкий отказ. Наивный расчет! Это следовало бы сделать на полгода раньше. Наши противники идут к своей гибели. Читаю подробную памятную записку о русско-большевистской пропаганде. В борьбе с ней нам иногда приходится раскалывать твердый орешек, она не такая дурацкая, как английская. Ее ведь делают евреи! Я предусмотрительно уже сейчас привожу в готовность радиоглушилки. В Финляндии — мобилизация. Что ж, пусть Москва заметит, что именно грозит большевизму. Наконец-то я нашел то, что нужно. Воззвание фюрера напечатано заново и отослано на фронт. (...)

Договор с Турцией очень помог нам дипломатически. Лондон после первого ошеломления способен только на смущенное бормотание. А тем временем кризис нарастает. (...)

Война в Северной Африке ведется с еще невиданной суровостью и в чрезвычайно тяжелых условиях. Но Роммелю и его людям и это нипочем. Они заслуживают высшей похвалы и исторической славы. (...)

С Россией дело идет правильно. Войну ожидают каждый день. Раздаются лишь отдельные голоса, утверждающие, что это — блеф. Фюрер очень доволен нашими фанфарами. Он велит готовить еще несколько, положив в основу песнь Хорста Весселя. (...)

22 июня 1941 г. Воскресенье.

Вчера: (...) нападение на Россию начинается ночью в 3.30. Мне еще не вполне ясно, будет ли воззвание фюрера зачитано по радио сразу или только утром, в 7 часов. Мы хотим сразу же, в первый день, прочесть по радио предостережение насчет диверсионных групп русских парашютистов. Секретное донесение одного нашего агента настойчиво предупреждает о таких запланированных попытках. В остальном затмевает для общественности все Другие темы. Международная общественность топчется в полной темноте. К тому же Запад вскоре получит облегчение. Оскорбительное, направленное против нас заявление Рузвельта совершенно потонуло в общем шуме: момент для него выбран не очень-то Удачно. (...)

Время оглашения возвания еще должно быть определено фюрером и мною. (...) Фюрер предпринимает небольшую прогулку на автомашине. Он выглядит совершенно переутомленным. По его

возвращении сразу же начинается обсуждение обстановки. Оц подготовил новое обращение к народу, которое немного превосходит другое — к солдатам. Я предлагаю несколько мелких изменений. Оно превосходно и излагает всю суть дела.

Итак, наступление начинается в 3.30! 160 укомплектованных дивизий. Линия наступления протяженностью 3 тыс. километров. Самое крупное во всем мире сосредоточение войск. По мере того как приближается час решения, фюрер все больше освобождается от давившего на него страшного бремени. Он просто оттаивает. Кажется, что с него спадает вся усталость. Мы прогуливаемся три часа туда-сюда по его салону. Я вновь могу бросить взгляд в его внутренний мир. Нам не остается ничего иного, как нападать. Эта раковая опухоль должна быть выжжена каленым железом. Сталин должен пасть. Деканозов в Берлине снова заявлял протест против нарушения нашими самолетами границы. Ему дан достаточно ясный ответ! Дуче введен в курс дела в воскресенье. В общих чертах он ориентирован во время последней встречи на Бреннерском перевале. Мы сами определяем тенденцию борьбы. Она однозначна и ясна. Прежде всего мы пускаем в ход аргумент, что двойственная позиция России до сих пор мешала решить вопрос об Англии. Партию мира в Англии фюрер оценивает очень высоко. Иначе инцидент с Гессом не замалчивался бы начисто столь систематично. Для Гесса у фюрера находятся лишь слова презрения. Не будь он умалишенным, его следовало бы расстрелять. Он нанес безумный вред партии, но прежде всего вермахту. Ему никогда не будет позволено вернуться в общественную жизнь. Воздействие его поступка на солдат было очень отрицательным. (...)

После долгих колебаний время зачтения воззвания было назначено на 5.30. К тому времени фюрер будет знать, как идет наступление, и об этом должен узнать народ и весь мир. Целый час прослушивали фанфары. При этом оба мы остановились на коротком мотиве из песни Хорста Весселя. Фюрер очень доволен нашей работой в этой области. На этом наши приготовления закончились. Он работал над всем этим с июля прошлого года, и вот момент наступил. Сделано все, что вообще можно сделать. А теперь решить все должно военное счастье.

23 июня 1941 г. Понедельник.

Вчера: давяще жаркий день. Нашим войскам будет нелегко сражаться. Выступил Молотов: дикая ругань и призыв к патриотизму, слезливые жалобы, а за всем этим проглядывает страх. «Мы победим», — говорит он. Бедняга!

Англия еще занимает двойственную позицию. Там слишком ошеломлены. В США пока только сенсация. Антонеску публикует поэтические воззвания к армии и народу. Финляндия еще не шевелится. Венгрия настроена сильно антибольшевистски и выступает за нас. Италия объявляет России войну. Весьма приличный поступок. По всей Европе проходит волна антибольшевизма. Решение

фюрера — самая крупная из всех мыслимых сенсация. Наша воздушное нападение начинается в самом традиционном стиле. На русские города, в том числе Киев, и аэродромы обрушиваются 900 пикирующих бомбардировщиков и 200 истребителей. Военные действия начались по всему фронту протяженностью в 3 тыс. километров. Первые небольшие реки повсюду форсированы. (...)

Во второй половине дня уже проясняется психологическая ситуация. Воззвание фюрера текстуально передано для всего мира. Лондон пока говорит, что Гитлер спятил с ума, и указывает на пример Наполеона, который привел и Молотов. По этому поводу мы еще подискутируем. Некоторые английские голоса призывают к благоразумию и показывают, что потеряет Англия, если мы захватим Украину. США предаются ругани. Но, как известно, нам от этого ни жарко, ни холодно. Если мы победим, все равно окажемся правы. Из Японии о ее позиции пока еще ничего не слышно. Русские понесли до сих пор тяжелейшие потери в авиации. При своем воздушном налете на Тильзит они из 73 нападавших самолетов потеряли 22. Операции развиваются по плану. (...)

Риббентроп после зачтения мною воззвания фюрера вставил и свое словечко. Дань его тщеславию. (...)

Русская концентрация войск подобна французской 1870 г., и они потерпят такую же катастрофу. Первоначально русские оборонялись лишь умеренно. Но их авиация сразу же понесла ужасные потери: 200 сбитых самолетов, 200 — разбитых на земле, 200 повреждено. Уже одно это — огромный урон. Мы вскоре добьемся своего. И мы должны вскоре сделать это. У нашего народа слегка подавленное настроение. Народ хочет мира, а каждый вновь открытый театр войны готовит ему новые заботы и тяготы. Испанская пресса весьма рьяно поддерживает нас. Точно так же, как и шведская. В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода. Мы сможем хорошо использовать это. Но не слишком напирая на лозунг «За христианство». Это было бы все-таки чересчур лицемерно. (...)

Каждую минуту поступают новые известия. К настоящему часу уничтожена тысяча русских самолетов. Это для русских — неприятный сюрприз. Взят Брест. Все задачи дня выполнены. До сих пор никаких осложнений. Мы можем быть весьма спокойны. Советский режим полетит вверх тормашками. Выступает Черчилль. Безумная брань по адресу фюрера. А в остальном его речь — одно сплошное подтверждение сотрудничества Лондона и Москвы против нас. (...)

24 июня 1941 г. Вторник.

Ход военных операций на Востоке хорош сверх всяких ожиданий. Наши новые виды оружия оказывают уничтожающее воздействие. Русские дрожа вылезают из своих бункеров и пленные в течение целого дня даже негодны для допросов. Мы продвигаемся вперед двумя отдельными фронтами. К настоящему вре-

мени уничтожено 1800 русских самолетов. Их истребители усту,, пают в скорости нашим Ю-88. Все идет планомерно. (...)

Русские противостоят нам таким образом, что мы можем пере-малывать их живую силу. Посмотрим, как пойдет дело дальше.

На своем совещании в министерстве [пропаганды] я обрисовал всю ситуацию и открыл карты. Повсюду огромное удивление. Наша тактика направлена на то, чтобы вскрыть англо-русский заговор. Речь Черчилля служит для того наилучшим образом. В США отношение весьма двойственное. Это усиливает нашу боевую позицию против большевизма. В Европе возникает нечто вроде единого фронта, появляется идея крестового похода. Можно хорошо использовать. Мы постепенно снова заводим антибольшевицкую пластинку, но делаем это помаленьку, чтобы переход не был слишком резок. В народе настроение все еще выжидательное. Поворот оказался слишком внезапным. Это долго не продлится. Как только пойдут первые зримые победы. В Восточной Пруссии творится что-то сумасшедшее с противовоздушной обороной, эвакуацией и т. п. Я приказываю немедленно навести порядок.

Вместе с Паволини отправляемся к фюреру. Он принимает нас, чтобы растолковать русскую кампанию для итальянского домашнего употребления. Фюрер тоже видит продолжение операций в весьма благоприятном свете. Ясно показывает силу нашего фронта против большевиков. Это в Италии понимают очень хорошо, ибо там шли вместе с нами прежним курсом только в угоду нам. Италия всегда была против Москвы. Фюрер выезжает на фронт. Я прощаюсь с ним. Он очень серьезен и торжествен. Возвращайтесь с победой! Здоровья Вам! С Богом! Он такой великий человек! К нему можно питать только благоговение! (...)

500 метров еженедельной кинохроники о начале нашего похода против России. Снова частично показано наше новое оружие, это мрачное орудие убийства, просто-таки сметающее все на своем пути. Русские пленные, дрожа всем телом, выбирающиеся из блиндажей и убежищ. Над советским государством свершается сейчас исторический Страшный Суд Господен. (...) Я считаю, что война против России как с психологической, так и, пожалуй, с военной точки зрения — наш величайший бой. Общеввропейское настроение против Москвы растет. Даже «Тайме» высказывается весьма скептически. Но четкого формулирования этого мнения пока еще нет.

25 июня 1941 г. Среда.

Вчера: (...) на Востоке за оба первых дня уничтожено 2585 русских самолетов, в сравнении с 51 у нас. Наземные операции тоже идут хорошо. Значительные успехи, превосходящие все ожидания. Враг дерется хорошо. Попытки восстаний в Прибалтийских странах. Вторглись в Ковно. Ленинград горит, еще частично. Пока мы никаких подробностей в сообщениях ОКВ не публикуем. Про-

тивник должен находиться в полном неведении. Вероятно, у него нет никакого представления обо всем в целом. В Москве произносят речи и бахвалятся в старом коммунистическом стиле. Но в грохоте орудий это звучит совершенно пустыми словами. К тому же против нас ведется кампания распространения лживых слухов о наших зверствах, которую мы сразу же парируем контрвыпадами. Но пропаганда там поставлена лучше, чем в Лондоне. Здесь мы имеем перед собой более поднаторевшего противника.

В Мадриде — крупные демонстрации в нашу поддержку. Европейский фронт против Москвы вырисовывается все резче без нашего прямого содействия. Я временно несколько ослабляю слишком сильное подчеркивание нашей прессой многонационального характера государства Россия. Это только усиливает сопротивление врага. Это можно будет сделать и через неделю. Даю также распоряжение: вопроса об экономических выгодах победы над Москвой пока не касаться. Наша полемика целиком идет в политической плоскости. От публикации крупномасштабных карт России я еще воздерживаюсь. Огромные пространства России могут только напугать наш народ. Резко выступаю против неумного назначения сроков победы. Если мы скажем, что она наступит за четыре недели, а это произойдет через шесть, то наша величайшая победа в конце концов все-таки окажется поражением. К тому же министерство иностранных дел неудовлетворительно хранит военные тайны. Я велю гестапо принять меры в отношении одного высокопоставленного болтуна. Единый фронт Москва — Лондон — Вашингтон становится все более явным. Я приказываю заняться данным вопросом поближе. Мы представим косвенные доказательства этого [заговора против Германии]. (...)

Теперь мы выступаем против России с более сильной радио-пропагандой. Сэмнер Уэллес высказался полностью в духе красного большевизма. Старый, так знакомый нам единый фронт от капитализма до большевизма. (...)

26 июня 1941 г. Четверг.

Вчера: давящая, душная атмосфера, в которой едва можно дышать. И все-таки работа кипит, летят телеграммы, непрерывно звонят телефоны. Мы глубоко вклинились в русскую территорию. Ковно, Вильно, Слоним и Брест-Литовск — в наших руках. На юге — слабые бои. Русские обороняются храбро. Никаких отступательных маневров. Это хорошо. Так мы их заполучим скорее! Они теряют бесчисленное множество танков и самолетов. Это — предпосылка победы. Следует ожидать огромнейших успехов. Наше сообщение ОКВ все еще говорит не более того. Пусть наша тактика будет русским неясна. В США срок нашей победы уже сократили, до 10 дней. Я со всей энергией велю отставить это. Иначе огромный триумф будет в конечном счете выглядеть поражением из-за того, что мы не уложимся в сроки, назначенные

Русские военные сводки воняют ложью. В ответ мы пока помалкиваем. Тем громადнее будет триумф, когда мы выложим все как есть. Русские радиопередатчики пытаются вести разлагающую пропаганду среди наших солдат. Треп! Наши же радиопередатчики Москвой глушатся. Но я смогу ввести в действие радио Ковно. (...)

Своим нападением на Москву мы вбили клин в лагерь плутократов. Наша психологическая ситуация в настоящий момент отлична. (...)

27 июня 1941 г. Пятница.

Вчера: центр тяжести — на Востоке. На южном участке фронта — маневренные бои. Наши соединения не дают врагу свободы маневра. Слава Богу, противник не предпринимает необходимых мер для отступления. На центральном и северном участках фронта мы продвигаемся дальше вперед. Минск в наших руках. Первый большой мешок начинает завязываться узлом. В нем окажется множество пленных и всякой техники. У русских гигантские потери танков и самолетов. Но они сражаются еще хорошо и с воскресенья [22 июня] уже многому научились. Достигнутые нами до сих пор успехи более чем удовлетворительны. На севере даже великолепны. Финляндия вступает теперь в войну и официально. Швеция пропускает одну германскую дивизию. Дания за нас, в Испании — демонстрации против Москвы. Италия пошлет экспедиционный корпус. Если только это не кажется, антибольшевистский единый фронт начинает образовываться. (...) Напряжение во всем мире достигло наивысшей точки. Большевики публикуют военные сводки, содержащие больше пропаганды, чем фактов. Совершенно неуклюже и назойливо. Никакого действия это не оказывает. (...) Московское радио фабрикует, как на конвейере, всякие ужасы. Призыв к нашим солдатам дезертировать. Хотя он глуп и нелеп, все-таки надо быть настороже. Большевики — это вам не англичане! Кое-что в разлагающей пропаганде смыслят. (...) Во, всяком случае, с ответом Москве мы в долгу не останемся. (...) В Лондоне — большая дилемма. Точно так же — трещина в общественном мнении США. Соседство с большевизмом постепенно становится для них неудобным. Наша же психологическая позиция однозначно ясна и тверда. (...)

Известия с фронта очень скудны. Там все находится в динамике. Но скоро победы посыплются градом. Мы боимся только одного: как бы русские не стали преждевременно отступать и не избегли бы битвы на уничтожение! Показания русских военнопленных свидетельствуют об их ужасающем уровне. Это — следствие большевистского воспитания. О солдатском обучении и говорить не приходится. Многие при пленении стреляются от страха, так как им внушили ужас перед нашими солдатами. Мы должны вести разъяснительную работу среди них при помощи листовок, так как радио до них не доходит. (...)

28 июня 1941 г. Суббота.

Вчера: война на океанах продолжается. Восточный фронт: на юге — весьма упорное сопротивление. Враг обороняется отчаянно и под хорошим командованием. Обстановка не то чтобы угрожающая, но забот полон рот. На центральном участке успехи весьма хорошие. Первый мешок захлопнулся. В нем — много чего! Это уже признак деморализации противника. На севере — тоже хорошее продвижение вперед. Люфтваффе до сих пор уничтожила 4 тыс. вражеских самолетов. (...)

Русская военная сводка — совершенно неуклюжая пропаганда и едва ли имеет какую-либо ценность. Мы не хотим следовать за Москвой по этому пути. Мы вновь приводим только общие данные. Но постепенно наше молчание невыгодным образом сказывается на нашей пропаганде. Тем лучше будет нам, когда мы наконец покончим с ним. (...) Только на центральном участке русские медленно отходят. Это отнюдь не в духе наших намерений. (...)

29 июня 1941 г. Воскресенье.

Вчера: положение на Востоке: на юге, на румынском фронте, приостановка, небольшие клинья русских, частично на румынской территории. На центральном участке фронта все идет планомерно. Мы уже наносим удар через Минск. Враг теряет огромное число танков и самолетов. Первый крупный котел почти закрыт. На северном участке фронта все тоже идет по плану. Русские защищаются отважно. Командование их действует в оперативном отношении лучше, чем в первые дни. Москва распространяет наглую ложь и сообщения об ужасах. Но мировая общественность не верит ни единому слову большевиков. В США считают положение Сталина отчаянным. В нашем народе уже предаются иллюзиям. Говорят о 600 тыс. пленных, о вступлении в Ленинград и т. п. Все это — из-за нашего полного молчания. Тем не менее фюрер отказывается нарушить его. Даже несмотря на опасность, что народ, получив истинные сведения, будет несколько разочарован. Сейчас военные интересы превыше всего, хотя все мы настаиваем на более подробных сообщениях для общественности. Однако фюрер хочет именно в сегодняшнее воскресенье обрушить на нее целый поток чрезвычайных сообщений. Мы готовим все для этого. (...)

Русское радио целиком работает в старой большевистской манере. С этим мы легко справимся. (...) Фюрер — в наилучшем состоянии духа, очень доволен нашей работой. Наконец-то молчание будет нарушено. (...)

30 июня 1941 г. Понедельник.

Вчера: день чрезвычайных сообщений. Общей численностью 12; опубликование их по радио мы начинаем в 11 часов. Весь мир притянут к радиоприемникам. Достигнуто превосходство в воздухе. Гродно, Вильно, Брест-Литовск и Дюнабург (Даугавпилс. — *Сост.*) в наших руках. Восточнее Белостока окружены две красные ар-

мин. Прорыв их исключен. Минск тоже в наших руках. Русские потеряли 2233 танка и 4107 самолетов. Вот о каких вещах было сообщено народу. Почти что слишком много. К концу у слушавших замечалась даже легкая усталость. Эффект оказался не тот на какой надеялись. Народ слишком охотно просматривает несущие конструкции нашей информационной техники. Дело было преподнесено с чересчур явным намерением. Несмотря на это, воздействие все же огромное. Особенно на границу. (...) Мы снова на вершине нашего триумфа. (...)

Мы работаем на Россию при помощи трех тайных радиопередатчиков. Тенденция первого — троцкистская, второго — сепаратистская и третьего — националистическо-русская. Все три — резко против сталинского режима. Здесь мы пускаем в ход все средства, используем кадры, зарекомендовавшие себя в кампании на Западе. По официальным радиостанциям мы ведем очень резкую и полностью рассчитанную на большевистский менталитет полемику против Москвы. Русская военная сводка с каждым днем становится все более дурацкой. Наверняка разработана евреями! Изобилует единичными поступками и действиями, она тупоумна и узколоба, как передовица «Роте фане»*. С нею мы, разумеется, легко разделаемся. Около 50 млн листовок для Красной Армии уже отпечатано, разослано и будет сброшено нашей авиацией. Москва изымает у населения радиоприемники — доказательство того, что наша пропаганда бьет прямо в точку. Нас упрекают в Москве в том, что мы будто бы хотим снова ввести царизм. Этой лжи мы отрубим башку очень быстро.

В США — возрастающий кризис. Рузвельт сидит между двух стульев. Изоляционизм все больше и больше поднимает голову. В Лондоне тоже сильные трещины во вражеском фронте. Ведь антибольшевизм засел там слишком глубоко. Выходит посев нашей предыдущей пропаганды. (...)

2 июля 1941 г. Среда.

(...) Поход на Восток. (...) В общем и целом идут очень упорные и ожесточенные бои. Ни о какой прогулке не может быть и речи! Красный режим привел народ в движение. К этому добавляется вошедшая в поговорку тупость русских. У наших солдат дел невпроворот. Однако до сих пор все еще протекает планомерно. Положение не серьезное, но суровое и требует применения всех сил. Русские в своих военных сводках торжествуют. Несколько слишком громко и несколько слишком рано. Мы всей **своей** мощью боремся против этого. (...)

3 июля 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) на Востоке снова прочно замкнулся котел в районе Белостока. Взяты в плен 20 дивизий, 100 тыс. человек, захвачены

* Центральный орган запрещенной нацистами Коммунистической партии Германии (КПГ). *Примеч. сост.*

необозримые трофеи. Предстоит уничтожение оставшихся частей. (...) Румыния удерживает свой фронт. Москва уже здорово сбавила тон. (...) Наши тайные передатчики продолжают работать. Торглер*. Каспар и Альбрехт усердно участвуют в этом деле. Большая сенсационная подача подготовленного бегства Сталина из Москвы. Призыв к созданию рабочих и солдатских Советов. Но я пресекаю призыв к уличным демонстрациям. Если они не произойдут, мы окажемся в луже. Официальные радиостанции теперь тоже пробиваются со своими голосами. Правда, с несколько смягченной тенденцией. Розенберг больше не смердит. Он передает всю пропаганду на Востоке нам. (...)

Вечером еще одно чрезвычайное сообщение: к настоящему времени под Белостоком взято 160 тыс. пленных и захвачена гигантская добыча. Здесь свершился решающий акт исторического значения. (...)

4 июля 1941 г. Пятница.

Вчера: (...) на Восточном фронте кольцо у Новогрудка тесно сжато. Там ожидается гигантская добыча, предположительные размеры ее пока даже не решаются произнести. А в остальном на всех участках фронта продвижение продолжается довольно быстрым темпом. (...) Но русские бьются очень упорно и ожесточенно. Мы снова пытаемся соответствующей листовочной и радио-пропагандой несколько ослабить и[^] тупость. Следует подождать, будет ли это иметь успех. (...)

Ранним утром [3 июля] выступает с речью Сталин. Защитительная речь нечистой совести, пропитанная глубоким пессимизмом. Он рисует всю серьезность положения, призывает к саботажу нашего наступления, предостерегает от паникеров и вражеских слухов. Под этим подразумевается наша работа. Из многих других сообщений из России и о ней я вижу, что работа наших радиостанций и передатчиков начинает доходить. Она будет интенсивно продолжаться. На речь Сталина мы даем отличающиеся друг от друга ответы для Германии и заграницы. На Россию она подается нами как сигнал краха. Мы применяем здесь и апробированные во время похода на Запад более сильные методы пропаганды, например создание паники и т. п. Уже совершенно отчетливо заметен успех. Русский тыл начинает медленно разлагаться. Признаки этого вполне несомненны. Мы берем эту открытую рану. Особенно мы должны протестовать против брошенного нам Сталиным

* Эрнст Торглер — в прошлом один из руководящих деятелей КПГ, председатель ее фракции в рейхстаге. Был ложно обвинен нацистами в совершенном ими же самими 27 февраля 1933 г. провокационном поджоге рейхстага. На Лейпцигском процессе, в отличие от Георгия Димитрова, вел линию исключительно своей личной, а не политической защиты. После оправдания Имперским судом уступил на путь ренегатства и стал активно сотрудничать с гитлеровцами, в частности принимал участие в работе геббельсовских тайных радиопередатчиков.
Примеч. сост.

обвинения, будто мы хотим восстановить царизм. Впрочем, у нас есть в запасе множество ходких аргументов, которые мы будем пускать в ход один за другим.

Впечатление такое, что мы являемся очевидцами величайшей в истории битвы на уничтожение. И впечатление это, без сомнения верное. Наши солдаты на фронте теперь совершенно убеждены в необходимости этой войны. Большевизм для них больше не представляет собой опасности. Они только удивляются тем огромным партийным зданиям, которые Советы воздвигли даже в деревнях. Такие, говорят они, следовало бы понастроить Лею*. Что ж, это еще впереди. (...)

Соппротивление красных кажется постепенно сломленным по всей линии. Большевизм переживает в данный момент свой тяжелейший кризис. Мы делаем все для того, чтобы его усилить и ускорить. Сталин призвал сжигать урожай и все запасы. Мы со всей откровенностью отвечаем на это: пусть Россия после своего поражения не ждет от нас ничего, мы дадим ей подохнуть с голоду! Это, верно, чуточку охладит воспаленные умы. (...)

5 июля 1941 г. Суббота.

Вчера: военная обстановка и дальше складывается благоприятно. (...) Благоприятна она и в Прибалтийских странах. (...) В районе Рогачева форсирован Днепр. Тем самым прорвана линия Сталина. Москва, по нашим оценкам, еще имеет в своем распоряжении около 20 тыс. боеспособных самолетов. (...) Наши адресованные русским листовки с призывом капитулировать обладают большой привлекательностью. С ними сдаются в плен целые батальоны. В наказание за хранение этих листовок Москва ввела смертную казнь. Вообще, как кажется, нашей пропаганды там очень боятся. Наши передатчики превосходят сами себя по хитрости и изощренности. Сталину сейчас не до смеха. Значительная часть русской внутренней пропаганды занимается сейчас отражением нашей. Она все еще оборонительна, эта столь превозносимая и внушающая страх большевистская массовая пропаганда!

Речь Сталина вызвала в Англии и США огромное восхищение. Доказательство того, к какой компании принадлежит этот тип! Трещина в общественном мнении США растет. Заигрывание с большевизмом создает Рузвельту много новых врагов. (...) В Лондоне и Москве — пессимистическое настроение. Наши войска подходят к Смоленску. Русские творят страшные зверства. Они за это поплатятся. Режим Чан Кайши разрывает отношения с нами. (...) Поверхность Земли меняет свои контуры. Время бешено мчится вперед. Когда же оно успокоится? Под Минском сдались 20 тыс. большевиков, предварительно перестреляв своих политических комиссаров. Признак приближающейся бури? Может быть, она разразится. (...)

* Руководитель Германского трудового фронта, заменившего запрещенные свободные профсоюзы. *Примеч. сост.*

6 июля 1941 г. Воскресенье.

Вчера: на фронтах дела идут хорошо. В Румынии — без изменений. На центральном участке кольцо сжимается все туже. Наши танки повернуты на север. Москва пока подождет. Туда русские бросают все имеющиеся у них резервы. В Финляндии на границе одна дивизия СС не справилась со своей задачей. Маннергейм командует слишком прямолинейно и до уровня русского командования не дорос. А в остальном — все в движении. Авиация работает отлично. Все наши операции в целом направлены на крупные цели.

Начато большое пропагандистское наступление против большевизма. Оно ведется с помощью прессы, радио, кино и пропаганды. Тенденция: пелена спадает, Москва без маски, большевизм — бич человечества, дурная болезнь, которую надо выжечь каленым железом. Все мы должны быть благодарны фюреру за то, что он подступился к этой опасности и ликвидирует ее. Эта крупная кампания против большевизма начинается немедленно. Введены в действие все пропагандистские средства. Через несколько дней мы увидим последствия как внутри страны, так и за рубежом. Москва же в ответ делает только совершенно примитивную и глупую пропаганду, подобие английской лжи. (...) Московская военная сводка помпезными фразами снова прикрывает большевистские поражения и отступления. Доказательство того, что там дела плохи. (...) Иден произносит речь, в которой вообще отказывается от переговоров с нами. (...) Мы должны действовать быстро, акцию на Востоке нельзя слишком растягивать. Но об этом позаботится и сам фюрер.

7 июля 1941 г. Понедельник.

Вчера: положение на Восточном фронте хорошее. Снова развертываются крупные операции. Русские подтягивают на этот фронт огромные подкрепления. Это хорошо и желательно для нас. Тогда нам не придется преследовать их далеко в глубь страны. Под Минском к нам перебежали 53 тыс. большевиков, трофеи почти необозримы. Однако местами красные оказывают упорное сопротивление. В Москве все же постепенно уясняют себе всю серьезность военной ситуации. Русская военная сводка показывает это. Она пока может сообщить только об отступлениях. Англичане совершают налеты на Мюнстер и другие вестфальские города и даже с некоторым успехом. Они наглеют, даже проводят дневные воздушные налеты. Это — отвлекающие удары на пользу Москве. Они даже бахвалятся насчет своей высадки в Западной Европе. Мы ничего против этого не имеем. Пусть-ка придут! Ясно, что сейчас они предпринимая все возможное, чтобы использовать отсрочку своей гибели. Но, будем надеяться, слишком долго это не продлится.

Мы вещаем по всем передатчикам, ведем мощную кампанию против Москвы. Тайные передатчики работают образцово и до-

ставляют большевикам много хлопот. (...) Наша большая кампания против большевизма началась превосходно. Все информационные и пропагандистские средства задействованы наилучшим образом. Я распорядился продолжать и усиливать эту акцию. Она должна просветить не только наш собственный народ, но и всю Европу, усилить трещину в общественном мнении США и самой Англии. Это в своей большей части уже удалось. (...)

Русские снова наврала с целый короб. Всего даже и не опровергнешь. Особенно дикий вздор они несут насчет германских потерь, они уже называют 700 тыс. человек. Но так бывало при каждом наступлении. В конце концов, мы все-таки имеем 300 тыс. пленных. В Москве царит очень мрачное настроение. Мы будем делать все для его усиления. В Лондоне предаются фантазиям насчет высадки на континенте. Пусть только заявятся! (...)

8 июля 1941 г. Вторник.

Вчера: на фронтах все хорошо. Значительные успехи. На юге — упорные бои. Дороги почти непроходимы. Взятые Черновцы. Операции продолжают. У противника больше нет никакого оперативного командования. Пленные показывают, что они не капитулируют только из страха перед расстрелом. Настроение у нас на фронте очень хорошее. Войска видят теперь, что этот поход был необходим. На центральном участке все по-прежнему отлично. В Финляндии — очень трудно. Финны для наступления непригодны. Петсамо с его никелем — в безопасности. На Востоке никаких воздушных налетов [противника]. Доказательство того, что красная авиация уже не имеет никакой ударной силы. (...)

Большевики отвечают на нашу пропагандистскую работу дикой кампанией распространения лживых утверждений о якобы чинимых нами зверствах, которая, естественно, усердно поддерживается Лондоном. В ответ мы действуем наступательно, разоблачаем большевизм, и граница по большей части воспринимает наши лозунги. Большевики делают пугалом немецких парашютистов. Мы содействуем этому, сами пускаем в оборот такие сообщения, добиваясь этим возникновения значительной паники. В Москве, по не вызывающим сомнения данным, настроение весьма мрачное. Мы не успокоимся до тех пор, пока красные бонзы не полетят. Это удалось нам [в 1933 г.] в Германии, удастся и на сей раз. (...) Наша листовочная пропаганда против Советов усиливается. Капитулировать! — вот лозунг наших листовок. (...)

В США все еще двоякое настроение. Но в нашей победе над Россией больше не сомневается уже никто. (...)

(На этой дате записи в цитируемом четырехтомном немецком издании обрываются.)

«ФЮРЕРУ МОЖНО ПОСОЧУВСТВОВАТЬ»*

(Март 1942 г. март 1943 г.)

20 марта 1942 г. Пятница.

(...) Состояние здоровья фюрера, слава Богу, вполне хорошее. Он пережил чрезвычайно тяжелые дни, и это заметно по всему его облику. Действительно, фюреру можно посочувствовать. Он должен нести на своих плечах всю тяжесть войны, и облегчить бремя ответственности за все принимаемые решения ему никто не может. <...>

В последнее время фюрер был немного нездоров. И это можно понять: ведь нести на себе такой гигантский груз для человека уже с одной только психической точки зрения долгое время невозможно. К тому же фюрер практически живет словно в концентрационном лагере. (...) Одиночество в ставке и весь характер работы, естественно, со временем действует на фюрера чрезвычайно угнетающе. У него нет ни малейшей возможности для разрядки, и он, когда вообще бодрствует, постоянно находится под грузом ответственности и загружен работой. Уединенность, в которой он вынужден творить, рано или поздно должна глубочайшим образом воздействовать на человека и подрывать его силы. Если фюрер так хорошо пережил прошлую зиму, которая никак не хочет кончаться, то это служит доказательством его поистине медвежьей натуры. Генералы по большей части тоже не были ему никакой опорой. Теперь представление о командовании германского вермахта у него совсем иное, чем, скажем, после наступления на Францию. Высшие офицеры, выходцы из генштаба, никоим образом не выдержали суровых нагрузок и тяжелых душевных кризисов. Да они этому и не учились. Они слишком мало были воспитаны на образах своих прусских предшественников и к тому же первые успехи в этой войне породили у них мысль, что все делается по мановению волшебного жезла и какие-либо трудности едва ли появятся.

Это фюрер один спас фронт прошлой зимой [1941/42 г.]. То, что он не сломался и не проявил никакого признака слабости, собственно, и служит причиной того, что работа, которую я до сих пор вел в Берлине, во всех отношениях отвечает тому, что фюрер именуется гражданским ведением войны. (...)

Внешне здоровый вид фюрера несколько обманчив. При беглом взгляде кажется, что он — в наилучшем физическом состоянии. Но на самом деле это не так. В интимном разговоре он говорит мне, что последнее время чувствует себя немного больным. Время от времени ему приходится бороться с головокружением. Долгая зима так подействовала на его душевное состояние, что все это не могло пройти для него бесследно. Фюрер вообще никогда зиму особенно не любил. Еще раньше мы не раз смеялись над тем, ка-

* Заголовок дан составителем.

кое физическое отвращение питал он к морозу и снегу. Он, к при/меру, никогда не мог понять, как это есть такие люди, которые весной ищут заснеженные места, чтобы покататься на лыжах. Теперь его нелюбовь к зиме получила жестокое и ужасное подтвер^ждение. Но того, что зима еще раз подвергнет его лично и немецкие войска такому жестокому испытанию, при всем инстинктивном неприятии ее он и предполагать не мог. Однако это произошло в таком объеме, который раньше и представить себе было нельзя. Будь проклята эта долгая, суровая и жестокая зима! Она поставила нас перед проблемами, которые мы прежде вообще не считали возможными. Этой зимой жестокое испытание должен был выдержать не только германский вермахт, но и прежде всего его верховный главнокомандующий. То, что мы с этим справились, можно считать просто чудом. То, что за эти месяцы перестрадал фюрер, сейчас даже и высказать невозможно. Он сам говорит мне, что позже воспользуется случаем рассказать об этом, а может быть, и написать.

Война в эти месяцы, начиная с конца ноября [1941 г.] до сегодняшнего дня, достигла своей самой острой концентрации. Иногда, говорит фюрер, он даже считал: больше уже выдержать все это невозможно! Но тогда он снова последним усилием воли противостоял натиску вражеских держав, и, слава Богу, ему удалось справиться со всем этим, а немецкий народ узнал об этом лишь малую толику. На этом примере видно, как важно оградить народ от самого тяжкого груза войны, а особенно такого душевного свойства. Позже это станет для истории героическим воспоминанием. (...)

Еще никогда фюрер с таким страстным пылом не ожидал прихода весны. (...)

Мнение фюрера о различных командных органах вермахта за прошедшую зиму коренным образом изменилось. Он больше не такого высокого мнения о них, как раньше. Для многих из них у него есть только презрение. (...)

Затем фюрер говорит о себе. Поистине волнительно слушать, как жалуется он на зиму, которая принесла ему столько забот и трудностей. При этом я замечая, как сильно он поседел и как рассказ о зимних тревогах старит его. (...) Прояви он хоть на миг слабость, фронт покатылся бы назад и произошла бы такая катастрофа, которая оставила бы далеко в тени наполеоновскую. Тогда миллионы храбрых солдат были бы принесены в жертву голоду и холоду, а следствием, вероятно, явилось бы то, что наши рабочие, не говоря уже об интеллигенции, попали бы в крепостное состояние.

Большая вина за такую возможность лежит на Браухиче. У фюрера для него находятся только слова презрения. Тщеславный, трусливый тип, который оказался вообще не в состоянии осознать ситуацию, не говоря уже о том, чтобы справиться с ней! Он своими постоянными возмущениями и постоянным неповинове-

нием опошлил и испоганил весь план похода, кристально ясно разработанный фюрером. У фюрера был план, который должен был привести к победе. Если бы Браухич сделал все, что от него требовалось, мы стояли бы не там, где стоим сейчас. У фюрера вовсе не было намерения идти на Москву. Он хотел отрезать Кавказ и тем самым поразить советскую систему в ее самом чувствительном месте. (...) Но Браухич все время гнал войска на Москву. Он хотел престижных успехов вместо фактического успеха. Фюрер характеризует его как труса и бездаря. Он испохабил и поход на Запад, но тут фюрер смог своевременно вмешаться. (...)

На предстоящие весну и лето у фюрера опять есть ясный план. Он не хочет завести войну в безбрежные дали. Его цели: Кавказ. Ленинград и Москва. Если эти цели будут достигнуты, он хочет при всех условиях закончить все к началу октября [1942 г.] и своевременно занять зимние квартиры. Предположительно у него есть намерение построить гигантскую оборонительную линию и на время оставить Восточную кампанию в покое. Новая зима, подобная минувшей/больше повториться не должна! Вероятно, дело на Востоке перейдет в 100-летнюю войну, которая не будет больше доставлять нам никаких особенных хлопот. Мы будем тогда противостоять всей остальной России, как Англия противостоит Индии.

(...) Наступление, вероятно, начнется в конце мая — начале июня и должно произойти с уничтожающей силой. У фюрера нет намерения перейти в наступление по всему фронту, он хочет наступательно прорвать его и затем нанести удары действительно решающего значения. Первый натиск на большевиков будет предпринят уже через несколько дней в Крыму. Фюрер хочет полностью очистить Крым от противника. Впрочем, фюрер питает к советскому военному руководству определенное уважение. Жестокое вмешательство Сталина спасло русский фронт. Мы должны в своем ведении войны применять аналогичные методы, чтобы таким образом утвердиться. Этой жесткости нам порой не хватало, и мы должны ее восполнить.

2 марта 1943 г. Понедельник.

(...) То, что события на Восточном фронте прошлой зимой привели к тяжелому кризису доверия, Герингу ясно. Генералитет всячески старается свалить этот кризис доверия на фюрера. Генералитет мстит теперь за прошлогоднюю зиму, когда он в результате мер, принятых фюрером, оказался неправ.

Единственным открытым и достойным доверия фюрера человеком Геринг считает генерала Шмундта (представитель ОКВ в ставке. — *Сост.*). Остальной генералитет, частично и на фронте тоже, использует ситуацию, чтобы создавать фюреру одну трудность за другой. Так, например, Манштейн (тогда — генерал-полковник. — *Сост.*), как сказал мне Геринг, зашел столь далеко, что даже намеревался сместить фюрера с поста верховного главнокомандующего. Правда, дело до этого не дошло, но фюрер все-таки узнал

об этом и сделал насчет Манштейна соответствующие выводы. Собственно говоря, фюрер имел намерение при своей поездке на Южный участок Восточного фронта снять Манштейна с должности, но пока намерение это не осуществил. Во всяком случае, мы должны с осторожностью относиться к старым генералам вермахта и рейхсвера. Хороших друзей у нас среди них мало. Они стараются натравить нас друг против друга. (...)

Мы подробно обсуждаем историю с Паулюсом (командующий 6-й армией в Сталинграде. — Сост.), которого Геринг критикует самым резким образом. Он сообщает мне, что и фюрер тоже пришел сегодня к убеждению: Паулюс трусливо сдался в советский плен. Геринг ожидает, что этот плененный генерал-фельдмаршал очень скоро появится на Московском радио. Это был бы самый безумный трюк, который только вообще можно себе представить. Геринг испытывает сочувствие к фюреру. Ему кажется, что за три с половиной военных года тот постарел на 15 лет. Трагично, что фюрер так изолирует себя от жизни и ведет такой довольно нездоровый образ жизни. Он больше не выходит на свежий воздух, не имеет никакой разрядки, сидит в своем бункере, работает и размышляет. Если бы можно было перевести его в другую обстановку! Но он однажды убедил себя, что во время войны должен вести спартанский образ жизни, и тут, верно, ничего не поделать.

Но столь же важен вопрос, удастся ли нам как-либо возместить отсутствие руководства во внутренней и внешней политике. Нельзя, чтобы все это ложилось на одного только фюрера. Фюрер должен быть освобожден от всего этого для военного руководства. То, что жизнь порой становится для фюрера тоскливой и он время от времени говорит, что больше не боится смерти, объясняется его нынешним настроением. Именно поэтому мы должны быть его сильнейшей личной опорой. Как и всегда во время кризисов внутри партии, задача ближайших друзей фюрера — в такие трудные времена сплотиться вокруг него и образовать его железную фалангу.

Герингу совершенно ясно, что грозит нам, если мы окажемся в этой войне слабыми. На сей счет у него иллюзий нет. Мы, особенно в еврейском вопросе, заняли такую позицию, что для нас больше иного выхода нет. И это — хорошо. Одно движение, один народ, мосты позади разрушены! Как известно по опыту, гораздо безудержнее бьется, тот, у кого нет никакой возможности для отступления. Я разъясняю Герингу, что необходимо вести войну не только военными, но и политическими средствами. (...)

9 марта 1943 г. Вторник.

(...) В настоящее время у фюрера очень много неприятностей, особенно с воздушной войной. Он крайне недоволен предпринятыми Герингом в этой связи мерами. Эти меры бессистемны и проводятся не в крупном стиле. К сожалению, **несостоятельность** люфтваффе колоссально понизила престиж Геринга не только в этом отношении, но и в некоторых других. (...) Тем не менее я

придерживаюсь мнения, что Геринг — сильный политический и военный авторитет, который создавался годами и не может внезапно исчезнуть.

Очень сильно настроен фюрер против Фромма (начальник резервных формирований. — *Сост.*). Он замечает также, что Фромм не в состоянии выполнить программу мобилизации 800 000 человек. У него возникли первые трудности с Гудерианом (бывшим начальником генерального штаба. — *Сост.*), который его очень злит.

Очень доволен фюрер Цейтцлером (новым начальником генерального штаба. — *Сост.*), который в данный момент оказывает ему самую действенную помощь. Кейтель же играет весьма второстепенную роль. Но фюрер держит его потому, что в настоящий момент нет никого, кто мог бы его заменить. Нехватка руководящих умов в вермахте поистине пугающая. Это связано главным образом с тем, что здесь практиковался совершенно неправильный подбор на командные посты, ориентировавшийся больше на словесное и имущественное положение и образование, чем на естественные склонности и качества характера. Может быть, эта система и была пригодна для мирного времени, но в войне она рано или поздно мстит за себя. (...)

Генералитету фюрер дает однозначно негативную оценку. Они надувают его, где только могут. Кроме того, так необразованны и настолько не знают даже своего военного ремесла, что от них мало чего приходится ждать. Правда, в том, что генералы не обладают более высокой культурой, их упрекать нельзя, ибо для этого они не воспитаны. Но то, что они так слабо разбираются в профессиональных вопросах войны, говорит абсолютно против них. Их воспитание было неправильным в течение многих поколений. Продукты этого воспитания мы видим ныне в высшем офицерском корпусе. Я могу привести ряд примеров из моего собственного опыта, и они служат фюреру подтверждением его взглядов.

Фюрер почти не дает мне говорить и сразу заявляет, что это — вообще та забота, которая не покидает его и ночью. В связи с этим он высказывает острую критику в адрес Геринга: тот дал своему генералитету убаюкать себя иллюзиями, для которых никаких оснований нет. Его оптимизм, столь ценный в кризисных ситуациях, легко склоняется к тому, чтобы предаваться несбыточным желаниям. Но это крайне опасно для войны. Особенно вредным он считает влияние генерала Боденшатца, которого называет холодным Циником. Генерал-фельдмаршал Шперрле во Франции тоже оказался не на высоте своей задачи. Как и все генералы люфтваффе, он поселился в старинном замке и ведет там сибаритский образ жизни. Воздушная война против Англии, верно, его интересует не больше, чем изысканные обеды и ужины! Поэтому фюрер хочет отозвать его. Из люфтваффе особенно ценит он в настоящее время только начальника генерального штаба [ВВС] Йешоннека. Тот является абсолютным фанатиком правды, видит положение совершенно ясно и не строит себе ложных представлений. Фюрер,

разумеется, ни при каких условиях не желает вести воздушную войну так, как она ведется сейчас. Надо думать на шесть месяцев вперед, иначе мы окажемся перед грудой развалин, будем иметь тысячи убитых и неустойчивое настроение народа. Этого мы себе никак позволить не можем. Поэтому фюрер хочет в любом случае позаботиться о том, чтобы на английские террористические воздушные налеты мы ответили террором с нашей стороны. (...)

Оценка фюрером моральных качеств генералитета, причем всех составных частей вермахта, презрительна. Он априори не верит ни одному генералу. Все они его обманывают, приходят к нему с цифрами, которые может опровергнуть ребенок, устраивают ему сцены да еще делают за его спиной всякие намеки насчет его интеллигентности, которые прямо-таки оскорбительны. Во всяком случае, в вопросе воздушной войны фюрер себе очки втирать не позволит!
<...>

Обратиться с прокламацией к народам Востока фюрер в данный момент еще не хочет; для этого положение на Востоке, по его мнению, еще недостаточно стабилизировалось. Впрочем, он считает, что народы Востока настолько ненавидят большевизм и боятся его, что вполне достаточно и антибольшевистской тенденции нашей пропаганды. Я пытаюсь возразить фюреру, но думаю, что настоящая причина в том, что в данный переходный период нашей слабости он не желает показывать даже признака того, что могло бы расцениваться как уступчивость. Лишь только положение на Востоке прояснится, я снова напомню ему об этом. (...)

Фюреру тоже совершенно неясно, какие резервы большевики еще имеют в своем распоряжении. Они уже призывают контингент 1926 года, а это признак того, что их людские резервы сильно исчерпаны. Фюрер считает совершенно неисключенным, что они рано или поздно придут к краху. Но он никоим образом не хочет строить на этом свою военную политику. (...)

Что касается военной обстановки, то и дуче тоже обманывают его генералы. (...) Последнее наступление Роммеля опять было выдано противнику итальянскими пленными. С этими итальянцами никакой каши не сварить! Они ненадежны как в военном, так и в политическом отношении. (...)

Фюрер снова пространно высказывается насчет генералов, которые заслуживают лишь его презрения. Достаточно только представить себе этих господ в штатской одежде, чтобы потерять всякое к ним уважение. Кейтель вызывает у фюрера один **только** смех. Опыт, имеющийся у фюрера в отношении генералов, невероятно озлобил его. (...) После войны он с большой радостью снова наденет свою коричневую форму и по возможности будет иметь с генералами как можно меньше дела.

Крайне возмущен фюрер поведением **генерал-фельдмаршала** Паулюса. Он, точно так же, как и я, считает, что тот вел себя именно так, как это описывают вражеские корреспонденты. Он хочет после войны предать его военному суду, состоящему из **генера-**

лов, так как тот нарушил категорический приказ сопротивляться до последнего патрона. Этот сорт генералов ненавидит фюрера, потому что они необразованны, потому что они видят в нем выскочку, а также и потому, что у них нет интуиции признать его гением. Фюрер сделает все возможное, чтобы влить в офицерский корпус новую, свежую кровь. Медленно, но верно подбор командных кадров в вермахте изменится. Шмундт наведет здесь такой же порядок, какой навел Дёниц в военно-морском флоте.

Особенно несдержан фюрер насчет недостаточной технической одаренности генералов. Они строят из себя всезнаек, знающих все лучше других, а на деле не знают ровным счетом ничего! Их духовные герои тоже не особенно-то высокого качества, достаточно только вспомнить о Секте (генерал-полковник, командующий рейхсвером Веймарской республики. — Сост.). Но фюрер не даст ввести себя всем этим в заблуждение. Он вмешивается там, где такие непорядки бросаются в глаза, и при этом времени зря не теряет. Однако мне кажется, что в данный момент фюрер дает выход своему недовольству больше на словах, чем на деле. Но, как известно, это всегда только пролог к действию.

23 сентября 1943 г.

(...) Я спрашиваю фюрера, готов ли он эвентуально вести переговоры с Черчиллем или же он их принципиально отвергает. На это фюрер дает мне такой ответ: принципов в политике в персональных вопросах вообще нет. Однако он считает, что переговоры с Черчиллем не привели бы ни к какому результату, так как оба они слишком тесно связаны с противоположными взглядами да к тому же его [Черчиля] советчиком является ненависть, а не разум. Фюрер скорее пошел бы уж на переговоры со Сталиным, но он не думает, чтобы это привело к результату, ибо то, чего он [фюрер] требует на Востоке, Сталин ему отдать не может. Но как бы ни складывались дела, говорю я фюреру, мы должны выяснить этот вопрос с той или другой стороной. Война на два фронта рейхом еще никогда не выигрывалась. Поэтому мы должны видеть, как нам выйти из войны на два фронта.

Фюрер еще раз разъясняет мне, что случилось бы, если бы англичане после прибытия к ним Гесса оказались полны решимости использовать этот случай с целью посеять к нам недоверие у наших союзников. Вероятно, откололись бы итальянцы и не пришли бы на помощь японцы. В тогдашних условиях война могла бы принять для нас катастрофический оборот. При этой okazji англичане упустили свой величайший военный шанс в политической области. На вопрос, когда же англичане будут склонны пойти на мир, в данный момент ответить очень трудно. (...)

Цит. по: *H.-A. Jacobsen. 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg. Chronik und Dokumenten.*
На русском языке публикуется впервые

ВИЛЬГЕЛЬМ КЕЙТЕЛЬ

*Генерал-фельдмаршал, начальник штаба
Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ)*

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ НАКАНУНЕ СМЕРТНОГО ПРИГОВОРА

*(Из воспоминаний)**

Вильгельм Кейтель (1882—1946) — один из главных нацистских военных преступников. Генерал-фельдмаршал (с 1940 г.). Участник первой мировой войны. В 1938—1945 гг. — начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил — ОКВ (аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Wehrmacht — ОКВ). Один из ближайших военных советников Гитлера и его доверенное лицо, участвовал в разработке и осуществлении агрессивных планов фашистской Германии. Издал ряд директив об уничтожении советских военнопленных, в первую очередь политработников и представителей партийного и государственного аппарата, а также гражданского населения на оккупированной территории СССР. Международный военный трибунал в Нюрнберге 1 октября 1946 г. приговорил его как одного из главных немецких военных преступников к смертной казни. Повешен в ночь на 16 октября 1946 г. после отклонения Контрольным советом для Германии ходатайства о помиловании и просьбы о расстреле.

За свое угодничество перед Гитлером получил от генералов презрительную кличку: Лакейтель (от нем. der Lakai — лакей).

ПРОТИВ РОССИИ: 1940—1941

В. Кейтель

25.9./1946

Господину адвокату д-ру Нелье!

Передаю Вам требуемые дополнения к моему допросу на процессе, касающиеся моих показаний о начале войны против России: предыстория, приступ к делу, подготовка и начало — с осени [19] 40 по [19] 41 г.

В. Кейтель

Когда я 10 августа 1940 г. вернулся из отпуска в Берхтесгаден, я еще никакого представления о новых планах Гитлера не имел, за

* Воспоминания, охватывающие период 1938—1945 гг., написаны во время тюремного заключения и судебного процесса в Нюрнберге в сентябре — начале октября 1946 г. в качестве дополнительного материала для немецкого защитника д-ра Нельте и потому во многом носят характер самооправдания. Заглавие публикуемых отрывков дано нами. Впервые они подготовлены к печати на языке оригинала видным западногерманским историком второй мировой войны Вальтером Гёрлицем и напечатаны в изданной им в 1961 г. с его комментариями книге «Генерал-фельдмаршал Кейтель. Преступник или офицер? Воспоминания, письма, документы начальника ОКВ». *Примеч. сост.*

исключением того, что знал: всякая надежда на окончание войны с Англией бесперспективна. (...) За нею стояла Америка со своими неограниченными средствами. Поскольку вторжение*, даже после отказа от него осенью 40-го года, все еще откладывалось до весны [19]41 г., необходимо было изучить вопрос, как иным образом заставить Англию пойти на мир. (...)

Больше всего меня беспокоила тогда идея фюрера об эвентуальной войне против Советского Союза, о чем он в первый же день после моего возвращения из отпуска подробно говорил с Йодлем и со мной наедине**. Это было продолжением тех бесед, которые он, по его собственным словам, вел с Йодлем с конца июля. Как я узнал, уже полным ходом и неоднократно изучался вопрос о значительном ускорении отправки дивизий из Франции [на Восток]. Оказалось, Гитлер лично уже поручил главнокомандующему сухопутными войсками сосредоточить большое число дивизий в генерал-губернаторстве, а также произвести расчет времени, необходимого для развертывания войск против сконцентрированных в Прибалтике и в [Северной] Буковине значительных русских контингентов, внушавших фюреру сильное подозрение насчет советских планов.

Я сразу же привел контрдовод: 40—50 дивизий и крупные силы нашей авиации заняты в Норвегии, Франции и Италии, и мы не можем высвободить их оттуда, следовательно, нам будет не хватать их для войны с Востоком. Без них же мы окажемся для этой войны слишком слабы. Гитлер немедленно возразил: это — не причина, чтобы не предотвратить грозящую опасность; он уже приказал Браухичу удвоить число танковых дивизий. В заключение фюрер добавил, что создал сильную армию не для того, чтобы она оставалась не использованной для войны. Сама собой война не закончится, англичан он весной 41-го года сухопутными войсками атаковать уже не сможет и высадка в Англии тогда станет неосуществимой. Поскольку вслед за тем он продолжил разговор с Йодлем, я промолчал, желая сначала получить от последнего информацию о том, что обсуждалось и, видимо, было решено в мое отсутствие.

На следующий день я попросил у фюрера короткой аудиенции, намереваясь сам задать ему вопрос насчет причин, заставляющих его оценивать положение с Россией как угрожающее. Он, если обобщить, сказал, что никогда не упускал из вида неизбежность столкновения между обоими крайне противоположными мировоззрениями, что в возможность уклониться от этого столкновения не верит, а потому лучше, чтобы эту трудную задачу он взял на себя, а не оставил ее своему преемнику. В целом же, как он считает, имеются все

* Имеется в виду операция «Морской лев» — высадка десанта на Британские острова. *Примеч. сост.*

** 31 июля 1940 г. у Гитлера состоялось совещание с участием Кейтеля, Йодля, Браухича, Гальдера и Рёдера. Согласно дневнику Гальдера (запись от 31 июля 1940 г.), здесь было принято решение весной 1941 г. «покончить» с Россией. Таким образом, Кейтель мог уйти в отпуск не ранее, чем после этого дня. — *Здесь и далее* ^{ас} *неоговоренные примечания принадлежат нем. изд.*

признаки того, что Россия готовится к войне с нами, поскольку она далеко вышла за рамки соглашений, касающихся Прибалтики и Бессарабии, пользуясь тем, что наши войска связаны на Западе. Пока он намерен осуществить лишь меры предосторожности, чтобы не оказаться застигнутым врасплох, а решение примет не ранее, чем его подозрение подтвердится. На мое возражение, что наши силы уже заняты на других театрах войны, Гитлер ответил: он хочет переговорить с Браухичем о перераспределении сил и средств, а также о замене частей во Франции. (...)

Особенно интересным и дававшим богатый материал для выводов было поведение Советского Союза в войне против Польши. Само собою разумеется, после начала нашего наступления Гитлер по дипломатическим каналам призвал Сталина немедленно начать действовать и принять участие в польской кампании. Это тем более понятно, что мы были в огромнейшей степени заинтересованы в быстром ходе этой кампании, в «блицкриге», ввиду угрозы нашим западным границам. Сталин же хотел как можно более бескровно получить свою плату за раздел Польши и известил фюрера, что будет готов к наступлению самое раннее через три недели, ибо его армия не подготовлена и не отмотелизована. Военный атташе в Москве*, заранее проинформированный ОКВ о положении, по дипломатическим каналам продолжал настаивать на этом, но в ответ из Москвы было слышно одно и то же: быстрее выступить не готовы.

Однако когда на юге мы перешли Сан и Варшава оказалась в пределах района операций. Красная Армия (...) вдруг начала продвижение в Польшу, чтобы напасть с тыла на польские корпуса, взять их в плен и оттеснить их сильные части в Румынию. До соприкосновения наших войск с войсками Красной Армии дело нигде не дошло. Советские войска остановились на почтительном отдалении от демаркационной линии, происходил лишь обмен самыми необходимыми данными. (...)

Все это настолько сильно занимало мои мысли, что я решил изложить свои соображения по данной проблеме сам, то есть не привлекая к этому делу штаб оперативного руководства вермахта, а потому и без точных цифровых расчетов. Так, без ведома Йодля, во второй половине августа [19] 40 г. возникла моя памятная записка Я посетил министра иностранных дел фон Риббентропа, желая привлечь его на свою сторону с целью во что бы то ни стало отговорить фюрера, прежде чем тот поручит ему заняться этим вопросом. Мне удалось сделать это: во время беседы с глазу на глаз Риббентроп обещал поддержать мое мнение с политической точки зрения. Мы договорились ничего не говорить Гитлеру о нашей беседе, дабы нас не обвинили в заговоре против него.

Несколько дней спустя я после обсуждения обстановки передал написанную от руки памятную записку фюреру; он пообещал по

* Генерал кавалерии Эрнст Кёстринг. *Примеч. сост.*

ознакомлении переговорить со мной. Напрасно прождав несколько дней, я напомнил ему и был приглашен на послеобеденное время, разговор свелся к весьма односторонней нотации Гитлера, заявившего, что мои соображения его никоим образом не убедили и моя оценка стратегической обстановки неправильна. Неверна и моя ссылка на прошлогодний договор с Россией: Сталин так же, как и он сам, не станет больше соблюдать его, если положение изменится и предпосылки для него исчезнут. (...) Ведь Сталин заключил этот договор для того, чтобы при разделе Польши обеспечить свою долю, а во-вторых, чтобы побудить нас к войне на Западе, рассчитывая, что мы там крепко вгрыземся зубами и понесем тяжелые кровавые жертвы. Этот выигрыш времени и израсходование нами своей силы Сталин хочет использовать против нас, чтобы тем легче поставить нас на колени.

Я был весьма обескуражен суровой критикой и тем тоном, каким все это выговаривалось, и сказал, что в таком случае лучше заменить меня другим начальником [ОКВ], способность которого к стратегическим оценкам он считает выше моей. Поэтому я чувствую себя не на высоте своего положения и прошу использовать меня на фронте. Гитлер самым резким тоном отказался сделать это. Только он один вправе заявить мне, что мое суждение неправильно, и категорически запрещает генералам подавать в отставку, когда их ставят на место. (...) Прошлой осенью ему пришлось то же самое оказать Браухичу. Мы оба встали, я молча вышел, памятная записка осталась у него в руке. (...)

Дальнейшее развитие наших отношений с Советским Союзом*, визит Молотова в Берлин в начале ноября [1940 г.], решение Гитлера дать директиву о подготовке похода на Восток я здесь не рассматриваю**. (...)

Мои отношения с Гитлером после конфликта из-за войны на Востоке неизбежно снова стали в общем и целом сдержанными; при рассмотрении восточного вопроса он не раз прерывал меня репликами; наши разногласия сделались непреодолимы.

Правда, после начала нашего превентивного нападения [на СССР]*** я вынужден был признать, что он [Гитлер] в оценке предстоявшего русского наступления все же оказался прав. Однако, исходя из моих впечатлений от пребывания в Советском Союзе в качестве гостя Красной Армии на военных маневрах 1932 г., я оценивал

* Против войны с Россией, согласно их показаниям на Нюрнбергском процессе, высказались также Геринг и Рёдер.

** В оригинале воспоминаний Кейтель особо подчеркивает: германское нападение 22 июня 1941 г. показало, что количество советских войск и вооружений было больше, чем германских наступательных сил, что решительно оспаривается советской историографией.

*** В примечании к этому утверждению Кейтеля Вальтер Гёрлиц решительно присоединяется к обоснованному документами мнению другого видного западно-германского специалиста по истории второй мировой войны, Г.-А. Якобсена, о том, что речь идет в данном случае о не спровоцированной Советским Союзом агрессии со стороны Германии, а отнюдь не о «превентивной» войне. *Примеч. сост.*

русский военный потенциал иначе, чем Гитлер. Он постоянно исходил из того, что Россия находится в состоянии построения собственной военной промышленности и еще отнюдь не справилась с ним, а также из того, что Сталин уничтожил в 1937 г. весь первый эшелон высших военначальников*, а способных умов среди пришедших на их место пока нет. Он был одержим идеей: столкновение так или иначе, но обязательно произойдет и было бы ошибкой ждать, когда противник изготовится и нападет на нас. Лишь оценка советской военной промышленности и ее мощностей (даже без Донбасса) была тяжким заблуждением Гитлера; русское танкостроение настолько опередило наше, что мы так никогда и не смогли наверстать это отставание.

Однако я должен со всей четкостью констатировать, что за исключением разработок генштаба сухопутных войск в штабе оперативного руководства никакой подготовки к войне на Востоке до декабря [19] 40 г. ОКВ не велось, кроме улучшения в соответствии с приказами железнодорожной сети и расширения перевалочных возможностей для переброски войск к восточной границе на бывшей польской территории.

Правда, в связи со своими восточными планами и восточными работами Гитлер решил в сентябре встретиться с Петэном и Франко. С правительством Петэна, находившимся в Виши, то есть в неоккупированной части Франции, со времени перемирия поддерживались оживленные отношения. Петэн желал, в частности, переезда своего правительства в Париж. Гитлер согласился рассмотреть этот вопрос в перспективе, но тоже хотел встретиться с Петэном.

В конце сентября** я сопровождал фюрера в его особом поезде во Францию. Встреча с Петэном и [премьер-министром правительства Виши] Лавалем состоялась южнее Парижа, на станции Монтуар. Я встретил престарелого маршала перед зданием вокзала, приветствовал его во главе почетного караула, когда он вышел из закрытого автомобиля. Он был в маршальской форме, ответил на приветствие по-военному и обошел строй почетного караула, не глядя на солдат; за ним следовали Риббентроп и Лаваль. Мы молча прошли через здание вокзала, напротив входа в который стоял салон-вагон фюрера.

Увидев Петэна, выходящего из здания вокзала, фюрер покинул вагон-салон и направился навстречу, обменялся с ним рукопожатием и лично проводил к себе. В самой беседе, как и всегда при политических встречах, я не участвовал; после беседы обеих глав государств и почти сердечного прощания я вновь перед строем салютующего почетного караула проводил маршала к его машине. Прежде чем сесть в нее, он произнес несколько слов благодарности за веде-

* Имеется в виду казнь маршала Тухачевского и ряда других высших офицеров, которые в большинстве своем ранее тесно сотрудничали с рейхсвером и были уничтожены в июне 1937 г., а также в ходе последующей «чистки» командного состава Красной Армии.

** Правильно: в начале октября.

ние мною переговоров о перемирии с французской делегацией, возглавлявшейся генералом Хунтцигером.

О встрече я знаю от самого Гитлера только то, что маршал держался по форме безукоризненно, но в деловом отношении — сдержанно. Петэн хотел знать, как сложатся будущие отношения Франции с Германией и каковы будут в целом условия мира. Гитлер же стремился выяснить у Петэна, насколько Франция будет согласна пойти на удовлетворение территориальных требований Италии, если Германия гарантирует сохранение (за исключением Туниса) французской колониальной империи. Результат встречи оказался, однако, весьма скуден, решающие вопросы остались открытыми. (...)

Мы продолжили поездку к испанской границе через Бордо до пограничной станции Адахель [?], куда вскоре прибыл Франко со своим министром иностранных дел Сунье и свитой. Кроме меня при этом присутствовал Браухич. (...)

С фюрером мне удалось переговорить только накоротке, он очень возмущался позицией испанцев, даже хотел уже прервать переговоры. Особенно разозлило его влияние Сунье, державшего Франко в кармане. Конечный итог, во всяком случае, был очень мал...

На обратном пути состоялась еще одна беседа Гитлера наедине с Лавалем; она служила продолжением первой, состоявшейся несколько дней назад. Я постоянно сознавал, что французские государственные деятели стремились к выяснению обязательств Франции и проявляли мало понимания того, что мы отстаиваем требования, предъявляемые Италией, хотя сами они себя ее должниками не считали.

Когда мы возвращались через Францию, нас настигла весть, что Муссолини хочет выступить с оружием против Греции, поскольку греки отказывают ему в отделении тех областей, которые он пожелал включить в Албанию. Пружиной всей этой акции являлся министр иностранных дел граф Чиано. Эти итальянские государственные деятели представляли себе дело так (и в этом их еще больше укрепил губернатор Албании), будто демонстрация военной силы сразу побудит греков уступить. (...) Фюрер объявил экстравыходку нашего союзника сущим безумием и решил немедленно ехать через Мюнхен на встречу с Муссолини. (...)

На следующий день* намеченная встреча состоялась во Флоренции. Муссолини приветствовал фюрера примечательными словами: «Фюрер, мы выступаем!» Остановить беду было уже невозможно. Само собой разумеется, в результате предварительных дипломатических переговоров Муссолини знал намерение Гитлера удержать его от этого шага. Поэтому он и действовал как можно быстрее, чтобы поставить нас перед свершившимся фактом.

Во Франции шли многочасовые беседы вчетвером, с участием обоих министров иностранных дел. От скуки я разговаривал с нашим военным атташе и [начальником оперативного отдела генерального

* То есть 29 октября 1940 г. — в тот день, когда итальянцы напали на Грецию!

штаба итальянских вооруженных сил] генералом Пандиором единственным итальянцем, говорившим по-немецки. (...) Во время завтрака у дуче в полдень в узком кругу тот зачитал Гитлеру и мне сообщение из Албании о самых первых успехах начавшейся **рано** утром операции, причем, разумеется, по-немецки, как это, впрочем, всегда бывало на переговорах с Муссолини. (...)

Во время поездки домой, в Германию, Гитлер бурно возмущался этой «авантюрой», как он называл ее уже тогда. Ведь он серьезнейшим образом предостерегал дуче, что это дело не такое легкое: просто безумие двумя-тремя дивизиями, да еще в такое время года атаковать греческие горы, когда одна погода сама по себе заставит очень скоро остановиться! Он считал, что это может обернуться катастрофой. Но Муссолини обещал ему немедленно перебросить в Албанию еще несколько дивизий на тот случай, если наступление такими слабыми силами успеха не даст. Однако, по собственным данным, Муссолини потребуется несколько недель для выгрузки новых дивизий в [двух] примитивных албанских портах. Если уж он, Муссолини, считал Гитлер, захотел вести войну против жалкой Греции, то почему не напал тогда на Мальту или Крит? Это хотя бы имело смысл для войны в Средиземном море против Англии, особенно если учесть, каким незавидным является положение итальянцев в Северной Африке. (...)

Боюсь, что столь недвусмысленно, как он мне об этом сам рассказывал, Гитлер с Муссолини не говорил. Впоследствии я не раз видел, что он боялся задеть тщеславие этого дилетанта в военном деле и необычным для себя образом щадил его — к сожалению, нередко в ущерб совместному ведению войны. Хотя и слишком поздно, я ясно понял, что Муссолини использовал фюрера где только можно и дружба эта была односторонней со стороны Гитлера, который вглядывался в дуче, как в золотой кубок. (...)

Все, что предвидел Гитлер, к сожалению, случилось уже через несколько недель. Итальянские войска, предприняв наступление слишком слабыми силами и без достаточных резервов, не только застряли, но и оказались в отчаянном положении в результате контрудара, а к тому же отвратительной погоды, да еще на трудной местности. Посыпались просьбы о помощи. (...) Гитлер хотел послать горнострелковую дивизию, но она не могла быть отправлена ни морем, ни через Югославию. Мы оказали помощь последними немецкими транспортными судами, имевшимися на Средиземном море, а также эскадрильями транспортной авиации. Если бы приближающаяся зима не помешала греческому наступлению и не лишила бы греческую армию в конце концов наступательной силы, крах этой авантюры произошел бы уже через шесть недель.

Из понимания этого и нежелания бросать на произвол судьбы союзника (как это не раз делал сам Муссолини) возник план Гитлера оказать ему весной эффективную помощь посылкой против Греции армии через Венгрию и Румынию в надежде, что Италия до тех пор, по крайней мере, продержится в Албании. Естественно, возни-

кала мысль вступить в Югославию, чтобы кратчайшим сухопутным путем перебросить эти соединения с целью непосредственной помощи. Но фюрер отказался даже рассматривать это предложение военных, поскольку ни в коем случае не желал поставить под угрозу нейтралитет Югославии, отвечавший интересам Италии.

Пожелай я рассмотреть всю подготовку к осуществлению начавшейся весной [19] 41 г. войны на Балканах, мне потребовалось бы написать целый военно-исторический труд. Соответствовавшая нашим планам политическая позиция Венгрии, Болгарии и Румынии объяснялась совершенно различными мотивами. Так, принципиальная политика Венгрии была проанглийской, но помощь со стороны Германии в Венском арбитраже*, приведшая к значительной коррективке границы в пользу Венгрии, обязывала имперского регента [адмирала Хорти]** быть признательным ей. Румыния стала ориентироваться на Германию после того, как король был изгнан*** и роль руководителя государства взял на себя Антонеску****. Уже с 1940 г. мы имели в Румынии сильную военную миссию с учебными войсками по желанию Антонеску, который, как и Гитлер, одновременно был главой государства и верховным главнокомандующим румынскими вооруженными силами. Весьма дружественные отношения существовали с болгарским царем Борисом*****. Он был почитателем Гитлера и гордился своей военной службой в германской армии во время войны 1914—1918 гг.

В той степени, в какой речь шла о военных мерах, я вел основополагающие переговоры с венгерским военным министром генералом Барта, с Антонеску и болгарским военным министром [генерал-лейтенантом Даскаловым]. Военные атташе в этих странах стали позже посредниками и, как в случае с Италией, «полномочными генералами германского вермахта» со всеми вытекающими отсюда задачами и компетенциями, кроме Румынии, где наряду с военным атташе роль полномочного генерала играл начальник военной миссии генерал кавалерии Ханзен.

Мои личные отношения с регентом Хорти и болгарским царем Борисом были особенно хорошими, насколько это возможно, почти дружескими, что во многих случаях являлось весьма благоприятным фактором и очень многое мне облегчало. С Антонеску мне установить более тесный контакт так и не удалось; он был истинный солдат, строго деловой, откровенный и прямолинейный, но довольно посред-

* По вопросу о границе между Венгрией и Румынией от 30 августа 1940 г.

** Миклош Хорти, адмирал, регент королевства Венгрии.

*** 6 сентября 1940 г. король Румынии Кароль II отрекся от трона в пользу своего сына Михая.

**** Ион Антонеску, генерал (позже маршал), начальник румынского генерального штаба. 4 сентября 1940 г. был назначен государственным лидером (кон-Дукатурулом). Румынии. Сохранял этот пост и при короле Михе I до 23 августа 1944 г.

***** Борис III (1894—1943) — царь Болгарии, зять короля Италии Виктора-Эммануила III.

ственный и зачастую весьма критически настроенный, обладал железной волей, но вот была ли у него счастливая рука, особенно в политическом отношении, сомневаюсь. Антонеску искал советов фюрера, но не следовал им, так что политически был одинок; хотел опираться на армию, а она никуда не годилась. Этому неподкупному человеку и отличному солдату просто не хватило времени, чтобы добиться своего.

Подготовка кампании против Греции, о которой Гитлер глубочайшим образом сожалел, занимала штаб оперативного руководства и ОКВ всю зиму. (...)

В начале ноября [19] 40 г. по просьбе фюрера состоялся визит русского министра иностранных дел Молотова в Берлин для обсуждения политического положения. Я участвовал в приеме русских гостей фюрером в Имперской канцелярии. После приветствий был устроен завтрак в апартаментах фюрера, во время которого я сидел в непосредственной близости от сопровождавшего Молотова г-на Деканозова. Беседа наша оказалась невозможной, ибо рядом не было переводчика. Потом был и обед, данный министром иностранных дел в отеле, где я опять сидел рядом с г-ном Деканозовым и с помощью переводчика даже смог побеседовать с ним на общие темы. В частности, я говорил о своей поездке в Москву и на маневры 1932 г. и вспоминал те дни, так что хоть и вымученный, но разговор все-таки состоялся.

За исключением прощального визита русских господ к фюреру после последней, явно самой важной беседы, когда я тоже явился попрощаться, на переговорах я не присутствовал и ничего об их содержании не слышал. Само собою разумеется, я спросил Гитлера об их результатах — он назвал их неудовлетворительными. Тем не менее решения о подготовке войны против СССР он все еще принимать не хотел, ибо намеревался дожидаться реакции в Москве, у Сталина. (...) Мне, однако, было ясно, что мы взяли курс на войну с Россией, и я не знаю, принял ли во время переговоров Гитлер все меры, чтобы не допустить ее. Ведь это было возможно только при его отказе от отстаивания интересов Румынии, Болгарии и Прибалтики. Вероятно, он и на этот раз был прав, ибо, как только Сталин через год-два оказался бы готовым к нападению на нас, тут же наверняка последовали бы дальнейшие требования со стороны России; ведь для осуществления своих целей в Болгарии, на Дарданеллах и в финском вопросе он оказался достаточно силен уже к [19] 40 г. Сталин хотел выиграть время, после того как разгром Франции за шесть недель сорвал его график. Я не стал бы выдвигать такой гипотезы, если бы наше превентивное нападение в [19] 41 г. не доказывало уровень русских агрессивных намерений*.

* Вальтер Гёрлиц вновь подчеркивает, что это — «недоказуемая гипотеза фельдмаршала». Он отмечает, что, наряду с уже упоминавшимся Г.-А. Якобсеном, и другой западногерманский исследователь, профессор А. Раух, в своей книге «История большевистской России», приводя обширную литературу о намерениях СССР, категорически опровергает тезис о «превентивной войне» со стороны Германии.
Примеч. сост.

Естественно, задаешься вопросом: как все это произошло или же могло — и должно было бы — произойти по-другому? Продумаем такую ситуацию: Гитлеру удалось предотвратить безответственную войну против Греции, если нам так уж не повезло и Италия влезла в эту войну, а не осталась благожелательно нейтральной. Сколь многого мы бы избежали, если бы не наша помощь Италии, оказанная в этой бессмысленной войне на Балканах! Тогда Югославия, по всей вероятности, не совершила бы, к удовольствию Англии и Советского Союза, переворота с целью не допустить вступления в войну на стороне держав «оси». Насколько по-иному сложилось бы соотношение наших сил в войне против Советского Союза, особенно учитывая результат выигрыша Россией двух месяцев в [19] 41 г.? Надо только представить себе, что мы оказались бы в 30 километрах от Москвы, окруженной с севера, запада и юга, не в ноябре, увязая в снегу и при морозе до 40 градусов, а двумя месяцами раньше, до начала этой inferнальной стужи, которая, кстати, в последующие годы ни разу не повторялась с такой суровостью!

Поистине, здесь оправдывается изречение: с судьбой вечного союза не бывает! Конечно, государственный муж и полководец, идущий на риск, должен считаться с ее величием Непредсказуемостью: так случилось, по моему разумению, когда Югославия объявила в Вене о своем присоединении к пакту Трех держав*. В противном случае могло рассматриваться еще только одно решение: предложение мира Англии любой ценой, ценой отказа от плодов всех достигнутых к тому времени побед. Но пошла бы на это Англия, которая после потери своего союзника — Франции вновь протянула свои щупальца к Москве? Учитывая ее традиционную политику против своего сильнейшего противника в Центральной Европе, я не верю и никогда не верил в то, что Англия когда-либо выпустила бы нас из той ловушки, в которой она, находясь в союзе с Америкой и полностью доверяя Москве, держала нас.

В начале декабря [19] 40 г. Гитлер принял окончательное решение готовить войну против Советского Союза с таким расчетом, чтобы иметь возможность начиная с марта [19] 41 г. в любой момент дать приказ о планомерном сосредоточении войск — это было равнозначно началу нападения в начале мая. Предпосылкой являлось беспрепятственное функционирование железнодорожного транспорта на полную мощность. Если бы таким образом в соответствии с отданными приказами свобода решений сохранялась до середины мая, то, как мне было ясно, только совершенно непредвиденные события еще могли бы изменить решение начать, эту войну.

Уже с начала декабря [1940 г.] мы с величайшим усердием приступили к подготовке наземного и воздушного нападения на

* 25 марта 1941 г. югославский премьер-министр Цветкович подписал документ о присоединении Югославии к пакту Трех держав: рейха, Италии и Японии.

Гибралтар с суши, с испанской территории*. Испанцы, а особенно находившийся в дружеских отношениях с фельдмаршалом Рихтгофеном (люфтваффе) и адмиралом Канарисом испанский генерал Вигон**, который пользовался доверием Франко и обладал большими полномочиями, не только допустили тактическое изучение Гибралтарского утеса с испанской границы, но и оказали благожелательное содействие. (...) План нападения был разработан тщательнейшим образом во всех деталях, вплоть до малейших, командующим горнострелковыми войсками и в начале января [19] 41 г. доложен в моем присутствии Гитлеру. (...)

Необходимые войска стояли наготове во Франции, люфтваффе наметила районы выброски воздушного десанта в Южной Испании. (...) Критический пункт плана заключался в том, чтобы побудить нейтральную и обоснованно боящуюся Англии Испанию допустить транспортировку через свою территорию артиллерийских групп силой примерно до корпуса, а также тяжелой артиллерии и противотанковых орудий. В начале января***, по моему предложению, адмирал Канарис был послан к своему другу Вигону, чтобы добиться от Франко, до сих пор молча терпевшего все подготовительные меры по линии генштаба и секретной службы, согласия на проведение этой операции. Было обещано, что после удавшегося нападения Испания получит Гибралтар назад, как только намечаемое нами закрытие Гибралтарского пролива (которое мы, разумеется, провели бы в военном отношении сами) больше не будет диктоваться потребностями войны.

Через несколько дней Канарис вернулся, чтобы доложить фюреру, который лично дал ему это задание, и подробно проинформировал о том, что Франко не желает брать на себя столь тяжкое нарушение нейтралитета, так как оно могло бы привести к войне Англии против Испании. Фюрер воспринял доклад спокойно и сказал, что тогда вынужден отказаться, ибо не желает хотя и возможного, но насильственного прохода [германских] судов, против которого Франко мог бы с возмущением протестовать. (...) Он боится возникновения нового театра войны, если затем Англия с таким же правом высадит, возможно через Лиссабон, свои войска, как это было в Норвегии. (...)

Был ли Канарис человеком, пригодным для этой миссии (тем более, как выяснилось впоследствии, он являлся в течение многих лет изменником), я сомневаюсь. Сегодня я предполагаю, что он и не пытался всерьез привлечь Испанию на нашу сторону для этой операции, а наоборот, отговорил испанских друзей. Для меня нет никакого сомнения, что захват Гибралтара — при терпимом отно-

* Операция «Феликс», о которой говорилось в директиве Гитлера № 18 от 12 ноября 1940 г. и в директиве № 19. 7 декабря 1940 г. адмирал Канарис встретился в Мадриде с генералом Франко. Однако уже 11 декабря 1940 г. поступило указание ОКВ: «Операцию «Феликс» не проводить!»

** Начальник испанской секретной службы.

*** Правильно: в декабре 1940 г.

тении Испании и при слабой обороне с суши — удался бы, а тем самым Средиземное море было бы для Англии закрыто. Вопрос о том, какие последствия это имело бы для дальнейшего ведения боевых действий в Средиземноморском бассейне, заслуживает особого рассмотрения. Именно Гитлер и никто иной осознал этот факт со всеми вытекающими отсюда последствиями не только для Англии и морских сообщений с Ближним Востоком, но — и особенно — для слабовой Италии.

Таким образом, после отказа от гибралтарской операции все наши мысли вновь обратились к проблеме Востока. Видимо, во второй половине января [19]41 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер в моем и Йодля присутствии во всех деталях доложил о сделанных тем временем выводах относительно положения врага, о текущих пограничных инцидентах на демаркационной линии и о предусмотренном сосредоточении войск по железной дороге. Последнее интересовало фюрера особенно в связи с подводом [к границе] танковых соединений в качестве последнего эшелона развертывания войск из мест их постоянной дислокации в Средней Германии, где за зиму они были заново оснащены и укомплектованы и где были созданы новые танковые формирования. Доклад Гальдера дал совершенно неожиданную картину уровня русских приготовлений к войне, постоянно усиливавшегося сосредоточения русских дивизий, обнаружение которых явилось результатом действий фронтовой разведки и потому было несомненным. Готовились ли русские к нападению или же только к обороне, сказать в то время определенно не мог никто. Только германское наступление должно было приподнять эту завесу. (...)

В середине марта состоялся первый сбор предназначенных для Восточного фронта высших офицеров трех видов войск вермахта; его проводил Гитлер в Берлине, в Имперской канцелярии. Я добился того, что на выступлении фюрера смогли присутствовать и начальники управлений ОКВ. В небольшом зале-кабинете были как для доклада установлены ряды стульев и кафедра. Гитлер говорил очень серьезно и произнес органично построенную, хорошо подготовленную речь.

Исходя из военного положения рейха, стремлений западных держав, Англии и Америки, он обосновал свою точку зрения: война против Советского Союза стала неизбежной и любое выжидание лишь еще более ухудшило бы наше положение. Он откровенно говорил, что промедление только изменит потенциал сил не в нашу пользу: в распоряжении наших противников — неограниченные средства, которые к данному времени даже приблизительно еще не исчерпаны, между тем как наши кадровые и материальные силы мы больше значительно увеличить не сможем. Поэтому решение его неизменно и твердо: как можно раньше упредить Россию и ликвидировать исходящую от нее опасность.

Затем последовали его весьма весомые высказывания о стол-

кновении двух крайних мировоззрений. Он знает, что столкновение это так или иначе произойдет, и лучше, если он возьмет это на себя теперь, чем закрывать глаза на грозящую Европе опасность и оставить решение данной проблемы на более позднее время или же предоставить своему преемнику. Ведь никто после него не будет обладать в Германии таким авторитетом, чтобы взять на себя ответственность за превентивную войну; не найдется другого такого человека, который один еще сможет сломить мощь большевизма, прежде чем Европа падет его жертвой. Он, как никто в Германии, знает коммунизм с его разрушительными силами по той борьбе, которую сам вел за спасение рейха.

После продолжительных высказываний, основанных на собственном опыте, Гитлер охарактеризовал эту войну как борьбу, в которой решается вопрос быть или не быть, а потому потребовал отказа от всех традиционных понятий о рыцарской войне и от общепринятых правил и обычаев ведения войны, от чего сам большевизм давно избавился. Этот факт коммунистическое руководство доказало своим продвижением в Прибалтике, в Финляндии и Бессарабии, а также отказом признавать Гаагскую конвенцию о ведении войны и рассматривать в качестве обязательного для себя Женевское соглашение о военнопленных. Затем он потребовал не считать комиссаров солдатами и рассматривать их не как военнопленных, а как самых опаснейших элементов фанатического сопротивления и потому немедленно убивать их или расстреливать на месте. «Комиссары, — говорил он, — это стеновой хребет коммунистической идеи, это гаранты Сталина против собственного народа и против собственных солдат, они наделены неограниченной властью над жизнью и смертью людей. Ликвидировать их — значит сберечь германскую кровь в борьбе на поле боя и в тылу».

Теми же мотивами определялись в дальнейшем высказывания Гитлера о применении военной юрисдикции к собственным войскам при допущении ими эксцессов против сопротивления населения или же против самого населения; применение этой юрисдикции он оставлял на усмотрение самих командующих войсками в зависимости от потребностей усмирения оккупированных областей. И в заключение Гитлер заявил, что запрещает перевозить советско-русских военнопленных на территорию рейха, ибо, по его мнению, их использование в качестве рабочей силы **представляет опасность**: во-первых, ввиду их политического влияния, от которого он уже избавил германский промышленный рабочий класс, а во-вторых, из-за угрозы саботажа. Гитлер, вне всякого сомнения, понял, какое впечатление его высказывания произвели на аудиторию: никто не возразил ни слова, да в этом кругу и не мог. Закончил он свое незабываемое выступление словами: «Я не требую, чтобы генералы меня понимали, но **я требую**, чтобы они повиновались моим приказам».

Тогда и возникли **в** качестве подтверждения **высказываний**

Гитлера «Особые указания»* по административному управлению подлежащими оккупации территориями Советского Союза; они служили дополнением к принципиальной директиве** по подготовке войны на Востоке. Наряду с компетенциями Геринга и главнокомандующего сухопутными войсками они содержали также и те полномочия рейхсфюрера СС и шефа германской полиции [Гиммлера] в тыловых районах боевых действий, против которых так настойчиво и упорно я боролся. Я видел в этом, учитывая опыт Польши, а также совсем неизвестные мне стремления Гиммлера к власти, огромную опасность, поскольку считал, что тот злоупотребит теми полномочиями, которыми Гитлер наделил его для обеспечения покоя и порядка позади линии фронта. Мое сопротивление было и осталось напрасным. Несмотря на неоднократные протесты и поддержку Йодля, я потерпел поражение!

Только через несколько дней я смог побеседовать с Браухичем насчет его впечатлений от речи [Гитлера]. Он откровенно сказал, что генералы внутренне отвергают эти методы ведения войны, и спросил, последуют ли письменные приказы ОКВ по этому поводу. Я ответил, что без категорического указания Гитлера я, со своей стороны, их ни при каких обстоятельствах не представлю и по собственной инициативе о письменных приказах речь не заведу, поскольку считаю таковые не только излишними, но и опасными, а потому сделаю все, чтобы избежать их. Ведь все же сами слышали, что именно он сказал. Я решительно против всяких бумаг в этих крайне уязвимых вещах.

Но, к сожалению, я, видно, Браухича не убедил, ибо в мае ОКХ представило одобренные Гитлером проекты приказов по восточным войскам армии. Так возник пресловутый «приказ о комиссарах», который хотя и был известен всем командующим, но текста его, как кажется, в наличии уже нет, а также приказ «О подсудности на советско-русской территории». Первый из них явно издан ОКХ после одобрения Гитлером, а второй — правовым отделом ОКВ после обработки предложения ОКХ, и под ним стоит моя подпись (по поручению фюрера). Оба приказа послужили на Нюрнбергском процессе тяжелейшим обвинением, в особенности еще и потому, что были изданы за шесть недель до войны и, таким образом, еще отнюдь не были обоснованы или оправданы событиями самой этой войны. Поскольку их единоличный инициатор Гитлер мертв, именно я и стою сейчас перед этим судом***.

* Ход событий был сложнее. В марте 1941 г. Гитлер заявил Кейтелю, что задачи в оккупированной России будут столь трудны, что решение их нельзя возложить только на армию. В ответ на это начальник ОКВ 13 марта 1941 г. издал «Указания» (Документ Нюрнбергского процесса ND-147-PS). За ними 31 марта 1941 г. последовала директива Гитлера о единообразном проведении всех мероприятий на Востоке.

** Имеется в виду директива Гитлера № 21 «Операция «Барбаросса» от 18 декабря 1940 г.

*** Как в случае с приказом о комиссарах, так и с приказом о подсудности Речь однозначно идет о приказах возглавлявшего Кейтелем ОКВ.

В середине марта началось развертывание войск для войны на Востоке. Днем «X» должно было стать 12 мая, хотя приказ о наступлении дан еще не был. Таков был метод Гитлера: не устанавливать окончательную дату перехода границы как можно дольше до самого последнего момента, ибо никто не знал, какие непредусмотренные события, требующие свободы действий, могли еще произойти в эти недели и даже последние часы.

Одновременно осуществлялись переход через Дунай и продвижение армии Листа в Болгарию, но из-за все еще зимней погоды и плохих дорог дело продвигалось медленно. Но в то же самое время шли и политические переговоры о присоединении Югославии к пакту Трех держав. Между тем итальянским войскам в Албании грозило новое поражение. (...) Одновременно началась переброска первых германских войск в Триполи. (...) Гитлер постоянно требовал усиления оккупационной армии в Норвегии и применения 200 дополнительных береговых батарей всех калибров. (...)

ОКВ день и ночь было занято интенсивной работой, даже когда, казалось, ничего и не происходило, благодаря беспокойному духу и фантазии Гитлера; с присущим ему даром предвидения он не только продумывал все до конца, но и хотел создать все гарантии на те случаи, когда реальностью могло стать и невероятное.

В конце марта я сопровождал Гитлера в Вену, где во дворце Бельведер с соответствующей церемонией состоялось подписание с Югославией пакта четырех держав. (...)

Когда вечером я был приглашен к фюреру на беседу наедине, он высказал свое большое удовлетворение, испытывая явное облегчение и радость по поводу того, что от Балкан больше не придется ждать неприятных неожиданностей. Затем фюрер прочел мне свое только что продиктованное письмо Муссолини, содержащее несколько военных советов и прежде всего требование навести порядок на морских путях в Африку. (...) Ночью мы особым поездом выехали в Берлин.

Через два дня в Белграде были свергнуты правительство Цветковича и регент [принц] Павел — почитатель фюрера и убежденный сторонник [прежней] внешней политики. Внешним поводом для офицерского мятежа послужил пакт Четырех. Я был заранее вызван к фюреру в Имперскую канцелярию и прибыл одновременно с Йодлем. Войдя в зал для докладов, фюрер показал телеграмму из Белграда и заявил: с этим он никогда не примирится! Он все равно разгромит Югославию, совершенно независимо от того, как новое правительство объяснит ему все это; он позорнейшим образом обманут и заявление о лояльности — всего лишь маневр с целью выиграть время. Он уже вызвал Риббентропа и главнокомандующего сухопутными войсками и, когда все соберутся, отдаст свои приказы. Речь может идти только о концентрированном наступлении с севера и востока (армия Листа) из Болгарии. Немедленно пригласить венгерского посла, Венгрия тоже **должна**

участвовать в нем, если хочет сохранить для себя Банат. Мы еще увидим, как старик Хорти загорится этим делом!

Я заметил, что срок начала войны на Востоке переносить нельзя, так как сосредоточение войск по максимально уплотненному графику уже идет и мы не сможем взять оттуда никаких сил, армия Листа одна против Югославии слишком слаба, а на Венгрию положиться никак нельзя. Именно потому [ответил Гитлер] он и вызвал Браухича и Гальдера: выход должен быть найден! Он хочет закончить с этим делом на Балканах — надо знать его натуру; **Сербия** издавна была путчистским государством, это надо прекратить раз и навсегда и т. п. и т. д. Он, как говорится, вошел в раж.

Когда все вызванные [министр иностранных дел, представители ОКХ] явились, Гитлер в хорошо известной мне манере изложил обстановку и намерения. Это, как всегда, было сделано в форме приказа: наступление на Югославию и как можно скорее; армия Листа должна повернуть направо и, атакуя с востока, сильным северным крылом продвигаться на Белград с юго-востока; германские и венгерские соединения должны с севера, перейдя Дунай, взять Белград, а одна новая армия из второго эшелона сосредоточенных для действий на Востоке войск будет введена здесь из Остмарка. ОКХ и ОКЛ должны немедленно представить свои предложения. Все необходимое в отношении Венгрии он предпримет сам и сегодня же пошлет [венгерского] посла в Будапешт. Предложение Йодля все же незамедлительно направить новому югославскому правительству ограниченный сроком ультиматум фюрер наотрез отклонил. Он даже не дал сказать ни слова министру иностранных дел. Браухич получил согласие на замедление темпов переброски [на Восток] предназначенных для сосредоточения войск, чтобы не слишком сильно нарушать работу всего остального транспорта. На этом обсуждение закончилось, и Гитлер покинул зал вместе с министром иностранных дел для беседы с венгерским послом, который уже ждал их внизу. Для нас же после короткого совещания с Гальдером и Йодлем действовал лишь один девиз: «За дело!»

Если принять во внимание, что все предыдущие планы сосредоточения войск против России, греческая кампания и помощь Италии были отброшены в сторону и приходилось на ходу импровизировать по поводу новых диспозиций, переброски войск, перегруппировки, соглашения с Венгрией, прохода германских войск и организации всего материально-технического снабжения и что, несмотря на все это, через девять дней последовало вторжение в Югославию в сочетании с воздушным налетом на Белград*, то Действия ОКВ, ОКХ и ОКЛ следует охарактеризовать как непревзойденный шедевр германской генштабистской работы, большая заслуга в которой принадлежит, однако, генеральному штабу сухо-

* Согласно директиве № 25 (операция «Марита»), кампания германских войск против Югославии и Греции началась 6 апреля 1941 г.

путных войск. Никто не знал и не признавал этого в глубине души так, как фюрер; я пожелал бы лишь одного: чтобы он высказал такую достойную оценку вслух, ведь генштаб заслужил ее, **хотя** Гитлер столь часто изображал его камнем преткновения.

Регент Хорти к участию Венгрии отнесся весьма сдержанно: в период весеннего сева он мобилизацию провести не может, как и лишить крестьянина лошадей и рабочей силы. Эта позиция возмутила фюрера. Но затем переговоры между генеральными штабами привели, пусть даже к частичной, мобилизации, в результате которой венгерское военное командование все же поставило под **ружье** для вторжения в Банат слабую армию, чтобы урвать свой кусок, с почетом пропуская германские войска вперед и творя месть за их спиной*. Фюрер направил Хорти письмо: хотя венгерские войска и должны вписаться в совместные операции, он будет лично руководить ими и сам координировать военные действия с Хорти как главнокомандующим венгерскими войсками таким образом, чтобы не умалять его суверенной командной власти. Формально подводный камень коалиционной войны был преодолен, и тщеславие сего старого господина не пострадало. Трений не возникло и в ходе операций. Благодаря своей политической ловкости фюреру удалось тогда вырвать Хорватию из вражеского фронта. (...)

Мы находились в специальном поезде фюрера в течение югославского и затем греческого походов, вплоть до капитуляции обоих государств, всего за неполных пять недель. (...)

После того как капитуляция Югославии [17 апреля 1941 г.] была завершена фельдмаршалом Листом по поручению фюрера и согласно указаниям ОКВ, Гитлер обеспечил личное влияние на заключение перемирия с Грецией. Считаясь со своим союзником Италией и щадя честолюбие Муссолини, а также для обеспечения итальянских интересов он послал туда генерала Йодля. (...) В принципе фюрер желал для греческой армии почетных условий [капитуляции], учитывая ее храбрые действия... (...)

Особая глава — вступление победителей в Афины. Щадя честь греков, Гитлер хотел дать возможность занять Афины германским героям Фермопил. Но Муссолини потребовал триумфального вступления итальянских войск, которые пришлось спешно подводить к городу, так как они на несколько дневных **переходов** отстали от немецких преследователей англичан. Фюрер уступил итальянским настояниям, и германские войска вступили в город вместе с итальянскими. В глазах греков этот спектакль, разыгранный честно разбитым ими нашим союзником, выглядел **горьчайшей** издевкой.

* См. об этом воспоминания адмирала Миклоша Хорти «Жизнь за Венгрию» (Бонн, 1953). С точки зрения Венгрии ситуация выглядела иначе. Ей пришлось отказаться от проводимого Хорти курса на невмешательство в войну. 3 апреля 1941 г. венгерский премьер-министр Телеки решил пойти на это, не видя другого выхода, хотя и не желал нарушать существовавший между Венгрией и Югославией пакт о ненападении.

Принимая во внимание тревогу насчет обеспечения и снабжения наших находившихся в Северной Африке под командованием Роммеля* войск, постепенно усиленных до одной полностью укомплектованной танковой дивизии, фюрер пожелал улучшить коммуникации через Средиземное море вопреки английским военно-морским силам. В то время как Роммель наиболее смелым вмешательством устранил опасность для Триполи, у Гитлера созрел план отобрать у ослабленных поражением англичан Крит или Мальту. Это можно было сделать только посредством воздушно-десантного маневра, который должен был сопровождаться одновременными или последующими перебросками войск морским путем; помощь итальянцев в этом деле представлялась довольно проблематичной. Гитлер, верно, хотел также показать Муссолини, к чему шло ведение войны в Средиземном море. (...) Я поддержал операцию против Мальты, которую мы с Йодлем считали стратегически более важной и опасной морской базой англичан. (...) Поскольку выбор был предоставлен авиации, Геринг (...) предпочел нападение на Крит, несомненно, потому, что оно показалось ему более легким. Гитлер согласился...

Тем временем фюрер определил в качестве нового дня «X» середину июня. Это означало быстрое высвобождение задействованных на Балканах соединений сухопутных сил и продолжение сосредоточения войск на Востоке. Следствием этого явилось лишь очень поверхностное умиротворение югославской территории, на которой по открытому призыву Сталина и при [его] энергичной поддержке стала оживляться война, ведущаяся бандами. Небольшие охранные части, к сожалению, оказались не в состоянии задушить эту малую войну в зародыше, в результате чего со временем возникло положение, потребовавшее даже новых сил, ибо самонадеянные итальянцы, которые могли бы снять с нас эти заботы, повсюду оказывались непригодными и лишь укрепляли власть предводителя бандитов Тито, воспользовавшегося их [трофейным] оружием.

Россия и Англия, со своей стороны, делали все для того, чтобы постоянно разгорались новые очаги беспокойства и германские войска оказывались там связанными, между тем как новое хорватское государство, преисполненное недоверия к своему «протектору» Италии, видело в укреплении нами внутреннего порядка помехи со стороны ревнивой по отношению к нам Италии. Фюрер вместе с нами наблюдал эту трагедию, не высказывая открыто своих симпатий к хорватскому народу в связи с явно терпимыми самим Муссолини интригами. Он не мешал этой опаснейшей игре, Дабы сохранить у союзника хорошее настроение, ибо, видимо, куда важнее ему казались другие вещи или ранее данное согласие.

* Эрвин Роммель, генерал танковых войск, командующий германским Африканским корпусом, состоявшим из одной легкой моторизованной и одной танковой дивизий.

Примерно в начале июня мы вернулись из Берхтесгадена ⁶ Берлин. Наконец-то я смог — пусть и всего на несколько недель собрать все ОКБ под моим началом. (...)

В середине июня [14 июня 1941 г.] фюрер в последний раз перед войной на Востоке собрал всех высших офицеров Восточного фронта для доклада об их задачах, в котором вновь с огромной проникновенностью изложил свою точку зрения на предстоящую «войну мировоззрений». Он указал на сильное сопротивление при освобождении Балкан — следствие слишком мягкого и потому должно истолкованного как слабость обращения с населением, что дает фору бунтовщикам. Он, мол, изучил те методы, к которым приходилось постоянно прибегать старым дунайским монархиям, чтобы придать властям предерживающим должный авторитет. Со стороны натравливаемого на нас под кнутом [в рукописи неразборчиво: комиссаров ?] [населения] нам придется встретиться с тем же, а вероятно, и с еще более упорным сопротивлением. Поэтому следует заранее понять: самый твердый кулак — в конечном счете самый милосердный. Террор можно сломить только контртеррором, а не военно-правовыми методами. Он сам сломил террор КПГ в Германии не при помощи законности, а грубой силой своих СА.
<...>

Гитлер целиком проникся идеей, что его миссия — уничтожить коммунизм, прежде чем тот уничтожит нас. Он считал совершенно невозможным долгое время быть заодно с коммунизмом в России и считал, что Германию постигнет экономический крах, если он не сумеет разорвать то железное кольцо, которое Сталин в любой день, когда того пожелает, может сомкнуть вокруг нас в союзе с западными державами. Он с презрением отвергал мир с западными державами любой ценой и ставил все на одну карту — войну! Он знал: весь мир будет против нас, если карта против России окажется битой. Он знал, что такое война на два фронта! Он взял ее на себя потому, что недооценил большевизм и государство Сталина, а также резервы его силы, и этим сам разрушил созданный им Третий рейх!

Но летом [19]41 г. казалось, будто колосс на Востоке **вот-вот** рухнет **под** мощными ударами германской армии, ибо первые и, пожалуй, самые лучшие советские фронтовые войска, понеся чудовищные потери **в** людях и технике, были к осени **действительно** почти истреблены. Тысячи орудий и танков валялись на **полях** сражений после первых битв **на** окружение, число **военнопленных** далеко перевалило за миллион. Спрашивается, какая еще армия в мире смогла бы преодолеть такие уничтожающие удары, если бы на помощь ей не пришли бесконечные пространства, людские резервы и русская зима?*

Гитлер уже в конце июля считал, что разбита не только поле-

* Справедливость требует добавить: а также удивительная способность советско-русского государственного руководства к перевооружению и новому вооружению.

вая Красная Армия, но и сама военная мощь [СССР] подорвана настолько, что никакое восстановление ввиду невероятных потерь в технике уже не сможет спасти ее от полного уничтожения. Так, он еще в конце июля или начале августа приказал — и это в высшей степени примечательно в историческом плане — перефигурировать значительную часть производства вооружения для сухопутных войск, за исключением танков, на увеличение выпуска военной продукции для военно-морского флота (подводных лодок) и авиации (самолетов и зенитных орудий) с целью запланированной интенсификации войны против Англии. В то же время на Востоке армия должна была держать разгромленного противника, взорвав его единый фронт обороны, под угрозой полного поражения наличными средствами при удвоенном числе танков.

* * *

Только в ночь на 22 июня специальный поезд фюрера с самым узким кругом сопровождающих лиц (в том числе Йодль и я с нашими адъютантами) прибыл в лесной лагерь в районе Растенбурга, где была оборудована ставка Гитлера [«Волчье логово»]. Примерно в 20 километрах от нее, в огромном лесу, расположилась штабквартира ОКХ. Главнокомандующий авиацией Геринг поставил свой особый состав в Йоганнесбургском бору, так что все три главнокомандующих могли в любую минуту поддерживать между собою и ОКВ устную связь и не позже чем через полчаса (а при помощи самолета «Шторьх» и еще быстрее) явиться к фюреру. (...)

Ежедневно в полдень у фюрера проходило обсуждение обстановки на основе утренних сводок главнокомандующих видами войск вермахта, которые, что касалось ОКХ, базировались на итоговых вечерних сводках групп армий. Только командующие войсками в Финляндии, Норвегии и Северной Африке докладывали непосредственно ОКВ и одновременно, в порядке информации, — ОКХ. Обстановку докладывал генерал-полковник Йодль (...), а о положении сухопутных войск — обычно Гальдер. После того как Гитлер с 19 декабря [19]41 г. сам стал главнокомандующим сухопутными войсками, его начальник генерального штаба был обязан ежедневно докладывать ему о положении на Восточном фронте и лично получать или выслушивать от него приказы, а в напряженной обстановке — даже и еще раз вечером, около 24 часов. (...) В таких случаях полученные от фюрера указания еще в ту же ночь передавались штабом оперативного руководства ОКВ дальше (по телеграфу) или же предварительно устно (по телефону). Во время докладов фюрер отдавал приказы, причем не только по оперативным, но и другим вопросам, так или иначе связанным с ведением войны. (...) Совершенно неупорядоченный метод мышления и работы этого автократа выразался и в том, что он посто-

янно стремился восстановить друг против друга различные ветви,¹ военного командования или же господствовать над ними по принципу: «Разделяй и властвуй!»

Таким образом, я был втянут почти во все сферы деятельности государственного и партийного аппарата, но ввиду моей перегруженности работой ни в одном-единственном случае инициатива от меня не исходила. Видит Бог, у меня было достаточно дел, чтобы держаться вдали от всего, что не являлось моими прямыми обязанностями. (...) Но от всех абсолютно инстанций на меня наваливались дела, которые меня совершенно не касались. (...) Со времени моей последней и прекраснейшей строевой службы в качестве командира дивизии я превратился в «кабинетного генерала». (...) Во вторую мировую войну я в конечном счете стал таким фельдмаршалом, который, кроме ОКВ, мог командовать только своим шофером и денщиком!!! (...) После моего производства в фельдмаршалы генерал Шмундт сказал мне, что тем самым фюрер хотел выразить мне свою благодарность за перемирие с Францией. Пусть так! Но принципы вынуждают меня сожалеть о том, что ранг фельдмаршала не остался только за теми полководцами, которые отличились на поле боя перед лицом врага.

Вскоре после первых победоносных сражений вновь возникли трения между Гитлером и главнокомандующим сухопутными войсками. Стратегическая идея Гитлера отличалась от идеи ОКХ. В то время как оно всей концентрированной силой группы армий «Центр» преследовало цель захватить Москву и овладеть Валдайской возвышенностью, через которую поддерживалась связь с Ленинградом, Гитлер желал остановиться на общей линии Одесса — Орел — Смоленск — Чудское озеро и, ослабив эту наиболее крупную группу армий за счет сокращения ее численного состава и танковых соединений, сначала посредством значительного усиления группы армий «Юг» отобрать у противника Донецкий бассейн, нефтяные месторождения Майкопа и Краснодара, а действиями усиленной группы армий «Север» взять Ленинград и установить коммуникации с Финляндией. Но для решения этих задач обе группы армий (то есть «Юг» и «Север») без их усиления были недостаточно сильны. Он рассматривал эти цели на флангах прежде всего с экономической (Донецкий бассейн) и политической (Финляндия) точек зрения, а также и с точки зрения ведения морской войны (Балтийское море). В стратегическом отношении ему был важен не многомиллионный город Ленинград или его мировое значение, а военный порт с Кронштадтом и уничтожение морской крепости, угрожающей нашему транспорту и подготовке подводников на Балтийском море.

Вопреки этому ОКХ было убеждено в том, что ключом [к быстрому окончанию войны] служит его предложение. Фюрер отнюдь не был в этом уверен.

Он решил лететь в группу армий «Центр» (Борисов), куда приказал явиться командующим танковых групп [армий] Готу и

Гудериану*. Я сопровождал Гитлера и присутствовал на этом совещании с командующим группой армий «Центр» фон Боком** и его танковыми генералами, которых фюрер первыми (во всяком случае, одного из них) хотел повернуть к обоим соседним группам армий. Однако он натолкнулся на их единый фронт отказа; дело дошло до того, что оба генерала объявили свои соединения настолько выдохнувшимися, что они нуждаются в двух неделях отдыха для ремонта и переборки моторов танков, дабы снова стать боеспособными и готовыми к маршу. Мы, разумеется, это проверить не могли, ибо они (несмотря на награждение обоих Рыцарским крестом к Железному кресту) упорно стояли на своем и категорически отказывались от использования их соединений на каком-либо ином и к тому же отдаленном участке фронта. Фон Бок, ясное дело, не желал лишиться их и трубил в тот же рогу. Все трое знали план ОКХ и видели в нем панацею. Любое ослабление группы армий «Центр», естественно, угрожало этой цели, которая притягивала всех как магнит.

Хотя фюрер и разглядел эту точку зрения (что, впрочем, было нетрудно), он все же не остановился перед тем, чтобы, невзирая на доклады обоих танковых генералов, приказать ОКХ перебросить их соединения, так как требуемая ими пауза для отдыха стоила четырехдневной потери времени для осуществления желаемой Гитлером операции. ОКХ, группа армий «Центр» и генералы-танкисты выступили против фюрера единым фронтом***. Он понимал, что они не поддерживают его план наступления, но принял их версию, что они не могут его выполнить; фюрер сам признался мне потом в этом.

Фюрер внутренне снова ожесточился против ОКХ, особенно против Браухича, но проглотил все это. Пришли к компромиссу, который, естественно, обрек стратегическую цель Гитлера на поражение, во всяком случае на севере (Ленинград). Зато фюрер запретил наступление на Валдайскую возвышенность****, объявленное им рудинтом устаревшей тактики генштаба на захват высот. Но все раздражение фюрера выявилося впервые тогда, когда для ограниченной операции группы армий «Центр» по обеспечению свободы действий ее южного крыла, необходимой в рамках осуществления ее плана с целью наступления на Москву, танковая группа

* Командующие приданными группе армий «Центр» 2-й и 3-й танковыми группами (армиями) генерал-полковник Гейнц Гудериан (впоследствии начальник генерального штаба. — *Сост.*) и генерал-полковник Герман Гот.

** Генерал-фельдмаршал фон Бок командовал этой группой до 18 декабря 1941 г.

*** Участвовавшие в совещании восприняли это совсем по-другому. Так, Гудериан в своей книге «Воспоминания солдата» пишет об августовском кризисе г., что при первом посещении ставки фюрера в конце августа Браухич вообще не претил ему упоминать о Москве.

**** Овладение Валдайской возвышенностью являлось для левого крыла группы армий «Центр» предварительным условием для наступления на Москву.

Гудериана была приведена в боеспособное состояние всего за несколько дней.

Теперь Гитлер считал нужным вмешаться, причем таким образом, что в результате на юге, во взаимодействии с группой армий «Юг», была дана битва на уничтожение восточнее Киева. Как часто приходилось мне потом слышать слова о непослушных, своевольных генералах, которые испортили его план! Между тем, несмотря на блестящий успех восточнее Киева, было (если принять во внимание приближающуюся глубокую осень и ожидаемый период осенней распутицы) потеряно столько времени, что Гитлеру самому пришлось отказаться от большого стратегического плана, ибо одни только перегруппировки стоили бы драгоценных недель.

Так он дал согласие на битву на окружение двойным кольцом силами группы армий «Центр» под Вязьмой и Брянском, которая являлась предварительным условием так никогда и не снимавшегося ОКХ плана еще до зимы окружить Москву. То, что операция эта застыла во льду и снегу и стала почти катастрофой в условиях самой свирепой зимы, не виданной Центральной Россией с начала XIX в., достаточно известно. Но будет предметом одного из интереснейших военно-исторических исследований выяснить, какие перспективы имела стратегия Гитлера и какие выводы могли быть сделаны из нее для Восточной кампании [19] 41 г., особенно если действительно верно то, что сказал мне один офицер русского генерального штаба. Он заявил, что [советское командование] считалось с возможностью проведения операции ОКХ осенью [19] 41 г. и потому в течение нескольких месяцев стягивало к Москве все еще имеющиеся крупные резервы и дальневосточные дивизии.

Как эти меры отразились бы на плане Гитлера, не повысили бы они весьма значительно его шансы? Сегодня для меня это открытый вопрос, тут есть над чем подумать. Ошибку в стратегическом построении в одной и той же войне не исправить*. Тем самым я вовсе не хочу утверждать, что план ОКХ являлся ошибкой. Но, бесспорно, ошибкой было идти на компромисс, если только та пауза, к которой стремилась группа армий «Центр», не являлась повелительной насущной необходимостью для ударной силы ее войск; ведь операция, задуманная фюрером, требовала утомительных маршей и притом немедленно. Никогда не следует забывать завет полководца: «Моя армия может еще наступать, но совершить марш — уже нет!»

В течение лета положение на всех театрах военных действий обострилось из-за непокорства гражданского населения, актов саботажа, нападений на военнослужащих и военные учреждения,

* Само по себе это правильно, но фельдмаршал в отличие от ОКХ видит ошибку в другом. Ошибка заключалась в непродуманном построении всей кампании, в неясном представлении общей задачи: хотели найти решение в центре или же на флангах?

причем совершаемых совсем открыто. В то время как на Балканах благодаря содействию Советов и Англии бандитизм принимал наиболее угрожающие формы и вынуждал к проводимым по всем правилам частным операциям против бандитов, во Франции и Бельгии **саботаж** тоже приобретал внушающий ужас размах. Заброска [агентов] с самолетов и парашютистов из замаскированных диверсионных команд, покушения с применением взрывчатки, сброс оружия, боеприпасов, портативных ракет стали во многих местах повседневными явлениями. (...)

Призыв к усилению охранных соединений и полиции звучал все настойчивее, насущная необходимость самозащиты вынуждала брать заложников и применять репрессии. Поскольку войска на Балканах нуждались в укреплении, а для увеличивавшейся с каждым днем оккупированной территории Советского Союза войск безопасности уже давно не хватало, фюрер потребовал применения драконовских репрессий и безжалостных действий, а также устрашающих мер, пока успехи Сопротивления еще не придали этому движению новых сил и положение не вышло из-под контроля оккупационных властей.

Так летом и осенью [19]41 г. появились первые приказы о борьбе с этими новыми формами малой войны*, ведшейся темными силами (Secret Service**), преступниками, агентами и боящимся дневного света сбродом, к которым затем присоединились идеалисты, восхваляемые ныне в качестве «патриотов». К числу этих приказов относится приказ о заложниках, указ фюрера «Ночь и туман», подписанный мною, а также различные варианты всех тех жестоких распоряжений, которые в 1942 г. преследовали цель дать оценку извращенным методам ведения войны противником; последствия такого извращения могли быть осознаны только центральной инстанцией, куда сходились все донесения. Эти приказы должны были показать тем немецким офицерам, которые были воспитаны в духе представлений о «рыцарской войне», что при наличии таких методов хозяином положения сможет быть только тот, кто не останавливается перед самыми суровыми репрессиями, когда преступная «подпольная война во тьме» становится повсюду системой, беспощадным террором против оккупационной власти и населения страны. (...)

С началом военных действий на Востоке фюрер предпринял оперативное урегулирование командной власти на других театрах военных действий. В Финляндии, Норвегии, на Западе, в Северной Африке и на Балканах он принял ее на себя, то есть передал ОКВ, чтобы таким образом разгрузить ОКХ. Боевые действия на этих театрах войны, находившиеся в компетенции ОКВ, в 1941 г.

* Первым приказом такого рода был подписанный самим Кейтелем в качестве начальника ОКВ приказ от 16 сентября 1941 г. о «Коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях».

** Секретная служба (англ.).

велись, собственно, лишь в Финляндии, Северной Африке и на Балканах, а на других царила только война против саботажа. Причиной этой меры фюрера служил тот факт, что на данных театрах военных действий (за исключением Атлантического побережья) имели место коалиционные войны, для ведения которых Гитлер из политических соображений взял на себя руководство или взаимодействие союзниками, чтобы сохранить в собственных руках общение с главами государств и их генеральными штабами.

Таким образом, на территории Советского Союза командовало ОКХ или, лучше сказать, Гитлер с ОКХ при отстранении от этого дела ОКБ. Подчеркнуть это — требование исторической истины, ибо Советский Союз — по крайней мере, на Нюрнбергском процессе, — как кажется, исходит из того, что командная власть осуществлялась здесь ОКБ*.

Из союзных и дружественных нам государств в походе против Советского Союза с первого же момента участвовали Румыния и Финляндия, а после начала войны — Италия, Венгрия и Словакия, каждая имела скромный контингент: экспедиционный корпус, равный по силе слабому моторизованному [германскому] корпусу, а Словакия — одну легкую дивизию. С Антонеску, который охотно принял усиление учебных частей нашей военной миссии и сделал отсюда правильные выводы, Гитлер в моем присутствии заключил в Мюнхене последние соглашения. К их подписанию были привлечены предусмотренный в качестве командующего армией германских соединений генерал Риттер фон Шоберт и начальник военной миссии генерал кавалерии Ханзен. Возвращение Бессарабии было для Антонеску само собою разумеющейся целью, а тем самым и поводом для приведения наиболее сильных частей его армии в мобильное состояние, хотя намерение осуществить нападение [на СССР] и дата нападения держались от него в секрете.

С начальником генерального штаба финской армии [генерал-лейтенантом] Хайнрихсом я в мае 1941 г., имея намеченный Гитлером маршрут, заключил в Зальцбурге основополагающее соглашение (которое затем было уточнено Йодлем в оперативном отношении) с целью допуска на территорию Финляндии армии «Норвегия» под командованием генерал-полковника фон Фалкенхорста. Ни я, ни Йодль даже и не предполагали, что наша миссия явилась всего лишь подтверждением предварительных переговоров ОКХ, которые за несколько месяцев до того вел в Цоссене с Хайнрихсом Гальдер... (...) Финляндия [сказал генерал Хайнрихс] не упустит случая исправить последствия зимней войны [39]/40 г. <...>

После того как в августе введенная в действие 11-я армия ге-

* Тем не менее остается фактом, что противоречащие международному праву приказы (например, приказ о комиссарах) Гитлер публиковал не через ОКХ, а через ОКВ!

лерала Риттера фон Шоберта в ходе тяжелых боев вместе с румынскими соединениями установила непосредственный контакт с группой армий «Юг» и очистила от врага Бессарабию, в штабе этой группы фельдмаршала Рундштедта состоялась встреча Антонеску с фюрером. После доклада об обстановке и беседы в узком кругу фюрер лично, в моем и Рундштедта присутствии, наградил румынского маршала Рыцарским крестом, что тот воспринял как большую честь. (...)

Разумеется, Муссолини не пожелал отстать от Венгрии и Румынии и предложил фюреру отправить на фронт итальянский (частично моторизованный) подвижный корпус, что должно было послужить эквивалентной компенсацией за танковый корпус Роммеля в Африке. ОКВ было вне себя от этой незначительной помощи; отправка же корпуса при чрезвычайно тяжелом положении на железнодорожном транспорте летом того года являлась крайне обременительной, ибо сделать это вообще можно было только за счет самого необходимого снабжения войск. (...)

Пока итальянские войска находились на марше к фронту, Муссолини по приглашению фюрера встретился с ним в подготовленной в Галиции второй ставке Гитлера. Оба особых железнодорожных состава остановились в специально построенном туннеле. Ранним утром мы на нескольких самолетах вылетели к Рундштедту в Умань. После общего доклада Рундштедта об обстановке и его рассказа о боевых действиях под Уманью все на машинах выехали приветствовать итальянскую дивизию. (...)

Широко раскинувшиеся украинские черноземные поля, необъятные пашни, какие нам, немцам, и представить себе трудно, произвели на меня огромное впечатление. Зачастую на многие километры вокруг мы не видели в этом слабо колышащемся, открытом, почти без единогоб дерева ландшафте ничего, кроме бесконечных рядов скирд пшеницы. Повсюду ощущалась девственная нетронутость и скрытая сила этой земли, не использовавшейся и на треть. А потом опять — большие площади невозделанной почвы, ждущей озимого сева. (...)

Прохождение парадным маршем итальянских частей — даже несмотря на их «Evviva Duce!»* — явилось для фюрера и для нас, немецких солдат, безмерным разочарованием. Особенно безутешное впечатление произвели совершенно выслужившие все мыслимые сроки офицеры, а в целом все это внушало крайне большие опасения насчет ценности столь сомнительных вспомогательных войск. Как смогут такие полусолдаты противостоять русским, если они спасовали перед пастушеским народом нищих греков? Фюрер верил в дуче и в его революционное дело, но дуче был отнюдь не вся Италия, а итальянцы так и остались «итальянцами». Кому нужен был такой союзник, который не только стоил нам доро-

* «Да здравствует дуче!» (ит.)

го, не только бросил нас на произвол судьбы, но и предал нас?*

(...) Если латентная напряженность в отношениях между фюрером и Браухичем, как казалось, вновь смягчилась после потрясающей победы группы армий «Центр» в двойной битве под Брянском и Вязмой, то последствия первых неудач ее возобновили. Такова была повадка Гитлера: искать виновника каждой неудачи, причем и тогда, когда он осознавал, что причина лежала, по меньшей мере, в нем самом. Когда у Ростова-на-Дону и под Тихвином Рундштедт на юге и Лееб на севере** в конце концов [вынуждены были] убрать вбитые самим Гитлером наступательные клинья, вину за это ни на ОКХ, ни на обоих командующих возложить было никак нельзя. Рундштедт возражал против навязанного ему ОКХ приказа об отводе войск на линию р. Миус. Посланному Рундштедтом ему лично как главнокомандующему сухопутными войсками телеграмму протеста, составленную в весьма крепких выражениях, Браухич показал фюреру, которому она отнюдь не предназначалась. Фюрер сместил Рундштедта, но не из-за протеста, а за то, что фельдмаршал, не зная, что за приказами ОКХ стоял сам Гитлер, заявил: пусть его снимут с должности, если думают, что он командует не так, как нужно.

Считая, что Рундштедт выступил лично против него, фюрер расвирипел и тут же в ярости приказал отстранить его и назначить командующим группой армий «Юг» фон Райхенау. Затем Гитлер вместе с Шмундтом полетел в Мариуполь к командиру лейб-полка СС Зеппу Дитриху***, чтобы от этого своего приближенного узнать «правду», как он полагал, о неправильных действиях командных инстанций сухопутных войск. Но тот принял сторону своего командующего и сумел рассеять недоверие фюрера. Поэтому на обратном пути Гитлер посетил штаб группы армий «Юг», побеседовал с Рундштедтом, и, хотя его временное смещение осталось в силе, доверие было восстановлено.

Гитлер был умиротворен, о чем он сам сказал мне по возвращении. Но тем резче была его критика своего друга Райхенау, который уже принял командование этой группой армий и во время беседы с фюрером сделал ряд отвратительных выпадов против ОКХ и других лиц высшего командования. Райхенау решил использовать ситуацию для травли всех и вся, кто был ему не по нраву. Но эффект оказался прямо противоположным, иначе Гитлер не сказал бы мне вторично, что его оценка Райхенау оказа-

* Следует решительно заметить, что это в высшей степени субъективная оценка фельдмаршала. Итальянские государственные деятели обеспечивали интересы Италии. Для аргументации же Кейтеля характерно представление о «верности Нибелунгов» и о «предательстве».

** То есть генерал-фельдмаршалы фон Рундштедт и Риттер фон Лееб. командовавшие соответственно группами армий «Юг» и «Север».

*** Йозеф (Зепп) Дитрих, группенфюрер СС и генерал войск СС, тогда — командир 1-й танковой дивизии СС «Лейб-штандарт Адольф Гитлер».

дась правильной: на пост главнокомандующего сухопутными войнами он не годится.

¹На севере в начале декабря фюрер, вопреки намерениям ОКХ, предпринял удар на Тихвин, но для противника он не оказался внезапным, а потому заранее нес в себе зародыш неудачи. <...> Даже если бы Тихвин удалось взять, удержать его было нельзя. От цели операции (а она заключалась в том, чтобы выходом к Ладожскому озеру перерезать связи Ленинграда с тылом и установить связь с финнами) пришлось отказаться. (...) Фельдмаршал фон Лееб во время ряда телефонных разговоров, которые мне довелось слышать, просил фюрера предоставить ему свободу действий; он упорно, но безуспешно настаивал на своевременном отводе войск на этом участке за р. Волхов для сокращения линии фронта и сохранения сил в резерве. В результате враг взял все, что нельзя было удержать. В конце концов Лееб явился в штаб-квартиру фюрера и попросил отставки: слишком стар и нервы уже не выдерживают такой нагрузки. Он был снят по собственному желанию, поскольку это явно «подходило» Гитлеру.

На самом же деле Гитлер принес в жертву командующих группами армий, для того чтобы иметь «виновников» первых поражений, не желая взять на себя действительный (собственный) грех, с тайным желанием, как мне известно, изобразить это дело для «истории» в благоприятном для себя свете.

Эти первые, хотя и имевшие важное значение, кризисы в те дни довольно бесшумно закончились ввиду неожиданного вступления в войну Японии и вызванного этим вселяющего надежды оптимизма*. Я, как и прежде, категорически не согласен с домыслами, будто Гитлер знал об этом шаге Японии и оказал на нее какое-либо влияние. Так притворяться не смог бы даже и величайший актер — он верил в честность переговоров, ведшихся Японией в Вашингтоне, и был Пёрл-Харбором совершенно ошеломлен. Мы с Йодлем были в ту ночь очевидцами, как он — пожалуй, единственный раз за всю войну — ворвался к нам с телеграммой

* Как уже неоднократно отмечалось, писавший свои воспоминания без нужных материалов фельдмаршал порой нарушает хронологическую последовательность событий. Японская авиация и флот атаковали Пёрл-Харбор и американский Тихоокеанский флот 7 декабря 1941 г.; Германия и Италия объявили войну США 12 декабря. Кризис же командования на Восточном фронте начался 3 декабря снятием генерал-фельдмаршала Рундштедта с должности командующего группой армий «Юг»: все другие меры Гитлера были проведены уже после вступления Японии в войну: 16 декабря — так называемый «Приказ стоять до последнего» (предписывалось «фанатическое сопротивление»), смещение по состоянию здоровья командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока 18 декабря; смещение главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Фон Браухича 19 декабря; смещение командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Гудериана 25 декабря; смещение и наказание командующего 4-й танковой армией генерал-полковника Гёпнера 8 января 1942 г.; смещение командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала Риттера фон Лееба 16 января* 1942 г.

в руках. (...) У меня сложилось такое впечатление, что война между Японией и Америкой избавила фюрера от кошмара. Во всяком случае, ослабила то напряжение, которое мы испытывали в ожидании последствий уже существовавшего латентного пребывания Америки в состоянии войны.

В ОКХ даже прежде, чем решились высказать это фюреру уже не верили в то, что еще до наступления полной зимы удастся добиться главного, окончательного успеха — захвата [советской] столицы. Давали себя знать не только усталость войск, не имевших со времени двойной битвы под Брянском и Вязьмой никакого отдыха, но и постоянно усиливающиеся холода, а также отсутствие зимнего обмундирования.

Браухич, справившись с сердечным приступом, сохранявшимся в секрете, отправился на несколько дней на фронт и, как я узнал позже от командующих фронтовыми соединениями, обсуждал с ними вопросы, куда отвести линию фронта для «зимней позиции», если наступление, как того боялись, уже не приведет к прорыву, как создать резервы за сокращенной линией фронта — опять же лишь на случай неотвратимости подобных мер. По моему разумению, долг высшего командования — заблаговременно задумываться над такими вещами.

Новый сердечный приступ в сочетании с истощением нервной системы у Браухича, испытывавшего глубокую внутреннюю горечь, опять вынудил его несколько дней пролежать в постели. Само собою разумеется, Гальдер, ежедневно являвшийся к фюреру для доклада обстановки, информировал последнего о всех происходящих событиях. Было ясно, что и Гитлер тоже осознавал возникающий кризис, но тем не менее упрямо сопротивлялся соображениям ОКХ в том виде, как их докладывал Гальдер.

Тем временем мороз все усиливался, что привело к значительному сокращению личного состава войск. Гитлер предъявил ОКХ тяжелейшие обвинения в том, что оно не позаботилось заранее о своевременной выдаче зимнего обмундирования, окопных **печек** и т. п. А ведь он знал, что доставка на фронт [зимнего обмундирования и оснащения] в ходе непрерывного сражения, для которого уже не хватало боеприпасов и продовольствия, в условиях давно существующего и известного транспортного кризиса... [была просто невозможна]. С каждым днем холода становились все сильнее, росло количество обмороженных, и мы все больше **теряли** танков из-за замерзания системы охлаждения и т. п. Все это в конце концов заставило фюрера осознать: о продолжении наступления нечего больше и думать.

Тот, кто не пережил тех дней, не может представить себе состояние фюрера, сила воображения и военная **проницательность** которого позволяли ему видеть надвигающуюся катастрофу (но вместе с тем он не желал внять предупреждениям о ней своих сотрудников), не может представить себе и то, как Гитлер искал

виновников, якобы забывших свой долг, не обеспечивших войска, и одновременно приводил [в свое оправдание] всевозможные веские причины. И хотя истинные причины были очевидны: недооценка сопротивления противника и опасности оказаться в зимних условиях в конце предназначенного для наступления времени года, перенапряжение сил войск, которые с октября непрерывно вели бои при недостаточном снабжении, — все это замалчивалось.

Я был убежден: Браухич видел, что судорогам фронта, а также и фюрера надо положить конец; ведь от него не могло укрыться, что ищут виновника и виновником этим никогда не назовут Гитлера. Превозмогая себя, он все-таки встал на ноги и, как сам сказал мне в тот день, 19 декабря почти два часа говорил с Гитлером. Я не присутствовал, но знаю, что в ходе этого резкого разговора он попросил освободить его от занимаемого поста и в качестве причины — что, кстати, было его долгом — назвал состояние своего здоровья*. Он еще раз накоротке посетил меня и сказал всего несколько слов: «Отправляюсь домой, он меня уволил, больше не могу». На мой вопрос, что это должно означать, Браухич ответил: «Этого я не знаю, спросите его сами». Он явно был очень взволнован и подавлен.

Через несколько часов меня вызвали к фюреру. Гитлер зачитал мне составленный вместе со Шмундтом приказ: командование сухопутными войсками он принимает на себя; приказ надлежит немедленно довести до войск. Второй приказ, внутреннего характера, регулировал подчинение генерального штаба непосредственно фюреру, а также передачу дел ОКХ мне как высшей инстанции, с тем ограничением, что я связан указаниями фюрера. Этот приказ был передан начальнику генерального штаба Гальдеру и дальнейшему объявлению не подлежал.

Пусть общественности даже и не сообщили, будто фюрер расстался с главнокомандующим сухопутными войсками по взаимному согласию, все равно в данном случае было очевидно: виновник отступления армии и уже зримого, чудовищного кризиса, наступившего в ходе изобилующей огромными жертвами, кровопролитной битвы за Москву — всего в 25—30 километрах от ее ворот, — а также всех вытекающих отсюда последствий найден... хотя имя его и не названо.

* Согласно свидетельским показаниям Браухича на Нюрнбергском процессе, он подал Гитлеру рапорт о своем уходе с поста главнокомандующего сухопутными войсками 7 декабря 1941 г. Гитлер ответил, что подумает. Через десять дней Гиттер сообщил Браухичу, что утвердит его отставку, которая и произошла 19 декабря г. На другой день Браухич выехал на родину. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе он добавил: «Гитлер был судьбой Германии, и судьбы этой было не избежать».

В. Кейтель

30.9./19)46 >

Господину адвокату д-ру Нельте!

В дополнение к моей защите и в расширение моих показаний на процессе, а также для Вас лично в виде материала к моим устным разъяснениям прилагаю описание командования Гитлером армией в качестве главнокомандующего сухопутными войсками с 19 декабря 41-го до зимы 42/43 г.

В. Кейтель

Против тандема Гитлера и Гальдера в качестве начальника ОКХ у меня имелись значительные опасения, поскольку было ощущение, что они друг другу не подходят. Фюрер в нашем узком кругу часто высмеивал Гальдера и изображал его человеком ничтожным. Даже если не воспринимать трагически эту некрасивую манеру Гитлера превращать отсутствующего в мишень для насмешек — а он мало кого щадил, — я все равно сильно сомневался, что такая упряжка будет хороша. Поэтому я предложил Гитлеру назначить начальником генерального штаба Йодля, которого хорошо знал и уважал, а начальником штаба оперативного руководства ОКВ, то есть генерального штаба вермахта, сделать генерала фон Манштейна, произведя заново разграничение его и моих, как начальника ОКВ, компетенций. Гитлер не отверг это предложение сразу, а пожелал переговорить со Шмундтом и обдумать. Вскоре Шмундт сообщил мне, что фюрер хочет оставить Йодля в ОКВ и решил работать с Гальдером; дело наладится, так как тот, по крайней мере, честен, лоялен и послушен.

Мне было ясно — и Шмундт не возражал, — что, сколь высоко [Гитлер] ни ценил Манштейна, он в определенной мере испытывал перед ним страх: боялся его самостоятельных идей и силы его личности. Так же посчитал и Йодль, когда я доверительно рассказал ему о своем предложении: с этим человеком дело у него [Гитлера] не выйдет! После принятия решения я не упускал случая, где только можно, укреплять положение Гальдера по отношению к фюреру, нацеливать его на мысли Гитлера (если я заранее знал их) и давать ему добрые советы. Я делал все, что в моих силах, дабы создать отношения доверия между ними. Ведь в конце концов это было в моих интересах, ибо мне приходилось расхлебывать последствия латентных кризисов доверия. Постепенно я ощутил, что больше не в силах выслушивать ругань по адресу других, словно это моя вина, если нос того или иного генерала не нравится Гитлеру*.

* Фельдмаршал не упоминает здесь о, пожалуй, тяжелейшем конфликте между ним и Гитлером, когда в октябре 1941 г. он в полном отчаянии решил написать рапорт об отставке, а потом застрелиться.

Погодные условия примерно с 10 декабря [1941 г.], после нашего возвращения с заседания рейхстага 11 декабря, всего за несколько дней изменились: период распутицы сменился адским **холодом**, со всеми уже упоминавшимися последствиями для войск, имевших весьма скудное зимнее обмундирование. (...) Но хуже всего было то, что, наряду с невозможностью использования автомашин, полностью отказал и железнодорожный транспорт: [немецкие] локомотивы замерзали, так же как и водокачки.

В этой ситуации первый приказ Гитлера Восточному фронту гласил: стоять, ни шагу назад!!* Это было правильно, ибо отступление — даже на несколько километров — было равнозначно потере всего тяжелого оружия, без которого войска неминуемо погибли бы, не говоря уже о том, что потеря орудий, противотанковых пушек и автомашин явилась бы для армии невосполнимой. Значит, и на самом деле не могло быть другого решения, кроме как стоять до последнего и сражаться, иначе, лишившись оружия, армии пришлось бы пережить отступление, подобное отступлению Наполеона в 1812 г. Но это, разумеется, не исключало хорошо подготовленного ограниченного улучшения позиций путем отхода, если бы только новые позиции твердо оставались в руках командования.

В то время как фронты — и наш, и противника — в общем застыли, западнее Москвы и на центральном участке группы армий «Центр» происходили местные кризисы.

Фельдмаршал Бок** ночью в моем присутствии лично позвонил фюреру и пожаловался ему на генерал-полковника Гёпнера***, который вопреки приказу фюрера распорядился отвести назад линию фронта своей армии, что поставило под сильную угрозу северное крыло соседней армии Клюге. Фюрер пришел в неистовую ярость и немедленно приказал отстранить Гёпнера от командования армией и изгнать его из вооруженных сил за сознательное и преднамеренное неповиновение. Он буйствовал всю ночь и поносил на чем свет стоит всех непослушных генералов — он хочет

* Уже упоминавшийся выше «Стоп-приказ» («фанатическое сопротивление») от 16 декабря 1941 г.

** Следует читать: генерал-фельдмаршал Клюге. История с Гёпнером относится к рубежу 1941/42 г., а его наказание произошло 8 января 1942 г, 18 декабря командование группой армий «Центр» перешло к Клюге, после того как 16 декабря Боку было предложено уйти в отпуск по причине подорванного здоровья.

*** Эрнх Гёпнер, генерал-полковник, командующий 4-й танковой армией (бывшая 4-я группа), был 8 декабря уволен из вермахта за отвод частей своих соединений, который был необходим, но произведен без приказа свыше. Речь шла о спасении 20-го армейского корпуса. Считая с профессиональной точки зрения Действия генерала правильными, Клюге одобрить их не пожелал ввиду известной ему противоположной точки зрения Гитлера. Тем не менее Клюге выступил за справедливое отношение к Гёпнеру. Последний, будучи генералом в отставке, больше никогда на действительной службе не использовался. Рассмотрение дела Гёпнера военным судом, на чем тот настаивал, не состоялось из-за возражения Гитара. Гёпнер принял активное участие в заговоре 20 июля 1944 г. и был казнен * августа того же года.

дать показательный урок и приказом по войскам намерен объявить, как поступил с Гёпнером, дабы предостеречь тех, кто еще раз осмелится действовать самоуправно, вопреки его категорическим приказам.

Аналогичный случай произошел между Рождеством и Новым [1942] годом с Гудерианом. Он командовал [2-й] танковой группой, которая двигалась на Москву с юга, через Тулу, и его войска буквально замерзли. Группа армий «Центр» хотела с разрешения фюрера отвести его группу на запад, чтобы закрыть брешь южнее 4-й армии [фон Клюге]. Гудериан же имел собственный план: он намеревался от рубежа к рубежу отходить вдоль своего маршрута продвижения, поскольку ему пришлось взорвать большинство своих танков, вмерзших в грязь. Фельдмаршал фон Бок* тщетно пытался повлиять на Гудериана, но тот отказался выполнить отданный приказ как невозможный. Тогда фон Бок запросил его смещения, что фюрер немедленно и сделал. Гудериана вызвали к фюреру в ставку. Я присутствовал при разговоре Гитлера с Гудерианом. Вопреки всем доводам фюрера и всем мнениям, Гудериан упорно стоял на своем, утверждая, что действовал правильно. (...) В конце концов фюрер, сохраняя на этот раз полное спокойствие, уступил и даже отпустил Гудериана с пожеланием ему привести свои нервы в порядок после чудовищной нагрузки. (...) Тем самым Гудериан был до особого распоряжения снят и очень страдал от бездействия.

Третий случай произошел в январе [19] 42 г. с генерал-полковником Штраусом**, командующим 9-й армией, находившейся на левом фланге группы армий «Центр». Здесь командир 4-го корпуса Фёрстер и командир одной из его дивизий, по-моему, просто не совладали со своими нервами, и их пришлось отправить домой. (...)

Со всей убежденностью должен констатировать: катастрофы удалось избежать только благодаря силе воли, настойчивости и беспощадной твердости Гитлера. Если бы продуманный план поэтапного отступления в том виде, в каком его желала осуществить в своем узколобом, эгоистическом и диктуемом бедственной ситуацией ослеплении тяжело теснимая и страдающая от жутких холодов (этой причины апатии) группа армий «Центр», не был бы перечеркнут неумолимым и бескомпромиссным сопротивлением и железной энергией фюрера, германскую армию 1941 г. неизбежно постигла бы судьба наполеоновской армии 1812 г.*** Это я, как свидетель и участник событий тех страшных недель, должен

* И здесь тоже речь идет в действительности о фон Клюге, командующем группой армий «Центр». Бок уже находился в отпуске по болезни!

** Адольф Штраус, генерал-полковник, снят с должности по болезни 15 января 1942 г.

*** [Западно] германская историография до сих пор (написано в 1961 г. — *Сост.*) в общем и целом считает, что в данном случае Гитлер инстинктивно действовал правильно.

сказать совершенно определенно. Все тяжелое оружие, все танки и все моторизованные средства остались бы на поле боя. Сознательная возникшая таким образом собственную незащищенность, войска лишились бы также ручного оружия и, имея за своей спиной безжалостного преследователя, побежали бы*. (...) Под бременем этих крайне волновавших нас забот мы и отпраздновали в ставке фюрера безрадостное Рождество. (...)

К началу января [19] 42 г. удалось на всем Восточном фронте изменить существовавшее до начала декабря наступательное построение войск и создать более или менее упорядоченный фронт обороны. Но ни о каком зимнем покое не могло быть и речи. Русские проявляли себя крайне активно и переходили в наступления во многих местах чрезвычайно ослабленного потерями и удерживаемого чуть ли не одними боевыми охранениями, растянувшегося тонкой линией фронта. (...) Инициатива находилась в руках врага, мы были вынуждены перейти к обороне и расплачивались за это ощутимыми потерями. (...) Сухопутные войска потеряли за первые месяцы зимы более 100 тыс. человек, в декабре [19] 41-го и начале [19] 42 г. — вдвое больше. Армия резерва отдала всех рекрутов, включая контингент [19] 22 г. рождения. (...)

Но все эти меры уже не смогли хотя бы приблизительно восполнить понесенные потери сухопутных войск на Востоке, так что состав дивизий неизбежно пришлось сократить с девяти батальонов до семи, одновременно значительно пополнить их за счет нестроевых и дивизионных тыловых служб и подразделений снабжения. С этой первой акции в феврале [19] 42 г. началось мое хождение по мукам в уже никогда не кончавшейся борьбе с гражданскими властями военной экономики за людей для сохранения боевой силы вермахта, в первую очередь — сухопутных войск. Если сравнить с ними, то потребность в пополнении у военноморского флота и авиации была незначительна, но зато, что касается войск СС, она резко увеличивалась, как ненасытный насос выкачивая цвет немецкой молодежи. При содействии фюрера войска СС сумели явными и скрытыми, законными и незаконными средствами пропаганды и косвенного давления заманить в свои ряды самые ценные силы молодежи, лишив тем самым армию лучших элементов для подготовки ее будущих офицеров и унтер-офицеров.

Все мои представления на этот счет фюреру, который все же не мог оставаться полностью глухим к моим аргументам, результаты не имели. Каждое подобное обсуждение приводило к вспышкам гнева совсем не по существу: он, мол, знает наше недоброжелательное и отрицательное отношение к его войскам СС; ведь они — элита, воспитанная в духе его мировоззрения, а вот это-то

* Это утверждение (например, по мнению Гудериана) вполне естественно
отражает оторванную от фронтовой действительности аргументацию ОКВ, сидящего в далекой Восточной Пруссии!

армия и отвергает. Его неизменная воля — давать войскам С(f столько отборной молодежи, сколько пожелает в них вступить, а потому число добровольцев — не ограничивать. (...) Неудивительно, что боевая ценность армии, уже давно потерявшей своих самых храбрых офицеров и самых лучших унтер-офицеров, все более снижалась, поскольку она не получала полноценной замены и пополнение ее по большей части шло за счет лишаемых **брони** рабочих военной промышленности, а также выздоравливающих, возвращающихся на фронт из госпиталей. (...) Наряду с этим сухопутные войска черпали необходимое пополнение и из так называемых «акций прочесывания» в самом рейхе и многочисленных формирований и учреждений фронтовых тылов. (...) О ценности всех этих пополнений говорить не приходится. (...) Поэтовму нечего удивляться тому, что боевой дух и готовность к самопожертвованию постоянно падали. Фюрер, как старый фронтовик [19] 14—[19] 18 гг., не мог не считаться с этими соображениями, но утешался тем, что у противника дела будут выглядеть точно так же, если еще не хуже. (...)

Только с началом периода весенней распутицы или в начале апреля [19] 42 г. осуществлявшиеся русскими по всему фронту частные наступления стали сокращаться. Они явно предпринимались для того, чтобы ни в коем случае не давать нам покоя, а на*ступлениями в различных пунктах без четко различимой опера*тивной цели создавать кризисные точки. (...) Собственно, опасными были только глубокие клинья южнее Орла и Демьянский котел. Если последний пришлось сдать, то на юге, восточнее Полтавы, возникли шансы на успех сражения на охват и уничтоже^ние, тем более что погода и состояние почвы позволили вести здесь операции примерно на четыре недели раньше, чем на центральном и северном участках Восточного фронта. Кроме того* русские постоянным сосредоточением здесь своих сил для таких наступлений сами услужили нам: дали стоящую цель. Ввиду этого Гитлер решил предварить задуманную им лично крупную летнюю операцию независимой от нее, самостоятельной операцией против русского клина, нацеленного на Полтаву.

Выдвинутый Гитлером план этой операции* — а ее идея принадлежала только ему одному — после уже невосполнимого истощения сил и ввиду необходимости быть готовыми к обороне повсюду не мог быть более возобновлением генерального наступления по всему фронту. Поэтому он избрал целью операции **прорыв** на северном крыле группы армий «Юг», которой после смерти Райхенау** командовал фельдмаршал фон Бок. После **танкового** прорыва в направлении Воронежа группа армий на Дону, непре-

* Директива фюрера № 41 от 5 апреля 1942 г. о летнем наступлении [операция «Блау» («Голубая»)].

** Генерал-полковник Райхенау скончался 17 января 1942 г. от апоплексического удара, произошедшего с ним в штабе группы армий «Юг» в Полтаве.

рывно укрепляя свое северное крыло, должна была смять русский фронт вдоль Дона и пробиться этим крылом до Сталинграда, а южным — до Кавказа, овладеть нефтяными районами на его южных склонах и захватить перевалы через Кавказский хребет. Между тем как сюда стягивались со всего Восточного фронта все те силы (особенно танковые армии), без которых можно было обойтись в других местах, одновременно ставилась задача овладеть Крымом и оттуда, с Керченского полуострова, пробиться в кавказский нефтяной район. На это и были нацелены подготовительные меры ОКХ с начала марта того года.

Целью и смыслом операции для фюрера было следующее: действуя на первом наступательном направлении — на Воронеж, примерно на полпути между Москвой и районом Донецка, ввести русских в заблуждение относительно собственного замысла, дезориентировать их, внушить им впечатление о намерении повернуть на север, на Москву, чтобы сковать там их резервы. Далее он хотел перерезать различные железные дороги (север — юг) между Москвой и промышленными и нефтяными областями, неожиданным и быстрейшим поворотом войск вдоль Дона, на юг, захватить сам Донецкий угольный бассейн, овладеть нефтяным районом Кавказа и у Сталинграда преградить путь водному транспорту по Волге, по которой с помощью сотен танкеров шло обеспечение войск нефтью из Баку. Войска союзных государств (Румынии, Венгрии и Италии) должны были своими примерно 30 дивизиями прикрывать растянутый северный фланг этой операции вдоль служившего водной преградой Дона, где они казались защищенными от предполагаемых наступлений через его русло.

Еще в мой визит в Бухарест в октябре [1941 г.] по случаю парада победы после взятия Одессы я подробно говорил с Антонеску насчет его помощи войскам в [19] 42 г. В атмосфере радости в связи с возвращением Бессарабии и захватом Одессы — давней мечты румын — договориться с ним было нетрудно. Само собою разумеется, не обошлось без мелочного торга насчет поставок оружия и боеприпасов. Болезненным пунктом снова стало решение Венского арбитража о передаче Румынией Венгрии (и притом большей части) Зибенбюргена (Трансильвании. — *Сост.*). Поэтому Антонеску требовал, чтобы Венгрия выставила на [19] 42 г. такой же контингент войск. Если она такого участия не примет, это будет опасно для Румынии, ибо, по его мнению, счеты с Венгрией Должны быть сведены. Та держит на румынской границе сильную группировку войск, и он поступит так же в отношении Венгрии, а это значительно ограничивает его участие в войне против России. С моим мнением, что во время военного столкновения, освобождающего обе страны от гигантской угрозы большевизма, война между Румынией и Венгрией — безумие, он посчитаться не пожелал, хотя непосредственно угрожавшая им опасность была ликвидирована всего несколько недель назад. (...)

Так или иначе, Антонеску обязался и дальше участвовать в

войне на Востоке с контингентом примерно в 12 дивизий при условии, если мы гарантируем модернизацию и пополнение их вооружения, на что я, разумеется, согласился, как ни трудно это было. Удовлетворить румынскую армию было легче еще потому, что она была оснащена преимущественно оружием французского производства и мы могли легко сделать это за счет трофеев. Кстати, в Бухарест мне пришлось отправиться потому, что Гитлер приглашение отклонил, а Геринг поехать не захотел, поскольку из-за недопоставок Румынией нефти у него с Антонеску сложились враждебные отношения. (...)

Муссолини с его тщеславием никак не смог перенести того, что Румыния и Венгрия на основании моей договоренности примут участие в кампании [19] 42 г. в России. И вот он — без нашего обращения к нему — тоже предложил контингент в 10 дивизий, от которых фюрер отказаться не сумел. Это должны были быть, по оценке нашего уполномоченного в Риме генерала фон Ринтелена, отборные дивизии, в том числе четыре или шесть альпийских дивизий, — словом, лучшее, что имелось у итальянцев. (...) Их переброска по транспортно-техническим причинам должна была осуществиться только летом, ибо прежде следовало перевезти немецкие войска, необходимые для сосредоточения в целях летнего наступления.

Положение на железнодорожном транспорте никогда не соответствовало потребностям вермахта и военной экономики, (...) В [19] 42 г. ситуацию с железными дорогами можно было назвать не иначе как катастрофической. (...) Партизаны постоянно разрушали железнодорожные пути, неоднократно производя по 100 взрывов за ночь.

Весенняя операция в районе Полтавы началась в последний момент, когда русские глубоко вклинились в линию фронта, что грозило прорывом слабым, все еще растянутым оборонительным силам. Фельдмаршал фон Бок хотел ввести в бой предоставленные в его распоряжение для контрудара и частично еще подбрасываемые силы там, где намечалась опасность прорыва противника в западном направлении. Фюрер же, как главнокомандующий сухопутными войсками, считал, что контрнаступление следует предпринять на базе дуги вклинения, по хордовому направлению, чтобы таким образом отрезать противника, оказавшегося в мешке. Однако фон Бок боялся, что с этим маневром не успеет. Тогда Гитлер вмешался сам и приказал действовать в соответствии с его планом. Он оказался прав: в стадии наибольшего кризиса битва превратилась для русских в решающее поражение с неожиданно большим числом военнопленных*. (...)

* Эти высказывания относятся ко второму сражению под Харьковом в мае 1942 г., в котором попытка Советов вклиниться в боевые порядки сосредоточенных немецких войск окончилась тяжким поражением войск маршала Тимошенко. Но правильное решение здесь принял не Гитлер, как главнокомандующий сухопутными войсками, а начальник его генерального штаба Гальдер.

Ввиду недостатка времени я вынужден отказаться от описания той проведенной по замыслу Гитлера операции, которая нашла свой конец на Кавказе и на Волге, в Сталинграде, и стала началом поворота в ходе Восточного похода. Хочу зафиксировать здесь только несколько эпизодов.

Первым и совершенно необъяснимым тогда событием явилась публикация копии плана наступления (...) в прессе западных противников. Во всяком случае, одна из фраз «основополагающей директивы» фюрера была воспроизведена настолько точно, что никакими сомнениями в предательстве быть не могло. Недоверие фюрера к тем штабам, которым была поручена предварительная разработка плана, получило новую пищу. Он снова всячески поносил генеральный штаб, который один только и мог служить источником измены. Как выяснилось уже зимой, предателем оказался мобилизованный из запаса офицер штаба оперативного руководства Главного командования военно-воздушных сил*, служивший там в разведывательном отделе и имевший связь с органами вражеской разведки. Удалось выйти на след действовавшей в Берлине крупной организации, и в декабре в Имперском военном суде состоялся процесс, на котором был вынесен ряд приговоров. (...) Хотя речь шла преимущественно о гражданских лицах (мужчинах и женщинах), вышеназванный офицер, обер-лейтенант Шульце-Бойзен, вместе со своей женой был одним из тех, кто передавал противнику военные сведения. До тех пор пока они не были разоблачены, Гитлер, имевший предвзятое мнение, возводил поклеп на ни в чем не повинный генеральный штаб**. (...)

Второй бедой стала [вынужденная] посадка в нейтральной полосе — между передовыми линиями — самолета с офицером штаба одной дивизии, везшего основной боевой приказ об использовании в предстоящем крупном наступлении корпуса генерала Штумме; произошло это за несколько дней до его начала. Злосчастный офицер во время полета сбился с маршрута, вместе со всеми приказами был схвачен русскими и убит на месте. Гитлер выразил невероятное возмущение замешанными в этом начальниками. В результате дело командира корпуса, начальника штаба и командира дивизии слушалось в Имперском военном суде под председательством Геринга. Благодаря ему и при моем содействии

* Речь идет об обер-лейтенанте авиации Харро Шульце-Бойзене, который вместе со старшим правительственным советником Арвидом Харнаком возглавлял крупную организацию антифашистского Сопротивления, известную под названием «Красная капелла». Члены этой организации своей разведывательной деятельностью помогали Советскому Союзу, поскольку видели в его лице главную силу, способную разгромить гитлеровский фашизм. Руководители организации были повешены, большинство участников — гильотинировано или расстреляно. Многие из них были посмертно награждены орденом Отечественной войны. *Примеч. сост.*

** Под присущим ему углом зрения и в меру своих знаний фельдмаршал обрисовал здесь, воздвигая работы широко разветвленной коммунистической группировки «Красной капеллы», Жена Шульце-Бойзена Либертас (урожд. Хаас-Гейе) являлась внучкой князя Филиппа Эйленбурга.

все осужденные так или иначе были помилованы и затем вновь использованы на других должностях*. Испытанный боевой генерал Штумме, став заместителем Роммеля, погиб через несколько месяцев в Северной Африке.

После того как в ходе трехдневного сражения удался прорыв на Воронеж и бои теперь шли в самом городе за переход через Дон, проявилось первое недовольство Гитлера командованием группы армий фон Бока, поскольку она, на его взгляд, крепко вгрызлась там, вместо того чтобы, не забывая о судьбе Воронежа, а также за свои фланги и тылы, неудержимо поворачивать на юг и наибоьстрейшим темпом захватить территорию вдоль Дона.

Я видел, как в конфликте с Гальдером снова назревает кризис командования, и посоветовал фюреру самому полететь к фельдмаршалу Боку для ознакомления на месте. Я сопровождал фюрера в полете. (...) Как и обычно, фюрер изложил фон Боку свою основную идею в дружеском тоне и обсудил желаемое продолжение операции. Царило настроение большой удовлетворенности, но я был разочарован, ибо то, что фюрер, собственно, желал, а также то, что днем раньше однозначно считал ошибочным, он теперь высказывал осторожными намеками. Это меня разозлило, и я даже, изменив своей обычной выдержке (исключительный случай!), прямо сказал Боку, чего именно желает фюрер, и ожидал, что Гитлер заговорит более определенно. Момент оказался неудачным: все отправились завтракать. Но я воспользовался случаем и вполне четко дал понять начальнику штаба группы армий генералу фон Зоденштерну, ради чего фюрер явился сам и что он хочет. После завтрака, прошедшего, как и совещание, в приподнятом настроении, мы вылетели обратно в ставку фюрера**.

На деле эффект оказался негативным, и уже на следующий день, когда Гальдер докладывал обстановку, Гитлер взорвался, обрушившись на якобы неповинующихся генералов и бездарное командование группы армий. А виноват был сам фюрер, ибо он, по моим наблюдениям, лишь ходил вокруг да около, вместо того чтобы четко сформулировать, чего же он хочет. Нам, Гальдеру, Йодлю и мне, снова пришлось подчиниться.

Я упоминаю этот эпизод, чтобы показать часто наблюдающуюся мной манеру Гитлера «вести парламентские переговоры» с чуж-

* 19 июня 1942 г. начальник оперативного отдела [1а] штаба 23-й танковой дивизии майор генерального штаба Райхель на самолете «Шторьх» был сбит между линиями фронтов. Он вез приказы для первой стадии операции «Блау». Командир 40-го армейского корпуса генерал-полковник кавалерии Штумме, начальник его штаба полковник генерального штаба Франц и командир 23-й танковой дивизии генерал-лейтенант барон фон Бойнебург-Ленгфельд были преданы суду. Приведенные Паулюсом в его воспоминаниях выдержки из дневника фельдмаршала Бока о его беседе с Кейтелем и Гитлером не позволяют предположить, что Кейтель в тот момент пытался воздействовать на решение их судьбы в смягчающем духе. Судя по его натуре, это могло случиться лишь позже.

** Это посещение Гитлером штаба группы армий «Юг» имело место примерно 4 или 5 июня 1942 г.

дыми ему по духу генералами высокого ранга. У меня сложилось такое впечатление, что, испытывая определенную скованность или смущение, он проявлял неуместную сдержанность, в результате чего — правда, лишь изредка — возражавшие ему генералы даже не схватывали суть или серьезность ситуации — во всяком случае, многим из них даже в голову не приходило, что тем самым они навлекают на себя подозрение в том, что идут наперекор ему и не признают его, Гитлера, в качестве компетентного в военном деле фюрера и главнокомандующего. В этом отношении, не говоря уже о подозрительности, Гитлер был крайне чувствителен и обидчив. Мысль о смещении фон Бока, таким образом, у него уже зародилась, и через несколько недель его место занял фельдмаршал барон Вейхс*.

Для Кавказской операции предназначалась вновь сформированная группа армий «А»**, был образован ее штаб. Открытым оставался вопрос о подходящем командующем. Гальдер и я, независимо друг от друга, предлагали фельдмаршала Листа***. Гитлер все никак не мог решить этот вопрос, не объясняя конкретно, что именно он имеет против Листа. Когда ждать больше стало нельзя! Гальдер и я наедине переговорили с Гитлером; после долгих колебаний он согласился. Но уже на первом этапе действия этой группы армий, которая должна была наносить удар через Ростов, а оттуда веерообразно пробиваться в Кавказскую низменность, привели к необоснованному обвинению Листа: он, мол, помешал танковой части СС ворваться в Ростов, выступил слишком поздно, атаковал чересчур вяло и т. п., хотя каждый из нас знал, что он действовал согласно данному ему приказу.

Через несколько недель Лист был вызван на доклад в Винницу, где находилась ставка фюрера****; я оставался в Берлине. (...) По возвращении мне пришлось выслушать упреки Гитлера в том, что именно я предложил этого непригодного человека, который произвел самое дурное и отрицательное впечатление*****, явившись на доклад с картой неподходящего масштаба, без обозначения на ней собственных войск и т. д. Когда я возразил, что

* Барон Максимилиан фон-унд-цу Вейхс ан дем Глон, тогда генерал-полковник, командовал группой армий «Б» (бывшей «Юг») с 15 июля 1942 г. по 14 февраля 1943 г.

** Группа армий «А» не являлась новым формированием, а была образована из частей группы армий «Юг», 17-го армейского корпуса и (временами) 4-й танковой армии, а также румынских и словацких соединений.

*** Вильгельм Герман Лист, генерал-фельдмаршал, командовал группой армий «А» с 15 июля по 9 сентября 1942 г.

**** 16 июля 1942 г. Гитлер вместе со штабом оперативного руководства вермахта переместился в передовую ставку «Вервольф», располагавшуюся в сосновых лесах вблизи шоссе Винница — Житомир; ОКХ размещалось в самой Виннице. Лист явился на доклад в «Вервольф» 31 августа 1942 г.

***** Отрицательное отношение Гитлера к генерал-фельдмаршалу Листу предположительно объяснялось тем, что тот примерно в 1931 г., будучи начальником пехотного училища в Дрездене, резко выступал против распространения национал-социалистических идей среди обучавшихся в нем будущих офицеров.

он, Гитлер, сам запретил брать с собой в полет карты (с нанесенными на них войсками), тот напал на меня; Геринг, присутствовавший при докладе Листа, тоже был этим возмущен. (...)

Новый кризис породил тогда и неудачный полет Йодля в горнострелковый корпус, который вместе с главными силами на Кавказе вел бои за овладение горными проходами к Черному морю. Переговорив с командиром [49-го] горнострелкового корпуса [генералом горнострелковых войск] Конрадом и фельдмаршалом Листом о бедственном положении, Йодль по возвращении, вечером, доложил обстановку фюреру, присоединившись к точке зрения Листа, что задача невыполнима. (...) Этот доклад Йодля, выражавший взгляд его [Листа] и самого Йодля, вывел фюрера из себя и вызвал неопиcуемый взрв ю ярости*. И на сей раз это было проявлением скрытого кризиса доверия и плодом большого воображения, будто генералы устроили против него заговор и хотят жалкими увертками саботировать его приказы. Он вбил себе в голову идею: преодолев западные отроги Кавказского хребта, захватить прибрежное шоссе на Черном море; генералы же не видят достоинств этой тактики и потому оппозиционны к ней. О том, что огромные трудности подвоза и снабжения по горным тропам эту операцию исключают, он и слышать не хотел.

Таким образом, безудержный гнев Гитлера разрядился на Йодле и на мне как инициаторе его поездки; мне было приказано вылететь на следующий день к Листу в Сталино и уведомить его, что он от командования армией отстранен и должен вернуться в распоряжение фюрера для дальнейшего использования**. Я так никогда и не узнал, кто же подстрекал его против Листа, этого армейского военачальника высокой квалификации, который особенно зарекомендовал себя во Франции и на Балканах. Полагаю, это шло от политической верхушки, Гимmlера или Бормана***. Иначе все это загадка.

Последствия для Йодля и для меня (...): Йодлю пришлось [на время] исчезнуть****, несмотря на мое заступничество как ответственного за его действия начальника; сам я потерял всякий

* Вероятно, за этой вспышкой гнева стояло гораздо большее: главное — осознание того, что захват кавказских нефтяных месторождений оказался невозможным. А ведь именно Гитлер со времени своего посещения штаба группы армий «Юг» в Полтаве 1 июня 1942 г., то есть перед наступлением, назвал его главной предпосылкой победы.

** Фельдмаршал Лист нового назначения не получил. Группа армий «А» до 22 ноября 1942 г. находилась под личным командованием Гитлера как главнокомандующего сухопутными войсками, которое он осуществлял из своей ставки «Вервольф» в Виннице.

*** Мартин Борман — начальник Партийной канцелярии НСДАП с 1941 по 1945 г.

**** Да его место фюрер предполагал назначить командующего действующей под Сталинградом 6-й армии генерала танковых войск Паулюса, прежде занимавшего должности 1-го обер-квартирмейстера (начальника оперативного управления. — *Сост.*) и заместителя начальника генерального штаба.

кредит, но в отставке или назначении на другую должность мне было отказано, хотя Геринг и обещал добиться этого от фюрера. Застольное общество при трапезах распалось, теперь все встречи с нами постоянно стенографировались. 30 января [19] 43 г. фюрер, здороваясь, впервые снова протянул мне руку. Гальдер тоже не остался не затронутым этой ссорой из-за Листа. Операции на Кавказе и севернее чрезмерных надежд Гитлера не оправдали. (...) Наступление русских против группы армий «Центр» западнее и юго-западнее Москвы, которое должно было облегчить положение находившегося под большой угрозой русского Южного фронта, тоже создало серьезную обстановку.

Гальдер справедливо оценивал общее положение как неудовлетворительное, несмотря на захват в результате нашей операции огромной территории. Так же как Йодль и я, Гальдер, наряду с опознанными и опознаваемыми критическими точками, ожидал появления где-либо оперативных русских резервов, которые, по его мнению, противник пока еще приберегал до поры до времени. Боевые действия русских во время крупного наступления на юге приобрели новый характер; число военнопленных, в сравнении с прежними битвами на окружение, стало незначительным. Противник своевременно избегал грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовал большой территориальный простор, уклоняясь от задуманных нами ударов на уничтожение. Именно в Сталинграде и в прилегающем к нему районе, а также на горных перевалах он оказывал упорное сопротивление, ибо больше не боялся оперативных охватов и обходов.

Хотя в результате использования войск наших союзников в полосе вдоль Дона вперемешку с отдельными немецкими дивизиями и, удалось продвинуть главные силы 6-й армии вплоть до района Сталинграда, сил хватало только на местные бои в нефтеносных районах и под Сталинградом, куда перемещался центр тяжести. В остальном же широко растянутый фронт на наступательные действия с целью прорыва способен не был. Гальдер справедливо видел опасность на донском фланге, где южнее Воронежа стояли венгры с примыкавшими к ним итальянцами, в то время как на крыле западнее Сталинграда были введены румыны. Хотя фюрер всегда держал в поле зрения возможную угрозу на донском фланге, а доверие его к союзникам было невелико, водную преграду Дона — по крайней мере, пока тот не замерзнет — он оценивал столь высоко, что был готов пойти на определенный риск.

Сотрудничество [Гитлера] с Гальдером держалось больше на рассудке, чем на доверии, а тем более на взаимной симпатии, а потому по мере увеличивающейся напряженности положения все сильнее ощущалось отчуждение, выражавшееся отчасти в резком обращении, уничижительной критике со стороны фюрера, а подчас и в острой конфронтации. В такой форме Гитлер выражал свое разочарование застрявшим наступлением, свое возмущение раздававшимися со стороны ведущей тяжелые оборонительные бои

группы армий «Центр» призывами о помощи, на которых Гальдер акцентировал его внимание.

Свое неудовольствие Гитлер должен был обязательно выместить на ком-нибудь. Уже в конфликте с Йодлем и со мной он показал неумение владеть собой. Впрочем, его невыносимая раздражительность во многом объяснялась и тем жарким континентальным климатом в Виннице, который он не выносил и который, как неоднократно говорил мне его личный врач профессор Морель, ударял ему в голову. Лекарственные средства не помогали; даже постоянное поливание водой его бункера и помещения для докладов давали лишь временное облегчение. Да и сама эта ситуация вытекала из невысказанного осознания того факта, что огромный расход сил, который уже больше не повторить, ни в коей мере не отвечал сравнительно незначительному до сих пор расходу сил русскими. Гальдер почти ежедневно ожидал Гитлера с цифрами в руках, показывая, какие еще соединения имеются у противника в качестве оперативных резервов, сколько у того танков и как увеличивается число их [материалы генерала Томаса*], и приводя данные о мощностях военной промышленности Урала и т. п. Это до крайности обострило противоречия между ним и фюрером.

Мне было запрещено докладывать «пораженческие» донесения генерала Томаса; это все его фантазии, он [Гитлер] не допустит этого и т. п. Прямо на глазах усиливалась критика Гальдера: он — нытик и пессимист, заражает командующих своими причитаниями и т. д. Мне стало ясно: мы опять пришли к тому же — ищут виновника, чтобы сделать его козлом отпущения.

Когда Гитлер в присутствии генерала Шмундта сообщил мне, что хочет избавиться от Гальдера**, я все-таки нарушил свой твердый принцип — после истории с фельдмаршалом Листом никаких персональных предложений не выдвигать — и, не желая пустить дело на самотек, энергично высказался за генерала Манштейна в качестве преемника Гальдера. Гитлер эту кандидатуру отклонил, на сей раз обосновав тем, что не может лишиться его как командующего. После долгих колебаний я настойчиво предложил тогда назначить генерала Паулюса. Последовало категорическое «нет»: Паулюс по завершении боев за Сталинград должен сменить генерала Йодля, это — дело решенное, ибо с Йодлем он [Гитлер] в дальнейшем работать не хочет, решение им уже принято и все обговорено со Шмундтом. Тот завтра летит в Париж и привезет с собой генерала Цейтцлера [начальника штаба группы армий «Запад», которой командовал Рундштедт], он [Гитлер] желает сделать его начальником своего генерального штаба. Я заявил,

* Георг Томас, генерал пехоты, до 1 октября 1942 г. — начальник Управления военной экономики ОКВ; находился в напряженных отношениях с министром вооружения и боеприпасов Шнеерюм.

** Генерал-полковник Гальдер был снят с должности начальника генерального штаба сухопутных войск 24 сентября 1942 г., нового назначения не получил, а после заговора 20 июля 1944 г. был арестован.

что Цейтцлер совершенно незаменим для Запада, и настоятельно предостерег отзываться о нем отсюда в нынешнем положении, к тому же он не тот человек, какого ищет фюрер и какой ему нужен; я могу судить об этом, поскольку очень хорошо знаю Цейтцлера, хотя и считаю его блестящим начальником штабов армии и группы армий. Ни одно мое предложение успеха не имело; фюрер явно был заодно со Шмундтом, и тот свою миссию выполнил.

В тот же день 24 сентября Гальдер в моем присутствии был вызван к Гитлеру. Тот произнес длинную речь, в которой объявил, что в дальнейшем работать с ним не может, а потому решил взять себе другого начальника генерального штаба*. Гальдер выслушал его молча, встал и вышел со словами: «Я убываю».

Через два дня началась эра Цейтцлера, действовавшего в тесном союзе с Шмундтом, который и был инициатором этого выбора. Цейтцлер по праву привлек к себе внимание фюрера. Он участвовал в польской войне начальником штаба корпуса, в Западном походе — начальником штаба танковой группы Клейста [прорыв через Седан на Абвиль] и особенно проявил себя как организатор береговой обороны на Атлантическом валу; внес значительный вклад в отражение попытки англичан летом [19] 42 г. высадиться у Дьеппа. В конечном счете я был особенно заинтересован в выборе начальника генерального штаба сухопутных войск: наконец-то на этом влиятельном в армии посту оказался человек, пользовавшийся доверием Гитлера. Уже одно то, что мне теперь не придется ежедневно бороться с его недоверием, было ощутимым облегчением. Кроме того, Йодль и я надеялись на гармоничное сотрудничество с Цейтцлером, поскольку тот в течение ряда лет был у Йодля начальником оперативного отдела [1а] и не только знал, но и убежденно разделял основные идеи командования вермахта. Нашим первым и тяжелейшим разочарованием явилось то, что произошло прямо противоположное: Цейтцлер не только отмежевался от нас, но и намеревался ни более ни менее как отстранить нас от принятия решений по Восточному фронту — зачастую он докладывал [Гитлеру] обстановку с глаза на глаз, ибо явно считал Йодля лицом, односторонне заинтересованным в положении на других театрах войны, и боялся нашего влияния на фюрера. (...)

В Северной Африке летом [19] 42 г., несмотря на тропическую жару, победное шествие Роммеля** с его двумя танковыми и одной

* Гальдер в своей книге «Гитлер как полководец» свидетельствует, что однажды при его докладе о ежемесячном выпуске советских танков в количестве 1200 единиц Гитлер набросился на него с кулаками. Во время последней беседы Гитлер дал ему понять, что постоянная борьба с начальником генерального штаба стоила ему половины нервных клеток, а дело того никак не стоит.

** Эрвин Роммель, генерал-фельдмаршал, командующий танковой армией «Африка». После 20 июля 1944 г. за участие в заговоре он, по приказу Гитлера, в октябре 1944 г. был принужден начальником Управления личного состава ОКХ генералом Бургдорфом покончить жизнь самоубийством, приняв яд. *Примеч. сост.*

легкой дивизиями при участии итальянских соединений и при отличной поддержке воздушным флотом [генерал-фельдмаршала] Кессельринга привело к неожиданным успехам. (...) Сам Роммель, за один год произведенный из генерал-лейтенантов в фельдмаршалы, срочно нуждался в восстановлении подорванного тропическим климатом здоровья и отправке на родину*, после того как он организовал оборону захваченного участка фронта [западнее Александрии]. Справедливо задают вопрос, что смог бы совершить этот удалой и осыпанный милостями танковый военачальник со своими войсками, если бы он действовал там, где должна была решиться судьба Германии?

Новый начальник генерального штаба сухопутных войск получил тяжелое наследие. Упорные и малоуспешные бои на северных отрогах Кавказа, неустойчивое положение на слабом степном фронте между горами и Сталинградом, тяжелейшие бои в самом Сталинграде и вокруг него, огромные опасности на Донском фронте для наших союзников. (...) Зловещим был вопрос: где начнет русский отвлекающее наступление, где его оперативные резервы?

Борьба в Сталинграде притягивала одну дивизию за другой как магнит. (...) Хотя удалось достигнуть Волги севернее, южнее Сталинграда и внутри самого города бои разгорались за каждый дом и за его гигантские заводские сооружения. (...) С трудом осуществленное продвижение, блестящие успехи в оборонительных боях севернее города, между Волгой и Донской петлей, усиливали упорное стремление захватить последние городские кварталы, а также надежду завершить достижение поставленной цели — близкой победы над Сталинградом. Честолюбие командования и войск армии Паулюса наверняка вдохновляло их тогда на то, чтобы закончить битву полным успехом. Вопрос о том, содействовало ли и насколько именно высшее командование в возникшей позднее катастрофе, я оставляю открытым.

Правильно предпринятое с оперативной точки зрения, отвлекающее советское наступление в декабре** смело [3-ю] румынскую армию и тем обнажило глубокий фланг 6-й армии Паулюса в Сталинграде. Не допустить катастрофы могло только одно решение: сдача Сталинграда и отступление всей сталинградской [немецкой] армии на запад***. (...) Для меня нет никакого сомнения, что тогда в любом случае удалось бы спасти 6-ю армию и, вероятно, разбить русских, но только, повторяю, ценой сдачи Сталинграда и берега

* Это должно было служить объяснением, почему генерал-фельдмаршал Роммель с начала британского наступления в октябре 1942 г. находился в Германии. Его преемник, генерал кавалерии Штумме, как уже отмечалось, погиб в начале второй битвы за Эль-Аламейн.

** Правильно: в ноябре! Советское контрнаступление в районе Сталинграда началось 19 ноября 1942 г.

*** Насколько известно [немецкому] издателю из устных свидетельств об обсуждении обстановки в конце ноября 1942 г., фельдмаршал эту точку зрения тогда не высказал!

Волги. Все самое ужасное, что явилось следствием полного окружения армии Паулюса в районе Сталинграда в [декабре 1942 г. и] январе [19] 43 г., — запрещение прорыва, идти на который было уже слишком поздно, тщетные попытки осуществить снабжение по воздуху, запоздалое и предпринятое слишком слабыми силами контрнаступление с целью освобождения [из окружения] 6-й армии — принадлежит к моим самым кошмарным воспоминаниям. Я не могу обрисовать эту драму, для этого у меня нет здесь материалов. (...)

Сдача Сталинграда означала, разумеется, тяжкий ущерб для престижа, потерю целой армии, а в результате созданной этой потерей оперативной обстановки — такое отступление, которое было равнозначно проигранной кампании [19] 42/[19] 43 г., сколь гениально она ни была бы задумана. Неудивительно, что оживились критики, а русские получили огромный стимул для продолжения войны. Наш последний козырь оказался бит.

Но совершенно независимо от спасения армии Паулюса или от ее потери для предотвращения надвигающегося проигрыша всего Восточного похода имелся лишь один выход: стратегическое отступление на самую кратчайшую линию фронта (...), то есть от Черного моря или Карпат до Чудского озера. Создать такой фронт как оборонительную позицию, укрепить и удерживать его всеми еще имеющимися в распоряжении средствами, в достаточной мере усиливая резервами, было, как я считаю, достижимо.

К. 29.9 [19] 46 г.

Из книги: Generalfeldmarschall Keitel. Verbrecher oder Offizier? Erinnerungen, Briefe, Dokumente des Chefs OKW herausgegeben von Walter Gorlitz. Musterschmidt-Verlag. Berlin — Frankfurt am Main, 1961.
На русском языке публикуется впервые

ФРАНЦ ГАЛЬДЕР

*Генерал-полковник,
начальник генерального штаба сухопутных войск*

I

«КОЛОСС РОССИЯ БЫЛ НАМИ НЕДООЦЕНЕН» *

(Из военного дневника)

4
1

Франц Гальдер (1884—1972), генерал-полковник, участник первой мировой войны. С 1938 г. — начальник генерального штаба сухопутных сил. Принимал активное участие в создании вермахта, в подготовке и осуществлении агрессии против Польши, Франции, Великобритании, Советского Союза и других стран. В связи с провалом планов войны против СССР, а также ввиду личных и оперативных разногласий с Гитлером в 1942 г. снят с этого поста. После разгрома нацистской Германии — в американском плену.

•I

22.6.1941 г.

(...) Общая картина первого дня наступления такова: противник был захвачен нападением врасплох. Тактически он не был развернут для обороны. Его войска в приграничной зоне находились в своих обычных местах расположения. Охрана границы в целом была плохой.

4

Тактическая внезапность привела к тому, что вражеское сопротивление непосредственно на границе оказалось слабым и неупорядоченным, а потому нам удалось повсюду захватить мосты через приграничные реки, прорвать находившиеся вблизи границы позиции пограничной охраны (полевые укрепления).

После первого шока противник вступил в бой.

Наступлением наших дивизий на всех участках противник был отброшен с боями в среднем на 10—12 км. Тем самым был открыт путь моторизованным соединениям. (...)

30.6.1941 г.

Во второй половине дня посещение Фюрером в походном лагере. (...)

Фюрер подчеркивает:

а) срочно овладеть Финским заливом, ибо только после того, как русский флот будет ликвидирован, станет возможно свободное судоходство по Балтийскому морю (подвоз железной руды). На овладение русскими морскими портами с суши следует рассчитывать в течение 3—4 недель, пока не будут окончательно потоплены вражеские подводные лодки. 4 недели означает 2 млн т руды;

* Заглавие дано составителем.

б) значение Украины для продовольственного снабжения и промышленности. Ему представляется важным как можно быстрее наступать соединениями группы армий «Север» на Ленинград, не дожидаясь подхода моторизованных частей. (...) Он рассчитывает, что нам удастся достигнуть Смоленска к середине июля. Москва может быть взята пехотными соединениями только в августе. **Одних танковых сил для этого недостаточно.** (...)

За чаем — по большей части политические беседы. Европейское единство в результате совместной войны против России. **Внутреннее** положение в Англии. Возможности дальнейшего развития наших отношений с Турцией расцениваются как бесперспективные. Афганистан и другие малые народы, будучи освобождены **от** страха перед русскими, могут также активно сотрудничать с нами.

Будущие задачи Германии — подчеркнуто континентальные. Они не должны вредить нашим притязаниям на колониальную империю, которая должна охватывать Того и Камерун, включая Бельгийское Конго. Восточная Африка — желательна, но не необходима.

3.7.1941 г. (12-й день Восточной кампании)

(...) Поскольку в Новгородском котле враг больше активности не проявлял, можно уверенно предполагать, что на Белостокской дуге противник, силу которого один пленный русский командир корпуса оценивает в 15—20 дивизий, за совершенно незначительным исключением, разбит наголову. Перед фронтом группы армий «Север» надо считать полностью уничтоженными 12—15 дивизий. Наблюдающиеся перед фронтом группы армий «Юг» признаки отступления и развала наверняка объясняются не желанием командования отвести войска, а тем, что противник вследствие жестоких ударов по нему расчленен и большей частью разбит. В общем и целом можно уже сейчас сказать: задача разгромить главные силы противника до выхода на Двину и Днепр выполнена. Считаю правильным показание одного русского командира корпуса, что восточнее Двины и Днепра мы можем столкнуться лишь с частью сил, которые по своей численности и вооружению сами по себе решающим образом помешать немецким операциям не в состоянии.

Таким образом, с моей стороны не будет слишком смелым Утверждать: кампания против России выиграна в пределах 14 дней. Разумеется, тем самым она еще не закончена. Обширность территории и упорство всеми средствами оказываемого сопротивления потребуют от нас еще нескольких недель. (...)

Дальнейшие планы:

а) как только ведение войны на Востоке из сферы разгрома ^ВРажеских вооруженных сил перейдет в сферу экономической ^Парализации противника, должны вновь выйти на первый план и Решаться задачи дальнейшего ведения войны против Англии. (...)

8.7.1941 г.

(...) В 12.30 — доклад фюреру (на его командном пункте).
Результат:

(...) 2. Твердое решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, дабы не допустить, чтобы там остались люди, которых нам потом придется кормить зимой. Танки для этого использоваться не должны. «Это — национальная катастрофа, которая лишит центров не только большевизм, но и московитство». (...)

23.7.1941 г.

(...) 18.00 — доклад фюреру.

Докладываю о положении противника и задаю вопрос о конечных целях операции. Он [Гитлер] поставил свои цели так, как это приказано в директиве ОКВ, и остается при своем решении. Следовательно, фон Бок (группа армий «Центр») должен отдать свои танковые группы и действовать против Москвы с одной только пехотой. Впрочем, в данный момент его [фюрера] Москва не интересует, только Ленинград. (...) Цели операции он видит в основном в разгроме врага до широты Москвы, что он считает уже достигнутым. В заключение он, несмотря на становящуюся все более дождливой осень, предполагает, что достигнуть Волги и вступить на Кавказ можно одними только моторизованными соединениями.

Остается лишь пожелать, чтобы он оказался прав. В остальном же жаль времени, потраченного на такой доклад. (...)

26.7.1941 г.

Доклад представителя министерства иностранных дел при ОКХ фон Этцдорфа о политическом положении.

Япония: новый кабинет, как кажется, будет по-прежнему придерживаться линии держав оси. Сроки могут переноситься. Индокитай — Владивосток.

Франция: здесь дело замораживается. Ответ на ноты — не ранее чем через 2—3 недели. (...)

Турция: Папен (германский посол. — *Сост.*): дела будут органично развиваться, если мы будем иметь успехи в отношении России. Германские предложения адресовать лишь позже. Турция думает о создании буферных государств Кавказ, Туркестан.

Иран: государственное руководство в значительной мере в английских руках (золото!).

США: вступление в войну пока не является вероятным. Но все же «лихорадочная политика» делает возможными всякие неожиданности. Усилия по снабжению [СССР] во все большей мере идут в направлении Басры.

Финляндия: лишь с неохотой идет на разрыв **отношений** с Англией. Конфискация финских судов Англией, вероятно, ускорит дело.

Италия: война не популярна. Сильные голоса, не желаю-

шие ничего знать о колониях и империи. Письмо фюрера дуче, в котором он снова призывает к бдительности в отношении Франции. (Повод: вероятно, рассеять подозрение итальянцев.) (...)

Доклад фюреру о намерениях групп армий.

18.00—20.15 — утомительный, временами возбужденный спор об упущенной возможности охвата.

Он требует: (...)

3. Фронтальная действующая против Москвы группа [армий] фон Бока должна, если она готова, медленно нажимать вперед. Никакой спешки. Частично продиктованные несправедливой критикой местного командования высказывания сознательно разрушают любое оперативное командование. Мол, русского оперативными успехами не разбить, потому что он их просто-напросто не признает. Поэтому он шаг за шагом должен быть разбит в процессе небольшого, в тактическом отношении не подлежащего оценке охвата. Эти высказывания в отношении русских до известной степени оправданы. Но как определенный ход мысли они идут на поводу у врага и приводят к такому темпу боевых действий, который не позволит достигнуть цели похода — выхода к Волге. Ведь у*русского людей достаточно. В то, что таким методом можно прийти к тому моменту, когда он окажется сломленным и путь для операций окажется вновь открытым, я поверить не могу.

Я вижу в таком плоде фантазий начало затухания ведшихся с размахом операций и отказ от использования той стремительности, которая присуща нашим войскам и нашим моторизованным соединениям. Остается только выждать, приведет ли к успеху этот полный поворот в командовании, который наверняка будет неожиданным и для противника. Возражения насчет значения Москвы были просто-напросто отвергнуты без убедительного контрдоказательства.

30.11.1941 г.

(...) Звонок генерала Йодля: фюрер выработал свой новый взгляд на ведение дальнейших операций.

Группа армий «Север» должна разбить противника под Ленинградом, независимо от того, где она будет наносить главный удар. Отказ от удара с целью перерезать железную дорогу Москва — Ленинград.

[Группа армий] «Центр»: переход к обороне. На линии оз. Ильмень — Холм — Торопец — только боевое охранение. Вывод из боя и ремонт танков.

[Группа армий] «Юг»: первоначально отказ от взятия Гомеля. Вопрос о наступлении на Рославль остается открытым.

Авиация: создать центр тяжести в полосе группы армий «Север»; должна помогать в очищении Эстонии. Вывести из боя ЗДько по обеспечению выполнения задачи группой армий «Север».

7.8.1941 г. (47-й день)

(...) 17.00 разговор с генералом Йодлем:

а) крупные цели: хотим ли мы разбить противника или же преследуем экономические цели (Украина, Кавказ)? Йодль: фюрер, по-видимому, считает возможным и то и другое одновременно;

б) относительно отдельных целей я заявляю, что цель Ленинград с выделенными для этого силами достижима. Но нам не нужно и мы не должны отдавать для достижения этой цели ничего, что требуется нам для захвата Москвы. Флангу Лееба (командующий группой армий «Север». — *Сост.*) со стороны Валдайской * возвышенности никакая опасность не грозит. I

Ответ на вопрос: Москва или Украина или Украина и Москва должен быть дан с точки зрения именно этого «или». Мы должны! сделать это, ибо иначе не исчерпаем до осени источники сил¹ противника. Мы можем сделать это после убедительной победы Рундштедта (командующий группой армий «Юг». — *Сост.*) и сию² жения боевой ценности противника. (...); |

в) мы не должны в нашем оперативном мышлении идти на поводу у тактики противника. Реагируя всерьез на его булавочные³ уколы на флангах, мы оказываем ему большую услугу. Мы долж⁴ ны искать успех в сосредоточении сил для широкомасштабных,⁵ затрагивающих главные силы операций, а не растраниривать их! на второстепенные цели.

Общее впечатление: эти мысли произвели на Йодля впечатление, и он от себя тоже будет действовать в этом направлении. Нам необходима договоренность по двум вопросам: бросить все силы Бока (группа армий «Центр») на Москву (вопрос к фюреру: может ли он отказаться от ликвидации Москвы до осени?) и придавать меньшее значение группе «Коростень». (...) f

11.8.1941 г. (51-й день) j

(...) Результаты первых дней наступления [группы армий] j «Север» совершенно незначительны. На не затронутых наступательными действиями фронтах — истощение сил. То, что мы сейчас делаем, это последние отчаянные попытки избежать заострения в позиционной войне. Верховное главнокомандование в своих сред-1 ствах весьма ограничено. Группы армий отделены друг от друга¹? естественными границами (болотистые низменности). Израсходо-² ваны наши последние силы. Каждая новая группировка — передвижка по основной линии внутри групп армий. Это требует времени и расходует силы людей и машин. Отсюда — нетерпение и нервность высшего командования и усиливающаяся склонность его влезать во все детали.

С этим словесным вмешательством в детали, которое, однако, затем передается в группы армий не как приказ, а как пожелание или побуждение к каким-то действиям, естественно, связана большая опасность. Мы не знаем конкретных условий, в которых дол-

ясно происходить их осуществление. Происходит оно медленнее, чем мы желаем, мы вынуждены сразу же мириться с недостатком доброй воли или даже со злостным самоуправством, особенно в танковых соединениях, которые больше, чем другие, подвержены техническим затруднениям. Мои усилия спустить на тормозах эти уговоры, к сожалению, не всегда имеют успех.

Во всей обстановке [на фронтах] в целом становится все очевиднее, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, при всей безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта констатация относится как к организационным, так и экономическим силам, а в особенности к чисто военному потенциалу. Начиная войну, мы рассчитывали иметь против себя примерно 200 вражеских дивизий. Но теперь мы насчитываем их уже 360. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не оснащены в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом неудовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русский выставляет новую дюжину. Он выигрывает время благодаря тому, что находится поблизости от своих источников силы, а мы все больше от них удаляемся.

Таким образом, наши раздерганные по огромнейшему фронту и не имеющие никакой оперативной глубины войска снова и снова подвергаются атакам противника, которые имеют определенный успех, ибо на невероятных просторах поневоле остается слишком много разрывов между войсками. (...)

Тем временем поступило новое «дополнение к директиве № 34» ОКВ, которым наступление группы армий «Центр» на Москву разрешается, но связывается со столь многими предварительными условиями (например, завершение операции против Ленинграда), что наш гандикап с целью добиться свободы действий в духе наших представлений весьма затруднен. (...)

14.8.1941 г. (54-й день)

(...) Работа в этот день проходит под знаком:

1. «Дополнения к директиве № 34», которое хотя, в соответствии с нашими взглядами, и разрешает направить группу армий «Центр» на Москву, а также содержит отказ от переброски сил этой группы на юг, тем не менее делает действия группы армий «Юг» полностью зависимыми от выполнения оперативных намерений группы армий «Север».

2. Тяжелого беспокойства верховного главнокомандования по поводу вклинения противника южнее Старой Руссы. По собственной оценке группы армий, это дело не опасное. Несмотря на это, по телефону (Йодль) фюрер потребовал введения там в бой танкового корпуса (потом — одной танковой дивизии). Таким реактиванием на булавоочный укол сводится на нет любой план командования и создания направления главного удара.

22.8.1941 г.

Поступает директива фюрера от 21.8 (Штаб оперативного руководства вермахта L № 441412/41). Она является решающей для результата этой кампании.

«Предложение сухопутных войск о продолжении операций на Востоке от 18.8 не совпадает с моими намерениями.

Поэтому приказываю следующее:

1. Важнейшей целью, которой следует достигнуть еще до наступления зимы, является не взятие Москвы, а овладение Крымом, промышленным и угольным районом на Донце и прекращение русского снабжения нефтью из района Кавказа, а на Севере — блокирование Ленинграда и соединение с финнами.

2. На редкость благоприятная оперативная обстановка, возникшая в результате выхода на линию Гомель — Почеп, должна быть немедленно использована для концентрической операции внутренних флангов групп «Юг» и «Центр».

Их целью должно быть не только общим наступлением 6-й армии оттеснить за Днепр советскую 5-ю армию, но и уничтожить врага, прежде чем он сможет прорваться за линию Десна — Котоп — Сула. Тем самым для группы армий «Юг» будет обеспечена возможность закрепиться восточнее среднего течения Днепра и вместе с группой армий «Центр» вести дальше операцию в направлении Ростов — Харьков своим левым крылом.

3. Группа армий «Центр», невзирая на последующие операции, должна использовать для этого такое количество своих сил, чтобы была достигнута цель — уничтожение советской 5-й армии, а сама группа, заняв сберегающую силы позицию, осталась в состоянии отразить атаки противника на центральном участке своего фронта.

Намерение продвинуть левое крыло группы армий «Центр» до возвышенности в районе Торопца с тем, чтобы оно примкнуло к правому крылу группы армий «Север», остается без изменений.

4. Овладение Крымским полуостровом имеет наиважнейшее значение для обеспечения нашего снабжения нефтью из Румынии. Поэтому всеми средствами, включая также применение подвижных соединений, следует стремиться быстро форсировать Днепр, прежде чем враг подбросит сюда новые силы.

5. Только блокирование Ленинграда, соединение с финнами и уничтожение русской 5-й армии создает предпосылки и высвобождает силы для того, чтобы, в соответствии с дополнением к директиве № 34 от 12.8, с перспективой на успех атаковать и разбить вражескую группу армий Тимошенко.

(подпись) *Адольф Гитлер*»-

13.9.1941 г.

[В дневнике приводятся выдержки из одобренной Гитлером памятной записки ОКВ о стратегическом положении *поздней* осенью 1941 г.]

1. В данный момент еще нельзя сказать, как можно будет вы-

свободить крупные силы с наступлением зимы на Востоке и сколько их потребуется в следующем году для ведения операций при тяжелых погодных условиях.

2. Если поход на Восток (как на то якобы уже рассчитывало **высшее** командование) в 1941 г. еще не приведет к полному уничтожению советской силы к сопротивлению, военное и политическое воздействие этого на общее положение может быть таковым:

а) выступление Японии против России может задержаться. С другой стороны, Америка может дать Японии непосредственный повод для вторжения (маловероятно!);

б) Турция наблюдает за этим ходом развития с большим недоверием. Несмотря на это, она будет выжидать до тех пор, пока не убедится в сокрушении России;

в) военная акция против Турции для нас исключена. Надо попытаться привлечь ее на свою сторону другими средствами.

3. В Средиземном море — никаких признаков значительного изменения положения. (...)

4. Испания на вступление в войну не решится, если положение германо-итальянских сил на Средиземном море не будет полностью обеспечено или же если она сама не подвергнется нападению.

5. Франция выжидает и стремится в зависимости от положения держав оси улучшить свое собственное.

6. Англия и Америка видят, что на континенте им Германию не разбить. Поэтому их цель — увеличить наши трудности снабжения и, в сочетании с воздушными налетами, постепенно ослабить внешне- и внутривнутриполитические позиции держав оси. «Опасность вторжения» [на континент] пока можно считать ликвидированной. Превосходство германской авиации в воздухе на верстах. Однако положение в Средиземном море, а благодаря этому также и общее положение может быть коренным образом изменено противником только при том, если удастся воспрепятствованием германо-французскому сотрудничеству помешать созданию германо-итальянского плацдарма в Северной Африке, установить морское и воздушное господство на Средиземном море, во Французском Марокко (Касабланка) и Французской Западной Африке (Дакар), а также обеспечить американцам доступ на театр войны, тем самым значительно ограничив стратегические возможности Держав оси, теснее стянуть вокруг Центральной Европы кольцо блокады, оказать на Италию такое давление, что она рухнет.

Наряду с этим посредством установления связей с Россией через иранскую территорию должна поддерживаться воля России^к сопротивлению, а Германии должен быть прегражден доступ^к кавказским нефтяным областям (возможный ход мыслей наших^а англосаксонских противников).

7. Наши собственные решения: целью остается сокрушить Англию и заставить ее пойти на мир. Одной авиации для этого недостаточно. Средство: вторжение [на Британские острова] и осада.

Предпосылки:

- а) господство в воздухе;
- б) массовое применение наиболее успешных до сих пор средств борьбы против английского [военно-морского] флота, чтобы не дать ему добиться успехов в борьбе против нашего транспортного флота;
- в) массовый выпуск высококлассных судов на собственном ходу;
- г) создание парашютных и десантных войск.

Возможно только за счет других оборонных мер.

Дальнейшее вооружение надо сделать зависимым от того, хотим ли мы атаковать Англию на периферии или же на [Британских] островах. Средства нападения совершенно различны. Решение было бы необходимо принять сейчас, но это сделано еще быть не может. Вооружение должно идти по такому пути, который предусматривает обе возможности.

Осада: необходимо ежемесячное потопление объемом 1 млн вражеского тоннажа. Военно-морской флот должен использовать сильные морские разведывательные соединения и действующие в Атлантике воздушные эскадры для борьбы против подвоза на острова, а также морским путем.

Эти намерения в полном объеме в 1942 г. еще неосуществимы.

Осада Англии может начаться с достаточными силами авиации только после того, как поход на Восток будет в основном завершен и люфтваффе будет пополнена свежими силами и увеличена. (...)

Столь же важной, как битва в Атлантике, является битва в Средиземном море. Предпосылкой для успеха обеих служит сокрушение Советской России. (...)

8. Итог: Англия политическими и военными средствами преследует две крупные цели: посредством установленной через Иран коммуникации с Советской Россией сохранить ее волю к сопротивлению и не дать Германии захватить нефтяной район, а также раньше или позже сделать Западную и Северную Африку своим оперативным пространством.

Испания и Турция должны, по меньшей мере, оставаться не ведущими войны.

Отсюда для нашего дальнейшего ведения войны вытекают следующие выводы:

1. Крах России — ближайшая и решающая цель войны, которая должна быть достигнута применением всех сил, без **которых** можно обойтись на других фронтах. Поскольку в 1941 г. она была осуществлена не полностью, на первом месте стоит **продолжение** Восточной кампании в 1942 г. Захват территории на южном **крыле** будет иметь большие политические и экономические **последствия**. Нашим стремлением должно быть изменение политической позиции Турции в нашу пользу. Тем самым наше военное **положение** на Юго-Востоке значительно улучшилось бы.

2. Только после устранения России как фактора силы может быть в полной мере развернута битва в Атлантике и на Средиземном море против Англии, если возможно, с помощью французских и испанских позиций. Даже если Россия будет сокрушена в общем и целом еще в этом году, сухопутные войска и авиация таким образом окажутся в нашем распоряжении для решающих операций на Средиземном море, в Атлантике и на испанском континенте не ранее весны 1942 г.

3. Важно вплоть до следующей весны не порывать политических и военных связей с Францией, а, наоборот, углублять их. Францию следует приструнить, а также и впредь влиять на нее так, чтобы она усилила свои позиции в Северной Африке и была готова к любому англо-американскому нападению. Трудность в отношении Франции состоит в том, что мы вынуждены учитывать справедливые интересы союзной с нами Италии. Но с военной точки зрения, она для победы над Англией в обозримый период времени абсолютно необходима и не использовать никакой попытки нельзя. <...>

5. Операции в восточном Средиземноморье станут возможными только после захвата Закавказья.

6. О вторжении в Англию можно будет всерьез говорить только тогда, когда, несмотря на поражение России, все другие средства окажутся неэффективными, когда Испания и Франция примут участие в войне на стороне держав оси, а также если битва в Атлантике или на Средиземном море не даст таких успехов, что можно будет рассчитывать на сокрушение Англии таким путем.

13.9. [19] 41 г.

(Выдержки из одобренной фюрером директивы о стратегической обстановке конца лета 1941 г.)

1. В данный момент сказать, какие силы можно будет высвободить на Востоке с наступлением зимы и какие именно силы потребуются для дальнейших операций в будущем году, нельзя.

2. В случае, если кампания 1941 г. на Востоке (как на то постоянно рассчитывало высшее командование) все же не приведет к полному слому сопротивления советских войск, военное и политическое воздействие на общую обстановку может оказаться следующим:

а) может задержаться выступление Японии против России. С другой стороны, Америка может дать Японии непосредственный повод для вступления в войну (вероятности нет!);

б) объединению сил России и Англии через Иран воспрепятствовать не удастся;

в) Турция отнесется к такому ходу развития с большим неудовольствием. Несмотря на это, она продолжит свое выжидание. До тех пор, пока не убедится в поражении России;

г) военные акции против Турции для нас исключены. Надо попытаться привлечь ее на свою сторону политическими средствами.

3. На Средиземном море — никаких признаков существенного изменения обстановки. (...) Сосредоточение английских наступательных сил в Ливии будет проходить беспрепятственно (американская помощь!). Положение германо-итальянских войск в Ливии будет становиться все более трудным. (...)

4. Испания решится на вступление в войну только в том случае, если германо-итальянские позиции в Средиземном море будут полностью обеспечены или же если она сама подвергнется нападению. (...)

6. Англия и Америка видят, что на континенте им Германию не разбить. Поэтому их цель — увеличить трудности снабжения и в сочетании с воздушными налетами постепенно ослабить позиции стран оси как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом отношении. «Опасность вторжения» [англо-американских войск на континент, то есть открытия второго фронта в Европе] можно на дальнейший период считать ликвидированной. Превосходство германской авиации восстановлено. (...)

Установление англичанами коммуникаций с Россией через иранскую территорию поддержит силу сопротивления последней и предотвратит захват Германией Кавказского нефтяного района (возможный ход мыслей наших англосаксонских противников).

7. Наши собственные решения: целью остается разгромить Англию и заставить ее заключить мир. Одной авиации для этого недостаточно. Средство: высадка [на Британских островах] и осада Англии. (...)

Положение Англии станет безнадежным, если нам удастся преодолеть противоречия Франции, Испании и Турции (частично между собой, частично в отношении Италии) в такой степени, что три эти государства примут участие в войне против Англии. В полном объеме эту наивысшую цель осуществить нельзя. Если Турция пойдет вместе с нами, мы поддержим ее боеприпасами и военной техникой.

Испания тоже станет для нас большой материальной обузой. (...)

Вступление в войну [вишистской] Франции на нашей стороне приведет к немедленному улучшению нашего положения в Северной Африке. Использование французского флота имело бы огромнейшую ценность. (...)

Вывод: вступление в войну Турции в любое время (чем скорее, тем лучше!) даст нам большую военную выгоду. Она и без германской помощи достаточно сильна, чтобы противостоять в настоящее время англо-советским вооруженным силам на суше, на море и в воздухе, и может оказать ценную помощь в овладении Средиземным морем.

Иное дело Франция и Испания: без нашей помощи **вступление**

этих стран в войну остается проблематичным. Даже использование нами испанских портов мало что меняет в нашу пользу. (...)

8. Итак: Англия преследует в политическом и военном отношении две крупные цели: посредством установленной связи с Советской Россией через Иран она, во-первых, стремится укрепить ее волю к сопротивлению и не дать Германии завладеть нефтеносным регионом [на Кавказе], а во-вторых, рано или поздно превратить всю Западную и Восточную Африку в район своих боевых действий.

Поэтому для ведения войны нами отсюда вытекает следующее:

1. Разгром России является ближайшей и решающей военной целью, которая должна быть достигнута с использованием всех тех наших войск, без которых мы сможем обойтись в других местах. Поскольку в 1941 г. эта цель будет осуществлена не полностью, Восточную кампанию в 1942 г. следует продолжить в другом месте. Захват территории на южном фланге [германо-советского фронта] будет иметь большие политические и военные последствия. Мы должны стремиться к изменению политической позиции Турции в нашу пользу. Это значительно улучшит военную обстановку на Юго-Востоке [Европы].

2. Только после исключения России как фактора силы можно будет развернуть в полной мере битву против Англии в Атлантике и на Средиземном море (если удастся — с французских и испанских позиций). Но даже если Россия еще в этом году будет в общем и целом разбита, сухопутные войска и силы люфтваффе смогут поступить в наше распоряжение для решающих операций в Средиземном море, в Атлантике и на испанской суше едва ли ранее весны 1942 г.

3. С военной точки зрения, разгром Англии в обозримый период необходим, а потому от попытки его отказываться не следует.

4. На этой расширенной основе только будущей весной можно будет в более широком объеме осуществлять усиленное применение подводных лодок, а также поддерживать их действия авиацией, дабы с большим успехом продолжать осаду Англии. (...)

18.11.1941 г. (150-й день)

(...) Совещание с Главкомандующим сухопутными войсками. Он выражает нетерпение в связи со все более исчезающими перспективами подойти к Москве. Это вопрос воли! Затем он раздражен действиями 6-й армии, которую никак не удастся продвигнуть вперед. (...)

В 13.00 — беседа с [командующим группой армий «Центр»] фельдмаршалом фон Боком. На мой вопрос, какие еще перспективы имеет идея наступления [на Москву], получаю ответ: в качестве возможной первоначальной цели для северной части 4-й армии рассматриваются Клин — Истра. В остальном же фельдмаршал Бок, как и все мы, проникся мыслью, что оба противника

сражаются уже на пределе своих сил и предпринимают последние усилия, а потому верх одержит тот, у кого сильнее воля. У противника тоже нет больше оперативной глубины, и дела у него наверняка идут еще хуже, чем у нас. (...)

19.11.1941 г. (151-й день)

В 13.00 — доклад фюреру.

а) Анализ обстановки. (...)

4. Операции под Москвой должны вестись так, чтобы частные наступления каждый раз уничтожали окончательно дивизии противника, не давая им отойти. (...) Дальними целями должны оставаться, если это позволят снабжение и погода, Ярославль — Рыбинск, а по возможности также Вологда. (...)

б) Задачи будущего года. Сначала — Кавказ. Цель — южная граница России. Время: с марта до апреля. На севере: в каждом случае — в зависимости от результата боевых действий этого года — Вологда или Горький, но только в конце мая.

Вопрос о том, какие еще цели могут быть поставлены в следующем году, остается открытым; они будут определены пропускной способностью наших железных дорог. Открытым оставить и вопрос о постройке позже «Восточного вала».

в) Политические беседы: фюрер оценивает успех в России весьма высоко, считая его в политическом отношении неслыханным. Он полагает, что потеря важных источников сырья, особенно угля, нанесла тяжкий ущерб военному потенциалу русских, и теперь они быстро встать на ноги в военной экономике не смогут. (...)

22.11.1941 г. (154-й день)

Обстановка: важными являются только три следующие пункта.

Ростов [-на-Дону] — в наших руках. Все мосты (за исключением одного южнее восточной части города) якобы разрушены. Русский отступал по льду. На южном берегу [Дона] — новые русские силы (2 кавалерийские дивизии). Севернее Ростова в результате русского наступления превосходящими силами 1-я танковая армия вынуждена перейти к обороне и осуществить эту оборону ей будет тяжело. (...)

2. У [командующего 2-й танковой армией] Гудериана напряженность как будто бы спадает. Сам он считает дальнейшие атаки возможными. Русская военная сводка сообщает об **опасной** обстановке под Тулой.

3. Фельдмаршал фон Бок лично руководит битвой за Москву с передового командного пункта. С его невероятной энергией он всеми средствами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии ничего путного уже не выйдет. Войска здесь выдохлись. (К примеру, в моей старой 7-й дивизии одним полком командует **обер**-лейтенант, а батальонами — лейтенанты.) Но на северном фланге 4-й

армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются и они используются до крайнего предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне (6—9 сентября 1914 г. — *Сост.*), когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только можно, в том числе и 255-ю дивизию из тылового района.

29.11.1941 г. (161-й день)

(...) Разговор с фон Боком. Будто бы есть какая-то неясность в постановке целей (болтовня Геринга). Его группа армий точно знает, чего хочет. Но она боится, что если ведущееся сейчас наступление на Москву с севера не будет иметь успеха, из этого получится новый Верден*, то есть бездушное фронтальное отвоевывание территории. Бросить же в бой 4-ю армию (20-й армейский корпус) еще слишком рано. Речь об этом может зайти, только когда удастся с севера продвинуться до Звенигорода. (...)

На фронте группы армий «Центр» положение еще не вполне ясно. Однако уже сейчас можно сказать, что продвинуть к Москве можно максимум северное крыло, а Гудериан сумеет захватить излучину Оки северо-западнее Тулы, чтобы с боем получить этот район для расположения своих войск на зиму. (...)

Поскольку высшее командование придает значение продолжению наступления [на Москву] даже при опасности, что войска исчерпают свои силы до конца, я подтверждаю, что эта точка зрения совпадает с точкой зрения ОКХ. (...)

1.12.1941 г. (163-й день)

В 04.00 поступают 3 телеграммы командования:

1-я — Рундштедту. Отстранение от командования группой армий [«Юг»].

2-я — фон Райхенау. Передача ему командования этой группой с задачей остановить отступление 1-й танковой армии, принять меры для ее поддержки и силами 49-го горноегерского корпуса и 4-го корпуса вскоре атаковать Ворошиловград.

3-я — командующему армией резерва: доставить как можно скорее 13, 14 и 16-й танковым дивизиям по 40 танков типа Т-IV и Т-V каждой.

15.30 — командующий сухопутными войсками на докладе у Гитлера. В это время звонит фон Райхенау. На участке соединения СС, занимающего промежуточную позицию, прорвались вражеские моторизованные части. Просит разрешения сегодня ночью отойти

* Город в Восточной Франции на р. Маас. Превращенный в сильно укрепленную крепость, он был узловым пунктом французских оборонительных позиций ® первой мировой войне. С февраля по декабрь 1917 г. здесь шли кровопролитные бои с широким применением новой техники; они вошли в историю под названием «Ад Вердена». *Примеч. сост.*

на позиции у р. Миус. Разрешение дается. Пожертвовали силы и время и потеряли фон Рундштедта.

Невероятным для численно ослабленных частей является то, что они должны прорвать оборудованные вражеские позиции в ходе фронтального наступления.. Действовать и продвигаться вперед придется только небольшими тактическими бросками. 12-й и 13-й армейские корпуса могут атаковать тогда, когда с противником справа и слева будет покончено.

Я подчеркиваю, что нам доставляет беспокойство также расход сил. Но следовало бы попытаться напряжением всех оставшихся сил сломить сопротивление противника. Если же станет окончательно ясно, что сделать это невозможно, надо принимать новые решения. (...)

Цит. по: *H.-A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*

ФЕДОР фон БОК

Генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «Центр»

«РАЗГРОМ РУССКИХ У ВОРОТ МОСКВЫ — ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ»*

(Из военного дневника)

Федор фон Бок (1880—1945), генерал-фельдмаршал (1940 г.). Участвовал в первой мировой войне. С 1935 г. командовал армейским корпусом. Во время второй мировой войны — командующий группой армий «Север» в Польской (1939 г.) и группой армий «Б» во Французской (1940 г.) кампаниях. С июня 1941 г. командовал на германо-советском фронте группой армий «Центр», наступавшей на Москву, а в январе — июле 1942 г. — группами армий «Юг» и «Б». Убит при налете англо-американской авиации.

1.12.1941 г.

Поскольку у меня сложилось впечатление, что вчера Браухич не понял меня и что, несмотря на всё, в высших инстанциях Берлина все еще царит переоценка моих сил, я направил Главному командованию сухопутных войск нижеследующую телеграмму.

«На неоднократно посылавшиеся Главному командованию сухопутных войск запросы и донесения группы армий с указанием на угрожающее состояние войск был получен ответ: наступление следует продолжать даже при наличии опасности, что войска полностью сгорят. Однако ведущееся сейчас наступление с использованием всех тактических возможностей осуществляется в общем и целом фронтально. Для более крупных маневров с целью охвата противника, как уже докладывалось, сил нет, а теперь нет и возможности в большом объеме перебрасывать войска. Наступление приведет к дальнейшей кровавой борьбе за ограниченный выигрыш территории, а также к разгрому частей противника, но оперативное воздействие оно окажет вряд ли. Представление, будто противник перед фронтом группы армий был «разгромлен», как показывают последние 14 дней, это — галлюцинация. Остановка у ворот Москвы, где сходится система железнодорожных и шоссейных путей почти всей Восточной России, равнозначна тяжелым оборонительным боям с намного численно превосходящим врагом. Силы группы армий уже не могут противостоять ему даже ограниченное время. И если бы даже невероятное стало возможным

* Заголовок дан составителем.

(а именно: поначалу захватить еще какую-то территорию, то для того, чтобы окружить Москву и отрезать ее от юго-востока, востока и северо-востока), сил даже приблизительно не хватило бы. Таким образом, наступление представляется не имеющим ни цели, ни смысла, поскольку очень близко придвинулся тот момент, когда силы группы будут исчерпаны полностью. Что должно произойти тогда, надо решать сейчас. В настоящее время группа армий действует на фронте протяженностью свыше 1000 км, имея в резерве всего несколько слабых дивизий. В этой группировке она, при большой убыли старшего офицерского состава и при сократившейся численности активных штыков, противостоять планомерно ведущемуся наступлению противника уже не в состоянии. Учитывая неспособность железных дорог обеспечить потребности группы армий, никакой возможности подготовить растянутый фронт для оборонительной борьбы или даже просто обеспечить эту борьбу также нет.

Намерения командования мне неизвестны. Но если группа армий должна выдержать зиму, будучи готовой к обороне, то это в общем и целом при ее сегодняшней группировке возможно только при подброске таких подкреплений, чтобы можно было ликвидировать вклинения противника, а также временно вывести с линии фронта в тыл на отдых и пополнение исчерпавшие свои силы дивизии. Для этого требуется 12 дивизий. Не знаю, имеются ли они в наличии и могут ли они быть подброшены в обозримый период времени. Другое неотъемлемое условие — упорядоченность и надежность прибытия железнодорожных составов, а тем самым — возможность регулярного снабжения войск и создания запасов. Если оба эти требования безусловно выполнены быть не могут, следует без всякого промедления определить небольшую, пригодную для обороны позицию для Восточной армии и предназначенными для того частями оборудовать ее для расположения, снабжения и обороны таким образом, чтобы ее можно было занять в кратчайший срок». (...)

7.12.1941 г.

Ужасный день. Правое крыло 3-й танковой группы начало ночью отступать. Вклинения противника на ее северном фланге неприятны. На правом фланге 8-й армии противник тоже значительно расширил свой прорыв. На помощь 3-й танковой **группе** двинуто все, что находилось в пределах досягаемости: один полк 255-й дивизии был побатальонно перебросен на грузовиках к Клину, куда первые части прибыли утром; 4-я танковая **группа** смогла до сих пор выделить в качестве подкрепления только одну усиленную роту; моторизованный учебный саперный **батальон**, подлежащий отправке в Германию, **был задержан и тоже брошен** в направлении 3-й танковой группы. Что же касается 9-й **армии**, то она должна помочь и поможет себе сама.

В полосе 4-й армии противник тоже стал вести себя **беспокой-**

лее, а именно против 4-й танковой группы. Поэтому остаток 255-й **дивизии** собран в районе Рузы.

Танковая армия терпит неудачу у Михайлова, который выдвинутому вперед батальону 12-й мотопехотной дивизии, неся немалые потери в технике, приходится сдать. В остальном же отход **танковой** армии происходит планомерно.

2-я армия, несмотря на все предостережения, пробивается **дальше** на восток, ввязывается в кровопролитные бои с сильным **врагом**. Начинаются потери от мороза. Докладывают, что в одном **полку** насчитывается 318 обмороженных.

К нынешнему тяжелому кризису привели три фактора:

1. Наступление осенней распутицы.

Передвижение войск и подвоз из-за раскисших дорог почти полностью парализованы. Использование победы под Вязмой более уже невозможно.

2. Паралич железных дорог.

Нехватка автомашин, вагонов, локомотивов и обученного персонала; недостаточная приспособляемость локомотивов и автомашин к условиям русской зимы.

3. Недооценка силы сопротивления врага и его людских и материальных резервов.

Русский сумел настолько усилить наши транспортные трудности разрушением почти всех строений на главных железнодорожных линиях и шоссе, что фронт оказался лишенным самого необходимого для жизни и борьбы. Подвозить боеприпасы, горючее для автотранспорта, продовольствие и зимнее обмундирование стало невозможно. Эффективность перенапряженного из-за паралича железных дорог и длительного наступления использования автомашин снижается на глазах. Это ведет к тому, что сегодня мы лишены всякой возможности перебрасывать сколько-нибудь значительные по численности войска и с нашим парализованным снабжением противостоять противнику, который всей своей неисчерпаемой людской массой, не щадя ее, переходит в контрнаступление.

В ошеломляюще короткий срок русский снова поставил на ноги разгромленные дивизии, бросил на угрожаемые участки Фронта новые из Сибири, Ирана и с Кавказа и стремится заменить свою потерянную артиллерию множеством ракетных орудий. Сегодня перед фронтом группы армий стоит на 24 (в основном Доукомплектованных) больше дивизий, чем 15 ноября. В противоположность этому, сила немецких дивизий в результате непрерывных боев уменьшилась более чем наполовину; боеспособность танковых войск стала и того гораздо меньше. Потери офицерского и унтер-офицерского состава пугающе велики и в настоящее время могут быть пополнены меньше, чем потери в **рядах**.

Приказы на не считающееся ни с чем продвижение вперед и Преследование противника были оправданы до тех пор, пока у

высшего командования имелись для того отправные точки и когда враг из самых последних сил сражался за свою жизнь. Стремление разгромить его коротким штурмом, как того требовало Главное командование сухопутных войск, «стоило максимального использования всех сил». Но это было заблуждение, и теперь группа армий вынуждена в самых тяжелых условиях переходить к обороне. (...)

Цит. по: *H.-A. Jacobsen. 1939—1941. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten.*
На русском языке публикуется впервые

ФРИДРИХ ПАУЛЮС

Генерал-фельдмаршалу командующий 6-й армией

«Я СТОЮ ЗДЕСЬ ПО ПРИКАЗУ»*

Фридрих Паулюс (1880—1957). Генерал-фельдмаршал с января 1943 г. Участник первой мировой войны. После начала второй мировой войны участвовал в агрессии против Польши (начальник штаба 4-й армии) и в разгроме Франции (начальник штаба 10-й армии, переименованной в 6-ю). В сентябре 1940 г. — январе 1941 г. в качестве I обер-квартирмейстера (первого заместителя начальника) генерального штаба сухопутных войск был одним из составителей плана «Барбаросса». С 1942 г. командовал 6-й армией на советско-германском фронте, осуществлял общее руководство группировкой немецких войск, окруженной в ходе Сталинградской битвы. 31 января 1943 г., несмотря на категорический приказ Гитлера стоять до последнего, вместе со своей армией прекратил сопротивление и сдался советским войскам. Находясь в плену, в 1944 г. вступил в антифашистский Союз немецких офицеров, а затем вошел в Национальный комитет «Свободная Германия». В 1946 г. выступал свидетелем советского обвинения на Нюрнбергском суде над главными немецкими военными преступниками. С 1953 г. проживал в ГДР.

О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

[сентябрь 1945 г.]

Комплекс Сталинград состоит из трех последовательных фаз:

1. Продвижение к Волге.

В общих рамках [второй мировой войны] летнее наступление 1942 г. означало еще одну попытку достигнуть того, чего не удалось добиться осенью 1941 г., а именно победоносного окончания кампании на Востоке (являвшейся следствием наступления на Россию, носившего характер нападения), чтобы тем самым решить исход всей войны.

В сознании командных органов на первом плане стояла чисто военная задача. Эта основная установка относительно последнего шанса для Германии выиграть войну полностью владела умами высшего командования и в обеих последующих фазах.

2. С начала русского наступления в ноябре [1942 г.] и окружения 6-й армии, а также частей 4-й танковой армии общей численностью около 220000 человек, вопреки всем ложным обещаниям и иллюзиям ОКВ, все больше осознавался тот факт, что теперь вместо «победоносного окончания кампании на Востоке»

* Заголовок дан составителем.

встает вопрос: как избежать полного поражения на Востоке, а тем самым проигрыша всей войны?

Эта мысль пронизывала действия командования и войск 6-й армии, между тем как вышестоящие командные органы (командование группы армий, начальник генерального штаба сухопутных войск и ОКВ) все еще верили или, по крайней мере, делали вид, что верят, в шансы на победу.

Поэтому взгляды относительно мер командования и методов [ведения военных действий], вытекающих из этой обстановки, резко расходились. Поскольку вышестоящие командные органы, исходя из вышеприведенных соображений, отвергли прорыв, являвшийся еще возможным в первой фазе окружения, оставалось лишь держаться на занимаемых позициях, дабы не допустить, чтобы в результате самовольных действий возникла дезорганизация, а тем самым произошел развал всей южной части Восточного фронта. В таком случае погибли бы не только надежды на победу, но в короткий срок оказалась бы уничтоженной и возможность избежать решающего поражения, а тем самым краха Восточного фронта.

3. В третьей фазе, после срыва попыток деблокирования и при отсутствии обещанной помощи, речь шла лишь о выигрыше времени с целью восстановления южной части Восточного фронта и спасения германских войск, находящихся на Кавказе. В случае неудачи вся война была бы проиграна уже в силу предполагаемого масштаба поражения на Восточном фронте.

Итак, поэтому сами вышестоящие командные органы оперировали аргументом, что посредством «упорного сопротивления» следует избежать того наихудшего, что грозит всему фронту. Тем самым вопрос о сопротивлении 6-й армии у Сталинграда ставился крайне остро и сводился к следующему: как представлялась мне обстановка и как мне ее рисовали, тотальное поражение могло быть предотвращено только путем упорного сопротивления армии до последней возможности. (...) В этом направлении оказывали свое воздействие и радиogramмы, поступавшие в последние дни: «Важно продержаться каждый лишний час». От соседа справа неоднократно поступали запросы: «Как долго продержится еще 6-я армия?»

Поэтому с момента образования котла, а особенно после краха попытки деблокирования, предпринятой 6-й танковой армией (конец декабря), командование моей армии оказалось в **состоянии** тяжелого противоречия.

С одной стороны, имелись категорические приказы держаться, постоянно повторяемые обещания помощи и все более общие ссылки на общее положение. С другой стороны, имелись проистекавшие из все возрастающего бедственного состояния моих солдат гуманные побудительные мотивы, которые ставили передо мной вопрос, не должен ли я в определенный момент **прекратить** борьбу. Полностью сочувствуя вверенным мне войскам, я тем не

менее считал, что обязан отдать предпочтение точке зрения высшего командования. 6-я армия должна была принять на себя неслыханные страдания и бесчисленные жертвы и для того, чтобы — в чем она была твердо убеждена — дать возможность спастись гораздо большему числу камерадов из соседних соединений.

Исходя из обстановки, сложившейся в конце 1942 — начале 1943 г., я полагал, что длительное удержание позиций у Сталинграда служит интересам немецкого народа, так как мне казалось, что разгром на Восточном фронте закрывает путь к любому политическому выходу [из войны].

Любой мой самостоятельный выход за общие рамки или же сознательное действие вопреки данным мне приказам означали бы, что я беру на себя ответственность в начальной стадии, при прорыве, — за судьбу соседей, а в дальнейшем, при преждевременном прекращении сопротивления, — за судьбу и всего Восточного фронта. Таким образом, в глазах немецкого народа это означало бы, по крайней мере внешне, происшедший по моей вине проигрыш войны. Меня не замедлили бы привлечь к ответственности за все оперативные последствия, вызванные этим на Восточном фронте.

Да и какие убедительные и основательные аргументы — особенно при незнании фактического исхода — могли бы быть приведены командующим 6-й армией в оправдание его противоречащего приказу поведения перед лицом врага? Разве угрожающая по существу или субъективно осознанная безвыходность положения содержит в себе право для полководца не подчиняться приказу? В конкретной ситуации Сталинграда отнюдь нельзя было с абсолютной уверенностью утверждать, что положение совершенно безвыходно, не говоря уже о том, что субъективно оно как таковое не осознавалось, за исключением последней стадии. Как смог бы или посмел бы я требовать в дальнейшем от любого подчиненного мне командира повиновения в подобном же тяжелом, по его мнению, положении?

Разве перспектива собственной смерти, а также вероятной гибели и пленения своих войск освобождает ответственное лицо от солдатского повиновения?

Пусть сегодня каждый сам найдет ответ на этот вопрос перед самим собой и собственной совестью.

В то время вермахт и народ не поняли бы такого образа действий с моей стороны. Он явился бы по своему воздействию явно выраженным революционным актом против Гитлера. Напротив, не дало ли бы самовольное оставление мною позиций вопреки приказу как раз аргумента в руки Гитлера для того, чтобы пригвоздить к позорному столбу трусость и неповиновение генералов — таким образом приписать им вину за все более вырисовывавшееся военное поражение?

Я создал бы почву для новой легенды — об ударе кинжалом

в спину* у Сталинграда, и это было бы во вред исторической концепции нашего народа и столь необходимому для него осознанию уроков этой войны.

Намерения совершить переворот, сознательно вызвать поражение, чтобы тем самым привести к падению Гитлера, а вместе с ним и всего национал-социалистического строя как препятствия к окончанию войны, не имелось у меня самого и, насколько мне известно, не проявлялось ни в какой форме у моих подчиненных.

Такие идеи находились тогда вне сферы моих размышлений. Они были и вне сферы моего политического характера. Я был солдат и верил тогда, что именно повиновением служу своему народу. Что же касается ответственности подчиненных мне офицеров, то они, с тактической точки зрения, выполняя мои приказы, находились в таком же вынужденном положении, как и я сам, в рамках общей оперативной обстановки и отданных мне приказов.

Перед войсками и офицерами 6-й армии, а также перед немецким народом я несу ответственность за то, что вплоть до полного разгрома выполнял данные мне высшим командованием приказы держаться до последнего.

Фридрих Паулюс,

генерал-фельдмаршал бывшей германской армии

Из кн.: Paulus: „Ich stehe hier auf BefehlLebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlafi, Briefen und Dokumenten herausgegeben von Walter Gorlitz. Frankfurt am Main, 1960. S. 261—268

* После первой мировой войны германские реакционные, прежде всего милитаристские, круги, извращая исторические факты, создали лживую легенду, будто германская армия не была «побеждена на поле боя», а потерпела поражение в результате «удара кинжалом в спину», нанесенного ей рабочим классом и левыми силами в Ноябрьской революции 1918 г. *Примеч. сост.*

ЭРИХ фон МАНШТЕЙН

Генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «Юг»

«ЦИТАДЕЛЬ» — ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВЕРМАХТА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ*

(Из военного дневника)

Эрих фон Манштейн (1887—1973), генерал-фельдмаршал (с 1942 г.), нацистский военный преступник. Окончил в 1914 г. военную академию. Участвовал в первой мировой войне. Во время войны против СССР — командир танкового корпуса, а с сентября 1941 г. — командующий 1-й армией в Крыму. В августе 1942 г. командовал немецкими войсками под Ленинградом. Будучи командующим группой армий «Дон», безуспешно пытался деблокировать окруженные под Сталинградом немецко-фашистские войска. С февраля 1943 г. — командующий группой армий «Юг», потерпевшей поражение в Курской битве и в других сражениях. За неудачи на фронте в марте 1944 г. был отстранен от командования. В 1950 г. британским военным трибуналом был за военные преступления приговорен к 18 годам тюрьмы, но в 1953 г. оправдан.

4.5.1943 г.

(...) Генерал-полковник Модель [командующий 9-й армией], который должен был командовать наступлением северного крыла наших войск в операции «Цитадель», докладывал сегодня фюреру о положении на своем участке фронта и намерениях. (...) Он в категорической форме указал на те трудности, с которыми столкнулся ввиду наличия у противника хорошо оборудованной системы обороны. Далее он доложил о чрезвычайном усилении вражеской противотанковой обороны, а особенно — о появлении у противника новой противотанковой пушки, которая пробивает броню нашего танка Т-IV. Между тем на проведение этого наступления ему отведено всего 6 дней.

Эти высказывания произвели на Гитлера большое впечатление. Он боялся, что наше наступление не будет иметь (или же не приобретет ее достаточно быстро) достаточной пробивной силы, чтобы привести к окружению крупных сил противника. После доклада Моделя он увидел необходимость усилить наши танковые соединения. Это можно сделать до 10 июня путем переброски танков типа «Тигр» и «Пантера», а также штурмовых орудий и одного батальона сверхтяжелых танков «Фердинанд» (конструкция кон-

* Заголовок дан составителем.

дерна «Порше», вскоре показавшая себя непригодной. — *Примеч. нем. изд.*) Кроме того, получены танки Т-IV и штурмовые орудия «Панцершютце» (с дополнительной навесной броней), чтобы должным образом противостоять новым советским противотанковым ружьям. В целом же Гитлер намерен примерно вдвое, увеличить число имеющихся у нас танков.

Однако по вопросу о переносе «Цитадели» на более поздний срок фюрер захотел сначала выслушать мнение обоих командующих [группами армий]. Оба высказались против, их точку зрения разделяет и начальник [генерального] штаба [сухопутных войск] генерал Цейтцлер.

Фельдмаршал (Бон Клюге [командующий группой армий «Центр»]), явно чувствовавший себя обойденным из-за заслушанного непосредственно перед ним доклада Моделя, в своей темпераментной манере заявил: данные последнего о якобы имеющей глубину 20 км вражеской системе обороны преувеличены. Аэрофотоснимки фиксируют только заброшенные окопы, оставшиеся от прежних боев. Фельдмаршал указал на то, что при дальнейшем выжидании мы можем оказаться в тылу войск противника. Дело может дойти до того, что мы будем вынуждены снимать свои войска с фронта «Цитадели». При этом он прежде всего не упускает из вида угрозу Орловской дуги.

Я тоже высказался против инициированного Гитлером переноса сроков, а именно по следующим причинам.

Увеличение числа переданных нам танков, предположительно, может быть сведено на нет ростом числа танков у советской стороны. Выпуск танков у противника составляет наверняка минимум 1560 в месяц. При дальнейшем нашем выжидании пока еще ослабленные потерями в зимней кампании и недавно пережитыми поражениями, понесшие большой урон в своем боевом духе и боеспособности соединения противника смогли бы восстановить свою наступательную силу. К тому же противник получил бы время для дополнительного оборудования своих позиций. Далее, против переноса начала операции «Цитадель» говорил и тот факт, что в результате значительно возросла бы опасность для оборонительного фронта группы армий [«Юг»]. Пока же противник вести наступательные действия на Донце и Миусе еще не может. В июне же положение изменится.

Я особенно подчеркивал, **что** решение вопроса в **значительной** мере зависит от общего положения. При передвижке «Цитадели» на более поздний срок и вероятной потере в ближайшее время Туниса возникает опасность совпадения этой операции с началом высадки [англо-американских войск] на Европейском континенте, [#]и тогда нам придется вести решающие бои на двух фронтах. Сколь ни заманчиво дальнейшее усиление наших танковых соединений, по моему разумению, надо придерживаться прежнего ближайшего срока наступления. В случае отсрочки группе **армий** [«Юг»] наряду с увеличением числа танков потребовалось бы и

дальнейшее увеличение числа пехотных дивизий для преодоления вражеской системы укреплений.

Свое выступление я закончил словами, что «Цитадель» явно не будет легкой операцией, но надо держаться за нанесение удара уже вскоре, подобно тому, как всадник «преодолеывает препятствие всем сердцем». Однако сравнение это ничего не сказало Гитлеру: он не любил ни лошадей, ни всадников.

Начальник генерального штаба люфтваффе присоединился к мнению обоих командующих группами армий, заявив, что, с точки зрения авиации, перенос «Цитадели» не дает никакой выгоды. Он подтвердил, что крупного увеличения числа боевых самолетов ожидать не приходится, а также подтвердил, что, судя по положению в воздухе, противник, как кажется, планирует решающее наступление на фронте группы армий «Юг».

Генерал-полковник Гудериан предложил сосредоточить все танковые силы на одном участке наступления, будь то группы армий «Центр» или «Юг».

Затем Гитлер повторил еще раз свои аргументы в пользу отсрочки наступления до 10 июня. Насчет увеличения числа танков он сказал, что возможное количественное превосходство в танках у советской стороны может быть ликвидировано техническим превосходством дополнительно выделенных «Тигров», «Пантер» и «Фердинандов». Новых же пехотных дивизий он дать не может, ибо их у него нет.

Относительно опасности, что при своем переносе «Цитадель» при определенных условиях могла бы совпасть с вражеской высадкой на континенте, он заметил: в результате прибытия транспортов с зенитными орудиями и переправочными средствами подвоз техники в Тунис сохраняется и мы можем там закрепиться. Даже при потере Туниса противнику потребовалось бы от шести до восьми недель, прежде чем он смог бы осуществить высадку. Следовательно, ожидать ее раньше середины июня нечего.

В заключение Гитлер заявил, что хочет еще раз обдумать вопрос о скорейшем проведении или переносе «Цитадели», и решил нам вернуться в свои ставки. (...)

1.7.1943 г.

(...) На совещании, на котором, как всегда в такой аудитории, был заслушан доклад Гитлера, он объявил свое окончательное решение: операция «Цитадель» будет проведена, наступление начнется 5 июля.

Сначала Гитлер подробно обосновал имевшую место в свое время отсрочку. Она была необходима для освежения личного состава и техники предназначенных для наступления соединений. Теперь они полностью укомплектованы. В отношении техники мы первый раз превосходим Советы по танкам.

Любопытно и, после его прежних высказываний, не очень-то убедительно прозвучало утверждение Гитлера, что при более ран-

нем нанесении удара вопли Советов о помощи привели бы к ускорению высадки западных держав в районе Средиземного моря. Мы же, со своей стороны, ничего этому противопоставить не смогли бы, а на сопротивление итальянцев рассчитывать было бы нельзя. На Балканах противник нашел поддержку у местных народов. Теперь же критическая фаза в значительной мере преодолена. Мы имеем на Сицилии и на Пелопоннесе, а также на Крите более или менее достаточные силы. (...)

Свое решение все же провести операцию «Цитадель» Гитлер удачно обосновал тем, что мы не можем ждать, пока противник — может быть, зимой, а может, и после создания второго фронта — перейдет в наступление. К тому же, одержанный вскоре успех наступления, ведущий к прорыву обороны противника, желателен также с точки зрения его воздействия на наших союзников и на наш тыл. (...)

Он утверждал: дабы правильно оценить нынешнее положение, надо вспомнить, что положение в 1936 г. (занятие Рейнской области), в 1938 г. (Австрия), а также в 1939 г. и 1940 г. было куда более угрожающим. Теперь задача в том, чтобы защитить Европу на ее границах, имея в виду итальянские острова и Балканы. Сдача их, как и Донецкого бассейна, недопустима. А в остальном он смотрит на все вполне уверенно. Американские газеты вычислили потери гражданского населения Советского Союза: включая потери от голода, они составляют 30 миллионов человек. Он считает, что Советы потеряли от 12 до 14 миллионов годных к военной службе. При таких потерях и продовольственных трудностях противник должен однажды сломаться или, как в Китае, впасть в агонию.

Гитлер заявил, что ни о каких обещаниях отдельным советским народам во время войны не может быть и речи, так как это плохо сказалось бы на наших собственных солдатах, которые должны знать, что они воюют за жизненное пространство для своих детей и внуков. Ошибкой в первой мировой войне было то, что тогда мы не имели цели. (...)

Цит. по: *H.-A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*

АЛЬФРЕД ЙОДЛЬ

*Генерал-полковник,
начальник штаба оперативного руководства вермахта*

«ПОСТАВИТЬ РОССИЮ НА КОЛЕНИ НАМ НЕ УДАЛОСЬ»*

*(Из доклада
о положении Германии к началу пятого года войны
на секретном совещании рейхсляйтеров и гауляйтеров
в Мюнхене 7 ноября 1943 г.)*

Альфред Йодль (1890—1946), генерал-полковник (1944 г.), один из главных немецких военных преступников, повешенный по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. С августа 1939 г. — начальник штаба оперативного управления Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ). Доверенное лицо и один из ближайших военных советников Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам. Активно участвовал в разработке планов вооруженной агрессии Германии против других государств (в том числе — плана «Барбаросса» против СССР), а также массового уничтожения гражданского населения на оккупированных территориях. 7 мая по поручению назначенного Гитлером перед своим самоубийством нового главы германского государства гросс-адмирала Дёница подписал в Реймсе общую капитуляцию вермахта перед западными союзниками.

Рейхсляйтер Борман попросил меня сделать сегодня вам обзор стратегического положения к началу пятого года войны. Должен сознаться, я не без колебаний согласился выполнить эту нелегкую задачу. Тут общими словами не отделаешься. Не надо говорить о том, что еще должно быть, но надо откровенно сказать о том, что есть. Никто, так приказал фюрер, не должен знать и узнавать больше, чем это необходимо ему для выполнения своих задач. Но мне ясно, что вам, господа, надо знать очень многое, чтобы быть на уровне ваших задач. В ваших гау и среди вашего населения концентрируется все то, что пытается широко распространять среди нашего народа вражеская пропаганда: малодушие, злонамеренные слухи и т. п. То тут, то там дает о себе знать дьявол разложения. Все трусы ищут выхода или, как они говорят, политического решения. Они говорят: надо провести переговоры, пока еще не разрушена наша субстанция, и при помощи всех этих громких слов ведется бурное наступление на естественное ощущение нашим народом того факта, что в этой войне есть только борьба **До** последнего. Капитуляция — это конец нации, это конец Германии. Против этой волны вражеской пропаганды и трусости вам нужна не только сила, но и нечто большее. Вам нужно знание

* Заголовок дан составителем.

действительного положения, а потому я полагаю, что могу взять на себя ответственность дать совершенно откровенную и неприукрашенную картину нынешней обстановки. Это отнюдь не запрещенное разглашение тайны, а орудие, которое, вероятно, может помочь вам укрепить позицию народа. Ведь исход этой войны решается не только оружием, но и волей всего народа к пониманию ее задач.

Германия была разбита в 1918 г. не на фронте, а в тылу. Италия разгромлена сейчас не военным образом, а моральным. Она рухнула изнутри. Результат — не ожидаемый мир; нет, в результате преступления этих предателей на долю итальянского народа выпала судьба в тысячу раз тяжелее, чем продолжение войны на нашей стороне. (...)

Необходимость и целеустановка этой войны были понятны каждому еще тогда, когда мы вступили в великогерманскую освободительную борьбу и своим агрессивным ведением войны воспрепятствовали той опасности, которая столь зримо грозила нам со стороны Польши и западных держав. Вторжение в скандинавское пространство, рывок к Средиземному морю и нападение на Россию не вызывали никакого сомнения в правильности ведения войны до тех пор, пока мы побеждали. И только в связи с усиливающимся обострением нашего положения в целом в немецком народе стали звучать вопросы, уж не переборщили ли мы и не слишком ли большие цели поставили перед собой.

Ретроспективный взгляд

1. В том, что национал-социалистическое движение и его борьба за власть внутри страны являлись предварительной ступенью внешнеполитического освобождения от оков Версаля, в этом кругу мне говорить нет надобности. Но я ощущаю внутреннюю потребность сказать, что все дальновидные кадровые военные ясно видят, какую значительную роль сыграло национал-социалистическое движение в пробуждении вновь воли к воссозданию военной мощи, в культивировании военной силы и новом вооружении немецкого народа. Однако небольшой рейхсвер при всех его достоинствах не был способен разрешить эту огромную задачу. Теперь же произошел тот синтез обеих сил, к которому стремился и который столь счастливым образом осуществил фюрер.

2. С приходом [нацистов] к власти обозначаются прежде всего возвращение военной суверенности (всеобщая воинская повинность, занятие Рейнской области) и начало нового вооружения; особое значение приобретает создание современных танковых сил и люфтваффе.

3. Аншлюс Австрии принес не только осуществление **старой** национальной цели, но и, наряду с возрастанием нашей **военной** силы, значительное улучшение нашего стратегического положения. Если до тех пор чехословацкий район угрожавшим образом вкли-

нивался в территорию Германии (служба осиным гнездом для франции и авиационной базой для союзников, особенно для России), то теперь Чехия оказалась зажатой в клещи. Ее собственное стратегическое положение стало настолько неблагоприятным, что она должна была пасть жертвой энергичного нападения раньше, чем получит действительную помощь от Запада.

Эта возможность для Запада оказать помощь Чехословакии затруднялась, кроме того, строительством Западного вала, который, в противоположность линии Мажино, был задуман не как мало-жизнеспособная и примирившаяся с судьбой оборонительная мера, а как прикрытые с тыла нашей активной политики на Востоке.

4. Бескровное урегулирование чешского конфликта осенью 1938 г. и весной 1939 г., а также присоединение Словакии настолько закруглило образование великогерманского пространства, что возникла возможность иметь в виду также (при более или менее благоприятных стратегических условиях) решение польской проблемы.

5. Таким образом, я подошел к собственно началу нынешней войны. Прежде всего возникает вопрос, был ли удачно выбран момент для непосредственного столкновения с Польшей. Ответ на этот вопрос тем более несомненен потому, что все еще заставлявший считаться с собой противник был сломлен неожиданно быстро, а дружественные ему западные державы, объявив нам войну и открыв второй фронт, не использовали возможность выбить инициативу из наших рук. О ходе Польской кампании достаточно сказать лишь то, что она (а это отнюдь не было ясно с самого начала!) показала мощь молодого великогерманского вермахта в такой мере, что весь мир затаил дыхание.

6. Главный результат этого успеха заключался, однако, в том, что восточного противника больше не существовало и проблема второго фронта на основании соглашений с Россией поначалу могла рассматриваться как решенная раз и навсегда.

7. Тем самым центр тяжести ведения войны естественным образом переместился на Запад, где в качестве самой первоочередной задачи вырисовалась защита Рурской области от вторжения англичан и французов в Голландию. Еще до завершения польского похода фюрер принял решение о нападении на этого врага; Целью нападения могло быть только его сокрушение. То, что это Решение не было (как первоначально предусматривалось) осуществлено еще поздней осенью 1939 г., объясняется преимущественно погодными условиями, а частично и состоянием нашего вооружения.

8. Однако тем временем выдвинулась еще одна подлежавшая Решению проблема: захват Норвегии и Дании. (...) Ход и результат этой кампании известны. Она была в основном закончена столь своевременно, что можно было осуществить Западную кампанию с наступлением благоприятного времени года — в мае 1940 г.

9. Ошеломляющий успех этой кампании улучшил наши пози-

ции самым благоприятным образом. Мы получили в свои руки не только французский военный потенциал, который призван сослужить нам большую службу в дальнейшем ходе войны, но и прежде всего Атлантическое побережье с его военными портами и военно-воздушными базами. А это дало возможность непосредственно угрожать английской метрополии. Тут возникает вопрос: должны ли были мы высадкой крупного масштаба перенести войну на территорию самой Англии? Точно так же (учитывая возможное вступление в войну Соединенных Штатов Америки) следовало взвесить возможность захвата ряда передовых опорных пунктов в Атлантике (например, Исландии и Азорских островов, на которые тем временем наложил свою руку противник). С этих островов мы могли бы как с особым натиском вести борьбу против английского снабжения морем, так и оборонять европейское пространство подобно тому, как охраняет Великую Восточную Азию Япония на далеко выдвинутых вперед островах в Тихом океане. В разумном самоограничении фюрер этими целями пренебрег. (...) Они бы потребовали столь большого напряжения сил, на которое наше морское и воздушное вооружение еще не было способно.

10. Вместо этого зимой 1940/41 г. возникла другая возможность для борьбы с Англией. Если чисто внешне это происходило только в форме помощи нашему итальянскому союзнику в Северной Африке, то в конечном счете речь шла о борьбе против английского господства на Средиземном море, означавшего сильную угрозу южному флангу Европейского континента.

По мере того как все отчетливее проявлялись слабость и несостоятельность Италии, Северная Африка становилась германским театром войны.

И. Менее желательной была необходимость нашей союзнической помощи на Балканах, где итальянцы выкинули свой экстра-тур против Греции, хотя наступление, которое они начали в октябре 1940 г. из Албании с совершенно недостаточными силами, противоречило всем договоренностям. В конце концов оно привело с нашей стороны к такому решению, которое, с точки зрения перспективы, было раньше или позже необходимым. Запланированное наступление на Грецию с севера играло роль не только союзнической помощи. Оно призвано было не допустить, чтобы Англия укрепилась в Греции и оттуда угрожала бы нашим румынским нефтяным районам.

12. Одновременно росло осознание все более приближающейся опасности с большевистского Востока, которую в Германии видели слишком мало и из дипломатических соображений до последнего момента сознательно замалчивали. Однако сам фюрер эту опасность постоянно из вида не упускал. Уже во время Западной кампании он изложил свое основополагающее решение: энергично приняться за устранение этой опасности, лишь только это как-то позволит наше военное положение. (...)

13. После интермедии с переворотом в Югославии и примы-

дающего к нему похода на Балканы, а также захвата Крита это решение было проведено в жизнь. Осуществление его неизбежно **должно** было привести к глубокому проникновению в русское пространство, что несло с собой опасности, которые не имели столь ясно выраженного характера в предшествующих кампаниях.

Хотя нам ни в 1941 г., ни в 1942 г. не удалось полностью уничтожить вооруженную силу этого противника и тем самым поставить Россию на колени, все же следует считать нашим активом то, что большевистская опасность отброшена далеко от наших границ.

Если сегодня, учитывая неоднократные и продолжающиеся в 1943 г. отступления, вновь и вновь возникает вопрос, не недооценили ли мы в принципе силу противника, то в отношении отдельных этапов операций на этот вопрос следует ответить утвердительно. Но на решение о нападении [на СССР] и его постоянное соблюдение в целом это сомнение не распространяется. Точно так же, как и политика, ведение войны состоит не только из арифметических задачек, и важнейший опыт всех войн говорит о том, что правильная оценка противника принадлежит к тяжелейшим из тяжелых решений; здесь многое еще зависит от вещей, не поддающихся предварительному расчету, а выясняется это только в ходе самой борьбы.

Решающую ясность вносит то, что наступательным продвижением в темень русского пространства мы определили не только возможности людских резервов противника, но и техническое состояние его вооружения. Это вынудило нас к проведению тотальной войны и к таким техническим контрдействиям, на которые мы по собственной инициативе едва ли были бы способны. Можно лишь с некоторым содроганием думать о том, что произошло бы, если бы мы выжидательно стояли перед лицом этой опасности и рано или поздно были бы сметены ею. (...)

Еще раз кратко подытожу ход военных событий до осени 1943 г.

Оба первых военных года [1939 г. — 1941 г.] — это почти беспрецедентный триумф Германии и ее будущих союзников. Походы в Польшу, Норвегию, Францию, Северную Африку, на Балканы и нападение на Россию с продвижением до Донца, до самых ворот Москвы и на Волхове создали для обороны Европы широкое предполье, а благодаря захвату и обеспечению богатых источников сырья и продовольствия — предпосылки для ведения войны Длительное время. Превосходящее командование, лучшее применение современных боевых средств и на редкость высокие боеспособность и боевой дух наших войск по сравнению со всеми этими более слабыми противниками — вот что привело к этим победам. В этот временной отрезок войны, когда наше неоспоримое превосходство на суше и в воздухе смогли даже компенсировать наше безнадежное отставание на море (хотя бы в прибрежных во-

дах), пальма первенства в последнем рывке к ней не досталась нам.

На высадку в Англии, продуманную до последних деталей, при помощи импровизированных переправочных средств мы не могли рискнуть до тех пор, пока не было полностью ликвидировано британское господство в воздухе. Это удалось нам столь же **мало**, как и полное уничтожение советской военной силы. Будущие поколения не смогут упрекнуть нас в том, будто бы для достижения этой цели, решающей исход войны, мы не шли на самые крайние меры и не приложили всех своих сил.

Но на риск того, чтобы германская люфтваффе полностью истекла кровью в борьбе в небе Англии, учитывая предстоящую борьбу против Советской России, никто пойти не смог.

Однако на Востоке природная катастрофа зимы 1941 г. властно преградила путь даже самой непреклонной воле, заставив нас остановиться.

Тем самым стало ясно, что на быстрое окончание войны рассчитывать более не приходится, что нам предстоят суровые и тяжелые времена и всему народу придется приложить немалые усилия. Ведь любое наступление, не приведшее к перемирию или миру, говорит Клаузевиц, неизбежно должно закончиться обороной.

После первых неудач на Восточном фронте и на Северо-Африканском театре войны зимой 1941 г. рейх и его союзники еще раз собрали в кулак все свои силы, чтобы окончательно разбить новый натиск восточного противника, а также отнять у англичан их египетскую операционную базу. Крупная операция против Кавказа и против дельты Нила провалилась из-за нехватки сил и недостаточного снабжения. Впервые на Средиземном море проявилось техническое и численное превосходство наших западных противников в воздухе. Советскому командованию удалось остановить фронт под Сталинградом и в предгорьях Кавказа, а затем зимой с вновь созданными резервами прорвать застывший и слишком растянутый, большей частью занимаемый нашими союзниками фронт на Волге и на Дону. Состоящая из лучших немецких соединений 6-я армия уступила вражескому превосходству в силах, оставшись при ледящих душу морозах без достаточного снабжения.

(...) Военная сила Германии и ее союзников на исходе зимних боев 1942/1943 г. и после потери Африканской армии [Роммеля] оказалась в состоянии чрезвычайного напряжения. Правда, 5-ю танковую и 6-ю армии удалось сформировать снова, но четырех союзных армий мы лишились. Хотя оперативные резервы удалось превосходно вооружить, число их уже не смогло быть **увеличено** для проведения операций широкого размаха. Была утеряна большая подвижность сухопутных войск **и**, не говоря о русском фронте, также превосходство в воздухе. Стали заметны **превосходящая** промышленная сила наших противников и их гораздо **большой**

человеческий резервуар в Европе. (...) Вполне естественно, инициатива перешла в руки противника, а рейх и сражающиеся на его стороне нации оказались в обороне.

После того как выдвинутые на юг за пределы европейского фронта позиции были взяты противником, в июле 1943 г. началось вражеское наступление на Востоке с целью возвращения потерянных областей, а на юге континента — против собственно Крепости Европа, причем в ее самом слабом месте. В это же время англо-американская авиация совершила крупный налет на производственные объекты в Германии, стремясь также подорвать моральное состояние немецкого народа. (...)

В заключение, характеризуя наше положение в целом, хочу со всей откровенностью назвать его трудным и никоим образом не могу умолчать о том, что считаю возможными дальнейшие тяжелые кризисы. (...)

Мы победим потому, что должны победить, ибо иначе вся мировая история потеряла бы свой смысл.

Цит. по: *H.-A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten.*
На русском языке публикуется впервые

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

«ФЮРЕР ПРИКАЗАЛ, МЫ СЛЕДУЕМ ЗА НИМ»*

*(Из речи о тотальной войне в Спортпалласте
16 февраля 1943 г.)*

(...) Итак, вы, сидящие здесь передо мной, представляете в этот момент весь немецкий народ. И я хотел бы задать вам десять вопросов, на которые вы вместе со всем немецким народом должны дать мне ответ перед лицом всего мира, а особенно **наших** врагов, сейчас слушающих нас по радио.

Первый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял веру в победу. Я спрашиваю вас: верите ли вы вместе с фюрером и нами в конечную тотальную победу немецкого народа? Я спрашиваю вас: решили ли вы ради завоевания победы идти за фюрером в огонь и воду даже при самом большом личном бремени?

Второй: англичане утверждают, что немецкий народ устал от войны. Я спрашиваю вас, готовы ли вы, будучи фалангой фюрера в тылу сражающегося вермахта, продолжать эту борьбу с ожесточенной решимостью и вести ее, несмотря на все превратности судьбы, до тех пор, пока победа не будет в наших руках?

Третий: англичане утверждают, что у немецкого народа нет больше охоты брать на себя все возрастающий труд войны, которого от него требует правительство. Я спрашиваю вас: полны ли вы и немецкий народ решимости, если фюрер приказывает это, ежедневно работать по десять, двенадцать, а если нужно, то и по четырнадцать часов и отдать для победы свои последние силы?

Четвертый: англичане утверждают, что немецкий народ сопротивляется тотальным военным мерам правительства. Будто он хочет не тотальной войны, а капитуляции. Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы вести ее, даже если надо вести ее еще тотальнее и радикальнее, чем мы сегодня вообще можем себе представить?

Пятый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял доверие к фюреру. Я спрашиваю вас: разве ваше доверие к фюреру сегодня не еще больше, не еще убежденнее, не еще непоколебимее, чем прежде? Разве ваша готовность следовать за ним, идти по его пути и делать все, чтобы довести войну до победного конца, не стала абсолютной и беспредельной?

Я спрашиваю вас, в-шестых: готовы ли вы отныне отдать все

* Заголовок дан составителем.

свои силы и дать Восточному фронту людей и оружие, которые нужны ему, чтобы нанести большевизму смертельный удар?

Я спрашиваю вас, в-седьмых: даете ли вы фронту священную клятву, что тыл с высоким моральным духом стоит за ним и даст ему все, в чем он нуждается, чтобы завоевать победу?

Я спрашиваю вас, в-восьмых: хотите ли вы, особенно женщины, чтобы правительство позаботилось о том, чтобы женщина смогла отдать для ведения войны все свои силы и всюду, где только можно, заменила мужчин, которые нужны фронту, тем самым высвободив мужчин для него?

Я спрашиваю вас, в-девятых: одобрите ли вы, если это понадобится, самые радикальные меры против небольшого круга дезертиров и спекулянтов, которые в разгар войны играют в мир и хотят использовать народную нужду в своекорыстных целях? Согласны ли вы с тем, что тот, кто провинится перед народом, ведущим войну, должен за это лишиться головы?

Я спрашиваю вас, в-десятых и в завершение: хотите ли вы, чтобы, как того требует программа национал-социалистической партии, именно во время войны среди нас царили равные права и равные обязанности, чтобы тыл тоже солидарно принял на свои плечи тяжкое бремя войны и чтобы все — и те, кто стоит высоко или низко, кто беден или богат, поровну разделили это бремя?

(После первых же вопросов Геббельса из уст нескольких тысяч присутствующих раздавалось единодушное «да», которое после каждого следующего вопроса вновь сотрясало стены Спортпаласта. — *Примеч. источника.*)

Итак, я задал вам вопросы. Вы — дали мне свой ответ. Вы — часть народа, а значит, своими устами провозгласили позицию всех немцев. Своими возгласами вы выразили нашим врагам то, что они должны знать, дабы не предаваться иллюзиям и не создавать себе ложных представлений. Тем самым мы, как и с первого часа нашей власти все эти десять лет, пребываем в тесном и братском единстве с немецким народом. Самый могучий союзник, какой только есть на свете, сам народ, стоит за нами и полон решимости вместе с фюрером, не страшась самых тяжелых жертв, чего бы то ни стоило, добиться победы в борьбе. (...)

Все мы, дети своего народа, сплотившиеся в этот величайший, судьбоносный час нашей истории, клянемся всему народу, клянемся фюреру и фронту, что здесь, в тылу, мы хотим создать такой блок нашей воли, на который могут безусловно положиться и фюрер, и его сражающиеся солдаты. Мы обязуемся делать в нашей *изни и труде все, что нужно для победы. Мы хотим наполнить **аши сердца той политической страстью, которая всегда, во ^{Вс}е времена борьбы партии и государства пылала в нас, как негасн^т УЩий огонь. Мы никогда не хотели в этой войне впасть в объ^с*тивистскую мечтательность, которая принесла германской нации ^вее истории так много горя. Когда началась война, мы направили ^{На}ши взоры только исключительно на нацию. То, что служит ее

борьбе за свои жизненные интересы, — хорошо и должно сохраняться и поощряться. Мы хотим подходить к решению крупных проблем этого отрезка времени с горячим сердцем и холодной головой. Тем самым мы шагаем по пути, ведущему к конечной победе. А в основе всего лежит вера в фюрера.

Вот почему я хочу в этот вечер еще раз раскрыть глаза всей нации на ее великий долг. Фюрер ждет от нас таких свершений, которые затмят все, что было до сих пор. Мы хотим быть на высоте его требований. Мы гордимся им, а он должен иметь возможность гордиться нами. Только в период больших кризисов и потрясений национальной жизни показывают себя на деле истинные мужчины, а также и истинные женщины. Тут уж никто не имеет права говорить о слабом поле, ибо оба пола доказывают свою одинаковую боевую решимость и душевную силу. Нация готова ко всему. Фюрер приказал, мы следуем за ним.

В этот час национального осмысления и внутреннего подъема мы еще вернее и нерушимее будем верить в победу. Мы видим победу в осязаемой близости, нам надо только протянуть руку и схватить ее. Мы должны найти в себе решимость поставить на службу ей абсолютно все. Таково веление времени. А потому наш лозунг: «Вставай народ, поднимется буря!»

Цит. по: *H.-A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten.*
На русском языке публикуется впервые

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ

*Группенфюрер СС, начальник VI управления
(внешнеполитическая разведка) Главного управления
имперской безопасности (РСХА)*

Вальтер Шелленберг (1910—1952), нацистский преступник. Группенфюрер СС генерал-майор полиции. Будучи начальником VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА), возглавлял зарубежную политическую разведку и контрразведку рейха. За преступления против мира и человечности в 1949 г. был приговорен американским военным трибуналом к шести годам тюремного заключения. По просьбе тогдашних властей ФРГ освобожден досрочно. Умер в эмиграции.

МОИ СЕКРЕТНЫЕ ЗАДАНИЯ*

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГИТЛЕРА

Мессиянский комплекс Гитлера. — Воля к власти и сила внушения. — Физическая деградация. — Лучше гибель, чем компромисс

Поскольку мне часто приходилось иметь дело с Гитлером, я, казалось бы, должен был в состоянии нарисовать его близкий к оригиналу портрет. Однако сомневаюсь, что смогу это сделать. Во всяком случае, хочу попробовать внести в него некоторые цветовые нюансы.

Наряду с частично действительно присущим ему, но дилетантским и ограниченным мелкобуржуазным горизонтом, знанием дела Гитлер обладал похожим на нюх политическим инстинктом, сочетавшимся у него с навязчивым представлением, будто само Провидение предназначило его свершить нечто абсолютно необычайное в истории германского народа. К тому же у него имелась зачастую не сдерживаемая никакими моральными соображениями и угрызениями совести молниеносная способность принимать решения, при помощи которой он до тех пор, пока счастье благоволило ему, потрясал своими поступками не только немецкий народ, но и какое-то время весь мир. Мессиянский комплекс еще более усиливался в нем инстинктивным стремлением к власти и влиянию, а также «стремлением к суровости». В духе Ницше он, в меру своего понимания этого философа, предоставлял человеку возможность стать «сверхчеловеком». (Так, он подробно изучал жиз-

* Заголовок дан составителем.

неописания Наполеона и Бисмарка, а в узком кругу мне однажды довелось услышать его реплику: сколь по-иному сложилась бы история, женись Фридрих Великий на Марии-Терезии!)

В какого-либо персонифицированного бога он не верил, а придерживался веры в вечную и кровную связь поколений, но без загробной жизни. Он часто цитировал из «Эдды»*: «Все в мире проходит, непреходяща одна лишь смерть да слава деяний». Не в последнюю очередь Гитлер обладал силой внушения, которая позволила ему стать властелином 80-миллионного народа; он сполна использовал эту силу — не только тем, что умел с ее помощью подчинить себе многих в своем окружении, но и тем, что чересчур охотно применял ее, дабы создать у своих слушателей впечатление собственного незаурядного интеллекта и основательных знаний. Это впечатление он старался усилить посредством искусства диалектики. Как мастерски ему это удавалось, видно из того, что в дискуссии он мог выбить из седла даже искуснейших специалистов. Контраргументы приходили им в голову в большинстве случаев, когда они уже закрыли за собой дверь Имперской канцелярии и, спокойно поразмыслив, констатировали, сколь скудными на самом деле были знания Гитлера.

Пристрастие к германской древней истории, к изучению истоков нордической культуры, и прежде всего арийских народов, служило той основой, на которую во многом опирались его расовая теория превосходства германцев и отказ от смешения рас. На этом базировалась и его первоначальная концепция единения с «братским германским народом» Англии, причем столь далеко идущим образом, что, по его взглядам, следовало слить вместе биологический и политический потенциал обоих народов, дабы противопоставить его величайшему врагу Запада — «коммунистическому недочеловечеству». Притом он был твердо уверен, что Сталин начиная с 1924 г. систематически, в духе своей программы, осуществлял расовое смешение советских народов, с тем чтобы обеспечить доминирование монголоидной крови. Ни одно из многочисленных донесений секретной службы о действительном ходе развития в России не могло заставить Гитлера отказаться от этого навязчивого представления.

О ненависти Гитлера к евреям я в начале 30-х годов беседовал в Мюнхене с одним старшим по возрасту студейтом-корпорантом, врачом д-ром Г. Эта беседа впервые дала мне представление о том, с каким односторонним фанатизмом Гитлер уже тогда выступал в этом вопросе. Д-р Г. был приверженцем так называемого «звездного маятника» — метода, который якобы был способен без всякого труда выявить среди ряда людей евреев или лиц смешанной еврейской крови. Гитлер, сказал он мне, уже давал ему множество таких заданий.

* Северогерманский эпос XIII в., прославлявший языческих богов и героев.
Примеч. сост.

Другим, кто укрепил Гитлера в его еще юношеских взглядах, был австрийский инженер Плайшингер. Этот тоже действовал в **рамках** антисемитского движения в Вене. От него Гитлер воспринял столь часто цитируемую фразу: «Евреи — опаснейшие **микробы** полного разложения; они способны мыслить только аналитически, а не синтетически». Плайшингер приобщил Гитлера к идейному арсеналу внутреннего построения и организации **партии** на основе иерархической системы католической церкви. От него идут и известные идеи насчет «политики большого жизненного пространства». Наряду с этим он обеспечил Гитлера **военными** работами, из которых тот почерпнул свои знания о массовом и народном войске, о значении будущих специальных **соединений**, а также о летчиках-камикадзе и т. п. Зачастую Гитлер самостоятельно развивал такие идеи с предвосхищающей время интуицией. Однажды я стал свидетелем беседы, в которой он заявил: в 2000 г. вообще не будет больше никаких пехотных соединений, останутся только танки с одним человеком. Эти танки не будут потреблять никакого горючего, будут оснащены наступательным оружием нового образца, и им не потребуются в радиусе их действия никакого подвоза за две тысячи километров.

Вера Гитлера в собственное мессианское предназначение, судя по всему, что мне доводилось видеть, росла с каждым годом настолько, что все больше принимала форму болезненной одержимости. После убийства Гейдриха я имел возможность познакомиться с медицинскими заключениями личных врачей Гитлера д-ра Морелля, д-ра Брандта, а также д-ра Штумпфэггера и беседовать с профессором де Кринсом о все больше внушавшем опасения состоянии нервной системы фюрера. С 1943 г. (после Сталинграда и поражения в Северной Африке. — *Сост.*) под воздействием нервных перегрузок у него все сильнее прогрессировала болезнь Паркинсона; конечный итог — нервный паралич. В то время еще больше возросло стремление Гитлера уничтожить евреев. Чаше, чем раньше, он раздражался руганью по адресу «мирового еврейства», в лице которого видел главного виновника военной катастрофы Германии. На этом фоне он оценивал и заявление Черчилля и Рузвельта в Касабланке (с их требованием безоговорочной капитуляции Германии. — *Сост.*), которые для него являлись не чем иным, как «подручными жидов».

Вместе с усиливавшейся возбудимостью увеличивалось и количество бесчисленных директив и приказов, которыми он буквально засыпал всех своих сотрудников, руководителей ведомств и Учреждений. При этом зачастую важные приказы отдавались двум лицам или учреждениям одновременно. Такой приказной дуализм он называл «естественной конкуренцией в производительности Труда», «обеспечением ее повышения», а также изобретал для того и иные названия. В другой раз он сказал: «Надо, чтобы между людьми возникали трения, благодаря трению возникает тепло, а тепло — это энергия».

Снова увидев Гитлера в середине 1944 г. (мне пришлось принять участие в докладе Гиммлера в ставке фюрера), я просто ужаснулся. Глаза, прежде доминировавшие на его лице, теперь глядели на меня устало, без всякого блеска. Спина заметно согнута, движения медленные и затрудненные. При этом левая рука дрожала так сильно, что ему приходилось поддерживать ее правой. Только голос все еще был ясным и громким.

Гитлер на основе доложенных мною секретных донесений коснулся некоторых проблем Балкан, особых отношений югославского генерала Михайловича с англичанами, отношения англичан к Тито, а также положения на Переднем Востоке. Потом он посмотрел на меня пронизывающим взглядом и сказал повышенным тоном:

— Я постоянно читаю ваши «донесения Эгмонта»*.

Последовала пауза. В душном воздухе бункера слова Гитлера звучали обвиняюще и уже осуждающе.

— Запомните, Шелленберг, одно, — гневно продолжал он. — В этой войне компромисса нет, есть только победа или гибель. Если немецкий народ спасует, он погибнет!

И затем прозвучала незабываемая для меня фраза:

— Да, тогда он должен погибнуть, тогда он должен подохнуть; ведь лучшие сыны народа пали в борьбе, а остаток должен уступить место биологически более сильному. Если немецкий народ не выстоит, конец для Германии будет ужасен. Но большего он не заслужил.

Да, здесь царило чистейшее безумие!

МОИ ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОМПРОМИССНОГО МИРА

[1942 г.]

Меры секретной службы на случай высадки союзников. — Я посвящаю в них Гиммлера. — Его реакция. — Меня вызывают в ставку фюрера в Житомире. — Личный врач Гиммлера в качестве связного. — Мой первый откровенный разговор насчет прекращения войны. — Предпосылки и пределы готовности к компромиссному миру. — Гиммлер дает мне тайные полномочия

Хотя наша военная промышленность до сих пор еще в значительной мере оставалась не разрушенной налетами авиации и день и ночь работала на полных оборотах, я с марта 1942 г. предусмотрительно начал создавать в различных странах сети на случай нашего отступления или высадки вражеских войск. Речь шла

* Речь шла о сообщениях о международной политической ситуации и положении Германии. Было собрано множество материалов в доказательство того, что положение Германии чрезвычайно серьезно и ни в коей мере не отвечает официальным пропагандистским лозунгам. Сообщения эти рассылались всем соответствующим руководящим органам и означали для меня лично большое испытание, так как позволяли обвинять меня в «пораженчестве». *Примеч. авт.*

прежде всего о создании узловых пунктов секретной информации, **которые**, будучи объединены так называемыми «управляющими органами», вели бы постоянную работу в организационном и кадровом отношении и в значительной мере были бы укомплектованы аборигенами. Эти меры безопасности мыслились только на тот случай, если бы соответствующие страны были изъяты из сферы германской власти или влияния.

Свои предварительные меры я сначала предпринял без ведома Гиммлера, но они в конце концов стали для секретной службы столь обременительны с точки зрения валюты и организации их работы, что я решил проинформировать его об этом. Мне приходилось в первую очередь ожидать, что он поставит меня на место не столько из-за моего самоуправства, сколько из-за лежащего в основе этих мер сомнения в нашей конечной победе. И действительно, уже в ходе моего доклада Гиммлер выразил довольно сильное недоверие, назвав меня пессимистом и даже пораженцем. Но мне все же удалось отстоять свою точку зрения, правда, вынужденно пообещав ему, что в официальном докладе, предназначенном для Гитлера, я об этой сети не упомяну ни словом.

Но особенно беспокоил меня в данный момент тот факт, что наше высшее руководство ввиду узости своего политического мышления не осознавало истинной ситуации. Мои донесения о военном потенциале Соединенных Штатов, несмотря на поступавшие секретной службе подтверждения, как и прежде, игнорировались. То же происходило и с моими подробными, базировавшимися на соответствующих материалах экспертными заключениями о действительном военном потенциале Советов и силе русской армии. Возможно, что в этом я заходил слишком далеко: когда однажды Гитлер прочел такой доклад, он в большом возбуждении вызвал к себе Гиммлера. В результате тот распорядился немедленно посадить за пораженчество ответственных за это заключение экспертов. Только после того, как по моей просьбе вступился статс-секретарь Бакке, пользовавшийся определенным авторитетом как знаток России, Гиммлер дал мне возможность оправдаться устно.

Этот разговор поначалу проходил крайне бурно. Гиммлер ругательно ругал всех экспертов — составителей доклада, называл специалистов института в Ванзее шпиками НКВД и, не в последнюю очередь, нападал на меня. Видно, бремя моей должности, орал он, стало для меня слишком тяжелым, ибо я все больше подпадаю под влияние своих сотрудников и поддаюсь пораженческим разговорам. Но постепенно мои спокойные аргументы все же начали действовать на него и под конец об аресте Речи уже не шло. Передо мной сидел уже задумавшийся Гиммлер.

«Да, — протянул он, — если мы на этот раз не справимся с Востоком, а справиться мы можем только при величайшей твер-

дости, нам придется уйти с исторической сцены. Если бы вы оказались правы, это было бы ужасно, но тем не менее недопустимо заранее всякими интеллигентскими рассуждениями побуждать проявлять слабость».

Вот так и продолжали клясться в верности лозунга о «тотальной победе», более того, провозгласили, будто конечный успех уже близок. Однако меня не покидала мысль: как мне, несмотря на неудачные попытки, убедительно показать Гиммлеру опасность недостаточной гибкости в оценке мировой обстановки. О ком-либо ином, кроме Гиммлера, в данном случае говорить не приходилось, ибо путь через Риббентропа был совершенно бесперспективен. От министра иностранных дел никакого понимания этого ожидать не приходилось: как и многие в окружении Гитлера, он с бюрократическим педантизмом действовал по его указаниям, а в остальном, подобно им, тратил свои нервы и работоспособность на внутреннюю борьбу за власть и всякие стычки. Лишь немногие думали о том, что когда-нибудь история критически оценит происходящее в рейхе; другие же не помышляли ни о чем, кроме собственной повседневной работы. Высшее же руководство, к сожалению, слишком много думало об истории, но только в смысле «делания истории» в рамках гитлеровского Тысячелетнего рейха.

Поскольку оценка всей поступавшей в мое распоряжение информации и все факты делали для меня тотальную победу Германии более невозможной, мне все больше становилось ясно: просто предостерегать недостаточно, теперь самое время уберечь Германию от наихудшего и своевременно сманеврировать так, чтобы вывести ее из войны путем компромиссного мира. До тех пор пока у нас еще есть средства борьбы, остается шанс успешно вести переговоры. А как раз в это время — то был август 1942 г. — из секретных донесений стало известно, что между Сталиным и западными союзниками возникли определенные трения. Советы ждали не только поставок американского вооружения, но и еще больше — открытия союзниками второго фронта на Западе, хотя те пока не прилагали к этому никаких усилий. Англия была слишком слаба, чтобы действовать одна, она еще явно ждала прибытия американских военных материалов. Эта ситуация, а именно пока западные державы медлили с высадкой на Европейском континенте, казалась мне подходящей, чтобы выпустить во все стороны щупальца для зондирования путей к переговорам. То, что переговоры с Россией, несмотря на временные поражения, были отнюдь не бесперспективны, подтверждало японское предложение о посредничестве.

Но, во всяком случае, все попытки такого рода требовали прикрытия с тыла со стороны одного из деятелей, который был бы способен в случае необходимости противостоять людям типа Риббентропа и Бормана. Таким фактором власти и силы являлся именно только Гиммлер, который, опираясь на слепо преданный

ему орден СС, имел в своем распоряжении средства для того, чтобы добиться изменения политической линии Германии. Мой непосредственный доступ к нему давал мне некоторую надежду ошупью подобраться ближе к цели.

В начале августа 1942 г. меня вызвали на доклад в ставку фюрера, которая находилась на Украине. Гиммлер и его штаб занимали прекрасно расположенное офицерское училище в Житомире, превратив его в свой полевой командный пункт. Благодаря коротковолновой ради и телефону они имели связь с самыми отдаленными местами Германии и всех захваченных стран. Для встреч с Гитлером и обсуждения с ним обстановки Гиммлер ежедневно ездил в своем тяжелом командном автомобиле по шоссе Житомир—Винница.

Итак, вечером я сел в курьерский поезд, отправлявшийся в **Варшаву**, чтобы остановиться ненадолго там. Во главе генерал-губернаторства тогда стоял имперский министр Ганс Франк, который имел привычку как хозяин самым лучшим образом принимать в своем королевском дворце всех высших чинов вермахта, СС и партийных руководителей. Франк уже получил письмо от Гиммлера насчет меня. Тот хотел, чтобы я один день отдохнул в Варшаве, дабы поездка не слишком утомила меня. А на **следующий** день я должен был вылететь специальным самолетом в Житомир.

У Франка я встретил множество генералов вермахта, командиров войск СС, а также высших ээсовских и полицейских офицеров. Мне было интересно послушать мнение этих людей о боеспособности наших войск, а также и оценку военной обстановки вообще. Под впечатлением успешного летнего наступления на южном участке Восточного фронта они, казалось, не испытывали никакого беспокойства, а мысли их касались исключительно военных действий.

Ранним утром следующего дня я поднялся в гиммлеровский самолет. Из кабины «Кондора» передо мной впервые раскрылся необъятный русский простор. Лишь изредка я замечал следы войны. Они пролегли, как выжженные шрамы, через леса, луга и пашни, а между ними вновь лежала на сотни километров совершенно мирная и нетронутая земля. При этом взгляде из самолета, в непрерывном гуле моторов я стал ощущать, какие усилия требовались от наших солдат, чтобы одолеть эти просторы. После посадки наша автомашина с немыслимой скоростью помчалась в Житомир. Здание нашей штаб-квартиры было приведено в приличное состояние и обставлено современной мебелью. Разместившись в симпатичной комнате с душем, я сначала поболтал со штандартенфюрером СС (соответствовал чину полковника вермахта. — *Сост.*) Брандтом, личным адъютантом Гиммлера, чтобы Прощупать царившую в данный момент атмосферу. Внешне Брандт был невысоким, довольно невзрачным человеком, которому Гиммлер полностью доверял. Лишь только его шеф рано поутру вста-

вал, Брандт сразу же оказывался у него под рукой, нагруженный бумагами и документами. А пока Гиммлер брился, зачитывал ему самое главное из утренних газет. Если новости были плохие, Брандт предварял их словами: «Извините, рейхсфюрер...» Будучи предупрежден таким образом, Гиммлер на миг прекращал бритье, словно боясь, как бы бритва не выпала у него из рук.

За ужином я встретился с самим Гиммлером. Все присутствующие были обязаны являться к ужину в брюках навыпуск, в белых сорочках и (вместо военных сапог) в полуботинках такового было специальное распоряжение Гиммлера, соблюдения которого он требовал вплоть до конца войны. Он принял меня в самом лучшем расположении духа, осведомился о моем здравии и заверил, что д-р Керстен, присутствовавший тут же, вновь охотно возьмет меня под свое попечение.

Здесь я хочу более подробно рассказать об этом личном враче Гиммлера, так как ему было суждено играть некоторую роль в связи с моими планами. С начала войны д-р Керстен все больше становился «тенью» Гиммлера. Без него тот просто не мог считать себя здоровым. Керстена ему в свое время порекомендовал директор одного германского калийного синдиката. Считалось, что он успешно лечил королеву Нидерландов Вильгельмину, а также видных промышленников всего света. Керстен, несомненно, обладал исключительным магнетическим дарованием, был весьма интересным и многосторонним человеком, поднявшимся вверх благодаря самообразованию и своеобразному таланту. Практикуемое им лечение заключалось в массаже всего нервного комплекса кончиками пальцев. Усиливая этим кровообращение, он заставлял нормально функционировать всю нервную систему. Головную боль или невралгию он мог снять за несколько минут. Неудивительно, что Гиммлер в характерные огромной нервной **нагрузкой** годы войны становился все более зависимым от Керстена, а тот приобретал все большее влияние на своего пациента. Однажды Гиммлер сказал, что доктор своим методом лечения может «учуять» даже характер нервных реакций **и** нервной **энергии** человека и, таким образом, оценить его физические и нравственные способности. Поэтому каждого, кого он считал для себя важным, Гиммлер подвергал своего рода тестированию **Керстеном**.

Внешне Керстен был человеком малопривлекательным — круглый, толстый, весом, на взгляд, поболее ста килограммов. Его грубые руки никак не позволяли предполагать чувствительность кончиков пальцев. К тому же он носил на редкость толстые очки, чтобы придать благожелательность своим светло-голубым **глазам**, которые производили какое-то змеиное впечатление. Держался он добродушно и дружелюбно, частенько даже игриво. У него имелась только одна страсть — он был фантастическим дельцом, скупал решительно все, что можно было приобрести «ниже цены»»

например дюжину часов или зажигалок. Кроме того, любил посплетничать и поблэфовать. Благодаря этому, а также тому, что многие ему завидовали, он со временем нажил себе немало врагов. Некоторые даже высказывали подозрение, не агент ли он британской разведки. Когда я однажды заговорил об этом с Гиммлером, тот сказал: «Ах ты Боже мой, этот толстый малый — да он же слишком добродушен и никогда не сделает мне больно! Но если вы хотите это расследовать, что ж, хорошо, дело ваше. Но только постарайтесь не взволновать его».

Кальтенбруннер* и Мюллер тоже охотно добились бы падения Керстена, но боялись подступиться к нему из-за Гиммлера. И таким образом, Керстен, не в последнюю очередь благодаря той поддержке, которую я оказал ему в связи с моими планами, остался цел и невредим.

Возвращаясь к моему разговору с Керстеном в Житомире, могу сказать: выяснилось, что с моей идеей заблаговременного прекращения войны он согласен целиком и полностью. Он даже без обиняков сказал мне, что готов использовать для этого свое влияние на Гиммлера. Кроме того, он вселил в меня мужество самому предпринять нажим на Гиммлера, поскольку я, как ему известно, у него на хорошем счету. Я же, со своей стороны, пообещал Керстену защищать его от Мюллера.

За обеденным столом в первый вечер моего пребывания в Житомире я беседовал с Гиммлером о чем угодно, только не о войне, а он говорил об Индии, затрагивал различные концепции индийской философии. Потом он сел на своего любимого конька— средневековые процессы против ведьм. Оживленно рисовал результаты новейших исследований и возмущался тем, что из-за предрассудков было пролито так много «доброй германской крови» — имелись в виду тысячи ни в чем не повинных «ведьм». Отсюда он перешел на католическую церковь и на испанскую инквизицию как на «характерные признаки примитивного христианства». (В действительности же, как я установил по более поздним описаниям, он восхищался католической церковью. Так, он часто вспоминал, как, будучи мальчуганом, «с глубокой верой в Бога» прислуживал во время святой мессы. Но позже его комплекс ненависти к отцу перешел в комплекс ненависти к католической Церкви.)

На следующее утро Брандт вызвал меня на доклад к Гиммлеру. Было известно, что Гиммлер планировал после обеда поехать к Гитлеру в Винницу и пожелал, чтобы я предварительно информировал его о возможности китайско-японского компромисса. Мой доклад занял почти всю первую половину дня. Под конец Гиммлер^в Друг спросил меня:

* С января 1943 г. преемник Гейдриха на посту начальника РСХА. *Примеч. сост.*

— Вы выглядите таким сумрачным. Вам нездоровится?

— Напротив, рейхсфюрер, — ответил я, — лечение Керстена здорово подбодрило меня.

Гиммлер какой-то момент испытующе глядел на меня, словно его обрадовало, что мы с Керстеном хорошо понимаем друг друга. И тогда я решился перейти к делу напрямик.

— Я знаю, — сказал я, — как вы заняты, и все-таки хотел бы поговорить с вами о важнейшей части моего доклада. Но я не желал бы начинать, пока не узнаю, есть ли у вас время выслушать меня спокойно.

Гиммлер вдруг как-то занервничал.

— Что-нибудь неприятное, личное?

— Ничего похожего. Хотел бы изложить вам одно дело, которое, вероятно, потребует трудного решения.

В этот момент в комнату зашел Брандт. Гиммлер дал ему какое-то указание и, глядя на меня, сказал, что свою поездку в Винницу откладывает и я должен явиться к нему после обеда.

После обеда Гиммлер сразу позвал меня в кабинет. Он встал из-за письменного стола, подошел ко мне и спросил, не хочу ли я чего-нибудь выпить. Потом пригласил сесть и закурил сигару — тоже событие совсем необычное для него.

— Так, прошу, начинайте, — вежливо произнес он.

Ввиду необычного предмета разговора я попросил разрешения начать немного издалека. Гиммлер кивнул в знак согласия. Начал я с одного эпизода времен моей службы референтом-юристом; рассказал, как решил трудный юридический казус, сначала всячески увиливая от него, а затем написав приговор в один присест. Потом председатель суда вызвал меня и сказал, что тем самым я продемонстрировал два качества: одно — пунктуальность, а другое, произнес он ироническим тоном, способность работать быстро. Он хотел бы дать мне несколько добрых советов и надеется, что я их запомню на будущее. Он профессионально указал на то, что материал процесса позволял сделать разные по характеру выводы. Вместо того чтобы ехать по однопутке и видеть только одно решение, я, спокойно обдумав, мог бы взвесить и альтернативное решение. Я добавил, что такое встречается не только в юридической практике, но и в жизни человека, когда он сталкивается с различной постановкой проблемы, и потому всегда хорошо помнить о возможности альтернативного решения.

Гиммлер глядел на меня своими поблескивающими очками, и во взгляде его любопытство смешалось с недоверием. Я выдержал его взгляд и продолжал:

— Я действительно никогда не забывал этих слов, и они в конце концов привели меня к тому, чтобы поставить перед вами, рейхсфюрер, подобный же вопрос.

Я еще раз набрал побольше воздуха в легкие и сказал:

— Осмелюсь ли я, рейхсфюрер, спросить вас: в каком ящике

письменного стола у вас лежит альтернативное решение о прекращении войны?

Гиммлер сидел передо мной совершенно растерянный. Воцарилось гнетущее молчание, пока он не нашел слов для возражения.

— Вы что, спятили? — Голос его прервался. — Нервы сдали? Да как вы вообще посмели говорить со мной подобным образом?

Я ждал, пока его возбуждение стихнет. А потом ответил:

— Я знал, рейхсфюрер, что вы отреагируете именно так. Думал даже, что будет хуже.

— Вы переутомились от работы. Отправляйтесь на несколько дней в отпуск.

Голос его немного поутих и стал не таким раздраженным. Я почувствовал, что могу продолжать: в общих чертах обрисовал на данный момент соотношение сил участвующих в войне государств, как это вытекало из моих материалов. Я заметил, что мои слова вызывают у него интерес. Иногда он кивал головой, не перебивая меня.

— Даже такой человек, как Бисмарк, — сказал я в заключение, — да еще находясь на вершине власти, всегда имел альтернативу. Сегодня Германия стоит на вершине своей власти и имела бы хорошие шансы побудить своих противников пойти на компромисс.

Гиммлер встал и в задумчивости заходил по комнате.

— До тех пор, пока фюреру советует Риббентроп, что-либо подобное произойти не может, — произнес он, словно говоря сам с собой.

Я немедленно ухватился за это, пока Гиммлер не испугался собственного куража. Ведь если мне сейчас не удастся заставить его прийти к волевому решению и вырвать у него обязывающее согласие, я, зная черты его характера, должен считаться с тем, что вскоре он под влиянием Гитлера снова впадет в двойственное состояние и безволие. Поэтому я тут же поддержал лежавшее в основе его высказывания мнение, что Риббентроп стал непригоден и должен уйти.

— Он всегда отвергал мои идеи во внешнеполитических делах и противопоставлял им свои, — продолжал Гиммлер.

Я еще чуточку подогрел его неудовольствие, указав на провал Усилий Японии в качестве посредника между Германией и Россией, а также напомнил о наших посреднических усилиях между Японией и Китаем, которые сорвались из-за эгоизма и близорукости Риббентропа. Я упомянул и о сообщении, что Советы на своих промышленных предприятиях используют китайскую рабочую силу.

Гиммлер медленно подошел к своему письменному столу, на котором стоял большой глобус. Провел ладонью по огромной советской территории, а потом направил указательный палец на маленький привесок — Германию.

— Если мы проиграем, спасение вряд ли придет, — произнес он.

А потом сделал такое же движение рукой по Китаю:

— А что произойдет, если однажды Россия вступит в союз с Китаем? Пожалуй, с результатом в виде расового смешения?

После задумчивой паузы прозвучали его слова:

— Боже, покарай Англию!

Потом он повернулся ко мне и спросил:

— Какое действие возымеют ваши идеи на практике? И как вы сможете не допустить, чтобы история не ударила по нас, как буран? Ведь вполне возможно, что тогда западные державы поспешат договориться с Востоком.

— Если наши переговоры будут вестись правильно, именно этой возможности можно и не допустить.

— И как же вы намерены действовать?

Я пояснил, что ничто не может осуществляться по официальным каналам обычной дипломатии и поэтому надо подключить политический сектор секретной службы. В случае неудачи можно дискредитировать участников и привести их к падению. С другой стороны, для противной стороны важно знать, что та личность, с которой она имела бы дело, действительно авторитетна. Если он, Гиммлер, готов назвать такую личность и, кроме того, пообещает до конца года отстранить Риббентропа от его должности министра иностранных дел, я могу попытаться установить контакт с западными державами. Устранение Риббентропа послужило бы доказательством того, что подул новый ветер, и дало бы нашему предположению необходимую опору.

Здесь Гиммлер перебил меня:

— Пожалуй, я смог бы убедить Гитлера расстаться с Риббентропом, если бы был уверен в поддержке Бормана. Но мы никоим образом не должны посвящать Бормана в свой план. Он способен все перевернуть и утверждать, будто мы хотим добиться соглашения со Сталиным.

И Гиммлер стал задумчиво крутить вокруг пальца **кольцо**-змейку — знак того, что он действительно задумался.

— Вы в самом деле верите, что замена министра **иностран**ных дел явилась бы в глазах наших противников достаточным **доказа**тельством нового курса германской политики?

Я немедленно подтвердил.

— И было бы возможно дать старт такому плану без **того**, чтобы наши противники истолковали это как признак нашей слабости?

Я еще раз подробно обрисовал ему путь, по которому **намере**-вался пойти. Гиммлер порой кивал **и**, казалось, соглашался с моими мыслями. Вдруг он резко повернулся и стал **рассматривать** висевшую на стене карту Европы. Немного помолчав, он **сказал**:

— Пока вы только объяснили мне необходимость **альтернатив**ного решения самого по себе. А теперь давайте обсудим ту **кон**-

кретную основу, на которой вообще могли бы вестись переговоры о компромиссном мире. Начнем с британцев.

— Согласно имеющейся у меня информации, англичане, — заявил я, — настаивают на том, чтобы мы, как минимум, отдали обратно север Франции, ибо они никогда не потерпят батарей германских орудий на побережье Па-де-Кале.

— И вы считаете, что при определенных условиях наш альянс с этим братским народом был бы возможен?

Я пожал плечами и ответил:

— Путь к этому будет долог.

— А как обстоит дело с германскими областями на континенте — с Голландией и Фландрией?

— Нам, верно, придется восстановить прежнее состояние этих стран, — ответил я. — При этом можно было бы, — тут я сыграл на его расовой политике, — расселить на германской территории элементы, верные нашему мировоззрению.

Гиммлер зеленым цветным карандашом уже очертил на карте Голландию, часть Бельгии и Северную Францию в качестве объектов для переговоров.

— А Франция? — спросил он, помедлив.

— Здесь мне представляется решение, направленное на слияние германо-французских интересов. Однако следует восстановить собственное политическое лицо Франции. Не надо снова отягощать германо-французские отношения доктринерскими предрассудками или политическими обидами. То же самое и с Эльзасом. Вы знаете, я сам родом из Саарбрюккена и по собственному опыту знаю, какую ошибку совершила Франция после первой мировой войны, включив Саар в свой состав.

— Но, — недовольно бросил Гиммлер, — Эльзас имеет в себе большую долю германской крови, почти не затронутую французской культурой.

Наконец он, хотя и против воли, все же обвел зеленым полукругом и Францию. Мы без размышлений добавили Швейцарию и Италию, а затем, направив острие карандаша на Австрию, он вдруг сказал:

— А вот она останется нашей!

Он стал задумчиво разглядывать Чехословакию:

— А что произойдет с ней?

— Судеты политически и экономически останутся у рейха. Чехия и Словакия должны получить автономные правительства, но экономически оставаться связанными с рейхом. Считаю, что это было бы наилучшим решением для всей Южной Европы, включая Хорватию, Сербию, Болгарию, Грецию и Румынию.

Когда я стал развивать свою мысль, он перебил меня:

— Именно это в долгосрочной перспективе привело бы снова к экономической гонке с Великобританией, а затем возникли бы те же самые старые противоречия, что и прежде.

Теперь мы заговорили о Польше и Прибалтийских государствах.

— Польский народ должен будет работать на нас, — сказал он приказным тоном, — а здесь должна быть создана область для экспансии Финляндии, — и он зеленым карандашом указал на Прибалтийские государства. — Финны — люди надежные. Этот северный угол не доставлял бы нам тогда головной боли.

Потом Гиммлер перевел свой взор на Россию. Возникла продолжительная пауза.

— Если я вас правильно понимаю, — возобновил он разговор, — все наши территориальные приобретения на Востоке должны быть брошены на чашу весов в качестве залога будущих переговоров с Россией.

— Да, рейхсфюрер.

В связи с этим я напомнил ему слова французского премьер-министра Лавалля, который однажды сказал Гитлеру: «Г-н Гитлер, вы ведете великую войну, чтобы построить новую Европу, но вы должны были бы сначала построить новую Европу, чтобы смочь вести вашу великую войну» (подразумевается: против России. — *Авт.*). Компромиссный мир, продолжал я, должен был бы поставить Германию в такое положение, чтобы она и в будущем могла утвердиться против Востока.

Наша беседа затянулась до ночи. Но в конечном итоге я добился того, что Гиммлер был готов отныне сам активно включиться во внешнеполитическую игру. Он даже скрепил рукопожатием свое обещание, что до Рождества 1942 г. Риббентроп будет смещен со своего поста. Кроме того, он дал мне принципиальное разрешение установить связь с западными державами по каналам нашей зарубежной разведки.

— Ваш план утвержден, — сказал он мне в заключение, — однако с одним условием: если вы, принимая подготовительные меры, допустите серьезную ошибку, я выброшу вас, как кусок горячего угля с ладони.

Тем самым Гиммлер предоставил мне свободу действий. Это было больше того, на что я вообще мог надеяться. Но тогда я еще не полностью сознавал, насколько сильно на реализацию этого решения окажут влияние факторы, находящиеся вне моего контроля. Я не принял в расчет и то, что благодаря своему изменчивому характеру Гиммлер слишком часто превращал свои порой добрые намерения в их полную противоположность.

Во всяком случае, он дал мне стартовые возможности, и отныне главные мои мысли и усилия были направлены на то, чтобы вывести Германию из тупика войны на два фронта. Разумеется, я был тогда еще большим идеалистом и твердо верил в свой успех. В действительности же началась длинная цепь разочарований, лишь весьма редко прерываемая вспышками обнадеживающих перспектив. А в конце концов я вынужден был сознаться самому

себе: я — слишком маленькое колесико в огромной машине, определяющей весь ход развития.

КОНЕЦ УЖЕ ВИДЕН

речь Гитлера перед наступлением в Арденнах. — Освобождение евреев в ходе «акции Мюзи». — Козни Кальтенбруннера. — Приезд графа Бернадотта. — Его переговоры с Гиммлером. — Эсэсовская верность и страх перед Гитлером. — Путь Гиммлера в Каноссу

Ужасающий крах уже стал опасно близок. Летнее наступление Советов в 1944 г. отбросило наши войска до Восточной Пруссии, и Вислы. На Западе высадились союзники, с боями достигшие германской границы.

Незадолго до наступления в Арденнах в декабре 1944 г. Гитлер еще раз созвал генералитет сухопутных войск и с учетом бедственного положения Германии обратился к общественности с последним призывом.

Исходя из истории рейха, он коротко обрисовал германские проблемы средневековья и вытекавшие из Тридцатилетней войны (1618—1648) и последствий Вестфальского мира новые военные столкновения в сердце Европы. Затем охарактеризовал Германию как ядро нашего континента, которое постоянно находилось под гнетом необходимости так или иначе — в добре или во зле — уживаться с соседними народами. Вследствие этого трудного положения Германия никогда не была свободна в своем политическом и хозяйственном развитии и не являлась хозяином своих решений, она всегда была вынуждена лавировать между Востоком и Западом.

После этого исторического экскурса Гитлер перешел к мировоззренческим вопросам, заявив, что в жизни существует лишь один вечный и всегда действующий «закон культурного развития», а именно: естественный отбор и самоутверждение более сильного и храброго. На основе этого закона формируются такие понятия, как справедливость, мораль и т. п., но все это — лишь вспомогательные средства каждой общественной системы для создания социального строя. Такие вспомогательные средства — изобретение человека и никоим образом не затрагивают вечного основного закона борьбы и отбора. (...) Только сильнейший побеждает в Жизни, и только он определяет, что есть справедливость и мораль. **Германия** ведет борьбу не на жизнь, а на смерть: проиграет она > значит, окажется биологически более слабым элементом и Должна будет признать последствия этого факта. Но если западные державы полагали, что и они окажутся среди победителей, то это их огромная ошибка. Ведь если им удастся своей политикой безоговорочной капитуляции уничтожить Германию в качестве оастиона, победителем станет не Запад, а Восток, и притом вполне

заслуженно. Поэтому в итоге совершенно безразлично, какую политику тогда проводить в отношении Востока. Немецкий народ в случае поражения без ропота сойдет с исторической сцены данного периода. И поскольку он, Гитлер, знает, что означало бы это для Германии, он требует мобилизации всех сил, борьбы до последнего патрона.

Все это звучало брошенными в агонии лозунгами «выжженной земли», с использованием «фольксштурма», «вервольфа» и «Гитлерюгенд», не считаясь с самой жизненной субстанцией немецкого народа.

Тот факт, что в конце этого совещания генералы провозгласили «Хайль фюрер!», показывает, какой силой внушения все еще обладал Гитлер и как потому для меня всегда было трудно оказывать влияние на находившегося под его воздействием Гимmlера. Несмотря на это, я в июне 1944 г. заявил ему, что, как показывает ход развития, если мы захотим повести с западными державами разговор о компромиссном мире или, по меньшей мере, о какой-либо модификации требования безоговорочной капитуляции, нам впоследствии придется заплатить за это гораздо большую цену. В связи с этим я обратил его внимание на то, что надо что-то сделать для евреев, находящихся в германских концлагерях.

Одновременно я через своего сотрудника д-ра Лангбена и при поддержке Керстена стал нащупывать контакты в Швейцарии, чтобы устроить встречу с Гимmlером швейцарского государственного деятеля д-ра Жана Мари Мюзи, который имел тесный контакт с главным раввином д-ром Штернбухом (по моим сведениям, в свое время бывшим членом Исполнительного комитета раввинов Соединенных Штатов Америки). После предпринятой секретной службой многонедельной подготовки поздним летом отдел Мюллера перехватил радиограмму, в которой шла речь об этих усилиях и упоминалось имя Керстена, а также то обстоятельство, что за всем этим стоит шеф германской зарубежной разведки. Мюллер и Кальтенбруннер немедленно провели тайное расследование, но благодаря влиянию Керстена на Гимmlера это дело удалось окончить.

В начале октября мои агенты сообщили: д-р Мюзи готов прибыть в Берлин и установить контакт с Гимmlером. Во время этой беседы следует повести особый разговор о судьбе евреев в Германии.

Вскоре д-р Мюзи действительно появился в Берлине. Он сразу же заявил мне, что у него только одна цель — освобождение узников концлагерей. Он хочет, чтобы евреям дали **возможность** эмигрировать через Швейцарию в Америку. Мы вместе поехали в Бреслау, где пересели в особый поезд Гимmlера, который как раз направлялся в Вену. Я заранее обсудил с д-ром Мюзи общие **проблемы** и дал ему указания насчет его тактики на **переговорах**. Переговоры между ним и Гимmlером проходили поблизости от

Вены, причем большей частью в моем присутствии. Поначалу Гиммлер (явно, чтобы получить представление о личности Мюзи и его влиянии на политическую жизнь) вел обсуждение в довольно **общих** рамках. Но Мюзи стремился подойти поближе к делу, и в конечном счете Гиммлер не смог больше противиться страстным аргументам швейцарца. Он заявил о своей принципиальной готовности освободить еврейских заключенных, все еще находившихся в германских концентрационных лагерях, и в моем присутствии продиктовал приказ Кальтенбруннеру: в дальнейшем обеспечить всем евреям во всех концлагерях заботливое обращение и не причинять им никакого вреда. Насколько мне известно, приказ этот поступил тогда и главному инспектору концлагерей.

Затем обсудили вопрос об освобождении всех находившихся в женском лагере Равенсбрюк евреек, француженок и поляк. Под конец Гиммлер, хотя и с колебаниями, дал согласие начать освобождение немедленно. Для прикрытия от гестапо первой части этой акции он предоставил мне чрезвычайные полномочия. Я немедленно связался с Мюллером, чтобы получить его согласие на передачу заключенных концлагерей. Мюллер сначала отказался, мотивируя тем, что я не принадлежу к гестапо и его дела меня не касаются. Я снова указал на полномочия, полученные от рейхсфюрера СС, и тогда он наконец согласился. Затем я связался с соответствующими чинами гестапо, чтобы выявить подлежащих освобождению заключенных и подготовить их отправку.

Вторая беседа д-ра Мюзи и Гиммлера состоялась в январе 1945 г. в Вильдбаде. Она привела к следующему соглашению: каждые две недели в Швейцарию из концлагерей должен прибывать эшелон с 1200—1300 евреев и поступать в распоряжение д-ра Мюзи для их дальнейшей транспортировки в США. В качестве компенсации д-р Мюзи заявил, что готов обратить внимание всего мира на начавшееся политическое изменение в Германии.

В начале февраля 1945 г. первый состав с 1200 евреев прибыл из Терезиенштадта (город Терезин в Чехии. — *Сост.*) через швейцарскую границу. Но прежде чем была подготовлена отправка следующего эшелона с 1800 заключенных, в дело встрял Кальтенбруннер. Ему доложили об откликах швейцарской печати, которая отрицательно высказывалась насчет условий, сопровождавших эту акцию по освобождению. Одновременно ОКВ расшифровало радиogramму одного самого по себе незначительного деголлевского органа в Испании. Из нее явствовало, что Гиммлер через своего уполномоченного Шелленберга ведет переговоры с д-ром Мюзи с целью в качестве компенсации за выдачу евреев обеспечить 250 нацистским руководителям политическое убежище в Швейцарии. Это специально пущенное ложное сообщение отлично укладывалось в план Кальтенбруннера по срыву акции Мюзи, которую он отвергал с самого начала. Сообща с Риббентропом он

во время одной из бесед с Гитлером, от которого эта операция пока держалась в тайне, добился приказа фюрера: любой немец, помогший бегству еврейского, английского или американского заключенного, подлежал немедленной казни. Кроме того, о каждом подобном случае немедленно докладывать самому Гитлеру.

Поведение Кальтенбруннера не в последнюю очередь объяснялось его участием в другой акции по освобождению евреев. По его поручению штандартенфюрер СС Бехер в конце 1944 г. вел в Швейцарии переговоры с неким Салли Мейером, который тоже установил контакт с Гиммлером. Однако его переговоры носили чисто хозяйственный характер: в качестве эквивалента за освобождение венгерских евреев германская сторона потребовала определенные суммы в конвертируемой валюте, а также грузовые автомобили, тракторы, медикаменты и пр. Завязанные Бехером переговоры являлись, таким образом, продолжением «акции Манфреда Вайса». (Владельцы концерна «Манфред Вайс» ценой отдачи своего предприятия получили возможность эмигрировать в Португалию. СС получили от этого значительную прибыль. Теперь эта сделка должна была приобрести более широкую базу.) «План Мюзи» сводил акцию Бехера на нет, поскольку д-р Мюзи был в Вильдбаде признан Гиммлером в качестве единственного полномочного партнера по переговорам.

Когда вышеупомянутый приказ Гитлера был отдан и я сообщил об этом д-ру Мюзи во время его очередного приезда в Берлин, тот просто заплакал от гнева и разочарования. Но поскольку ситуация не терпела больше никакой половинчатости, мы решились предпринять последнюю попытку у Гиммлера, чтобы все-таки прийти к намеченной цели. Я предложил Гиммлеру попросить западные державы о четырехдневном перемирии на суше и на море и использовать это время для того, чтобы перебросить всех евреев и иностранных заключенных через линию фронта, тем самым продемонстрировав добрую волю Германии. Мы надеялись, что это, наряду со спасением множества людей, даст перспективу на завязывание переговоров о компромиссном мире. Но Гиммлер, который сам по себе план одобрял, не нашел в себе мужества обсудить его с Гитлером. Он поручил это Кальтенбруннеру, а тот предложил это сделать мне, бросив такие слова: «Вы ведь уже имели дело с этими идиотами!»

Это было 5 апреля 1945 г.

Тем не менее мы все-таки предприняли еще одну попытку побудить Гиммлера хотя бы отменить приказ об эвакуации концлагерей при приближении противника и отдать **контрприказ**: передавать лагеря союзникам вместе **со** всеми **заключенными**. Мы опасались, что поспешная эвакуация будет крайне опасна для заключенных. **На** помощь нам пришел своими **постоянными** ходатайствами из Стокгольма (уже переехавший в Швецию)

д-р Керстен, и после долгих обсуждений Гиммлер наконец согласился.

Это решение я 7 апреля 1945 г. сообщил д-ру Мюзи, одновременно попросив как можно скорее довести его до сведения генерала Эйзенхауэра. Несмотря на свои 70 лет, г-н Мюзи в ту же ночь на собственной машине отправился в путь и через три дня сообщил мне из Швейцарии, что Вашингтон уже в курсе дела и отреагировал положительно. Тем временем он послал в Германию **своего** сына, чтобы вывезти нескольких евреев, освобождение которых категорически гарантировал Гиммлер. Прибыв в Бухенвальд, тот, к своему ужасу, констатировал, что — вопреки гиммлеровскому приказу — уже сделаны все приготовления к эвакуации лагеря. **Тогда** он тут же вернулся ко мне в Берлин. В это же самое время я узнал, что на самом деле Кальтенбруннер приказал эвакуировать лагерь. Я немедленно позвонил Гиммлеру, и на сей раз он действительно предпринял все, чтобы сдержать данное д-ру Мюзи обещание. Он сразу же отдал контрприказы и тем самым прекратил эвакуацию.

По совету д-ра Мюзи и других швейцарцев, я, далее, предложил в качестве жеста для Запада освободить французского государственного деятеля Эррио и бывшего премьер-министра Рейно. Но эта попытка не удалась. Зато мы сумели получить согласие Гиммлера на освобождение нескольких членов семьи генерала Жиро.

Тем временем д-р Мюзи с целью улучшения обращения с политическими заключенными установил контакт с президентом Международного Красного Креста д-ром Буркхардтом. Тот был в принципе готов встретиться с Гиммлером и говорить с ним об этом. Когда Гиммлер уклонился от этого, я предложил устроить встречу д-ра Буркхардта с Кальтенбруннером. Она действительно состоялась, но, несмотря на затяжные переговоры, никакого результата не дала.

Пока шла «акция Мюзи», к нам в феврале 1945 г. поступило донесение нашего посланника в Стокгольме Томсена о том, что в Берлин намерен приехать и говорить с Гиммлером граф Бернадотт, родственник шведской королевской семьи и вице-президент швейцарского Красного Креста. Риббентроп сразу же послал ко мне своего личного референта тайного советника Вагнера с вопросом, не я ли инспирировал этот шаг, пользуясь моими шведскими связями. Я, как это и было на самом деле, ответил, что ничего об этом не знаю, и сразу проинформировал Гиммлера и Кальтенбруннера. Несмотря на свою заинтересованность, Гиммлер был очень раздражен тем, что запрос поступил из министерства иностранных дел. Тем самым он оказался вынужден рассматривать ^визит Бернадотта как официальный, а это означало, что следует поставить в известность о нем Гитлера.

Поскольку Гиммлер к этому времени занимал пост командующего группой армий «Висла» и его командный пункт находился в

Пренцлау, он поручил Кальтенбруннеру осторожно прощупать отношение к этому делу Гитлера. Со своей стороны, Кальтенбруннер, чтобы не нарваться самому на отпор Гитлера, попросил обергруппенфюрера СС Фегеляйна переговорить с Гитлером насчет шведского визита. На следующий день Фегеляйн передал ответ Гитлера: «В тотальной войне таким идиотизмом ничего не добиться».

Тем временем граф Бернадотт уже прибыл в Берлин. Я сразу же связался по телефону с Гиммлером и настоятельно попросил его ни в коем случае не игнорировать шведский шаг. Я подчеркнул, что во время встречи вполне может возникнуть возможность затронуть и политические вопросы и, пожалуй, в последний момент еще открыть дверь на Запад. Я настойчиво советовал Гиммлеру не упустить неиспользованной оказию чуть ли не в последнюю минуту привлечь Швецию на свою сторону в качестве посредника для заключения компромиссного мира. А чтобы рассеять его опасения насчет отказа Гитлера, я сказал ему: Риббентропу едва ли удастся избежать приема графа, а если это произойдет, ему, Гиммлеру, тоже не смогут поставить в вину беседу с Бернадоттом. После долгих колебаний он дал согласие.

Вот так и получилось, что граф Бернадотт сначала позвонил мне из шведского посольства, а затем был принят мною и Кальтенбруннером, прежде чем отправиться к Риббентропу. Граф приехал в Берлин с желанием на время войны интернировать в Швецию находящихся в заключении в Германии датчан и норвежцев, чтобы тем самым вывести их из зоны опасности. Я достаточно хорошо знал Кальтенбруннера, чтобы по его гримасе понять, что эта тема его особенно не вдохновляла. Я раздумывал, как все-таки сделать его своим ходатаем перед Гиммлером. Когда граф откланялся, я похвалил Кальтенбруннера за ту мягкую и искусную форму, в какой он провел обсуждение: его метод ведения переговоров, мол, отвечает старой, зарекомендовавшей себя традиции австрийской дипломатической школы, и, как только Риббентроп будет отстранен, он — самый подходящий человек на пост министра иностранных дел. Кальтенбруннер проглотил эту наживку так жадно, что немедленно бросился к телефону и приказал соединить его с Гиммлером. Несмотря на свое первоначальное отрицательное отношение и на запрещение Гитлера, он проявил себя рьяным сторонником встречи **Бернадотта** с рейхсфюрером СС. Но Гиммлер заявил, что готов **принять** графа Бернадотта, однако без Кальтенбруннера. **Отрезвленный** и обозленный, тот вернулся к своей прежней отрицательной позиции.

Встреча графа Бернадотта с Гиммлером состоялась двумя днями позже, 19 февраля 1945 г., в Хоенлихене. По пути туда я успел предупредить графа об особенностях природы Гиммлера и **дать** ему несколько советов для предстоящей беседы. Я знал, что Гим-

млер никогда не согласится на ходатайство Бернадотта транспортировать датских и норвежских заключенных в Швецию, а поэтому предложил компромисс: сконцентрировать всех их в одном сборном лагере где-нибудь в Северной Германии. Это предложение встретило одобрение.

Встреча с Бернадоттом, казалось, произвела на Гиммлера **сильное** впечатление; он поручил мне осуществлять надзор за реализацией достигнутой договоренности и поддерживать в дальнейшем контакт с графом. Я должен был, далее, ознакомить Риббентропа с важнейшими пунктами беседы и соглашения, чтобы тот смог представить их графу официально.

Прежде всего я проинформировал о результатах Кальтенбруннера и Мюллера, поскольку они ведали государственно-полицейскими мерами в отношении заключенных. Кальтенбруннер обрушился на меня с упреками, будто я слишком сильно воздействовал на Гиммлера в духе Бернадотта. Вся эта идея — сущая утопия, ибо они не в состоянии предоставить для перевозки заключенных, рассеянных по всей Германии, грузовики и бензин. Да и предназначенный для этого пересылочный лагерь Нойенгамме настолько переполнен, что не готов к приему новых поступлений. Вечно одно и то же: как только господам, мнящим себя государственными мужами, удастся в чем-то убедить Гиммлера, из этого получается сплошной бред.

Довод насчет грузовиков и бензина я парировал тем, что об этом позаботятся сами шведы. Потом к Кальтенбруннеру присоединился и Мюллер с опасением, что все дороги Германии забиты беженцами и местному населению не понравится, что мимо будут катить автобусы шведского Красного Креста. Поскольку Гиммлер это возражение посчитал довольно серьезным, снова наступил критический момент. Однако я предложил, чтобы транспортировка проводилась только ночью, и заявил, что готов обеспечить реализацию этого обещания с помощью людей из узкого круга моих сотрудников. Так оно и произошло. Наши люди совместно с людьми из шведского Красного Креста оказали на комендантов лагерей такое воздействие, что отправка шла без всяких помех. Таким образом, 13 тыс. датских и норвежских заключенных перевели в Нойенгамме, а дальше о них заботился уже шведский Красный Крест.

Потом (это было уже сразу после выступления Гиммлера по военным вопросам перед генералитетом группы армий «Висла») У меня состоялась весьма серьезная беседа с рейхсфюрером. Я заявил, что война все равно необратимо проиграна, и заклинал его, по меньшей мере, использовать открывающиеся через Швецию возможности и попытаться направить обломки корабля германского государства, прежде чем он потонет, в мирную гавань. Я предложил: пусть он попросит Бернадотта полететь к генералу Эйзенхауэру с нашим предложением о капитуляции. Я попытался^в возбужденном разговоре разъяснить Гиммлеру, что его место

сейчас — в Берлине, а не на посту командующего группой армий. Он должен немедленно вернуться в столицу рейха и начать там подготовку мирного предложения. Если необходимо, пусть возьмет штурвал государственного корабля в свои руки силой.

Гиммлер поначалу и впрямь поддался этому настроению настолько, что дал мне все полномочия на ведение переговоров с графом Бернадоттом. Но уже на следующий день он отменил все это (явно под впечатлением «акции Хессе»* в Стокгольме). Он пожелал, чтобы я лишь поддерживал контакт с Бернадоттом и попытался повлиять на того таким образом, чтобы тот полетел к генералу Эйзенхауэру по собственной инициативе.

Я изо дня в день старался наглядно показывать Гиммлеру, сколь отчаянным стало наше положение, и указывать на то, что история однажды осудит его за недостаток решительности. Однако Гиммлер ссылался, как и зачастую прежде, на главенствующий принцип верности, который он, как глава эсэсовского ордена, не намерен нарушить. Я отвечал на это, что по сравнению с немецким народом СС — это всего лишь небольшое меньшинство. А желая указать на его собственную задачу, подчеркивал: он призван действовать ради немецкого народа, ибо он сам лично на режиме никогда не наживался. В первый раз он мне ответил так: «Значит, я должен устранить фюрера?» Я промолчал. Зная изменчивый характер Гиммлера, я понял, что «да», пожалуй, будет стоить мне головы.

Я посвятил графа Бернадотта в эти споры. Мы пришли к единому решению: как только Гиммлер наконец проникнется волей к действию, я сразу же свяжусь с ним.

В конце марта 1945 г. состоялась новая беседа Бернадотта с Гиммлером. Граф попытался вступить и за евреев, добившись от рейхсфюрера обещания при приближении армий союзников не эвакуировать лагеря интернированных, а передавать им — это особенно относилось к Берген-Бельзену, Бухенвальду, Терезиенштадту, а также к лагерям в Южной Германии.

В начале апреля Гиммлер приказал мне явиться к нему в Вустров. На лесной прогулке он вдруг сказал мне: «Шелленберг, я считаю, что с Гитлером больше ничего не поделать. Может ли быть так, что де Крине прав?» (Я привез с собою профессора де Кринса для обсуждения с Гиммлером вопроса о состоянии здоровья Гитлера. Как уже упоминалось, де Крине еще несколько раньше установил у Гитлера симптомы болезни Паркинсона.)

* Об «акции Хессе» материал Шелленберга не содержит никаких материалов.
Примеч. нем. изд.

Фриц фон Хессе — советник Гитлера по английским делам. *Примеч. сост.*

«Во всяком случае, — ответил я Гиммлеру, — все как будто говорит за это, и я считаю, что теперь для вас пришло время действовать». Он молчал. Я напомнил ему о плане Керстена в ближайшее время устроить в Германии встречу с Джилелем Шторьхом — представителем Всемирного еврейского конгресса в Нью-Йорке, чтобы обсудить с ним еврейскую проблему. Но Гиммлер и на этот раз уклонился от четкого ответа, хотя, казалось, весьма хорошо сознавал принципиальное значение этой встречи. Для него явно было трудным шагом принять еврея; он тоже считал, что это привело бы к окончательному разрыву с Гитлером, а Гитлер как раз в это время распорядился, чтобы у лейб-штандарта СС «Адольф Гитлер» в знак утраты чести были сорваны эсэсовские нарукавные повязки с его именем. И наконец, Гиммлер опасался еще и того, что Кальтенбруннер проведает об этой встрече и тотчас известит о ней Гитлера. Я успокоил его: Кальтенбруннер отправляется в Австрию и потому ничего не узнает. Кроме того, встреча может состояться в доме Керстена.

После долгих колебаний Гиммлер согласился и вдруг заговорил о том, как пошли бы дела в Германии, если бы он в качестве преемника Гитлера получил власть. Он, считал Гиммлер, не может арестовать и даже убрать Гитлера, так как это остановило бы всю военную машину. Я разъяснил ему, что есть только две возможности: или он идет к Гитлеру и, обрисовав положение дел, заставляет его отречься от власти или же устраняет его силой.

— В первом случае в приступе буйного помешательства он собственноручно застрелит меня, — произнес Гиммлер.

Я возразил, что у него есть достаточно много фюреров СС, чтобы обезопасить себя от этого, да и в остальном его положение достаточно сильно, чтобы арестовать Гитлера.

— Если никакого другого пути нет, — добавил я, — вы должны подключить к этому делу врачей.

Я заявил, что готов устроить встречу де Кринса, профессора Морелля и д-ра Штумпфэггера с Борманом. Через два дня де Крине сообщил мне результат: врачи отказались поставить единый диагноз, в остальном же все их аргументы, высказанные Борману, оказались бесплодны. Когда я доложил об этом Гиммлеру, он попросил хранить полное молчание.

В те дни я установил контакт с имперским министром финансов графом Шверин фон Крозигом, ибо он показался мне подходящей личностью в качестве преемника Риббентропа. Поэтому ^а устроил его встречу с Гиммлером; она состоялась 19 апреля 1945 г. в кабинете министра в присутствии имперского министра труда Зельдте. Последний предложил мне, чтобы в день рождения Гитлера (20 апреля. — *Сост.*) Гиммлер обратился с прокламацией ^к немецкому народу и сообщил ему, что отныне берет власть в свои руки. В результате народного голосования создается вторая

партия, а также ликвидируется Народный трибунал. Под **конец** Зельдте спросил меня (в это время Гиммлер в стороне разговаривал с графом Шверин фон Крозигом), как я расцениваю **шансы** на удержание района Альп, известного под названием «Альпийская крепость». Я ответил, что в дальнейших военных действиях никакого смысла не вижу; наоборот, кое-чего еще можно добиться только немедленными действиями в политической области.

Фон Крозиг показался мне удовлетворенным беседой с Гиммлером, хотя ведь и он знал, что на самом деле уже слишком поздно и едва ли еще есть выход. Он попросил меня повлиять на Гиммлера таким образом, чтобы тот принял решение действовать либо с Гитлером, либо без него.

Тем временем поступило известие, что Керстен и Норберт Мазур (который стал вместо Шторьха представителем Всемирного еврейского конгресса) прибыли в аэропорт Темпельгоф и отправились в поместье Керстена в Хартцвальде. Так как в то же время в Берлине ожидался и граф Бернадотт, существовала опасность совпадения обеих встреч по времени, к тому же Гиммлеру ввиду напряженного военного положения было трудно отлучиться с фронта. Поэтому Гиммлер просил меня еще в ту же ночь поехать к Керстену и подготовить прием Мазура. Одновременно подлежала согласованию дата встречи с ним. Я еще успел поужинать с Гиммлером в Хоенлихене. Вопреки своему обыкновению он вдруг велел подать бутылку шампанского, чтобы ровно в два часа ночи чокнуться бокалами по случаю дня рождения фюрера.

ГИММЛЕР ГОТОВ КАПИТУЛИРОВАТЬ

Последние предложения Гиммлера. — Контакт с имперским правительством Дёница. — Совещания по вопросу Дании и Норвегии. — Мое задание как посланника в Стокгольме. — Копенгаген не намерен ждать конца войны. — Последние переговоры о посредничестве Швеции. — Безоговорочная капитуляция

В Хартцвальде я прибыл в 2.30 ночи. В направлении Берлина в небе взмывали огненные факелы пожарищ. Непрерывно доносился гул вражеских самолетов.

До четырех часов утра я все еще беседовал с Керстеном, который очень огорчился нерешительным поведением Гиммлера.

— Не знаю, — говорил он, — сулит ли вообще встреча Мазура с Гиммлером хоть какой-нибудь успех.

Утром я проснулся от рева самолетов и, пока одевался, рядом грохнула бомба. За завтраком я побеседовал с г-ном Мазуром. Он настаивал на немедленной встрече с Гиммлером, поскольку ему надо уезжать. Я знал, что Гиммлер попытается снова **оттянуть** эту встречу, а потому и я должен был сделать все возможное, чтобы она состоялась побыстрее.

А из шведского посольства в тот же день раздался телефонный звонок графа Бернадотта. Собираясь возвратиться в Швецию, он хотел поговорить с Гиммлером в этот же день и заявил, что готов прямо сейчас, вечером, ехать в Хоемлихен. Но прежде всего Гиммлер должен был успеть поговорить с Мазуром. Поэтому я сразу выехал в Вустров, где находился Гиммлер. К счастью, мне удалось наконец убедить его поехать вместе со мной в Хартцвальде. Это было 21 апреля 1945 г.

Я уже проинформировал Мазура об общей обстановке и знал пункты, служившие предметом его переговоров:

1. Евреев больше не должны убивать.
2. Все еще находившиеся в германских местах заключения узники концлагерей должны при любых обстоятельствах оставаться в своих лагерях и не подлежать эвакуации.
3. Все лагеря должны составить и опубликовать поименные списки еврейских заключенных.

Во время поездки Гиммлер снова и снова подчеркивал, что все это надо было сделать раньше. Он сообщил мне, что собирается сказать Мазуру: все свелось к хронологическому перечислению событий прошлого и к попытке его оправдать. Я попросил Гиммлера вообще не заговаривать о прошлом, а сделать ясные предложения насчет того, что должно произойти в будущем.

Мы прибыли в Хартцвальде только около трех часов утра, так как несколько раз должны были прятаться в убежища от вражеских пикирующих бомбардировщиков. После краткого приветствия началась беседа с Мазуром. Большую часть времени говорил Гиммлер. Он хотел доказать, что пытался решить еврейскую проблему путем переселения, но столкнулся при этом, с одной стороны, с отрицательным отношением внешнего мира, а с другой — с сопротивлением внутри партии. После 45-минутного разговора Мазур заявил, что, хотя сообщение Гиммлера и очень интересно, оно никоим образом не содействует изменению нынешнего положения. Для него сейчас важно только выполнение уже упомянутых трех пунктов. Гиммлер еще раз подтвердил свое ранее данное согласие и, кроме того, заявил о готовности освободить еврейских женщин из лагеря Равенсбрюк и передать их Мазуру. Он, сказал Гиммлер, получил от Гитлера разрешение на освобождение из этого лагеря всех полек, а поэтому может включить в их число и всех евреек.

Ровно в 6 часов утра 22 апреля Гиммлер и я, а также сопровождавший нас адъютант Брандт прибыли в Хоемлихен, где уже ждал граф Бернадотт. Он попытался убедить Гиммлера в том, что необходимо разрешить вывоз всех датских и норвежских интернированных лиц из лагеря Нойенгамме в Швецию. Но Гиммлер все еще чувствовал себя не в состоянии пойти на это. Тогда Бернадотт, еще раз поблагодарив Гиммлера за состоявшиеся беседы, Распрощался. Я проводил графа почти до Варена в Мекленбурге.

Прежде чем расстаться, я еще раз передал ему просьбу Гиммлера полететь все же к Эйзенхауэру, чтобы попытаться встретиться с генералом.

— Рейхсфюрер уже не понимает реальностей своей собственной ситуации, — отметил Бернадотт. — Я больше не могу помочь ему. Он должен был бы еще после моего первого визита взять судьбу Германии в свои руки, а вы, мой дорогой Шелленберг, лучше подумали бы теперь о самом себе!

Я не знал, что ответить. Когда он удалился, меня охватило чувство невыразимой тоски. Я поехал назад в Хоенлихен, проспал два часа, а затем меня снова вызвали к Гиммлеру. Он еще лежал в постели, сказавшись больным. Я заявил, что больше ничего сделать не смогу, теперь должен действовать он. Ехать в Берлин я ему ввиду его болезни, которая за ночь усилилась, отсоветовал. Во второй половине дня мы выехали в Вустров. Дороги у Лёвенберга были забиты нескончаемыми толпами беженцев и военными колоннами, так что все пути между Берлином и Мекленбургом оказались блокированными. Глядя на эту картину, Гиммлер произнес:

— Шелленберг, я боюсь того, что наступит!

Прежде чем мы добрались до Вустрова, нас атаковали пикирующие бомбардировщики — их главной целью служили те скопления беженцев и войск, которые мы как раз обогнали. Вскоре после нашего прибытия в Вустров позвонил Фегеляйн и сообщил, что Гитлер и Геббельс буйствуют из-за того, что обергруппенфюрера Бергера уже нет в Берлине. Бергер же по личному заданию Гиммлера должен лететь в Южную Германию. Гитлеру, объяснил Фегеляйн, он понадобился для того, чтобы провести в исполнение смертный приговор его бывшему личному врачу д-ру Брандту (тот в целях безопасности отправил жену в Тюрингию, в расположение американских войск. При вынесении смертного приговора явно имела место интрига среди ближайшего окружения Гитлера, включая Еву Браун и ее сестру — жену Фегеляйна).

Гиммлер немедленно вызвал начальника гестапо Мюллера и приказал доставить д-ра Брандта в Шверин. Фегеляйну же он объяснил, что привести приговор в исполнение сейчас невозможно, если только Геббельс или Борман не пожелают сделать это собственноручно. После этого телефонного разговора он еще раз, правда довольно смутно, сказал мне что-то насчет устранения Гитлера и заговорил о том, что стал бы делать, если бы однажды получил власть в свои руки. В связи с этим он попросил меня подумать и о названии для новой «альтернативной партии».

В ранние утренние часы 22 апреля поступило сообщение, что три дивизии войск СС под командованием **обергруппенфюрера** СС Штайнера получили приказ, невзирая ни на какие потери, отбить наступление русских на Берлин. Гиммлер был убежден, что

этот приказ необходим, и переубедить его было невозможно, когда мы, его адъютант и я, говорили, что это — еще одно бессмысленное кровопролитие.

Пока мы завтракали, появился обергруппенфюрер Бергер. Было решено, что он должен вернуться с нами в Хоенлихен, так как противник уже угрожает Вустрову. Я обсудил с Бергером историю с американским генералом авиации Вэнэмэном, бывшим военным атташе в Берлине, который теперь находился в Берлине в качестве военнопленного. Я давно планировал выпустить Вэнэмэна на свободу вместе с несколькими влиятельными британскими военными, но Гитлер и Гиммлер отказались это сделать. После установления контакта с друзьями в Швейцарии, а также с военным атташе в Берне генералом Леггом я на собственную ответственность приказал перебросить Вэнэмэна через швейцарскую границу в районе Констанцы. Постфактум с этим согласился и Гиммлер.

Около полудня нам пришлось в крайней спешке вернуться в Вустров, так как вблизи Ораниенбурга, а также в районе Девенберга и Креммена уже наблюдались русские разведгруппы. Во время обратной поездки в Хоенлихен мы постоянно проезжали мимо колонн вермахта, артиллерии и танков и нас непрерывно преследовали вражеские бомбардировщики и истребители.

По прибытии в Хоенлихен Гиммлер спросил меня:

— Теперь я должен что-то предпринять, Шелленберг, но как?

Я еще раз указал ему на возможность последней беседы с Бернадоттом, хотя и не знал, где мог бы найти сейчас графа. Может быть, он еще в Любеке. Гиммлер решил, что я должен немедленно ехать туда и просить его передать западным державам заявление о капитуляции. Я сразу подготовил отъезд и выехал в 16.30. К сожалению, из-за длительных налетов авиации и забитых дорог я прибыл в Любек только поздно ночью. Там я узнал, что Бернадотт находится в Апенраде (Дания). Несмотря на все трудности, я дозвонился до него и попросил на следующий день принять меня во Фленсбурге. Мы договорились встретиться 23 апреля в 15 часов в шведском консульстве в Фленсбурге. Отдохнув несколько часов, я позвонил Гиммлеру и проинформировал его о встрече с Бернадоттом. Затем я направился в Фленсбург и прибыл туда вскоре после обеда. Меня принял шведский атташе Хирон и пригласил на ленч к консулу Петерсену.

Точно в 15 часов появился Бернадотт. После обсуждения общей обстановки граф высказался так: он полагает, что встречаться с Гиммлером ему нет необходимости; пусть тот в письме генералу Эйзенхауэру предложит западным державам безоговорочную капитуляцию. Считая исключенным, чтобы Гиммлер сделал такое письменное заявление, пока Гитлер жив, я попросил графа все-таки поехать со мной в Любек, дабы еще раз обсудить дело с самим Гиммлером. Он согласился. Я немедленно позвонил Гиммлеру в его специальный поезд. К телефону подошел Брандт и

сказал, что в данный момент Гиммлер недосягаем, но пообещал известить меня. В шесть часов пополудни он перезвонил снова и сообщил, что Гиммлер охотно примет графа в 22 часа того же дня в Любеке и что я тоже должен быть там.

В 21 час мы прибыли в Любек. Я отправился в наше служебное помещение, оборудованное в отеле «Данцигер хоф», и оттуда соединился со штабом генерала Вюннеберга, где пожелал ожидать Гиммлера. Там я и нашел его в 22 часа. Я доложил ему важнейшие пункты моего разговора с графом. Затем мы договорились встретиться с Бернадоттом в 23 часа в шведском консульстве.

Из-за повреждения электрической сети беседа проходила при свечах, и не успели мы приступить к разговору, как началась воздушная тревога, сопровождаемая сильным налетом авиации на близлежащий аэродром. Была полночь, когда мы смогли выйти из бомбоубежища и продолжить беседу.

Поначалу Гиммлер пустился в пространные рассуждения о военном и политическом положении рейха и только потом сформулировал ситуацию на данный момент.

— Мы, немцы, — сказал он дословно, — должны объявить себя побежденными западными державами, и я прошу вас передать это генералу Эйзенхауэру через шведское правительство, чтобы избежать дальнейшего кровопролития. Но капитулировать перед русскими для нас, немцев, невозможно, а уж для меня — особенно. Против них мы будем сражаться до тех пор, пока фронт западных держав не заменит германский фронт.

Гиммлер еще раз указал на то, что он вправе принять такое решение, так как теперь это может быть вопросом только двух-трех дней, пока Гитлер не покончит с жизнью. Ведь живым он большевикам, против которых боролся не на жизнь, а на смерть, не отдастся.

Бернадотт проявил готовность передать заявление Гиммлера о капитуляции западным державам. К этому граф добавил, что он, а вероятно, и шведское правительство, естественно, заинтересованы в первую очередь в том, чтобы избавить скандинавский регион от бессмысленных разрушений, вызванных дальнейшим продолжением войны. Для него, как шведа, это служит оправданием согласия на предложение Гиммлера. Гиммлер пошел и на вывоз датских и норвежских заключенных из концлагерей.

Но как доставить заявление о капитуляции западным державам? Дело трудное. Первоначальный план полета графа Бернадотта к Эйзенхауэру без дипломатической увертюры и подготовки был отклонен. В конце концов сошлись на том, что Гиммлер напишет его превосходительству Кристиану Гюнтеру, шведскому министру иностранных дел, письмо с просьбой поддержать принятый через графа Бернадотта шаг. Гиммлер кратко обсудил текст этого письма со мной и потом продиктовал его сам при свете свечей.

Бернадотт хотел на следующий день (24 апреля) лететь в Стокгольм, чтобы там провести необходимые приготовления. Было решено, что я должен сопровождать его до Фленсбурга и остаться там в качестве связного на тот случай, если возникнут дальнейшие вопросы. В 1.30 мы покинули шведское консульство.

Гиммлер вел машину сам. Он никогда не был хорошим водителем, а теперь так сильно нервничал, что меня от страха не раз прошибал холодный пот. Уже при выезде из консульства он так рванул с места и газанул, что мы очутились в яме и нам потребовалось четверть часа, чтобы поставить машину на ход. А повороты он срезал так круто, что любой встречный автомобиль превращался в грозную опасность.

В штабе генерала Вюннеберга я пробыл с Гиммлером еще полчаса, чтобы рассеять его опасения насчет только что предпринятого им шага. Я попытался поддержать в нем бодрость духа словами, что верности немецкому народу он не нарушил. А потом вернулся в «Данцигер хоф» и в пять часов утра отправился в шведское консульство за графом Бернадоттом, чтобы ехать с ним в Фленсбург.

На германо-датской границе мы попрощались. На прощание граф выразил надежду, что вскоре сообщит мне добрую весть. (...)

На следующий день — это было 25 апреля — я вызвал в Фленсбург штандартенфюрера СС Бодензипена. Прежде всего я показал ему свои особые полномочия за подписью Гиммлера: «Генерал Шелленберг действует по моему особому указанию. Все его приказы выполнять безусловно». Затем я объявил Бодензипену, что все заключенные концлагерей датской и норвежской национальностей должны быть, без всякого исключения, переданы Швеции. И добавил, что на следующий день намерен ехать в Копенгаген, чтобы обсудить политическую ситуацию Дании с нашим чрезвычайным министром и уполномоченным в Дании д-ром Бестом. Целью поездки было немедленно приостановить приведение в исполнение всех смертных приговоров.

26 апреля я получил промежуточное сообщение графа Левенхаупта из шведского консульства. Он извещал меня, что переговоры развиваются неблагоприятно, союзники отказываются вести переговоры с Гиммлером. Но эту информацию я Гиммлеру не передал. Ночью пришло сообщение, что следующим утром граф Бернадотт прибудет на аэродром Оденсе. Приехав на аэродром, я узнал, что самолет запаздывает из-за плохой погоды. Поскольку погода не улучшалась, я провел несколько часов в тревоге, нетерпение мое росло. Комендант аэродрома предупредил все посты наблюдения и ПВО о повышенной бдительности, непрерывно подавались сигналы ракетами, пока самолет наконец не сел. Это было уже в 16 часов.

Мы сразу же направились в Апенраде, где обсудили результаты переговоров. К сожалению, они были отрицательны: западные

державы отказывались признать Гиммлера партнером по переговорам. Кроме того, союзническая пресса уже сообщила об этом деле. Итак, мое положение при Гиммлере стало весьма сомнительным. Однако граф предложил мне поехать вместе с ним к Гиммлеру, выразив желание еще раз лично переговорить с ним.

Я пытался дозвониться до Гиммлера из Фленсбурга, но к телефону подошел Брандт. Он сразу взволнованным голосом спросил меня о результатах. Я сообщил ему о неблагоприятном ходе переговоров, но добавил, что граф Бернадотт желает еще раз говорить с Гиммлером по вопросу о германских армиях в Скандинавии. Это предложение было резко отвергнуто. Мне было сказано: я должен явиться к Гиммлеру один.

Вскоре после полуночи раздался телефонный звонок. Я не хотел будить графа Бернадотта ночью телефонным разговором и в 3 часа выехал в Апенраде. Он уже находился в условленном месте и, вероятно, понял истинную причину моей отговорки, когда я убедил его лучше не ехать со мной, так как Гиммлер находится южнее Любека и потому мне придется ехать вплотную к линии фронта.

Я должен был считаться с тем, что Гиммлер назовет меня подстрекателем к его мирному шагу и сделает виновником провала. В пределах возможного было и то, что меня могут ликвидировать. Мне пришла в голову мысль: чтобы обезопасить себя, связаться с одним астрологом, которого Гиммлер знал лично и на которого возлагал большие надежды, и попросить его поехать со мной. Гиммлер заказал ему гороскоп, и я был уверен, что это поможет ему смириться с разочарованием.

Расчет мой оказался верным. Гиммлер был крайне расстроен отказом союзников и, кроме того, раздражен тем, что мировая пресса подхватила это дело. И все же беседа, вопреки ожиданиям, протекала мирно. Некоторое время обсуждались причины отрицательной позиции западных держав, а затем — проблема Дании и Норвегии. Мой спутник подкреплял меня самым лучшим образом, и в конце концов Гиммлер все же решился пойти навстречу ходатайству Бернадотта. Он даже разрешил мне говорить с графом о прекращении германской оккупации Норвегии и об интернировании германских войск. Далее он заявил, что готов иметь в виду подобное решение и для Дании, но оно должно быть осуществлено позже. Однако он уполномочил меня уже сейчас подготовить д-ра Беста к такому плану. И наконец, назначил меня своим специальным представителем при шведском правительстве для ведения в скандинавском регионе переговоров о мирном решении. К этому моменту он уже воспринимал как само собою разумеющееся, что в самое ближайшее время станет преемником Гитлера и будет в состоянии без всяких затруднений решать эти **вопросы** сам.

29 апреля в полдень я снова был в Апенраде, поужинал там

со шведским посланником Томсеном и обсудил с ним принятое Гиммлером решение. Томсен организовал на следующий день мою встречу с представителями шведского правительства и сам присутствовал на ней. Он высказал еще особые пожелания, в частности о недопущении казней и об освобождении датских полицейских служащих.

Во второй половине дня мы покинули Апенраде, чтобы ехать в Копенгаген. Там мы остановились в отеле «Англетер». Утром 30 апреля я прежде всего отправился к д-ру Бесту. Я проинформировал его о моих полномочиях насчет мирного прекращения германской оккупации Скандинавских стран. Как я и ожидал, д-р Бест это одобрил.

Около полудня я встретился с д-ром Постом, членом шведского правительства, а также с графом Бернадоттом. С шведской стороны было высказано желание получить ясные и обязывающие предложения германского правительства, которые подлежат осуществлению через меня.

Немного погодя я поехал в Корсер, чтобы попасть на паром. В Фленсбурге я встретил д-ра Гизельхера Вирзинга, которого проинформировал о том, что Кальтенбруннер сместил меня со всех моих постов и назначил оберштурмбаннфюрера (соответствовало чину подполковника вермахта. — *Сост.*) Ванкка начальником политического сектора секретной службы, а оберштурмбаннфюрера Скорцени — начальником ее военного сектора.

После короткого телефонного разговора с Гиммлером Вирзинг и я поехали в Любек, так как я хотел, чтобы он вылетел в Южную Германию, имея на руках соответствующие контрприказы Гиммлера насчет моего смещения. Из-за забитых дорог поездка длилась почти четыре часа. 1 мая в четыре часа утра мы приехали туда и оттуда были доставлены в новую штаб-квартиру Гиммлера в Карлсхорсте, около Травемюнде. Поскольку Гиммлер лег спать только в три часа утра, я пошел к Брандту, который сообщил нам ошеломляющую весть: Гитлер покончил самоубийством и своим преемником назначил не Гиммлера, а гросс-адмирала Дёница.

КРАХ

Теперь Гиммлер носился с мыслью сойти с политической сцены, более того, он даже поговаривал о самоубийстве. Он встретился в Плёне с гросс-адмиралом Дёницем, новым главой правительства, и совещался с ним до глубокой ночи. При этом он, в частности, предложил отстранить Риббентропа и назначить министром иностранных дел графа Шверин фон Крозига.

В девять часов утра 1 мая Гиммлер позвал меня к себе. Он был нервозен и утомлен. Я сообщил о моих беседах с Постом, д-ром Вестом и графом Бернадоттом. Гиммлер сказал, что теперь больше

не в состоянии предпринимать какие-либо шаги. Единственное, что он смог еще сделать, так это побудить Дёница во время беседы пойти на отставку Риббентропа и назначение фон Крозига. В остальном же **гросс-адмирал** и его штаб, состоявший исключительно из представителей вермахта, не проявил никакого понимания его шага по отношению к западным державам, Он хотел только одного: чтобы я немедленно отправился к Дёницу. Пожалуй, будет полезно проинформировать главу правительства о моих усилиях в отношении Дании и Норвегии, а в данном случае мне самому функционировать отныне в качестве ассистента фон Крозига по внешнеполитическим вопросам. Если я склоню новое правительство Дёница к мирной передаче обеих северных стран, в Швецию можно будет послать другого человека, а сам я останусь в правительственной резиденции.

В 11 часов утра мы — Гиммлер и я — выехали из Любека в Плён, куда прибыли около двух часов пополудни. В штабе царило большое возбуждение. Нанеся визит Дёницу, Кейтелю и Йодлю, я установил контакт с фон Крозигом. От него я узнал, что Дёниц и генералы не желают передавать Норвегию без боя.

Тем временем генерал-полковники Бёме и Линдеман, рейхс-комиссар Тербовен и д-р Бест были вызваны в Плён, чтобы обсудить с Дёницей вопрос о Норвегии и Дании. Поэтому я решил вернуться в Копенгаген и проинформировать фон Поста о новой ситуации. Гиммлер одобрил это. Он все еще хотел, как он мне сказал, оставаться в Плёне и попытаться вместе с фон Крозигом и далее отстаивать мирное решение.

Я покинул штаб-квартиру в три часа и в семь приехал в Фленсбург. Там я выработал вместе с д-ром Вирзингом проект моего сотрудничества с новым министром иностранных дел. Я предложил, в частности, распустить НСДАП, гестапо, а также СД и сообщить об этом по радио. Пока я немного поспал, будучи не в силах преодолеть свинцовую усталость, д-р Вирзинг доработал проект и отослал его в Плён. Учитывая тот факт, что Кальтенбруннер снял меня со всех должностей, я дал Вирзингу указание лететь в Южную Германию и сообщить сотрудникам, что они должны внешне подчиняться Кальтенбруннеру, но сохранять личную лояльность по отношению ко мне.

Вечером я поехал дальше в Копенгаген. От Падборга граф Бернадотт предоставил в мое распоряжение свою машину Красного Креста. Это значительно облегчило поездку, особенно проезд через контрольно-пропускные пункты вермахта. Хотя, поскольку меня принимали за шведа, я был защищен, но сама по себе ситуация была весьма неудобной, когда население принимало меня с ликованием и мне приходилось давать автографы.

Моя беседа с фон Постом состоялась 3 мая около часа дня. Я сделал краткий обзор новой ситуации, сообщив, что **гросс-адмирал** Дёниц вызвал к себе на доклад военного и гражданского командующих в Дании и Норвегии и что, опираясь на влияние **графа**

цдверина фон Крозига и Гимллера, у меня есть основания полагать, что он принял план передачи этих стран. Фон Пост заявил, что в этой обстановке больше не может давать обязывающих обещаний. Впрочем, сама по себе передача этих стран в скором времени станет вопросом чисто академическим, поскольку в течение ближайших дней предстоит общая капитуляция. И все же я должен незамедлительно сообщить ему любые предложения германского правительства. Мы договорились, что я как можно скорее вернусь во Фленсбург и буду поддерживать с ним связь при помощи такой кодированной фразы: «Я счастлив снова увидеть этих господ» — это значит, что обязывающее предложение со стороны германского имперского правительства имеется. Слова «...и сообщить им» должны означать, что предложение распространяется и на Данию.

В тот же день я вернулся в Фленсбург и ранним утром — в Плён. Эта поездка была самой трудной и самой опасной из всех, предпринятых мной в те дни. На этом коротком маршруте приходилось прокладывать себе путь через совершенно забитые дороги и непрерывно подвергаться воздушным налетам. По шоссе, и справа и слева, двигались колонны отступающих войск, на обочинах стояло множество сгоревших автомашин, дороги были покрыты трупами, то здесь, то там виднелись разбитые танки. Порой мне просто приходилось пробиваться силой и в то же время укрываться от обстрела в ямах.

В Плёне охрана доложила, что правительство уже переместилось в военно-морское училище Мюрвик около Фленсбурга. Мне пришлось повернуть назад и снова проделать путь через суций ад. В пять часов я доложил о своем прибытии Дёницу и Гиммлеру. Я еще раз подчеркнул, что, несмотря на ухудшение обстановки, решение относительно скандинавского региона при помощи Швеции имеет величайшую важность. Затем я говорил с фон Крозигом наедине. Он сказал мне, что до тех пор, пока я пожелаю остаться при нем, будет считать меня своим первым сотрудником. С другой стороны, он считал важным, чтобы я отправился в Стокгольм. Мы пришли к единому мнению, что время ограничено и действовать надо быстро. Единственное, что задерживало капитуляцию, был тот факт, что в богемско-моравских областях еще активно действовали группы армий генерал-фельдмаршала Шёрнера и генерал-полковника Рендулича. Они насчитывали почти миллион человек, были обеспечены на семь недель боеприпасами и продовольствием и все еще держали сильный фронт против Востока.

Около восьми часов вечера у меня состоялась беседа с Дёницем. Поначалу он вообще и слышать не хотел о прекращении оккупации Норвегии и интернировании германских войск в Швеции. Его военные советники явно указывали ему на отличное стратегическое положение армии генерал-полковника Бёме. Даже после того как я обрисовал политическое значение мирного решения и возможность вмешательства Швеции, он все еще хотел знать,

какую выгоду это принесет Германии в данный момент. Я **разъяс**-нил ему, что это — вопрос долгосрочного планирования, не говорю уже о спасении множества человеческих жизней. Задача в **том** чтобы улучшить мировое мнение о нас, и именно для разгромленной Германии имеет немалое значение заручиться поддержкой такой нейтральной страны, как Швеция.

Беседа продолжилась за обеденным столом. Кейтель и Йодль хотели, чтобы я остался, поскольку у меня есть опыт во внешне-политических делах. Но я подчеркивал важность моей миссии в Швеции, и Йодль, кажется, это понял. В заключение я переговорил с фон Крозигом насчет того, в каком качестве мне лучше всего ехать в Стокгольм. Он предложил мне на выбор ранги посла, специального уполномоченного или представителя. Я просил назвать меня посланником, ибо это в точности отвечало поручаемой мне задаче. Затем я пригласил к себе статс-секретарей Штеенграхта и Хенке, и мы вместе составили документы, аккредитовавшие меня в качестве посланника с полномочиями на заключение соответствующих соглашений. Утром 5 мая они были подписаны фон Крозигом. Затем я попрощался с Гиммлером и выехал в Копенгаген.

Через несколько дней Гиммлер покончил самоубийством...

При прибытии в Копенгаген я немедленно отправился в Дагмархус, где намеревался встретиться с д-ром Бестом, чтобы проинформировать его о моей миссии. Пока я ждал его, на улице собралась все возрастающая толпа в ожидании предстоящей передачи страны Германией. Раздавались выстрелы, подъехали полицейские и санитарные машины. Мне было ясно, что д-ру Бесту через это людское скопище не пробраться. Но дольше я ждать не мог, мне надо было во что бы то ни стало попасть в шведское посольство. После долгих переговоров с эсэсовской охраной Дагмархуса в колючей проволоке ограждения проделали дыру, и я проскочил через нее в машину графа Бернадотта.

Хотя водитель старался избегать самых оживленных улиц, тысячи людей, сразу же узнавших машину Бернадотта, с ликованием окружили нас, и мы не могли двинуться ни взад, ни вперед. Некоторые энтузиасты даже взобрались на подножки, на капот, а то **и** на крышу автомобиля. Я запер дверь изнутри, поднял стекло, боясь, как бы меня не вытащили. Мы смогли двигаться **только** благодаря выдержке и мастерству водителя. Тем временем я непрерывно приветствовал людей направо и налево, **приподнимая** шляпу, чтобы утихомирить толпу. Когда **мы** наконец все-таки добрались до шведского посольства, **я** чувствовал себя, словно **вылез** из парилки. И даже когда **я** здоровался с господином послом и его супругой, с улицы перед посольством доносился такой шум, что мы не могли слышать почти ни слова. **До** нас **доносились** звуки датского **и** шведского национальных гимнов, несшиеся из тысяч глоток.

Приняв меры для подготовки своей поездки в Стокгольм, я

вернулся в отель «Англетер», чтобы несколько часов отдохнуть, у здания нас снова остановили бойцы датского Сопротивления.

когда они узнали шофера и тот сказал им, что я — швед, нас пропустили.

Утром 6 мая я на самолете Красного Креста, принадлежавшем графу Бернадотту, вылетел в Стокгольм. В 7.15 утра мы приземлились в Мальмё, где нас ожидала шведская автомашина. Через **какие-то** два часа мы доехали до Бромы. Там меня забрал с собой Острем и доставил в дом Бернадотта, где сразу же началась **беседа** с Постом и статс-секретарем Беманом.

Я предъявил свой аккредитационный документ и разъяснил мою миссию. После оживленных дебатов было решено, учитывая ход развития в Германии, обсудить все это с представителями **западных** держав в Стокгольме. Однако получить от них **определенный** ответ оказалось невозможным, напротив, пришлось иметь в виду, что в Стокгольм будет послана специальная союзническая **комиссия** генерала Эйзенхауэра. Сразу вслед за тем я проинформировал генерал-полковника Бёме об итогах переговоров и по инициативе английского военного атташе в Стокгольме передал заявление западных держав о возможности напрямую связаться с Англией по коротковолновому радиопередатчику.

Теперь всплыл вопрос, признает ли Бёме мои полномочия и станет ли он соблюдать какие-либо принятые мною вместе со шведами соглашения. Я предложил: пусть посланник Томсен и германский военный атташе генерал Утман полетят на норвежский фронт, чтобы обсудить с генералом Бёме мою миссию.

Утром 8 мая Томсен на шведском самолете вылетел туда и сначала встретился с одним высшим офицером штаба генерала Бёме. После обеда Томсен позвонил мне и сообщил, что имеются разногласия, о которых он по телефону говорить не может, а потому хочет к шести часам вечера вернуться в Стокгольм. Пост и граф Бернадотт посоветовали мне связаться с Дёницем и сообщить ему, что о моих полномочиях генерал-полковник Бёме еще не проинформирован.

Затем мы составили обширный доклад gross-адмиралу, и нам удалось получить телефонный разговор с Осло. Но слышимость была настолько плоха, что толку от этого разговора почти не было. Во второй раз мне все-таки удалось поговорить с фон Крозиггом без помех. Он заявил, что прошлой ночью Германия безоговорочно капитулировала; ведутся соответствующие переговоры на более низком уровне. Я должен вести себя осторожно, чтобы не вызвать Раздражения у генерала Эйзенхауэра, так как там сейчас идут переговоры по норвежскому вопросу. Он рекомендовал мне добиваться, чтобы шведское правительство, если оно все еще заинтересовано в своем вмешательстве, немедленно установило контакт с ^{За}падными державами.

Шведы, со своей стороны, заявили, что больше ничего сделать

нельзя, ибо как датский, так и норвежский вопрос теперь — всего лишь составная часть общих переговоров о капитуляции. Они хотят выждать и поглядеть, попросят ли союзники Швецию быть посредником.

9 мая 1945 г. я имел последний телефонный разговор с исполняющим свои обязанности германским правительством. Речь опять шла о подключении шведского Красного Креста к интернированию германских войск в Норвегии. Но мне было сказано, что такое вмешательство английским военным властям нежелательно.

Из книги: *Walter Schellenberg. Memoiren. Herausgegeben von Gita Petersen. Köln, 1959.*

На русском языке впервые опубликовано составителем в журнале «Новая и новейшая история», 1991, № 6

ФИНАЛ

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

Имперский комиссар обороны Берлина

ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ РЕЙХА*

(Из дневников. Февраль — апрель 1945 г.)

28 февраля 1945 г. Среда.

Мы должны быть такими же, каким был Фридрих Великий, и вести себя так же, как он. Фюрер вполне соглашается со мной, когда я говорю ему: дело нашей чести позаботиться о том, чтобы, если когда-нибудь, лет через 150, в Германии возникнет такой же крупный кризис, наши внуки смогли бы сослаться на наш пример героической стойкости. То стоически-философское отношение к людям и событиям, какие проявляет ныне фюрер, тоже сильно напоминает мне Фридриха Великого. (...) Нашей задачей должно быть: до последнего исполнять свой долг. В этих вопросах фюрер тоже стоик и приверженец Фридриха Великого. Именно с ним соперничает он, осознанно или неосознанно. Как хотели бы мы всем сердцем подражать этому образцовому примеру! Если бы только Геринг не выпадал столь дурачки из этого ряда! Он вовсе никакой не национал-социалист, а сибарит, не говоря уже о том, что никакой не последователь Фридриха Великого. Как благородно и импонирующе выглядит, напротив, Дёниц. Он, как заявил мне фюрер, лучший представитель своего рода оружия. Жаль, что не такой человек представляет партию, а Геринг, который имеет с ней столь же мало общего, как корова — с изучением солнечных лучей.

(...) Беседа, которая состоялась у меня с фюрером по, как я считаю, кардинальной проблеме нашего военного руководства, протекала драматически и бурно. Но фюрер согласился со мной по всем пунктам. (...) Если кто-то, как Геринг, не желает шагать в ногу, надо вправить ему мозги. Увешанные с ног до головы орденами дураки и тщеславные, расфуфыренные фаты не могут принадлежать к военному руководству. Или они должны измениться, или же их следует вывести из него. Или Геринг должен перестроиться внутренне и внешне, или же его надо выставить за дверь. **Какая** же это пошлость, когда первый офицер рейха в этой военной ситуации все еще красуется в своей серебристо-серой форме! **Какое** бабье поведение, учитывая нынешние события! Будем на-

* Фрагменты из дневников, как и предыдущие, публикуются по немецкому изданию выборочно и со значительными сокращениями. Название дано составителем.

десять, фюреру удастся снова сделать из Геринга мужчину. (...) Да и вообще окружение Геринга гроша ломаного не стоит! Оно лишь поощряет его склонность к женской изнеженности и потворствует его жажде наслаждений, вместо того чтобы сдерживать ее. В противоположность этому фюрер очень хвалит простоту и чистоту образа жизни моей семьи. Только так мы можем быть на высоте требований нашего времени.

Положение на Западе доставляет нам величайшие заботы. (...) Что будет, если враг действительно совершит здесь прорыв? Но не будем сразу предполагать наихудшее. (...)

1 марта 1945 г. Четверг.

Вчера. Военное положение: в Венгрии никаких особенных событий. В словацком районе отбиты несколько сильных #так противника. На всем силезском участке вплоть до района южнее Бреслау (ныне — Вроцлав. — *Сост.*) — никаких значительных боев. (...) Бои за каждый дом на окраине Бреслау продолжаются. На одерском участке большевикам удалось в ходе частных наступлений расширить свой плацдарм у Лебуса. (...) В районе между Руммельсбургом и Нойштеттином большевики расширяли свой клин. Они взяли Кольберг и Нойштеттин и продвинулись на несколько километров на запад. (...) В Курляндии сильные атаки противника тоже отбиты. (...) Вражеская авиация на Востоке довольно активна. Всего советская сторона ввела в бой примерно 1200 самолетов, основную массу — в районе прорыва в Померании. (...)

Англичане и американцы в данный момент распространяют тревожные сообщения о нашем положении на Западе. Они утверждают, что им удался прорыв по всей линии и что, как особенно подчеркивает Монтгомери, они вынуждены установить запрет на информацию, чтобы не сообщать нам данных, которые могли бы быть ценными для нас. Американцы же особенно похваляются тем, что находятся уже в 15 километрах от Кёльна и выйти к Рейну для них — пустяшное дело. Однако это заявление коренным образом опровергнуто в течение сегодняшнего дня. Соппротивление, оказываемое нашими войсками, столь сильно, что ни о каком развале германского фронта не может **быть** и речи. (...) **Вражеские** потери огромны. У американцев — горы трупов, чего они даже не скрывают в своей прессе. (...) Короче говоря, мы в настоящий момент находимся в той стадии войны, в которой можем **вызвать** к себе уважение только нанесенными врагу потерями. Это, несомненно, производит на американскую общественность **глубокое** впечатление. (...)

В палате общин развернулись дебаты насчет Крымской конференции. Ряд оппозиционных тори внес к одобренному **правительством** вотуму доверия дополнение, имеющее довольно коварное значение для отношений Англии с ее союзниками. Вокруг этого дополнительного предложения идет сейчас борьба. **Прави-**

тельство Черчилля отбивается от него руками и ногами. (...) Вне всякого сомнения, Черчилль выйдет из этих дебатов вполне не-вредимым. Англия слишком слаба, чтобы **в** нынешней ситуации позволить себе правительственный кризис со столь далеко идущими последствиями. Она шла на дело вместе со своими поделщиками, она повязана с ними и будет повешена заодно с ними. Она вступила на путь, ведущий вниз. (...) Критика принятых в **Ялте** решений идет главным образом от тори. Группа консерваторов, принадлежащих к более узкому кругу парламентариев, уже давно занимается тем, чтобы либо вернуть Черчилля на путь истинный, либо свалить его. В этих кругах говорят «Польша», а подразумевают «Германия». Но эта оппозиция в данный момент не имеет для нас существенного значения. (...)

Из американских источников мы узнаём: Петэн уже в ноябре 1940 г. заключил с Англией тайный договор о том, что Франция в благоприятный момент снова вступит в войну против Германии. Этот договор был заключен за спиной Лавала. Я считаю вполне возможным, что Петэн обвел нас вокруг пальца, а Лаваль, вероятно, тоже знал об этом. (...)

В Румынии продолжается борьба вокруг кабинета Радеску. Большевики, кажется, имеют намерение сделать там *tabula rasa*. Они требуют ухода Радеску в отставку и создания, как они говорят, демократического народного правительства, иными словами, большевистских Советов. Известный большевистский массовый убийца Вышинский прибыл сейчас в Бухарест. Он наверняка продолжает всю эту работу.

Большевистским зверствам на нашей земле теперь несть числа. Они — отвратительные явления реальной политики и по жестокости своей не могут быть превзойдены ничем. Я намерен ознакомиться с сообщениями об этих зверствах международную общественность. На очередном приеме для прессы я предам гласности имеющийся у генерал-полковника Гудериана текст приказа маршала Жукова советским войскам перед наступлением с Сандомирского плацдарма. Ведь этот приказ в известной степени указал направление большевистским зверствам. Хотя я и не предполагаю, что это окажет непосредственное политическое воздействие, все же в перспективе эффект возымеет.

В середине дня я долго беседовал с генералом Власовым. Генерал Власов — весьма интеллигентный человек и энергичный русский военачальник, производящий очень солидное впечатление. Сначала мы говорили об отношениях между русским и немецким народом в общем плане. Он считает, что Россия может быть спасена, только если вместо большевистской идеологии создаст себе такую, какую немецкий народ имеет в виде национал-социализма. Он характеризует Сталина как чрезвычайно хитрого человека с поистине иезуитской натурой, ни одному слову которого верить нельзя. До начала войны большевизм имел в русском народе относительно мало сознательных и фанатичных приверженцев. Но Ста-

лину удалось во время нашего продвижения в советские области превратить войну против нас в священное отечественное дело, что имело решающее значение. Власов рисует положение в Москве в те дни, когда поздней осенью 1941 г. ей грозило окружение. Все советское руководство потеряло самообладание. Сталин был единственным, кто настаивал на сопротивлении, хотя и сам тоже был удручен. Ситуация была примерно такой же, как у нас в данный момент. Ведь и фюрер провозглашает сопротивление любой ценой и увлекает всех за собой.

Беседа с генералом Власовым подействовала на меня весьма ободряюще. Я узнал, что Советскому Союзу пришлось пройти через точно такие же кризисы, какие предстоит преодолеть нам, и что и из этих кризисов есть выход, если полны решимости не сгибаться.

Затем мы совместно обсуждали методику нашей пропаганды против большевизма. Власов подчеркивает — и, по-моему, справедливо, — что большевизм ведет исключительно ловкую и опасную пропаганду. Пропаганда — вообще самая сильная сторона его политического воздействия. Вот чем объясняется то, что германская пропаганда подвергается большевистским режимом наиболее яростным атакам. Я, по его словам, единственный после фюрера, против кого большевистская общественность направляет самую острую и заушательскую критику. Наша пропаганда, обращенная к народам России, должна — ив этом я согласен с Власовым — идти примерно по тому пути, который он наметил в своей известной прокламации. В нашей восточной политике мы достигли бы весьма многого, если бы еще в 1941 и 1942 гг. руководствовались теми принципами, которые отстаивает в ней Власов. Наши упущения в этом отношении можно наверстать лишь с большим трудом.

Я уже подчеркивал, что Власов кажется мне выдающейся личностью. Его знание большевистской идеологии и практики может оказаться для нас очень ценным. (...) На следующей неделе я снова приму генерала Власова, чтобы обсудить с ним некоторые практические вопросы нашей пропаганды.

Интересны высказывания Власова насчет внутренней жизни большевистской иерархии. Практически Сталин правит с диктаторскими полномочиями. Он пытался использовать в своих **интересах** евреев, а евреи — его. Ни одному данному Сталиным слову **нельзя** доверять никоим образом. Сталин — в высшей степени **продувной** и хитрый крестьянин, для которого цель оправдывает средства. Насколько жалким в сравнении с ним, к примеру, выглядит дуче, который сейчас в своих газетах заявляет, что фашизм **намерен** вернуться к двухпартийной системе. Это — новая причуда совершенно выбившегося из колеи фашистского интеллектуала, который в данной стадии войны ко всему прочему намерен еще и распрощаться со своими собственными принципами.

Обсуждая в берлинском Совете обороны вопросы обороны столицы рейха, я не могу не опереться на рассказанное мне **генера-**

лом Власовым. Генерал фон Хауэншильд получает большинство **воих** контингентов из самого Берлина — из военных училищ и офицерских школ. Поэтому ему повсюду не хватает солдат. Таким образом, мы вынуждены призвать вторую очередь фольксштурма (народное ополчение. — Сост.), а также, **предположительно**, перейти к формированию женских батальонов. Я даже вношу предложение перевести из тюрем и концентрационных лагерей уголовников с небольшими сроками заключения в специальные подразделения, находящиеся под очень жестким командованием. Как сообщил мне генерал Власов, в свое время эта мера **исключительно** хорошо зарекомендовала себя при обороне Москвы. Тогда **Сталин** спросил его, готов ли он сформировать дивизию из бывших заключенных при условии, что за храброе поведение им будет гарантирована амнистия. Дивизия штрафников дралась превосходно. Почему же нам в нынешнем бедственном положении не сделать то же самое?

Сегодня целый день опять тяжелейшие авиационные налеты на западные области рейха. Их даже невозможно перечислить. Против этого буйствования вражеской авиации мы совершенно беззащитны. (...)

Восстановление моральной силы наших войск приобрело теперь решающее значение.

В 7 часов вечера по радио передается моя речь. Слушаю ее еще раз. Содержание и стиль отличны, и я ожидаю, что она все-таки подействует на радиослушателей, хотя я и не был в состоянии преподнести им в качестве наилучших аргументов политические успехи. Но ведь народ сегодня доволен уже тем, что с ним хоть час кто-то поговорил по-хорошему.

В вечерней сводке сообщается, что на Западе нашим войскам снова удалось остановить англо-американское продвижение. Они, хотя и с большими усилиями, в течение всего дня удерживали свои позиции. (...)

На Востоке враг тоже не продвинулся в Восточной Померании. Мы ударили с обеих сторон по его передовым отрядам, и им пришлось остановиться, чтобы не оказаться отрезанными от своих тылов. Есть надежда, что довольно критическое положение здесь будет ликвидировано. Однако сильные атаки противника в полосе всей группы армий «Висла», слава Богу, отбиты. (...) Бои в Бреслау медленно приближаются к центру города и отличаются большой ожесточенностью. (...)

2 марта 1945 г. Пятница.

Вчера. Военное положение: на Восточном фронте: центр тяжести находился в Восточной Пруссии, где Советы снова безуспешно наступали крупными силами. (...) В Померании Советы крупными силами наступали на север. (...) В Курляндии боевые действия пошли на убыль. (...) Крупное наступление американцев между Ахеном и Кёльном достигло кульминационной точки. (...) На Вос-

токе снова оживленные налеты авиации противника на Восточную Пруссию. (...)

Вражеская сторона оценивает теперь возможности и шансы англо-американского наступления несколько более скептически. Прежде всего там неприятно поражены и удивлены тем твердым сопротивлением, которое наши войска оказывают продвижению американцев в районе Мёнхен-Гладбах — Рейн. Говорят о фанатических войнах, которые превосходят один другого храбростью и решимостью сражаться до конца. Генерал Монтгомери тоже **стал** гораздо осторожнее в своих оценках. Он чуток расхвстался, а теперь ему приходится с досадой брать свои слова обратно.

В палате общин продолжают дебаты насчет Крымской конференции, причем в очень возбужденной форме. Черчиллю приходится иметь дело с весьма значительной оппозицией, пусть **даже** она в данный момент еще и не может стать активной. Страх перед большевизмом широко распространен среди английской общественности. Однако публично об этом говорить не решаются, чтобы не привести Сталина и Кремль в дурное настроение. (...) Палата общин снова падает на колени перед союзниками — как перед американцами, так и особенно перед Советами. Раздаются отдельные голоса, как, например, одного консервативного депутата, который публично заявил, что на Крымской конференции Черчилль преподнес Англии новый Дюнкерк, а Европа прямым ходом угодила под господство большевизма. К сожалению, как уже сказано, такие голоса единичны и в настоящий момент они практического воздействия еще не имеют.

Но оппозиция растет не только **в** Лондоне, **а** и **в** Вашингтоне. Конгресс США устами некоторых конгрессменов выразил недовольство ялтинскими решениями. При этом все больше говорят только **о** польском вопросе, **в** действительности подразумевая, с одной стороны, большевизм, **а** с другой — Германию. (...) Рузвельту пришлось в интервью для прессы смущенно признать, что **о** Японии на Ялтинской конференции вообще не говорилось. Я тоже считаю это вполне возможным. Сталин откажется так запросто втянуть себя **в** восточноазиатский конфликт. Кстати, **в** интервью Рузвельта для печати содержатся скрытые признаки дружелюбного отношения к нам, но **я** полагаю, они **объясняются** больше пропагандистскими, нежели действительными **мотивами**.

Тем временем Кремль в истории с Румынией очень **сильно** выходит за рамки ялтинских решений и стремится здесь поставить своих союзников перед свершившимися фактами. (...) Во всяком случае, отставка Радеску вызывает у англо-американской общественности сильную досаду. Даже «Тайме» воспринимает кремлевскую политику весьма жестко. Думаю, у «Тайме» будет еще достаточно поводов жаловаться на своеволие Кремля.

Передо мной лежит приказ маршала Конева советским **войскам**. В этом приказе Конев выступает против все более **распространяющихся** грабежей, чинимых советскими солдатами **в восточ-**

Нбix областях Германии. Приводятся отдельные случаи, которые полностью соответствуют нашим сведениям. (...) Конев призывает командиров строжайшим образом принимать меры против этого разложения советских войск. Он приказывает также, чтобы подлоги и грабежи осуществлялись только по приказу. Характеристика, которую он дает этим инцидентам, весьма показательна. Из нее можно заключить, что в лице советских солдат мы действительно имеем дело с отбросами степей. (...) У нас имеются соответствующие сообщения о зверствах в восточных германских областях, поистине вызывающие ужас. (...) Кажется, что они совершаются по приказу сверху, ибо поведение советских солдат дает основание сделать вывод о явно выраженной системности. Мы начнем нашу крупную кампанию против них внутри страны и за границей. (...)

Воздушная война превратилась в дичайшую оргию. Против нее мы совершенно безоружны. Рейх постепенно превращается в абсолютную пустыню. Ответственность за это несет Геринг с его люфтваффе. Она не в состоянии отражать вражескую авиацию.

Мы уже вынуждены, и вскоре будем вынуждены в еще большей мере, чрезвычайно сильно ограничивать наши продовольственные рационы. Потеря восточных областей начинает ощущаться самым болезненным образом. (...) Ко всем другим бедам теперь прибавится еще и голод, но иной возможности, кроме как и дальше устоять в борьбе, как известно, у нас нет. (...)

3 марта 1945 г. Суббота.

Вчера. Военное положение: центр тяжести боев на Востоке по-прежнему в районе Нойштеттина—Руммельсбурга. (...) Второй центр тяжести — в Восточной Пруссии, где советские войска снова отбиты. (...) Положение на Западе становится все более угрожающим. Вражеская сторона снова торжествует, не зная никакой меры. Тем не менее военный министр США Стимсон вынужден признать исключительно большие потери американцев в нынешних операциях. Он говорит, что наши солдаты сражаются как дикие фанатики и ни о каком параличе германского сопротивления на Западе пока и речи идти не может. Было бы очень плохо, если бы мы не смогли удержаться хотя бы на Рейне. Дальнейшее продвижение американцев в значительной мере опровергло бы нашу политическую концепцию войны. Мы живем сейчас в той стадии гигантской схватки, когда на карту поставлено все и судьба Рейха порой висит на шелковой нитке. (...)

Ялтинские решения обсуждались и в палате лордов. Польский вопрос, так сказать, наглядный пример того, насколько англичане на самом деле заслуживают доверия во всем мире. О Черчилле теперь говорят, что полученный им вотум доверия вовсе не карт-бланш для его политики пресмыкательства перед Кремлем. Но в Данный момент мне все это кажется всего лишь болтовней вокруг Да около. В настоящее время от Англии в политическом отноше-

нии ожидать нечего, ну а от Соединенных Штатов — и **того** меньше.

Речь Рузвельта в конгрессе — винегрет из пустых фраз и тошнотворное повторение его старых девизов. Он разглагольствует о грядущем мире во всем мире, об Атлантической хартии, которой он держится, как и прежде, заявляет, что задача союзных держав — **нокаутировать** Германию. Этот нокаутующий удар должен быть нанесен с наименьшими потерями, а для того среди наших противников должно царить полное единство; в Ялте однозначно достигнута координация военных операций. В заключение он заявляет, что Соединенные Штаты по-прежнему стоят на позиции безоговорочной капитуляции [Германии]. Союзники, мол, не хотят причинить немецкому народу никакого зла, но нацизм и милитаризм должны быть устранены, тогда Германия даже получит право на хорошую жизнь во взаимодействии с другими народами. Коротко и ясно, мы имеем здесь новое издание тех обольстительных фраз, которые Рузвельт произносит, когда стремится к политическим успехам. Просто бесстыдство, когда Рузвельт после этого заявляет, что, увидев развалины Севастополя, он понял: никакое сосуществование порядочности с нацизмом невозможно. О тех страшных разрушениях, которые американская авиация ежедневно причиняет неукрепленным и незащищенным немецким городам, он, разумеется, умалчивает. Короче, речь Рузвельта едва ли стоит того, чтобы ею вообще заниматься. Она слишком лжива и нагла, чтобы с ней полемизировать. Я теперь придерживаюсь точки зрения, что мы должны меньше знакомить немецкую общественность с речами зарубежных государственных деятелей. Они ежедневно заваливают мир новыми заявлениями, а, полемизируя против них, мы их косвенно пропагандируем. В заявлении Рузвельта интересно то, что он говорит о продолжительной войне против Японии. Значит, готовит американскую общественность к тому, что ради его мании величия Америке еще придется принести значительные жертвы. (...)

Из подробного сообщения о положении в Силезии я вижу, что Шёрнеру удалось занять прочную линию обороны. Но, с другой стороны, приходится констатировать, что для контроперации наши силы слишком слабы. Советы применяют здесь старую тактику, создавая все новые угрожаемые участки, в результате чего возникает опасность прорыва. В остальном же положение Советов можно охарактеризовать примерно следующим образом: **вооружение** их войск — отличное, но они все больше и больше страдают от недостатка живой силы. Их наступающая пехота состоит в значительной части из интернированных ими восточных рабочих и поляков. Продовольственное обеспечение более или менее **достаточное**. Поляки относятся к Советам весьма отрицательно. Ведь они хорошо знают, что грозит им, если Советы в один **прекрасный** момент смогут делать все, чего захотят. В общем и целом, что касается советских танковых войск, можно говорить о **хорошей**

дисциплине. Скопища пехотинцев, напротив, находятся в довольно «сважном» состоянии. Советский солдат устал от войны. Его можно сейчас поддержать только надеждой, что он скоро окажется в Берлине, а там — и войне конец.

Американцы снова произвели очень сильные налеты авиации на запад и юго-восток рейха, нанеся нам невосполнимый урон. Ситуация день ото дня делается все более невыносимой, и у нас нет никакой возможности противодействовать такому ходу развития. (...)

В результате войны, особенно воздушной, в рейхе уже полностью разрушено около 6 млн квартир. Это значит, что уничтожен жуткий процент из тех 23 млн жилищ, которые имелись в рейхе в 1939 г. В целом же можно в настоящий момент говорить о нехватке в рейхе 9 млн квартир. Следовательно, после войны перед нами встанет в этой области задача фундаментального характера.

В положении германского тылового фронта можно констатировать: народ пока еще держится сравнительно прилично. Однако ругает офицеров. Стараются приписать им вину за отступления, а это ведет к падению их авторитета в войсках. Однако объяснять поражения последних двух лет саботажем офицеров — слишком просто. Положение вещей несколько иное, а поэтому я решил на этих днях при первом же подходящем случае — вероятно, при поездке на фронт — сказать справедливое слово, ибо в критической ситуации войны мы не можем начинать спор, кто, собственно, виноват. Уже видно, что такие споры деморализуют армию. Значительно возросло и число дезертиров. Предполагают, что в крупных городах рейха скрываются тысячи солдат и офицеров, которые якобы отбились от части, а на деле уклоняются от фронта. Поэтому я со всей энергией выступаю за прекращение отпусков из вермахта. В этой критической ситуации ни один солдат не должен ехать в отпуск, его долг — сражаться.

В поступивших ко мне письмах содержится значительная критика нашего военного руководства в целом, но теперь критике подвергается и сам фюрер. Народ больше не находит из нынешней дилеммы никакого выхода. Особенно боятся, что после потери наших восточных областей очень скоро станут необходимыми сильнейшие ограничения продовольствия, что уже частично имеет место. Здесь нас, пожалуй, ждут самые опасные трудности. (...)

В Берлине мы испытываем чрезвычайные трудности из-за нехватки энергии. (...) Горючего для имперской столицы стало еще меньше. Даже зажигалку заправить нечем. (...)

На Востоке наши меры оказались не такими эффективными, как мы на то надеялись. (...) Сколько драгоценной крови отдано в этой войне! Но если посмотреть на тот всемирный кризис, который мы сейчас переживаем, пожалуй, приходишь к мысли, что можно лишь позавидовать погибшим.

4 марта 1945 г. Воскресенье.

Вчера. Военное положение: на Востоке центр тяжести, как и прежде, в Померании, где противник массированными силами стремится расчленив наш северный фланг и вклиниться в него. (...) На фронте Одер—Нейссе — никаких особенных событий

В настоящее время мы испытываем на Западе чрезвычайно большое бремя. Ход развития там таков, что нам, вероятно, при создавшихся условиях придется отступить на Рейн. (...) Он представляет собой для нас самый благоприятный рубеж обороны. (...)

Как сообщают нам некоторые доверенные лица, война американский народ подходит к ней без той стойкости, какую проявляет, к примеру, немецкий или русский народ. (...)

Просто-таки сенсационное признание делает «Дейли экспресс». Она сообщает, что я — единственный, кто вот уже два года правильно характеризует польский вопрос и совершенно верно предсказал английскую уступчивость в нем Кремлю. В этом отношении Черчилль подвергается сильной критике. Меня вообще весьма радует в настоящий момент оценка нейтральной или даже враждебной прессой меня лично как волшебника в области политической психологии и как самого ловкого пропагандиста, какой только есть сейчас во всем мире. Ведь так оно и есть на самом деле: нужна невероятная способность приспособления, чтобы в нынешней ситуации войны обращаться как к собственному народу, так и ко всему миру таким образом, чтобы, с одной стороны, говорить правду, а с другой — не навредить вере немцев в победу.

Ход событий в Румынии вполне соответствует желаниям Кремля. (...) Премьер-министром стал Петру Гроза — ярко выраженный интеллектуальный левый радикал. В данном случае о нем можно говорить не как о Керенском, а как о Ленине в миниатюре. Теперь не придется долго ждать, что предательский румынский двор во главе с королем-мальчиком Михаем будет отстранен от власти, а Румыния окажется включенной в состав Советского Союза в качестве новой советской республики.

Американцы охотно сделали бы премьер-министром **Польши** какого-нибудь польского князя церкви. Думаю, в Кремле животик надорвут от смеха над этим предложением, ибо Сталин и не помышлял реформировать, а тем более отстранять от **власти** Люблинский комитет. Это обещание было просто небольшим подарочком к Ялтинской конференции, который даритель тотчас же забрал назад.

Советы своим ударом в Восточной Померании снова **поставили** нас в довольно критическое положение. Этого и следовало ожидать, поскольку мы на всех участках фронта слишком слабы, а потому это было для Советов делом весьма простым; **нам** же пришлось бросать наши соединения на угрожаемые участки фрон-

да словно пожарную команду и кое-как, неся тяжелые потери, штопать прорывы.

Через Швецию приходят тревожные новости из Финляндии. Согласно им, Советы прервали всякую связь Хельсинки с загнившей, желая повторить в Финляндии румынский пример. Положение здесь обострилось до крайности, что вызвало в Лондоне величайшее неудовольствие. В Финляндии создалась такая ситуация, которая при определенных условиях приведет к взрыву. В Стокгольме этим просто ошеломлены, однако у шведов нет **никакой** причины изображать себя застигнутыми врасплох. Ибо именно они постоянно советовали Финляндии идти роковым путем сотрудничества с Советским Союзом. (...)

Фюрер совершил поездку на Восточный фронт и посетил 1-й корпус. (...) Воздействие этого посещения на офицеров и солдат огромное. Я считаю правильным, чтобы фюрер теперь чаще выезжал на передовую, чтобы положить конец слухам, будто он недостаточно заботится о фронте. (...)

5 марта 1945 г. Понедельник.

(...) В западном лагере снова слышна крайне острая критика ялтинских решений. Она постоянно растет как в Англии, так и в Соединенных Штатах. Недоверие к Кремлю усиливается, оно питается ходом развития в Румынии. Но я должен вновь и вновь подчеркнуть, что эти признаки начинающегося осознания пока еще большого политического значения не имеют. (...)

Примечательно заявление государственного секретаря США о признании Прибалтийских государств и о предоставлении дипломатическим представителям этих государств экстерриториальных прав. Это заявление США в нынешней обстановке даже нельзя себе представить! Военное положение граничит с безумием. Оно проявляется в исторических противоречиях. А тем временем Сталин ставит Рузвельта и Черчилля перед готовыми фактами, которые дают ему преимущество над ними. (...)

Ход событий вызывает сильнейшие опасения. Наша линия обороны в Восточной Померании разорвана, и в данный момент неясно, как нам создать здесь рубеж обороны. Ряд наших ценнейших соединений здесь либо отрезан, либо даже окружен. Мы, разумеется, пытаемся снять с фронта на подступах к Берлину и перебросить туда все, без чего только можно обойтись, но это означает для Сталина приглашение как можно скорее решиться на удар по Берлину.

В Финляндии дело зашло так далеко, что финское правительство объявляет войну Германии. Надо иметь в виду: Маннергейм капитулирует, чтобы обеспечить Финляндии мир. Затем национальный правящий слой будет постепенно удушен. А пока Сталин блокирует все связи Финляндии с внешним миром; потом она снова вступит в войну, но уже на другой стороне. Таков результат маннергеймовской политики. Вот как «дальновидно» оперирует

маршал, когда вступает на скользкий пол политики. Путь Румынии тоже прямехонько ведет в хаос, и я полагаю, Финляндия: недолго будет отставать в этом от нее.

Однако ход военного развития таков, что иногда кажется: у нас мало надежд совершить в этой области что-либо заметное, (...) Еще хуже, чем на Западе, положение на Востоке. Оно, особенно в Померании, крайне ухудшилось. Вклинения и даже прорывы, осуществленные здесь, весьма чреватые роковыми последствиями. (...) Все это просто раздавливает. К тому же противник предпринимает сильнейшие атаки на Бреслау, он уже прорвался в центр города. (...) Мы предвидим вскоре крупное наступление Советов в Моравско-Оставском районе. Здесь мы, собственно говоря, должны быть в состоянии успешно противостоять вражескому натиску, если только не хотим потерять этот промышленный район. Трудно будет тогда представить себе, как мы обойдемся без его производственных мощностей.

Вечером я вызван к фюреру для продолжительного доклада. Нахожу его, в сравнении с последним разом, довольно подавленным, что вполне объясняется положением на фронтах. Состояние его здоровья тоже довольно неважное, очень усилилось дрожание левой руки, и я замечаю это с ужасом. Его поездка на фронт прошла очень хорошо, она произвела на него сильное впечатление. Генералитет проявил себя наилучшим образом, а солдаты встретили фюрера с ликованием. К сожалению, фюрер не пожелал, чтобы в прессе было сообщено об этом. А это сегодня необходимо, как хлеб насущный.

Что касается положения на Востоке, фюрер надеется, что ему удастся поправить дела в Померании. Он двинул туда более сильные формирования, которые дадут свободно вздохнуть в критических местах, чтобы успешно противостоять советскому натиску*. Привести прорванный фронт снова в порядок чрезвычайно трудно. К тому же Гиммлер болен инфекционной болезнью. (...)

Фюрер снова указывает, что он, в противоположность генеральному штабу, ожидал удара Советов сначала в Померании, а не по Берлину. Таким образом, фюрер в своем прогнозе опять оказался прав. Несмотря на это, генеральный штаб сконцентрировал силы на участке Одера на подступах к Берлину, допустив тем самым ошибку. Гиммлер тоже считал, что удар сначала будет нанесен по Берлину. Фюрер говорит, что дал генеральному штабу убедить себя его болтовней. А теперь исправить эту ошибку слишком поздно. Теперь мы должны снова штопать дыры. Для меня непостижимо, как это фюрер, обладая столь ясным пониманием сути дела, не смог отстоять свою точку зрения перед генеральным штабом: ведь в конце концов он — фюрер и приказывает он! Фюрер вполне правильно говорит, что мы должны рассматривать нынешнее положение на Восточном фронте в сравнении с той **ситуацией**, которая имела место четыре недели назад. А потому он прав, заявляя, что можно констатировать некоторое улучшение. **Тогда**

ситуация была такова, что большинство военных специалистов считало, что шансов у нас абсолютно нет. Как справедливо замечает фюрер, в Берлине уже паковали чемоданы и считали столицу рейха потерянной, в то время как сам фюрер прибыл тогда в Берлин. Если бы он не взял дело в свои руки, мы стояли бы сегодня, верно, на Эльбе.

Я подробно сообщил фюреру о беседе с генералом Власовым, особенно о тех средствах, которые он по заданию Сталина применял, чтобы в конце осени 1941 г. спасти Москву. Советский Союз находился тогда в такой же ситуации, что и мы сегодня. Но он принял самые решительные меры, на которые у весьма многих наших влиятельных людей не хватает ни нервов, ни энергии. Я изложил фюреру свой план задержания отбившихся от своих частей солдат и формирования из них новых полков. Фюрер дает согласие на этот план. Он также согласен с тем, что мы в Берлине должны формировать женские батальоны. Ведь множество женщин охотно согласится нести фронтовую службу, и фюрер считает, что если они пойдут добровольно, то будут биться фанатически. Их надо использовать во второй линии, тогда у мужчин исчезнет желание ретироваться с первой. Что касается силезского участка фронта, то фюрер видит на нем временную стабилизацию. Он очень доволен проделанной Шёрнером работой. (...)

Некоторые опасения внушает фюреру Моравско-Остравский индустриальный район. В этом районе Советы сконцентрировали большие силы, и здесь следует в ближайшие дни ожидать вражеского удара. Фюрер полон решимости при любых обстоятельствах остановить противника, разумеется, если для этого у нас хватит сил. 6 марта, т. е. в будущий вторник, должен начаться наш удар в Венгрии. Фюрер боится, что противник уже узнал о сосредоточении наших войск в этом районе и соответственно подготовился. Тем не менее он надеется, что наши меры приведут к полному успеху. Ведь и у нас стоят наготове первоклассные войска под командованием [обергруппенфюрера, генерала войск СС] Зеппа Дитриха. Генеральный штаб тоже видит теперь необходимость нашего удара в Венгрии. А еще недавно он руками и ногами противился тому, чтобы акции тут проводились в первую очередь. Теперь до него, прежде всего на примере положения с бензином, наконец-то «дошло», что мы ни в коем случае не можем уйти из Венгрии, если только не хотим полностью прекратить нашу моторизованную войну. Фюрер прав, когда говорит мне, что в распоряжении Сталина имеется ряд выдающихся военачальников, но нет ни одного гениального. Имей он такого, советский удар был бы нанесен не, скажем, на Сандомирском плацдарме, а на территории Венгрии. Если бы у нас отняли венгерскую нефть, мы просто оказались бы неспособны на те контрнаступления, которые мы планируем на Востоке.

Много забот доставляет фюреру положение на Западе. Тут тоже можно считать, что фронт разорван. Несмотря на это, фюрер

считает, что мы удержимся на Рейне, ибо тот является идеальным рубежом обороны. Он отдал приказы действовать так, чтобы при любых обстоятельствах удержать на Рейне несколько плацдармов. (...) Я настойчиво внушал фюреру, что рушится наш последний военный тезис, ибо если американцы пробьются в Центральную Германию, у них не будет ни малейшего побуждения вообще пойти на какой-либо разговор с нами. Наша задача теперь во что бы то ни стало устоять на ногах. Кризис во вражеском лагере хотя и возрастает, но еще большой вопрос, приведет ли он к взрыву до тех пор, пока мы более или менее в состоянии сопротивляться. Предпосылка успешного окончания войны: кризис во вражеском лагере должен разразиться прежде, чем мы окажемся поверженными наземь.

Фюрер снова в резких выражениях нападает на генеральный штаб. Но я задаю ему вопрос: какая от этого польза? Ему надо было послать генеральный штаб к черту, раз тот чинит ему такие большие трудности! В ответ фюрер цитирует Бисмарка, который однажды сказал: с датчанами он справился, с австрийцами и французами тоже, а вот с бюрократией рейха — не смог. Но ведь Бисмарк не обладал такой властью, как фюрер! (...) Однако фюрер, как и прежде, считает, что нам удастся как-нибудь снова удержаться. Как это произойдет в деталях, это ему самому в данный момент еще не ясно. (...)

Что касается оценки внешнеполитического положения, то тут фюрер питает весьма радужные надежды. Он с удовлетворением замечает, что политический кризис во вражеском лагере растет. Но я возражаю: это нарастание кризиса идет для нас слишком медленно. Вопрос, сможем ли мы дожидаться, пока этот кризис окончательно созреет. Фюрер прав, заявляя, что Англия очень устала от войны. Ему тоже бросилось в глаза сообщение из Вашингтона, что США и впредь признают Прибалтийские государства. Так ют, кажется, что за кулисами разыгрывается крупный скандал между англо-американским лагерем и советским. Но этот скандал, как я должен постоянно подчеркивать, пока не является столь сильным, чтобы принести нам облегчение.

Фюрер убежден в том, что если какая-либо держава во вражеском лагере и захочет вступить с нами в разговор первая, то это при всех обстоятельствах будет Советский Союз. У Сталина с англо-американскими союзниками величайшие трудности, а ведь Советский Союз принадлежит к числу тех государств, которые, точно так же как и мы, хотят вернуться с войны с добычей. А потому вечный конфликт с англо-американцами Сталину надоест, и тогда он оглядится вокруг в поисках других возможностей. Его тактика в Румынии и Финляндии такова, подчеркивает фюрер, что она для американцев просто-таки сигнал тревоги, не говоря уже о польском вопросе. Сан-Франциско (учредительной конференции ООН. — *Сосм.*) фюрер предрекает фиаско. Но предпосылкой того, что мы вступим в разговор с той или иной другой

стороной, служит наш военный успех. Сталин тоже должен сначала понести урон, прежде чем захочет чего-нибудь достигнуть с нами. Фюрер правильно говорит, что Сталину легче осуществить смену курса в военной политике, ибо ему совершенно не нужно считаться со своим общественным мнением. Несколько по-иному обстоит дело с Англией. Даже если бы Черчилль и захотел проводить иную военную политику, сделать этого он не смог бы. Ведь он слишком зависит от внутривойсковых сил, часть которых носит прокоммунистический характер, а также от Рузвельта, не говоря уже об отсутствии у него малейшего намерения идти в этом направлении.

В качестве цели перед фюрером маячит возможность найти взаимопонимание с Советским Союзом и благодаря этому с жесточайшей энергией продолжить борьбу против Англии. Ведь Англия всегда была нарушителем мира в Европе. Если мы вышвырнем ее отсюда, то, по крайней мере на какое-то время, обретем покой.

Советские зверства, конечно, ужасны и дают фюреру большую фору. Но ведь и монголы тоже хозяйничали в Европе, так же как и Советы, однако не давали этим никакой форы для тогдашних конфликтов. Бури с Востока приходят и уходят, и Европа должна с ними справляться.

Я докладываю фюреру мой пропагандистский план публикации материалов о советских зверствах, и он тоже считает, что надо использовать с этой целью [начальника генерального штаба] Гудериана. Фюрер полностью согласен с этим планом. Он одобряет, чтобы при публикации материалов о советских зверствах национал-социалистические тенденции несколько сдерживались, тогда наши публикации вызовут большее международное доверие. В любом случае необходимо внести в оценку большевизма полную ясность. (...)

Я перехожу к вопросу о воздушной войне. Фюрер подвергает Геринга и люфтваффе безудержной критике. В Геринге он видит подлинного козла отпущения за развал люфтваффе. (...)

Я сообщаю фюреру, что Магда (жена Геббельса. — *Сост.*) вместе с детьми при всех условиях, даже если Берлин будет атакован и окружен, останется со мной. Фюрер после некоторого колебания одобряет это решение. (...)

В целом фюрер все еще производит сильное впечатление. Он тоже остался непоколебимым, несмотря на все страшные удары, которые мы теперь снова получаем. Его стойкости можно поражаться. Если кто и способен справиться с теперешним кризисом, так это он. Не видно никого другого, кто хотя бы отдаленно мог сравниться с ним.

В любом случае у нас теперь должен господствовать один принцип: при всех обстоятельствах успешно справиться с этим кризисом, а если это невозможно, выдержать его с честью. Мы Должны быть готовы ко всему и сжечь мосты за собой. Тем вернее мы пронесем наше знамя к победе.

Затем у меня была еще краткая беседа с послем Хевелем. Он рассказал мне, что Риббентроп сейчас усердно старается соткать нить, связывающую нас с западными странами, но в настоящий момент никакой перспективы этого нет. Как с английской, так и с американской стороны ни малейшего движения навстречу не замечается. Черчилль и Рузвельт относятся к этому совершенно отрицательно, хотя они со всей определенностью могли узнать об этом как через наши связи в Стокгольме, так и в Ватикане. Ясно и то, что политическими способами в данный момент ничего сделать нельзя, если только мы не выложим на стол военные успехи. Можно только воскликнуть: «Царство за успех!»* Что же касается возможностей окончания войны, то в данный момент это, с одной стороны, слишком поздно, а с другой —слишком рано. Нынешняя ситуация не оставляет на это никаких шансов. (...)

Хевель сообщил мне, что Риббентроп в 1941 — 1942 гг. не раз предлагал фюреру заключить мир с Москвой, так как не позже чем через год на театре военных действий появятся американцы со своим военным потенциалом. Но фюрер это категорически отверг. Не думаю, чтобы это отвечало действительным фактам. Так или иначе, но в данном случае Риббентроп допустил ошибку: не заручился для поддержки этого плана каким-либо союзником из числа других близких сотрудников фюрера. Он превратил внешнюю политику в своего рода секретную игру, которую будто бы понимает только он один, и потерпел поражение. Хевель считает наши политические шансы в данном направлении довольно бесперспективными. Я, как и прежде, держусь того мнения, что Риббентроп в данный момент совершенно малодушен, а это мне импонировать никак не может. Он заслужил большее наказание, чем малодушие и депрессия. Риббентроп всегда был злым гением фюрера, впадавшим то в одну, то в другую крайность.

В Имперской канцелярии царит довольно-таки унылое настроение. Я даже стараюсь не ездить туда, ибо это настроение заразительно. Генералитет позволяет себе вешать голову, и только фюрер — единственный, кто в этой ситуации еще держится. (...)

6 марта 1945 г. Вторник.

(...) Ежедневные сводки ОКВ за последние дни снова неутешительны. О нашем положении в Померании и на Западе мы в данный момент никаких благоприятных сообщений распространять не можем. Совсем наоборот. Можно представить себе, как это действует на немецкий народ, и без того очень угнетенный тяжелыми ударами последних недель. Было бы необходимо срочно указать на успех. Надеюсь, это произойдет на следующей неделе на венгерском участке фронта. Но при всем решающем значении для хода войны это не очень-то интересует немецкий народ. (...)

* Подразумевается крылатая фраза английского короля Ричарда III в 1485 г. в битве при Босворте: «Полцарства за коня!» *Примеч. сост.*

Однако каждое сообщение ОКВ вызывает у немецкого народа огромный шок и порождает отнюдь не фанатизм, а своего рода фатализм. Но, слава Богу, пока наши люди не пренебрегают своим долгом в борьбе и труде.

В западном вражеском лагере, разумеется, все еще несут всякий вздор. Там ликуют, что Эйзенхауэру удалось заставить наш фронт отойти на Рейн. (...) А в остальном западному вражескому лагерю ясно, что наше отступление за Рейн происходит вполне организованно и ему не удалось в значительной мере прорвать наш фронт или же уничтожить наши армии. Он видит, что и на Рейне создается исключительно опасный оборонительный барьер, который надо принимать весьма всерьез, а особенно если нам удастся при этом выиграть время. Во всяком случае, ясно: немецкое сопротивление на Западе никак нельзя считать ослабевшим. <...>

По мнению агентства Рейтер, мы еще способны производить достаточно оружия, а наш людской потенциал отнюдь не исчерпан. Поэтому о скором окончании войны пока речи быть не может. Сердце Германии последними ударами не затронуто. Рейтер предсказывает нам трудности с продовольствием; впрочем, они есть уже и сейчас. Здесь нам в ближайшие три-четыре месяца приходится ожидать чрезвычайно тяжелого кризиса. (...)

Развитие в захваченных Советами странах идет по предписанной Кремлем программе как в Сербии и Финляндии, так и в Румынии. (...) Англичан хотят запугать и сделать настолько бессильными, чтобы они никак не смогли решиться открыто противодействовать Советам.

В самом Советском Союзе тоже преобладает очень сильная усталость от войны. Там уже хотели после удачи наступления закончить войну, но победная истерия, как видно из конфиденциальных сообщений, целиком захватила Сталина. Он держит наготове комитет Зайдлица*, чтобы, предположительно, ввести его в действие в качестве временного германского правительства, если к тому представится психологическая возможность и если Сталин сможет решиться открыто провоцировать англичан и американцев.

В Японии надеются на дальнейшее сохранение советского нейтралитета в тихоокеанском конфликте. Советы — так аргументируют в Японии — были вынуждены снять с маньчжурского фронта так много войск, что вообще не могли решиться на вступление в тихоокеанский конфликт. (...)

В западных странах растет страх перед Советами, особенно в военном руководстве. Например, Эйзенхауэр недавно довери-

* Имеется в виду Национальный комитет «Свободная Германия», возникший летом 1943 г. на территории СССР из числа антифашистски и демократически настроенных немецких военнопленных. К нему вскоре примкнул возглавляемый @зятём в плен под Сталинградом генералом артиллерии фон Зайдлицем «Союз немецких офицеров». Председателем Национального комитета «Свободная Германия» был известный поэт-коммунист Эрих Вайнерт. *Примеч. сост.*

тельно сказал: если англичанам и американцам не удастся совершить на Западе окончательный прорыв, война в Европе неожиданно оказалась бы для них проигранной. <...>

Воздушная война уже не знает никаких пределов! (...)

7 марта 1945 г. Среда.

(...) Центр тяжести боев — в Померании, где противнику стянувшему сюда свои силы, удалось рассечь нашу растянутую линию фронта между Одером и Кюстрином и значительно расширить прорыв. (...) Атаки Советов в Восточной Пруссии ввиду понесенных ими в предыдущие дни больших потерь ослабли. (...)

На Западе англо-американские наступающие соединения отодвинули нашу оборонительную линию в районе Кёльна за Рейн. Но на левом берегу Рейна у нас все же остались отдельные плацдармы. (...)

Англо-американские военные специалисты весьма огорчены тем, что германские армии ушли за Рейн и притом, как они добавляют, в полном порядке. Они заявляют, что нужна новая высадка войск на континенте, ибо Рейн — такая же водная преграда, как в свое время Ла-Манш. Таким образом, там сознают, что наступление на Западе своей цели не достигло, а сама эта цель, поставленная Эйзенхауром — уничтожить германские армии, — была неосуществима. Называют число взятых в плен немецких солдат и офицеров — 450 тыс. человек, но этого для противника недостаточно, чтобы питать надежду на скорое окончание войны. Зимняя битва в Арденнах в сочетании с интенсификацией проводимого в качестве возмездия обстрела Лондона баллистическими снарядами и ракетами «Фау»*, открытые раздоры между Англией и США, а также страх перед не поддающейся контролю политикой Москвы настолько усилили к середине января кризис, что требование немедленного окончания войны стало в Англии всеобщим. Само собой разумеется, произошло это в твердом убеждении, что опасность германской победы уже устранена навсегда: потому, мол, надо лишь проявить определенную ловкость, чтобы путем быстрых переговоров с Германией закончить войну в свою пользу. Отсюда — неожиданно резкая критика неразумности правительства всеми, кто и дальше пропагандирует безоговорочную капитуляцию.

(...) Тем временем взгляды Черчилля и его последователей на войну и цели мира вполне выкристаллизовались: Англия должна быть участницей абсолютной победы над Германией, а потому может выйти из европейского конфликта только вместе с США и Советской Россией. Неожиданное вклинение русских наступающих войск сделало еще более необходимым активно продол-

* Первая буква немецкого слова *die Vergeltung* — возмездие. Они в пропагандистских целях именовались оружием возмездия за бомбежку немецких городов. *Примеч. сост.*

А так как собственные операции и как можно скорее достигнуть единства со Сталиным относительно того, как после краха Германии будет осуществляться ее — нет, даже всей Центральной Европы — оккупация и как она будет управляться. Москва дала совершенно ясно понять: какое-либо вмешательство или какое-либо англосаксонское участие в военной администрации и гражданском управлении захваченной Советской Россией германской территории принципиально и практически исключено. Точка зрения Англии такова: в оккупированной Советами части Германии Москва установит послушное ей правительство (собирательное понятие — комитет Зайдлица), и, таким образом, сможет возникнуть коммунистическая, связанная с Москвой Германия. Она не только послужит мостом к коммунистической Франции и Бельгии, но и политически и мировоззренчески определит все дальнейшее развитие Европы. Несмотря на то что восхищение Советской Россией в Англии сильно упало, а в Сити и в высших кругах¹ среднего класса появился ярко выраженный антирусский курс, Англия практически не может отказаться от дружбы и взаимопонимания с Советской Россией, чего бы ей это ни стоило.

Это тем более важно потому, что Америка в своей внешней политике никак не готова поддержать твердую позицию Англии против Москвы. Напротив, Рузвельт при каждом удобном случае заявляет, что стремится еще более улучшить отношения Америки с Советской Россией. И в этом отношении японские политики придерживаются взгляда, что Америка явно изменит свою позицию в отношении Советской России только тогда, когда война против Японии либо окончится победой, либо больше не будет зависеть от благожелательства Советов или их предположительного участия в ней. Имеется много признаков того, что московское правительство, со своей стороны, придает дружбе с Америкой большое значение и всегда готово использовать ее против Англии. В переговорах со Сталиным Англии следует урегулировать главный вопрос: вынудить Сталина дать ответ, рассматривает ли Советская Россия занятые ею области в Европе — будь то Польша, Румыния или Югославия, будь то захваченная ею часть Германии — как свою сферу влияния, где другие союзники вообще не имеют права сказать ни слова. (...) Судьба Европы Америку вообще не интересует, лишь бы только держать ее в состоянии военной и экономической импотенции. (...)

По мнению ведущих лондонских экономических политиков, для Англии возникает такое положение: 1. Только если Германия будет безоговорочно побеждена, Англия сможет унаследовать руководство ею и экономическое использование, по крайней мере, Центрально- и западноевропейских стран. 2. Это сможет произойти только при добром согласии с Советской Россией и четком определении советской сферы влияния. 3. Американцы, в сущности, не способны на это, да и не заинтересованы в том, чтобы заботиться о европейских государствах или же господствовать в

них. 4. Все страны, которые попали в непосредственную зависимость от России как в силу экономической необходимости, так и из политического страха перед Советской Россией, примкнули к Англии. Этого ожидают даже от разбитой Германии, если она в заключительной фазе войны не попадет в лапы Советов.

В целом же в Лондоне убеждены, что с помощью внешнеполитического компромисса с Москвой можно не допустить коммунистической революции в Западной Европе, а затем с помощью демократическо-парламентской системы держать коммунистов в меньшинстве, при условии, что удастся ограничить советское влияние. В противном случае Англия окажется полна решимости посредством военной оккупации сохранять свое влияние в послевоенный период. Хотя этот доклад был составлен еще в дни Ялтинской конференции, он в общем и целом, кажется мне, правильно характеризует политическое положение во вражеском лагере. Из него можно понять, что в данный момент для нас никаких политических шансов нет. Но это может со дня на день измениться, прежде всего если развитие в занятых Советами областях и дальше будет идти таким же стремительным темпом, как в последние дни. (...)

Военная обстановка в Померании остается чрезвычайно угрожающей. Наши контрмеры явно слишком запаздывают. (...) В последнее время мы каждый раз оказывались не способны провести крупную и успешную военную акцию. (...) У нас уже нет такой военной силы, чтобы мы смогли в решающем пункте добиться решающей победы. (...) В районе Одера Советы имеют множество танков, но им не хватает горючего. Если бы мы смогли ударить по их исходным позициям, это принесло бы нам большой оперативный успех. Но все дело именно в этом: если бы мы смогли! (...) Советские солдаты полны фанатической ненависти ко всем немцам, что объясняется изощреннейшей большевистской пропагандой. Как говорит генерал Власов, Сталин — самый ненавидимый человек в России. (...) Правильно и его утверждение, что Советы страдают от значительной нехватки людских резервов. В тылу они повсюду используют женщин, и этим объясняется то, что они все еще имеют удивительно крупные контингенты пехоты. (...)

Вечером у меня побывал Альвенслебен, высший чин СС и полиции в Дрездене. Он в самых жутких красках обрисовал мне катастрофу Дрездена*. Здесь поистине разыгралась такая трагедия, какая редко случалась в истории человечества и какой еще не бывало в этой войне. (...) Альвенслебен недавно посетил **больного** Гиммлера, Который лежит в своем Хоенлихене. Обсудил с ним все военное и политическое положение, предприняв при этом резкие атаки против Геринга и Риббентропа. Гиммлер выразил желание как можно скорее переговорить со мной. (...) Я тоже хочу

* Имеется в виду массированная бомбардировка Дрездена американской авиацией 13—14 февраля 1945 г. *Примеч. сост.*

как-нибудь посетить его, чтобы обсудить прежде всего не терпящие отлагательства персональные вопросы военного и политического руководства. Времени у нас осталось мало, и терять его нельзя.

8 марта 1945 г. Четверг.

(...) Хотя западная вражеская сторона не перестает удивляться фанатическому боевому духу наших войск, нельзя все же не констатировать, что моральное состояние наших солдат медленно падает. <...>

Иден, выступая в палате общин, снова затронул тему военных преступников. Он охарактеризовал меня и Риббентропа как первых и крупнейших немецких преступников. Для меня это большая **честь**, и такую характеристику можно в конечном счете пережить. В остальном же его речь — тухлое обоснование того факта, что на Ялтинской конференции англичане дали свое согласие на отделение Восточной Пруссии и ее присоединение к Польше. (...)

Сообщения о внешнеполитическом положении настроены на один и тот же тон: союзники не имеют никакого намерения как-либо идти нам навстречу; в военном отношении они действуют в полном согласии с Советским Союзом, в частности проводят через Дарданеллы крупные транспорты с продовольствием, чтобы помочь ему в его крайне напряженном продовольственном положении. (...) Заявление Гудериана о большевистских зверствах, сделанное в Берлине для немецкой и иностранной прессы, успеха не имело. <...>

У нас, в Берлине, непрерывно возникают труднейшие проблемы и заботы. Столица рейха находится во всех отношениях в крайне напряженном состоянии, и при этом я должен сделать ее крепко сидящей в седле для предстоящей обороны. Можно представить себе, чего только не приходится делать! После обеда выезжаю к Гиммлеру, чтобы обстоятельно побеседовать с ним. Куда ни глянь, сплошные развалины, в которые превратилась столица рейха. Повсюду как грибы растут баррикады. Будь у нас достаточно солдат и оружия, Берлин смог бы обороняться сколько угодно. (...)

Гиммлер находится в Хоенлихене, чтобы немного подлечиться. Он перенес тяжелую ангину. Произвел на меня болезненное впечатление. Он принадлежит к числу наших сильнейших личностей. Во время двухчасовой беседы с ним я смог констатировать, что в оценке общего положения мы полностью сходимся. Он в самых крепких выражениях ругает Геринга и Риббентропа, которых считает источником всех ошибок нашего военного руководства, ^в чем он абсолютно прав. Но он тоже не знает, как побудить фюрера избавиться от них обоих и поставить на их место сильные личности. Я рассказываю ему о предпоследней беседе с фюрером, ^когда я обратил его внимание на то, что сохранение Геринга в Руководстве грозит привести, если еще не привело, к государственному кризису. Гиммлера очень заинтересовало, как эти вы-

оказывания были восприняты фюрером. Хотя они и очень подействовали на фюрера, никаких выводов из них он пока не сделал.

Что касается положения на фронтах, то Гиммлер этим очень озабочен, особенно ходом событий в Померании и на Западе. Но еще большие опасения в данный момент у него вызывает продовольственное положение, которое видится ему в ближайшие **месяцы** довольно безрадостным; боевой дух войск, несомненно, сильно подорван. Это Гиммлер знает и по опыту своей группы армий «Висла». К тому же у нас нет сильного руководства ни в военном, ни в гражданском секторе, ибо все должно докладываться самому фюреру, а это вообще можно сделать лишь в немногих случаях. Повсюду на пути успешного ведения войны стоят Геринг и Риббентроп. Но что можно поделать? Не заставить же фюрера силой избавиться от обоих. Гиммлер верно обобщает обстановку, заявляя: рассудок говорит ему, что надежд выиграть войну военными средствами у нас мало, а инстинкт, наоборот, подсказывает, что рано или поздно откроются политические возможности еще повернуть ее в нашу пользу. Эту возможность Гиммлер видит в большей мере на Западе, чем на Востоке. Он полагает, что Англия может одуматься, в чем я лично довольно сильно сомневаюсь. Как видно из слов Гиммлера, он полностью ориентируется на Запад, а от Востока вообще не ожидает ничего.

Я же считаю, что достигнуть чего-либо можно скорее на Востоке, так как Сталин кажется мне более реалистически мыслящим человеком, чем обуюнные амоком англо-американские безумцы. Но мы, разумеется, должны ясно понимать, что достигнутое таким образом, если нам вообще удастся заключить мир, будет малым и скромным. Предпосылка для этого — то, что мы где-то останемся, ибо, если мы будем лежать на земле, никаких переговоров враг с нами вести не станет. Значит, сейчас вся сила рейха должна быть сконцентрирована на этой цели.

Гиммлер согласен с тем, что находящиеся сейчас в казармах войска мы должны использовать как буфер между Западным и Восточным фронтами. (...) В окружении Гиммлера царит абсолютно национал-социалистическая атмосфера. Можно просто радоваться, что хоть здесь все еще господствует **национал-социалистический** дух.

На обратном пути у меня есть возможность обдумать все обдуманное нами. Поездка по затемненной и мрачноватой местности весьма впечатляет. Мы все время обгоняем плетущиеся колонны беженцев, словно символизирующие эту грандиозную войну.

<***>

Д-р Науман* по моему поручению посетил фюрера, чтобы доложить ему об эвакуации высших органов рейха и вермахта из Берлина. Фюрер того мнения, что ее в любом случае **необходимо** готовить. Я лично был бы рад, чтобы эти высшие инстанции ис-

* Один из руководящих чиновников министерства пропаганды. *Примеч. сост.*

цезли из Берлина как можно скорее, ибо никакому усилению боевого духа в столице рейха они не способствуют. Их следует удалить отсюда совершенно незаметно. Науман находится под большим впечатлением от беседы с фюрером, который сейчас в наилучшей форме. Если положение станет крайне серьезным и угрожающим, присутствие фюрера в Берлине послужит стабилизирующим фактором в обстановке начинающегося бегства. До тех пор пока он стоит во главе рейха, нам нечего опускать наше знамя.

9 марта 1945 г. Пятница.

(...) Черчилль явно вынужден ввиду настроения внутри страны вновь назначить несколько более близкий срок окончания войны. Теперь он говорит о двух месяцах. Он, по его заявлению, вообще не намерен признавать никакого германского правительства. Немецкий народ будет управляться исключительно оккупационными властями. Вот как выглядит будущий мир в мозгу плутократа! В Лондоне не могут себе представить, что 80-миллионный народ никогда не согласится на это и скорее вся Европа погрузится в хаос, огонь и дым пожарищ, чем он подчинится такому распаду.

Единственной нашей надеждой в данный момент остается еще подводная война. Она доставляет вражескому лагерю большие заботы. (...)

После всей этой неразберихи отраднo, что политический кризис во вражеском лагере продолжает нарастать. Он все еще разгорается вокруг Ялтинского коммюнике. Американские газеты упрекают так называемую Большую Тройку в том, что она попыталась отвести назад стрелки часов истории и что это еще жесточайшим образом отомстит за себя.

В Москве нам теперь угрожают взять Берлин в клещи. Боюсь, что это действительно собираются сделать, после того как Советы в результате удара в Померании в значительной мере прикрыли свой глубоко заходящий фланг. Однако на Одерском участке фронта на подступах к Берлину они в настоящий момент к операции против имперской столицы не готовы. Я думаю, в данный момент сил у них для этого недостаточно. Им все-таки надо ввести в действие две вполне подготовленные армии для активного наступления на такой город, как Берлин. А сейчас таких двух армий у них нет. (...)

Ю марта 1945 г. Суббота.

(...) В Лондоне преувеличенный оптимизм насчет скорого мира. Там верят недавнему заявлению британского правительства, что война может закончиться буквально каждый день. Однако такая величайшая спешка вражеской стороны происходит потому, что англичане осознают: чем дольше длится эта война, тем больше они оттесняются своими мощными союзниками, особенно Советами, нас дела тоже, разумеется, обстоят не лучшим образом. Особен-

но сильный ущерб нанесен нашему боевому духу на Западе. **Здесь** моральный дух наших войск постепенно падает. Но признаки этого падения не следует переоценивать. При сопряженных с такими большими потерями акциях приходится всегда констатировать, что часть наших солдат не выдерживает. (...) Психоз окончания **войны** распространился сейчас по всему миру. Народные массы хотели бы кончить войну лучше сегодня, чем завтра. Спрашивается только, как именно она должна быть закончена. (...)

Советы в своей прессе не проявляют к войне на Западе никакого интереса. Они отделяются от нее несколькими ничем не говорящими строчками, зато большую часть своей публицистики посвящают политическим событиям в Румынии, которые и для них имеют крупное значение. Американцам приходится поневоле мириться с таким поистине возмутительным к себе отношением. Но у них нет никаких силовых средств, чтобы как-то сопротивляться этому. Самое большее, на что они способны, это на растущую критику в своей прессе, на страницах которой они возмущаются бесстыдством Советов. Результаты Ялтинской конференции и далее подвергаются острым атакам со стороны как американской, так и английской общественности. Особенно — решение польского вопроса, под которым подразумевают решение германской проблемы, ибо именно здесь-то и зарыта собака. Однако критика эта весьма умеренна, ибо страх перед Москвой преобладает над всеми другими мотивами.

Советы практикуют на территории быюшей Польши свой кровавый террор, не обращая никакого внимания на англо-американские возражения, в том числе и со стороны Черчилля и Рузвельта. По стране проходит новая волна арестов, жертвой которых становятся прежде всего польские националисты. Планомерно развиваются события и в Румынии, то есть по воле Кремля. (...)

ОКБ и ОКХ хотя в случае необходимости эвакуировать из Берлина около 50 тыс. человек. Вот как велик аппарат военного руководства! Можно представить себе, что при такой его громоздкости ничего путного, а тем более творческого руководства из этого выйти не может. (...)

11 марта 1945 г. Воскресенье.

(...) В Лондоне распространяются слухи, что фюрер **намерен** капитулировать в ночь на пятницу ровно в 12 часов. Эта преждевременная надежда основательно провалилась. Никакой капитуляции Германии незаметно, хотя сегодня мы и переживаем **такие** трудности, которые далеко выходят за нормальные рамки. (...) Моральное состояние наших войск и нашего населения на **Западе** крайне пострадало. (...) Чего-нибудь добиться на Западе **можно** только жестокими мерами, иначе с этим ходом развития не справится. Западный фронт находится сейчас в таком положении, в каком примерно находился семь-восемь недель назад наш **Восточный** фронт. Здесь надо действовать железной рукой. (...)

ряд английских газет предпринимает резкие атаки против ^застенчивой политики и дипломатии Кремля. Но, как я уже не раз подчеркивал, эти выпады не превышают терпимого уровня и не могут приниматься за многообещающие явления для наших **нынешних** военных шансов.

Рузвельт будто бы заявил о своем согласии на депортацию **миллионов** немцев в Советский Союз. Советы хотят получить **тысячу** миллиардов золотых рублей **в** качестве возмещения своих **военных** убытков. Эта астрономическая сумма должна компенсироваться немецким трудом. Ну, **это** мы знаем! Советы и дальше **планомерно** проводят свою политику, но завышают свои **требования** настолько, что **в** конечном счете они полетят кувыркром. (...)

12 марта 1945 г. Понедельник.

У западных держав сейчас для нас есть только издевка и насмешка. Они чувствуют себя на высоте своего триумфа и ведут себя так, словно войну уже выиграли. Считают, что наш моральный дух сильно подорван, и не оставляют нам никаких шансов на победу. (...)

Жуков уже вынашивает план прорваться в Померании и где-нибудь на северогерманской низменности протянуть руку англосаксам. (...)

Вашингтон несколько реалистичнее Лондона. То, чего хотят достичь англичане такими своими сообщениями, легко увидеть. Они хотят внушить мужество своему уставшему народу, а после того, как Советы и американцы добьются для них военных успехов, самим похвалиться ими. То, что Берлин до сих пор не попал в руки врага, они великодушно объясняют тем, что Советы отнюдь не собирались брать столицу рейха путем фронтального наступления, а преследуют более важные военные цели. Коротко говоря, все, что распространяется сейчас среди общественности западной вражеской стороной, целиком и полностью направлено на истощение наших нервных сил. Но, надеясь таким образом запугать нас, совершают роковую ошибку. (...) Я предполагаю, что в ближайшие дни Лондону придется пережить похмелье после хорошей пьянки. (...)

Вражеская сторона все время обсуждает проблему, объявят ли Советы войну Японии. Кремль должен вскоре решить ее, так как советско-японский договор о ненападении в следующем месяце Должен быть либо молча пролонгирован, либо денонсирован. Западная сторона уверена в намерении Советов напасть на Японию. Но я думаю, что Сталин ни при каких обстоятельствах не Даст вовлечь себя в тихоокеанскую авантюру только ради того, чтобы доставить удовольствие англичанам и прежде всего американцам. Большевицкая опасность теперь в Англии ясно осознана, газеты уже не делают никакой тайны из того, что думают и чувствуют англичане, а пишут о том, что они в состоянии сделать в ^{Ств}этом положении. А это равно нулю! Голоса английской прессы

против распространения большевизма в Европе — это всего лишь вопль о помощи насилуемой народной души, которая больше видит никакого выхода. (...)

Утверждают, что папа Римский намерен проявить активность в польском вопросе и попробовать выступить в роли посредника. Он получит от Сталина подобающий отпор. Сталин взял себе голову — и это можно себе представить, — что в польском вопросе ему переговоры ни с кем больше вести не следует. (...)

Затем я провел несколько часов у фюрера в Берлине. Фюрер произвел на меня впечатление вполне уверенного и твердого, да и здоровье его, кажется, теперь в полном порядке. Я передал ему имевшийся у меня экземпляр книги Карлейля «Фридрих Великий», что доставило ему величайшую радость. Он добавил при этом, что мы должны видеть перед собой великие примеры, а для него Фридрих Великий — самая исключительная личность. Грядущие поколения в дни кризисов и тягот тоже должны равняться на нас, как мы сегодня — на героев нашего прошлого и нашей истории <...>

Фюрер подчеркивает еще раз, что, по его мнению, Советы не имеют никакого намерения наступать сейчас на Берлин. Вот уже порядочное время он вновь и вновь втолковывает это своим генералам, но они не желают его слушать. А если бы послушали, трагедии в Померании не произошло бы. Имевшиеся в нашем распоряжении силы генералы сосредоточили на подступах к Берлину, вместо того чтобы направить их в район Померании, дабы парировать там ожидавшийся удар советских войск. Фюрер возлагает значительную часть вины за это на Гиммлера. Он говорит, что постоянно призывал Гиммлера сконцентрировать наши войска в Померании. Гиммлер же под воздействием отдела ОКХ «Иностранные армии» дал убедить себя, что удар будет нанесен по Берлину, и соответствующим образом сгруппировал войска. Я спросил фюрера, почему же он в таких важных вопросах нашего ведения войны просто-напросто не отдает приказов. **На** это фюрер мне ответил, что пользы от этого все равно было бы немного, ибо даже в тех случаях, когда он дает четкие приказы, они **приостанавливаются** тайным саботажем. В этой связи он высказал серьезнейшие упреки по адресу Гиммлера, Он же ясно приказал тому создать в Померании сильный заслон противотанковой артиллерии, но необходимые для этого противотанковые орудия были переброшены слишком поздно или же вообще не прибыли и помочь уже ничем не смогли. Таким образом, Гиммлер уже при своем первом старте в качестве военачальника стал **жертвой** генерального штаба. Фюрер обвиняет его в неповиновении и намерен в следующий раз высказать ему свое мнение самым **серьезным** образом, дать ему ясно понять, что при повторении **такого** случая между ним и Гиммлером произойдет непоправимый **разрыв**. Пусть это послужит Гиммлеру уроком.

Я тоже хочу поговорить с Гиммлером в этом духе. Я вообще

читаю, что Гиммлер зря взял на себя командование группой армий. Не это в данной ситуации должно быть его задачей, тем более если это грозит ему разрывом с фюрером. Тем самым Гиммлер ухудшил свои шансы стать главнокомандующим сухопутными войсками, так как фюрер им весьма недоволен. Он убежден, что **Померания** стала жертвой буйства большевистской солдатни по **вине** Гиммлера. Он, фюрер, намерен пресечь распространяющееся **неповиновение** генералитета введением летучих чрезвычайных трибуналов во главе с генералом Хюбнером; их задача — немедленно расследовать любой случай непослушания в командовании вермахта, тут же вынести приговор и немедленно расстрелять виновного. **Нельзя** допустить, чтобы в этой критической фазе войны каждый **делал**, что ему захочется.

Но я думаю, фюрер все же не улавливает корней этого явления. Ему следовало бы провести чистку верхушки вермахта, ибо с ней не все в порядке, а потому нечего и удивляться, что нижестоящие органы делают по-своему. Фюрер отвечает на это, что у него нет такого человека, который, к примеру, мог бы стать главнокомандующим сухопутными войсками. И он прав, заявляя мне, что, сделай он таковым Гиммлера, катастрофа была бы еще большей, чем мы и без того имеем. Он хочет ввести в офицерское сословие зарекомендовавших себя на фронте солдат, невзирая на то, умеют ли они есть ножом и вилкой. Кавалеры Рыцарского креста из рядовых — вот кого надо набрать из сражающихся войск и сделать офицерами. Фюрер ожидает от этого очень многое для пополнения наших офицерских кадров из подрастающего поколения. Он указывает на свой собственный опыт первой мировой войны, когда было просто невозможно даже отличившегося солдата ввести в офицерское сословие, если тот не обладал соответствующим общественным происхождением. Но что значит в это критическое время общественное происхождение! Мы должны сделать все, чтобы получить для фронта подходящих командиров, независимо от того, из какого сословия они происходят. Эти меры очень хороши и правильны, но они реализуются поздно, если только не слишком поздно. (...)

Фюрер считает, что мы должны развернуть пропаганду мести Советам. Нашу наступательную силу мы должны направить сейчас против Востока. Решение грядет на Востоке! Советы должны истечь кровью; только тогда, предположительно, появится возможность образумить Кремль. Для наших войск теперь все дело в том, чтобы остановиться на каком-то рубеже и преодолеть ужас перед большевизмом. То, что мы действительно можем концентрировать силы для наступления и проводить его с успехом, показывает ход событий в Венгрии, который фюрер считает многообещающим. Будем надеяться, что в том же стиле оно пойдет и дальше. Во всяком случае, фюрер придерживается того мнения, что возглавленная мною пропаганда насчет злодеяний советских войск вполне правильна и должна вестись и дальше.

Что касается Запада, то фюрер склонен, как и я, считать, что здесь речь идет о полном крахе. Рундштедт оказался не на уровне, требуемом для командования войсками на Западе. Он слишком стар и происходит из той же школы военачальников, которая для современной войны непригодна. Поэтому фюрер сместил его и поставил вместо него Кессельринга. Еще сегодня же вечером фюрер примет Рундштедта, чтобы сообщить ему об этом. Рундштедт — весьма порядочный офицер, который сослужил нам большую службу, особенно 20 августа 1944 г. Поэтому фюрер, как я ему настойчиво предлагаю, хочет, чтобы смещение Рундштедта произошло в почетной форме. (...) Насчет морального состояния на Западе он говорит, что надо попытаться поднять его частично самими насильственными средствами. (...)

Фюрер прежде всего полагает, что мы сможем быть довольны ходом событий на Западе, если нам удастся нанести противнику чрезвычайно большие потери. Необходимо во что бы то ни стало укрепиться и остановить врага на прочных отсечных рубежах.

Какая трагедия происходит с нашей авиацией! Она совершенно пришла в упадок, не видно даже никакой возможности поднять ее на прежний уровень. Она просто валяется на земле под ногами. В своей критике личности Геринга и люфтваффе вообще я теперь перед фюрером не стесняюсь. Я спрашиваю его, неужели немецкий народ должен погибнуть из-за несостоятельности своей авиации, ибо все наши неудачи в конечном счете объясняются этим. Фюрер все это признаёт, но, как я уже подчеркивал, к персональным переменам в люфтваффе еще не готов. (...) Однако я больше не скрываю от фюрера тот факт, что несостоятельность люфтваффе ведет к тяжелейшим последствиям и для него самого. Народ упрекает его в том, что по вопросу воздушной войны он не принимает никакого решения: ведь каждый знает, что это положение — на совести Геринга. Народ в его бедственном состоянии нельзя успокоить аргументом, что фюрер должен соблюдать по отношению к Герингу германскую верность. Это не поможет, но не можем же мы погибнуть ради этого принципа!

Что касается политического положения, то у меня сложилось впечатление, что тут у фюрера начинает складываться новая концепция. Он уже обсуждал ее с Риббентропом и достиг с ним взаимопонимания. Я настойчиво советую фюреру отдать приказ о том, что политическая болтовня среди видных лиц государства и партии о военном положении должна быть прекращена. Это ослабляет решимость и боевую силу. Открыто говорить о политических закулисных причинах войны должно быть дозволено лишь немногим. Фюрер того же мнения. Так, он рассказывает мне, к примеру, что недавно у него побывал Геринг с требованием политическими средствами создать новую атмосферу во вражеском лагере. На это фюрер ответил ему: пусть лучше займется созданием лучшей атмосферы в воздухе!

Фюрер, как и прежде, убежден: вражеская коалиция распадается. Но он уже не верит в то, что этот распад будет исходить от Англии. Теперь дело не в том, что Англия хочет, а в том, что она может. А она уже не может ничего. Оппозиция черчиллевскому курсу незначительна, она не смеет открыто выражаться. Сам Черчилль — одержимый амоком безумец, который вбил себе в голову сумасбродную цель уничтожить Германию, даже если при этом погибнет сама Англия. Нам не остается ничего иного, как искать другие возможности. Пожалуй, будет хорошо, если мы в один прекрасный момент добьемся полюбовной сделки с Востоком. Тогда нам предоставится случай нанести Англии смертельный удар и тем самым впервые придать этой войне ее истинный смысл.

Соединенные Штаты, по мнению фюрера, хотят избавиться от Европы как конкурента и потому вообще не имеют никакой заинтересованности в сохранении того, что мы называем Западом. Кроме того, у них есть намерение втащить Советы в войну на Тихом океане и ради этого они пойдут на любые жертвы в Европе. Впрочем, поворот в военной политике в Англии и Соединенных Штатах поэтому очень труден, если только вообще возможен, ибо Рузвельт, а особенно Черчилль вынуждены слишком считаться с общественным мнением. Кремлю же это делать совершенно не нужно, и Сталин в состоянии за ночь повернуть свою военную политику на 180 градусов.

Значит, наша цель — снова отбросить Советы на Востоке, нанести им чрезвычайно большие потери в живой силе и технике. Тогда, как можно предполагать, Кремль станет уступчивей. Сепаратный мир с ним, разумеется, радикально изменил бы все военное положение. Конечно, этот сепаратный мир не привел бы к осуществлению наших целей 1941 г., но фюрер надеется все же прийти при этом к разделу Польши, поставить Венгрию и Хорватию под верховную власть Германии и получить оперативную свободу против Запада. Это, разумеется, та цель, ради которой стоит потрудиться до седьмого пота! Покончить с войной на Востоке и получить возможность для операций на Западе — какая великолепная идея! Вот потому-то фюрер и считает, что надо проповедовать против Востока месть, а против Запада — ненависть. Ведь, в конце концов, именно Запад породил эту войну и привел к ее расширению! Это его мы должны благодарить за разрушенные города, за превращенные в пыль и прах памятники культуры! А если бы удалось, получив прикрытые с Востока, отбросить англо-американцев назад, была бы легко достигнута цель: на вечные времена устранить Англию как нарушителя мира в Европе!

Программа, которую развернул передо мной фюрер, широко задумана и убедительна. Она страдает только одним пороком: никакой возможности осуществить ее пока нет! Эту возможность должны сначала создать наши солдаты, сражающиеся на Востоке. В качестве предпосылки необходимы внушительные победы. Судя по положению вещей, можно было бы предположить, что они мо-

гут быть все-таки достигнуты. Поэтому надо напрячь все силы. Вот ради чего мы должны трудиться, вот ради чего мы должны сражаться! А для этого надо при всех условиях добиться прежнего морального состояния нашего народа. (...)

В приемной фюрера его уже ожидали генералы. Это собрание усталых людей подействовало на меня просто угнетающе. Стыдно, что фюрер выискал себе столь малореспектабельных военных сотрудников. В этом кругу он — единственная выдающаяся личность. Но почему же он не создал себе круг Гнейзенау и Шарнгорстов! * Я счел бы своей самой прекрасной задачей найти для фюрера и предоставить в его распоряжение таких генералов. (...) Как же ничтожно большинство военных советников фюрера! (...)

13 марта 1945 г. Вторник.

(...) Настроение как в тылу, так и на фронте падает все ниже. Органы министерства пропаганды жалуются в своих донесениях: народ не видит никаких военных шансов на успех. В своей критике военного руководства он вообще уже не останавливается и перед критикой самого фюрера. Его упрекают прежде всего в том, что в главных военных вопросах он не принимает никаких решений. (...) Или фюрер не знает истинного положения вещей, и тогда это очень плохо, или же знает, но не принимает никаких мер — и тогда это еще хуже. Однако постоянно указывается, что нынешнее настроение нельзя смешивать с явно выраженным поражением. Народ и дальше выполняет свой долг, а солдат-фронтник бьется до последней возможности. Но такая возможность становится все более ограниченной ввиду превосходства противника в воздухе. Воздушный террор непрерывно парализует тыл, лишает население всякого мужества. Чувствуется полная беспомощность перед ним, никто не видит выхода. Особенно дает себя знать полный паралич транспорта в Западной Германии, способствуя росту пессимистических настроений. Что же касается Восточного фронта, то здесь признается некоторая стабилизация, но в ближайшее время люди ожидают советского наступления на Берлин и на Дрезден и считают, что именно здесь будет решен исход войны. Однако надеются на то, что у нас еще есть достаточно резервов, чтобы отразить этот удар.

Последнее воззвание фюрера от 24 февраля произвело чрезвычайно хорошее воздействие. Особенно то, что фюрер так тверд и уверен и дал немцам надежду, что еще в этом году следует ожидать поворота в ходе войны.

Для войны на Востоке у немцев есть только одно-единственное чувство — чувство мести. Нет никого, кто бы игнорировал тот

* Граф Нейдхард фон Гнейзенау и Герхард фон Шарнгорст — выдающиеся прусские генералы, возглавившие освободительную борьбу немецкого народа против наполеоновского господства. Нацисты использовали их имена для раздувания национализма и шовинизма. *Примеч. сост.*

факт, что в результате продвижения Советов наше продовольственное снабжение оказалось в критической стадии, и люди сомневаются, сумеем ли мы более или менее удовлетворительно преодолеть эти трудности. Однако в целом можно сказать, что, учитывая чрезвычайно тяжелое положение, народ все-таки держится относительно хорошо, хотя тут и там наблюдается глубокое недовольство. Враг на Западе издает довольно суровые законы для захваченных им городов и деревень. Это очень хорошо, ибо у немцев там распространено мнение, будто с американцами и англичанами игра будет полегче, чем с Советами. (...)

Переход американских войск через Рейн у Ремагена вызвал на Нью-Йоркской бирже резкое падение курса акций на миллиард долларов. Вражеская биржа реагирует на такие события войны кисло — это доказывает, что стоящие за всем этим евреи заинтересованы в том, чтобы как можно дольше затягивать войну.

Однако вражеские информационные агентства придерживаются иного мнения. Они считают, что война закончится через десять — двенадцать дней, что капитуляция Германии уже близка. Что ж, вражескому лагерю придется пережить жестокое разочарование, ибо мы сделаем кое-что другое, чем капитуляция. (...) К этому добавляется растущая критика ялтинских решений как в Лондоне, так и в Вашингтоне. В США она несколько приглушается тем, что американцы надеются, что Сталин вступит в войну на Тихом океане. (...)

Сенсационную новость получаю я о том, как в свое время произошла смерть Чемберлена. Оказывается, после польской кампании он выступал за компромиссный мир с Германией. Действительным врагом Европы, а тем самым и Англии как мировой державы он считал отнюдь не рейх, а Советский Союз. Если война будет продолжена, полагал он, она выродится в войну на истощение. В этой войне на истощение Германия могла бы, пожалуй, погибнуть, но вот Англия — та погибла бы наверняка. От этого предсказания Чемберлена черчиллевская клика отмахнулась, как от болтовни старого и немощного маразматика, но оно удивительным образом сбывается. В Англии даже предполагают, что Чемберлен был отравлен Сикрет сервис. Хотя я этому и не верю, но Черчилль был не особенно-то удручен смертью Чемберлена.

После обеда написал передовую статью для газеты [«Дас райх»] под заголовком «За работу и за оружие!». В ней я даю ряд суровых и неумолимых лозунгов, направленных на продолжение войны. (...)

14 марта 1945 г. Среда.

(...) Фюрер теперь хочет вновь попытаться стабилизировать линию фронтов. Он ожидает определенных успехов от применения наших новых подводных лодок. Какая огромная разница между Дёницем и Герингом! Оба пережили большое техническое отставание своего вида оружия. Геринг только причитал, а Дёниц пре-

одолевал. (...) Люфтваффе — сплошной позор для партии и **всего** государства.

15 марта 1945 г. Четверг.

Вчера. (...) Положение на Восточном фронте значительно изменилось. Центр тяжести боев переместился в район Данцига и в Восточную Пруссию. (...) Довольно удручающие известия приходят из Венгрии. Там, как кажется, наше наступление не увенчалось успехом. (...) Прямо чертовщина какая-то! Ни одна наша военная акция, как бы хорошо она ни была подготовлена, в последнее время не удается. У Сталина есть все основания оказывать советским маршалам, демонстрирующим успехи своего вожделения войск, такие почести, словно они «звезды» кино. Из Москвы приходят сообщения об их жизни, похожей на нравы какого-нибудь паши. Геринг наверняка пожалел бы, что он не может создать себе такие условия в Германии.

В Румынии идет ярко выраженная борьба за власть между западными государствами и Советским Союзом. Западные державы пытаются дипломатическим путем поправить свои дела в Румынии, в то время как Советы пускают в ход все рычаги, чтобы этого не допустить. Однако Советы не могут действовать в Румынии слишком резко, ибо у них нет контингентов войск для того, чтобы осуществить свои политические желания. Новый румынский премьер-министр Петру Гроза — ярко выраженный крестьянский коммунист, послушное орудие Кремля. (...)

Фюрер прислал мне стенограмму совещания по обсуждению обстановки в критические дни перед советским вторжением в Померанию. Из этих протоколов вырисовывается настоящая трагедия. Фюрер еще ранее постоянно указывал на то, что советский удар по Померании обязательно произойдет, и выступал против суждения специалистов, что удар, напротив, будет нанесен по Берлину. К сожалению, он не превратил свои указания, основанные скорее на его интуиции, чем на осознании, в четкие приказы. В результате каждый, в том числе и Гиммлер, делал что хотел. Протоколы — наглядный пример несостоятельности нашего военного командования. Фюрер видит все правильно и сообщает об этом своим сотрудникам, но те не делают отсюда никаких выводов. Чего же стоят все эти осознания, если они не воплощаются в действительность! (...) Было бы лучше, если бы фюрер, вместо того чтобы держать перед своими военными сотрудниками длинные речи, отдавал короткие приказы, а затем с **неумолимой** энергией заботился о том, чтобы приказы эти выполнялись. Именно неправильное командование, а не неправильное осознание фактов — вот причина множества поражений, пережитых нами на фронтах. Наши генштабисты ожидали от Советов точно тех же ошибок, которые мы в свое время, поздней осенью 1941 г., совершили при запланированном окружении Москвы, а именно — тупо и не оглядываясь ни налево, ни направо наступать на **вражескую**

столицу. Мы в свое время на этом здорово погорели. Фюрер постоянно подчеркивал: Советы не повторяют этой нашей ошибки, а генералы не желали ему верить. Гиммлер дал генералам вовлечь себя в это дело, и фюрер не совсем не прав, когда заявляет: Гиммлер несет историческую вину за то, что Померания и значительная часть ее населения попали в руки Советов. (...)

16 марта 1945 г. Пятница.

(...) Так или иначе, англо-американцам ясно, что с Советами дело иметь опасно и что Сталин пользуется благоприятным моментом. (...)

Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в прошедшие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политикореволюционная деятельность, все они — убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного древа. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная.

Стали известными, ввиду разглашения тайны, условия перемирия с Италией. Италия должна оплатить все расходы на ее оккупацию. Она обязана предоставить в распоряжение вражеских держав, а это значит для Советского Союза, и принудительно депортировать два миллиона рабочих. Она должна отказаться от всех своих африканских владений, а также отдать ряд территорий метрополии. Коротко и ясно, речь идет здесь о предварительном счете, предусматривающем ликвидацию Италии как мировой державы. При этом надо еще принять во внимание, что пока речь идет только о перемирии. О том, что навяжут Италии в мирном договоре, еще не говорится.

Возвращая фюреру протокол обсуждения обстановки в Померании, я приложил написанную от руки записку: «Из этих протоколов видно, что фюрер был прав. Но поражает констатация того факта, что военные советники фюрера не только не понимают его ясных и категорических приказов, но и противятся им. Как я могу еще доверять таким военным советникам! Здесь, по моему разумению, корень наших неудач».

Получив этот документ, фюрер в тот же вечер звонит мне. Сначала мы кратко обсуждаем события воздушной войны, а затем он переходит к переданным мне протоколам. Я совершенно открыто высказываю ему свое глубокое потрясение от их чтения. Фюрер подробно объясняет мне, как могло возникнуть такое положение, добавляет, что это было точно так же, как с Москвой или Сталинградом. Он видел правильное решение, но его военные сотруд-

ники бросили его на произвол судьбы. Его интуитивные предчувствия постоянно подавлялись якобы лучшим знанием дела специалистами, а отсюда по большей части и проистекают наши неудачи. Но теперь он хочет энергично и даже жестоко пресекать это. Он больше не потерпит такого поведения, имевшего столь роковые последствия! Так, в связи со сдачей у Ремагена моста через Рейн уже вынесено и приведено в исполнение четыре смертных приговора. Во второй половине дня у него побывал Гиммлер, и он дал ему хороший нагоняй.

Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у **меня** такое впечатление, что с таким подбором командных кадров мы вообще конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился: наш генералитет слишком стар и слишком израсходовался, к тому же совершенно чужд национал-социалистическому духу и образу поведения. Значительная часть нашего генералитета даже и не желает победы национал-социализма. Советские же генералы — не только фанатичные большевики, но и фанатично борются за победу большевизма, что, разумеется, дает им огромное превосходство. Фюрер полон решимости еще в ходе войны настолько реформировать вермахт, чтобы тот вышел из нее, обретя коренной национал-социалистический характер. Я добавил, что мы, немцы, умеем, хотя и поздно, основательно учиться. Это, пожалуй, можно сказать и в данном случае.

Я получил из 9-й армии сообщение о поездке фюрера на фронт в районе Одера. Посещение войск прошло просто великолепно. Фюрер показал, что превосходит своих генералов не только в понимании сути дела, но и в конкретных вопросах, чем вызвал большое восхищение. Его физическое состояние просто всех поразило. Генералы без обиняков говорили, что именно путчисты 20 июля 1944 г. виновны в том, что у фюрера нервная дрожь; за это их надо вытащить из гроба и четвертовать. (...)

17 марта 1945 г. Суббота.

(...) Весь мир полон слухов о предстоящем перемирии. Утверждается, что парламентарии Рундштедта уже посланы с предложением сложить оружие. Этот слух — чистейший бред. Он опровергнут через 24 часа. (...) С другой стороны, этот слух о заключении мира исходит от миссии Хессе, одного сотрудника Риббентропа, который побывал в Стокгольме с заданием попытаться установить контакт с западными контрагентами. Эта миссия сенсационно раздута Стокгольмом и Лондоном. Можно представить себе, как кричат об этом для всей мировой общественности заголовки газет. Просто гротескно, что во всех этих сообщениях за гаранта мира вместо фюрера выдается Гиммлер. Будто мощная германская клика предложила в качестве залога голову фюрера. В этом, разумеется, нет ни слова правды. Это англичане понасосочиняли сами. Но в ответ они заявляют, что могли бы найти

и другие головы, кроме фюрерской. Однако нейтральный мир — **особенно** деловой — весьма спокоен, ибо он видит в этом выход из войны, а тем самым избавление от угрозы большевизма. Ясно, что такой ход событий проложил бы путь к миру, если бы наши **войска**, по крайней мере, смогли закрепиться на линии Рейн — **Мозель**. (...) Тяжелые потери, которые несет враг, для нас пока единственный военный шанс. Американцы оценивают сейчас свои **потери** в 839 тыс. человек. Это число, хотя для нынешней войны и незначительно, для американцев далеко не мало. (...)

Советы больше не обращают на английское общественное мнение никакого внимания. Они переходят сейчас к массовым арестам в Польше, атакуют Турцию по вопросу о Дарданеллах, используют царящий во Франции хаос, чтобы разжигать волнения. (...) К этому добавляется усердно проводимая Советами в Румынии политика, которая вызывает в Лондоне сильнейшее недоверие. (...)

Из полученных мной писем видно, что во всем немецком народе царит глубокая летаргия, почти ведущая к полной безысходности. Раздается самая острая критика по адресу люфтваффе, а также и всего национального руководства, которое обвиняют в том, что оно в своей политике и в своем ведении войны, особенно в воздухе, допустило много упущений, и этим объясняют наши бедствия. Особенно обвиняют руководство за Восточный поход, что отнюдь не является неправильным. Наши ораторы больше не могут справиться с этой критикой. Их аргументы уже не убеждают. Мою последнюю речь по радио, с одной стороны, хвалят, а с другой — упрекают за то, что в ней нет позитивных отправных точек для успешного продолжения войны. Появляется глухое ощущение, что даже самые лучшие аргументы уже не воздействуют на уставший и измученный народ.

Я воспользовался случаем в своей передовой статье «История как наставница» привести в качестве примеров для нашего времени исторические доказательства с подробным описанием событий. Надеюсь, мне удастся это, но отдаю себе ясный отчет, что понастоящему убедительным может быть только успех. Все остальное входит народу в одно ухо, а в другое вылетает. (...)

На всем Восточном фронте вновь проявляется наступательная активность Советов. (...)

В Лондоне категорически опровергают, что наш зондаж воспринимается всерьез. (...) Эта попытка в Лондоне решительно отклоняется, между тем как другие союзники по этому поводу еще не высказываются. Такого отклонения от английской стороны вполне можно было ожидать. Агентство Рейтер заявляет, что германские предложения полностью игнорируются. Тут возникает трудный вопрос, как сказать об этом фюреру, ибо он настроен чрезвычайно скептически, и он действительно прав. Я думаю также, что эта попытка предпринята не очень-то ловко, иначе она привела бы к иным, по крайней мере не таким громким, последствиям. (...)

(...) Мирный зондаж г-на Риббентропа полностью провалился. Он отвергнут и американцами, и англичанами. Был предпринят очень плохо. Такой человек, как Хессе, непригоден для того, чтобы донести до вражеского лагеря подобную точку зрения. Таким образом, речь идет о неудачной эскападе Риббентропа, которой можно было заранее предсказать такой конец. (...) Нет никакого сомнения в том, что зондаж Хессе начисто отвергается всем вражеским лагерем. Но, с другой стороны, англичанам ясно: надежда на внутреннюю революцию в Германии против национал-социализма иллюзорна. (...)

На Западе события развиваются весьма несчастливым образом. В районе Мозеля положение довольно безутешное. Фюрер считал, что оборонительная линия по Мозелю может быть удержана, но это не оправдалось. Американцам удалось на широком фронте форсировать Мозель, и теперь они устремились в междуречье Мозеля и Рейна, не встречая сколько-нибудь значительного сопротивления. (...) Пожалуй, на Западном фронте у нас распространено опасное представление, будто следует впустить американцев в рейх, чтобы он не попал в руки Советов. Это, разумеется, чреватая роковыми последствиями точка зрения на нынешнее военное положение, и мы должны при всех условиях принимать против нее решительные меры. (...)

Вечером из Вашингтона официально сообщается, что враг уже не довольствуется даже безоговорочной капитуляцией рейха. Он намеревается в любом случае оккупировать всю Рурскую область. Правда, такого требования он пока еще не выдвигает. Может быть, он потребует, чтобы сначала все мы были повешены или расстреляны? Стремление врага к нашему уничтожению теперь просто не знает предела. (...)

Бенеш сразу же едет в Москву, чтобы Кремль санкционировал его предназначенное для Чехословакии правительство. Оно, вероятно, будет иметь ярко выраженное коммунистическое лицо. (...)

19 марта 1945 г. Понедельник.

(...) Ход политического развития будет все больше определяться предстоящей конференцией в Сан-Франциско. Уже сейчас между партнерами по вражеской коалиции возник спор о методах и программе ее работы. Соединенные Штаты требуют твердых условий для будущего всемирного мира и для Организации Всемирного Мира (имеется в виду создававшаяся ООН. — *Сост.*). Советы же противятся этому руками и ногами, поскольку они, разумеется, очень заинтересованы сохранить после войны как можно более неустойчивое положение с целью, если представится случай, урвать добычу. Таким образом, Сталин вовсе и не думает позволить американцам и англичанам надеть на него наручники. (...)

Это воскресенье спокойным для нас днем никак не назовешь. Положение на фронтах ужасающее, особенно на Востоке, да и на Западе тоже. (...) Фюрер крайне занят военными событиями на

Западе. Всю ночь до 6 часов утра он проводил обсуждение обстановки и, естественно, очень переутомился. Долго ему так не выдержать — работать ночь за ночью и спать всего по два часа;

20 марта 1945 г. Вторник.

(...) Американцы преследуют свои военные цели крайне негибко. Ничего не смыслят ни в военной психологии, ни в военной администрации [в захваченных областях].

В Москве сейчас очень много говорят о предстоящем наступлении на Берлин. Но предполагаю, что тем самым снова хотят отвлечь нас ложной целью. Советские газеты утверждают, что русские скоро войдут в столицу рейха и это приведет к концу войны. Однако, с другой стороны, мы должны быть настороже: затишье на Одере, разумеется, только кажущееся. Никакого сомнения, Советы перебрасывают на этот участок фронта огромные массы войск и техники, с тем чтобы в подходящий момент нанести отсюда удар. (...)

Фюрер принял членов «Гитлерюгенд», получивших в боях на Восточном фронте Железный крест. Он произнес перед ними проникнутую исключительной симпатией речь, которую мы доведем до сведения общественности в коммюнике для прессы. В остальном же фюрер по горло в работе по восстановлению стабильной линии фронта, особенно на Западе. (...)

21 марта 1945 г. Среда.

(...) Советы в эти дни осуществляют в еще худшем виде депортацию целых народностей в отдаленные части Советского Союза или в захваченные ими области. При этом они не очень-то церемонятся и со своими собственными народностями. Так, они, не проявляя никакого снисхождения, заявляют, что проживающие в ранее оккупированных нами областях народности депортируются в восточную часть России за то, что будто бы слишком сильно заражены национал-социалистической пропагандой. Как же будут эти Советы обращаться с немецким населением, если оно окажется в их руках! (...)

Геринг передал одной колонне беженцев застреленного им на охоте зубра. Этот поступок — психологическая ошибка и просто-таки предел морального падения Геринга и его окружения. Я направил это сообщение фюреру и в сопроводительной записке напомнил об одной бурбонской принцессе, которая, когда массы с криком «Хлеба!» штурмовали Тюильри, наивно спросила: «А почему же, если у них нет хлеба, они не едят пирожные?»* Фюрер весьма серьезно отнесся к этому комментарию и на обсуждении обстановки резко сделал Герингу замечание, а затем имел с ним продолжительную беседу с глазу на глаз. Можно представить себе,

* Речь идет о королеве Марии-Антуанетте, урожденной австрийской эрцгерцогине. *Примеч. сост.*

что он сказал ему наедине! Но что толку! (...) Побудить фюрера назначить нового главнокомандующего авиацией никак не удастся. Со всех сторон на эту должность предлагают Дёница, и я лично считаю это предложение не таким уж неприемлемым. Во всяком случае, в возвращении свободы действий нашему подводному флоту Дёниц показал себя способным преодолеть его техническое отставание. Он — солидный и честный работник и наверняка поставил бы люфтваффе на ноги, пусть и в уменьшенном объеме. (...) Я вручил фюреру свою памятную записку о реформе люфтваффе. Люфтваффе, имеющая сейчас лишь ограниченную способность к действиям, тем не менее содержит такой огромный аппарат, который никак не соответствует ее задачам. Возможности люфтваффе крайне ограничены; значит, нужно привести в соответствие с ними и ее состав, еще насчитывающий сегодня 1 млн человек. Я думаю, вполне хватило бы контингента в 300 — 400 тыс. человек, к тому же значительную часть зенитной артиллерии надо отдать фронтам, а оставшейся оставить минимум боеприпасов. <...>

Примечательно, что Советы вывели из района Померании и Восточной Пруссии две армии и перебросили их на Одер для действий против Берлина. Можно полагать, что наступление на столицу рейха уже не заставит себя долго ждать. Будем на чеку, ибо Советы, овладев Померанией, прикрыли свой фланг и теперь наверняка решатся на штурм Берлина.

22 марта 1945 г. Четверг.

(...) Мне представлена довольно обширная разработка по вопросу о нынешних политических настроениях в Америке. Она кажется мне вполне достоверной, показывает, что в общем и целом американцы в Европейском континенте совершенно не заинтересованы; они лишь не хотят, чтобы он был объединен под властью какой-либо державы, ибо крайне боятся экономической конкуренции. Никаких политических притязаний американцы в Европе не имеют. Они, с одной стороны, не желают сильной Германии, а с другой — не хотят и слишком сильного Советского Союза, а потому в настоящий момент Америка решительно и энергично выступает против стремления России подчинить своему господству Европейский континент. Трения американцев с англичанами носят второстепенный характер. (...) Англичане вбили себе в голову, что следует добиться установления мира во всем мире на базе американского экономического империализма. США предъявляют поэтому большие претензии на то, чтобы играть мессианскую роль, особенно сам Рузвельт, которого американские евреи **в своих** прозрачных целях подталкивают **в** этом направлении. **Рузвельт** проводит свою политику при помощи исключительно ловкой тактики и сумел из президента мира стать Президентом войны, не подвергаясь при этом никаким нападкам со стороны **американцев**. За время войны американская национальная гордость **невероятно**

выиграла, прежде всего потому, что американцы теперь сумели **ввести** в дело сильнейший в мире военный контингент, добившийся значительных военных успехов. Большевизм, по крайней мере пока, не представляет для американцев никакой опасности, но воспринимается ими как неамериканское явление и потому **внутренне** отвергается.

Советы совершенно спокойно продолжают депортировать поляков во внутренние области России. При этом они ни капли не считаются с американцами. Ведущиеся сейчас в Москве переговоры насчет преобразования польского правительства до сих пор ни к **какому** успеху не привели. Значит, Сталин, как мы это давно предполагали, на Ялтинской конференции просто сделал красивый жест для Черчилля и Рузвельта. На деле же он и не помышляет внести какие-либо изменения в состав Люблинского комитета.

На Восточном фронте положение как будто стабилизируется. Я узнал, что Гиммлер хочет и должен сдать командование группой армий «Висла». Считаю это самым лучшим делом. Собственно говоря, задачей Гиммлера было кое-как заткнуть дыру в полосе его группировки. К сожалению, военных лавров здесь ему снискать не удалось. Так он может только потерять свое доброе политическое имя.

В настоящее время в Стокгольме находится один влиятельный человек из Советского Союза, который выразил желание вступить в разговор с немцами. Саму по себе такую возможность упускать не следовало бы. Однако данный момент выбран для нас крайне неудачно. Тем не менее я считаю, что было бы хорошо, по меньшей мере, переговорить с представителем Советского Союза. Но фюрер этого не желает. Фюрер считает, что в настоящий момент пойти навстречу врагу в этом пункте означало бы признать свою слабость. Я же придерживаюсь той точки зрения, что враг все равно знает, что мы слабы, а потому не нуждается в том, чтобы мы доказывали это ему своей готовностью к переговорам. Но фюрера не смягчить. Он считает, что разговор с руководящим представителем Советов лишь побудит американцев и англичан еще больше пойти навстречу Сталину, а сами переговоры кончатся полным крахом. Может быть, фюрер и прав. Ведь в этих вопросах у него всегда было хорошее чутье, и здесь ему можно полностью довериться. Но все-таки жаль, что в этой критической ситуации нам приходится и дальше выжидать, не зная, как пойдут события в ближайшие две-три недели.

Я не скрываю от Хевеля, что главная вина за то, что мы угодили в такую ситуацию, лежит на Риббентропе. (...) Он должен был со всей настойчивостью предложить это фюреру гораздо раньше, а именно в тот момент, когда мы еще могли на переговорах что-то бросить на чашу весов. Но Риббентроп с присущей ему тупостью ^сУДорожно цеплялся за прошлое. (...)

Затем у меня состоялась двухчасовая беседа с фюрером, который после всех тягот и возбуждения последних дней выглядел

очень усталым и изможденным. Но все-таки держится он замечательно. Он служит своим сотрудникам ярким примером стойкости. Впечатление такое, что железная воля его в основном сохранилась.

Фюрер просто в отчаянии от того, как развиваются военные события. Ведь он так верил в то, что на Западе нас отнюдь не ждет такая крайняя беда! Говорит, что это его очень угнетает. В ответ я привожу ему исторические примеры, но на сей раз они так хорошо не действуют. Теперь фюрер без обиняков признает, что Саарскую область практически уже не удержать и нам ее придется оставить. Кессельринг назначен слишком поздно и ничего уже изменить не может. Фюрер считает, что у нас действует определенная клика предателей. Только этим можно объяснить, что такой исключительно укрепленный район, как Трир, почти без борьбы попал в руки врага. Я это оспариваю. Думаю, фюрер несколько поверхностно объясняет события. Полагаю, что это следует отнести за счет того, что наши войска не желают больше сражаться, что они потеряли мужество и уже не видят никаких перспектив победы. Фюрер же считает, что некоторые командиры все еще носятся с планом двинуться вместе с западными союзниками против Советов и что своей уступчивостью перед Западом они пытаются осуществить этот план. Сколь ни дико и абсурдно предполагать наличие такого плана, все-таки возможно, что у некоторых наших политически неподкованных руководящих военных он мог бы и возникнуть. (...) Я настойчиво излагаю фюреру свое мнение, что наши войска на Западе не сражаются по-настоящему. Их боевой дух сильно пострадал, а потому у них нет больше того подъема, который столь настоятельно необходим для сопротивления. (...) Народ желает хоть маленького проблеска чистого неба на мрачном горизонте нынешнего хода войны. Но его пока нигде не видно.
<...>

Лучшим сообщением последнего времени фюрер считает то, что Рузвельт на Ялтинской конференции сделал такую уступку: пообещал передать Советскому Союзу немецких военнопленных, взятых на Западе. Такие и подобные сообщения наверняка будут способствовать подъему боевого духа наших войск, ибо должны же мы на Западе где-нибудь закрепиться. Совершенно невыносимо, что линия фронта там все еще неустойчива. Если теперь мы потеряем Саарскую область, нам не останется ничего иного, как стремиться создать фронт по Рейну. Все наши военные неудачи объясняются превосходством противника в воздухе, в результате чего практически никакое упорядоченное руководство в рейхе невозможно. Мы больше не имеем в своем распоряжении ни транспортных, ни технических средств связи. Разрушены не только наши города; наша промышленность тоже в значительной мере лежит в развалинах. А отсюда — подрыв немецкой военной морали. (...) **Короче говоря, положение невыносимое, и потому мы должны приложить все силы, чтобы хоть где-то достигнуть какого-нибудь военного**

успеха, пусть даже самого скромного, и тем снова поднять боевой дух народа. <...>

В отношении политического положения фюрер, как и прежде, **стоит** на той точке зрения, что так или иначе в этом году в войне **должен** наступить перелом. Вражеская коалиция при любых условиях распадается; речь идет только о том, развалится ли она прежде, чем мы окажемся лежащими на земле, или уже после того. Мы должны в первую очередь позаботиться о том, чтобы избежать до этого момента военной катастрофы. (...) Что касается желаемого распада вражеской коалиции, фюрер считает, что распад этот может скорее исходить от Сталина, чем от Черчилля и Рузвельта. Да и со Сталиным нам скорее удастся что-либо предпринять! Фюрер даже склонен предположить, что конференция в Сан-Франциско вообще не состоится. Конфликт во вражеском лагере пойдет к тому времени так далеко, что там не решатся выйти на суд общественности с такими противоречиями. Хотя я и считаю это мнение иллюзией (думаю, что конференция в Сан-Франциско все-таки состоится), однако возможно, что она закончится -ромным провалом. Во время этих политических бесед мы постоянно возвращались к исходному пункту: чтобы получить возможность вступить в диалог с врагом, мы должны остановиться на всех фронтах и даже добиться какого-нибудь успеха.

23 марта 1945 г. Пятница.

(...) Военное положение как на Востоке, так и на Западе стало крайне критическим, а в последние сутки даже снова изменилось не в нашу пользу. (...) В Венгрии противник перешел в крупное наступление на широком фронте, и наши прежние территориальные успехи по большей части стали иллюзорными. Тем самым планы фюрера выйти к берегу Дуная провалились. (...) В районе Берлина Советы перешли в хотя и местное, но крайне опасное и сильное наступление, в ходе которого они пытаются отрезать Кюстринский плацдарм. (...)

Политическое положение во вражеской коалиции развивается вполне в соответствии с нашими желаниями. В Англии все еще не могут никак уразуметь, насколько, без всякого возражения с ее стороны, распространяется советское господство во многих частях Европы. (...) Вообще, можно констатировать, что в английском общественном мнении возникло своего рода настроение всемирной катастрофы. (...) Рузвельт на пресс-конференции отказывается назвать какую-либо дату победы. Он явно имеет в виду наше упорное сопротивление на Западе, которое стало ощутимо в различных местах, заставив американцев призадуматься. <...>

США и Англия должны в настоящее время оказать нажим на Кремль в отношении переговоров о польском правительстве. В данный момент Кремль проявляет здесь крайнее упрямство и даже отказывается пойти навстречу английскому предложению о вклю-

чении Миколайчика в Люблинский комитет. Сталин подвергает Рузвельта и Черчилля весьма суровому испытанию. При нынешнем военном положении он явно может это себе позволить.

24 марта 1945 г. Суббота.

(...) Англичане наивно представляют себе причины назначения Кессельринга [командующим Западным фронтом]. Они думают, что Кессельринг получил от фюрера задание подготовить германскую капитуляцию. В действительности же, разумеется, совсем наоборот. Однако для исправления положения на Западе Кессельрингу требуются время и прежде всего войска и оружие. Судя по тому, как обстоят дела сейчас, снова создать на Западе абсолютно твердую и стабильную линию фронта невозможно.

Стоит мимоходом отметить, что в Лондоне слышны немногие голоса о том, что пропасть между Москвой и Западом непреодолима, если только Москва не проявит готовности уступить в польском вопросе. А потому конференция в Сан-Франциско — последний срок для этого. Эта конференция, вероятно, либо не состоится, либо кончится ничем. (...)

Мы хотим усилить пропаганду против комитета Зайдлица, особенно на солдат Восточного фронта. Этот комитет снова дает о себе знать. (...)

Из поступающих ко мне писем тоже видны глубокая апатия и безразличие. (...) Зловещим кажется мне тот факт, что критика уже распространяется на самого фюрера, на национал-социалистическую идею и на национал-социалистическое движение, а также то, что многие партайгеноссен уже начинают колебаться. (...)

25 марта 1945 г. Воскресенье.

Кох* утверждает, что Советы несут в Восточной Пруссии невероятные потери. Он говорит даже о миллионе убитых. Я считаю это число сильно преувеличенным, но все же можно предположить, что захват Восточной Пруссии дается Сталину недешево. А в целом генеральной тенденцией нашего ведения войны в данный момент должно быть: заставить врага нести как можно более кровавые жертвы. (...)

27 марта 1945 г. Вторник.

(...) Провожу широкую акцию по созданию «Вервольфа»*. Цель ее — организовать в захваченных врагом областях партизанское движение. Крупных мер в этом направлении еще не проведено, поскольку ход военного развития на Западе оказался западным и у нас даже не было для этого времени. (...)

Вражеская сторона, естественно, чувствует себя на вершине триумфа в результате своих военных побед. Однако Советы не

* Гауляйтер Восточной Пруссии. *Примеч. сост.*

*• «Оборотень» (нем.).

обращают на это почти никакого внимания, и их газеты отделе-
ваются парой строчек. <...>

Учитывая советский произвол во всех странах Европы, кажется просто дурной шуткой, когда «Правда» именно в данный мо-
мент пропагандирует образец примерного советского человека. Сей образцовый советский человек отличается великодушием и состраданием. И вот такую песенку преподносят миллионам тер-
заемых людей в Европе! Бумага все стерпит, но подобное воспри-
нимается с отвращением.

Из Берлина отданы на фронт учебные части, что сильно сни-
жает обороноспособность столицы, к тому же они переброшены
со своим оружием. Попытаюсь добиться, чтобы в имперскую
столицу были переданы запасные части из других районов рейха.

28 марта 1945 г. Среда.

(...) В данный момент западный лагерь гораздо враждебней
нам, чем восточный. (...) Вечером Эйзенхауэр заявил, что наша
главная оборонительная линия прорвана. Теперь можно двигаться
прямо на Берлин. Но я не верю, что американцы предпримут эту
попытку. Они наверняка будут преследовать сейчас другие, более
близкие цели. Это уже видно из различных заявлений с их сто-
роны: например, возьмут на прицел Лейпциг или Кассель. Теперь
во все большем объеме проявляются те политические опасения,
которые англо-американцы питают не только в отношении рейха
(в связи с желаемым и вскоре ожидаемым крахом Германии),
но и в отношении Европы и которые могут оказаться для западно-
го лагеря ужасающими. Европа превратилась в сплошные разва-
линь Она стоит перед полной катастрофой. Но несмотря на это,
западный лагерь упорствует в том, что рейх должен безоговорочно
капитулировать. Ряд влиятельных англичан подводит печальные
политические и экономические итоги этой войны. Они без обиня-
ков признают, что потеряли почти все, что Англия перестала быть
великой державой и что эта война может считаться наипасней-
шим событием в английской истории. Ответственность за это несет
Черчилль. (...)

Найденные дневники убитых советских солдат показывают, что
советская армия крайне устала от войны. Там тоже хотели бы,
чтобы гром орудий смолк не завтра, а сегодня. А в остальном со-
ветские солдаты проявляют просто-таки гротескную наивность.
Они кажутся самим себе спасителями человечества, и видно, что
советская пропаганда привила им комплекс собственного превос-
ходства, расцветающий немисливо пышным цветом. Впрочем, со-
ветский солдат вымуштрован в духе мести Германии. И теперь он
творит эту мечь в полной мере. (...)

Фюрер настаивает на выполнении своего приказа о тотальной
эвакуации тех западных областей, которым грозит захват против-
ником, на тотальном разрушении нашей промышленности. Этот

приказ, согласно единодушным высказываниям всех гауляйтеров западных гау, практически никак выполнен быть не может. (...)

В полдень фюрер вызывает меня на длительное заседание в Имперскую канцелярию. Перед этим мне удастся накоротке переговорить с генералом Бургдорфом. Он тоже в довольно удрученном настроении. В данный момент не видит никакой возможности хоть что-то противопоставить американцам в районе Майнца, со всех сторон несетя просто вопль о спасении. Это — слабое оправдание, ибо мы не можем ничего предпринять политическими средствами до тех пор, пока в военном отношении находимся в столь безнадежном положении. (...)

Что касается обстановки в районе Майнца, то тут пытаются пока спастись подручными средствами. Но не только там, а и в венгерском районе положение тоже стало критическим. Мы находимся под постоянной угрозой потерять наши важнейшие источники нефти. Наши соединения вели себя здесь жалким образом. В том числе и лейбштандарт. Это уже не прежний лейбштандарт, ибо его прежние офицеры и рядовые погибли; он только по старинке носит еще свое почетное наименование. Тем не менее фюрер решил, что надо для острастки других проучить соединения СС. По его поручению Гиммлер вылетел в Венгрию, чтобы сорвать у этих соединений их нарукавные повязки. Это, разумеется, самый страшный позор для Зеппа Дитриха, какой только можно себе представить. Армейские генералы по-воровски радуются тому, что их конкуренту нанесен такой удар. Соединения СС не смогли осуществить в Венгрии наступления, напротив, сами отступили и частично рассеяны. Плохой человеческий материал проявляет здесь себя пренеприятнейшим образом. Зеппа Дитриха просто жаль, но жаль и Гиммлера, который (в отличие от него, даже будучи шефом СС, не имеет военных наград) должен осуществить эту суровую меру наказания. А ведь Зепп Дитрих носит на шее бриллианты к Рыцарскому кресту Железного креста. Но еще хуже то, что весь наш нефтяной район под большой угрозой. Надо сделать все возможное, чтобы сохранить хотя бы эту базу, позволяющую нам и дальше вести войну.

Сад Имперской канцелярии являет собой картину полного опустошения. Повсюду одни груды развалин. Бункерные помещения фюрера сейчас дополнительно укрепляются. Сам фюрер полон решимости, даже если положение станет критическим, остаться в Берлине. В военном окружении фюрера царит своего рода атмосфера конца света — доказательство того, что фюрер собрал вокруг себя слабохарактерных людей, на которых в тяжелую минуту нельзя положиться. (...)

У нас в Берлине, разумеется, лихорадочно готовятся к обороне. Однако эти стремления укрепить город подвергаются суровым испытаниям. Не только из-за того, что у нас забирают запасные войсковые части. Пришлось отдать и значительное количество берлинской зенитной артиллерии, в целом 15 тяжелых батарей, кото-

рые теперь переброшены на фронт в район Одера. Хочу попытаться спасти для обороны имперской столицы хотя бы часть их.

Затем состоялась обстоятельная беседа с фюрером. Она проходила во время прогулки по саду Имперской канцелярии. Слава Богу, фюрер в хорошем физическом состоянии, что бывает с ним обычно, когда он критикует что-либо. Но я с сожалением замечаю, что он еще больше сгорбился, однако лицо куда спокойнее, чем это позволяет нынешняя ситуация. Заметно, что он живет в состоянии невероятнейшего напряжения. Особенно сильно отразились на нем события последних дней. Мы ходим целый час вокруг террасы, прогуливаемся перед его кабинетом, и я пользуюсь случаем высказать ему мое понимание обстановки. Сообщаю ему, что моральный дух как в тылу, так и в войсках крайне упал. Мы должны суметь как-то закрепиться, иначе возникнет опасность, что покатится весь Западный фронт. Я считаю, что фюрер обязан сейчас выступить по радио с обращением к нации; оно должно длиться не больше 10—15 минут и адресоваться как тылу, так и фронту. Образец я вижу в выступлении Черчилля в английской, а Сталина — в советской кризисной ситуации [3 июля 1941 г.]. Оба они нашли тогда правильные слова, чтобы вселить в свои народы бодрость. Во время борьбы нашей партии [за власть] мы тоже действовали так. Но никогда еще партия не переживала кризиса без личного обращения к ней фюрера, чтобы подстегнуть ее. Теперь снова пришел час, когда фюрер должен дать народу сигнал к дальнейшей борьбе. Я готов и полон решимости развернуть вокруг этого большую пропагандистскую кампанию, но лозунг должен дать фюрер. Я примерно обрисовываю фюреру содержание его речи, как я это себе представляю. Решающим аргументом в пользу-этого обращения служит то, что народ услышит от самого фюрера то слово, за которое сможет ухватиться.

(...) Фюрер все еще придерживается взгляда, что критический ход развития на Западе — результат измены наверху. (...) Фюрер просто в бешенстве от этого предательства, но в данный момент еще не знает, откуда именно оно исходит. Полагает, что из ставки главнокомандующего войсками на Западе. Правда, и в данном случае можно констатировать, что, хотя фюрер и на этот раз близок к истине, никаких необходимых выводов отсюда он не делает. Фюрер вновь и вновь подчеркивает: мы должны наконец где-то остановиться, если вообще хотим овладеть положением на фронте. Я скептически настроен насчет того, что нам удастся сделать это в ближайшие дни.

Меня очень радует оценка фюрером моей роли: я был единственный, кто оказался прав в вопросе о Женевской конвенции (об обращении с военнопленными. — *Сост.*). Все остальные были против. Но они — потерявшие рассудок буржуа, которые не понимают революционного ведения войны, а потому и не могут выступать за него. Просто трагично, что фюрер, являющийся величайшим революционером огромного масштаба, окружен такими по-

средственными людьми. Ему нужно было бы подобрать себе другое военное окружение, а это — ниже всякой критики. Теперь он даже Кейтеля и Йодля называет пацифистами, настолько они устали и израсходовали свои силы, а потому в нынешнем бедственном положении не в состоянии принимать решения крупного масштаба. Единственные военачальники, которые отвечают потребностям современной народной войны, — это Модель и Шёрнер. Модель — тип интеллектуала, а Шёрнер эмоционален и с горячим сердцем. Он, несомненно, добился крупных военных успехов. Но этим число наших крупных полководцев и исчерпывается. СС тоже не выдвинули из своей среды выдающихся стратегов, да и Гиммлеру не удалось найти таковых в своих рядах. Они brave молодцы, но не масштабны.

Я напоминаю фюреру о том, что мы, к сожалению, упустили сделать в 1934 г., когда нам предоставлялся к тому случай. То, что хотел Рём, само по себе, разумеется, было правильным, но практически не могло быть осуществлено этим гомосексуалистом и анархистом. Будь Рём безупречной и первоклассной личностью, 30 июня 1934 г., вероятно, были бы скорее расстреляны несколько сот генералов, чем сотня фюреров СА. В этом глубокая трагедия, и сегодня мы чувствуем ее последствия. Тогда назрело время революционизировать рейхсвер. Но эта возможность в силу тогдашнего положения вещей не была осмыслена фюрером. Вопрос в том, сможем ли мы наверстать сегодня упущенное тогда. Я в этом сильно сомневаюсь. Однако мы сейчас не можем идти на меры, рассчитанные на длительный срок, а должны делать то, чего требует от нас сегодняшний день.

Самым необходимым для этого мне кажется та речь, которой я добиваюсь от фюрера. (...) Фюрер сначала не очень-то соглашается, именно потому, что в данный момент он ничего позитивного слушателям сказать не может. Но я так настаиваю, что в конце концов он с моим предложением соглашается. Тут я отступить не могу. Это мой национальный долг; пусть фюрер даст народу лозунг борьбы за свою жизнь! Знаю, что эта речь дастся ему нелегко. (...)

Борман в данный момент тоже ведет себя не самым лучшим образом. Особенно в вопросе радикализации нашей войны, что я, впрочем, от него и ожидал. Как я уже подчеркивал, речь идет о таких людях, которые являются полубуржуа. Хотя они и думают по-революционному, но не действуют так. Теперь надо привести к руководству революционеров. Я уже подчеркивал фюреру необходимость этого. Фюрер же ответил, что таких людей в его окружении мало. Наши гауляйтеры на Западе тоже, пожалуй, показали себя слабаками. (...)

Фюрер считает неверным утверждать, будто мы не берем на себя никакой ответственности за разрушение нашего военного потенциала. Если мы выиграем войну, история нас оправдает. Но она откажет нам в этом оправдательном приговоре, если мы войну

проиграем, совершенно безразлично по каким причинам. Мы **обязаны** нести ответственность и показать себя достойными ее. Во время этой беседы с фюрером я мысленно повторял только одно: «Да, ты прав, все, что ты говоришь, — правильно! Но где же дела?»

Можно просто поражаться тому, как постоянно и неуклонно фюрер верит в свою звезду. Иногда впечатление такое, словно он **живет** в облаках. Но он, подобно *Deus ex machina**, очень часто спускается с облаков на землю. Он, как и прежде, убежден: политический кризис во вражеском лагере дает нам право на величайшие надежды, сколь ни мало мы можем говорить об этом в данный момент. Мне очень больно, что он не производит никаких персональных изменений ни в руководстве рейха, ни в дипломатии. **Геринг** остается, **Риббентроп** остается. Все эти обанкротившиеся люди — за исключением второго гарнитура — сохраняются на своих постах, а, по моему разумению, было бы необходимо именно здесь произвести такую смену лиц, которая возымела бы решающее значение для морального состояния нашего народа. Несмотря на все мои настояния, я никак не могу убедить фюрера в необходимости предложенных мною мер. (...)

Что касается Востока, то, за исключением Венгрии, фюрер ходом развития доволен. (...) Шёрнер держится хорошо. Он имеет здесь выдающиеся оборонительные успехи, оправдывающие большие надежды. Тем не менее положение в Венгрии стало ужасающим. (...)

Во время этой беседы фюрер проявлял по отношению ко мне редкостную открытость. Я очень счастлив, что пользуюсь его неограниченным доверием. Как хотел бы я помочь ему во всех его заботах и бедах! Во всяком случае, хочу сделать все для того, чтобы со своей стороны не создавать ему трудностей. Затем он говорит мне, что мы, руководство и руководимые, должны продолжать бороться, держаться и выстоять. Надо мыслить и действовать по революционному. Пришел час, когда надо сбросить буржуазную скорлупу. Никакая половинчатость недопустима. Теперь настал час цельных мужчин и цельных действий. Пусть положение и ужасное, все равно его можно изменить напряжением всех наших сил.

Тем временем все собрались для обсуждения обстановки. Гудериан производит впечатление человека усталого и беспокойного. Другие шаркающие ногами фигуры тоже не укрепят фюрера в его стойкости. Но, слава Богу, у него ее от природы столько, что в усилении ее другими он не нуждается.

29 марта 1945 г. Четверг.

(...) Эйзенхауэр в своих прогнозах несколько осторожнее, чем его военные корреспонденты. (...) Если ему удастся отрезать друг от друга Северную и Южную Германию, заявляют западные воен-

* Буквально: бог из машины (*лат.*) — эффектное появление божества на арене из специальной конструкции в античном театре. *Примеч. сост.*

ные обозреватели, война практически выиграна. (...) Однако он сейчас наверняка не направит свой удар непосредственно на Берлин. (...) О положении на Востоке следует сказать только, что кризис в Венгрии чрезвычайно обостряется и дальше. Наши сражающиеся там дивизии СС больше, кажется, закрепиться не смогут. Теперь наши нефтяные источники под серьезной угрозой, чего фюрер любой ценой хотел избежать.

31 марта 1945 г. Суббота.

(...) Ход событий в Венгрии внушает большие опасения. Здесь мы вскоре встанем перед серьезным вопросом, сумеем ли мы вообще еще держаться. Во всяком случае, Советы уже перешли границу рейха. 6-я армия под командованием Зеппа Дитриха наголову разбита ими. (...)

Днем фюрер вызывает меня к себе, чтобы еще раз обсудить со мной вопрос о его речи к немецкому народу. У меня такое впечатление, что он не очень-то склонен выступать. Заявляет, что принял на Западе чрезвычайно широкие меры военного характера. Необходимо, чтобы, прежде чем он выступит перед народом, ясно проявилось понимание нашего положения. Пока этого еще не произошло. Боевой дух наших войск не может быть подстегнут, пока они не получают подкреплений и не обладают новым оружием. (...) Впечатление такое, что в последние дни фюрер сильно переутомился. Например, за последние сутки он спал всего два часа. Это объясняется тем, что фюрер не имеет таких соратников, которые взяли бы на себя значительную часть повседневных текущих дел. Поэтому ему приходится сейчас отправить Гудериана в отпуск, ибо тот стал совершенно истеричен и нервозен, а в результате создает больше беспорядка, чем порядка. На место Гудериана фюрер поставил генерала Кребса, который долгое время был начальником штаба у Моделя. Одно время он был военным атташе в Москве, но не развращен дипломатической службой. Да и вообще Кребс — прекрасная личность. Особенно одаренным сотрудником Гудериана является генерал Венк, который тоже не раз бывал у фюрера с докладом. К сожалению, когда он для окончания померанской операции ехал на автомашине в группу армий «Висла», произошла авария, и теперь он с тяжелыми травмами лежит в госпитале. Модель, разумеется, тоже мог бы явиться тем человеком, на которого можно положиться, но в данный момент он стоит перед почти невыполнимой задачей, так как для улучшения положения на Западе ему нужны войска, которых пока нет. Поэтому ему нельзя подбросить подкрепления. Кессельринг направлен на Запад слишком поздно и потому не сможет создать там такой же прочный фронт, как в Италии.

(...) Мы должны попытаться сейчас всеми силами создать на Западе новый фронт, а для этого приемлемы все меры, в том числе и импровизационные. Ужасны для нас экономические потери, особенно угля и железа. Сначала мы потеряли верхнесилезский про-

... район, затем из наших рук выпал Саар, а теперь потеряна и половина Рурской области. (...)

Я подробно докладываю фюреру о предпринятых пропагандистских мерах в отношении Запада. (...) Антианглоамериканская пропаганда — вот теперь веление времени. Только в том случае, если мы сумеем разъяснить нашему народу, что англичане и американцы намерены поступить с ним так же, как и большевики, он займет другую позицию по отношению к врагу на Западе. Если нам удалось так ожесточить наш народ против большевиков и вызвать к ним ненависть, почему ж мы не сможем сделать это и по отношению к англо-американцам! Однако мы, вопреки моим советам, допустили ошибку: не вышли из Женевской конвенции. Сделай мы это, число немецких солдат, которые в теперешних боях на Западе сдались в англо-американский плен, наверняка не было бы таким большим, как, к сожалению, сейчас. Фюрер считает, что я абсолютно прав. Он дал уговорить себя Кейтелю, Борману и Гиммлеру всякой болтовней, а потому не сделал того, что является целесообразным. Фюрер признает, что я — единственный, кто в этом пункте был прав. В остальном же фюрер убежден, что примерно за восемь — десять дней мы дыры на Западе кое-как заштопаем. (...)

Положение на Востоке, разумеется, доставляет фюреру много забот. Он считает, что оно в значительной мере испорчено Гудерианом, который не обладает характером, необходимым для консолидации всех сил, и быстро теряет самообладание. Это он показал в качестве командующего войсками и на Западе, и на Востоке. На Востоке Гудериан в критическую зиму 1941/42 г. самовольно начал отступление и тем расшатал весь фронт. Вслед за Гудерианом отступили и Кюхлер, и Гёпнер. Таким образом, крупный кризис на Востоке зимой 1941/42 г. нужно отнести на счет Гудериана. Генералитет сухопутных войск тогда совершенно растерялся. Он в первый раз оказался перед лицом военного кризиса, а до этого одерживал одни победы. И вот тогда он сразу же решил отступать до самой границы рейха. Фюрер описывает мне еще раз драматическую беседу, которую он имел тогда с Кюхлером. Тот предложил ему, бросив всю технику и боеприпасы, отвести войска, если надо, до самой имперской границы. Поступи он, фюрер, так, война, вероятно, закончилась бы уже зимой 1941/42 г. (...)

Фюрер также придерживается взгляда, что у Гиммлера никаких оперативных способностей нет. Хотя тот и педант, но никакой не полководец, что и доказал во время операций в Померании, которые были совершенно загублены его жалким оперативным мышлением. Да и вообще, по мнению фюрера, СС не дали ни одного военачальника крупного масштаба. Ни Зепп Дитрих, ни Хауссер не принадлежат к числу крупных оперативных дарований. Действительно стоящими среди них были только Хубе и Дитль, но их обоих фюрер потерял из-за авиационных катастроф. Что же еще остается? Шёрнер, обладающий большим оперативным талан-

том и действующий выдающимся образом. Он готовит свои операции тщательно и небольшими силами заставляет противника отступать. Он — молодчина, на него можно слепо положиться. А самое главное — говорит фюреру правду. То, что Зепп Дитрих в случае с Венгрией этого не сделал, очень ожесточило фюрера. Он говорит даже об исторической вине Зеппа Дитриха. И все-таки мы должны, предположительно, считаться с тем, что венгерский нефтяной район мы потеряем. Пока еще дело до этого не дошло, но дойти может. Если добавить сюда еще и разгром в Померании, то войска СС в последний период имеют на своей совести многое. А потому кредит Гимmlера у фюрера здорово упал. С другой стороны, нельзя отрицать, что в настоящий момент нас преследуют несчастья, целая цепь несчастий. Эти несчастья нельзя отнести только на счет несостоятельных военных сотрудников; они объясняются и недостаточностью тех средств, которые имеются в нашем распоряжении.

Для меня было очень огорчительно видеть фюрера в таком плохом физическом состоянии. Он рассказывает мне, что почти не спит, что все время в работе и что его изматывает необходимость постоянно подстегивать малосильных и бесхарактерных сотрудников. Могу себе представить, насколько это трудное и изнурительное дело. Мне искренно жаль фюрера, когда я вижу его в таком физическом и душевном состоянии. Но, несмотря на это, я не могу отступить от моего требования, чтобы он как можно скорее выступил перед народом. (...) Фюрер был со мной при этой беседе чрезвычайно мил и предупредителен. Сразу заметно, что он счастлив снова поговорить с человеком, который не падает при каждом кризисе в обморок. (...)

1 апреля 1945 г. Воскресенье.

В Лондоне снова подчеркивают, что речь может идти для Германии только о суровом мире. (...)

Время от времени в Лондоне высказывается опасение, что наше отступление на Западе отвечает нашему какому-то более далеко идущему плану и что, отступая, мы имеем намерение соединить наши войска, действующие на Западе, с действующими на Востоке, чтобы вместе с большевиками делать затем одно общее дело против англо-американцев. Отсюда могли бы возникнуть большие возможности для конфликта, особенно если **политический** конфликтный материал во вражеской коалиции стал бы принимать угрожающие размеры. «Манчестер гардиан» даже констатирует, что для проведения конференции в Сан-Франциско среди союзников нет ни малейшего единства. Стеттиниус (государственный секретарь США. — *Сост.*) будто бы под нажимом общественного мнения одобрил заключенное в Ялте секретное соглашение, по которому Сталину обещано три голоса [в ООН].

В полдень приходит сенсационное сообщение: конференция в Сан-Франциско состоится при любых условиях. У Сталина явно

нет сейчас желания пускаться с англо-американцами в длинные дебаты. Он обосновывает это тем, что не может послать Молотова в Сан-Франциско, так как тот должен сейчас участвовать в обсуждении (на сессии Верховного Совета СССР. — *Сост.*) советского бюджета. Довольно циничное заявление; оно наверняка вызовет в Лондоне и Вашингтоне соответствующую реакцию. В Лондоне пытаются объяснить возникшую дилемму, утверждая, что Германия стоит непосредственно перед капитуляцией и потому конференция в Сан-Франциско состояться не сможет. Предполагают, что Сталин намерен потребовать себе для конференции 16 голосов, в результате чего рухнет весь англо-американский расчет. Кроме того, мы принимаем во внимание официальное сообщение из Москвы, что Кремль требует признания Люблинского комитета, даже если тот не будет реорганизован, в качестве официального польского правительства, а также приглашения его представителей в Сан-Франциско. Преобразован же он быть не может, потому что переговоры об этом в Москве затягиваются самими Советами. Это заявление Кремля вызвало у американского общественного мнения настоящий шок. Оно выдержано в воинственном духе и кончается фразой: Кремль ожидает быстрого решения этого вопроса. Иными словами, Сталин считает, что настал момент говорить с англо-американцами гораздо более резким тоном и обострить кризис во вражеской коалиции до самой крайней точки. (...)

Сообщения, которые получают органы имперского министерства пропаганды, а также письма, приходящие к нам, вполне естественно, говорят языком отчаяния. Повсюду констатируется тенденция роста у населения уверенности в том, что война проиграна. В результате потери многих областей у нас уже нет больше никакой промышленной базы, так что никаких шансов у нас больше быть не может. (...) Повсюду население сильно критикует государственное и партийное руководство, считает ход событий на Западе ужасным и возлагает единственную надежду на наше сопротивление на Востоке, но все же готово сделать все, что требует от него государственное руководство. (...)

В течение дня военное положение на Западе становится еще более драматическим. Обсуждение обстановки у фюрера длится свыше четырех часов. Фюрер крайне раздражен тем, что приказы, отданные им, еще не привели к облегчению нашего положения. В длинных телефонных переговорах он обращается к командующим армиями на Западе, заклиная их оказывать сопротивление и разъясняя им, что речь идет о важнейших событиях войны.

2 апреля 1945 г. Понедельник.

(...) Оценка вражеской стороной возможности германской капитуляции различна. Частично говорится, что сопротивление наших солдат все еще фанатическое, как это имеет место на Нижнем Рейне; частично, что его вообще не чувствуется. (...) Положение

на Западе чрезвычайно ухудшилось и в данный момент должно считаться просто безнадежным. (...)

Наша вервольфовская деятельность повергла вражеский лагерь просто в ужас; там испытывают ярко выраженный страх перед немецкими партизанами и считают, что это может на многие годы создать в Европе самое беспокойное состояние. Тем не менее там нет и малейших признаков отказа или даже отмежевания от просто-таки безумных планов уничтожения Германии. Немецкому народу предлагают на многие годы голод. Американцы явно хотят играть роль воспитателей, которые закроют немецкие школы и сами займутся воспитанием немецкого народа. Кроме того, по плану Моргентау Германия должна превратиться в одно сплошное картофельное поле, да к тому же отправлять своих годных к военной службе юношей в качестве рабов за границу и выплачивать репарации. Короче говоря, каждый может сам нарисовать себе, как его всего лучше прикончат. Мы живем в столь безумное время, когда разум человеческий совершенно не котируется; он вообще молчит. Циничные угрозы, раздающиеся из вражеского лагеря, не поддаются никакому описанию. Они не только непорядочны, но не отвечают и здравому человеческому рассудку. Однако это не беспокоит Рузвельтов и черчиллей! Они чувствуют себя на высоте своего военного триумфа и полагают, что могут не считаться с соображениями человеческого разума.

С другой стороны, они вымещают этим свою злость на поведение Кремля. Англичане и американцы отказались признать Люблинский комитет полноценным польским правительством и пойти на его участие в сан-францисской конференции. Они обосновывают это прежде всего тем, что Сталин не сдержал своего данного на конференции в Ялте обещания реорганизовать этот комитет. (...) Сталин наверняка ответит на это резким контрходом.

(...) США же полностью видят всю бесплодность созываемой в Сан-Франциско конференции и выступают за ее отсрочку. Они совершенно точно знают, что эта конференция приведет к огромному политическому кавардаку, особенно потому, что обещанные Сталину на конференции в Ялте три голоса (для СССР, Украины и Белоруссии. — *Сост.*) вызвали у американской общественности бурю возмущения. В результате Рузвельт оказался зажатым во внутривнутриполитические тиски. Его обвиняют даже не столько в уступке Советам по вопросу о трех голосах, сколько за то секретничание, с каким был совершен этот тактический маневр. Газеты без обиняков говорят о конфликте со Сталиным, отбрасывающим мрачную тень на конференцию в Сан-Франциско. Сталин не имеет никакого намерения как-либо вступить в войну на Тихом океане, в результате чего, если прибавить к этому европейский конфликт, третья мировая война оказалась бы в непосредственной близости.

Эти дебаты ведутся в Соединенных Штатах гораздо сильнее, чем в Англии, где в настоящее время все заняты только ликован-

„иями по поводу военных побед. Ведь Черчилль очень заинтересован в том, чтобы отвлечь английскую общественность от явного политического кризиса в ходе войны, сконцентрировав его внимание на военных событиях. Тем не менее политический кризис во вражеской коалиции уже разросся настолько, что мы имеем все основания оставаться стойкими, не поддаваться никаким вражеским посулам, не проявлять никакой трусости и не идти на капитуляцию.

Советы сейчас пытаются, со своей стороны, благодаря собственным военным успехам создавать свершившиеся факты. Как на Западе продвигаются вперед англо-американцы, так продвигаются вперед на Востоке и они, наступая к границе рейха в венгерском районе. Они уже на значительном протяжении перешли австрийскую границу и теперь вступают в Грац. Сталин, видимо, поставил Красной Армии цель: до 25 апреля не только овладеть Веной и Прагой, но и взять Берлин. Мы должны считаться с возможностью этого наступления в ближайшие недели. О каком-либо смягчении военного кризиса пока речь не идет даже и в малейшей степени.

Что касается Праги, то она является целью как американцев, так и Советов. Однако Советы политически уже подготовили себе здесь почву. Бенеш провел последние дни в Москве и теперь формирует новое правительство. Он готов сейчас же переселиться в Чехию, а потому уже покинул Москву. (...)

(...) Я знаю, что движение «Вервольф» в настоящий момент еще не достигло большой активности. Тем не менее я энергично продолжаю его пропаганду. Хочу полностью взять это движение в свои руки не только потому, что считаю себя пригодным для того, но и потому, что намерен вдохнуть в него больше страсти и энтузиазма. Оно не должно быть делом только одной СД. Одной организационной работой теперь многого не достигнешь. Слишком далеко уже зашло дело.

У американцев забот тоже хватает. Насчет сроков созыва конференции в Сан-Франциско стало еще туманнее. (...) Плохим предзнаменованием для конференции служит то, что уже поговаривают о встрече Пяти. В этой встрече Пяти должны участвовать министры вражеских государств (то есть также Германии и Италии. — *Сост.*). Но Сталин никоим образом не согласен с этим предложением. (...) Я убежден в том, что этот материал для политического кризиса очень скоро может привести к взрыву, если только он не будет преодолен снова военными успехами вражеской стороны. (...)

4 апреля 1945 г. Среда.

На Восточном фронте центр тяжести опять в венгерском районе, где давление противника все еще сохраняется. (...) Второй Центр тяжести — в Чехии и Моравии, где противник непрерывно предпринимает сильные атаки.

Что касается политического кризиса в ходе войны, то можно

констатировать возрастающее недовольство американской **общественности** прежде всего политикой Кремля. Сан-францисская **КОН**ференция почти везде считается списанной со счетов, ибо надеются на встречу Большой Тройки, которая ее заменит. Однако еще неизвестно, пойдет ли на это Сталин. Сталин обращается с Рузвельтом и Черчиллем как с придурками, и «остаётся только надеяться, что такого рода провокация постепенно приведет на Западе к тому, что суп выкипит из кастрюльки».

Конференция в Сан-Франциско — уже дело вчерашнего дня. Предполагается также, что Черчилль намерен слетать в Москву с покорнейшей просьбой к Сталину пойти на уступки. Политический кризис во вражеском лагере зависит от хода событий в ближайшие 14 дней. Главное для нас: удастся ли нам более или менее организовать сопротивление на Западе. (...)

Я неустанно тружусь, чтобы разъяснить немецкой прессе цели нашей сегодняшней военной политики. (...) У нашей печати — весьма боевое лицо. Серьезность ситуации не замалчивается, но читателю даются и такие аргументы, которые могут духовно помочь ему справиться с нынешней ситуацией. Я сформулировал требования к германской печати. Они таковы:

«1. Вся немецкая пропаганда и информационная политика должна служить исключительно одной цели: содействовать сопротивлению и военным усилиям, поднимать и укреплять моральный дух войск на фронте и населения в тылу. Для достижения этой цели использовать все средства прямого и косвенного воздействия на читательскую и радиоаудиторию. Все, что может этой цели повредить или же вызвать пассивное отношение к ней, ни в печати, ни на радио места больше нет. Все, что идет этой цели на пользу, следует решительно поощрять и ставить в центр нашей информационной политики».

2. Главное дело прессы и радио — разъяснять народу, что западная сторона преследует те же гнусные цели и вынашивает те же дьявольские планы уничтожения немецкого народа, что и восточная. Жестокая воздушная война, ведущаяся англо-американцами, доказывает зверство западного врага и делает ясным, что все его примирительные речи служат целям обмана, чтобы парализовать нашу борьбу за право на жизнь. Наша задача — постоянно указывать, что Черчилль и Рузвельт в такой же мере, как и Сталин, безжалостно и беззастенчиво осуществили бы свои планы уничтожения немецкого народа, если бы он когда-либо **поддался** этому и подчинился вражескому игу». (...)

Фюрер вполне согласен с моими указаниями. Он убежден, что мне удалось направить нашу политику в отношении прессы в правильное русло. (...)

От Бормана исходит новая волна всяких указаний и распоряжений. Он превратил Партийную канцелярию в бумажную канцелярию. Каждый день рассылает целую гору писем и **различных** документов, которые сегодня ни один находящийся в гуще борьбы

дауляйтер даже и прочитать не может. В большинстве своем все это — бесполезный хлам, совершенно неприменимый для практической борьбы. В партии нам тоже не хватает четкого, стоящего в гуще народа руководства. (...)

На Западе сейчас, и по мнению фюрера тоже, решается исход войны. Фюрер неустанно толкает генералитет на сопротивление и не оставляет неиспользованным ни одного средства, чтобы бросить на Запад все свободные войска. Он почти ежедневно говорит по телефону с каждым командующим армией, разъясняя ему, что стоит на карте и каковы его долг и обязанность. По моему разумению, было бы еще лучше, если бы фюрер обратился с речью непосредственно к народу, ибо отсюда практически и исходит сопротивление в своей первоизданной форме. (...) Сегодня у народа, как и у сражающегося вермахта, нет зажигательного лозунга, который увлек бы за собой и мужчин, и женщин. Этот зажигательный лозунг может, судя по положению вещей, дать только фюрер. А потому генералы неправильно считают, что вместо фюрера должен выступить я.

Ситуация такова, что только слово фюрера может устранить тот душевный кризис, в котором сейчас живет народ. А то, что фюрер не выступает, я считаю огромным уроном. Пусть у нас в данный момент и нет никакого успеха, который можно использовать; все равно фюрер мог бы произнести это слово, ибо следует выступать не только при успехах, но и при неудачах. В настоящее время требовать от фюрера решений очень тяжело. Он занят почти исключительно положением на Западе и ни для чего иного времени не имеет. Но если нам все-таки удастся изменить ситуацию на Западе, то тем самым он совершит решающее исход войны деяние. (...)

При обсуждении обстановки в этот вторник фюрер больше не ругает генералов. Он прилагает все усилия вновь увлечь за собой своих военных сотрудников, влить в них мужество и внушить им веру в дальнейший ход событий. Он проповедует неустанную борьбу и стойкость в сопротивлении, такую же, как я — в нашем «Вервольфе». Мои ежедневные указания прессе тоже должны показать генералитету, как следует решать такую задачу. Фюрер весьма доволен моей работой по «Вервольфу». Он говорит, что в таком положении надо делать все, чтобы не дать народу впасть в отчаяние. (...)

8 апреля 1945 г. Воскресенье.

(...) Получил от Боле* сообщение об активных действиях министерства иностранных дел в нейтральных странах. Министерство начало проявлять активность как в Швейцарии и Швеции, так и в Испании. Результаты довольно убийственные. С Англией в настоящий момент вообще каши не сваришь. Британская политика

* Руководитель Заграничной организации НСДАП. *Примеч. сост.*

под руководством Черчилля совершенно непримирима, ибо он однажды втемяшил себе в голову мысль разрушить Германский рейх и уничтожить немецкий народ. Тут, по моему разумению, нам не открывается даже малейшей лазейки. (...) Рузвельт не столь недоступен, как Черчилль, но, разумеется, требуется еще ряд предпосылок, чтобы вступить с США в разговор.

Наиболее эффективным оказался зондаж в отношении Советского Союза. Однако тот требует Восточную Пруссию, что, ясное дело, является требованием невыполнимым. Министерство иностранных дел оперировало на этих переговорах довольно неуклюже. Оно пользовалось средствами рутинной дипломатии, которые совершенно непригодны для того, чтобы разъяснить вражескому лагерю национал-социалистическую позицию. Но чего иного можно ожидать от министерства иностранных дел! Риббентроп публикует в газетах свои фотографии, на которых он фигурирует в окопах Восточного фронта. Каждый, кто видит эти снимки, приходит к выводу, что у германского министра иностранных дел есть дела и поважнее, чем без толку болтаться на Восточном фронте.

Вообще же можно констатировать, что в Лондоне обеспокоены имперской политикой Кремля гораздо сильнее, чем в Вашингтоне. В Лондоне заявляют уже, что перспективы будущего мира были бы ужасны, если Кремль решится эту политику продолжать. Военные успехи оказались бы этим перечеркнуты, полностью отодвинуты на второй план. Но эти соображения Лондона, по крайней мере пока, нейтрализованы в Вашингтоне тем ловким шахматным ходом, который Сталин предпринял в отношении Токио. Японцам стало совершенно ясно, что японо-советский договор о нейтралитете действует еще до апреля 1946 г., но это — дешевое утешение.

В остальном же советская пресса в данный момент резко выступает против слухов насчет переговоров о сепаратном мире — между Москвой и Берлином. Но эти разглашательства куда мягче, чем можно было бы предположить. Сталин и здесь хочет держать двери открытыми. (...)

На Востоке критический пункт — в районе Вены. Противник уже пробился до границы города. (...)

Фюреру приходится тратить невероятные нервные силы, чтобы держаться в этой сверхкритической ситуации. Но у меня все-таки есть надежда, что с нею удастся справиться. Ведь он всегда умел с присущим ему спокойствием дожидаться своего момента. (...) Когда же такой момент пришел, он хватает его обеими руками.

9 апреля 1945 г. Понедельник.

Центр тяжести на Востоке — сильные атаки противника в районе Вены и под Кёнигсбергом. (...)

В Лондоне можно констатировать большой поворот в настроении, причем там уже не говорят о непосредственно **предстоящем** конце войны, а готовятся к дальнейшему продолжению **военных** операций. Жестокое пробуждение от пасхальных иллюзий, **когда**

со дня на день ожидали германской капитуляции. (...) Теперь для разгрома Германского рейха там опять дают себе срок в три месяца. Думаю, что этим неоднократно повторявшимся установлением сроков английское руководство очень недоволено. Там видят, что такая близорукая пропаганда на долгий срок себя не оправдывает. (...)

Печальное известие получено через Юнайтед Пресс из Мюльхаузена в Тюрингии. Там в Зальцбергских копиях находился весь наш золотой запас весом в сотни тонн, а к тому же невероятные художественные ценности, в частности Нефертити. Все это попало в руки американцев. Я всегда выступал против того, чтобы золото и сокровища искусства были вывезены из Берлина, но Функ, несмотря на мои возражения, не нашел ничего лучшего, как сделать это. Вероятно, его уговорили собственные сотрудники, которые наверняка предпочли под этим предлогом смыться в более спокойную провинцию Тюрингия, чем оставаться в Берлине. И теперь они, преступно нарушив свои должностные обязанности, отдали бесценные сокровища искусства, принадлежащие немецкому народу, в руки врага. (...)

Из всех сообщений можно понять, что во вражеской коалиции один боится другого, но самый сильный страх и наибольшее недоверие там испытывают к Сталину. (...)

Важнейшие для нашего продовольственного снабжения и для нашего вооружения области нами потеряны. Фюрер должен как можно скорее начать наше наступление в Тюрингии, чтобы мы вообще смогли перевести дыхание. Но сегодня при тех силах, которые еще имеются в нашем распоряжении, дышать свободно нам осталось уже недолго. (...)

(На дате 10 апреля дневниковые записи, содержащиеся в цитируемом немецком издании, обрываются.)

Из книги: *Joseph Goebbels. Tagebücher 1945. Die letzte Aufzeichnungen. Einführung Rolf Hochhuth. Hoffmann und Campe. Hamburg, 1974.*

На русском языке впервые опубликовано составителем в газете «Вечерний клуб» от 27 июня 1992 г., а также в журнале «Новая и новейшая история», 1992, № 5

ВИЛЬГЕЛЬМ КЕЙТЕЛЬ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРИ АДОЛЬФЕ ГИТЛЕРЕ*

(Из воспоминаний)

Как один из немногих, кто пережил эту драму внутри и вне Имперской канцелярии в апреле 1945 г. и остался в живых, я хочу изложить здесь некоторые воспоминания об этом, начиная с 20 апреля — последнего дня рождения Гитлера.

Берлин и восточные кварталы города уже находились под одиночным огнем русских дальнобойных орудий. Над восточной его частью кружили отдельные вражеские бомбардировщики и разведчики, и число их с наступлением темноты и в ночное время увеличивалось. Однако наши зенитные батареи на башенных установках удерживали их на почтительном расстоянии. Наряду с уничтожением воздушных целей они корректируемым огнем вели борьбу с русскими дальнобойными батареями и заставляли их быстро замолкать. В этих окраинных городских районах восточного Берлина уже начались бои, после того как позиции 9-й армии под командованием генерала Буссе были прорваны у Франкфурта-на-Одере и Кюстрина, а оборона по Одере пала.

Начальник ОКВ и начальник штаба оперативного руководства вермахта [Йодль] вместе с небольшим числом сотрудников штаба все еще работали на построенном уже в 1936 г. военным министром фон Бломбергом командном пункте в Далеме [улица Фюренвег]. Сам же штаб оперативного руководства размещался в бункерном лагере ОКХ в Вюнсдорфе [Цоссен], будучи теперь объединен [с генеральным штабом сухопутных войск]. Йодль и я имели там и свои запасные квартиры в доме боксера Шмелинга** на Фюренвег, 16.

20 апреля около полудня был совершен последний массированный налет английской и американской авиации на центр города [правительственный квартал] Берлина. Вместе с моей женой, г-ном Дёницем и г-жой Дёниц, а также адъютантами мы наблюдали за этим впечатляюще-жутким зрелищем с небольшого при-

* Публикуемые далее записи о последних неделях войны Кейтель сделал между вынесением ему смертного приговора 1 октября и приведением его в исполнение 16 октября 1946 г. *Примеч. сост.*

** Макс Шмелинг — чемпион мира по боксу во всех весовых категориях 1930—1932 гг. Здесь и далее все неоговоренные сноски принадлежат немецкому издателю Вальтеру Герлицу.

порка в саду служебной квартиры гросс-адмирала, который **прошлой** ночью из-за угрозы русских его командному пункту «**Коралл**» [район Эберсвальде] вернулся в Берлин. При этой **последней** крупной бомбежке в ясный солнечный день в уже **сильно поврежденную** Имперскую канцелярию попаданий не было; **некоторые** эскадры истребителей, предназначенные для отражения **налета**, в бой над Берлином не вступили, зенитные орудия ввиду **большой** высоты полета бомбардировщиков оказались **неэффективными**. Воздушный налет, продолжавшийся почти два часа, **прошел** словно на учениях мирного времени: боевой порядок **самолетов** сохранялся педантичным образом, а бомбы сбрасывались **точно** по команде.

С четырех часов дня я находился в Имперской канцелярии, куда был вызван в бункер фюрера для доклада обстановки. Когда мы с Йодлем вошли, то увидели, что фюрер в сопровождении Геббельса и Гимmlера направляется наверх, в дневные помещения Имперской канцелярии. (...) Мне сказали, что там построили членов «Гитлерюгенд», отличившихся в несении службы ПВО при авиационных налетах, и фюрер сейчас вручит им награды за храбрость, в том числе несколько Железных крестов. По возвращении фюрера в бункер Геринг, Дёниц, я и Йодль были в выше-названном порядке приглашены поодиночке в небольшое жилое помещение рядом с отсеком для доклада обстановки. Со всеми остальными участниками обсуждения фюрер поздоровался за руку при входе в предназначенное для оперативных совещаний помещение; при этом о дне его рождения не упоминалось.

Стоя один перед фюрером, я почувствовал, что не в состоянии произнести ни слова. Я сказал только: то, что Провидение столь милостиво пощадило его при покушении 20 июля [1944 г.], и то, что сегодня, в день своего рождения, в эти самые серьезные дни, когда существованию созданного им рейха грозит величайшая опасность, он все еще держит руководство в своих руках, — все это дает нам уверенность, что он примет неотложные решения. Мое мнение: он должен действовать, не дожидаясь, пока столица рейха станет полем битвы. Я хотел продолжать, но он перебил меня: «Кейтель, я знаю, что я хочу, я буду сражаться перед Берлином, в нем самом или позади него!» Он явно разгадал мою попытку возразить против этой идеи (дальнейшего пребывания Гитлера в Берлине. — *Сост.*), которую я воспринял как девиз. Он протянул мне руку и со словами: «Благодарю Вас, позовите ко мне Йодля, мы еще поговорим потом!» — отпустил меня.

Доклады обстановки [от ОКХ] генерала Кребса* о Восточном фронте и [от ОКВ] Йодля об остальных театрах войны протекали, как обычно, в угнетавшей тесноте бункерного отсека. Затем вместе

* Ганс Кребс, генерал пехоты, исполнял обязанности начальника генерального штаба сухопутных войск с 29 марта по 30 апреля 1945 г. Самоубийство или смерть в советском плену в мае 1945 г. (?)

со мной в жилое помещение вошел Геринг и заговорил о намерении перенести свой командный пункт «Курфюрст» в Берхтесга*! ден, так как Каринхалль* находится под сильной угрозой, \$ командный пункт штаба оперативного руководства люфтваффе «Кристалл» уже не раз лишался связи. Сделать это было самое время, ибо пока еще надежно удерживалось всего одно большое; шоссе Галле — Лейпциг, ведущее на юг. Я посоветовал Герингу) поступить именно так и попросил у него разрешения со своей; стороны предложить фюреру перенести и его командный пункт в Берхтесгаден.

Моя инициатива объяснялась прежде всего сложившейся у меня в то время твердой уверенностью, что фюрер со штабом оперативного руководства вермахта — как это было предусмотрено субординацией в отдаче приказов — тоже перенесет Верховное, главнокомандование в Берхтесгаден, но либо сделает это, когда положение на подступах к Берлину станет более или менее прочным, либо в случае необходимости вылетит ночью. Самолеты для этого были постоянно наготове. Все в Берлине, что не являлось безусловно необходимым для ставки фюрера, было уже отправлено в Берхтесгаден по железной дороге [специальным составом] и автотранспортом. То же самое относилось к ОКХ и ОКВ, которые были разделены на два командных звена — «Север» (для Дёница) и «Юг» — в Берхтесгадене. В северном районе командование всеми тремя составными частями вооруженных сил должен был принять на себя Дёниц, как только в результате военного взаимодействия американцев и русских южнее Берлина Средняя и Южная Германия окажутся отрезанными от Северной. Приказы на сей счет отдал лично Гитлер, сам намереваясь находиться в южном районе и командовать оттуда, поддерживая связь с Дёницем по радио.

20 апреля, когда мы возвращались в Дале, я сообщил Йодлю свое решение заранее отправить 21-го самолетом все, без чего можно обойтись, поскольку мой специальный поезд выехал туда еще 18 апреля. Под командой моего адъютанта [майора] Шимонского мой личный самолет (среди улетающих были также генерал Винтер**, д-р Леман, фрау Йодль и моя жена) вылетел в Прагу, откуда пассажиры на ожидавших их автомашинах отправились в Берхтесгаден. Вечером самолет, вернувшийся в Берлин на аэродром Темпельгоф, снова находился в моем распоряжении. Все это вызвало у нас чувство облегчения и служило подготовкой к предстоящему вскоре перемещению ставки фюрера в Берхтесгаден, которое, во всяком случае тогда, не подвергалось никакому сомнению.

21 апреля у фюрера для личного доклада об обстановке побывал генерал-полковник Шёрнер***, командовавший сильнейшей и

* Загородная резиденция рейхсмаршала Геринга в Шорнхайде.

** Пауль Винтер — начальник Центрального управления ОКВ.

*** Фердинанд Шёрнер, с 1 марта 1945 г. — генерал-фельдмаршал, командовал группой армий «Центр» (прежде группа армий «А») с 25 января по 8 мая 1945 г.

«**рупнейшей** группой армий Восточного фронта, растянувшейся от Карпат почти до Франкфурта-на-Одере. Беседа проходила с **глазу на глаз**. Когда **я** во второй половине дня входил в бункер фюрера, Шёрнер как раз прощался с ним. Фюрер, явно испытывая от этой беседы облегчение, бросил несколько обнадеживающих **реплик**, которые тот подхватил, и призвал нас обоих пожелать **счастья** самому молодому фельдмаршалу.

Во время доклада обстановки мне стало ясно, что Шёрнер явно **вселил** в фюрера доверие к своей группе армий и к себе как командующему и что Гитлер, словно утопающий, ухватился за эту соломинку, хотя это был, если брать в целом, лишь один ограниченный участок фронта, который еще не потерял способности к сопротивлению. На Западе и в Италии дело выглядело безнадёжным; русские стояли под Берлином.

Настроение фюрера поднялось в дальнейшем еще раз, когда совершенно неожиданно для нас к нему явился генерал Венк* (которого фюрер назначил командующим вновь созданной 12-й армией), чтобы доложить состояние своих дивизий, свои оперативные намерения и график своего внезапного удара по действовавшим в Гарце и продвигавшимся к Эльбе войскам американцев. Поскольку генерал Венк попал в американский плен живым, я хочу, ибо не имею здесь ни карт, ни документов, предоставить ему самому описать свою задачу и свои намерения. Фюрер особенно высоко ценил Венка как энергичного и осмотрительного офицера генштаба, когда узнал его; он являлся ближайшим сотрудником начальника генерального штаба сухопутных войск Гудериана**, его правой рукой и постоянным представителем и был лично избран фюрером для назначения на должность командующего 12-й армией. Ей предписывалось своими действиями добиться решающего поворота в положении немецких войск между Среднегерманскими горами и Эльбой, разбить считавшегося слабым врага в районе Магдебург — Люнебург — Брауншвейг и соединиться с танковой группой, которая форсировала Эльбу южнее Люнебурга и вела бои в районе Юльцена.

Ввиду формирования импровизированных соединений, разнообразия ситуаций, повсюду сковывавших наши силы, а также слабостью укомплектованности армии частями я оптимизма фюрера и генерала Венка не разделял. Я был убежден, что и сам Венк честно не верил в большее, чем, в лучшем случае, местный успех,

* Вальтер Венк, генерал танковых войск, начальник оперативного отдела, а затем «командной группы» ОКХ с 21 июля 1944 г. по 18 февраля 1945 г.; с 10 апреля 1945 г. — командующий вновь образованной 12-й армией.

** Гейнц Гудериан, генерал-полковник, являлся начальником генерального штаба сухопутных войск с 21 июля 1944 г. по 23 марта 1945 г., а затем после острых конфликтов с Гитлером был смещен. В своих «Воспоминаниях солдата» упоминает о том, что Кейтель посоветовал ему для восстановления здоровья, как это приказал Гитлер, отправиться в Бад-Либенштейн. Гудериан сухо ответил, что там уже находятся американцы. Кейтель ответил: «Ну что ж, тогда в Бад-Захса в Гарце!»

не говоря уже о воздействии на ход всей операции. Но и тогда самообман Гитлера, которому тот явно предавался, стимулировался генералами, пользовавшимися его доверием, и вселял роковые надежды. Только тот, кто, как я, сотни раз был свидетелем, сколь немногие из высоких чинов отваживались в таких ситуациях открыто возражать фюреру и говорить ему, что они думали и что считали возможным, имеет право отвергнуть любое брошенное его окружению обвинение в бессилии.

Йодль и я, как обычно, возвращаясь к себе в моей автомашине после доклада обстановки, удивлялись, насколько полным надежд кажется фюрер и с какой уверенностью говорит он о положении дел. Видно, Шёрнер и Венк вдохнули в него жизнь. Или он и впрямь не видел всей безнадежности положения? Нет, он видел, но не хотел признавать!

23 апреля мы снова в привычное время явились для доклада. Я сразу почувствовал, что настроение Гитлера изменилось, словно нависли свинцовые облака. Лицо его было изжелта-серым и совершенно застывшим. Он был крайне нервозен, мысли его временами блуждали где-то далеко, и он дважды выходил в расположенное рядом личное помещение. Генерал Кребс (ставший вместо генерала Венка представителем отправленного в отпуск несколькими неделями раньше начальника генерального штаба Гудериана. — *Сост.*) еще в полдень, в наше отсутствие, доложил фюреру положение на Восточном фронте и сообщил об обострении событий в Берлине.

Теперь бои шли не только в восточных предместьях Берлина; русские после разгрома 9-й армии южнее Берлина уже достигли района Ютербога, в результате чего под непосредственной угрозой оказался крупнейший, центральный склад боеприпасов сухопутных войск; приходилось считаться с возможностью его потери. Но давление противника стало заметно и в северных пригородах Берлина, хотя по обе стороны Эберсвальде Восточный фронт под командованием генерал-полковника Хайнрици* еще держался. Обо всем этом Йодль и я подробно узнали только в Имперской канцелярии. Комендант Берлина** в полдень получил лично от фюрера приказы об обороне и обеспечении внутренних районов города, а также правительственного квартала.

Йодль сократил свой доклад насколько было можно. Группа армий «Запад»*** уже была оттеснена из Западной Германии до

* Готтхардт Хайнрици, генерал-полковник, командующий группой армий «Висла», действовавшей в районе севернее Берлина до побережья Балтийского моря в Померании.

** Военным комендантом Берлина 22 апреля 1945 г. еще являлся генерал-лейтенант Райман. Комендантом внутренней части города в эти дни был 30-летний, произведенный прямо из подполковников в генерал-майоры, генерал Эрих Беренфенгер, бывший высокий чин «Гитлерюгенд», который вскоре был убит. Кто именно подразумевается здесь, не вполне ясно.

*** Имеются в виду соединения генерал-фельдмаршала Кессельринга.

самого сердца Тюрингии (бои шли в Веймаре, Готе, Швайнефурте и т. Д.), а на севере — к Эльбе и в район южнее Гамбурга.

Я попросил о беседе с фюрером в присутствии Йодля. Должно же быть наконец принято какое-то решение: или предложение о **капитуляции**, прежде чем Берлин станет полем боя за каждый дом, или же вылет [фюрера] ночью в Берхтесгаден, чтобы оттуда немедленно начать переговоры! Я попросил всех удалиться из помещения, где проходило обсуждение обстановки, и остался наедине с фюрером, так как Йодля вызвали к телефону. Как это часто бывало, Гитлер не дал мне произнести и двух слов. Он сказал примерно следующее:

— Заранее знаю, что вы хотите сказать: сейчас должно быть принято окончательное решение! Это решение я уже принял: из Берлина я не уйду; я буду защищать город до последнего. Или я прикажу вести эту битву за столицу рейха — пусть только Венк снимет с моей глотки американцев и прогонит их за Эльбу! — или же вместе с моими солдатами погибну в Берлине, паду в бою за символ рейха.

Я возразил:

— Это безумие! В такой ситуации я должен потребовать вылета фюрера сегодня же ночью в Берхтесгаден, чтобы обеспечить руководство рейхом и вермахтом, а в Берлине, если связь будет оборвана, что может произойти каждую минуту, сделать это невозможно.

Фюрер заявил:

— Ничто не мешает вам немедленно вылететь в Берхтесгаден, я даже приказываю вам сделать это. Но сам я останусь в Берлине! Час назад я по радио сообщил об этом немецкому народу и столице рейха. Отступить от этого я не могу.

В этот момент вошел Йодль. В его присутствии я заявил, что ни в коем случае в Берхтесгаден без него [Гитлера] не полечу, об этом, не может быть и речи! Дело теперь идет не об обороне или потере Берлина, а о командовании всем вермахтом и всеми фронтами, которое отсюда, из Имперской канцелярии, при ухудшении положения столицы рейха, обеспечить уже невозможно. Йодль энергично поддержал меня: линии связи с югом будут полностью нарушены, большой кабель в Тюрингском лесу уже перерезан, командование группами армий Шёрнера, Рендулича, на Балканах, в Италии и на Западе* можно считать прекращенным, так как одной радиосвязи недостаточно. Необходимо немедленно разделить командные функции, а фюреру, как это предусмотрено, сохранить в своих руках руководство из Берхтесгадена.

* Имеются в виду группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Шёрнер), «Юг» (генерал-полковник Лотар Рендулич), «Юго-Восток», или «F» (генерал-лейтенант Александр Лёр), действовавшая на Балканах, то есть практически в северо-восточной Хорватии, «Юго-Запад», или «С» (генерал-полковник фон ВиттИнгофф-Шеель), и «Запад» (генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг).

Фюрер вызвал к себе Бормана* и повторил всем нам троими приказ: в ту же ночь вылететь в Берхтесгаден; там я должен вместе с Герингом, как его представителем, взять на себя командование. Все мы трое заявили, что сделать это отказываемся. Я сказал:

— За все эти семь лет не было такого случая, чтобы я отказался выполнить ваш приказ, но этот приказ я не выполню ни в коем случае! Вы не можете и не смеете бросать вермахт на произвол судьбы, тем более в таком положении.

Ответ был таков:

— Я остаюсь здесь, это твердо! Я намеренно без вашего ведома связал себя публичным заявлением. Теперь же надо вести переговоры с врагами, а Геринг и так может это сделать лучше меня. Или я выиграю битву за Берлин, или погибну в Берлине. Решение мое бесповоротно.

Поскольку я видел, что продолжение разговора с Гитлером при том душевном состоянии, в каком он тогда находился, бессмысленно, я заявил, что немедленно выезжаю прямо из Имперской канцелярии на фронт к генералу Венку и, отменив все прежние приказы о его операциях, прикажу ему двигаться на Берлин и соединиться с действующими южнее города частями 9-й армии. Завтра же в полдень я доложу ему [Гитлеру] о положении и мерах Венка, а там посмотрим. Фюрер сразу одобрил это решение: для него оно явно послужило неким выходом из того прямо-таки ужасающего положения, в которое он поставил себя и всех нас.

По его приказу мне выдали достаточное количество продовольствия. Перед выездом, за тарелкой горохового супа, я обсудил с Йодлем прочие надлежащие меры. Он предложил мне принять все подготовительные меры на тот случай, если фюрер действительно будет держаться своего только что поведенного нам в столь возбужденном состоянии решения. Мы пришли к единому мнению, что из бункера фюрера в Имперской канцелярии командовать невозможно и потому мы хотя и не отправимся в Берхтесгаден и тем самым не покинем фюрера и не потеряем связь с ним, ни в коем случае сами в Имперской канцелярии и в Берлине не останемся и не допустим потери нашей связи с фронтами.

Исходя из этого, я уполномочил Йодля распорядиться, чтобы предназначенное для Берхтесгадена командное звено ОКВ и ОКХ немедленно перебросило туда свою оставшуюся часть во главе с генерал-лейтенантом Винтером** и обеспечило там командование южным участком. Командование же «Север» еще сегодня вечером пусть передислоцируется в казарму Крампниц около Потсдама,

* После попытки прорваться из Берлина считался пропавшим без вести или погибшим. *Примеч. сост.*

** Август Винтер, генерал-лейтенант, в конце войны генерал горнострелковых войск. С ноября 1944 г. — заместитель начальника штаба оперативного руководства вермахта, принявший этот пост от генерала Варлимонта. С 24 апреля 1945 г. до капитуляции 8 мая 1945 г. — начальник штаба оперативного руководства «Юг».

там надлежит расположиться и нам обоим с нашим самым узким окружением. Вплоть до дальнейшего распоряжения общее командование во главе с самим фюрером должно находиться здесь, подерживая постоянную связь с Имперской канцелярией и, как и прежде, ежедневно докладывая обстановку. Тем самым еще оставался открытым путь для предусмотренного окончательного решения, ибо оба мы твердо решили: чего бы нам это ни стоило, отратить фюрера от его безумной идеи предполагаемой гибели в Берлине. Йодль взялся известить генерала Венка, предположительно по радио, о моем прибытии к нему и намеченном приказе. На этом мы расстались.

Я выехал прямо из Имперской канцелярии, меня сопровождал мой офицер генерального штаба майор Шоттман, за рулем сидел мой никогда не падавший духом водитель Мёнх. После долгих блужданий в Науэн-Бранденбурге, который в результате недавней бомбежки превратился в груды развалин, преграждавших прямой путь в штаб Венка, я незадолго до полуночи приехал к нему. Он со своим штабом располагался в одиноко стоявшем лесном особнячке. (...)

Оставшись наедине с Венком, я откровенно рассказал ему о той ситуации, которая возникла во второй половине дня в Имперской канцелярии, и разъяснил, что моя последняя надежда вызволить фюрера из Берлина целиком и полностью зависит от удачи его прорыва на Берлин и соединения с 9-й армией. Речь идет теперь о том, чтобы удалить фюрера из Имперской канцелярии — даже силой, если все-таки не удастся образумить его, а на это я после безрезультатного разговора прошлым вечером уже не рассчитываю.

Венк позвал своего начальника штаба, я по карте показал обстановку вокруг Берлина, известную мне на вчерашний день, а затем я оставил их вдвоем. Пока я ужинал, Венк продиктовал свой новый приказ по армии, копию которого я забрал для фюрера. Примерно через час я с приказом Венка в полевой сумке выехал с намерением на обратном пути завезти его приказ [командиру 20-го армейского корпуса] генералу Кёлеру, лично дать ему указания, а также в течение ночи побывать еще и в его дивизиях. Я хотел, используя личное влияние, внушить всем командирам сознание важности их задачи, разъяснить им, что она в конечном счете решает наши судьбы. Венк был единственным, кому я доверил мою самую сокровенную мысль — намерение вызволить фюрера, прежде чем судьба столицы рейха будет решена окончательно и бесповоротно.

Едва рассвело, я после трудных поисков приехал на командный пункт самой передовой дивизии, уже давшей приказ наступать на основе нового положения и намерений. Командира дивизии я обнаружил далеко позади, в населенном пункте, между тем как шум боя уже доносился издалека. Я потребовал, чтобы он немедленно отправился в самый передовой полк и лично воздействовал

на войска; кроме того, я хотел сам переговорить с командирами полков. Это была дивизия, недавно сформированная из Имперской трудовой службы и ее командного состава. Естественно, войско это было необстрелянное, хотя и командиры, и рядовые были полны решимости сражаться. (...)

На обратном пути в Крампниц я еще накоротке посетил командный пункт генерала Хольсте*, корпусу которого было приказано не допустить перехода американцами Эльбы. Я обрисовал Хольсте, моему старому сослуживцу по 6-му артиллерийскому полку, пробивную силу и активность которого я знал, обстановку и разъяснил ему важность его задачи. Ее выполнение послужило бы предпосылкой успеха действий 12-й армии, которой я его подчинил. Хольсте выразил полную уверенность в успехе, так как на основе донесений и разведок своих частей был убежден, что американцы еще не приняли никаких мер для продвижения через Эльбу на восток.

Около 11 часов утра я, смертельно усталый, прибыл в Крампниц и после беседы с Йодлем попросил приема у фюрера в Имперской канцелярии для доклада. Нам было приказано явиться в 14.00, так что я еще успел часа два поспать.

Я нашел фюрера, в противоположность прошлому вечеру, очень спокойным, и это вселило в меня новую надежду побудить его прислушаться к голосу разума и отказаться от своего злосчастного решения. Сначала генерал Кребс доложил обстановку на Востоке, которая несколько ухудшилась, а Йодль — на остальных фронтах. Затем я в узком кругу (присутствовали только Йодль и Кребс) рассказал о моей поездке на фронт. Прежде всего я вручил фюреру приказ Венка по [12-й] армии, который он внимательно прочел и оставил у себя. Хотя никаких замечаний он не высказал, у меня сложилось впечатление, что фюрер вполне удовлетворен. Я сообщил все подробности моих совещаний с командирами частей и соединений и обрисовал впечатление, полученное на месте. В это время поступило донесение о продолжавшемся наступлении корпуса Келера в общем направлении на северо-восток (Потсдам). Фюрер спросил, установлена ли уже связь с 9-й армией, но ответить на этот вопрос я не смог. **Не** имел сведений от 9-й армии и генерал Кребс, хотя радиостанция в Имперской канцелярии прослушивала все ее радиogramмы. Кребс получил приказ вновь потребовать от 9-й армии установить взаимодействие с 12-й армией и разбить вражеские силы, **действующие в** полосе между обеими этими армиями.

В заключение я снова попросил фюрера о беседе тет-а-тет. Однако фюрер пожелал, чтобы присутствовали Йодль и Кребс. Причина стала мне ясна сразу: он хотел укрепиться в своем решении перед свидетелями. Мою новую попытку побудить его **оставить**

* Речь идет о командире 31-го танкового корпуса генерал-лейтенанте Рудольфе Хольсте.

Берлин фюрер категорически отверг. Но обсуждение на сей раз шло совершенно спокойно. Он заявил, что именно его присутствие в Берлине и сознание этого побудит войска держаться до последнего и удержит население от паники. К сожалению, это предположение успеха уже начатых операций по деблокированию [Берлина] и успешных боев за город. Лишь одно доверие к нему — вот что дает вообще какой-то шанс на все еще возможный успех, а потому эту борьбу за Берлин он поведет до конца лично сам. Восточную Пруссию удерживали только до тех пор, пока его ставка все еще находилась в Растенбурге, а когда он больше не смог поддерживать боевой дух войск своим личным присутствием, фронт был там прорван. Так получится и с Берлином, а потому он своего решения не изменит и своего обещания армии и населению не нарушит.

Все это было высказано с большой твердостью и без какого-либо видимого возбуждения. Затем он велел мне в тот же вечер снова выехать на фронт к Венку, Хольсте и др., чтобы ориентировать командиров на это и сказать им: фюрер ждет от вас защиты Берлина и своего освобождения. Он молча протянул мне руку, и мы вышли.

Мне все-таки удалось вскоре найти предлог еще раз поговорить с фюрером наедине. Я сказал ему, что наши (мои и Йодля) персональные контакты с ним могут каждую минуту оборваться, если русские с севера перережут связь между Крампницем и Берлином. Я хочу узнать, начал ли он переговоры с вражескими державами и кто именно будет их вести. Сначала он заявил, что о капитуляции говорить еще рано, а потом стал объяснять, что переговоры можно вести только тогда, когда будет достигнут какой-то успех, в данном случае в Берлине. Я этим не удовлетворился, и тогда он сказал, что уже довольно давно разрешил вести переговоры с Англией в отношении Италии и еще сегодня даст Риббентропу указание насчет дальнейших шагов* в этом вопросе. Тогда я сказал, что по возвращении с фронта снова доложу ему обстановку. Затем я попрощался, не предчувствуя, что это — наша последняя встреча.

Вместе с Йодлем я вернулся в Крампниц. По дороге мы откровенно говорили о том, что нельзя больше мириться с таким положением вещей и мы должны выгнать фюрера из бункера в Им-

* На самом деле — чистейшая ложь Гитлера. Об этой сцене в ночь с 20 на 21 апреля известно следующее. Посол Хевель, представитель министра иностранных дел Риббентропа, спрашивает Гитлера о приказах его министру. Гитлер отрицательно качает головой. *Хевель*: «Мой фюрер, до последнего удара часов остается всего пять секунд. Если вы еще желаете достигнуть чего-либо при помощи политики, то теперь — крайний срок». *Гитлер*: «Политика? Я больше никакой политики не делаю! Меня от нее тошнит! Когда я буду мертв, вам еще достаточно придется заниматься политикой». О переговорах с Англией в отношении Италии речь не заходила. Напротив, высший чин СС и полиции в Италии обергруппенфюрер СС Вольф начал переговоры с американской контрразведкой в Швейцарии на собственный страх и риск. Узнав об этом, Гитлер 19 апреля 1945 г. запретил Вольфу продолжать их.

перской канцелярии, возможно, даже силой, а потому необходимо предусмотреть и это. Йодль сказал, что, хотя он такой мысли вслух и не высказывал, она и ему пришла в голову еще вчера. Сегодня в бункере Имперской канцелярии он обдумал, как ее осуществить. Но план этот совершенно бесперспективен из-за сильной эсэсовской охраны и преданного Гитлеру окружения в лице Службы безопасности, а без их содействия любая попытка сорвется. Против нас окажутся и такие люди, как генерал Бургдорф*, военные адъютанты, Борман, адъютанты СС. Мы от этой мысли отказались.

К тому же Йодль полагал, что нам надо подождать результатов акции Геринга. 24 апреля вечером он во всех подробностях проинформировал начальника генерального штаба ВВС генерала Коллера о событиях, произошедших в Имперской канцелярии во второй половине дня, а также о решении фюрера остаться в Берлине и либо победить, либо погибнуть там и послал его к Герингу в Берхтесгаден, чтобы как можно быстрее сообщить тому о приближающейся катастрофе. Коллер утром вылетел к Герингу. Теперь только один Геринг может вмешаться и только он один призван сделать это. Само собой разумеется, я согласился с Йодлем и поблагодарил его за инициативу, о которой сам я еще не подумал.

Когда мы прибыли в Крампниц, наш общий штаб, то есть штаб оперативного руководства вермахта и Северного звена ОКХ, которое Йодль преобразовал в подчиненное ему ОКВ-«Север», как раз передислоцировался. Комендант на основании еще не проверенного сообщения о русской кавалерии, продвигавшейся на Крампниц с севера, уже приказал взорвать крупный склад боеприпасов, не имея на то приказа свыше, а также распоряжения очистить казарму. К сожалению, мне было некогда встать как следует за этого спятившего с ума господина, лишившего Берлин боеприпасов. (...) Я предоставил сделать это Йодлю, ибо мне надо было скорее уезжать, если я только хотел безопасно и быстро выехать на шоссе через Науэн, прежде чем оно будет забито нашими колоннами или даже перерезано врагом.

Генерал Венк расположил штаб своей армии значительно дальше на север в одном лесничестве [севернее Бранденбурга], куда я приехал незадолго до наступления темноты. Он попытался лично установить связь с подчиненной ему частью [танковой дивизией] «Клаузевиц» на другом берегу Эльбы, но это ему не удалось. Я настаивал на том, чтобы он целиком и полностью нацелил операцию на Берлин, и употребил для этого весь свой авторитет, ибо лишь эта операция, а отнюдь не танковый рейд на противоположный берег Эльбы решает судьбу фюрера. Здесь меня уже

* Вильгельм Бургдорф, генерал пехоты, с 1 августа 1944 г. — шеф-адъютант вермахта при Гитлере и начальник Управления личного состава сухопутных войск. Покончил самоубийством в Берлине 1 мая 1945 г. (?)

жй дала телефонограмма от Йодля: ночью ему пришлось оставить Кпампниц ввиду угрозы противника, которому, к сожалению, кроме двух танковых рот, ему в тот момент противопоставить было нечего. Поэтому он перенес штаб-квартиру ОКВ, то есть наш командный пункт, в лесной лагерь Ной-Роофен [между Рейнсбергом и Фюрстенбергом], который был оборудован средствами связи и подготовлен для Гиммлера, но находился в нашем распоряжении, поскольку не был занят им. Я, разумеется, дал согласие с условием, что будет обеспечена техническая связь также с Имперской канцелярией и будет доложено фюреру.

Мне, конечно, было ясно, что ежедневные доклады обстановки в бункере фюрера прекратятся, если враг предположительно на следующий день преградит доступ в Берлин через Крампниц. Не оставалось ничего другого, как действовать.

Еще раз со всей убедительностью разъяснив генералу Венку серьезность положения и значение его задачи — вновь открыть доступ в Берлин, а также приказав ему лично докладывать в Имперскую канцелярию и самому ориентировать фюрера, я ночью выехал в штаб корпуса генерала Хольсте, куда прибыл незадолго до полуночи. С Хольсте я обсудил его теперешнюю задачу: минимальными силами обезопасив свой тыл от американцев, которые явно отказались от форсирования Эльбы, бросить все силы на прикрытие северного фланга 12-й армии [Венка] от угрозы или воздействия со стороны русских. В то время еще имелась перспектива восстановить доступ в Берлин через Потсдам — Крампниц. (...)

Около полудня — это было уже 24 апреля — я по телефону доложил лично Гитлеру о моей последней поездке на фронт и благоприятном ходе наступления 12-й армии на Потсдам. (...) Генералу Венку с его наступающей на Потсдам группой удалось, хотя и на очень узком участке фронта, подобном острому клину, пробиться до озер южнее города. Однако у него не было резервов и дальнейшей ударной силы, ибо более крупные части его армии оказались связанными постоянно усиливавшимися боями за переправы через Эльбу севернее Виттенберга и он не мог их высвободить для наступления на Берлин и взаимодействия с 9-й армией, состоявшей из остатков войск. Для выполнения обеих этих задач 12-я армия была слишком слаба. (...)

По возвращении в наш лагерь Ной-Роофен у меня состоялся телефонный разговор с генералом Кребсом. Он сообщил мне, что Гитлер сместил Геринга со всех постов и лишил его права быть своим преемником за то, что тот попросил у фюрера полномочий на ведение переговоров с вражескими державами. 24-го из Берхтесгадена от Геринга поступила радиogramма. Фюрер был совершенно вне себя от гнева и приказал своей эсэсовской охране в Бергхофе арестовать и немедленно расстрелять Геринга. От этой вести я пришел в ужас и только и смог сказать Кребсу, что это какое-то недоразумение. Ведь фюрер сам сказал 22-го вечером в

моем присутствии: это хорошо, что Геринг в Берхтесгадене — он сможет вести переговоры лучше, чем сам он, Гитлер. Борман явно прослушивал наш телефонный разговор с Кребсом, ибо вдруг а трубке раздался его голос. «Геринг, — сказал он, — смещен еще и с поста рейхсегермайстера» (главного лесничего рейха. — Сост.). На эту циничную реплику я ничего не ответил, ибо ситуация, видит Бог, была слишком серьезна. (...)

Всю ночь я не сомкнул глаз, ибо этот шаг фюрера наглядно показал мне ужасающую атмосферу, царившую в Имперской канцелярии, и дал мне представление о разрушительном влиянии Бормана. Только он один мог быть замешан в этой грязной игре и, воспользовавшись душевным состоянием фюрера, наконец-то одержать победу в интриге против Геринга. Что произойдет, если фюрер по собственной воле — а он, кажется, к этому стремится — найдет свой конец в Берлине? Неужто он сознательно хочет в свой последний час увлечь за собой в объятия смерти и Геринга? Мое решение — в любом случае еще вечером 26-го вылететь в Берлин — осталось твердым. (...)

26 апреля около полудня к нам в лагерь Ной-Роофен прибыл гросс-адмирал Дёниц*; он радиogramмой пригласил ко мне и Гимmlера. Мы вместе обсудили положение, предварительно ознакомив обоих гостей с обстановкой. Нам было ясно: фюрер будет упорствовать в своем желании продолжать борьбу в Берлине, а потому наша задача — не бросать его в беде до тех пор, пока еще не исчерпаны все возможности вызволить его. Тот факт, что американцы еще не перешли Эльбу выше Магдебурга или, по меньшей мере, не предприняли к этому приготовлений, а также то, что фронт группы армии Шёрнера укрепился настолько, что он перебросил части с юга на свое северное крыло для противодействия окружению [Берлина] русскими, как это было приказано фюрером, позволяли считать положение, во всяком случае вокруг Берлина, еще не безнадежным, несмотря на всю его серьезность и катастрофичность в целом.

Я был полон решимости этой ночью в последний раз поставить фюрера перед альтернативой: или покинуть Берлин, или передать командование в северном районе Дёницу, а в южном — Кессельрингу, в распоряжении которого уже находился штаб ОКВ во главе с генералом Винтером [заместителем начальника штаба оперативного руководства вермахта]. Но тогда следовало дать обоим главнокомандующим полную свободу действий; так, как сейчас, дело дальше идти не могло.

Хотя я снова принял все меры для подготовки моего полета

* Гросс-адмирал Дёниц в своих воспоминаниях «Десять лет и двадцать дней» (см. с. 539 настоящего сборника. — Сост.) упоминает только о беседе 28 апреля 1945 г. с Кейтелем и Йодлем. Речь шла вообще о вопросах командования. Можно с уверенностью сказать, что это и была та беседа, которую фельдмаршал ошибочно датирует 26 апреля.

в Берлин, в последний момент от этой попытки пришлось отказаться. В эту ночь какой-либо полет в Берлин с посадкой прямо на шоссе был полностью исключен. Не только транспортные самолеты, но и истребители и разведчики поворачивали от Берлина назад; все было покрыто густой пеленой дыма, тумана и низких облаков, даже низколетающие самолеты не могли сквозь них различить Бранденбургские ворота. Пришлось отказаться от полета и только что произведенному в фельдмаршалы генерал-полковнику фон Грайму*.

В этой ситуации я по телефону предложил фюреру хотя бы разделить командование. Фюрер отклонил такую меру как необоснованную; он и не помышлять выпускать руководство из своих рук до тех пор, пока линии связи не перерезаны. Отклонил он и подчинение Восточного фронта [групп армий Шёрнера, Рендулича, Лёра] и Италии Кессельрингу — тому хватает дел и со своим Западным фронтом. Берлин он будет удерживать, пока командует здесь, сам, а я должен заботиться о снабжении боеприпасами, большего он от меня и не требует. На сей раз я воздержался от требования, чтобы он покинул Берлин; Гитлер и без того понял его, а по телефону возвращаться к этому вопросу я не решился.

После отъезда Дёница и Гимmlера** я отправился к генерал-полковнику Хайнрици — командующему группой армий «Висла»***, чтобы иметь данные о положении с обороной по Одере, которую он возглавлял от Шофхайде до Штеттина. Командование на всем этом участке фронта до тех пор находилось в руках генерала Кребса и осуществлялось из Имперской канцелярии во взаимосвязи с обороной Берлина, которая первоначально возглавлялась командованием данной группы армий, а затем была отделена и подчинена командующему войсками Берлина****. Тот получал приказы непосредственно от фюрера.

Генерал-полковник Хайнрици вот уже несколько дней настойчиво требовал подчинить ему танковую группу Штайнера и особенно корпус Хольсте, чтобы, по крайней мере, использовать их для прикрытия своего южного фланга. Генерал-полковник Йодль снова отклонил это требование, причем по совершенно понятным причинам: тогда армия Венка лишилась бы всякого прикрытия с флангов и тыла. Хайнрици и его начальник штаба генерал

* Роберт Риттер фон Грайм, генерал-полковник, командующий 6-м военно-воздушным флотом («Восток»). 26 апреля 1945 г. был доставлен в Берлин на самолете летчицей-асом Ганной Райч. Произведя его в фельдмаршалы, Гитлер назначил фон Грайма вместо Геринга главнокомандующим люфтваффе. Покончил жизнь самоубийством в мае 1945 г.

** По датировке Кейтеля — 26 апреля, фактически — 28-го.

*** 29 апреля 1945 г. его, по личному приказу Гитлера, сменил генерал пехоты Курт фон Тинпельскирх, до того командовавший 21-м армейским корпусом, переброшенным из Восточной Пруссии.

**** В эти последние дни им являлся генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг, командир 58-го танкового корпуса. В 1955 г. умер в советском плену.

[—майор] Трота доложили мне подробно о положении, значительно обострившемся в результате прорыва русских южнее Штеттина. (...) Вечером Хайнрици позвонил мне и доложил о серьезном ухудшении положения в районе прорыва. (...)

Вечером [28 апреля] с наступлением темноты я вернулся в наш лагерь. (...) Йодль считал, что положение на южном крыле, то есть севернее Берлина, значительно ухудшилось. У меня состоялся продолжительный телефонный разговор с генералом Кребсом, находившимся в Имперской канцелярии; поскольку фюрер адресовал меня к нему, поговорить с Гитлером лично я не смог*. Телефонная связь неоднократно нарушалась и прерывалась. (...) Радиосвязь с бункером фюрера, как и прежде, пока еще поддерживалась. (...)

[28 апреля] я прежде всего связался по телефону с командующим войсками Большого Берлина, который находился в Имперской канцелярии. Им оказался генерал артиллерии Вейдлинг, до того — командир корпуса на Восточном фронте в районе Кюстрина, фронт которого был там прорван. Это был тот самый генерал, на которого органы СС сделали фюреру ложный донос, будто он со своим штабом сбежал в лагерь Дебериц, в то время как его части ведут тяжелейшие бои между Одером и Берлином. Фюрер, и без того подозрительный, в приступе ярости приказал Кребсу немедленно арестовать этого генерала и по приговору военно-полевого суда расстрелять за трусость. Генерал Вейдлинг, узнав об этом, тут же бросился в Имперскую канцелярию и потребовал разговора с фюрером. Как сообщил мне по телефону генерал Кребс, разговор действительно состоялся. В результате фюрер, отстранив прежнего коменданта города, назначил Вейдлинга командующим войсками Большого Берлина с неограниченными полномочиями и выразил ему полнейшее доверие. Я упоминаю об этом эпизоде в качестве примера тех методов, какими СС подрывали доверие фюрера к армейским генералам, а он, как правило, бурно реагировал на такие подозрения, исходившие из темных эсэсовских источников информации. В данном случае благодаря решительности генерала удалось избежать чудовишной несправедливости.

Вскоре после моего разговора с Вейдлингом Йодлю удалось связаться по телефону лично с фюрером; я слушал их разговор через наушники. Фюрер был очень спокоен и деловит, снова признал правильными мои меры и после доклада Йодлем обстановки даже захотел сам поговорить со мной. Но из-за сильного треска в аппарате говорить было невозможно, и разговор прервался. Через несколько минут появился наш начальник связи и доложил, что аэростат (при помощи которого поддерживалась телефонная

* В ночь с 28 на 29 апреля 1945 г. Гитлер сошелся браком с Евой Браун и составил оба свои завещания.

связь. — *Сост.*) сбит русскими самолетами, другого не имеется, а потому телефонную связь восстановить невозможно. (...)

Мы переместились на новый командный пункт в Доббине — усадьбе известного «нефтяного короля» Детердинга. (...)

Прибыв туда около 21 часа [29 апреля], мы еще застали там Гиммлера; он собирался завтра рано утром выехать оттуда со своим штабом. (...)

На мое имя поступила радиogramма за подписью фюрера. Она содержала пять вопросов:

1. Каково положение группы армий «Висла» [прежде — Хайнрици]?

2. Как обстоит дело с наступлением танкового корпуса Штайнера?*

3. Что известно о 9-й армии** (связи с ней здесь нет)?

4. Где находится 12-я армия [Венка], когда состоится наступление через Потсдам?

5. Что делает корпус Хольсте?

За ужином я обсудил ответ с Йодлем и сам написал первый его вариант. Только после продолжительного обсуждения мы отправили свой ответ для передачи по радио.

В соответствии с истиной я, нисколько не приукрашивая, доложил о всей серьезности положения и невозможности теперь освободить Берлин. Группа армий «Висла» вследствие ее отхода настолько отвела свое южное крыло на запад, что танковый корпус Штайнера оказался вынужден прекратить наступление и во взаимодействии с Хольсте взять на себя прикрытие южных флангов северо-западнее Берлина, иначе они были бы обойдены с тыла или же отрезаны. О 9-й армии нам было известно только то, что примерно 10 тыс. человек без тяжелого оружия пробивались через леса к восточному флангу 12-й армии. Они, разумеется, не могли быть никаким подкреплением для Венка, наступление которого застряло в районе озерных протоков непосредственно у Потсдама. Под донесением я приписал: «Деблокирование Берлина и создание вновь прохода с запада более невозможно; предлагаю прорыв через Потсдам к Венку, в ином случае — вылет фюрера в южный район. Ожидаю решения».

Около полуночи ко мне в Доббин прибыл фельдмаршал фон Грайм, новый командующий военно-воздушными силами, у него была перевязана голень. 28 апреля он удачно вылетел из Берлина со своим шеф-пилотом Ганной Райч и приземлился в Рехлине. Оттуда он поехал ко мне на автомашине, чтобы проинформировать о положении в Имперской канцелярии, где пробыл у фюрера не-

* Феликс Штайнер, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС, командующий 11-й танковой армией, а затем армейской группой мобильного резерва.

** 9-я армия [командующий — генерал пехоты Теодор Буссе] обороняла линию фронта по Одере — Нейсе. Была окружена в районе Шпреевальда; отдельным частям в конечном счете удалось пробиться на запад в направлении Беелица и соединиться с 12-й армией.

сколько дней. Он сообщил мне о смещении Геринга и охарактеризовал ситуацию в Берлине как весьма серьезную, хотя фюрер был настроен уверенно и очень спокоен. У него состоялись продолжительные беседы с фюрером, но, несмотря на их старую дружбу*, ему не удалось убедить того покинуть Берлин. Он, Грайм, имеет задание установить со мной связь и обсудить обстановку. 30-го он полетит в Берхтесгаден, чтобы принять там командование люфтваффе. (...)

Моя надежда на ответ от фюрера не оправдалась, хотя получение моей радиограммы было подтверждено и ее должны были вручить фюреру. Отсутствие ответа я должен был воспринимать как отклонение последней фразы моей радиограммы.

<->

В полдень [30 апреля] мы несколькими отдельными группами отправились в штаб-квартиру, предназначенную для главного командования «Север». Она находилась в Нойштадте в военноморской казарме, где был подготовлен узел связи. Мои ожидания встретить там гросс-адмирала Дёница не оправдались — он вместе со своим ближайшим окружением разместился в офицерском доме отдыха моряков в Плёне. Я выехал туда из Нойштадта один, езды на машине было всего час.

В Плёне гросс-адмирал как раз проводил совещание с фельдмаршалом Бушем**, командующим береговым фронтом примерно (насколько я помню) от (исключительно) Киля до Голландии. Кроме Буша я увидел там Гимmlера, стремившегося установить контакт с Дёницей. Чего он, собственно, хотел, не знаю, но он явно выражал готовность к выполнению новой задачи и намеревался получить информацию о положении.

К вечеру я встретил у Дёница в Плёне и фельдмаршала фон Грайма с его шеф-пилотом Ганной Райч; он отложил на день свой вылет на юг, чтобы обсудить пожелания люфтваффе и кригсмарине. От Ганны Райч я узнал: группенфюрер СС Фегеляйн был арестован в штатской одежде в ночном ресторане***.

У меня произошел длительный разговор с Дёницей о безнадежном положении. Он показал мне радиограмму Бормана, в которой говорилось, что, согласно завещанию, фюрер назначил его

* Генерал-фельдмаршал Грайм, будучи в первую мировую войну молодым летчиком, награжденным орденом «Pour le Merite», в марте 1920 г., во время капповского путча, доставил Гитлера и нацистского поэта Дитриха Эккарта в Берлин, где они собирались войти в состав нового национального правительства.

** Генерал-фельдмаршал Буш с 15 апреля 1945 г. командовал войсками «Северо-Запад».

*** Герман Фегеляйн, группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС, представитель рейхсфюрера СС Гимmlера в ставке фюрера, муж Грете Браун, сестры Евы Браун — любовницы Гитлера, после бракосочетания фюрера — его свояк. Был расстрелян по приказу Гитлера по подозрению в попытке бежать из Берлина в штатской одежде, а также в недонесении о тайных переговорах Гимmlера в конце апреля 1945 г. с представителем шведского Красного Креста графом Бернадоттом.

своим преемником*»; само завещание уже послано гросс-адмиралу **Фельтевиш** к нему офицером. Мне сразу стало ясно, что моя радиограмма о безнадежности положения, посланная из Доббина в **ночь с 29 на 30 апреля**, развеяла последние сомнения фюрера и, **таким образом**, само завещание и предупреждение о нем Борманом **явились** ее следствием. Оба мы были убеждены в том, что в Берлине в любой момент может наступить развязка, хотя фельдмаршал фон Грайм, ознакомившийся с обстановкой и несколько **осмотревшийся в столице**, даже до вечера 28 апреля оценивал ход боев в Берлине в гораздо более благоприятном свете.

С очень большой тревогой в душе я вернулся в Нойштадт, но, **к сожалению**, уже незадолго до темноты, так как в пути меня **несколько раз задерживали** сильные авиационные налеты англичан на населенные пункты вблизи военно-морской казармы. Я серьезно **опасался**, что моя радиограмма, возможно, изобразила положение в слишком мрачных красках, а это послужило причиной **неправильных выводов**. Но в конце концов я пришел к убеждению: любое приукрашивание было бы безответственным и мое правдивое донесение являлось правильным. Йодль придерживался того же мнения, когда по возвращении я поделился с ним своими мыслями и сообщил то, что узнал от Дёница.

Еще в ночь с 30 апреля на 1 мая я был вызван Дёницей на 8 часов утра и заблаговременно выехал из Нойштадта. Дёниц сразу же принял меня наедине и показал мне две новых радиограммы:

а) от Геббельса — со списком якобы назначенного фюрером имперского правительства, «рейхсканцлером» которого должен был стать сам Геббельс. Она начиналась словами: «Фюрер скончался 30.4 в послеполуденные часы...»;

б) от Бормана — о том, что оговоренный случай произошел и тем самым Дёниц становится преемником [фюрера]**.

Итак, свершилось! Судя по тексту Геббельса, фюрер покончил жизнь самоубийством, иначе было бы сказано: «погиб», а не «скончался». Завещание, которое якобы было послано на самолете с офицером, не прибыло.

* Радиограмма Бормана: «Завещание вступило в силу» была вручена гросс-адмиралу Дёницу 1 мая 1945 г. в 10 ч 35 мин утра. (См. об этом в воспоминаниях Дёница на с. 544 настоящего сборника. — *Сост.*)

** По воспоминаниям Дёница и его адъютанта Люде-Нойрата, радиограмма. Цитируемая фельдмаршалом в пункте «б», была получена в Плене, как уже указывалось выше, в 10 ч 35 мин утра. Она была подписана Борманом, и в ней говорилось, что завещание Гитлера вступило в силу, а сам Борман попытается как можно скорее прибыть к Дёницу; до тех пор сообщение это не публиковать. Процитированная в пункте «а» и подписанная «Борман, Геббельс», радиограмма поступила 8 Плён 1 мая 1945 г. в 15 ч 18 мин. Она начиналась словами: «Фюрер скончался вчера в 15.30. Завещание от 29.4 передает Вам пост рейхспрезидента» — и содержала список членов правительства, согласно которому Геббельс должен был стать рейхсканцлером, Борман — министром по делам партии, а имперский комиссар Нидерландов Зейсс-Инкварт — министром иностранных дел.

Дёниц сразу же заявил, что как глава государства ни в коем случае не позволит навязывать себе состав кабинета. Я мог лишь поддержать эту точку зрения как совершенно справедливую. Я высказал мнение, что тут явно видна попытка Геббельса и Бормана поставить его, Дёница, перед свершившимися фактами. Ещё сегодня же во второй половине дня будут готовы обращения к немецкому народу и вермахту. Новое приведение вермахта к присяге в этой обстановке совершенно неосуществимо, а поэтому я предложил такую формулировку: присяга, данная фюреру, без всяких оговорок распространяется на Дёница как на указанного самим фюрером главу государства.

В первой половине дня снова появился Гиммлер, он имел беседу с Дёницем наедине. Мне бросилось в глаза, что в списке министров Геббельса он не назван. У меня сложилось впечатление, что он считает себя членом нового кабинета Дёница, будто это само собой разумеется. Но почему же он тогда не спрашивает, как относится к нему вермахт? Мне показалось, что он рассчитывает на пост военного министра. Я уклонился от обсуждения с ним этого вопроса, сказав, что такие вопросы пусть он решает с Дёницем, я же решения гросс-адмирала как верховного главнокомандующего вооружёнными силами предвосхищать не могу. Я добавил, что буду просить Дёница освободить меня от моей должности, как только вопросы командования вермахтом будут им урегулированы, ибо сначала нужно назначить новых главнокомандующих сухопутными войсками и военно-морским флотом.

Узнав о присутствии Гиммлера, Дёниц ещё раз попросил меня зайти к нему для беседы с глазу на глаз. Он сказал: Гиммлер по всей форме предоставил себя в его распоряжение, хотя, по-видимому, ещё несколько дней назад носился с мыслью самому стать преемником Гитлера. Затем он спросил меня, что я думаю о Гиммлере как члене нового кабинета. Я мог ответить только одно: считаю неприемлемым! Мы договорились хранить об этом полное молчание. Дёниц хотел сделать министром иностранных дел графа Шверин фон Крозига [прежнего министра финансов. — *Сост.*] и с ним обсудить состав нового правительства.

Когда воззвание было готово для передачи по радио, я покинул штаб-квартиру Дёница и поехал в Нойштадт, чтобы прибыть туда рано утром 2 мая. По возвращении я подробно обсудил с Йодлем создавшееся положение. Нами обоими владела только одна **мысль**: как можно скорее прекратить войну, пока ещё возможно **оставить** Восточную Пруссию и спасти как можно большую часть войск, сражавшихся на Востоке. Мы собирались на следующий день обсудить это с Дёницем. В таком намерении нас укрепила полученная Дёницем вечером 1 мая в нашем присутствии **длинная** телеграмма фельдмаршала Кессельринга, в которой тот **сообщал** об уже произведенной им капитуляции группы армий «Италия». Он добавлял, что потрясен самовольными действиями генерал-

полковника фон Фитингофа*, но принимает всю ответственность за это на себя. Итак, итальянский фронт развалился, группа **армий** на Балканах под командованием генерал-полковника Лёра **оказалась** под огромной угрозой, и надеяться на ее спасение больше не приходилось.

С этим известием рано утром 2 мая я снова приехал к Дёницу в Плён; его радиоузел тоже получил донесение Кессельринга. Сам Дёниц был полон решимости как можно скорее закончить **войну**, с этой мыслью он и принял меня. Я предложил немедленно перевести к нему ОКВ-«Север». Поскольку помещений для этого в Плёне не хватало, а надо было восстановить полную работоспособность высшего командования, Дёниц решил перенести **резиденцию** верховного руководства в Фленсбург, что и было сразу начато. Я вызвал Йодля вместе с нашим самым узким окружением **в Плён**, между тем как весь штаб ОКВ — ОКХ двинулся в Фленсбург. По прибытии Йодля мы оба долго совещались с Дёницем, и выявилось полное совпадение наших взглядов на положение.

К вечеру Дёниц выехал в Рендсбург, куда он вызвал генерал-адмирала фон Фридебурга, чтобы лично сообщить тому о назначении его главнокомандующим военно-морским флотом.

Мы остались на ночь в прежней штаб-квартире Дёница, а на рассвете, в 4.30 утра, последовали за ним в Фленсбург-на-Мюрвике [3 мая]. В Фленсбурге нам предоставили жилье и рабочие помещения в военно-морской казарме. Йодль и я разместились в одном доме с гросс-адмиралом, наши кабинеты находились рядом с его кабинетом. (...)

Могу сказать, что меры, вытекавшие из однозначных распоряжений гросс-адмирала и направленные на спасение как можно большей части беженцев, а также войск Восточного фронта путем перемещения их во внутренние области Германии, принимались незамедлительно и имели целью закончить войну. Нам было ясно: капитулировать потребуют на том месте, где окажутся в тот момент войска. А значит, надо дать возможность насчитывающей еще более 3 млн человек основной массе войск Восточного фронта перейти в американскую оккупационную зону, чтобы спасти ее от русского плена.

Этой цели служили также и начатые 3 или 4 мая гросс-адмиралом через генерал-адмирала фон Фридебурга переговоры с английским главнокомандующим фельдмаршалом Монтгомери. За ними — после отклонения Монтгомери [желаемых нами] особых условий {капитуляции} — последовали начатые фон Фридебургом и генерал-полковником Йодлем переговоры в ставке генерала Эйзенхауэра и заключенные там вечером 6 мая предварительные соглашения, единственное послабление которых заключалось в предоставлении срока [для капитуляции] до полуночи с 8 на 9 мая. Йодль прислал мне из ставки Эйзенхауэра радиogramму, где, хотя

* Командующий самовольно капитулировавшей группы армий «Юго-Запад».

и в замаскированной форме, намечались возможности, предоставившиеся этой отсрочкой*.

Благодаря этому я успел известить Восточный фронт и все еще находившуюся в Восточной Чехии группу армий Шёрнера и предоставить им для отступления на запад крайне ограниченное время — не более 48 часов. Эта директива была дана еще до полуночи 7 мая. В результате смелого полета полковника Мейер-Детердинга в штаб этой группы армий удалось еще до 6 мая дать ей ориентировку и подготовительные указания.

Группа армий генерала Хильперта** в Курляндии (Прибалтика. — *Сост.*) была проинформирована майором де Мезьером; ей было дано право отправить на родину последним морским транспортом из Либау (Лиепая. — *Сост.*) всех больных и раненых. (...) Фельдмаршал Буш [Северо-Западный фронт] и генерал Бёме*** побывали у гросс-адмирала для личной информации. С фельдмаршалом Кессельрингом, который командовал в южном районе вместе с Южным звеном ОКВ, возглавлявшимся генерал-лейтенантом Винтером, до сих пор имелась ненарушенная радиосвязь.

В Фленсбург-на-Мюрвике собрались несколько членов правительства, среди них новый министр иностранных дел граф Шверин фон Крозиг. Был там и министр вооружения и боеприпасов Шпеер, к которому демонстративно присоединился генерал фон Трота, смещенный мною начальник штаба группы армий генерала Штудента [прежде ею командовал Хайнрици].

Гиммлер тоже старался примкнуть к гросс-адмиралу. После одного разговора с Дёницей я взял на себя выполнение его поручения просить Гиммлера уехать и от дальнейших посещений штаб-квартиры гросс-адмирала отказаться. Поначалу тот еще был облечен определенными полицейскими функциями, но потом был лишен и их. Гиммлер был для правительства Дёница совершенно неприемлем; по поручению Дёница я лаконично и ясно сказал ему это****.

* 6 мая 1945 г. рейхспрезидент гросс-адмирал Дёниц направил начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковника Йодля в ставку союзнических войск в Реймс для переговоров с генералом Эйзенхауэром о капитуляции. Вопреки предложениям Йодля, потребовавшего предоставления до вступления в силу безоговорочной капитуляции четырех дней, генерал Эйзенхауэр предоставил двухдневный срок до 00.01 9 мая. Тем самым Йодль хотел выиграть время для того, чтобы осуществить капитуляцию войск Восточного фронта перед западными державами.

** Карл Хильперт, генерал-полковник, командующий группой армий «Курляндия».

*** Франц Бёме, генерал горнострелковых войск, командующий 20-й армией в Норвегии.

**** По воспоминаниям гросс-адмирала Дёница «Десять лет и двадцать дней» (см. с. 564 настоящего сборника. — *Сост.*), Гиммлер, рейхсфюрер СС (хотя с этого поста он был смещен еще Гитлером), имперский министр внутренних дел, шеф германской полиции и командующий армией резерва, был снят со всех своих должностей 6 мая 1945 г.

Сколь мало Гиммлер понимал политическую ситуацию и признавал свою личную скомпрометированность, видно из такого эпизода. На своей неизвестной нам квартире он написал письмо Эйзенхауэру и через одного армейского офицера, который до тех пор еще принадлежал к его штабу и которого он теперь уволил, обратился к нам с просьбой передать это письмо адресату. Офицеру было разрешено ознакомить нас с его содержанием. Короче говоря, Гиммлер предлагал Эйзенхауэру свои услуги, если тот пообещает ни в коем случае не выдавать его русским. Об этом своем намерении Гиммлер намекнул мне при нашем последнем разговоре с ним в присутствии Йодля. Поскольку офицер, которому было поручено передать нам письмо, к Гиммлеру не вернулся, тот так никогда и не узнал, что оно было уничтожено и к генералу Эйзенхауэру не попало. Кстати, Гиммлер через офицера связи просил меня сообщить Дёницу, что исчезнет из северного района и скроется; в течение ближайшего полугодия его не найти. Его произошедший через несколько недель арест и самоубийство после ареста известны*.

8 мая, после возвращения Йодля 7 мая из ставки генерала Эйзенхауэра в Реймсе, я по поручению гросс-адмирала, как главы государства и верховного главнокомандующего вооруженными силами, с подписанным Йодлем и начальником штаба Эйзенхауэра предварительным актом [о капитуляции] на английском транспортном самолете вылетел в Берлин. Меня сопровождали: в качестве представителя военно-морского флота — генерал-адмирал фон Фридебург, представителя военно-воздушных сил — генерал-полковник Штумпф**, являвшийся под конец командующим противоздушной обороной Германии. Кроме того, я взял в качестве сопровождающих вице-адмирала Бюркнера, начальника отдела «Заграница» в ОКВ, и подполковника Бём-Теттельбаха из [оперативного] отдела «1а-авиация» штаба оперативного руководства вермахта, причем последнего потому, что он не только свободно говорил по-английски, но и сдал экзамены на военного переводчика русского языка.

На английском транспортном самолете мы сначала полетели в Штендаль. Там была сформирована эскадрилья пассажирских самолетов под командой английского маршала авиации и полномочного представителя генерала Эйзенхауэра. После ее своего рода круга почета над Берлином мы сели (мой самолет последним) на аэродроме Темпельгоф. Английская и американская делегации были встречены почетным караулом русских с оркестром; мы смогли издали, с места нашего приземления, наблюдать за этой церемонией. К нам был прикомандирован русский офицер; мне сказали, что он — обер-квартирмейстер генерала Жукова. Он ехал

* Гиммлер отравился в Люнебурге 23 мая 1945 г.

** Гаус-Юрген Штумпф, командующий военно-воздушным флотом «Рейх».

в машине со мной, за нами следовали остальные машины моего сопровождения.

Путь наш лежал через Бельальянсплац, через внешние районы Берлина в Карлсхорст. Нас привезли в небольшую просторную виллу, рядом с казармой саперно-инженерного училища. Было примерно 13 часов. Нас оставили одних. Порой появлялся какой-нибудь репортер, нас фотографировали: иногда к нам заходил русский офицер-переводчик. Сказать, когда состоится подписание акта о капитуляции, немецкую копию которого мне, кстати, вручили еще на аэродроме, он не мог. Поэтому у меня было достаточно времени сравнить его с парафированным Йодлем предварительным актом* и констатировать, что в текст его внесены лишь несущественные изменения. Единственно важным было добавление угрозы репрессивных мер в отношении тех войск, которые к предписанному сроку оружия не сложат и не сдадутся. Поэтому я потребовал через офицера-переводчика встречи с уполномоченным генерала Жукова, поскольку не желал без оговорок подписывать это добавление.

Через несколько часов вместе с офицером-переводчиком появился русский генерал, он выслушал мое возражение; как я думаю, он был начальником штаба Жукова. Я объяснил ему причину своего возражения тем, что не в состоянии гарантировать своевременного получения войсками нашего приказа о сложении оружия, а потому командиры частей и соединений могут не подчиниться этому требованию. Я настоял на включении фразы, согласно которой сдача [капитуляция] вступала бы в силу только через 24 часа после поступления нашего приказа в войска, а лишь затем смогли бы применяться репрессивные меры. Примерно через час генерал вернулся с решением, что генерал Жуков согласен на срок в 12 часов вместо 24. Он потребовал вручить ему мои полномочия для ознакомления с ними представителей держав-победительниц; пообещав вскоре их вернуть, он добавил, что подписание акта капитуляции состоится вечером.

Около 15 часов русская официантка подала нам обильный завтрак. Терпение наше подверглось первому испытанию. Около 17 часов нас перевели в другое здание и там устроили ленч, но больше ничего не произошло. Мне вернули мои полномочия, заметив, что с ними все в порядке. Около 22 часов терпение мое иссякло, и я официально запросил, когда же состоится акт подписания. Ответ гласил: примерно через час. К вечеру я приказал принести наш скромный багаж из самолета, так как стало ясно: ожидаемый нами обратный вылет сегодня не состоится.

Незадолго до 24 часов — часа вступления капитуляции в силу — я был вместе с сопровождавшими меня лицами препровожден

* Непонятно, почему фельдмаршал говорит о «предварительном акте». Капитуляция германских вооруженных сил была произведена в союзнической ставке; Советы потребовали лишь повторения этого акта.

яен в офицерскую столовую казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперек длинному столу с тремя стульями для меня и обоих сопровождавших меня лиц. Остальные сопровождавшие должны были стоять позади нас. Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещен многочисленными «юпитерами». Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него — уполномоченные Англии и Америки.

Когда начальник штаба Жукова положил передо мною акт на трех языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограничение репрессивных мер. Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошел ко мне и сказал, что Жуков категорически обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов.

Торжественный акт начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочел ли я акт о капитуляции. Я ответил: «Да». Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким «да». Сразу же началась процедура подписания, окончившаяся после того, как я первый поставил свою подпись. (...) По завершении церемонии я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через ближайшую дверь позади.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь, в нашем первом месте пребывания, во второй половине дня стол усталили холодными закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни — для каждого отдельная постель с чистым бельем. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться. Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщенным этой репликой.

Мы полагали, что заставленный закусками стол означает конец этого пиршества в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т. п. А на десерт — свежезамороженную клубнику, которую я ел первый раз в жизни. Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения. После еды офицер-переводчик, очевидно заменявший хозяина, ушел. Мы легли спать; предварительно я назначил обратный вылет на 6 часов утра.

На следующий день нам в 5 часов утра подали простой завтрак. Когда в полшестого я собрался выехать, меня попросили дождаться прихода начальника штаба Жукова, который хочет поговорить со мной насчет обратного полета. Мы стояли перед готовыми двинуться в путь автомашинами. Генерал попросил меня задержаться в Берлине; он попытается предоставить мне возможность дать из Берлина приказ войскам Восточного фронта сложить оружие, как я того требовал вчера при уточнении срока для репрессивных мер. Я заявил: если мне гарантируют радиосвязь, я немедленно пошло еще несколько радиোগрам, но для этого мне должны вручить немецкий шифровальный радиоключ. Генерал снова исчез, он хотел получить решение Жукова. Вернулся он с сообщением, что отправка моих радиোগрам хотя и невозможна, тем не менее генерал Жуков предлагает мне остаться в Берлине.

Теперь цель всего этого стала мне ясна. Я потребовал немедленного отлета в Фленсбург, сказав, что хочу как можно скорее передать оттуда в войска измененные условия капитуляции — иначе ни за что отвечать не могу. Я подписал акт [о капитуляции], полностью доверяя слову солдата, данному мне генералом Жуковым; пусть генерал передаст ему это.

Через 10 минут начальник штаба вернулся и сообщил мне, что самолет сможет вылететь через час. Не теряя ни минуты, я сел в автомашину вместе с Бюркнером и Бём-Теттельбахом, а также офицером-переводчиком. Остальные господа из моего сопровождения попытались удержать меня; они заметили гораздо больше, чем я, во всяком случае, поначалу. Они рассказали мне, что русские, видно, здорово покутили и, когда мы благополучно отбыли, банкет по случаю победы был в офицерской столовой все еще в полном разгаре.

Офицер-переводчик спросил, какой дорогой я хочу ехать на аэродром. Мы поехали мимо Ратуши, [королевского] Замка, по Унтер-ден-Линден, через Фридрихштрассе. Страшные следы войны были особенно видны между Унтер-ден-Линден и Бельальянсплац. На Фридрихштрассе во многих местах путь нам преграждали немецкие и русские танки, покрытые щебнем **рухнувших** домов. Мы вылетели прямо в Фленсбург и были рады, когда английский самолет оказался в воздухе. Около 10 часов утра мы приземлились в Фленсбурге.

Мы договорились с Монтгомери и Эйзенхауэром об обмене офицерскими делегациями для облегчения служебного общения во время проведения капитуляции. В субботу 12 мая **американская** делегация прибыла в Фленсбург и расквартировалась на роскошном пароходе «Патрия»; первая встреча состоялась в воскресенье, в 11 часов утра. К этому часу на прием к американцам на «Патрии» был приглашен Дёниц, через полчаса должен был явиться я.

Когда Дёниц **покинул «Патрию», приняли меня. Американский**

генерал* сообщил мне, что **я** должен отправиться в плен и вылететь в 14 часов, то есть через два часа. Мои дела я обязан передать генерал-полковнику Йодлю и могу взять с собой для сопровождения одного офицера — не генерала — и личную обслугу, а также 150 килограммов багажа.

Я встал, отдал честь маршальским жезлом и поехал на квартиру с Бюркнером и Бём-Теттельбахом, сопровождавшими меня на эту «аудиенцию». Доложил о своем прибытии Дёницу и назначил своим сопровождающим полковника Йона [1-го адъютанта **начальника ОКВ**] и Мёнха, тем самым обеспечив им сравнительно легкое пребывание в плену. Я передал Йодлю свои рукописи и ключи, а Шимонскому — письмо и еще кое-что для моей жены; все это курьерский самолет должен был доставить в Берхтесгаден. К сожалению, все это у него отобрали англичане, в том числе и письмо жене. (...)

Мы летели к неизвестной цели над почти половиной Германии и к вечеру приземлились на аэродроме Люксембург. Там со мной впервые стали обращаться как с военнопленным и отправили в лагерь для интернированных лиц, устроенный в парковом отеле в Монсдорфе, куда до меня уже был помещен Зейсс-Инкварт.

В Фленсбурге я был еще совершенно свободен, приехал на аэродром в собственной машине. В течение двух часов я, совсем не охраняемый, мог покончить с жизнью. Но мысль об этом не пришла мне в голову, ибо я не мог и предположить такого хождения по мукам, трагически закончившегося в Нюрнберге.

С 12.5.45 г. я был военнопленным в Монсдорфе, с 13.8.45 г. — заключенным тюрьмы в Нюрнберге, а с 1.10.46 г. ожидаю приведения в исполнение смертного приговора.

Закончено 10.10.46 г.

Из кнй*и: Generalfeldmarschall Keitel. Verbrecher oder Offizier?

На русском языке публикуется впервые

* Это был генерал-майор Руке. По записи Шульца от 13 мая 1945 г., встреча состоялась - в 12 ч 30 мин: «Фельдмаршал Кейтель никакого отношения к этому сообщению не выразил, но заявил, что сам подписал безоговорочную капитуляцию и вытекающие отсюда последствия ему ясны».

ИОАХИМ фон РИББЕНТРОП

ПРИЧИНЫ КРАХА

(Из Нюрнбергских заметок)

Трагизм того, что мы войну проиграли, усугубляется тем, что мы могли ее выиграть.

Первой причиной проигрыша войны, несомненно, была неожиданно большая сила сопротивления Красной Армии под сильным руководством Сталина, а также использование американских поставок вооружения.

Существенной причиной поражения Германии была, далее, все сильнее проявлявшая себя в ходе войны вражеская авиация, которая в конце концов оказалась в состоянии разрушить европейские производственные объекты, после чего мы потеряли свое превосходство в воздухе.

К этому присовокупились: военная несостоятельность Италии, превосходство вражеской противолодочной обороны, трудности в организации сухопутных войск и сыгравшее роковую роль взаимопереплетение компетенций в отдельных командных органах. Без сомнения, сюда следует отнести также и, пожалуй, одну из ошибок нашей правительственной системы, состоявшую в том, что никогда не удавалось осуществить обмен мнениями в кругу имперского кабинета под председательством фюрера. Таким образом, решения принимались мозгом одного человека, зачастую без заслушивания мнения другой стороны.

В качестве особенно важной причины проигрыша войны должна быть названа и внутренняя оппозиция, которая все ощутимее возникала в высшем гражданском и военном руководстве по мере возраставшей тяжести ведения войны. Сюда относятся и такие важные персональные факторы, как, к примеру, начальник военной разведывательной службы (имеется в виду начальник абвера адмирал Канарис. — *Сост.*), а также, временами, начальник генерального штаба (имеются в виду генерал-полковники Гальдер и Гудериан. — *Сост.*), министры, высокопоставленные государственные чиновники, генералы и т. п.

Эта количественно даже и небольшая оппозиция оказывала столь роковое по своим последствиям воздействие потому, что отдельные ее приверженцы принадлежали к высшему руководству и занимали в рейхе ключевые позиции.

Еще всего за неделю до его смерти я имел беседу с фюрером, в которой он охарактеризовал проблему люфтваффе как военную причину нашего поражения. Он, по его словам, вновь и вновь говорил об этом с Герингом, но Геринг — никакой не специалист да и слишком мало разбирался в типах самолетов. Когда, например, было объявлено об американском четырехмоторном бомбардировщике [«Летающая крепость»], Геринг сказал ему: это именно тот тип самолета, который он так желал видеть на вооружении у врага, ибо его легче всего уничтожить. Он целыми часами спорил с Герингом о типах самолетов и высказывал ему свои совершенно расходившиеся с геринговскими взгляды, но тот со всей силой своей крупной личности отстаивал собственные убеждения, которым он, фюрер, как неспециалист, не мог противопоставить соответствующие выводы. Начиная с 1940 г. люфтваффе, по его мнению, больше серьезно не развивалась. Министерство авиации обюрократилось. Производство и типы выпускаемых самолетов определялись отнюдь не техническими и хозяйственными знатоками, а в результате — развитие застопорилось.

Сам я на следующий день после тяжелого воздушного налета на Гамбург в июле 1943 г. сказал фюреру: либо мы приведем «люфтваффе в порядок», либо проиграем войну. Но, к сожалению, в порядок люфтваффе так приведена и не была.

* * *

(...) Адольф Гитлер напротив (в противоположность высказываемым Риббентропом взглядам по этому вопросу. — *Сост.*) все более приходил к убеждению, что мировое еврейство систематически готовило войну против Германии и в конечном счете ответственно за ее развязывание. Он считал, что только англо-американское еврейство сорвало единение с Англией, к которому он стремился. Перед войной и после ее начала он придерживался мнения, что за коммунистической угрозой на Востоке тоже стоит интернациональное еврейство и что именно оно привело Сталина к намерению путем комбинированного нападения с Востока и Запада победить и большевизировать Германию. (...)

Из книги: Joachim von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau.

На русском языке публикуется впервые

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

МОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

С тех пор как я, начиная с 1914 г., отдавал все свои скромные; силы в первой, навязанной рейху мировой войне, прошло больше¹ тридцати лет. J

В эти три десятилетия все мои помыслы, все мои действия и) вся моя жизнь определялись только любовью к моему народу и| верностью ему. Они давали мне силу принимать такие тяжелейшие! решения, какие не доводилось принимать до тех пор ни одному смертному. За минувшие три десятилетия я израсходовал сполна все мое время, всю мою работоспособность и все мое здоровье.

Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по ограничению вооружения, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Далее, я никогда не; хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла вторая против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все это, к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам.

Еще за несколько дней до того, как разразилась германо-польская война, я предложил британскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы — как и в случае с Саарской областью — под международным контролем. Это предложение тоже не может отрицаться. Но оно было отвергнуто, потому что влиятельные круги английской политики желали войны, а отчасти подгонялись к ней организованной интернациональным еврейством пропагандой.

Но я не оставлял также сомнения и на тот счет, что если народы Европы рассматриваются как пакеты акций интернациональных финансовых и промышленных компаний, будет привлечен к ответственности и тот народ, который является единственным виновником этой смертоубийственной борьбы: еврейство. Я также

не оставлял никакой неясности насчет того, что на сей раз настоящий виновник, пусть и гуманными средствами, но будет наказан и поплатится за то, что миллионы детей европейцев арийской расы умрут от голода, что свою смерть найдут миллионы взрослых мужчин, а сотни тысяч женщин и детей сгорят в наших городах или погибнут от бомбежек.

После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет в историю как самое славное и отважное выражение жизненной силы немецкого народа, я не могу оторвать себя от того города, который является столицей рейха. Поскольку силы наши слишком слабы, чтобы и дальше выдерживать натиск врага именно здесь, а собственное сопротивление постепенно обесценивается столь же ослепленными, сколь и бесхарактерными субъектами, я хотел бы, оставшись в этом городе, разделить судьбу с теми миллионами других людей, которых уже постигла смерть. Кроме того, я не хочу попасть в руки врагов, которым, на потеху их натравленным массам, нужен новый, поставленный евреями спектакль.

А потому я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и канцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу, наших крестьян и рабочих, а также о беспримерном в истории участии во всем этом молодежи, носящей мое имя.

То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собою разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов фатерланда, оставаясь верны заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти, в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества.

Многие храбрейшие мужчины и женщины полны решимости до последнего связать свою жизнь с моею. Я просил их, и под конец даже приказал им, не делать этого, а принять участие в дальнейшей борьбе нашей нации. Командующих армии, военно-морского флота и люфтваффе я прошу самыми крайними мерами укрепить у солдат дух сопротивления в национал-социалистическом смысле этого слова, указав на то, что я, как основатель и создатель этого движения, предпочел смерть трусливому бегству, а тем более — капитуляции.

Пусть это станет однажды частью понятия чести германского офицера, как то уже имеет место в нашем военно-морском флоте: сдача какой-либо территории или города — невозможна, а командиры должны быть впереди и служить ярким примером самого верного исполнения своего долга, вплоть до собственной гибели.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАВЕЩАНИЯ

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсмаршала Германа Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые могли бы вытекать из указа от 29 июня 1941 г. и из моего заявления в рейхстаге 1 сентября 1939 г. Назначаю вместо него рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вермахта гросс-адмирала Дёница.

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гиммлера из партии, а также лишаю его всех государственных постов. Я назначаю вместо него рейхсфюрером СС и шефом германской полиции гауляйтера Карла Ханке, а гауляйтера Пауля Гизлера — имперским министром внутренних дел.

Геринг и Гиммлер без моего ведома вели тайные переговоры с врагом и вопреки моей воле предприняли попытку в нарушение закона захватить власть в государстве в свои руки, чем причинили стране и всему народу необозримый вред, совершенно не говоря уже о попрании верности мне лично.

Желая дать немецкому народу состоящее из достойных людей правительство, которое выполнит свое обязательство продолжить борьбу всеми средствами, я назначаю руководителями нации следующих членов нового кабинета:

Рейхспрезидент: Дёниц

Рейхсканцлер: д-р Геббельс

Министр по делам партии: Борман

Министр иностранных дел: Зейсс-Инкварт

Министр внутренних дел: гауляйтер Гизлер

Военный министр: Дёниц

Главнокомандующий сухопутными войсками: Шёрнер

Главнокомандующий военно-морскими силами: Дёниц

Главнокомандующий авиацией: Грайм

Министр юстиции: Тирак

Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции: Ханке

Хозяйство: Функ

Культы: Шеель

Сельское хозяйство: Бакке

Пропаганда: д-р Науман

Финансы: Шверин фон Крозиг

Министр труда: д-р Хупфауэр

Вооружение: Заур

Руководитель Германского трудового фронта и член имперского кабинета: имперский министр д-р Лей.

Хотя некоторое число таких людей, как Мартин Борман, д-р Геббельс и другие, решили по своей воле считать себя, вместе с их женами, неразрывно связанными со мною и не желают ни при каких обстоятельствах покидать столицу, а готовы погибнуть вместе со мною, я все же вынужден просить их подчиниться моему

требованию и в этом случае поставить интересы нации выше своих чувств. Благодаря своей работе и своей верности соратников они и после моей смерти останутся мне столь же близки, ибо, как я надеюсь, дух мой пребудет с ними и всегда будет сопровождать их. Да будут они твердыми, но никогда — несправедливыми! Пусть никогда страх не станет советчиком в их действиях, пусть превыше всего на Земле для них стоит честь нации. И пусть, наконец, они сознают, что наша задача — построение национал-социалистического государства — является работой грядущих поколений, которая обязывает каждого в отдельности служить общим интересам, не противопоставлять им свои собственные выгоды. От всех немцев, от всех национал-социалистов, от всех мужчин и женщин, от всех солдат вермахта я требую, чтобы они были верны новому правительству и новому президенту и повиновались ему до самой смерти.

Но прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всем отравителям всемирного мира всех народов — интернациональному еврейству.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 г. в 4.00.

Свидетели:

Д-р Йозеф Геббельс
Мартин Борман

Вильгельм Бургдорф
Ганс Кребе

ДОПОЛНЕНИЕ д-ра ЙОЗЕФА ГЕББЕЛЬСА
ОТ 29 АПРЕЛЯ 1945 г.

Фюрер приказал мне в случае краха обороны столицы рейха покинуть Берлин и в качестве руководящего члена принять участие в назначенном им правительстве.

Впервые в моей жизни я должен категорически отказаться подчиниться приказу фюрера. Моя жена и мои дети присоединяются к этому отказу. В ином случае — не говоря уже о том, что мы по чисто человеческим и личным причинам никогда не смогли бы решиться на то, чтобы оставить фюрера в одиночестве в самый тяжелый час, — я всю мою оставшуюся жизнь чувствовал бы себя бесчестным ренегатом и гнусным подлецом, вместе с уважением к самому себе потерявшим уважение народа, которое должно было бы явиться предпосылкой моего дальнейшего служения будущему воплощению германской нации и рейха.

В горячем бреду предательства, которое в эти критические дни окружает фюрера, должны найтись хоть какие-то люди, которые безоговорочно и до самой своей смерти не покинут его, даже если это и противоречит формальному, пусть и столь разумно обоснованному приказу, который он высказал в своем политическом завещании.

Я считаю, что тем самым наилучшим образом послужу буду-

шему немецкого народа, ибо в наступающие тяжкие времена' примеры еще нужнее, чем люди. Люди, которые укажут путь нации к свободе, всегда найдутся. Но возрождение нашей народно-, национальной жизни было бы невозможно, если бы оно проходило без ясных и понятных каждому образцов. По этой причине! я вместе с моей женой и от имени своих детей (которые еще слишком малы, чтобы высказаться самим, но, будь они постарше, безоговорочно присоединились бы ко мне) принимаю непоколебимое решение не покидать Имперской канцелярии, даже если она падет, и предпочесть рядом с фюрером покончить с жизнью, которая для меня лично не имеет больше никакой ценности, если я не могу поставить ее на службу фюреру и использовать ради его дела.

Написано 29 апреля 1945 г. в 5.30.

Из книги: *Joseph Goebbels. Tagebucher 1945.*

Дополнение публикуется на русском языке впервые

МАРТИН БОРМАН

«АДОЛЬФ ГИТЛЕР УМЕР. ЕВА Г. УМЕРЛА»

(Из записной книжки, 1 января — 30 апреля 1945 г.)*

1 января. Обед фюрера с Герингом, Кейтелем, М. Б.**, Рундштедтом, Шерфом, Гудерианом и Шпеером.

2 января. Риббентроп у фюрера, после него М. Б.

13 января. Утром большевики перешли в наступление.

18 января. Отъезд в Берлин. Я, жена, Ева Браун, фрау Фегеляйн, Бредов.

20 января. Русские танки под Каттовице.

30 января. В полдень М. Б., как обычно, был на докладе у фюрера.

31 января. Русские танки под Гроссенном. Переправились через Одер у Кюстрипа и Врицена.

7 февраля. Беседа фюрера с гауляйтером [Восточной Пруссии] Кохом, Гудерианом и Венком. После этого он беседовал с группенфюрером Вольфом***). М. Б. был с рейхсфюрером СС [Гиммлером] и Фегеляйном. Беседа и ужин. После этого встретался с Евой Браун и Фегеляйном.

3 марта. Русские под Кеслином и Шлаве.

4 марта. Глубокие прорывы в Померании. Танки под Кольбергом — Шлаве — Дранбургом!

8 марта. Русские в Альтдамме****.

5 апреля. Большевики под Веной!

13 апреля. Танки под Захауеном [на Эльбе], Виттенберге, Штендалем, Тангермюнде.

* Об обстоятельствах находки и идентификации записной книжки Бормана см. указ. соч. Л. Безыменского. *Примеч. сост.*

** Здесь и далее Борман обозначает себя своими инициалами и пишет о себе в третьем лице. *Примеч. сост.*

*** Обергруппенфюрер СС Карл Вольф долгое время являлся начальником личного штаба Гиммлера, был его ближайшим советником и доверенным лицом. Гиммлер послал его в Италию с секретным заданием через Ватикан установить связь с западными союзниками для переговоров о сепаратной капитуляции Германии на Западе, а также выяснить возможность сговора с ними для ведения совместной войны против СССР. Вольфу удалось вступить в контакт с руководителем находившегося в Женеве европейского бюро американской разведки — Управления стратегических служб США (УСС) Алленом Даллесом. Запись Бормана может служить веским основанием для предположения, что Гитлер был в курсе этих переговоров и они велись с его ведома. *Примеч. сост.*

**** Оттуда вела прямая дорога в поместье Бормана Штольце. *Примеч. сост.*

14 апреля. Вечером — наступление на Потсдам!

18 апреля. Большие бои на Одере!

20 апреля. День рождения фюрера. Но настроение, к сожалению, не праздничное. Отдан приказ об отлете передовой команды в Зальцбург.

21 апреля. После обеда артиллерийский обстрел Берлина.

27 апреля. Гиммлер и Йодль задерживают подбрасываемые нам дивизии.

Мы будем бороться и умрем вместе с нашим фюрером — преданные ему до могилы.

Другие думают действовать из «высших соображений», они жертвуют своим фюрером. Пфуй! Какие сволочи! Они потеряли всякую честь!

Наша Имперская канцелярия превращается в развалины.

Союзники требуют от нас безоговорочной капитуляции — это значило бы измену родине.

Фегеляйн разжалован: он пытался бежать из Берлина, переодевшись в штатский костюм.

29 апреля. Иностранная пресса сообщила о предложении Гиммлера капитулировать.

Бракосочетание Адольфа Гитлера и Евы Браун.

Предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставляют нас большевикам. Опять ураганный огонь.

30 апреля.

Адольф Гитлер умер.

Ева Г. умерла.

Извлечения из книги: *Л. Безыменский. По следам*
Мартина Бормана. М., 1965

ЭРИХ КЕМПКА

Штурмфюрер СС, личный шофер Гитлера

Я СЖЕГ АДЛЬОФА ГИТЛЕРА

В БУНКЕРЕ ФЮРЕРА, БЕРЛИН

Дивизии Сталина уже стояли у ворот Берлина.

Но наши позиции, несмотря на сильное вражеское наступление, еще удерживались. Натиск противника временно ослаб. Затишье перед бурей. (...)

Сильные соединения и танковые части Красной Армии находились в нескольких километрах в полной готовности к новому наступлению. Предстоял последний крупный штурм. Остановим ли мы его, или же он уничтожит нас?..

С каждым днем служба становилась все более трудной, предъявляя повышенные требования к каждому солдату и офицеру [в Имперской канцелярии]... Мне приходилось как можно быстрее доставлять генералов и других господ на разные участки фронта и на командные пункты.

Мы считали невероятным счастьем, когда машина со всеми ее сиденьями в тяжелейших условиях благополучно прибывала к цели. А если поездок не было, приходилось помогать пожарным при многочисленных авиационных налетах, выполнять многообразные другие задачи, возникающие в такой обстановке. (...) К этому добавлялась духовная угнетенность, от которой все мы страдали в результате постоянно ухудшающихся сообщений со всех фронтов. И на Западе наши войска тоже отступали под натиском врага. <...>

Фельдмаршал Кессельринг был назначен командующим [группой армий] «Запад». Италия была потеряна. Наша прежняя штабквартира в Цигенберге перешла к новому командующему «Запад». Кессельринг часто сам приезжал в Берлин, чтобы лично доложить фюреру точную обстановку на фронте. Шеф потребовал от меня назначить водителя, который с наибольшей безопасностью доставил бы командующего «Запад» в Наухайм. Насколько такая гарантия вообще возможна, я смог предложить только самого себя.

С напряженными до предела нервами я гонял машину между Берлином и Цигенбергом. Это были самые отчаянные поездки за всю мою жизнь. На гладкой поверхности автострады зияли глубокие воронки от бомб и снарядов. Разбитые и сожженные бомбардировщиками автомашины высились целыми баррикадами.

Однажды я снова вернулся в Берлин из поездки. Мною владе-

ло одно желание: наконец-то немного поспать. Но не успел я лечь, как ординарец потребовал немедленно явиться к шефу. Спросив о здоровье, Гитлер осведомился, чувствую ли я себя достаточно в форме, чтобы отвезти на фронт министра Шпеера. Ведь он знает, что пришлось мне проделать в последние дни, но все-таки хочет доверить Шпеера именно мне. Шофер Шпеера не так надежен.

У рейхсминистра [вооружения и боеприпасов] Шпеера в тот день был день рождения. Незадолго до выезда я вместе с другими поздравляющими принял участие в небольшом празднике в его рабочем помещении. Хотя все мы старались хоть на несколько часов забыть обо всех заботах и волнениях, веселья не получилось.

Вернувшись вечером, я отправился в то помещение бункера фюрера, которое предназначалось для доклада и обсуждения обстановки. Там тогда решались судьбы Германии. Отсюда давались команды миллионам солдат. Телеграфисты и телефонисты, непрерывно сменяя друг друга, работали день и ночь. Входили и выходили получавшие приказания офицеры связи. Несмотря на необычайную работоспособность, концентрировавшуюся здесь, в этом центре рейха, царил почти таинственная тишина.

У Гитлера как раз шло обсуждение обстановки. Я ожидал в тамбуре. Входили и выходили многие знакомые мне люди. У каждого были новости. Меня, разумеется, спрашивали, как обстоит дело на Западе. Но вот обсуждение обстановки закончилось. В кругу своих сотрудников Гитлер вышел из помещения. Я сразу вскочил, чтобы доложить о моей поездке на фронт. Министр Шперер, присутствовавший на обсуждении, верно, уже сообщил ему, что поездка прошла успешно. Увидев меня, Гитлер подошел ко мне и обнял, словно блудного сына, с силой трясая мои руки. Он снова и снова благодарил меня за то, что я доставил ему обратно его министра вооружения и боеприпасов.

С каменным лицом стоял позади этой группы Мартин Борман. Он нервно подергивал с хрустом суставы пальцев, что обычно делал, когда злился. Как я потом узнал, во время моего отсутствия он несколько раз пытался навязать Гитлеру другого, удобного ему лично водителя или сопровождающего. Мне было хорошо известно, что у него в резерве уже несколько лет был один человек, которого он хотел «презентовать» шефу, как только ему удастся вызвать ко мне немилость. Он всеми силами хотел удалить меня от Гитлера: ведь я был последним из группы старых доверенных людей шефа и имел право по своей должности входить без особого приказа или вызова в его личные апартаменты или служебные помещения. Одного этого было, разумеется, достаточно, чтобы Борман ненавидел меня.

Поскольку мне самому такая враждебность, исходящая из непосредственного окружения моего шефа, была неприятна, я не раз просился добровольцем на фронт. Гитлер эти прошения постоянно отклонял. Когда однажды я, особенно раздосадованный поведением Бормана, стал снова настаивать, он заявил мне: «Здесь

вы облечены гораздо большей ответственностью, чем на фронте. Ведь моя жизнь, которую я так часто вверяю вам, важнее, чем постоянные выпады г-на Бормана».

. * *

Шли недели величайшего напряжения. Бесперывно совершались бомбежки еще не занятых частей рейха. Все более крупные силы сосредоточивал в те дни у ворот Берлина маршал Жуков, но в решающее наступление еще не переходил.

15 или 16 марта (точно указать день теперь не могу) Адольф Гитлер неожиданно потребовал поездки на фронт. Спротивление со стороны его ближайшего окружения было на этот раз сильнее, чем прежде. Борман и генералитет просто заклинали шефа отказаться от его намерения. Но и на сей раз он не дал повлиять на себя.

Для меня это был последний раз, когда я сидел рядом с ним за рулем. Он еще раз захотел лично убедиться, где проходит линия фронта, и проверить обеспечение войск боеприпасами. В первые утренние часы мы выехали из Берлина в направлении Франкфурта-на-Одере. Там, где нас узнавали, люди толпами собирались у машины. Личное присутствие фюрера давало им новую надежду в ситуации, которую мы сами уже считали безнадежной. Шеф беседовал с офицерами и солдатами, говорил с женами и матерями. Его все еще окружало волшебное сияние великой личности. И ему часто удавалось несколькими словами подбодрить отчаявшихся. На обратном пути Гитлер сидел, глубоко погружившись в свои мысли. Не было произнесено ни единого слова.

* * *

20 апреля 1945 г. — 56-летие фюрера. Я невольно вспомнил другие годы, когда немецкий народ праздновал этот день и повсюду проходили большие приемы и парады. (...)

20-е же апреля 1945 г. было совсем другим. Сконцентрированные у стен столицы его рейха, Гитлеру угрожали армии его величайшего врага. Никаких торжеств и парадов! Только в бункере фюрера было немного более оживленно, чем обычно.

Уже 19 апреля, незадолго до 24 часов, для поздравлений прибыли военный и личный штаб рейхсканцлера. Фельдмаршала Кейтеля и генерал-полковника Йодля, а также генерала Бургдорфа сопровождали их адъютанты. В тот день, когда Адольф Гитлер принимал поздравления и пожелания счастья, воцарилось торжественное настроение. В течение всего дня 20 апреля поздравлять Гитлера являлись различные деятели. Присутствовали также Герман Геринг и Дёниц. Однако Геринг неожиданно быстро вышел из кабинета Гитлера и покинул бункер фюрера, чтобы уже никогда в него не вернуться.

Едва закончился последний день рождения Адольфа Гитлера, как Красная Армия предприняла крупное наступление на Берлин. Последняя фаза борьбы началась!

Первые радиogramмы поступили на рассвете 21 апреля. Имперская столица находилась под обстрелом русской тяжелой артиллерии. Уже слышались первые разрывы снарядов. Они громающим прибоем накатывались и подкатывались все ближе. Было такое впечатление, будто возбужденная атмосфера города, борющегося за свою жизнь, захватит теперь и штаб-квартиру фюрера. Каждый, кто до последней минуты обслуживал Гитлера, знал: на этот раз — конец.

Первые русские снаряды уже рвались в правительственном квартале. В саду Имперской канцелярии возникали новые, похожие на кратеры воронки. Разлетались вдребезги оконные стекла. Воздух был полон пыли и гари.

На обсуждении обстановки господ из ближайшего окружения во главе с Кейтелем, Йодлем и Борманом убеждали Гитлера воспользоваться стоящим наготове самолетом и укрыться вместе с руководящим штабом в Оберзальцберге. Оттуда борьбу можно вести лучше, чем из окруженного русскими Берлина. Адольф Гитлер отверг это. Он заявил, что, как бы ни изменилось положение, он имперскую столицу не оставит! С тех пор как он находился в Берлине, он постоянно высказывал господам эту точку зрения. По его приказу все имевшиеся в распоряжении самолеты должны были использоваться для вывоза женщин и детей, а в остальном он предложил своим сотрудникам свободный выбор: покинуть Берлин или остаться.

Несмотря на сильный огонь артиллерии и вражеских зениток, перегруженным самолетам удалось взлететь и взять курс на юг через русский фронт. Из окруженной имперской столицы вылетели прислуга и стенографы, секретарши и сотрудники личного штаба. Среди улетевших был и профессор д-р Морелль; шеф сказал, что больше не желает иметь никакого врача, ибо уже не верит ни одному человеку. У него такое чувство, что один из врачей может вколоть ему шприц с морфием, чтобы в бессознательном состоянии, вопреки его собственной воле, вывезти его из Берлина. Поскольку командиры самолетов Баур и Георг Беец остались в штаб-квартире, Гитлеру приходилось считаться с возможностью, что они против его воли держат обе резервные машины на аэродроме Гатов. Так как после отбытия д-ра Морелля должность личного врача оставалась вакантной, на нее был назначен эсэсовский врач хирург д-р Штумпфэггер. Однако для медицинского обслуживания фюрера его так ни разу и не вызвали.

Хотя все оставшиеся, насколько я могу судить сегодня, твердо решили выполнять свои обязанности до последнего, они находились под сильным впечатлением этих событий. Я вспоминаю и

«**О сей** день о потрясении, которое мы испытали, когда посол Хевель прочел нам листовку известного русского писателя Ильи Эренбурга. Эта листовка распространялась в Красной Армии, когда она перешла германскую имперскую границу. (...) После окончания войны я узнал, что, выбравшись из Имперской канцелярии, посол Хевель застрелился в одной пивной на Шёнхаузераллее. При нем нашли эту листовку; Хевель заранее понял: лучше покончить с жизнью самому, чем попасть в плен.

Если я здесь так детально описываю эти подробности, то делаю это, чтобы как можно правдивее обрисовать то настроение, которое владело нами тогда в последней штаб-квартире фюрера.

Кольцо вокруг Берлина сжималось все туже. Битва за столицу рейха ужесточалась. Мы узнали о тяжелых потерях среди гражданского населения. (...)

Бывшее помещение д-ра Морелля заняли теперь д-р Геббельс и его жена. Их дети размещались в прежнем помещении. Д-р Геббельс тоже не желал оставлять Берлин и захотел остаться вместе с семьей.

В результате постоянно усиливавшегося обстрела здания Имперской канцелярии сильно пострадали. Телефонные линии в большинстве своем были перебиты. Случалось, что бункер фюрера на несколько часов оказывался полностью отрезанным от внешнего мира. Связисты под сильным артиллерийским огнем русских пытались восстанавливать самые необходимые линии связи. Прибывали и убывали ординарцы, чтобы доставлять и передавать приказы и донесения.

В ранние утренние часы 24 апреля русские снаряды уничтожили значительную часть моего автопарка. В негодность пришло 60 машин. Обрушившаяся бетонная крыша гаражного бункера превратила их в груды искореженного металла.

* . *

Вдруг до нас дошла неожиданная весть, что фюрера еще раз посетил министр Шпеер. Он еще 20 апреля попрощался со всеми нами, чтобы по приказу выехать из Берлина. Но 25 апреля он снова прилетел в Берлин на самолете «Физелер-Шторьх» и совершил посадку на шоссе «Ост—Вест», а оттуда пешком добрался до Имперской канцелярии. После продолжительной беседы с Гитлером он еще поговорил с присутствовавшим в бункере фюрера министром иностранных дел Риббентропом, а затем оставил Берлин. Вслед за тем и министр иностранных дел выехал из Берлина в северном направлении. Все мы предчувствовали: наступают чрезвычайные события.

Ближе к вечеру произошла сенсация, приближение которой все мы предчувствовали. Поступила телеграмма Геринга из Оберзальцберга. С большим возмущением мы узнали ее содержание:

«После того как Вы, мой фюрер, назначили меня своим пре-

емником на тот случай» если обстоятельства больше не позволят! Вам осуществлять правительственные дела, момент для моего вступления на этот пост наступил.

Если до 24 часов 26 апреля 1945 г. я не получу от Вас никакого ответа, буду считать, что Вы с моим требованием согласны.] Геринг».

В узком кругу, которому стала известна эта телеграмма, она произвела действие посильнее разорвавшейся бомбы. Пусть посвященные и знали о том недовольстве, которое возникло у шефа в отношении рейхсмаршала в результате выявившейся несостоятельности командования авиацией, то такой телеграммы от Германа Геринга никто не ожидал. Рейхсмаршал предъявил шефу прямо-таки ультимативные требования. Мы, простые люди, восприняли этот шаг Геринга как открытую измену. (...)

Вскоре после получения телеграммы от Геринга на одном из двух еще находившихся в распоряжении самолетов вылетел в Мюнхен личный адъютант группенфюрер СС Шауб. Я слышал, как шеф поручил ему уничтожить все свои личные бумаги в Мюнхене и Оберзальцберге. В Берлине это уже было сделано.

Подавленное состояние в бункере принимало все более серьезные формы. Мужчины и женщины с бледными лицами выполняли служебные обязанности прямо-таки с пугающим небрежением. Война считалась проигранной. Каждый понимал, что для Германии спасения уже нет.

Или же генералу Венку все-таки удастся деблокировать Берлин?..

После отлета Шауба состоялась беседа между шефом и Борманом. Заявив, что он действует по поручению Адольфа Гитлера, Борман дал следующую радиограмму Герингу:

«Ваше намерение взять на себя руководство государством является государственной изменой. Государственные измены караются смертной казнью. Учитывая Ваши заслуги, приобретенные деятельностью в партии и государстве, фюрер хочет еще раз удержаться от смертной казни, но требует Вашей немедленной отставки под предлогом, что Вы ввиду болезни не в состоянии выполнять возложенные на Вас обязанности. Борман».

Одновременно Борман послал оберштурмбаннфюреру СС д-ру Франку, командиру эссовской части в Оберзальцберге, распоряжение примерно такого содержания: «Геринг имеет изменнические намерения. Приказываю вам немедленно арестовать Геринга, чтобы лишить его всех возможностей [их осуществления]. Об исполнении доложить мне лично. Борман».

Вскоре Борман послал туда еще одну телеграмму примерно следующего содержания: «Если Берлин падет, всех предателей от 22 апреля 1945 г. расстрелять. Борман».

Слушая много лет после войны я узнал о действии этих телеграмм. Оберштурмбаннфюрер СС Франк, получив телеграмму Бормана, имея в своем распоряжении две роты войск СС, немедленно

занял все здания Оберзальцберга и герметически изолировал весь этот комплекс от внешнего мира. Под контроль было взято даже отделение Главного управления имперской безопасности на территории Оберзальцберга. Германа Геринга из соображений безопасности отправили в Австрию, где он вплоть до его пленения американцами находился под охраной СС в качестве арестанта Мартина Бормана.

КОНЕЦ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

За несколько дней до дня рождения Адольфа Гитлера в Берлин прибыла Ева Браун. Против его воли она провела с ним его день рождения и разделила с ним все последние дни вплоть до смерти.

Только 26 апреля мне предоставился случай довольно долго поговорить с Евой Браун, которую я хорошо знал с 1932 г. Она спокойно и твердо высказала намерение остаться в Берлине. В этот час она ясно сознавала, что из этой ситуации выхода нет: «Я ни в коем случае не хочу оставлять фюрера, наоборот, если этому суждено произойти, хочу умереть вместе с ним. Сначала он настаивал, чтобы я покинула Берлин на самолете. Я ответила: «Не желаю! Твоя судьба — это и моя судьба!»

Мы заговорили о Мартине Бормане, который в тот момент как раз прошел мимо нас. Ева Браун дала мне ясно понять, что фюрер уже давно раскусил его, но не может во время войны лишить Бормана его власти, так как с трудом привыкает к новым лицам. В заключение она сказала, что настанет день, когда и Борману придется уйти.

Тем временем в бункер фюрера было несколько прямых попаданий, но толстые бетонные перекрытия устояли. Часовые в Имперской канцелярии получили автоматы и ручные гранаты для возможных действий против парашютистов или ударных групп. А в северной части Берлина уже бушевали тяжелые уличные бои. Немногочисленные немецкие части и фодьксштурм, кое-как вооруженные, отчаянно сопротивлялись. Но превосходство противника в силах было слишком велико. Наша надежда на деблокирование армией Венка и танковым корпусом Штайнера рухнула. Офицеры и ординарцы сообщали, что улицы усеяны ранеными и убитыми. Горящие автомашины и танки свидетельствовали о тяжести боев. Помещения новой Имперской канцелярии, которые прежде всего предназначались для детей берлинского Севера и для беременных женщин, превратились в лазарет. Благодаря постоянному притоку раненых и мы, в узком окружении фюрера, получали информацию о положении на отдельных участках боев.

Вместо рейхсмаршала [Геринга] главнокомандующим ВВС был назначен генерал авиации Риттер фон Грайм. Приказ шефа по-

требовал от Грайма 26 апреля прилететь в Берлин. После промер жуточной посадки в Гатове его «Физелер-Шторьх», пилотируемый Ганной Райч, сел около Бранденбургских ворот. Храбрая женщина на укрылась от обстрела за спинкой кресла пилота. Когда генерал был ранен, она сумела взять штурвал в руки, чтобы посадить самолет на шоссе «Ост — Вест». Сразу же по прибытии в Берлин новый главнокомандующий авиацией был перевязан и ему были сделаны обезболивающие уколы. Тем временем Ганна Райч рассказала фюреру о полете. Он очень высоко оценил действия этой женщины, летное мастерство которой всегда вызывало у него восхищение. (...)

* * *

27 апреля 1945 г., около 17 часов, офицер связи между Гиммлером и Гитлером обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Герман Фегеляйн позвонил мне и спросил, не могу ли я дать ему для информационной поездки две автомашины. К тому же он был бы мне благодарен, если бы я оказал ему личную любезность. Речь идет об одном портфеле с важными документами рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и его собственными; он хочет отправить их в безопасное место. Около 22 часов он лично передаст их мне в бункере фюрера. Совершенно необходимо надежно спрятать их, а при возможном прорыве противника уничтожить. Они ни в коем случае не должны попасть в руки врага. Поскольку я уже многие годы был с Фегеляйном на дружеской ноге и говорил ему «ты», а к тому же он, являясь мужем сестры Евы Браун, пользовался полным доверием шефа, у меня не было никаких причин отказать ему в его просьбе. В этот момент я поистине не думал, что в результате готовности оказать ему услугу моя собственная жизнь повиснет на тоненькой ниточке.

Вскоре Фегеляйн на обоих подготовленных мной автомашинах выехал из Имперской канцелярии. Это были последние машины из моего прежде столь большого гаража, которые еще как-то были на ходу. К моему большому удивлению, примерно через полчаса обе машины вернулись, но без Фегеляйна. От водителей я узнал, что вблизи Курфюрстендамм он вылез, пожелав дальше идти пешком. Фегеляйн выехал из Имперской канцелярии в мундире генерала войск СС.

Когда незадолго до 22 часов я вошел, как и договорился с Фегеляйном, в бункер фюрера, там царило величайшее возбуждение. Только что информационное агентство «Дойчес нахрихтенбюро» [ДНБ] передало сообщение агентства Рейтер. Так как все радиосредства Имперской канцелярии уже не работали, связь поддерживал только один радиодургон из моей фронтовой колонны, расположенный в угольном бункере. Иначе бункер фюрера давно был бы лишен всякой радиосвязи с внешним миром. Мы с нетерпением ожидали обещанного сообщения:

«Рейтер сообщает через ДНБ, что Гиммлер установил связи с графом Бернадоттом, чтобы вести с западными державами переговоры о сепаратном мире. В качестве основы для переговоров Гиммлер приводит то, что фюрер блокирован и к тому же страдает нарушениями мозговой деятельности. Он больше не владеет собой и проживет еще максимум двое суток». Сообщение имело эффект ударившей молнии. Оно подействовало еще убийственнее, чем телеграмма рейхсмаршала Геринга.

Борман вышел из помещения, зажав сообщение в кулаке, и с возмущением выдавил из себя:

— Я всегда знал, что верность нельзя носить на пряжке (как известно, на пряжке поясного ремня у СС было выбито: «Моя честь — верность»). Сост.), ее надо носить в сердце.

Первый его вопрос был обращен ко мне:

— Где Фегеляйн?

Я, как это и было на самом деле, рассказал о разговоре с Фегеляйном и его выезде на моей машине. Добавил, что в 22 часа он должен был передать мне портфель. Хотя все мы старались держать себя в руках, общая нервозность достигла предела. Для всех нас Фегеляйн был безупречным человеком. Он имел высшие ордена Германского рейха. Был на «ты» со мной и Борманом, а также с генералом полиции Раттенхубером.

Секретарши и посол Хевель упрасивали фюрера, чтобы тот отдал им яд. Ведь было известно, что некоторое время назад Гиммлер и Гитлер получили ампулы с ядом.

Где же был Фегеляйн? Ведь если кто и знал об измене Гиммлера, то это именно он! Тем временем в Имперскую канцелярию вернулся адъютант Фегеляйна. Он был тут же допрошен начальником отделения Главного управления имперской безопасности при фюрере криминаль-директором Хёглем. На допросе показал, что Фегеляйн принял решение отправить машину назад и продолжить путь пешком. Они вместе отправились на берлинскую квартиру Фегеляйна. Там генерал переоделся в штатскую одежду, предложив ему сделать то же самое. Он был довольно обескуражен странным поведением своего генерала, но в данных условиях считал корректным вернуться в Имперскую канцелярию в форме. Фегеляйн имел намерение пройти сквозь русский фронт и затем пробиться к Гиммлеру.

Это была явная измена и вероломство. По приказу Бормана все инстанции обязывались схватить Фегеляйна, если он будет обнаружен, и немедленно доставить его в бункер фюрера. (...) Около полуночи телефонный узел соединил Еву Браун с Фегеляйном, говорившим из города. Он торопливо упрасивал свояченицу покинуть Берлин, считая это еще возможным. Ева Браун отклонила предложение и заявила, что от помощи отказывается, а также обратила его внимание на последствия его поведения и попросила вернуться к своим прежним обязанностям. Фегеляйн ответил: назад не вернется и от решения пробиться к Гиммлеру не откажется.

Незадолго до полуночи в угольном бункере заметили какого-то подозрительного штатского. (...) Когда его попытались арестовать, подозреваемый заявил, что он — генерал Фегеляйн и запрещает подобное обращение с собой. Поскольку часовому было известно, что Фегеляйна разыскивают, он не дал себя запугать и доставил Фегеляйна к начальнику обороны правительственного квартала бригадефюреру СС Монке. Одетый в домашние туфли и кожаное пальто, в кашне на шее и в спортивной шапке, он, когда мы его увидели, произвел странное впечатление. Ему пришлось сознаться, что он только что вытащил свой портфель из помещения и спрятал за угольным бункером.

Монке сразу же передал Фегеляйна для допроса криминаль-директору Хёглю. В портфеле были найдены документы о государственной измене Гиммлера и Фегеляйна, на которых основывалось агентство Рейтер в своем сообщении. Снова произвели обыск в комнате Фегеляйна. На дне чемодана обнаружила два полуметровых пояса с английскими золотыми монетами, а также пакеты с английскими фунтами и долларовыми банкнотами. По предварительной оценке, это было многомиллионное состояние в иностранной валюте. (...)

По приказу фюрера немедленно был созван военный трибунал. После краткого слушания дела на основании имеющихся материалов был вынесен приговор: смертная казнь — расстрел. Фегеляйн выслушал свой приговор молча, выражение лица его даже не изменилось. Приговор был передан Гитлеру на подпись и утверждение. Все-таки речь шла о человеке, зарекомендовавшем себя как фронтовик, к тому же — девере жены. Он размышлял, не отправить ли этого человека на фронт для искупления вины, не дать ли Фегеляйну возможность реабилитировать себя?

Но Ева Браун напомнила Гитлеру о ночном телефонном разговоре с Фегеляйном всего несколько часов назад. Она обратила внимание фюрера на то, что Фегеляйн и Гиммлер явно намеревались отдать его и ее в руки врага живыми. Она не желала считаться ни с какими родственными связями, ибо право должно быть правом. Тогда Адольф Гитлер без малейших колебаний подписал смертный приговор. Затем обергруппенфюрер СС генерал Фегеляйн был казнен своими же ээсовцами в саду Имперской канцелярии.

Учитывая обостряющуюся обстановку, фюрер поручил профессору Хаазе испробовать переданный ему Гиммлером яд на животном. Ему явно было жаль для этого эксперимента свою любимую собаку Блонди. Эта овчарка была ему во многих поездках и в часы одиночества верным другом и спутником. Опыт взаимоотношений с Гиммлером заставил Гитлера усомниться, действительно ли эффективен этот яд. Но на сей раз он ошибся. Укол — и собака уже лежала мертвой на ковре.

Танковые заграждения на улицах Берлина уже давно были замкнуты. На улицах и площадях стояли вкопанные в землю тан-

ки, лишь башня поднималась над уровнем мостовой. Населению выдавалось продовольствие. Несмотря на сильный огонь, люди стояли в очередях перед лавками. Каждый хотел получить продукты и одежду. Начались первые ограбления магазинов.

28 апреля генерал авиации Риттер фон Грайм вылетел из Имперской канцелярии. Самолет снова пилотировала Ганна Райч. Взлететь оказалось труднее, чем сесть. В непосредственной близости рвались снаряды, свистели осколки бомб и снарядов. Но Ганну Райч не могло испугать ничто. Моторы запущены. Взлететь удалось только благодаря ее умению и удивительной храбрости. Без особых инцидентов она доставила тяжелораненого генерала в его штаб-квартиру.

Уже несколько дней в узком кругу говорили о предстоящем бракосочетании Гитлера с Евой Браун. Многие сомневались, но потом им пришлось убедиться, что это действительно так. Первые приготовления начались 28 апреля. Бракосочетание должно было состояться в рабочем помещении Гитлера. До этого он продиктовал своему личному секретарю фрау Трауте Юнге завещание. Она впервые стенографировала под диктовку фюрера. Обычно он диктовал прямо на машинку. Было записано как политическое, так и его личное завещание.

Для участия в бракосочетании были приглашены семья Геббельса, Борман, Бургдорф, Хевель, секретарь фрау Кристиан, имперский фюрер молодежи Аксман, а также личный адъютант полковник фон Белов. Официальную регистрацию брака производил неизвестный мне юрист из министерства пропаганды. Он выполнял свой долг, а вокруг Имперской канцелярии рвались снаряды и бункер фюрера сотрясало от прямых попаданий. Среди присутствовавших царил торжественное настроение. Гитлер и Ева Браун стояли перед столом. По бокам — в качестве свидетелей — д-р Геббельс и Мартин Борман. С губ чиновника слетали приглушенные слова о браке и супружеской верности. Гитлер и Ева Браун расписались в актах гражданского состояния. Бракосочетание прошло по всей форме закона. Участники сидели непринужденно, словно на чаепитии. Хотя присутствовавшие и знали, что Гитлер и его жена хотят умереть, фюрер вежливо и любезно старался поднять настроение. Завязался оживленный разговор. Ближайшие сотрудники вновь находились в своем кругу. Громко звучали слова о пережитом ранее, и у многих проявлялась тоска по прошлому. <...>

Сегодня о Гитлере как политике можно судить как угодно. Но, насколько я его знал, по-человечески он был одинок. Единственный человек, кто делил с ним это одиночество, была Ева Браун. При этом она вела себя так скромно, насколько может любящая женщина. Она постоянно держалась позади и, за исключением последних недель, никогда не появлялась в штаб-квартире и ни-

чем не выделялась. Гитлер поступил так же, как поступил бы на его месте любой по-рыцарски ведущий себя мужчина из любого слоя населения. Он не захотел, чтобы его вернейшая спутница жизни вошла в историю в качестве его любовницы. В момент бракосочетания оба они знали, что вскоре сами оборвут свою жизнь. (...)

Наступило 29 апреля.

В первые утренние часы по указанию фюрера д-р Геббельс и Борман обсуждали состав нового имперского правительства. Гитлер просил д-ра Геббельса взять на себя пост рейхсканцлера. Он тогда согласился. Отсутствующий гросс-адмирал Дёниц должен был выполнять обязанности рейхспрезидента. Совещание закончилось. Казалось, все выяснено. Фюрер призвал Геббельса немедленно оставить Берлин вместе с семьей. Геббельс воспринял приказ фюрера как удар кулаком в лицо. Он отказался выполнить этот приказ. Он хотел не покидать Адольфа Гитлера до тех пор, пока тот жив. Когда же шеф стал настаивать на своем требовании, д-р Геббельс заявил, что, поскольку он является комиссаром обороны Берлина, совесть не позволяет ему оставить столицу рейха. Разговор принимал все более темпераментную форму. Гитлер в возбуждении бросил Геббельсу обвинение в том, что тот, один из самых верных его сподвижников, уже не желает выполнять его приказы. Геббельс со слезами на глазах вышел из помещения. Потрясенный этим обвинением, он отправился в свой кабинет и продиктовал фрау Юнге свое завещание.

Во второй половине этого дня, около 18 часов, я в последний раз стоял перед моим шефом, которому верно прослужил тринадцать лет. Он, как всегда, был в своем зелено-сером мундире с длинными черными брюками. Даже я, хорошо знавший его, не мог сказать по его внешнему виду, что он уже решил покончить все счеты с жизнью. В правой руке он держал карту Берлина, левая слегка дрожала, как это часто случалось после перенесенного в Виннице, на Украине, мозгового гриппа, а в последние месяцы стало постоянным явлением. «Ну, как дела, Кемпка?» — спросил он. Я доложил, что вместе с моими людьми обеспечил безопасность Имперской канцелярии от Бранденбургских ворот до Потсдамерплац. «А что думают ваши люди?» На мой ответ, что все они держатся безупречно и ожидают вызволения из окружения генералом Венком, Гитлер спокойно ответил: «Венка ждем все мы». И он в последний раз подал мне руку: «Всего доброго, Кемпка!»

Служба снова звала меня. Русские уже проникли в рейхстаг. Все большее число ударных групп просачивалось в Тиргартен. Я был нужен моим людям.

Еще в ту же ночь застенографированные фрау Юнге завещания Адольфа Гитлера и Геббельса были подписаны. Лоренц, пред-

ставитель имперского шефа печати Дитриха, а также полковник Белов и штандартенфюрер СС Цандер, личный адъютант Бормана, получили приказ попытаться прорваться, имея на руках каждый по копии этих документов. Они покинули окруженный Берлин в различных направлениях, чтобы добраться с ними до нового рейхспрезидента Дёница.

Вскоре я получил приказ Бормана и генерала Бургдорфа выслать к генералу Венку связных-мотоциклистов с особым посланием к этому генералу. С большим трудом удалось мне обеспечить два исправных мотоцикла, на которых оба связных, переодетых в штатскую одежду, выехали из Имперской канцелярии. «Венк, время не терпит! *Борман, Бургдорф*» — таково было, коротко говоря, содержание этого особого послания, сформулированного как сопроводительное письмо для связных-мотоциклистов. Под сильным артиллерийским огнем они помчались каждый своим особым путем, чтобы добраться до Ферка, около Потсдама, где находился штаб Венка. (...)

СМЕРТЬ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Это было около полудня 30 апреля 1945 г.

В районе Имперской канцелярии и правительственного квартала непрерывно рвались снаряды русской артиллерии. Бой становился все ожесточеннее. С грохотом рушились дома, улицы вокруг Имперской канцелярии превращались в сплошную каменную пустыню.

Фюрер попрощался с еще находившимися при нем людьми. Еще раз пожал руку каждому, поблагодарил за проделанную работу и за личную верность ему. Секретарши фрау Юнг и фрау Кристиан, а также диетическая повариха Манциази были приглашены на обед. Рядом с Адольфом Гитлером сидела его жена. Как в свои лучшие дни, он пытался вести непринужденную беседу и найти с каждым общую тему. Когда эта последняя трапеза закончилась и три дамы ушли, фюрер через своего адъютанта Гюнше позвал их еще раз. Он стоял у входа в переднюю своего помещения вместе с женой. Фрау Гитлер обняла многолетних сотрудниц своего мужа и на прощание пожала руку каждой.

Шеф попрощался также с Борманом и своим адъютантом Гюнше. Тот получил приказ немедленно связаться со мной и подготовить достаточно горючего для сожжения тел Гитлера и его жены. Шеф объяснил адъютанту:

— Не хочу, чтобы меня после смерти выставили напоказ в русском паноптикуме.

Я находился в еще не очень разрушенном помещении подземного гаража и уже собирался выйти наружу для смены часовых, как зазвонил мой телефон. Я схватил трубку и назвал себя. Говорил Гюнше:

— Эрих, мне надо обязательно чего-нибудь выпить! У тебя найдется бутылка шнапса?

Этот вопрос меня очень обескуражил. В те дни нам было не до спиртного. Голос Гюнше звучал настойчивее:

— Неужели у тебя ничего нет?

Что за напасть такая с Гюнше? Тут что-то не так! Ну что ж, сейчас узнаю, тем более он сказал, что немедленно идет ко мне. Я приготовил бутылку коньяка и стал ждать. Что случилось? Гюнше не пришел, а я не знаю, откуда он звонил и где его найти. Так прошло с полчаса. Опять зазвонил телефон. Это снова был Гюнше:

— Мне немедленно надо от тебя 200 литров бензина!

Сначала я счел это дурной шуткой и попробовал втолковать ему невыполнимость его требования. Тут уж он просто завопил:

— Бензин!.. Эрих!.. Бензин!

— Да зачем тебе 200 литров?

— По телефону сказать не могу. Но я должен их получить, Эрих! Хоть в лепешку расшибись, но мне нужно, чтобы они немедленно были доставлены к входу в бункер фюрера!

Я ответил, что должен привезти бензин из Тиргартена, где закопана тысяча литров, но не могу ради этого слать своих людей на верную смерть — там такой сильный артогонь, что туда просто невозможно добраться. Я просил его:

— Подожди хоть до 17 часов, когда огонь будет не такой масированный. А до тех пор наберись терпения.

Гюнше не соглашался:

— Не могу ждать ни часа! Попробуй слить бензин из твоих разбитых машин. Немедленно шли своих людей с канистрами!

Я в крайней спешке поручил своему заместителю и несколькими из своих людей приняться за дело, чтобы как-нибудь доставить бензин к назначенному месту. Сам же, через развалины и разбитые машины, поспешил к Гюнше узнать, в чем дело.

В тот момент, когда я вошел в бункер фюрера, Гюнше как раз выходил из кабинета Гитлера, и мы столкнулись в помещении для доклада обстановки. Лицо его сильно изменилось, и он, мертвенно-бледный, глядел на меня.

— Ради Бога, что случилось? — выдавил я из себя. — Ты с ума сошел, чтобы я под таким артобстрелом нес сюда бензин да еще поставил под угрозу жизнь моих людей!

Гюнше, казалось, моих слов не слышал. Он бросился к дверям в комнату Гитлера и захлопнул их. Потом повернулся ко мне и бросил:

— Шеф мертв!

Меня будто обухом по голове хватили. Вопросы посыпались один за другим:

— Как это произошло? Ведь только вчера я говорил с ним. Он был здоров и совершенно бодр!

Гюнше все еще не мог от потрясения вымолвить ни слова. Он

только поднял правую руку и, сложив пальцы в кулак наподобие пистолета, поднес к своему рту.

— А где Ева? — взволнованно спрашиваю я.

Гюнше рукой указывает на закрытую дверь комнаты шефа:

— Она — с ним!

Постепенно я узнаю, что произошло в последние часы.

Шеф в своем рабочем кабинете выстрелил себе в рот из пистолета*, и голова его упала на крышку стола. Ева Гитлер поникла на диване у стола рядом с ним, немного наискосок. Она отравилась. Но и она держала в руке пистолет. Правая рука ее свисала вдоль спинки дивана, а на полу лежал другой пистолет.

— Борман, Линге и я услышали выстрел и ворвались в комнату. Вызвали для освидетельствования д-ра Штумпфэггера. Позвали Геббельса и Аксмана, — сбивчиво говорил Гюнше.

— А кто там теперь? — захотел знать я.

— Геббельс, Борман и Юнге, д-р Штумпфэггер тоже там. Они констатировали смерть. Аксман уже вышел.

В этот момент вошел один из моих людей и доложил: 160—180 литров бензина уже стоят в канистрах у бункера фюрера. Я отослал человека обратно.

В эту минуту открылась дверь из комнаты Гитлера.

— Бензин!.. Где бензин?.. — отчаянно кричал личный ординарец Гитлера Линге. Я ответил: «Бензин на месте!» Линге бросился назад. Через несколько секунд дверь открылась снова.

Линге и д-р Штумпфэггер вынесли завернутое в темное солдатское одеяло тело Гитлера и понесли его к выходу. Лицо шефа было закрыто до переносицы, а на лбу уже выступила восковая свинцовая синева. Вывалившаяся из одеяла до локтя левая рука безжизненно свешивалась вниз. За обоими шел Мартин Борман. Он нес на руках мертвую Еву Гитлер. Она была в черном платье, светлые локоны откинута назад. Эта картина потрясла меня еще больше, чем вид мертвого шефа. Ева ненавидела Бормана. Она давно уже распознала его игру, его стремление к власти, и вот теперь, когда она умерла, ее нес к месту последнего успокоения ее величайший враг! Нет, она ни минуты больше не должна оставаться в руках Бормана! Я коротко бросаю Гюнше:

— Помоги нести шефа, а я возьму Еву!

* Как установила тогда же специальная медицинская комиссия 1-го Белорусского фронта в результате патолого-анатомического изучения трупа Гитлера, он и Ева Браун не застрелились, а отравились и в их телах были обнаружены цианистые соединения. Возможно, что перед отравлением Гитлер приказал своему камердинеру эсэсовцу Линге пристрелить его. Таким образом, о самоубийстве Гитлера имеются различные не до конца доказанные и не до конца опровергнутые версии: отравился; застрелился; одновременно отравился и застрелился; был после отравления пристрелен своей обслугой из сострадания или «для надежности», а также и для создания легенды о «героической солдатской смерти фюрера».

Об обнаружении и идентификации трупа Гитлера см.: Е. Ржевская. Берлин. 1945; Л. Безыменский. Девять могил Адольфа Гитлера. История трупа Гитлера. — Новое время, 1992, № 31. *Примеч. сост.*

только поднял правую руку и, сложив пальцы в кулак наподобие пистолета, поднес к своему рту.

— А где Ева? — взволнованно спрашиваю я.

Гюнше рукой указывает на закрытую дверь комнаты шефа:

— Она — с ним!

Постепенно я узнаю, что произошло в последние часы.

Шеф в своем рабочем кабинете выстрелил себе в рот из пистолета*, и голова его упала на крышку стола. Ева Гитлер поникла на диване у стола рядом с ним, немного наискосок. Она отравилась. Но и она держала в руке пистолет. Правая рука ее свисала вдоль спинки дивана, а на полу лежал другой пистолет.

— Борман, Линге и я услышали выстрел и ворвались в комнату. Вызвали для освидетельствования д-ра Штумпфэггера. Позвали Геббельса и Аксмана, — сбивчиво говорил Гюнше.

— А кто там теперь? — захотел знать я.

— Геббельс, Борман и Юнге, д-р Штумпфэггер тоже там. Они констатировали смерть. Аксман уже вышел.

В этот момент вошел один из моих людей и доложил: 160—180 литров бензина уже стоят в канистрах у бункера фюрера. Я отослал человека обратно.

В эту минуту открылась дверь из комнаты Гитлера.

— Бензин!.. Где бензин?.. — отчаянно кричал личный ординарец Гитлера Линге. Я ответил: «Бензин на месте!» Линге бросился назад. Через несколько секунд дверь открылась снова.

Линге и д-р Штумпфэггер вынесли завернутое в темное солдатское одеяло тело Гитлера и понесли его к выходу. Лицо шефа было закрыто до переносицы, а на лбу уже выступила восковая свинцовая синева. Вывалившаяся из одеяла до локтя левая рука безжизненно свешивалась вниз. За обоими шел Мартин Борман. Он нес на руках мертвую Еву Гитлер. Она была в черном платье, светлые локоны откинута назад. Эта картина потрясла меня еще больше, чем вид мертвого шефа. Ева ненавидела Бормана. Она давно уже распознала его игру, его стремление к власти, и вот теперь, когда она умерла, ее нес к месту последнего успокоения ее величайший враг! Нет, она ни минуты больше не должна оставаться в руках Бормана! Я коротко бросаю Гюнше:

— Помоги нести шефа, а я возьму Еву!

* Как установила тогда же специальная медицинская комиссия 1-го Белорусского фронта в результате патолого-анатомического изучения трупа Гитлера, он и Ева Браун не застрелились, а отравились и в их телах были обнаружены цианистые соединения. Возможно, что перед отравлением Гитлер приказал своему камердинеру эсэсовцу Линге пристрелить его. Таким образом, о самоубийстве Гитлера имеются различные не до конца доказанные и не до конца опровергнутые версии: отравился; застрелился; одновременно отравился и застрелился; был после отравления пристрелен своей обслугой из сострадания или «для надежности», а также и для создания легенды о «героической солдатской смерти фюрера».

Об обнаружении и идентификации трупа Гитлера см.: Е. Ржевская. Берлин. 1945; Л. Безыменский. Девять могил Адольфа Гитлера. История трупа Гитлера. — Новое время, 1992, № 31. *Примеч. сост.*

белье, Борман, д-р Штумпфэггер. А снаружи неистовствовал настоящий ад!

Но как же нам поджечь бензин? Предложение сделать это при помощи ручной гранаты я отклонил. Случайно взгляд мой упал на большую тряпку, лежавшую рядом с пожарными шлангами у выхода из бункера. Гюнше схватил ее и разорвал на куски. Открыть ^ран канистры и сунуть туда тряпку было делом секунды. Я наклонил канистру, тряпка хорошо намочилась, напиталась бензином. «Спички!» Д-р Геббельс вынул коробок из кармана и протянул мне. Я зажег спичку и сунул в тряпку, а потом высокой дугой швырнул канистру на облитые бензином трупы. С широко раскрытыми глазами мы смотрели на лежащие там тела. В одну секунду высоко вспыхнуло бурлящее пламя, к небу поднялись темные столбы дыма^ На фоне горящей столицы рейха они создавали ужасающую картину. Словно замороженные глядели д-р Геббельс, Борман, д-р Штумпфэггер, Гюнше, Линге и я на этот жуткий спектакль.

Постепенно огонь охватил трупы. Все мы шестеро еще раз отдали дань памяти нашему мертвому шефу и его жене. Потом, глубоко потрясенные этим кошмарным зрелищем, вернулись в бункер. Пламя пожирало бензин, и, когда оно затухало, подливать было невозможно. Но все-таки нам кое-как удалось облить бензином еще не обуглившиеся тела и снова поджечь их. Полное сожжение казалось нам невозможным из-за непрекращающегося артобстрела.

Сожжение длилось с 14 часов дня до примерно 19.30 вечера. За это время мои люди в крайне тяжелых условиях принесли еще несколько сот литров бензина. Окончательно вернувшись в бункер, мы увидели собравшийся весь узкий штаб. (...) У многих текли слезы. Хотя большинство было подготовлено к этому, свершившийся факт был подобен для каждого из нас удару киркой по голове. Хладнокровие, царившее до тех пор, мгновенно исчезло со смертью Адольфа Гитлера. Все были возбуждены, никто не знал, что будет дальше. Казалось, нами овладело малодушие.

Первым полностью взял себя в руки д-р Геббельс.

— Борман, Бургдорф, Кребс, Монке — прошу на обсуждение обстановки!

Гюнше и я отправились вскоре в комнату, где умер шеф. Нами овладело чувство полной пустоты. Следы смерти были перед нашими глазами. Пистолеты Евы и Адольфа Гитлера лежали на красном ковре. Как на столе, так и на ковровом покрытии пола виделись следы крови. На столе — опрокинутая ваза. Наискось от нас стояла фотография матери Гитлера. Над столом одиноко висел портрет Фридриха Великого. Погруженный в собственные мысли, я вышел из помещения, чтобы вернуться к своим солдатским обязанностям.

В приемной врачебного кабинета я увидел сидящую за столом Убитую горем Магду Геббельс. Она попросила меня сесть рядом.

Я заметил, как глубоко переживает она в душе все происходящее. Она рассказала мне о прощании с фюрером.

— Я упала перед ним на колени, умоляя его не уходить из жизни. Он с добрым чувством поднял меня и спокойно объяснил, что должен покинуть этот мир. Только так он откроет путь Дёницу, чтобы как-то спасти Германию.

Чтобы отвлечь ее, я заговорил о возможном бегстве семьи Геббельс из Берлина. У меня есть еще три броневика, которые я получил в последние дни. Может быть, мне удастся вывезти всю семью из зоны опасности. Она с пониманием отнеслась к моему предложению, и у меня сложилось впечатление, что я снял с ее сердца большой груз.

В это время нашу беседу прервал приход д-ра Геббельса. Она сразу же начала говорить ему о моем плане. Но Геббельс решительно отверг мое предложение.

— Генерал Кребс едет как уполномоченный мною парламентар к генералу Жукову для переговоров о нашем свободном выходе из Берлина. Если переговоры сорвутся, мой путь твердо определен. Я остаюсь в Берлине и не имею желаний бродить по всему свету как вечный беглец.

Он повернулся ко мне:

— Для моей жены и моих детей путь из Берлина, разумеется, открыт.

Фрау Геббельс вскочила:

— Я, конечно, останусь с мужем. Путь, который он выбрал, это и мой путь!

Затем я отправился во врачебное помещение, где лежал тяжело раненый начальник эсэсовской команды сопровождения штурмбаннфюрер СС Франц Шедль, и рассказал ему обо всем. Во время разговора подошел Гюнше, а с ним криминаль-директор Хёгль. Гюнше прервал наш разговор и передал мне приказ коменданта Монке собраться в 21 час вместе с моими людьми в угольном бункере новой Имперской канцелярии, чтобы попытаться осуществить прорыв. Шедль заявил, что после нашего ухода пустит себе пулю в лоб, но живым в руки врага не дастся.

Отправившись вечером в бункер фюрера для получения приказа, я встретил генерала полиции Раттенхубера. От него я узнал, что он вместе с несколькими полицейскими чинами и личным ординарцем Гитлера Линге присутствовал при тушении огня. Все останки Адольфа Гитлера и его жены были собраны, и их положили в небольшую могилу неподалеку от моего жилого дома.

После совещания Геббельса, Бургдорфа, Бормана, Кребса и Монке, на котором были обговорены пункты для ведения переговоров, генерал Кребс отправился к русским. К 21 часу генерал еще не вернулся. Монке приказал отложить прорыв до 24 часов.

Поздно вечером наконец возвратился в Имперскую канцелярию генерал Кребс. Он сообщил д-ру Геббельсу, что русский генерал

Жуков потребовал безоговорочной капитуляции*. Ему удалось лишь получить заверение, что с ранеными и пленными будут обращаться в соответствии с положениями Женевской конвенции.

Наше решение оставалось твердым. Прорыв был окончательно назначен на 21 час 1 мая 1945 г. Нам было уже все равно. Имелось лишь две возможности: или живыми прорваться через вражеские линии, или найти солдатскую смерть в бою. Все больше русских солдат просачивалось в Тиргартен. Нам стоило большого труда удерживать нашу позицию до момента прорыва. Мысли мои невольно возвращались к фрау Геббельс и ее детям. (...) Вскоре я узнал, что дети Геббельса уже мертвы. Д-р Штумпфэггер рассказал мне, что Геббельс попросил умертвить их, сделав уколы сильнодействующего яда. Он, доктор Штумпфэггер, не нашел в себе сил сделать это; вспомнив о своих' собственных детях, он не решился взять на свою душу такой грех. Геббельс был в отчаянии. Он любой ценой желал, чтобы его дети не попали в руки врага. В конце концов он, д-р Штумпфэггер, нашел среди беженцев в угольном бараке одного врача, который согласился выполнить волю супругов Геббельс. Он и умертвил их детей.

Часы показывали 20 часов 45 минут. Уже было все приготовлено для сожжения тел Геббельса и его жены. Он лично распорядился об этом. Я еще раз вернулся в бункер фюрера, чтобы попрощаться с д-ром Геббельсом и его женой. Хотя их дети вот уже несколько часов как были мертвы, сами они держались спокойно и уравновешенно. С преисполненным душевной боли лицом фрау Геббельс попросила передать своему сыну от первого брака Гаральду сердечный привет, если я его увижу. Пусть он узнает от меня, как погибла его мать. Супруги Геббельс ушли из жизни точно так же, как и супруги Гитлер. Министр застрелился, а Магда Геббельс приняла яд.

Сокращенный перевод из книги: *Erich Kempka. Ich habe Adolf Hitler verbrannt. München, [о. J.]*

* Генерал Кребс был у командующего 8-й гвардейской армией генерала Чуйкова, который потребовал безоговорочной капитуляции Германии. *Примеч. сост.*

КАРЛ ДЁНИЦ

Гросс-адмирал, командующий военно-морскими силами

ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ НА ПОСТУ ПРЕЕМНИКА ГИТЛЕРА*

Карл Дёниц (1891—1980) — один из главных нацистских военных преступников. До 1943 г. командовал подводным флотом Германии, а затем всеми ее военно-морскими силами. 1 мая 1945 г., согласно завещанию Гитлера, стал рейхспрезидентом Германии и верховным главнокомандующим вермахта. 2—3 мая сформировал новое «имперское правительство» в Фленсбурге (земля Шлезвиг-Гольштейн). На процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге приговорен Международным военным трибуналом к 10 годам тюремного заключения. Освобожден по отбытии срока в 1956 г.

В январе 1945 г. германское имперское правительство заполучило в свои руки оперативный приказ «Иклипс», содержащий документ «Планирование и подготовка мер по оккупации Германии» после ее безоговорочной капитуляции. На приложенной к этому приказу карте была нанесена схема раздела Германии между Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Великобританией. В целом она отвечала действительно осуществленному позже разделению на оккупационные зоны, за исключением французской, которую союзники предоставили Франции только на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Намеченный раздел и предусмотренные «планом Morgентау» методы обращения с Германией заставляли опасаться конца нашего существования как целостной нации.

12 января 1945 г. русские начали наступление по всему Восточному фронту. Они вторглись в Силезию и достигли среднего течения Одера у Кюстрина. Вермахт не смог выполнить на нашей восточной границе свою естественную военную задачу — защитить территорию и население Восточной Германии. Поэтому люди волной устремились из этих областей на запад, чтобы спастись от вступления русских. Страх и ужас переполняли их. (...)

В этих условиях я считал спасение населения восточной части Германии первейшим долгом немецкого солдата. Если мы, к нашему горю, не сумели сохранить для восточных немцев их родной край, мы тем более не имели права бросить их на произвол судьбы, когда дело шло о спасении самой их жизни. Только ради одного этого немецкий солдат должен был продолжать сражаться на Восточном фронте.

* Заголовок дан составителем.

Но имелась и вторая причина. Об ином, нежели безоговорочная капитуляция, окончании войны по воле союзников не могло быть и речи. Для германских войск это означало прекращение их всякого передвижения в момент подписания капитуляции. Они должны были сложить оружие там, где стояли, и отправиться в плен. Капитулируй мы в зимние месяцы 1944/45 г., в русский арен попало бы 3'/г млн солдат Восточного фронта, который еще весьма далеко отстоял от линии англо-американского. Принять их, обеспечить продовольствием и разместить было бы для русских, даже при самом большом желании, организационно невозможно. Им пришлось бы пережить зимние месяцы в примитивных условиях, в открытом поле. Результатом явилась бы ужасающе высокая смертность. Насколько тяжело разместить и накормить такое огромное число военнопленных, показали события при капитуляции в гораздо более благоприятное время — в мае 1945 г. даже, на Западе, где англичанам и американцам не удалось в достаточной мере обеспечить сносные условия существования немецких военнопленных и большинство из них умерло.

Таким образом, было ясно: окончание войны зимой 1944/45 г. ввиду требования союзников о безоговорочной капитуляции означало бы смерть миллионов людей из числа немецкого гражданского населения и солдат Восточного фронта. Никто из занимавших тогда какой-либо ответственный пост в вермахте не мог считать возможным пойти на такой шаг. Ни один заслуживающий сострадания беженец с востока Германии не согласился бы быть отданным русским, ни один немецкий солдат — попасть в русский плен. Солдаты просто не выполнили бы приказа остаться на месте и сдаться в плен. Они, как и гражданское население, попытались бы спастись бегством на Запад. Таким образом, ни одно руководящее лицо не смогло бы в тот момент подписать акт о капитуляции, сознавая, что она будет сорвана и тем самым огромное число немцев на востоке Германии окажется предоставлено своей собственной судьбе и подвергнется уничтожению...

Ввиду этого приходилось поневоле продолжать войну зимой 1944/45 г., на всех фронтах и на всех морях, и дальше принося в жертву наших солдат и платя за это потерями гражданского населения от налетов авиации. Это являлось необходимым, ибо все-таки мы несли потери гораздо меньшие, чем при преждевременной сдаче Восточного фронта. Каждый военный человек на командном посту, задававший себе вопрос, не явилась бы капитуляция в то время меньшим злом, мог дать ответ на него не с точки зрения германского Запада или Востока, а только с учетом всей германской судьбы. Правда, он мог понять и то, что западногерманское население требовало прекращения войны, считая, что каждый лишний день боевых действий приносит только ущерб. Но ни в коем случае нельзя было пойти навстречу этому требованию. Оно являлось односторонним, зачастую нетерпимым по отношению к германским согражданам с Востока и даже игнорировало

тот факт, что и солдаты из западногерманских областей тоже погибли бы при выполнении этого требования. Не следовало впадать в ошибки того или иного гауляйтера, который, не считаясь с другими частями населения, хотел при ожидаемом крахе Германии в конце войны спасти только свою собственную вотчину.

По ряду причин я тоже не мог согласиться с требованием противника о безоговорочной капитуляции. Вопрос о прекращении войны никогда не ставился передо мной государственным руководством как перед командующим военно-морским флотом. До тех пор, пока германские армии на Восточном фронте отстояли от американских линий еще далеко, я на этот вопрос, будь он мне адресован, по вышеуказанным причинам дал бы ответ отрицательный.

Предпосылкой для достижения военной цели — спасти людей из восточногерманского пространства — служило сохранение порядка на фронте и внутри страны. Любой хаос стоил бы еще большей крови. Эта военная цель, оглашение которой тогда, принимая во внимание противника, было невозможно, объясняет многие мои тогдашние приказы.

Только в одно я не верил зимой 45-го года: будто продолжать сражаться дальше надо потому, что ожидается разрыв между западными союзниками и Советским Союзом. Даже притом, что англо-американская политика полного устранения германской континентальной державы в собственных англо-американских интересах и была мне непонятна (ведь возникший в результате вакуума закономерным оказался бы заполненным возрастом мощи Востока), я все-таки не верил в то, что сами западные союзники уже тогда уразумели это. Учитывая их военную пропаганду и настроенные крестового похода против национал-социалистской Германии, думать об этом не приходилось.

Еще летом 1944 г., после отпадения Финляндии, приближения Восточного фронта к германской границе и возникновения угрозы Восточной Пруссии, главной задачей военно-морского флота становилось обеспечение Восточного фронта морскими транспортом через Балтийское море путем подвоза людей, оружия, боеприпасов и военных материалов, а также вывоз на Запад на тех же судах, при их возвращении, раненых, беженцев и отдельных частей сухопутных войск. Когда же после прорыва русских в январе 1945 г. территория, верфи и пункты военной подготовки в восточной части Балтийского моря оказались под угрозой или потерянными, стало окончательно ясно: подводное оружие с его новыми, превосходящими противника подводными лодками в широком масштабе больше применено уже быть не может.

Поэтому подводная война отныне уже не являлась главной задачей военно-морского флота. Я направил значительную часть его на поддержку Восточного фронта и спасение немцев. Военно-морской персонал, подготовленный для экипажей строящихся подводных лодок или же снятый с других объектов, я передавал сухо-

путным войскам или же формировал из него морские части и дивизии, которые использовались против русских на суше. В течение последних месяцев войны в защите германской территории на Востоке в военных действиях на суше приняло участие примерно 50 тыс. моряков. (...)

Военно-морские силы дня Восточного фронта были переброшены из Северного моря и норвежского района в той мере, в какой это позволяло местное судоходство. Здесь они настоятельно требовались для обеспечения морских путей и охраны торговых судов, которые использовались для Восточного фронта и транспортировки беженцев. Тоннаж германского торгового флота имел для балтийских транспортов решающее значение. (...) Весь наличный тоннаж был подчинен мне и использовался под единым командованием вместе с кораблями военно-морского флота с возможно большей эффективностью для балтийских транспортов. Главное руководство этим делом я поручил контр-адмиралу Энгельхардту. То был человек, который еще раньше, на других должностях в военно-морских силах, приобрел большой опыт в области торгового судоходства. Его заслугой являлось то, что военно-морскому флоту в последние месяцы войны удалось морским путем наряду со снабжением Восточного фронта вывезти на Запад больше 2 млн человек из Западной и Восточной Пруссии, а также Померании. (...)

Когда 19 марта 1945 г. Гитлер отдал свой известный приказ о разрушениях под девизом «выжженная земля», передо мной встал задача взять под свой контроль те меры, которые вытекали отсюда для военно-морских сил. В изданной штабом Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) инструкции по осуществлению этого приказа указывалось, что разрушение морских портов и верфей может производиться только с моего утверждения. (...)

Когда затем продвижение русских в среднем течении Одера у Кюстрина и Франкfurта [-на-Одере], а также продолжение американского наступления на Среднюю Германию стало угрожать расчленением рейха на северную и южную части, Гитлер 10 апреля заблаговременно распорядился передать мне командную власть в Северной Германии. Это означало лишь то, что в случае вступления данного распоряжения в силу я был обязан самостоятельно принимать важные решения, касающиеся гражданского сектора. Приказная же власть в отношении военных операций подлежала передаче мне только в том случае, если Гитлер и ОКВ будут находиться уже не в северной, а в южной части рейха.

Для выполнения моих задач на суше мне был придан в качестве имперского комиссара по гражданскому сектору бременский гауляйтер Вегенер, а для проведения военных операций на суше — генерал Кинцель.

В ходе выполнения этого распоряжения Гитлера я 22 апреля, непосредственно перед окружением Берлина русскими, переместился из Берлина в Плён.

Передача мне командной власти в северной части Германии

произошла без моего участия. Я считал эту меру в принципе правильной. То, что предусмотренная приказом Гитлера оборона Севера была практически неосуществима, я сразу же вполне ясно понял на основе немедленного изучения обстановки в Плёне. Но мое назначение дало мне возможность, насколько это требовалось, координировать действия гражданских и государственных органов, чтобы направлять потоки беженцев по сухопутным дорогам. Любой беспорядок мешал и затруднял транспортировку по морю или по суше и оплачивался людскими потерями. Самоуправство или недостаток сотрудничества отрицательно сказывались на размещении беженцев, а потому должны были пресекаться или не допускаться. Я попросил прибыть ко мне 23 апреля гауляйтеров Мекленбурга, Шлезвиг-Гольштейна и Гамбурга с целью установить необходимое сотрудничество. Явились только двое из них; гамбургский гауляйтер Кауфман не приехал. Как выяснилось, он еще с середины апреля стремился возможно быстрее провести сепаратную капитуляцию Гамбурга. Я, разумеется, никоим образом не мог допустить в тот момент такой самоуправной сдачи Гамбурга союзникам, а всего этого участка военных действий — англичанам.

Ведь для приема беженцев из Восточной и Западной Пруссии, а также из Померании, которые шагали по дорогам на Запад или прибывали морем, требовалось достаточно обширное пространство. Для этого был пригоден только Шлезвиг-Гольштейн, ибо не приходилось ожидать, что Мекленбург, который по уже известной союзнической карте принадлежал к русской* зоне, может долго удерживаться нами. К тому же в Шлезвиг-Гольштейне находились военно-морской порт Киль, база транспортной службы военно-морского флота на Балтике и некоторые командные органы. Если бы Гамбург капитулировал, то Шлезвиг-Гольштейн сразу же свалился бы, как спелый плод, в руки англичан, а все военно-морские порты и пока еще открытые для эвакуации беженцев гавани для торговых судов оказались бы нами потеряны. Военная организация нашего флота по морской транспортировке была бы английскими оккупационными властями ликвидирована, солдаты-моряки — превращены в военнопленных, с транспортом беженцев с Востока было бы покончено и принимать суда с ними стало бы невозможно. (...)

Поскольку англичане, по всей вероятности, посчитались бы с интересами своих русских союзников, рассчитывать на то, что они интернируют в Шлезвиг-Гольштейне солдат и офицеров группы армий «Висла», которые отступали на Запад с левого берега Одера, смешиваясь с колоннами беженцев, не приходилось. Как мы узнали позже, американцы отказывались принимать беженцев и даже отдельных вооруженных солдат армий генерал-фельдмаршала Шёрнера, силой оружия препятствовали их бегству на Запад, собирая и передавая русским.

Поэтому преждевременная самостоятельная капитуляция Гамбурга могла быть оплачена только потерей неисчислимого мно-

жества беженцев и немецких солдат Восточного фронта. 30 апреля я_д получил от Кауфмана телеграмму, из которой явствовало его намерения. В тот же день, то есть еще до назначения меня главой правительства, я направил ему следующий ответ:

«1. Главной заботой военного руководства в настоящей ситуации является спасение германской земли и немецкого народа от большевизма. Поэтому центр тяжести борьбы однозначно находится на германском Востоке. Делается все возможное с военной точки зрения, чтобы остановить или, по меньшей мере, сдержать русское продвижение в Мекленбург как можно дольше с целью обеспечить отток немецкого населения.

2. Этот отток осуществим лишь до тех пор, пока остаются открытыми на Запад ворота через согласованную в Ялте линию границы оккупационной зоны. Если канал Эльба — Траве окажется прегражденным англичанами, 7 млн немцев будут отданы на произвол русских.

3. Поэтому абсолютно необходимо с крайним упорством защищать позицию на Эльбе от войск Запада. Там, где в результате выполнения данной боевой задачи произойдет разрушение имущественных ценностей, это будет тысячекратно возмещено сохранением немецкой крови на востоке Германии. Выходящее за указанные рамки разрушение гаваний или промышленных сооружений не предусматривается и при всех обстоятельствах допускаться не должно.

4. Своей безоговорочной поддержкой предстоящей боевой задачи вы и город Гамбург внесете наилучший вклад в судьбоносную борьбу нашего народа».

Таким образом, в эти апрельские дни самостоятельная и преждевременная капитуляция Гамбурга была бы тяжелой ошибкой. (...)

Вопрос о командовании в Северной Германии прояснился для меня 23 апреля. Гитлер решил остаться в Берлине. Штаб Верховного главнокомандования вермахта переместился в Рейнсберг. Тем самым оперативное руководство в Северной Германии, согласно произведенному в начале апреля урегулированию вопроса о командной власти, оставалось за Гитлером или за ОКВ во главе с начальником штаба фельдмаршалом Кейтелем и генерал-полковником Йодлем. Моя деятельность концентрировалась и ограничивалась морскими транспортом на Балтике и облегчением передвижения колонн беженцев по стране.

28 апреля я выехал из Плёна в Рейнсберг в ОКВ. Я хотел лично получить информацию о военном положении на Восточном фронте. Дороги между Плёном и Рейнсбергом, ведущие на запад, были забиты едущими и идущими беженцами. Вместе с ними двигались военные грузовики с ранеными, военнослужащими и гражданскими лицами. Англо-американские истребители вели огонь по До отказа забитым дорогам. Стоило им появиться, как работавшие на полях крестьяне в панике бросали свои упряжки прямо в поле,

стараясь найти где-нибудь укрытие. В результате обстрела истребителями среди беженцев имелись убитые и раненые.

Прибыв в Рейнсберг, я увидел в ОКВ и Гиммлера. После обсуждения обстановки он перевел разговор на вопрос о преемнике Гитлера на тот случай, если фюрер окажется заблокированным в Берлине. Он спросил меня, поступлю ли я в его распоряжение, если преемник Гитлера поручит ему выполнение государственной функции. Я ответил: сейчас прежде всего необходимо не допустить хаоса, который стоил бы лишь новой крови; поэтому я предоставлю себя в распоряжение любого законного правительства.

Обсуждение обстановки с военной точки зрения показало мне, что армия «Висла» больше уже не в состоянии долго сопротивляться русскому натиску. Приходилось считаться со скорой потерей Мекленбурга. Отсюда для меня вытекал лишь один вывод: вновь и вновь делать все, чтобы ускорить эвакуацию людей морем и по суше.

Совещание в Рейнсберге ясно доказало, что о единстве германского руководства речи больше идти не может. Из изолированного от внешнего мира берлинского бункера руководить нельзя. Правда, там еще имелась телефонная связь, да и я располагал надежной радиосвязью благодаря военно-морскому узлу связи, обладавшему новыми, не известными ни одной другой командной инстанции секретными средствами шифрования. На сведения, которые я получал таким путем, можно было полагаться. Но всякая самостоятельная оценка положения в стране из Берлина уже была невозможна.

Геринг, предусматривавшийся в качестве преемника Гитлера на посту главы государства, находился в Южной Германии. 23 апреля я получил из Имперской канцелярии сообщение, что он предпринял путч и за это лишен Гитлером всех своих должностей. Главнокомандующим авиацией назначен генерал-полковник Ррттер фон Грайм. Позже выяснилось, что информация о путче Геринга основывалась на ошибке. Однако этот инцидент был характерен для заряженной током высокого напряжения политической атмосферы и говорил о том, как легко изоляция в бункере, в которой пребывал Гитлер, вела к ошибочным решениям.

В этот день в результате известия о смещении Геринга мне стало ясно, что он как преемник Гитлера больше уже не котируется. С этого момента я больше не верил в то, что все-таки удастся создать единое военное руководство. Я намеревался до тех пор, пока это еще как-то возможно, вместе с военно-морским флотом выполнять последнюю разумную политическую и военную задачу: спасти людей с Востока. А как только ход событий больше этого не позволит, то есть наши усилия перестанут приносить пользу, капитулировать вместе со всем военно-морским флотом.

30 апреля 1945 г. я получил зашифрованную на шифровальной машине радиограмму:

«Происходит новое предательство. Согласно вражескому радио,

рейхсфюрер Гиммлер сделал через Швецию предложение о капитуляции. Фюрер ожидает от Вас, что вы молниеносно и со стальной волей будете действовать против всех предателей. *Борман*».

Все это показалось мне именно тем, что мы на флот\$ называли «полундра». Важнейшим моим делом в это время являлось обеспечить порядок для выполнения моей главной задачи. Что означает этот приказ, требующий, чтобы я «молниеносно и со стальной волей» выступил против рейхсфюрера, в распоряжении которого силы полиции и СС? Для таких действий у меня не имелось никаких средств, я даже не мог выделить для своей личной охраны или для охраны моего штаба в Плёне ни одного человека и уж тем более никак не мог действовать против Гиммлера силой. Да к тому же и не хотел, ибо это породило бы только хаос. Поэтому решение свое я принял просто и быстро: попросил Гиммлера о встрече с целью выяснить, что за игру он ведет. Мы договорились встретиться в полицейской казарме в Любеке. Около полудня, когда я уже собирался выезжать, вдруг явились начальник штаба военно-морского командования адмирал Майзель и гауляйтер Вегенер, выразившие тревогу насчет моей личной безопасности. Майзель, помнится, сказал: никак не годится, что меня охраняет только моя овчарка. Он попросил разрешения, по крайней мере, вызвать в Плён корветтен-капитана (капитан 3-го ранга. — *Сост.*) Кремера с его подводниками. Я дал согласие.

В полицейской казарме в Любеке, по-видимому, собрались все находившиеся в пределах досягаемости высшие чины СС. Гиммлер заставил меня ждать. Казалось, он уже чувствует себя главой государства. Я спросил его, верно ли, что он через графа Бернадотта искал возможности установить контакт с союзниками. Он заявил: это — ложь. В остальном же он считает, что сейчас, в конце войны, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы из-за отсутствия единства руководства возник дополнительный хаос. Вскоре после капитуляции я узнал, что, отрицая ведение переговоров, он лгал.

30 апреля около 18 часов я снова был в Плёне. Там меня ожидал командующий Балтийским военным флотом генерал-адмирал Кумметц с докладом о положении на Балтике и текущих морских перевозках. Здесь же находился и имперский министр вооружения и боеприпасов Шпеер. В присутствии этих господ мой адъютант корветтен-капитан Людде-Нойрат передал полученную на мое имя из бункера фюрера в Берлине радиограмму, которая была зашифрована надежным секретным ключом. Она гласила:

«Гросс-адмиралу Дёницу.

Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначает своим преемником Вас, господин гросс-адмирал. Письменные полномочия в пути. Вам надлежит немедленно распорядиться обо всех мерах, вытекающих из нынешнего положения. *Борман*».

Это назначение явилось для меня совершенно неожиданным. После 20 июля 1944 г. я разговаривал с Гитлером только в большом кругу людей. Он никогда не давал мне ни малейшего намека

на то, что рассматривает меня в качестве своего возможного преемника. Я никогда не ощущал с его стороны ни малейшего признака подобного намерения. И *не думаю, чтобы еще кто-либо из руководящих лиц рассчитывал на это. Правда, в последние дни апреля я понял, что Геринг как преемник Гитлера отпал. Занять его место явно рассчитывал Гиммлер. Мысль о том, что я могу стать преемником Гитлера, никогда мне в голову не приходила. Моя чисто солдатская биография делала ее для меня совершенно невероятной. И при получении радиogramмы я никак не смог объяснить себе, как же дело дошло до этого назначения. Только позже я узнал следующее. Имперский министр Шпеер 23 апреля еще раз совершил полет из Северной Германии в Берлин, чтобы побывать в Имперской канцелярии. Он хотел попроситься с Гитлером. Позже, зимой 1945/46 г., Шпеер рассказал мне, что во время этого визита случайно присутствовал при том, как Гитлер размышлял над текстом своего завещания. Шпеер сам подсказал Гитлеру мысль назначить меня своим преемником. Гитлер сильно призадумался, что он обыкновенно делал, когда решал что-то особенно важное. На основании этого рассказа Шпеера я считаю, что Гитлер пришел к мысли о моем назначении на этот пост только по его инициативе. Однако 30 апреля Шпеер, присутствовавший при получении этой радиogramмы, мне о том ничего не сказал.

Предполагаю, что Гитлер предопределил меня для этой задачи, потому что хотел открыть путь к прекращению войны, воспользовавшись для этого не политиком, а солдатом. Но мое предположение было неправильным. Об этом я узнал только зимой 1945/46 г., когда [на процессе] в Нюрнберге стало известно завещание Гитлера, в котором он, напротив, требовал продолжения войны любой ценой.

Прочтя радиogramму, я не колебался ни минуты: да, я должен принять этот пост! В последние дни я боялся, что отсутствие ответственной центральной командной инстанции приведет к хаосу, который без смысла и цели ввергнет в пучину гибели еще сотни тысяч людей. Теперь я поверил, что смогу овладеть положением посредством быстрых действий и распоряжений, обязательных для всех.

Мне было ясно: предстоят мрачайшие часы безоговорочной военной капитуляции. Знал я и то, что имя мое на все времена останется связанным с нею, а поэтому ненавистью и извращением фактов попытаются запятнать мою честь. Велением долга было: это не должно играть для меня никакой роли.

Моя правительственная программа была проста: спасти столько человеческих жизней, сколько можно! Цель была той же, что и в последние месяцы войны. Все меры следовало принимать **именно** под этим углом зрения. Откажись я, не возникло бы никакого единого руководства для осуществления этой задачи. Во многих местах могли произойти самостоятельные капитуляции или же, на-

оборот, дело дошло бы до провозглашения лозунга «держаться до последнего». Разложение военной дисциплины, оставление позиций и дезертирство, братоубийственная война и хаос — вот что явилось бы результатом. В этом состоянии беспорядка и действий с самых различных, эгоистических точек зрения наступающий враг продолжал бы и дальше наносить удары, вторгаясь все глубже. Никакой обязательной для всех капитуляции, которая вынудит противника прекратить боевые действия, в такой обстановке осуществиться не удалось бы. Сразу же возникший тогда в Германии хаос оказал бы воздействие на все еще оккупированные нами зарубежные страны, прежде всего на Нидерланды, Данию и Норвегию. Восстание народов этих стран и его подавление находящимися там немецкими войсками привело бы и здесь к боям и кровопролитию, еще больше отягчив наши отношения с их народами в будущем. Все это означало, что я должен действовать немедленно и энергично.

Прежде всего надо было внести ясность насчет намерений Гимmlера. Его поведение после получения радиogramмы о моем назначении показало мне: он рассчитывает на пост главы государства, а это означало новую опасность. Как я уже говорил, он располагал средствами власти, у меня же их не было. Как примирится он с новым положением? О сотрудничестве с ним теперь, когда я отвечал за назначение государственных деятелей, не могло быть и речи. Мои намерения не допускали, чтобы я как-либо скомпрометировал себя политически.

Хотя в то время я знал очень мало о прегрешениях Гимmlера, мне уже стало ясно: для меня он неприемлем. Я был обязан поставить его о том в известность и, чего бы мне это ни стоило, расстаться с ним. А поэтому я 30 апреля вечером, вскоре после получения радиogramмы, поручил моему адъютанту попросить Гимmlера, которого я только что оставил в Любеке, немедленно приехать ко мне в Плён. Он по телефону ответил моему адъютанту отказом. Тогда я сам поговорил с ним, сказав, что его прибытие необходимо. В конце концов он согласился.

Около 12 часов ночи Гимmlер явился ко мне с шестью вооруженными офицерами СС. Мой адъютант Люббе-Нойрат взял на себя заботу о сопровождавших его лицах. Я предложил Гимmlеру стул в моей комнате, а сам сел за письменный стол, на который среди бумаг незаметно положил снятый с предохранителя пистолет. Ничего подобного я за всю мою жизнь никогда не делал. Но я знал, во что может вылиться эта встреча.

Я протянул Гимmlеру радиogramму с моим назначением.

— Прошу вас прочесть!

Я внимательно наблюдал за его лицом. Пока он читал, оно выражало огромное удивление, даже замешательство. Казалось, надежда его рухнула. Он сильно побледнел. Потом встал, поклонился и сказал:

— Позвольте мне быть в вашем государстве вторым человеком.

Я разъяснил ему, что об этом-даже нечего и говорить. Для него у меня должности нет.

С тем он и ушел от меня около часа ночи. Конфликт окончился без применения силы. Мне стало легче на душе. Правда, я не был вполне уверен, не предпримет ли Гиммлер в ближайшие дни что-либо против моих правительственных мер. Но все же стычка с применением насилия, со всеми ее последствиями для внутреннего порядка и спасения людей, пока была предотвращена.

Теперь я* получил свободу рук для дальнейших действий. Еще в ту же ночь генерал-фельдмаршалу Кейтелю и генерал-полковнику Йодлю было приказано явиться ко мне в Плён. Я хотел как можно скорее получить личное представление о военной обстановке.

1 мая утром пришла вторая радиограмма из Берлина, из Имперской канцелярии, отправленная оттуда в 7.40 утра. Вот ее текст:

«Гросс-адмиралу Дёницу. (Секретный документ.)

Завещание вступило в силу. Я как можно скорее прибуду к Вам. До тех пор, по моему мнению, от публикации воздержаться. *Борман*».

Из этой радиограммы я заключил, что Гитлер мертв. О том, что его не было в живых уже тогда, когда мне 30 апреля в 18.15 была послана первая радиограмма о моем назначении, я узнал только позже. Почему его смерть скрыли от меня, не знаю. Вопреки указанию Бормана во второй радиограмме «от публикации воздержаться», я счел необходимым как можно быстрее известить об этом немецкий народ и вермахт. Я опасался, что смерть Гитлера и тот факт, что я — его преемник, могут стать известны из другого источника и, возможно, даже во вредной форме. Следствием явилось бы смятение в народе и разложение войск. Последнее прежде всего потому, что смерть главы государства позволяла им считать себя свободными от своей присяги. Народ и вермахт одновременно с извещением о его смерти должны были быть проинформированы о моих намерениях. Из этих соображений возник текст моего сообщения немецкому народу от 1 мая 1945 г., переданного по Северогерманскому радио.

Из фразы «Завещание вступило в силу» я смог констатировать только то, что Гитлера в живых больше нет. О его самоубийстве я ничего не знал. По всему тому, что мне было известно о его личности, я считал самоубийство не только невозможным, но и полагал, что он в борьбе за Берлин искал и нашел свою смерть. Почетный тон извещения о его смерти казался мне правильным. Сразу же после смерти развенчивать его я считал (это явно ощущалось и среди части моего окружения) пошлым.

Именно эта тенденция побудила меня сформулировать извещение о смерти скорее в позитивном для Гитлера духе. История и без того однажды вынесла бы ему свой осуждающий приговор. Мое знание бесчеловечных сторон национал-социалистического го-

сударства было тогда весьма ограниченным. К моему потрясению, я узнал об этом только после войны. Тогда же я полагал, что, хотя бы из чувства приличия, должен сформулировать извещение так, как я и сделал. Думаю, что и сегодня поступил бы так же, если бы попал в такое же положение при той же ограниченности моего знания этих сторон тогдашней системы.

Впрочем, форма извещения о смерти Гитлера тогда, перед лицом подлежащих решению задач, не занимала меня в первую очередь. Это извещение касалось прошлого. А мне надо было прежде всего сказать немецкому народу, что я хочу в будущем.

Поэтому 1 мая 1945 г. я в своем обращении по радио заявил: «Фюрер определил меня своим преемником. Сознывая свою ответственность, я принимаю на себя руководство немецким народом в этот тяжкий для его судьбы час. Моя первая задача — спасти немецких людей от уничтожения продвигающимся вперед большевистским врагом. Только с этой целью продолжается военная борьба. До тех пор пока достижению этой цели будут препятствовать британцы и американцы, мы будем и дальше обороняться и сражаться против них тоже. В таком случае англо-американцы продолжали бы войну уже не ради своих народов, а только ради распространения большевизма в Европе».

1 мая 1945 г. я объявил в своем приказе по вермахту:

«Фюрер определил меня своим преемником в качестве главы государства и верховного главнокомандующего вооруженными силами. Я принимаю на себя верховное командование над всеми составными частями вермахта, преисполненный воли продолжать борьбу против большевизма столь долго, пока не будут спасены от порабощения или уничтожения сражающиеся войска и тысячи людей из германского восточного пространства. Против англичан и американцев я должен продолжать борьбу до тех пор, пока они будут мешать мне осуществлять борьбу против большевизма».

Для выполнения внешнеполитических задач я настоятельно нуждался в опытном советнике, человеке, который не был бы скомпрометирован германской внешней политикой последних лет. Я желал, чтобы пост министра иностранных дел и первого министра в моем кабинете занял бывший имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат, которого я к тому же знал лично с 1915 г. Мой адъютант Людде-Нойрат получил задание установить, где находится барон фон Нейрат. Он по телефону спросил об этом г-на фон Риббентропа, находившегося поблизости от Плёна. В результате этого запроса Риббентроп лично явился ко мне и высказался в том смысле, что он сам и есть законный и наиболее приемлемый министр иностранных дел; англичане, мол, всегда охотно имели с ним дело и вели переговоры. Кандидатуру Риббентропа я отклонил. Разыскать барона фон Нейрата не удалось. Как я узнал позже, он в это время находился в Форальберге. Итак, приходилось искать другого.

Незадолго до этих событий меня посетил в Плёне имперский

министр финансов граф Шверин фон Крозиг. До тех пор мы, за исключением нашего давнего знакомства, никогда друг с другом дела не имели. Во время его визита мы обсудили общее положение. Его четкая, спокойная оценка ситуации произвела хорошее впечатление. Я убедился в том, что его внешнеполитическая концепция принадлежности Германии к Западу совпадает с моею. Поэтому я пригласил его 1 мая к себе и попросил стать советником и председателем формируемого кабинета, если это потребуется для решения стоящих перед нами задач. Я сказал ему, что лавров на этом поприще ожидать не приходится, но в интересах немецкого народа долг требует и от него и от меня взять на себя эту неблагодарную задачу. Он попросил время на раздумье, а 2 мая пришел ко мне и сказал, что готов. Определенную роль в его решении сыграл тон моего разрыва с Гиммлером.

Выяснилось, что лучшего выбора я сделать не мог и советы этого умного, обладающего твердым характером и основательно подходящего к любой проблеме человека сыграли в последующие недели большую роль. Во всех принципиальных вопросах у нас царило полное единодушие. Хотя по должности своей граф руководил только гражданским сектором и занимался лишь его делами, он участвовал во всех совещаниях по военным вопросам. И тут наши выводы о необходимых военных мерах постоянно совпадали.

Согласно моему приказу, в ночь с 30 апреля на 1 мая начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель и начальник его штаба оперативного руководства генерал-полковник Йодль находились при мне. Мое мнение об ОКВ было таково: в результате изолированной штабной жизни в окружении Гитлера оно не было достаточно близко к фронтовым делам, чтобы теперь принимать действительно целесообразные решения. Однако я высоко ценил деловой и умный подход, а также достойное солдатское поведение генерал-полковника Йодля.

В последние апрельские дни перед моим назначением меня посетили генерал-фельдмаршалы фон Бок и Манштейн. Мы вместе обсудили военную обстановку. Манштейн особенно подчеркивал необходимость постепенного отвода войск с Восточного фронта, чтобы приблизить их к американской и английской линиям фронта. Это вполне отвечало моим намерениям. Поэтому я распорядился 1 мая установить связь с Манштейном. Я хотел просить его принять на себя вместо Кейтеля руководство ОКВ. Но связаться с Манштейном не удалось. Таким образом, Кейтель и Йодль продолжали руководить вооруженными силами. После их прибытия в резиденцию правительства, начиная с 1 мая, они ежедневно докладывали мне об общем положении на фронте.

Далее я хочу кратко сообщить о том, каким мне представлялось положение в те дни. (Это я по свежим воспоминаниям продиктовал в плену своему адъютанту.)

«I. В результате авиационных бомбежек в последние месяцы военное производство упало до минимального уровня. Каких-либо

резервов боеприпасов, оружия или техники в наличии не имелось. Транспорт был совершенно нарушен, так что восполнение или перевозка какого-либо сырья, готовой продукции или средств связи оказались невозможны.

2. Группа армий в Италии капитулировала. Войска на Западе, которыми командовал фельдмаршал Кессельринг, находились в состоянии разложения.

3. На Востоке войска юго-восточной группировки организованно отступали в Югославию. Группа армий Рендулича удерживала свои позиции в Остмарке; равным образом держала свой фронт против русских и группа армий генерал-полковника Шёрнера. Однако обе вышеназванные группы армий были обеспечены боеприпасами и горючим лишь на короткое время.

4. Деблокирование Берлина не удалось. Армия Буссе стремилась избежать окружения отступлением на Запад. Наступление армии Венка к прорыву не привело, она тоже отрывалась от противника в направлении на Запад.

5. Группа армий на северном участке Восточного фронта находилась в состоянии разложения, отступая в направлении Мекленбурга.

6. Войска в Восточной и Западной Пруссии были подавлены русским превосходством в силах. Фронт в Курляндии продолжал держаться. Однако его снабжение боеприпасами и горючим более не могло осуществляться из-за их нехватки. Поэтому падение этих фронтов, точно так же как и в случае Шёрнера и Рендулича, являлось лишь вопросом времени. Военно-морской флот пытался вывезти из Курляндии, Восточной и Западной Пруссии как можно больше войск морским путем.

7. В Северо-Западной Германии оставались еще не занятыми противником Восточная Фрисландия и Шлезвиг-Гольштейн. Достаточных сил сдержать ожидаемое наступление противника здесь не имелось. Дивизии из Восточной Фрисландии и действовавшие западнее Эльбы были поэтому направлены в Шлезвиг-Гольштейн с целью, как минимум, попытаться удержать этот район. То, что сил для того не хватало, показало 2 мая, когда противник в ходе своего наступления форсировал Эльбу у Лауэнбурга и немедленно развил его до побережья Балтийского моря, пробившись к Любеку и Шверину.

8. Голландия, Дания и Норвегия, так же как Бискайский залив, острова в Ла-Манше и Дюнкерк, все еще находились в немецких руках. В этих районах пока было спокойно.

9. Спасаясь от продвигающегося вперед русского фронта, миллионы беженцев из числа гражданского населения, особенно в Северной Германии, устремились на Запад.

10. Военно-морской флот в результате авиационных налетов на гавани и ввиду своего непрерывного использования для транспортировки в норвежском и восточном районах понес весьма сильные Потери в надводных кораблях (торпедные и быстроходные катера,

тральщики, суда боевого охранения). Из крупных кораблей в составе действующих остались только «Принц Ойген» и «Нюрнберг». Подводный флот находился накануне новой активизации подводной войны, поскольку начиная с мая во все возрастающем количестве должны были вступать в бой с врагом подлодки новой конструкции.

11. Люфтваффе имела лишь ограниченные силы. Применение военной авиации крайне ограничивалось нехваткой горючего и продолжало сокращаться.

Общая картина положения на фронтах ясно показывала, что с военной точки зрения война была проиграна. Поскольку не имелось также и никакой политической возможности изменения общего положения Германии, отсюда мною как главой государства мог быть сделан только один вывод: как можно скорее закончить войну, дабы избежать дальнейшего кровопролития».

Этот анализ обстановки послужил основой для моих последующих действий. Для окончания войны союзники, как уже сказано, выдвинули требование безоговорочной общей капитуляции. Однако именно общую капитуляцию, которая на Восточном фронте отправила бы германские армии в русский плен, я должен был отсрочить как можно дольше.

Поэтому я хотел отвести наш Восточный фронт вплоть до известной нам демаркационной линии англосаксонских оккупационных зон и спасти как можно больше беженцев. С этой целью следовало максимально использовать все сколько-нибудь пригодные суда любого тоннажа для транспортировки их морским путем. При отводе германских армий с Востока особую тревогу вызывала у меня группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Шёрнера. В то время как для Курляндской армии и войск в Восточной и Западной Пруссии делалось все возможное, чтобы вывезти их морем, а армия «Висла», а также 9-я и 12-я стояли относительно ближе к спасительной демаркационной линии, группа армий «Центр», позиции которой находились на восточной оконечности Чехословакии, еще была отрезана от линии фронта американских войск на всю глубину этой страны. Мы не знали, займут ли американцы Чехословакию или же она отведена русским.

В связи с этим при обсуждении обстановки 1 мая я счел правильным немедленно отвести армию Шёрнера с пока еще твердо удерживаемой позиции в Судетах в направлении американской демаркационной линии, чтобы ее солдаты могли сдать в плен американцам. Однако Кейтель и Йодль отсоветовали мне дать приказ о немедленном отходе: мол, группа армий «Центр» при сдаче своих позиций развалится и будет смята русскими. Вопреки моему намерению, я в этом единственном случае уступил им и отложил отдачу приказа на отход до тех пор, пока не выслушаю соображения Шёрнера или его начальника штаба генерал-лейтенанта фон Натцмера. Они были вызваны ко мне в Плён.

Другой комплекс вопросов, также вызывавший у меня особые опасения, касался все еще находившихся в наших руках областей, то есть главным образом (за исключением Чехословакии) Норвегии, Дании и Нидерландов. В полном согласии с графом Шверин фон Крозигом я отверг все предложения удерживать их и дальше в качестве «залогов», чтобы добиться уступок от противника. Ведь ввиду нашего полного поражения у противника не было никаких побудительных мотивов идти на какие-либо уступки, тем более если в качестве таковых он получал захваченные нами чужие территории. Он вскоре получил бы их и так. Я же думал о том, чтобы не допустить в этих странах военных действий и кровопролитий в результате восстаний их населения и сопротивления германских оккупационных войск, что означало поиск наилучшего пути для сдачи их при капитуляции в полном порядке. Поэтому 1 мая я вызвал к себе, кроме генерал-фельдмаршала Шёрнера, имперского протектора Франка (по вопросу о Чехословакии), имперского комиссара Зейсс-Инкварта (о Нидерландах), имперского уполномоченного д-ра Беста и генерал-полковника Линдемана (о Дании) и имперского комиссара Тербовена и генерала артиллерии Беме (о Норвегии).

Для того чтобы отодвинуть линию фронта и эвакуировать население на Запад, нам требовалось еще восемь-десять дней. Следовательно, именно на такой срок я должен был попытаться оттянуть капитуляцию перед Советским Союзом.

Хотя я собирался продолжать войну на Западе лишь настолько, насколько заставляла меня реализация моих намерений на Востоке (о чем я 1 мая откровенно заявил по радио), было ясно: к действительному прекращению войны против англичан и американцев я могу прийти только путем настоящей капитуляции перед ними. Но удастся ли вообще частичная капитуляция, учитывая лозунг «общая капитуляция», я не знал. Однако такую попытку предпринять было надо, причем не открыто, ибо иначе, можно сказать с уверенностью, этого не допустили бы русские.

Первая частичная капитуляция имела целью прежде всего закончить войну в Северной Германии против англичан, которыми командовал фельдмаршал Монтгомери. Вместе с ОКВ я выработал процедуру извещения англичан о посылке к ним нашего парламентаря. Руководителем делегации я наметил генерал-адмирала Фридебурга, находившегося в Киле. Его ум и искусство вести переговоры делали его подходящим для этой трудной задачи. 1 мая Фридебурга известили, что он должен быть готов к встрече со мной и к получению особого задания.

Итак, я хотел прийти на Западе к договорам о капитуляции, и потому надо упомянуть здесь о том, насколько повиновался мне тогда вермахт, обязанный эти договора выполнять и соблюдать. I Солдаты вермахта дали свою присягу лично Адольфу Гитлеру «&ж фюреру Германского рейха й Верховному главнокомандующему германских вооруженных сил. Смерть Гитлера формально осво*

бождала их от этой присяги, но это еще отнюдь не означало, что каждый солдат стал свободен от своего долга и может, скажем, идти домой. Вермахт и дальше был обязан выполнять свою задачу. Только так можно было избежать хаоса и еще больших потерь. При отчаянном положении, при наличии разъединенных и разорванных фронтов идея принесения присяги вермахтом на верность мне, как новому главе государства, в те дни практически исключалась. С другой же стороны, необходимо было обязать солдат повиноваться мне, причем не только ради выполнения дальнейших требуемых мною мер (например, приказов об отходе армий), но и в качестве неотъемлемой предпосылки для подписания тех договоров о капитуляции, которые я заключил бы от имени вермахта и которые они должны были выполнять. Поэтому наше бедственное положение требовало от меня найти такое решение вопроса о присяге, которое не нуждалось бы в правовой основе добровольно и лично принесенной присяги. В своем приказе по войскам от 1 мая я сказал немецким солдатам:

«Я требую дисциплины и повиновения. Только безусловным выполнением моих приказов можно избежать хаоса и гибели. Трус и изменник тот, кто именно сейчас уклонится от исполнения своего долга и тем самым несет смерть немецким женщинам и детям. Данная фюреру присяга на верность и впредь сохраняет свою силу для каждого из вас в отдельности, поскольку я являюсь назначенным фюрером его преемником».

Ближайшие дни показали, что верхушка вермахта подчинилась моим приказам.

Прежде чем перейти к рассказу о том, как началась частичная капитуляция на английском участке фронта, хочу вспомнить эпизод, произошедший 1 мая. В 15.18 я получил в Плёне еще одну, третью и последнюю, радиограмму из Имперской канцелярии, отправленную оттуда в 14.46.

«Гросс-адмиралу Дёницу. (Секретные дела командования.) Передавать только офицером.

Фюрер скбнчался вчера в 15.30. Завещание от 29.4 передает Вам пост рейхспрезидента, имперскому министру Геббельсу — пост рейхсканцлера, рейхсляйтеру Борману — министра по делам партии, имперскому министру Зейсс-Инкварту — министра иностранных дел. По распоряжению фюрера завещание передается Вам, фельдмаршалу Шёрнеру и, в целях обеспечения его сохранности для общественности, вывезено из Берлина. Рейхсляйтер Борман попытается еще сегодня же прибыть к Вам, чтобы разъяснить Вам положение. Форма предания гласности оставляется на Ваше усмотрение. Получение подтвердить. *Геббельс, Борман*».

Итак, в основе содержания радиограммы лежало завещание Гитлера. Но дававшиеся в нем указания полностью противоречили выбору тех советников и членов правительства, которые были мне нужны для прекращения войны, и совершенно противоречили тем мерам, которые уже были приняты мной. Оно и формально было

несозвучно с первой радиограммой, дававшей мне право «немедленно распорядиться обо всех мерах, вытекающих из нынешнего положения». Поэтому я не желал никоим образом следовать этой новой радиограмме. Я хотел и должен был идти собственным путем. Поэтому мой адъютант получил приказ надежно спрятать этот документ и не допустить его огласки. Только так я мог избежать волнения и смятения внутри страны, которые возникли бы, стань эта радиограмма общеизвестной. Порядок — вот что было самое главное в данном положении.

По той же причине я приказал арестовать Геббельса и Бормана, если они действительно появятся в Плёне. В том тяжелом положении, в каком мы находились, я не мог идти на возможную компрометацию и создавать себе помехи.

Так закончился этот богатый решениями день 1 мая: по морю шли на Запад транспорты с ранеными, беженцами и войсками, колонны беженцев шагали все дальше, а армии в Померании, Бранденбурге и Силезии отрывались от противника в направлении англосаксонских демаркационных линий. Второму мая было суждено ускорить развитие всех этих событий.

Англичане уже с 26 апреля имели на восточном берегу Эльбы у Лауэнбурга плацдарм, с которого они 2 мая предприняли наступление и смяли слабую немецкую оборону. Уже совсем скоро англичане своими танками провалились у Любека. Одновременно американцы несколько южнее форсировали Эльбу и, не встречая сопротивления, достигли Висмара. Теперь американцы стояли от Балтийского моря до самой Эльбы поперек ведущих из Мекленбурга к Шлезвиг-Гольштейну дорог, забитых колоннами беженцев и отступающими войсками армии «Висла». Ворота на Запад уже больше не оставались открытыми, и от согласия англичан зависело, смогут ли солдаты или беженцы спастись бегством от надвигающихся русских в находящийся в их зоне Шлезвиг-Гольштейн. Ведь мы продолжали сражаться против Запада на Эльбе только для того, чтобы держать открытым путь в Шлезвиг-Гольштейн потоку беженцев. Теперь же, когда Шлезвиг-Гольштейн был в руках англичан, это потеряло смысл. Поэтому я приказал немедленно начать переговоры согласно подготовленному плану. Фридебург должен был сначала отправиться к Монтгомери, предложить ему капитуляцию северогерманского района и, как только она будет принята, ехать к Эйзенхауэру, чтобы объявить ему, что мы сдаемся всему Западу.

Я немедленно попросил его к себе, чтобы подробно проинформировать об обстановке и дать необходимые инструкции. Спровождать его должны были контр-адмирал Вагнер и генерал Кинцель. Вагнер был участником всех важных решений с 1943 г., а особенно последних неделю, а потому мог быть полезен на переговорах. Генералу Кинцелю поручалось быть советником Фридебурга по всем военно-техническим вопросам сухопутных войск,

f Военный комендант Гамбурга получил от ОКВ указание вы-

слать 3 мая в 8 часов утра к англичанам парламентаря, который должен был согласовать с ними передачу Гамбурга и одновременно известить их о прибытии делегации Фридебурга.

Моя встреча с Фридебургом 2 мая задержалась. Весь день дороги в Шлезвиг-Гольштейн обстреливались английскими истребителями и были непроходимы. Узнав о прорыве англичан, я приказал немедленно перенести мой командный пункт в Мюрвик, около Фленсбурга. Я должен был попытаться как можно дольше сохранить свободу действий. В моем бараке в Плёне я в самое кратчайшее время мог оказаться в плену у англичан. Местность вокруг моей плёнской штаб-квартиры непрерывно подвергалась налетам авиации. Поэтому день прошел в напряженном ожидании, пока не кончатся воздушные налеты на дороги и мне не удастся встретиться с Фридебургом, а также передислоцировать свой штаб в Мюрвик.

В это время ко мне прибыли генерал-фельдмаршал Риттер фон Грайм и г-жа Ганна Рейч. Эта храбрая женщина доставила фон Грайма в Плён на самолете; он прилетел, чтобы попрощаться со мной. У него была перевязана нога, и он ходил на костылях: его ранило во время последнего полета в Берлин. С большим участием я беседовал с этим отличным человеком и офицером. Он с горечью говорил мне о том, что идеализму и самоотверженности солдат, веривших, что они служат чистой цели, суждено теперь закончиться этой катастрофой. Сам он жить больше не Хочет. Мы расстались глубоко взволнованные.

К вечеру налеты истребителей и бомбардировщиков прекратились. Я пригласил Фридебурга на 21 час; местом встречи должен был служить Левензауэровскиц виадук через канал кайзера Вильгельма вблизи Киля. Граф Шверин фон Крозиг и я прибыли туда без помех. Я попросил Фридебурга предложить Монтгомери чисто военную частичную капитуляцию всего северогерманского участка. При этом я особо указал на проблему беженцев и отхода войск на восточных границах английской оккупационной зоны. В первую очередь я хотел добиться, чтобы капитуляция не нанесла ущерба движению транспортов и отходу на суше и на море, а, наоборот, позволила бы продолжать их. Когда уже стемнело, Фридебург покинул нас, мы проводили его пожеланиями удачно выполнить задачу.

Шверин фон Крозиг, Людде-Нойрат и я поехали затем в Мюрвик. Налеты англо-американской авиации тем временем возобновились. Истребители-бомбардировщики высвечивали с воздуха дорогу своими прожекторами и стреляли по транспортным средствам. Нам не раз приходилось останавливаться. Около 2 часов ночи мы наконец приехали в Мюрвик. Остаток ночи прошел в коротком сне и в принятии решений по запросам командующих войсками, которые в этом промежуточном состоянии между войной и миром вполне справедливо недоумевали, что же им делать.

Утром 3 мая я был особенно озабочен. Сумел ли Фридебург в эту изобиловавшую авиационными налетами ночь добраться до

Гамбурга и до штаб-квартиры Монтгомери? Как было воспринято его поручение, не сочетавшееся с союзническим требованием общей капитуляции?

Когда в первой половине дня налеты истребителей и бомбардировщиков, столь обычные для последних дней, не возобновились, у меня появилась надежда: это — уже следствие прибытия Фридебурга к Монтгомери. Как я узнал позже, Монтгомери приказал отменить вылеты уже готовых к старту самолетов, как только узнал о прибытии Фридебурга и его поручении.

В течение дня меня посетили гражданские и военные главнокомандующие еще занятых нами областей. Вместо Шёрнера от группы армий «Центр» приехал генерал фон Натцмер. Он передал мне точку зрения Шёрнера: если его группа сдаст свои хорошо укрепленные позиции в Судетах, она развалится. Итак, Шёрнер был того же мнения, что и ОКВ. Я сообщил ему, почему считал необходимым как можно более быстрый отход в направлении американской линии фронта. Следовало немедленно принять все подготовительные меры для отвода этой группы армий.

Имперский протектор Богемии и Моравии Франк сообщил, что в чешских буржуазных кругах высказываются опасения насчет будущего страны в случае освобождения ее русскими. Он предложил, чтобы эти буржуазные-политики сами капитулировали перед американцами и попросили их об оккупации. Я не посчитал, что это предложение возымело бы какое-либо действие на наверняка уже давно определенные планы союзников в отношении Чехословакии. Тем не менее согласие на соответствующую попытку дал. Франк вернулся в Чехословакию. Больше мы о нем ничего не слышали. То, что Франк вернулся в эту страну, которая, по его мнению, стояла накануне революции и, несмотря на одиозность своей личности, старался найти наилучшее решение, говорит в его пользу.

По-иному сложилась обстановка в Нидерландах, Дании и Норвегии. Повсюду там мы все еще держали бразды правления в своих руках. Тем больше я был озабочен, чтобы и в этих странах передача пошла без помех. В отношении Нидерландов я договорился с Зейсс-Инквартом, что тут следует предпринять попытку частичной капитуляции. Ни в коем случае не должно произойти никаких разрушений или затоплений местности. Однако эта частичная передача Голландии оказалась излишней, ибо на следующий день она была включена в рамки нашей капитуляции перед английскими вооруженными силами.

Из Дании прибыли имперский уполномоченный д-р Бест и генерал-полковник Линдеман. Последний ручался за свои войска: их боеспособность не уменьшилась. Д-р Бест, напротив, предостерегал от продолжения войны на датской территории. Я, в полном согласии с Шверин фон Крозигом, дал генералу Линдеману и д-ру Бесту указание вплоть до предстоящей капитуляции избегать каких-либо трений с датским населением. Вопрос с передачей Дании

также разрешился на следующий ден^ в ходе ведшихся с Монтгомери переговоров о капитуляции.

Для обсуждения вопроса о Норвегии вместе с имперским комиссаром Тербовеном и генералом Бёме совершенно неожиданно прибыл Гиммлер в сопровождении своего группенфюрера СС Шелленберга — начальника зарубежной секретной службы. Норвежские начальники доложили, что положение в Норвегии спокойное. Во всяком случае, вскоре ожидается окончание германской оккупации. Поэтому норвежское население не желает ненужного кровопролития, явившегося бы результатом восстания.

Шелленберг настаивал на том, чтобы предложить шведам капитуляцию Норвегии и потому просить, чтобы германская оккупационная армия в Норвегии вместо интернирования смогла отправиться на шведскую территорию. Тем самым она избежала бы английского или американского плена. При этом выяснилось, что Гиммлер еще ранее через начальника эсэсовской контрразведки Шелленберга завязал с этой целью контакты со Швецией. Та даже уже доверительно дала согласие на предложение об интернировании на ее территории германских войск.

Побудительные причины и успехи этих уже минувших неофициальных переговоров я воспринял с недоверием. Не говоря уже о сомнительности мотивов, я считал эти шаги ошибочными и в деловом отношении: как могли мы в нашем совершенно бессильном положении «перехитрить» союзников, предложив капитуляцию в Норвегии не им, а нейтральной стране! Выгода интернирования германских войск на шведской территории тоже казалась мне в высшей степени ненадежной. Кто гарантировал бы, что эти войска однажды под русским давлением не будут выданы Швецией России!

Поэтому по совету Шверин фон Крозига я пошел только на то, чтобы Шелленберг установил, связано ли шведское согласие с молчаливым или же категорическим одобрением англичан. Я никоим образом не давал Шелленбергу права заключать какие-либо имеющие правовую силу соглашения. Больше я о нем ничего не слышал. Эта туманная попытка сделки, к моему удовлетворению, тоже кончилась в ближайшие дни в результате предложенной мной капитуляции.

3 мая я получил из южной части Германии сообщение генерал-фельдмаршала Кессельринга, что он от своего имени 2 мая объявил о капитуляции группы армий «Юго-Запад» (генерал Фитингоф). В своей радиограмме он испрашивал моего согласия, чтобы на своем юго-восточном участке самостоятельно вести переговоры с западным противником. Я сразу же дал на это разрешение, ибо мы могли «радоваться» каждому району, куда входили американцы, а не русские.

Незадолго до полуночи со встречи с Монтгомери вернулся Фридебург и сразу доложил мне самое важное. Монтгомери предложение частичной капитуляции не отклонил, а это значит не по-

требовал общей капитуляции на всех фронтах, включая и русский.

Утром 4 мая Фридебург в присутствии графа Шверин фон Крозига сделал подробный доклад. Монтгомери нашу капитуляцию в северо-германском районе принимает, но дополнительно требует, чтобы в нее были включены также Дания и Голландия. Он, Фридебург, на это ответил: на такое расширение он не уполномочен, но уверен, что оно отвечает моим намерениям. Далее Монтгомери потребовал одновременной передачи всех находящихся в районе капитуляции военных кораблей и торговых судов. Этот пункт затрагивал существенный для нас вопрос транспортов для беженцев. Поэтому Фридебург изложил проблему беженцев, обрисовал нашу заботу о том, чтобы спасти как можно больше людей перемещением с Востока на Запад. Монтгомери ответил, что он не будет препятствовать переходу отдельных солдат, но ни в коем случае не позволит принимать войсковые части целиком. В отношении гражданских беженцев он какие-либо гарантии дать отказался, ибо речь идет о чисто военной капитуляции, к которой гражданские вопросы не относятся. Но добавил: он вовсе не «чудовище». Монтгомери также потребовал: не производить в районе капитуляции никаких разрушений, никакого уничтожения или потопления военных судов. Фридебург попросил разрешения доложить все это мне, ибо ответ на поставленные вопросы выходит за рамки его полномочий.

Таково было содержание доклада Фридебурга. Что касалось распространения капитуляции на Нидерланды и Данию, то здесь ситуация Шверин фон Крозигу и мне была ясна. Мы были рады, что таким образом «избавляемся» от этих стран и тем самым становится возможна их как можно более скорая упорядоченная передача.

Требование выдать суда меня обеспокоило. Оно могло положить конец морской транспортировке беженцев и войск на Запад. Однако из доклада Фридебурга о позиции Монтгомери в этом вопросе у меня сложилось впечатление, что, по крайней мере, будет возможность направить на Запад уже находящиеся в море суда. Однако погруженные на них раненые, войска и беженцы должны были высаживаться на сушу в датских портах. Прибытие примерно 300 тыс. немцев, само собою разумеется, должно было оказаться не только политическим, но и организационным бременем для Дании с ее незначительными вспомогательными средствами. Приходилось принимать во внимание размещение, обеспечение продовольствием и оказание медицинской помощи такому числу иностранцев, да к тому же принадлежащих к вражескому народу. Ввиду Требований англичан не предпринимать никаких разрушений, а также не топить военных кораблей, по докладу Фридебурга мнения высказывались различные. Шверин фон Крозиг и я считали, *что* эти условия следует принять. Отвергнуть их значило поставить под угрозу наш престиж как надежных партнеров по переговорам и наше принципиальное намерение осуществить частичную

капитуляцию в интересах спасения людей. ОКВ, напротив, считало, что сдача оружия, и прежде всего военных кораблей как его наиболее видного носителя, нарушает солдатскую честь.

Мне было ясно: выдавая военные корабли, я нарушил бы традицию не только нашего кригсмарине, но и вообще военно-морского флота всех наций. Так, германский военно-морской флот после первой мировой войны попыткой потопить свои корабли в Скапа-Флоу действовал в соответствии с этим законом национальной воинской чести. Но сейчас я не сомневался, что должен отдать приказ о сдаче военных кораблей. Положение было иным, чем после прошлых войн. Дело шло о том, чтобы в самом конце войны уберечь от смерти бесчисленное множество людей нашего народа, в том числе женщин и детей. Откажись я ради чести флага от сдачи кораблей, частичной капитуляции не бывать. Воздушные налеты на северогерманский район возобновятся, они приведут к новым человеческим жертвам. А это никак не должно произойти! Итак, решение мое было твердо: требование сдачи военных кораблей надо выполнить. Представленный мне проект, согласно которому до вступления капитуляции в силу мы еще имели время для уничтожения оружия и потопления военных кораблей, я отклонил со словами: это не отвечает смыслу нашей капитуляции. Да и Монтгомери, как только он 3 мая узнал о нашем намерении сдачи, прекратил налеты авиации, хотя капитуляция еще не произошла.

Итак, во время этого утреннего совещания 4 мая я отдал приказ Верховному главнокомандованию вермахта запретить уничтожение оружия. Одновременно начальник оперативного штаба командования военно-морскими силами получил вместе с обоснованием причин указание не вводить в действие закодированный словом «Радуга» приказ о потоплении судов. Поэтому потоплений не произошло, за исключением части подводного флота, которая была затоплена или взорвана своими командирами еще до вступления в силу перемирия в ночь с 4 на 5 мая. Уничтожение этих подлодок было подготовлено раньше, чем пришел контрприказ. Топя свои подводные лодки, командиры их считали, что действуют в моем духе. Они были убеждены в том, что я мог дать «приказ о сдаче» только под давлением.

В полдень 4 мая я дал Фридебургу полномочие принять условия капитуляции. Он вылетел в английскую штаб-квартиру с указанием после совершения частичной капитуляции с Монтгомери лететь дальше — к генералу Эйзенхауэру в Реймс, чтобы по тем же причинам предложить частичную капитуляцию такого же рода и американским вооруженным силам.

После доклада Фридебурга 4 мая мы почувствовали, словно с нас свалился огромный груз. Первый шаг частичной капитуляции на Западе удался без условия сдачи немецких солдат и населения в руки русских.

Из этого начавшегося прекращения борьбы против Запада я сделал дальнейшие выводы. В предьявленных Монтгомери услови-

ях капитуляции содержалось требование прекратить все боевые действия на море, а также передать все германские военные корабли, находившиеся в районе капитуляции, то есть в морских территориальных водах Голландии, Северо-Западной Германии, Шлезвиг-Гольштейна и Дании. Исходя из этого соглашения, я в полдень приказал прекратить подводную войну на всех морях и океанах. Это, после того как англичане согласились на мое предложение о капитуляции, отвечало моим намерениям как можно скорее прекратить во всех районах войну против Запада.

Вечером 4 мая я получил от Фридебурга из штаб-квартиры Монтгомери сообщение, что он уже подписал акт о частичной капитуляции, а теперь летит к Эйзенхауэру. Капитуляция вступает в силу 5 мая в 8 часов утра. В этот час все боевые действия в установленном районе были прекращены.

6 мая утром ко мне в Мюрвик явился генерал Кинцель. Он входил в состав делегации Фридебурга. Тот прислал его из Реймса ко мне, чтобы сообщить о ходе переговоров с Эйзенхауэром о капитуляции. Кинцель доложил: позиция Эйзенхауэра, в противоположность позиции Монтгомери, совершенно отрицательная. Эйзенхауэр на частичную капитуляцию ни в коем случае не согласится. Мы должны объявить о своей немедленной безоговорочной капитуляции на всех фронтах, а это значит — и на русском. Войска должны остаться там, где они стоят, сложить оружие в неповрежденном виде, а сами сдаться в плен на месте. Верховное главнокомандование вермахта отвечает за то, чтобы произошла такая безоговорочная сдача, которая распространяется и на все корабли военного и торгового флота.

Как раз такой позиции Эйзенхауэра мы и боялись. В моем обращении по радио к немецкому народу я, как уже указывалось, заявил 1 мая 1945 г., что желаю сражаться против Запада только в том случае, если он будет мешать мне сражаться против Востока. (...) На это заявление я по американскому радио получил такой ответ эйзенхауэровской штаб-квартиры: «Это — известный нацистский трюк с целью вбить клин между Эйзенхауэром и его русскими союзниками».

Последние оперативные меры Эйзенхауэра тоже говорили о том, что он не учитывал того всемирно-политического поворота, который происходил теперь. После перехода американских войск через Рейн у Ремагена стратегическая цель победы над Германией была для Америки достигнута. Место военной цели должна была занять политическая: до вторжения русских союзников успеть занять для англо-американского Запада как можно больше германской территории. Следовательно, для американского военного руководства политически правильным было бы как можно скорее пробиться на Восток, чтобы еще до русских взять Берлин. Эйзенхауэр же действовал не так. Он все еще преследовал чисто военную цель уничтожения и захвата Германии в сотрудничестве с Красной Армией, а потому остановился на Эльбе. Он допустил,

чтобы русские захватили как можно больше восточногерманской территории. Он, вполне возможно, действовал согласно тем политическим обязательствам, которые получил из Вашингтона. Но, как представляется, у него отсутствовало сознание того, что именно в этот момент на долгое время определялась мировая ситуация. Американская позиция в конце войны казалась мне тогда и кажется и сегодня ошибочной. Уже после Потсдамской конференции один американский полковник разъяснил графу Шверин фон Крозигу, что Эйзенхауэру было безразлично, займут ли русские всю Германию. Такова, впрочем, была позиция американской общенности.

Если бы я согласился на предложенные Эйзенхауэром условия капитуляции, которые сообщил мне утром 6 мая Кинцель, я тем самым немедленно отдал бы германские армии на Востоке русским. Но я не мог подписать такое требование еще и потому, что его не выполнили бы войска на Востоке. Началось бы дикое бегство на Запад.

Поскольку требование Эйзенхауэра по этим двум причинам было невыполнимым, я мог только еще раз попытаться убедить его в том, что не могу отдать немецких солдат и население Восточной Германии в руки русских. Только то вынужденное положение, в котором я находился, явилось причиной, заставлявшей меня просить о капитуляции частичной.

После доклада Кинцеля я вызвал к себе генерал-полковника Йодля. Он должен был лететь в Реймс для поддержки Фридебурга с моими новыми инструкциями. Граф Шверин фон Крозиг и я были едины в отношении той директивы, которую получил Йодль:

«Попытайтесь еще раз объяснить причины, по которым мы стремимся к частичной капитуляции перед американскими вооруженными силами. Если вы потерпите в этом неудачу, как то произошло с Фридебургом, просите его о следующем методе общей капитуляции. В ней должны быть установлены два срока. В первый период прекращаются боевые действия, но германские войска еще имеют право на передвижение. Во второй — оканчивается и это право на перемещение. Попытайтесь добиться, чтобы промежуток между обоими сроками был как можно большим и чтобы переход отдельных солдат в любом случае разрешался. Тогда спастись на Западе удастся возможно большему числу немецких солдат и беженцев».

В соответствии с этой директивой я дал Йодлю письменное полномочие подписать общую капитуляцию на всех фронтах. Но он должен был воспользоваться этим полномочием только тогда, когда его первая цель — все же получить частичную капитуляцию — окажется недостижимой. Он имел право совершить эту общую капитуляцию, только если заранее поставит меня в известность о ее содержании и я телеграфно сообщу ему свое категорическое согласие. После этого совещания Йодль 6 мая вылетел в Реймс к Эйзенхауэру.

В ночь с 5 на 6 мая около часа ночи я получил от Йодля из Реймса радиограмму следующего содержания:

«Генерал Эйзенхауэр настаивает на том, чтобы мы подписали сегодня^- В ином случае союзники закроют свои линии фронта даже для тех лиц, которые будут пытаться сдаваться поодиночке, и все переговоры будут прерваны. Я не вижу никакого другого выхода: или хаос, или подписание. Прошу немедленного подтверждения по радио, полномочен ли я подписать капитуляцию. Тогда военные действия прекратятся 9 мая в 0 часов по летнему немецкому времени. *Йодль*».

Позже мы узнали, что Эйзенхауэр снова и наотрез отверг как частичную капитуляцию, так и предложенные временные ступени для общей капитуляции. Он заявил Йодлю, что будет стрелять в каждого немецкого солдата, даже если тот приблизится к американской линии фронта без оружия с целью сдаться. Благодаря якобы заступничеству своего влиятельного начальника штаба генерала Беделла Смита и в ответ на заявление Йодля, что нам при разрушенной системе связи потребуется минимум два дня для передачи войскам приказа о капитуляции, Эйзенхауэр в конечном счете согласился на двухдневный срок. Предварительным же условием является немедленное подписание немцами акта о капитуляции.

Таким образом, я должен был незамедлительно решать, какой ответ дать Йодлю. По тексту радиограммы, при подписании капитуляции 7 мая в нашем распоряжении для отступления войск вплоть до прекращения всякого передвижения 9 мая в 0 часов оставалось еще 48 часов. Я опасался, что этого времени для спасения всех солдат и беженцев не хватит. С другой стороны, Йодль был вынужден вообще выиграть какое-то время, которое дало бы возможность большому числу немцев спастись на Западе. Не прими я требований Эйзенхауэра, поскольку двух дней для бегства с Востока действительно было мало, я не получил бы от этого никакой выгоды. Последствием стали бы уничтожение беззащитной жизни в еще большем масштабе.

Поэтому около часа ночи я протелеграфировал Йодлю, что даю ему право на этой базе заявить об общей капитуляции. Она была произведена Йодлем в Реймсе 7 мая в 2.41 ночи.

8 мая подписание акта общей капитуляции, явно по желанию русских, было повторено в штаб-квартире советского командующего маршала Жукова в Берлин-Карлсхорсте. Свои подписи под актом о капитуляции поставили за все три составные части германских вооруженных сил генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник авиации Штумпф и генерал-адмирал фон Фридебург. Тот факт, что они являются законными представителями вермахта, они подтвердили данными им мною как верховным главнокомандующим германскими вооруженными силами полномочиями, которых от них в категорической форме потребовали как западные

союзники, так и Советский Союз, перед подписанием проверившие их правильность и нашедшие их в полном порядке.

Теперь я должен был решить судьбу солдат германских армий на Востоке и все еще стремившегося на Запад потока беженцев. * Основной массе солдат группы армий «Юг» (генерал-полковник Рендулич) удалось спастись за американской линией фронта. Менее благоприятным оказалось положение группы армий «Юго-Восток» (генерал-полковник Лёр). 9 мая еще значительную часть этой группы отделяли от американско-английской демаркационной линии два-три дневных перехода. Лёр попытался в личных переговорах с югославами в последний момент как-то найти наилучший выход для своих солдат. Сотни тысяч из них тем не менее погибли в югославском плену.

На Севере американский генерал Гэрвин, который со своей воздушно-десантной дивизией 2 мая, одновременно с английским ударом на Любек, занял мекленбургскую территорию и находился в оперативном подчинении английской армии, позволил остаткам армии «Висла» отступить за англо-американские линии фронта. Однако он не воспрепятствовал тому, что многие колонны беженцев все же попали в руки наседавших русских.

На центральном участке фронта 12-я армия под командованием хорошо зарекомендовавшего себя как военачальник, так и офицер генерального штаба генерала Венка в последние дни апреля получила приказ наступлением на Восток деблокировать Берлин. Ей удалось достигнуть района Потсдама и тем самым пробить защитникам Потсдама и 9-й армии (генерал Буссе) путь на Запад. Вместе с ней шли огромные колонны беженцев. Но в то время как солдатам 9-й и 12-й армий, а также группе обороны Потсдама был разрешен переход через американскую линию фронта на Эльбе, американцы отказывали в этом переходе гражданским беженцам. Армия Венка делала все для того, чтобы как можно большее число их — незаметно для американцев — спаслось на Западе вместе с переходящими Эльбу солдатами. Но большая часть этих несчастных, которые находились в пути уже несколько недель, в результате этого бесчеловечного запрета в самый последний момент все же попала в руки русских.

Хуже чем 9-й и 12-й армиям пришлось отходившим солдатам группы армий Шёрнера. Основная масса их достигла американской линии. Но переход им по большей части разрешен не был. Напротив, их силой оружия сгоняли в кучу и передавали наступавшим на пятки русским. Так эти солдаты в самом конце войны, в которой они храбро выполняли свой долг, все же попали в многолетний русский плен или же погибли от голода и холода. 1 мая я воспротивился немедленному отходу этой группы. То было моей ошибкой. Разложение, которого я опасался при ее немедленном добровольном отступлении, оказалось неизбежным при более позднем отходе. Но с другой стороны, остался открытым вопрос, был бы солдатам Шёрнера при более раннем подходе к американской

линии фронта разрешен переход или в нем им было бы отказано уже тогда.

В районе Балтийского моря отступление солдат и беженцев полностью зависело от морских транспортов кригсмарине. Путь по суше был им прегражден русскими. За период с 23 января до 8 мая 1945 г. из Курляндии, Восточной и Западной Пруссии, а позже из Померании и частично Мекленбурга по морю на спасительный Запад было доставлено 2 022 602 человека. Эти рейсы совершались в условиях постоянной борьбы с англо-американской и русской авиацией, с русскими подводными лодками и торпедными катерами, а сами транспорты шли сквозь минные поля. Ужасна была при этом гибель транспортных кораблей «Вильгельм Густлов»* с 4 тыс. и «Гойя» — с 7 тыс. человек, а также госпитального судна «Штойбен» с 3 тыс. человек на борту. Но сколь ни болезненны были эти потери — а они составляли только 1 % перевозимых морем людей, — 99% их все же удалось надежно прибыть в морские гавани западной Балтики. Зато процент потерь беженцев на суше был значительно большим.

Из армии в Курляндии ввиду нехватки тоннажа и недостатка причальных стенок в порту Либау (Лиепая. — *Сост.*) удалось вывезти только незначительную часть.

9 мая 1945 г. в 0 часов прекратились все боевые действия на всех фронтах. В последнем приказе по вермахту от 9 мая говорилось:

«Начиная с полуночи смолкло оружие на всех фронтах... По приказу гросс-адмирала вермахт прекратил ставшую безнадежной борьбу. Тем самым закончена шестилетняя героическая схватка. Она принесла нам не только первоначальные великие победы, но и тяжкое поражение. Вермахт уступил в конце этой схватки мощной превосходящей силе.

Немецкий солдат, верный своей присяге, творил для своего народа незабываемые дела. Родина до самого последнего момента изо всех сил, принося тяжелейшие жертвы, поддерживала его. Беспрецедентные свершения фронта и тыла найдут свою окончательную оценку в справедливом суждении истории. Подвигам и жертвам немецких солдат на суше, на море и в воздухе не могут отказать в своем уважении и противники. Поэтому каждый солдат должен честно и гордо выпустить оружие из рук своих и в этот тяжчайший час нашей истории смело и с уверенностью приступить к труду во имя вечной жизни нашего народа.

Вермахт отдает в этот час почести оставшимся перед лицом врага камерадам. Погибшие обязывают нас сохранять безусловную верность, повиновение и дисциплину по отношению к истекающему кровью бесчисленных ран фатерланду».

* «Вильгельм Густлов» был потоплен известным советским подводником, впоследствии Героем Советского Союза, Александром Маринеско. *Примеч. сост.*

Эти слова по их основному содержанию я и сегодня считаю верными.

7 мая Фридебург и Йодль вернулись из штаб-квартиры Эйзенхауэра ко мне в Мюрвик. Фридебург захватил номер американской военной газеты «Старс энд страйпс» («Звезды и полосы». — *Сост.*). В ней были опубликованы снимки из германского концентрационного лагеря Бухенвальд. Они были кошмарны. Даже если мы и предполагали, что беспорядок на транспорте и в продовольственном снабжении могли способствовать обострению условий в концентрационных лагерях, все равно то, о чем свидетельствовали эти снимки, не могло быть оправдано ничем. Фридебург и я были глубоко потрясены. Подобное мы никогда не считали возможным. Но то, что такие мерзости были действительностью, и не только в Бухенвальде, мы в эти дни увидели и сами, когда во Фленсбург прибыл пароход с заключенными концлагерей. Состояние их вызывало ужас. Старший военно-морской начальник по фленсбургскому гарнизону немедленно принял все меры для обеспечения этих несчастных пищей и медицинской помощью. Мы задавали себе вопрос, как эти вещи, которые происходили посредине Германии, могли оставаться не замеченными нами.

В годы строительства военно-морского флота я до 1939 г. был заместителем по зарубежным походам командира крейсера «Эмден» и преобладающее время находился в море вместе с возникавшим германским подводным флотом. С начала войны я пребывал на своем военном командном пункте, по большей части на остфризском побережье, а потом за границей — в Париже и на Бискайском заливе. Эти командные пункты были военными оазисами. Контакты мои и общение с немецким населением были весьма ограниченны или же их вообще не имелось. Командование подводным флотом и его дальнейшее техническое развитие полностью поглощали меня. Из вражеских сообщений я получал только те, которые касались подводной войны. То, что вражеское радио, как и наше, направлялось и должно было направляться обусловленной войной пропагандой, не подлежало для меня никакому сомнению. Поэтому я не слушал ни то, ни другое.

И как главнокомандующий военно-морскими силами, после 1943 г., я тоже основное время находился на отдаленном командном пункте «Коралл» между Бернау и Эберсвальде, севернее Берлина. Во время своих посещений ставки фюрера я участвовал только в военных совещаниях и привлекался Гитлером лишь для решений по вопросам моей военно-морской области. Да я и сам занимался только ими.

То, что я узнал в те месяцы 1945 г., которые последовали за капитуляцией, и в 1946 г. о бесчеловечной стороне национал-социалистской системы, оказало на меня глубокое воздействие. Моя позиция по отношению к национал-социализму и лично Гитлеру была такова. Я вдохновлялся идеей народного сообщества в чисто национальном и социальном смысле слова, мысленно видя

возникшее на этой основе единство немецкого народа. Осуществленное благодаря Гитлеру объединение всех немцев в едином рейхе казалось мне воплощением древней германской мечты. Наша раздробленность уходила корнями в притязание на власть победителей по Вестфальскому договору, положившему конец Тридцатилетней войне [1618—1648]. Наши противники в Европе, которые сами уже к началу нового времени превратили свои нации в единые государственные образования, хотели, чтобы мы оставались слабыми и столетиями препятствовали нашему единству. Только национал-социалистскому государству удалось сломить все препоны.

Но теперь я отчетливо осознал темные стороны национал-социализма. Тем самым изменилось и мое отношение к созданной им государственной форме.

Глупо и не по-мужски не учиться на фактах. В своем последнем слове на Нюрнбергском процессе перед вынесением приговора я сделал из этого надлежащие выводы и сказал:

«Здесь много говорилось о заговоре, который будто бы существовал между обвиняемыми. Я считаю это политической догмой. Как таковая она не может быть доказана, ей можно только верить или отвергать ее. Но значительная часть немецкого народа никогда не поверит тому, что такой заговор и есть причина нашего несчастья. Пусть политики и юристы спорят об этом, они только затруднят извлечение немецким народом из этого процесса того урока, который имеет решающе важное значение для его отношения к прошлому и для формирования облика прошлого. Это — осознание того, что принцип фюрерства как политический принцип — ложен.

Принцип фюрерства наилучшим образом зарекомендовал себя в военном руководстве всех армий мира. На основании этого опыта я считал его правильным и в политическом руководстве. Особенно для народа в таком безнадежном положении, в каком находился немецкий народ в 1932 г. Большие успехи нового режима, никогда не ведомое дотоле чувство радости всей нации, казалось, подтверждали это.

Но если, несмотря на весь идеализм, на всю порядочность и на все самопожертвование немецкого народа, при помощи принципа фюрерства в конечном итоге не было достигнуто никакого иного результата, кроме как несчастье нашего народа, тогда принцип этот как таковой должен быть ложным. Ложным, поскольку человеческая натура явно не в состоянии использовать силу этого принципа во благо, не поддавшись искушению этой власти».

Когда я в майские дни 1945 г. узнал об условиях, царивших в концлагерях, я задал себе вопрос: что сам я мог сделать в этом отношении? С Гиммлером я, как уже упоминалось, расстался 30 апреля 1945 г. Более далеко идущий разрыв с ним, как я уже не раз подчеркивал, был тогда невозможен, ибо он еще имел в своих руках такие средства власти, как полиция, а я — никаких.

После полного занятия союзниками германской территории это положение изменилось. 6 мая я лишил Гимmlера всех его постов. В том, что я так запросто отпустил его, я раскаялся, когда в дальнейшем узнал об ужасах концлагерей. Ведь я считал, что это — дело самих немцев, что мы должны сами разобраться в этих бесчеловечных деяниях и привлечь виновных к ответу. Граф Шверин фон Крозиг и я были едины в подходе к этой проблеме. Он вскоре представил мне распоряжение, согласно которому Имперский суд должен был произвести расследование и наказание всех виновных в этих зверствах. Я послал этот текст с подробным докладом Эйзенхауэру и просил в нем с этой целью сделать работоспособным Имперский суд. Во время моего разговора с американским послом Мэрфи, политическим советником Эйзенхауэра, я еще раз решительно указал на это ходатайство и попросил о помощи. Он обещал мне поддержку. Но больше я ничего об этом деле не слышал.

Одновременно с моими размышлениями и мерами насчет наиболее благоприятных условий капитуляции начиная с 1 мая у меня стали появляться и соображения относительно образования общегерманского правительства. Мне было заранее ясно, что я нуждаюсь в советнике по политическим вопросам. Во внутривполитическом отношении будущее немецкого народа представлялось мне в самом мрачном свете. Как не допустить продовольственной катастрофы после того, как восточные области потеряны, а остальная Германия поделена между победителями? Удастся ли компенсировать продовольственное снабжение внутри отдельных зон? Как вновь наладить транспорт и хозяйство? Что надо сделать для ликвидации жилищной нужды? Как сформировать денежное обращение и нашу валюту? И прежде всего — как помочь беженцам? Как сможем мы включить эти дополнительные миллионы с германского Востока в и без того перенаселенной Западной Германии в народный организм и экономику?

Я твердо понимал, что эти затрагивающие весь немецкий народ вопросы требуют создания единого для всех четырех зон германского правительства. Уже по одной этой причине должны быть созданы соответствующие органы единого имперского правительства с участием специалистов, могущих предложить оккупационным державам свое сотрудничество. Прежде всего было необходимо спасти самое существование немецкого народа. Следовательно, мы со своей стороны должны быть готовы и в состоянии сделать этого все возможное.

Эти соображения, говорившие в пользу создания вспомогательного имперского правительства, приняли дальнейшую форму тогда, когда ко мне прибыл Шверин фон Крозиг. Наряду со своими задачами министра иностранных дел и министра финансов он получил общее руководство кабинетом и сформировал требующееся временное правительство. (...)

Ввиду весьма малой эффективности этого вспомогательного

кабинета встал вопрос, не должен ли я распустить его. Моя задача провести упорядоченную капитуляцию была выполнена. Хотя в Мюрвике я и жил в еще не занятом союзниками анклавом, я, разумеется, полностью находился в руках противника. Вся Германия была занята врагом. Он правил в ней. Самостоятельно действовать, как это еще было возможно при осуществлении капитуляции, я больше не мог.

Не более ли достойно было при таких обстоятельствах положить конец этому призрачному существованию? Иначе говоря, по собственной инициативе подать в отставку, вместо того чтобы ожидать совершенно неведомых мер победителей? То, что после осуществления капитуляции я не буду иметь никакой возможности действовать, меня, само собой разумеется, никак не воодушевляло. В первую очередь я считал, что должен уйти в отставку назначенный мною министром продовольствия Шпеер. (...) Мы должны, хотя противник сознательно выставляет нас на посмешище обществу, остаться: рейхспрезидент и его вспомогательное правительство символизируют единство рейха. При безоговорочной капитуляции капитулировал только вермахт. Германское государство существовать не перестало. Хотя я и ограничен в своих действиях, это ничего не меняет в том, что я являюсь главой государства — Германской империи. Даже вражеские государства признали это своим требованием предъявления данных мной полномочий представителями трех частей вооруженных сил вермахта при подписании капитуляции 8 мая. Поэтому моя отставка возможна только в том случае, если одновременно будет обеспечен мой преемник.

Я считал точку зрения графа Шверин фон Крозига правильной. Мое назначение я поначалу воспринимал так, что должен лишь закончить войну. Но теперь, как бы там ни было, я не смел уходить в отставку вместе со вспомогательным правительством. Тогда победители с полным правом заявили бы: раз компетентное для всех зон Германии имперское правительство сбежало, нам не остается ничего другого, как сформировать в отдельных оккупационных областях особые германские правительства и осуществлять суверенную власть в зонах через наши собственные военные администрации.

Уже по одной этой причине я не должен уступить силе; в противном случае я бы, по крайней мере в политическом отношении, формально стал бы орудием раскола Германии, существующего ныне. Итак, мой уход, добровольный отказ от моего признанного союзниками положения, означал бы ту политическую ошибку, которую я мог бы совершить после капитуляции.

Эти соображения не исключали того, что я и тогда и сегодня придерживаюсь взгляда, что одна только воля немецкого народа имеет значение для занятия высшего поста в государстве.

Итак, в мае 1945 г. я стремился сохранить свой пост до проведения выборов или же устранения меня с этого поста союзниками силой.

После общей капитуляции Мюрвик посетила союзническая контрольная комиссия под руководством американского генерал-майора Рукса и английского бригадного генерала Фурда. Немного погодя она была дополнена представителем России. Я пригласил обоих англосаксонских представителей на беседу о внутригерманской ситуации, продолжавшуюся целый час. Я сказал им, какие меры считаю необходимыми. То же самое я постарался разъяснить корреспонденту британской прессы мистеру Уорду. Этими беседами я хотел подкрепить переданные имперским вспомогательным правительством меморандумы. Я старался использовать каждую возможность действовать, чтобы помочь немецкому населению. Той же цели служили и мои предупреждения и предложения, касающиеся дальнейшего внешнеполитического развития в Восточной Европе. Они встречали мало понимания.

При моем общении с союзническими представителями на этих встречах те были сдержанны, но корректны. Мне оказывались международно практикуемые почести. Само собой разумеется, и члены моего кабинета, да и я сам отвечали той же сдержанностью, но я не заблуждался.

Начиная с середины мая мои личные встречи с представителями Контрольной комиссии прекратились. Вражеская пресса, а особенно советское радио, теперь занялись всюю «правительством Дёница». Русские подвергали меня сильным нападкам. Было ясно, что совместного для всех зон германского правительства они не хотят. Практиковавшееся до сих пор сотрудничество вспомогательного имперского правительства с англосаксонскими представителями в Мюрвике вызывало у них негодование.

Кажется, Черчилль первоначально противился моему смещению. Он хотел использовать меня в качестве «полезного инструмента», а также для передачи распоряжений немецкому народу; тогда англичанам не нужно будет «самим совать руки в этот муравейник». Черчилль придерживался точки зрения, что, в случае, если я окажусь полезным англичанам, с меня можно «списать» те военные преступления, которые я будто бы совершил как командующий подводным флотом. Эта установка Черчилля была в точности тем, чего я тогда и ожидал от совершенно холодно-расчетливой английской политики: использовать до тех пор, пока это будет отвечать их интересам.

Как кажется, затем 15 мая 1945 г. Эйзенхауэр выдвинул требование, чтобы в интересах дружбы с Россией я был убран.

22 мая 1945 г. мой адъютант и друг Людде-Нойрат сообщил, что руководитель союзной Контрольной комиссии пригласил меня вместе с Фридебургом и Йодлем следующим утром на корабль «Патрия», на котором размещалась эта комиссия. Моим ответом было: «Укладывать чемоданы!» Я не сомневался: настало время устранить нас путем пленения.

Когда мы прибыли к трапу «Патрии», картина была совершенно иной, чем при моих прежних посещениях Контрольной комис-

сии: ни английского подполковника, встречавшего внизу, ни отдающего честь часового. Зато целая куча фоторепортеров.

Поднявшись на «Патрию», Йодль, Фридебург и я заняли места по одну сторону стола; по другую сидели главы Контрольной комиссии: в центре — американский генерал Руке, рядом с ним — английский генерал Фурд и русский генерал Трусов. Чувствуя неотвратимость нашей судьбы, оба мои камерада и сам я были совершенно спокойны. Генерал Руке сделал заявление: по приказу Эйзенхауэра германское правительство и Верховное главнокомандование вермахта арестованы. С этого момента мы рассматриваемся в качестве военнопленных. Несколько неуверенно он спросил, не хочу ли я что-либо возразить. Я ответил: «Слова тут не нужны!»

Сегодня, бросая ретроспективный взгляд на свою деятельность в конце войны, я сознаю всю тщетность человеческого деяния. Лучшие намерения оказываются зачастую ложными или же осуществление их — ошибочным. Я весьма далек поэтому от того, чтобы считать, что все ожидания и все действия, которые я здесь обрисовал, при последующем рассмотрении следует считать правильными.

Но я и сегодня придерживаюсь той точки зрения, что был обязан перед своим народом взять на себя ответственность за окончание войны и в меру своих сил избежать хаоса. Удачная ступенчатая капитуляция спасла жизнь очень многим. Я благодарен судьбе за то, что мои действия принесли пользу при решении этой последней задачи. Решимость, с какой я тогда противостоял напору с Востока, насколько это вообще было в моей власти, диктовалась заботой о сохранении человеческих жизней.

Хотя я отвергал большевизм как форму жизни, мой образ действий в 1945 г. не может и не должен быть понят как моя позиция по вопросу о том, как в конечном счете Германия должна устроить свою жизнь между соседями с Востока и Запада.

Из книги: *Karl Donitz, Großadmiral. Zehh Jahre und zwanzig Tage. Bonn, 1958.*

На русском языке публикуется впервые

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие.</i>	5
ПРОЛОГ.	13
ЗЛОВЕЩИЕ ЗАМЫСЛЫ И ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ	87
ПОБЕДНЫЕ ФАНФАРЫ И ГОРЬКИЕ ИТОГИ.	271
ФИНАЛ	421